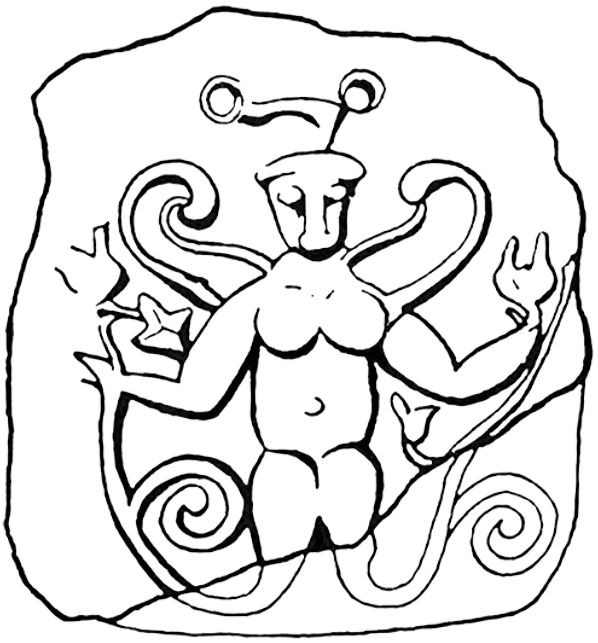
ISSN 2713-2021
Научный журнал

Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья

Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region

2022
№ 14

Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Причерноморья



№ 14

Нижневартовск
2022

Редакция

С.Ю. Сапрыкин — доктор исторических наук, профессор, МГУ им М.В. Ломоносова, главный редактор античного раздела
А.Г. Еманов — доктор исторических наук, профессор, ТюмГУ, главный редактор средневекового раздела
М.М. Казанский — Dr. habil. (History), Director of research work in the CNRS (UMR 8167 “The East and the Mediterranean Sea”), заместитель главного редактора
В.М. Лурье — доктор философских наук, Институт философии и права СО РАН, заместитель главного редактора
Д. Браунд — Dr. habil. (History), Professor, University of Exeter
А.И. Груша — доктор исторических наук, НАН Беларуси
М.Ю. Трейстер — Dr. phil. habil. (RUS), Deutsches Archäologisches Institut
А.А. Тюрк — Dr. habil. (History), Institute of Archaeological Sciences, Pázmány Péter Catholic University
Л.Г. Хрушкова — доктор исторических наук, профессор, МГУ им М. В. Ломоносова
Н.П. Тельнов — кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
В.Б. Панковский — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии энеолита — бронзового века ИА НАН Украины
М.М. Чореф — кандидат исторических наук, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, редактор-составитель, ответственный секретарь

Редакционный совет

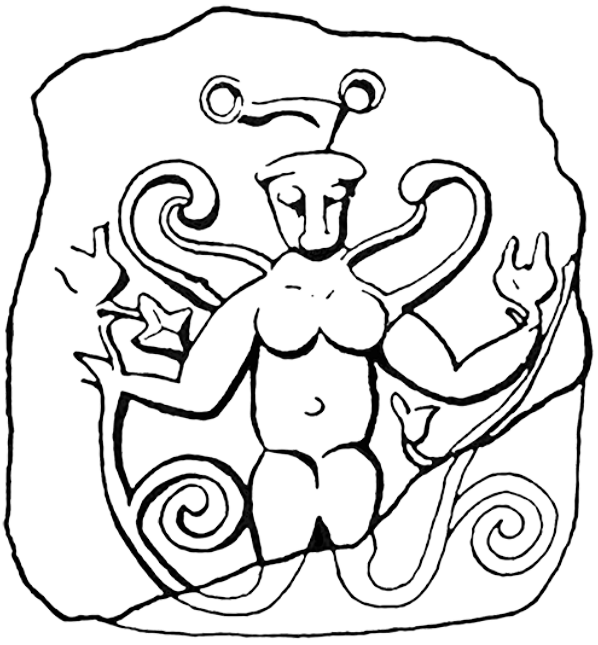
А.И. Иванчик — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИВИ РАН, научный руководитель Отдела изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, руководитель Центра античной и восточной археологии Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, Senior Research Fellow (directeur de recherche) at the CNRS, Senior Fellow of Institute for the Study of the Ancient World of New York University, Corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres), Deutsches Archäologisches Institut and of the Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, Institut Ausonius, Bordeaux, председатель постоянного редакционного совета
М.Д. Бухарин — доктор исторических наук, академик РАН, главный научный сотрудник ИВИ РАН, руководитель Центра истории древнего Востока ИВИ РАН, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Associazione Internazionale di Studi sul Mediterraneo e l’Oriente
М.Г. Абрамзон — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН
Ш. Альбрехт — Dr. habil. (History), Römisch-Germanisches Zentralmuseum Leibniz-Forschungsinstitut für Archäologie
Г.Г. Атанасов — доктор исторических наук, профессор, директор Археологического музея (г. Силистра, Болгария)
А.Н. Балаш — доктор культурологии, профессор, СПбГИК
Я.А. Бодзек — Dr. habil. (History), Institute of Archaeology, Jagiellonian University
Ю.А. Виноградов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН
Н.А. Гаврилюк — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела античной археологии ИА НАН Украины
П.Б. Голден — Dr. habil. (History), Professor, Rutgers University — New Brunswick
В.А. Дмитриев — доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории, Российский этнографический музей
И.В. Зайцев — доктор исторических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник ИВ РАН, старший научный сотрудник ИРИ РАН, руководитель Центра сравнительного изучения цивилизаций ИНИОН РАН
Л. Йованович — Dr. habil. (History), Professor, American Public University System
Ф. де Каллатай — Dr. habil. (History), Royal Library of Belgium, professor at the Université libre de Bruxelles, directeur d'études at the Ecole pratique des Hautes Etudes, Member of the Royal Academy of Belgium, of the Academia Europaea and a corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres)
А.К. Кушкумбаев — доктор исторических наук, профессор, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
Е.А. Молев — доктор исторических наук, профессор, ННГУ им. Н.И. Лобачевского
С.Ю. Монахов — доктор исторических наук, профессор, СГУ им Н.Г. Чернышевского
И.С. Прокопов — доктор исторических наук, профессор, Юго-западный университет «Неофит Рильский», президент Ассоциации болгарских музеев
Н.Д. Руссев — Dr. habil. (History), Professor, Университет «Высшая антропологическая школа»
Д.В. Сень — доктор исторических наук, профессор, ЮФУ
С.А. Скорый — доктор исторических наук, профессор, ИА НАН Украины
С.Б. Сорочан — доктор исторических наук, профессор, ХНУ им. В.Н. Каразина
И.Ю. Шауб — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН
С.В. Ярцев — доктор исторических наук, ТГПУ им. Л.Н. Толстого
С.А. Яценко — доктор исторических наук, профессор, РГГУ, МосГУ, Member of European Association of Archaeologists
Р.А. Рабинович — доктор истории, Университет «Высшая антропологическая школа»
С.С. Филипова — доктор истории, Региональный исторический музей «Академик Йордан Иванов»
П.Н. Петров — кандидат исторических наук, профессор РАЕ, Центральный государственный музей Республики Казахстан
Л. Пуббличи — PhD (History), Professor, Università degli Studi di Firenze
К. Ерк — PhD (Philology), Jamia Millia Islamia University
А.Л. Ермолин — PhD (History), Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa
М.А. Заразир — PhD (Archaeology), Sohag University
Э. Минева — PhD (Philology), National & Kapodistrian University of Athens
М.И. Носоновский — PhD, University of Wisconsin-Milwaukee

Адрес: ул. Омская, д. 38, оф. 187, г. Нижневартовск, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Россия 628602
Тел./факс: +7 (964) 170-96-41, **E-mail:** choref@yandex.ru, **Site:** maiask.ru

ISSN 2713-2021

© Издательство «Киммерия»
© ИП Мельник Н.В.

Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region



No. 14

Nizhnevartovsk
2022

Editorials Board

S.Yu. Saprykin — Dr. habil. (History), Professor, Lomonosov Moscow State University, Editor-in-Chief of the Ancient Section
A.G. Emanov — Dr. habil. (History), Professor, Tyumen State University, Editor-in-Chief of the Medieval Section
Michel Kazanski — Dr. habil. (History), Director of Research Work in the CNRS (UMR 8167 "The East and the Mediterranean Sea"), Deputy Chief Editor
Basil Lourié — Dr. habil. (Philology), Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chief Editor
David Braund — Dr. habil. (History), Professor, University of Exeter
A.I. Grusha — Dr. habil. (History), National Academy of Sciences of Belarus
M.Ju. Treister — Dr. phil. Habil. (RUS), Deutsches Archäologisches Institut
Attila Antal Türk — Dr. habil. (History), Institute of Archaeological Sciences, Pázmány Péter Catholic University
L.G. Khrushkova — Dr. habil. (History), Professor, Lomonosov Moscow State University
N.P. Telnov — PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University
V.B. Pankowski — PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine
M.M. Choref — PhD (History), Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Editor-in-Charge, Responsible Secretary

Editorial Advisory Board

A.I. Ivantchik — Dr. habil. (History), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Director of the Centre for Comparative Studies of Ancient Civilizations of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Senior Research Fellow (directeur de recherche) at the CNRS, Senior Fellow of Institute for the Study of the Ancient World of New York University, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, Chairman of the Editorial Advisory Board
M.D. Bukharin — Dr. habil. (History), Academician of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Director of the Centre for the History of the Ancient East of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Associazione Internazionale di Studi sul Mediterraneo e l'Oriente
M.G. Abramzon — Dr. habil. (History), Professor, Leading researcher of the Department of Classical Archeology of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
Stefan Albrecht — Dr. habil. (History), Römisch-Germanisches Zentralmuseum Leibniz-Forschungsinstitut für Archäologie
G.G. Atanasov — Dr. habil. (History), Professor, Director of Museum of Archaeology (Silistra, Bulgaria)
A.N. Balash — Dr. habil. (Cultural Studies), Professor, Saint Petersburg State Institute of Culture
Jarosław Artur Bodzek — Dr. habil. (History), Institute of Archaeology, Jagiellonian University
Yu.A. Vinogradov — Dr. habil. (History), Leading researcher of the Department of the History of Ancient Culture of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
N.A. Gavrilyuk — Dr. habil. (History), Leading Researcher of the Department of Ancient Archaeology of Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine
Peter Benjamin Golden — Dr. habil. (History), Professor, Rutgers University — New Brunswick
V.A. Dmitriev — Dr. habil. (History), Principal researcher, The Russian Museum of Ethnography
Ljubica Jovanovic — Dr. habil. (History), Professor, American Public University System
I.V. Zaytsev — Dr. habil. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Comparative Studies of Civilizations of the Institute of Scientific Information of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
François de Callataÿ — Dr. habil. (History), Royal Library of Belgium, Professor at the Université libre de Bruxelles, Directeur d'études at the Ecole pratique des Hautes Etudes, Member of the Royal Academy of Belgium, of the Academia Europaea and a corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres)
E.A. Molev — Dr. habil. (History), Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
S.Yu. Monakhov — Dr. habil. (History), Professor, Saratov Chernyshevsky State University
I.S. Prokopov — Dr. habil. (History), Professor, South-West University, President of the Bulgarian Museum Association
N.D. Russev — Dr. habil. (History), Professor, High Anthropological School University
D.V. Sen' — Dr. habil. (History), Professor, Southern Federal University
S.A. Skoryi — Dr. habil. (History), Professor, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine
S.B. Sorochan — Dr. habil. (History), Professor, Kharazin Kharkiv National University
I.Yu. Schaub — Dr. habil. (History), Leading researcher of the Department of the History of Ancient Culture of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
S.V. Yartsev — Dr. habil. (History), Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University
S.A. Yatsenko — Dr. habil. (History), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow University for the Humanities, Member of European Association of Archaeologists
S.S. Filipova — Doctor of History, Regional Historical Museum "Academician Yordan Ivanov", Kyustendil
R.A. Rabinovich — Doctor of History, High Anthropological School University
P.N. Petrov — PhD (History), Professor of Russian Academy of Natural Sciences, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan
Lorenzo Pubblici — PhD (History), Professor, Università degli Studi di Firenze
Kutluay Erk — PhD (Philology), Jamia Millia Islamia University
Alexander Iermolin — PhD (History), Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa
Mahmoud Ahmad Zarazir — PhD (Archaeology), Sohag University
Evelina Mineva — PhD (Philology), National & Kapodistrian University of Athens
Michael Nosonovsky — PhD, University of Wisconsin-Milwaukee

Address: 38 Omskaya Street, of. 187, Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra, Russia 628602
Tel./fax: +7 (964) 170-96-41, **E-mail:** choref@yandex.ru, **Site:** maiask.ru

ISSN 2713-2021

© Cimmeria Publishing
© IE Melnik N.V.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

А.М. Мамедов (*Алматы, Казахстан*), П.И. Шульга (*Новосибирск, Россия*). «Савроматское» захоронение с У-образными псалиями в верховьях р. Эмба ... 11
М.Ю. Трейстер (*Бонн, Германия*). Семиколенный курган у станицы Тульская с находками греческих бронзовых сосудов VI—V вв. до н.э. К вопросу о происхождении «Майкопского сокровища» ……. 41
О.А. Закордонец (*Тирасполь, Молдова*). Гривны из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья III в. до н.э. …….. 76
Mikhail Treister (*Bonn, Germany*), Andrey Chugaev (*Moscow, Russia*). Sources of metal of silver objects from burials of nomads of Asian Sarmatia of the 2nd century BCE — 3rd century CE after the results of archaeological and Pb-Pb isotopic studies ….. 85
Ю.А. Прокопенко (*Ставрополь, Россия*). Фибулы с эмалью второй половины I—III вв. из памятников Кабардино-Пятигорья ……... 140
А.А. Казарницкий (*Санкт-Петербург, Россия*), А.А. Строков (*Москва, Россия*). К вопросу об аланах в Крыму в эпоху Великого переселения народов ……... 155
А.А. Красноперов (*Ижевск, Россия*), Н.П. Тельнов (*Тирасполь, Молдова*), С.Д. Лысенко (*Киев, Украина*), С.Н. Разумов (*Тирасполь, Молдова*), В.С. Синика (*Тирасполь, Молдова*). Погребение постгуннского времени на левобережье Нижнего Днестра ……. 182
А.А. Строков (*Москва, Россия*), Д.А. Куприянов (*Москва, Россия*), Г.А. Камелина (*Москва, Россия*). Исследование древесины раннесредневековых артефактов из Крыма (по материалам могильника Чуфут-Кале) …….. 206
Pasha Pashazadeh (*Miyaneh, Iran*), Reza Rezalou (*Ardabil, Iran*), Hossein Alizadeh (*Miyaneh, Iran*). The Iron Age sites in the northern Area of Sabalan Mountain and current migration routes of the Shahseven tribes: a comparative study ……. 227
Ю.А. Виноградов (*Санкт-Петербург, Россия*), О.В. Григорьева (*Санкт-Петербург, Россия*), М.В. Медведева (*Санкт-Петербург, Россия*). Археологические работы Таманской экспедиции ГАИМК …….. 245

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

В.В. Степкин (*Павловск, Россия*), И.А. Смирнов (*Воронеж, Россия*). Письма из фонда Д.М. Струкова в РГИА как источник датирования Виа Долороза Калачеевской пещеры Воронежской области …….. 263

ИСТОРИЯ

С.В. Ярцев (*Тула, Россия*), В.Г. Зубарев (*Тула, Россия*), Р.М. Бобин (*Тула, Россия*). Восточный поход Нерона: новое решение старой проблемы ……. 273
М.А. Ведешкин (*Москва, Россия*). Семья и власть: размышления о династической политике Константина I …… 286
Л.Ф. Абзалов (*Казань, Россия*), М.С. Гатин (*Казань, Россия*), И.А. Мустакимов (*Казань, Россия*), Р.Ю. Почекаев (*Санкт-Петербург, Россия*). К истории обеспечения безопасности торговых путей в чингизидских государствах XIII—XIV вв. ……. 297

Д.П. Шульга (*Новосибирск, Россия*), Д.А. Ющенко (*Новосибирск, Россия*), Н.М. Тернов (*Астана, Казахстан*). Сравнение китайского и монгольского опыта отношений с Восточной Римской империей ……. 331

НУМИЗМАТИКА

Д.В. Андриевский (*Санкт-Петербург, Россия*). К каталогу варварских монетных подражаний в античной Таврике ……... 349

Д.В. Андриевский (*Санкт-Петербург, Россия*), М.М. Чореф (*Нижний Новгород, Россия*). Античные монеты, найденные близ пос. Почтовое (Крым), как исторический источник ……... 358

П.Н. Петров (*Алматы, Казахстан*), Н.А. Атыгаев (*Алматы, Казахстан*), Ж.М. Белтенов (*Алматы, Казахстан*). Кайалык в памятниках нумизматики Чингизидов ……... 369

П.Н. Петров (*Алматы, Казахстан*), А.К. Муктар (*Сарайчик, Казахстан*), Н.Х. Биккиняев (*Волжский, Россия*), А.Ж. Жумабаев (*Сарайчик, Казахстан*). Нумизматические находки в средневековом городе Сарайчук по результатам археологических исследований. Ч. I ……... 382

ЭПИГРАФИКА

М.М. Чореф (*Нижний Новгород, Россия*). К вопросу о цели посольства Наймана и Махеса в Рим, или к просопографии Понтийского царства …… 407

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

**М.М. Маммаев (*Махачкала, Россия*). Надмогильная стела XV в. из селения Аштынаселения Аштынаселения Аштынасел

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

A.M. Mammadov (*Almaty, Kazakhstan*), P.I. Shulga (*Novosibirsk, Russia*). A "Sauromatian" burial with У-shaped cheek-pieces discovered on the upper Emba river …… 11

Mikhail Treister (*Bonn, Germany*). Semikolennyy kurgan near the Cossack village Tul'skaya with the finds of Greek bronze vessels of the 6th — 5th centuries BCE. To the question of the origin of the "Maikop Treasure"…… 41

O.A. Zakordonets (*Tiraspol, Moldova*). Torques from the 3rd century BCE Scythian graves in the North-West Black Sea region …… 76

Mikhail Treister (*Bonn, Germany*), Andrey Chugaev (*Moscow, Russia*). Sources of metal of silver objects from burials of nomads of Asian Sarmatia of the 2nd century BCE — 3rd century CE after the results of archaeological and Pb-Pb isotopic studies ….. 85

Yu.A. Prokopenko (*Stavropol, Russia*). Enamel fibulae in Kabarda-Beshtau, 1st to 3rd century ……... 140

A.A. Kazarnitsky (*Saint Petersburg, Russia*), A.A. Strokov (*Moscow, Russia*). Revisiting the Alans in Crimea during the Migration Period ……. 155

A.A. Krasnoperov (*Izhevsk, Russia*), N.P. Telnov (*Tiraspol, Moldova*), S.D. Lysenko (*Kiev, Ukraine*), S.N. Razumov (*Tiraspol, Moldova*), V.S. Sinika (*Tiraspol, Moldova*). Post-Hunnic burial on the left bank of the Lower Dniester …….. 182

A.A. Strokov (*Moscow, Russia*), D.A. Kupriyanov (*Moscow, Russia*), G.A. Kamelina (*Moscow, Russia*). Xylotomical study of Early Mediaeval wooden artifacts from Crimea (based on materials from the necropolis of Chufut-Kale) …….. 206

Pasha Pashazadeh (*Miyaneh, Iran*), Reza Rezalou (*Ardabil, Iran*), Hossein Alizadeh (*Miyaneh, Iran*). The Iron Age sites in the northern Area of Sabalan Mountain and current migration routes of the Shahseven tribes: a comparative study ……. 227

Yu.A. Vinogradov (*Saint Petersburg, Russia*), O.V. Grigorieva (*Saint Petersburg, Russia*), M.V. Medvedeva (*Saint Petersburg, Russia*). Archaeological works by the Taman Expedition of the State Academy for the History of Material Culture …… 245

RELIGIOUS STUDIES

V.V. Stepkin (*Pavlovsk, Russia*), I.A. Smirnov (*Voronezh, Russia*). Letters from D.M. Strukov's fund in the Russian State Historical Archive and the dating of Via Dolorosa in Kalach caves, Voronezh Region ……. 263

HISTORY

S.V. Yartsev (*Tula, Russia*), V.G. Zubarev (*Tula, Russia*), R.M. Bobin (*Tula, Russia*). Nero's eastern campaign: new solution to the old problem …….. 273

M.A. Vedeshkin (*Moscow, Russia*). Family and Authority: Reflections on the dynastic policy of Constantine I …….. 286

L.F. Abzalov (*Kazan, Russia*), M.S. Gatin (*Kazan, Russia*), I.A. Mustakimov (*Kazan, Russia*), R.Yu. Pochekaev (*Saint Petersburg, Russia*). New historical insights on protection of the trade routes in Genghisids states, 13th to 14th century …….. 297

D.P. Shulga (*Novosibirsk, Russia*), D.A. Iushchenko (*Novosibirsk, Russia*), N.M. Ternov (*Astana, Kazakhstan*). The Comparison of Chinese and Mongolian experience in relations with the Eastern Roman Empire ……. 331

NUMISMATICS

D.V. Andriyevskiy (*Saint Petersburg, Russia*). Updating the catalog of barbarian coin imitations from Antique Taurica …….. 349

D.V. Andriyevskiy (*Saint Petersburg, Russia*), M.M. Choref (*Nizhny Novgorod, Russia*). Antique coins found near of the Poshtove village (Crimea) as a historical source …. 358

P.N. Petrov (*Almaty, Kazakhstan*), N.A. Atygayev (*Almaty, Kazakhstan*), Zh.M. Beltenov (*Almaty, Kazakhstan*). Qayaligh in the monuments of numismatics of the Chingizids …. 369

P.N. Petrov (*Almaty, Kazakhstan*), A.K. Muktar (*Almaty, Kazakhstan*), N.H. Bikkinyev (*Volzhsky, Russia*), A.Zh. Zhumabayev (*Almaty, Kazakhstan*). Numismatic finds in the Medieval Town of Saraychuq according to the results of archaeological research. Pt. I ……. 382

EPIGRAPHY

M.M. Choref (*Nizhny Novgorod, Russia*). Revisiting the purpose of the embassy of Naaman and Mahes to Rome, or to the prosopography of the Pontic kingdom ……. 407

ART HISTORY

M.M. Mammaev (*Makhachkala, Russia*). The 15th century grave stele from the village of Ashty — a highly masterful work of Islamic art in Mountain Dagestan 421

REVIEWS

A.G. Emanov (*Tyumen, Russia*). Book review: Shchavelev, A.S. 2020. Chronotope of the Rurikid Polity (911—987). Moscow: Akvilon ……..... 435

Abbreviations ……... 442

Submissions …….. 445

Археология

Archaeology

УДК 930/902(510)
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.88.49.001

А.М. Мамедов, П.И. Шульга

«САВРОМАТСКОЕ» ЗАХОРОНЕНИЕ С У-ОБРАЗНЫМИ ПСАЛИЯМИ В ВЕРХОВЬЯХ Р. ЭМБА*

Публикуются материалы из центрального погребения (№ 3) в кургане 1 могильника Жагабулак I, исследованного в 2021 г. археологической экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана и Актюбинского областного историко-краеведческого музея. Могильник расположен на малоисследованной территории между Южным Приуральем, плато Устюрт и Приаральем, и это придаёт материалам из кургана 1 ярко выраженный промежуточный, переходный облик, в котором запечатлелись особенности не только указанного пограничья, но и более отдалённых западных и восточных регионов. В этом отношении показательна уздечка с железными деталями из погребения 3. В её состав входили У-образные псалии, типологически соотносимые со специфическими бронзовыми У-образными псалиями, бытовавшими только в раннескифское время (VII — начало VI в. до н.э.) на ограниченной территории Алтая и Тувы. Удила имели петлевидные окончания, характерные для западной скифской узды, но не встречавшиеся в VI—III вв. до н.э. на востоке — на Алтае, в Южной Сибири, Синьцзяне и в других областях. Кроме того, удила и псалии в погребении 3 составляли неразъёмную конструкцию, принцип которой получил наибольшее распространение в Передней Азии и был известен с раннескифского времени в Приаралье. У-образные псалии из погребения 3 не являются переиспользованной деталью раннескифского времени. Они созданы в данном регионе не позднее середины VI в. до н.э. по ещё имевшим тогда хождение У-видным образцам восточного происхождения и использованы в связке с западными удилами. Наличие уздечки с У-образными псалиями указывает, вероятно, и на более ранние даты бытования колчанных наборов стрел, подобных найденным в погребении 3, в пределах, предположительно, середины VI в. до н.э.

Ключевые слова: прохоровская культура, ранние кочевники, Южное Приуралье, конское снаряжение, уздечка, У-образные псалии, удила.

Сведения об авторах: Мамедов Аслан Маликович[1], Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета Науки МОН РК; Шульга Петр Иванович[2], кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

Контактная информация: [1]50010, Казахстан, г. Алматы, ул. Шевченко 28, пр. Достык, д. 44, Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета Науки МОН РК; e-mail: mamedovaslan@mail.ru; [2]630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; e-mail: shulgapi55@yandex.ru.

A.M. Mammadov, P.I. Shulga

A “SAUROMATIAN” BURIAL WITH У-SHAPED CHEEK-PIECES DISCOVERED ON THE UPPER EMBA RIVER

In 2021, a chief grave (No. 3) was recovered in the burial mound No. 1 at the barrow field of Zhagabulak I by archaeologists of the A.Kh. Margulan’s Institute of Archaeology and by those of Aktobe Regional Museum of

* Работа выполнена в рамках ПЦФ на тему «OR11465466 «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», а также НИР ИАЭТ СО РАН Госзадание. Проект № 0329-2016-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Статья поступила в номер 20 июня 2022 г.
Принята к печати 10 июля 2022г.

© А.М. Мамедов, П.И. Шульга, 2022.

Local History. The Zhagabulak barrows are located within the frontier area at junction of the South Cis-Urals, the Ustyurt Plateau, and the Aral Sea Region. Until now, the research area was only explored on the limited basis. It is this particular spatial location which imparted an intermediate and transitional character to the materials discovered in the barrow No. 1. The artifacts found there seem to reflect peculiarities borrowed both from nearby lands and distant territories east and west of them. In this regard, the iron bridle set from the burial No. 3 is of special interest. It contains У-shaped cheek-pieces of a type corresponding to those bronze У-shaped cheek-pieces that were used in the Early Scythian times from the 7th until the early 6th c. BCE within a restricted area in the Altai and Tuva. The Zhagabulak horse bit bars have loop-shaped ends similar to those the western Scythian horse bits normally have had. On the other hand, loop-shaped horse bit bars have never been reported to occur from the contexts dated back to the 6th until the 3rd c. BCE in the Altai, in South Siberia, in Xinjiang, or elsewhere in the East. In addition to this, the mouthpiece and cheek-pieces from the burial No. 3 represent an all-in-one horse bit device of a type which was widely spread throughout Western Asia and has already been evidenced in the Aral Sea Region in the Early Scythian times. The У-shaped cheek-pieces discovered in the burial No. 3 could hardly be interpreted as reutilized bridle parts of the Early Scythian horse harness. In the area under study, cheek-pieces of this type have already been developed to be utilized with western horse bits as late as the mid-6th c. BCE. The invention was based on У-shaped cheek-piece type of eastern origin still useable in that time. The Zhagabulak horse bridle with У-shaped cheek-pieces may as well suggest an earlier date – roughly around the mid-6th c. BCE — for the quiverfuls of arrows, similar to those found in the burial No. 3.

Key words: Prokhorov culture, Early nomads, Southern Urals, Horse equipment, Bridle, У-shaped cheekpieces, bits.

About the authors: Mammadov Aslan Malikovich[1], Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan; Shulga Petr Ivanovich[2], PhD (History), Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: [1]50010, Kazakhstan, Almaty, st. Shevchenko 28, 44 Dostyk Ave., Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan; e-mail: mamedovaslan@mail.ru; [2]630090, Russia, Novosibirsk, 17 Academician Lavrentiev Ave., Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; e-mail: shulgapi55@yandex.ru.

Введение

Вопросы датирования археологических комплексов и происхождения культур относятся к наиболее значимым в археологии скифского мира. Актуальны они и для раннего этапа культуры ранних кочевников Южного Приуралья, обычно датируемого в рамках второй половины VI—V вв. до н.э.[1]. Важной особенностью Южного Приуралья является почти полное отсутствие захоронений раннескифского периода (VIII — начало VI в. до н.э.). К этому времени относится небольшое количество погребений и случайных находок (Смирнов 1961: 15—16; Исмагилов 1988; Гуцалов, Виноградов 2002: 377; Гуцалов 2004: 91—93, табл. 6). По имеющимся данным, основные пастбища и могильники ранних саков в VII — начале VI в. до н.э. концентрировались в Восточном Приаралье и Центральном Казахстане. В VI—V вв. до н.э. ситуация зеркально изменилась — Степи Приаралья и Центрального Казахстана постепенно обезлюдели, а в бассейнах рек Урал, Илек и Эмба появилось значительное

[1] Памятники этого времени в Южном Приуралье изучаются уже около 100 лет (Берлизов 2011). Предложено большое количество различных названий и хронологических схем (Мышкин 2010), но общепризнанного варианта не сложилось. В последние десятилетия этот период часто называют ранним этапом прохоровской культуры (Гуцалов 2007: 91; др.). Имеет место и отказ от использования понятия «археологическая культура». Так, Л.Т. Яблонский более продуктивным для Южного Приуралья полагал понятие «культурно-хронологический горизонт» (КХГ) в рамках Южно-Приуральской КИО (культурно-исторической общности). Интересующий нас период он назвал *фазой «А»* «савроматского» КХГ этапа культуры ранних кочевников Южного Приуралья, датируемого второй половиной VI — серединой V в. до н.э. (Яблонский 2015: 17).

количество захоронений, демонстрирующих связь с культурами Приаралья. Высокая степень сходства погребальной обрядности и вещевого комплекса двух регионов позволили высказать мнение о проникновении сакских племен на север и появлении культуры «савроматских племен» в Южном Приуралье в «готовом» виде в результате миграции (Пшеничнюк 1983: 128—129; Железчиков 1988: 59; 1994: 16; Железчиков, Пшеничнюк 1994: 6; Железчиков, Фалалеев 1996: 7; Таиров 2006: 76—78)[2].

Толчком к массовой миграции значительной части саков в Южное Приуралье считается давление Персидской державы на кочевников Приаралья в конце VI в. до н.э. (Таиров 1999; Гуцалов 2007: 91). По мнению А.Д. Таирова, этим можно объяснить известный вывод о появлении культуры ранних кочевников Южного Приуралья в «готовом» сложившемся виде (1999: 175). Такая взаимосвязь известных исторических событий с археологическими материалами вполне вероятна. Вместе с тем, определяемая А.Д. Таировым система сезонных перекочёвок приаральских саков, вполне допускает их проникновение в летнее время на пастбища в бассейнах рек Эмба и Илек уже в VII в. до н.э. В VI в. до н.э. эти пастбища, вероятно, всё чаще стали использовались как зимние, с устройством могильников, демонстрировавших право группы скотоводов на эти жизненно важные территории. В этом отношении несомненный интерес представляют погребения в кургане 1 могильника Жагабулак I, расположенного примерно посередине между Аральским морем и бассейном Илека (рис. 2а). В данной работе рассматривается центральное погребение 3, в котором найдена уздечка с уникальными железными У-образными псалиями, демонстрирующими опосредованные связи с Алтаем, а также указывающих на более раннюю дату инвентарного комплекса.

Описание материалов

В 2021 г. археологической экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана и Актюбинского областного историко-краеведческого музея на могильнике Жагабулак I в кургане 1 было обнаружено захоронение с предметами вооружения и своеобразным набором деталей узды, включающим уникальные железные У-образные псалии. Могильник Жагабулак I находится в Южном Приуралье, в 5 км к югу от одноименного села Жагабулак Мугалжарского района Актюбинской области Республики Казахстан, на правобережье р. Жем (Эмба)[3] (рис. 2а). Данный район располагается в южной части ареала прохоровской культуры, примерно в 300—400 км к юго-востоку от элитных захоронений V—IV вв. до н.э. в бассейне р. Илек (Смирнов 1975; Пшеничнюк 2012; Яблонский 2013; др.). В 300 км к югу расположено Аральское море, где были исследованы раннесакские могильники Уйгарак и Южный Тагискен VII—VI вв. до н.э. (Вишневская 1973; Итина, Яблонский 1997). Комплексы раннего железного века в верховьях р. Жем слабо изучены, но разведками там выявлено значительное количество могильников, включающих крупные курганы.

Могильник Жагабулак I состоит из четырех земляных курганов (№№ 1—4) и других археологических объектов (рис. 1, 2б). В ходе раскопок были получены разновременные материалы эпохи раннего железа и средневековья. Курган 1 находился в юго-западной части могильника на краю цепочки из четырёх курганов, протянувшейся на 142 м к северо-востоку (рис. 2б). Насыпь кургана состояла из нескольких слоёв суглинка, перекрытых сверху слоем

[2] Помимо этого, отмечается сильное влияние скифской культуры Северного Кавказа, возможно связанной со скифами, вернувшимися из Передней Азии в первой половине 6 в. до н.э. (Таиров 2000: 18; Гуцалов 2007: 90—91).

[3] Река Эмба — один из основных водных артерий Актюбинской области, берущей начало в Муголжарских горах и некогда впадавшая в Каспийское море. Среди местного населения чаще всего употребляется название Жем.

колотых камней. Диаметр насыпи 31 м, высота 1,8 м. Курган по основанию опоясывал круговой ров шириной до 6 м и глубиной 0,2—0,6 м. По центру кургана над могильной ямой основного погребения 3 наблюдалась незначительная воронка. Под насыпью выявлен вал округлой в плане формы из суглинка, устроенный по основанию на уровне погребенной почвы. Во внутреннем пространстве вала расчищен слой перегноя (дерева и коры?), также покоившийся на погребенной почве. В центральной части кургана зафиксирован второй кольцевидный в плане вал из суглинка, выброшенного из могилы. На могильном выкиде прослеживались деревянные плахи перекрытия. Под курганом выявлены три погребения: центральное погребение 3, и расположенное в 3 м к юго-западу погребение 2 с подхоронением лошади в дромосе (рис. 3). Погребение 2 было перекрыто органическим настилом и частично внешним грунтовым валом, из чего следует, что оно было совершено ещё до сооружения вала и настила, вскоре после центрального погребения 3. Помимо этого, над погребением 2 обнаружено впускное погребение 1, содержавшее безынвентарное захоронение человека. Его датировка и культурная принадлежность не ясны.

Погребение 3 находилось по центру кургана. Могильная яма имела деревянное перекрытие, плахи которого, опирались на могильный выкид. Большая часть перекрытия провалилась в могилу, а в центральной части оно было частично разрушено. Могильная яма прямоугольной формы, размерами на уровне материка 2,9 × 3,4 м, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Стенки ямы ко дну постепенно сужались. Длина могилы по дну 3,08 м, ширина 2,16 м, глубина от уровня залегания могильного выкида 2,25 м. В заполнении могилы встречены костяная ворворка, две бронзовые пронизки (рис. 8: *6, 7*), а также два бронзовых фрагмента с остатками накипи корродированного железа. Последние могли быть частями крупной ворворки или чаши.

Кости человека в могиле отсутствовали[4]. Явных нарушений заполнения могилы 3 и у её дна не зафиксировано. Механических разрушений предметов или их перемещений не отмечено. Все изделия располагались на дне могилы. Кинжал лежал по центру могилы, как если бы он находился при воине. При этом покрытая золотой фольгой сторона ножен была обращена вверх. По всей видимости, в погребении был устроен кенотаф. Предполагаемый в погребении 3 умерший, ориентировался головой на юго-запад. На это указывает следующее:

1) В непотревоженном соседнем погребении 2 сохранившихся фрагмента черепа и зубы человека лежали у южной стенки могилы;

2) Преобладающая ориентация умерших в верховьях Илека в VI—V вв. до н.э. — в юго-западный сектор;

3) Инвентарь располагался также в соответствии с юго-западной ориентацией человека. Три керамических сосуда с железным ножом обнаружены «в головах» (в западном углу могилы), а бронзовый котёл — «в ногах» (в противоположном юго-восточном углу могилы).

По центру могилы лежал железный кинжал с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. Клинок в сечении линзовидный. Общая длина кинжала 36,6 см (рис. 4, 5, 7: *1*, 8: *1*). Навершие и перекрестие кинжала, а также лицевая сторона не сохранившихся ножен плакированы листовым золотом. Бронзовый котёл с бокаловидным туловом и воронковидным поддоном стоял верх дном (рис. 6). Тулово котла деформировано, поддон имеет разрыв. В верхней части тулова просматривается следы литейных швов. Высота котла 26,5 см, диаметр по венчику 23,6 см (рис. 8: *5*). К западу и юго-западу от котла зафиксировано два комплекта деталей конского снаряжения. Комплект № 1 располагался в

[4] Нужно отметить, что в соседнем не потревоженном погребении 2 кости человека плохо сохранились, но всё же зафиксированы фрагменты черепа и несколько зубов.

10 см к юго-западу. В нём найдено подпружная пряжка, два подпружных блока (рис. 7: *4—6*, 10: *1—3*), четыре малые бронзовые ворворки, две бляшки со щитком в виде свастики и подпрямоугольной петлей (рис. 7: *8*, *13—16*, 10: *4—7*), одна наносная (?) подвеска в виде фигуры птицы (рис. 7: *7*, 10: *8*). Комплект № 2 находился примерно в 40 см к западу от котла и от первого комплекта. Он включал подпружные пряжку с блоком и три бронзовые ворворки (рис. 7: *2, 3, 10—12*, 10: *11—15*).

В южном углу могилы расчищены колчанный набор № 1 с бронзовыми (133 экз.) и железными (8 экз.) наконечниками стрел с остатками деревянных древков. Острия наконечников были направлены на восток к стенке могилы. Древки наконечников стрел частично перекрывались железными деталями уздечки, включавшими У-образные псалии с удилами, однотипные пронизки (около 72 экз.), двоители (2 экз.) и распределитель с двумя прикипевшими пронизками (рис. 11: *1—6*). Там же находились три разнотипных сравнительно крупных железных изделия длиной около 9—10 см, не находящих места в известных уздечных наборах. Не исключено, что три отмеченных выше предмета имели отношение к фурнитуре колчана и прилегающим к нему ремням. Один из них похож на фрагмент крючка (или рукоять ножа с выступом—застёжкой). Другой представляет сильно корродированную пластинку с тремя одинаковыми полукруглыми выемками на одной стороне. Третий предмет похож на звено удил с муфтой на грызле (рис. 8: *13*).

Севернее колчанного набора № 1 находились в комплекте колчанная ворворка—застёжка отверстием вниз и колчанный крючок (рис. 8: *10, 11*). Ворворка бронзовая чашевидной формы, по центру имеет отверстие. Снаружи изделие плакировано листовым золотом, вероятнее всего, изображающим фигуру животного (хищника?). Плохая сохранность не позволяет конкретизировать вид животного, просматривается только туловище и конечности. Высота ворворки 3,4 см, диаметр — 6,6 см. Колчанный крючок массивный, длиной 11,3 см. Изготовлен из железного штыря с согнутым окончанием и приваренной (?) петлей на широкой спинке. Длина изделия 11,4 см.

У юго-западной торцевой стенки выявлен колчанный набор № 2, содержавший 85 наконечников стрел (84 бронзовых и один железный), обращённых остриями на юго-восток. У некоторых наконечников частично сохранились деревянные древки стрел. Над наконечниками сохранились фрагменты кожи от колчана. В 30 см к северо-востоку от колчанного набора найден фрагмент железного изделия, вероятно, фрагмент ещё одного колчанного крючка. Представляет собой железную пластину с выступом, сужающая часть которой не сохранилась. Длина изделия 8 см, ширина 2,5 см (рис. 8: *12*). Здесь же располагалась небольшая каменная плитка (рис. 8: *9*).

В западном углу могилы находилось три лепных плоскодонных керамических сосуда. Сосуды № 1 и № 2 сохранились в развалах. Сосуд № 1 горшковидный, с остатками вертикальной ручки. Примерная высота сосуда 17 см, диаметр дна — 9,2 см (рис. 8: *3*). Форма сосуда № 2 достоверно не восстанавливается. Возможно он был несколько выше и не имел ручки (рис. 8: *2*). Сосуд № 3 сохранился почти полностью, но несколько деформирован. Подобно котлу он стоял верх дном. Под венчиком и на тулове отмечены остатки вертикальной ручки. Поверхность сосуда красная, тесто в изломе темно-серое. Высота 15,6 см, диаметр по венчику 12 см, по дну — 9,7 см (рис. 8: *4*). Рядом с сосудами найден железный черешковый нож. Его сохранившаяся длина 12,8 см (рис. 8: *8*).

Обсуждение результатов

Материалы кургана 1 могильника Жагабулак I представляют большой научный интерес. Погребальный комплекс выявлен на малоисследованной промежуточной территории, между Южным Приуральем, плато Устюрт и Приаральем. Соответственно, там могут быть получены новые данные о взаимодействии культур в регионе и миграционных процессах в VI в. до н.э. Так, устройство под насыпью кургана кольцевых валов и использование деревянных конструкций характерны прежде всего для погребальных комплексов Южного Приуралья (Смирнов 1964: 85—89; Гуцалов 2007: 92, рис. 2: *1*, 3: *1*, 4: *1*; 2010; 2011а; 2011б, с. 169; Гуцалов, Мамедов 2021; Смаилов, Сейткалиев 2009: 178—180; Байпаков, Сейткалиев 2011: 199—200). Помимо этого, прослеживаются аналогии с культурой ранних саков в Восточном Приаралье, а обнаружение в погребении 3 У-образных псалиев указывают и на опосредованные связи с майэмирской культурой на Алтае VII — первой половины VI в. до н.э.

Согласно сложившимся к настоящему времени датировкам, обнаруженные в погребении 3 наборы бронзовыхе наконечников стрел датируются второй половиной (концом) VI — началом V в. до н.э. Более ранними закономерно считаются наборы, включающие втульчатые двухлопастные наконечники. В погребении 3 к таковым относится лишь один экземпляр с лавролистной головкой из набора № 1 (рис. 9: *23*). Вместе с тем, в каждом наборе представлены трёхгранные и трёхгранно-трёхлопастные наконечники, в том числе с вильчатыми (зубчатыми) вырезами в основании бойка (12 экз. в наборе № 1 и 6 экз. в наборе № 2) (рис. 9: *17—22, 24—29*). Все они присутствуют на Южном Урале и восточных территориях в колчанных наборах VI в. до н.э. и даже второй половины VII в. до н.э. В обоих колчанах преобладали сравнительно массивные трёхлопастные наконечники со сводчатой головкой и выступающей втулкой (рис. 9: *1—6, 32—38*). В наборе № 1 их почти половина — 67 из 141 экз. (47,5%), и в наборе № 2 — 57 из 85 экз. (67%). Длина наконечников от 1,4 см до 4,7 см, в среднем, около 3,4 см. Второе место по численности занимают трёхлопастные сводчатые со скрытой втулкой и опускающимися ниже втулки жальцами (шипами). В наборе № 1 их 30 из 141 экз. (21,3%) и в наборе № 2 — 14 из 85 (16,5%) (рис. 9: *7—10, 39—42*). Следует отметить нетипичную для Южного Приуралья группу из шести трёхлопастных наконечников с ассиметрично-ромбовидной головкой и короткой выступающей втулкой в наборе № 1 (рис. 9: *11—16*). Похожие трёхлопастные наконечники с шипами и без шипов VII—VI вв. до н.э. известны в Причерноморье в (Мелюкова 1964: рис. 1, типы 1, 2; табл. 6), но они, как правило с длинными втулками, и плечо на лопасти у них не столь явно выражено. Своеобразны и два крупных наконечника из набора № 2 (рис. 9: *43, 44*). Они похожи на наконечники типа 3 по К.Ф. Смирнову «со сводчатой головкой, кососрезанными внизу лопастями и выступающей втулкой» (Смирнов 1961: 45, табл. II: *11, 12*). Такое сочетание наконечников обычно присуще для памятников середины VI—V вв. до н.э. (Смирнов 1961: табл. 1—5; Гуцалов 2004: табл. 10: *12—13*). Помимо этого, в набор № 1 входило 8 железных наконечников, в том числе пять крупных втульчатых пулевидных длиной около 4,5—5 см и один трёхлопастной со сводчатой головкой и выступающей втулкой (рис. 9: *30, 31*). Железные наконечники для колчана кочевников середины VI—V вв. до н.э. не типичны и встречаются как правило в небольших количествах. Единственным исключением являются находки с кургана у с. Сара, где зафиксировано около 50 железных наконечников (Смирнов 1961: 61, 70, рис. 22: А: *1—16*).

Железный кинжал относится ко 2-му типу I-го отдела, для которого характерно сочетание бабочковидного перекрестия и брусковидного навершия. Такого рода изделия

появляются уже в VII в. до н.э.[5], а серия кинжалов с обоймочкой под навершием на Южном Урале и в Казахстане датируется «в рамках VII — первой половины VI вв. до н.э.» (Таиров 2007: 145). В основной массе аналогичные типы кинжалов и мечей датируются не позднее V в. до н.э. (Смирнов 1961: 10—15, рис. 1). На территории Западного Казахстана известны две находки клинкового оружия, украшенные листовым золотом. Оба происходят с погребальных комплексов элиты бассейна р. Урал и Илек. Первый был обнаружен на левобережье р. Илек в кургане 4 могильника Бесоба. Акинак, как и в нашем случае, имел брусковидное навершие и бабочковидное перекрестие. Рукоять и перекрестие украшало листовое золото. Второй экземпляр найден кургане 18 могильника Кырык-Оба II. От изделия сохранилось только перекрестие, плакированное золотой фольгой. Обе находки отнесены к концу VI—V вв. до н.э. (Кадырбаев 1984: 8, рис. 1: *47*; Гуцалов 2010: 61—62, 64, рис. 5: *3*).

С колчаном связана крупная бронзовая ворворка чашевидной формы с отверстием по центру, плакированная листовым золотом. Связь этих изделий с колчанами (горитами) была давно замечена по их расположению в погребениях и на изваяниях, но они рассматривались как украшения (Смирнов 1961: 34; Ольховский, Евдокимов 1994: 73; Яблонский, Рукавишникова 2007: 18, рис. 9). Однако, находки на Алтае показали, что «колчанные ворворки (бляхи) служили своеобразными пуговицами, удерживающими ремешок, на котором подвешивался колчан (горит).» (Кубарев, Шульга 2007: 109)[6]. В скифском мире эти функциональные изделия появляются в виде трапециевидных в сечении ворворок в VI в. до н.э. В частности, такая ворворка обнаружена в кургане 53 Южного Тагискена (Итина, Яблонский 1997: рис. 44: *3*). У «савроматов» они распространяются несколько позднее — в конце VI—V вв. до н.э., (Смирнов 1961: 75, рис. 42: *2*; Мамедов, Китов 2015: 25, рис. 4: *48*). Колчанные крюки по типологии С.Ю. Гуцалова относятся к III и IV типам и в основной массе обнаружены в погребениях конца VI—V вв. до н.э. (Гуцалов 2004: 32, табл. 17). Несколько позже с V в. до н.э. датируются бронзовые котлы (Смирнов 1964: 128—131; Демиденко 2008: 15—16, рис. 6) и некоторые другие изделия из погребения 3. Однако погрешности датирования по аналогиям инвентарю и по С14 (гальштатское плато) не позволяют с уверенностью определять узкие хронологические рамки бытования тех или иных изделий. В этом нас убеждает и анализ деталей уздечки с У-образными псалиями.

Конское снаряжение

Детали конского снаряжения располагались в трёх скоплениях, вероятно, представлявших три обособленных комплекта. Два из них находились в восточной части могилы у бронзового котла на расстоянии 40 см друг от друга (рис. 4).

Комплект № 1. Включал подпружную пряжку с двумя шпеньками на одной стороне (рис. 7: *4*, 10: *1*) и два блока, из которых один был со шпеньком (рис. 7: *5*, 10: *2*, *3*). Там же компактно лежали четыре малые бронзовые ворворки (диаметр в основании 1,5—1,8 см, высота 1,2—1,7 см), а чуть в стороне — две бляшки со щитком в виде свастики и подвеска в виде фигуры птицы (рис. 7: *7—9*, *13—16*, 10: *4—10*). Составлявшие двучастную застёжку пряжка и блок имели на рамке по одному выступу в виде овальных щитков, в основании

[5] Например, железный кинжал с бабочковидным перекрестием происходит из кургана 26 в Уйгараке, датируемого сбруйным набором не позднее начала VI в. до н.э. (Вишневская 1973: табл. VIII: *6*).

[6] После ознакомления с алтайскими материалами Л.Т. Яблонский также допустил участие таких ворворок «в креплении горита к ремню портупеи.» (Яблонский 2013: 31).

которых находились одиночные шпеньки[7]. Посредством этих шпеньков они крепились на подпружных ремнях. Размеры пряжки и блока около 8 × 7 см. Особенностью пряжки и блока являются щитки, почти не встречающиеся на Южном Урале в VI—V вв. до н.э., но характерные для сбруйных наборов раннескифского времени Уйгарака и Южного Тагискена (Вишневская 1973: табл. I: *19*, табл. II: *1, 2*, табл. V: *19, 20* и др.; Итина, Яблонский 1997). Правосторонний блок имел форму кольца диаметром около 6 см без штифтов[8].

Комплект № 2. Включал подпружные пряжку с блоком и три бронзовые ворворки (диаметр в основании 1,7—2,0 см, высота около 1,7 см), (рис. 10: *13—15*). Пряжка и блок имели форму колец диаметром 6,0—6,5 см. На противоположных концах пряжки с двух сторон имелось по шпеньку высотой около 1,5 см (рис. 10: *12*). На блоке в желобке имеется основание зашлифованного обломившегося или недолитого шпенька (рис. 10: *11*).

Все подпружные пряжки и блоки комплектов №№ 1 и 2 бронзовые, желобчатые, кольцевидные. За единичным исключением шпеньки на пряжках устраивались в желобке на оборотной стороне, что характерно для Южного Приуралья. Вместе с тем, каждый из комплектов имел свою специфику. В комплекте № 1 пряжка и блок имеют нестандартные щитки, а пряжки с двумя шпеньками в комплектах относятся к разным типам.

Третье скопление находилось в южном углу могилы на колчане № 1 со стрелами. В **комплект № 3** достоверно входили железные детали уздечки: железные удила с двумя У-образными псалиями; пронизки в виде несомкнутых колечек (ок. 72 экз.); цилиндрический распределитель с двумя прикипевшими пронизками; два своеобразных двоителя с тремя отверстиями в каждом (рис. 11: *4, 5*). На псалиях и распределителе прослеживались остатки плакирования золотой фольгой. Реконструируется прилегающая к псалиям часть уздечки с раздваивающимся у псалия суголовным ремнём и распределителем. Судя по большому количеству пронизок, покрывавших ремни длиной около 80 см, помимо обязательных суголовного и подбородного ремней имелся наносный (рис. 11: *7*). Необычными являются только изделия с тремя отверстиями. Однако, благодаря сохранившимся стандартным пронизкам, прикипевшим на концах одного из них (рис. 11: *5*), можно определить их как уздечные двоители.

В целом устанавливается комплектность и назначение остатков снаряжения в двух скоплениях у котла (комплекты №№ 1 и 2). Судя по имеющимся реконструкциям сёдел на Южном Урале с двучастной застёжкой (подпружные пряжка и блок) на левом боку лошади (вариант 1), и с такой же застёжкой, но дополненной кольцом на правой стороне (вариант 2), каждое из этих скоплений маркирует одно седло. Комплект № 2 указывает на первый вариант, а комплект № 1 — на второй. Нужно отметить, что в обоих вариантах устройство подпруги было идентичным, только в первом варианте на правом боку лошади подпружный

[7] Понятие двучастная застёжка введено в оборот Е.В. Степановой, достоверно установившей способ застёгивания подпруги на левом боку лошади при помощи пряжки и блока в снаряжении пазырыкской культуры V—III вв. до н.э. (Степанова 2006, рис. 12: *1, 2*). При этом Л.В. Степанова расположила пряжку внизу (на подпруге), а блок вверху (на приструге). По данным П.И. Шульги их положение было обратным. Начиная с VII в. до н.э. пряжки в снаряжении с Алтая располагались на широком верхнем подпружном ремне (приструге), а блоки — на сравнительно узком нижнем подпружном ремне (рис. 12: *1, 2*) (Шульга 2008: 32—43). К такому же выводу пришла и М.А. Очир-Горяева на основе анализа взаиморасположения «блях-пряжек» и «блях-петель» на костяках лошадей в Южном Приуралье. Исследователь заключила, что их расположение было «противоположным указанному в реконструкции Е. Степановой.», и что «… не подпруга вдевалась в петлю приструги, а наоборот, приструга вдевалась в петлю бляхи, находящейся на подпруге …» (Очир-Горяева 2012: 269).

[8] Пряжки с двумя штифтами на внутренней стороне, типа имевшейся в комплекте № 1 (рис. 10: *1*), обычно считаются правосторонними «одночастными» застёжками (Очир-Горяева 2012: 264; Мышкин 2018: 43, 47). Не исключено, что двучастная застёжка включала два блока (рис. 10: *2, 3*), а пряжка с двумя шпеньками находилась справа. Так или иначе, конструкция из трёх подпружных «пряжек» при этом сохраняется.

ремень соединялся с пристругой (верхним подпружным ремнём) узлом, а во втором они соединялись посредством кольца. Последний способ представляет несомненный интерес, поскольку непосредственно следует раннескифской традиции Казахстана и Южной Сибири, согласно которой на правом боку лошади нижний подпружный ремень соединялся с верхним подпружным ремнём (пристругой) при помощи бляхи—застёжки (рис. 12: *3*) (Шульга, Шульга 2004; Шульга 2008: 43, рис. 11; Степанова 2006: 111). В VI в. до н.э. в Южном Приуралье эти бляхи—застёжки были заменены на кольца и фигурные бляхи (Степанова 2006: рис. 2: *9, 10*; Очир-Горяева 2012: 266; Мамедов 2016; Мышкин 2018: 42—43). В каждый комплект входили компактно расположенные малые ворворки (3 экз. и 4 экз.). Об использовании таких мелких ворворок в уздечной фурнитуре нет достоверных данных[9]. На Алтае такие малые ворворки зафиксированы в поясной фурнитуре и костюме в VII—VI вв. до н.э. как застёжки и украшения. В комплектах №№ 1 и 2 они могли применяться таким же образом, но в виде подвесок на седле и седельных ремнях.

Обнаружение в захоронении 3 деталей двух подпруг и одной уздечки, теоретически может указывать на седло с двумя подпругами. Подобная конструкция зафиксирована в бытой сбруе нашего времени у пастухов на западе Казахстана (рис. 13) (Мамедов 2016, рис. 3, 4). Однако, в сбруйных наборах скифского времени двойные подпруги не известны, и вероятность нахождения в погребении 3 седла с двумя подпругами крайне мала.

Назначение в сбруе трёх обособленно лежавших бронзовых бляшек с петельками на обороте из комплекса 1 не вполне ясно (рис. 10: *8—10*). Они могли относиться к неизвестной нам уздечке с бронзовыми деталями. Принадлежность их к уздечке с У-образными псалиями маловероятна, поскольку там детали выполнены из железа (в том числе и плакированными золотом псалиями и распределителем) и в ином стиле.

Узда с железными У-образными псалиями (рис. 11: *1—7*)

У-образные псалии и удила с петельчатыми окончаниями

Представляли собой неразъёмную конструкцию, подобно цельнолитым бронзовым из Уйгарака (Вишневская 1973: табл. VIII: *5*) и Южного Тагискена (Итина, Яблонский 1997: рис. 47: *9*). В этом их принципиальное отличие от уздечки раннескифского времени с У-образными псалиями, у которой удила могли сниматься и надеваться на отростки псалиев (рис. 11: *8*). В неразъёмной конструкции из погребения 3 основная часть коленчатого отростка вместе с петелькой становилась излишней, и сохранялась лишь как дань традиции.

Псалии сохранились в рабочем положении с удилами. Высота псалиев одинакова — 21,5 см, общая длина по хорде 23 см. В результате произошедшей коррозии существенно увеличена толщина стержней, уменьшены размеры отверстий, несколько искажены пропорции. Однако, конструкция псалиев хорошо прослеживается, и можно заключить, что изначально оба псалия были почти одинаковы. По классификации бронзовых У-образных псалиев с Алтая и Тувы они относятся к псалиям с завершениями на концах. В рабочем положении эти псалии, вероятно, располагались, развилкой вниз, как и предшествовавшие им У-образные бронзовые (рис. 11: *8—9*) (Шульга 2008: 59, рис. 36: *2*). Каждый псалий состоит из основного стержня и параллельного ему коленчатого отростка длиной около 10,5 см с перемычкой длиной не более 1,5 см. Стержни несколько уплощены с боков, и изначально размеры их в сечении составляли около 1,5 × 1 см (рис. 11: *1а*). На основном стержне каждого псалия с внутренней стороны

[9] В уздечках скифского времени достоверно функциональной была только одна сравнительно крупная полая ворворка. Она служила застёжкой концов суголовного ремня, соединявшегося на затылке лошади.

имеется две полукруглые петельки, незначительно выступающие в сторону удил. Такое расположение петелек встречается редко, но известно в Уйгараке (Вишневская 1973: табл. XII: *17, 18*). Петельки были рассчитаны на пропускание уплощённых щёчных ремешков, и отверстия в них имели овальную форму первоначальными размерами около 9 × 7 мм. Расстояние между петельками около 8 см. На левом псалии коленчатый отросток отходил от основного стержня посередине между петельками (рис. 11: *1*), на другом — чуть ниже середины (рис. 11: *2*). В отростках псалиев имелось по одной петельке, расположенной на том же уровне, что и на основном стержне. Как и у бронзовых У-образных псалиев в верхней части отростков имелись выступы, блокирующие внешние окончания удил, жёстко зафиксированных на перемычках (рис. 11: *1а, в*).

Удила. Фиксировались внешними петлевидными окончаниями на перемычках псалиев (длина перемычек не более 1,5 см) между стержнем и отростком. Длина полностью сохранившегося левого звена удил изначально составляла около 13,5 см, а диаметр грызла менее 1 см. Общая длина удил равнялась примерно 26 см. Окончания удил петлевидные. Внешние окончания отличаются предельно малыми размерами. Отверстия в них были лишь немногим больше диаметра перемычек, на которых они находились. Даже с учётом изначально меньшей высоты выступов на коленчатых отростках, внешние окончания удил не могли быть надеты на перемычки через отростки, как это делалось в раннескифское время (см. рис. 11: *1а и 8*). Очевидно, что внешние окончания железных удил из погребения 3 загибались непосредственно на перемычках псалиев, после чего их нельзя было снять.

Двоители. Железные. Представлены в двух экземплярах. Размеры 5 × 1,2 см (рис. 11: *4, 5*). Конструктивно они отличаются от известных на Южном Урале (Смирнов 1961: рис. 54) и на востоке степной Евразии металлических уздечных двоителей, состоявших из двух совмещённых колец или двух бляшек с петельками на обороте (Шульга 2015: 97—98). Каждый двоитель из погребения 3 имел три овальных отверстия изначальными размерами около 1,2 × 0,8 см при общей длине изделия около 5 см. Подобные изделия с 3—5 отверстиями (или их имитациями) иногда использовались на воинских ремешковых поясах, бытовавших в раннескифское время на территории от Казахстана до Тувы (Шульга 2008: рис. 82). Не исключено, что изначально они были изготовлены для поясов, но в данной уздечке применены как разделители двух концов суголовного ремня, направленных от распределителя к псалию (рис. 11: *7*). В этом нас убеждает остатки двух ремешков с пронизками на одном из двоителей (рис. 11: *5*).

Распределитель. Железный. Сверху на щитке видны остатки орнамента, плакированного золотом. Представлен в одном экземпляре (рис. 11: *3*). Диаметр 2 см, высота 1,6 см. Относится к цилиндрическим распределителям со сферическим щитком. По сторонам имеется четыре округлых отверстия диаметром около 1 см, а в основании большое отверстие диаметром 1,6 см. У двух отверстий сохранилось по одной прикипевшей пронизке.

Пронизки. Железные. Сохранилось 72 экз. Все однотипные в виде округлых несомкнутых колечек, первоначальными размерами в сечении около 1,5 × 1,2 см (рис. 11: *6*). На ремнях уздечки располагались плотно без промежутков. На отрезке ремня длиной 10 см умещалось около 9 пронизок. Соответственно, пронизками было украшено около 80 см ремней уздечки. Примерно такую длину имели с двух сторон суголовные ремни с щёчными ремешками от псалиев до места пересечения с налобно-подбородным ремнём. Возможно, украшался и наносный ремень (рис. 11: *7*).

Изделие в виде звена удил. Длина изделия (10 см) и размеры колец в целом соответствуют размерам реальных удил переходного типа с малыми внешними кольцами (внутренний диаметр около 2 см), в которые вставлялись двудырчатые псалии. В VI в. до н.э.

наибольшее распространение они получили на востоке степной Евразии (Шульга 2013: рис. 14, 15)[10]. Кольца этого изделия круглые, симметричные по отношению к стержню, подобно бронзовым и железным удилам, распространённым к востоку от Урала. При этом «муфта на грызле» очень похожа на грызла строгих удил персидского типа (Иванчик 2001: рис. 86). Между тем, указанное изделие не использовалось как звено удил. На это указывает отсутствие в большом кольце следов псалия, а в малом — следов второго звена. При этом стержень между кольцами («грызло») как бы скрыт в муфте, оформленной в виде шести совмещённых колечек диаметром 2,8 см. Можно предположить, что это уникальное изделие служило поясной подвеской колчана (горита) или иного крупного предмета. Похожие подвески в форме двузвенных удил известны на поясах воинов на Южном Урале (Таиров 2015: рис. 3: *6, 9*), в Восточном Казахстане (Самашев 2018: рис. 3: *2*) и в Туве (Чугунов 2016: рис. 174), датируемых второй половиной VII — началом VI в. до н.э.

Заключение

Конское снаряжение из погребения 3 кургана 1 представляют особый интерес:

1) Как имеющее переходные черты от снаряжения раннескифского времени к «савроматскому» второй половины VI—V вв. до н.э.;

2) Как демонстрирующее культурные связи с Алтаем на востоке, Приаральем на юге и культурами скифского круга на западе. Наиболее ярко всё это прослеживается на уникальном комплекте из железных У-образных псалиев и удил с петлевидными окончаниями, бытовавших на разных территориях и в разное время.

а) У-образные псалии относятся к редкой форме, встречающейся только в захоронениях культур раннескифского времени VII — начала VI в. до н.э. Все известные У-образные псалии бронзовые. Включались они в сбруйные наборы раннескифского облика с бронзовыми литыми стремечковидными удилами и соответствующей своеобразной фурнитурой (рис. 11: *8, 9*). Встречаются преимущественно в погребениях майэмирской культуры примерно в 2 тыс. км к востоку в Горном Алтае и его предгорьях (республика Алтай и Алтайский край, Россия; Восточный Казахстан). Сравнительно небольшое количество их известно ещё далее к востоку в небольшом районе Тувы (Россия) (см. обзор: Шульга 2008: 60—61). К западу от предгорий Алтая У-образные псалии не известны. Однако, в Центральный Казахстан и Приаралье в раннескифское время с Алтая проникали сопутствующие им бронзовые псалии с Т-образными шпеньками (Вишневская 1973: табл. IX: *17, 18*; Кадырбаев 1966: рис. 66: *37*). Находка в Жагабулаке I показывает, что У-образные псалии также имели хождение на территории к западу от Алтая. Важно подчеркнуть, что этот редкий и сложный в изготовлении тип псалиев оказался единственным типом (из существовавших в VII в. до н.э. металлических раннескифских псалиев), воспроизведённым «савроматами» в железе. Не менее удивительно, что образцом послужили У-образные псалии, относящиеся к предшествующей эпохе, и бытовавшие на Алтае в 2 тыс. км к востоку.

б) Железные удила, соединённые с У-образными псалиями, относятся к западной традиции изготовления железных удил, существовавшей на территории от Причерноморья до Урала. На Северном Кавказе в этом виде они фигурируют уже в VII в. до н.э. с трёхдырчатыми псалиями в Келермесе (Галанина 1997). Они изготавливались из железного

[10] Подобные удила с малыми внешними кольцами в степной Евразии периодически существовали с IX-VIII вв. до н.э. (Тува, курган Аржан-1; Синьцзян, могильник Мохучахань) (Грязнов 1980: рис. 12, 14, 20, 23 и др.; Полосьмак 1993: рис. 2; Шульга, Шульга 2020: рис. 84) по VII в. до н.э. (Северный Кавказ, Келермес) (Галанина 1997: табл. 17: *84, 85* и др.), но тогда они привязывались к центральному отверстию трёхдырчатых псалиев.

прута путём загибания концов стержня. В результате окончания удил приобретали форму петли, расположенной асимметрично грызлу. При этом, внешние петли достаточно плотно охватывали стержень псалия, чем отличались от восточных удил с большими внешними кольцами. В Южном Приуралье все, даже самые ранние, железные удила уже были с петельчатыми окончаниями (см. Очир-Горяева 2012: 226—313) за исключением, своеобразных переходных из Сары (Смирнов 1961: рис. 45: *1*). Этот факт демонстрирует полное господство в регионе пришедшей с запада традиции в изготовлении железных удил.

К востоку от Урала (включая Синьцзян и Северный Китай) кольчатые окончания бронзовых литых удил, и появившихся в VI в. до н.э. железных кованых удил, выглядели иначе. Во многих районах до III в. до н.э. там сохранялось производство литых бронзовых удил с кольчатыми окончаниями, расположенными симметрично грызлу. Железные удила копировали их. Даже в каменской культуре на Верхней Оби, не использовавших бронзовые удила (Шульга 2015: 176—177), и где зафиксированы детали сбруи типа найденной в Филипповке (Шульга 2015: рис. 64: *8—10*) нет петельчатых удил. Внешние и внутренние кольца бронзовых и железных удил VI—IV вв. до н.э. на востоке были симметричны по отношению к грызлу. Указанные западные и восточные типы удил не проникали за ареалы их основного распространения. Так, «савроматских» железных удил VI—IV вв. до н.э. нет в Южной Сибири, а синхронных им восточных удил нет на Южном Урале.

Таким образом, в железной уздечке из погребения 3 мы находим необычное сочетание У-образных псалиев восточной формы раннескифского времени с удилами западной традиции, появившейся на Южном Урале уже после исчезновения У-образных псалиев на Алтае. Очевидно, что мастер, изготовивший эту неразъёмную конструкцию, следовал западной традиции. Мы не можем знать, почему он воспроизвёл в железе сложные У-образные удила, но можем полагать, что к тому времени снаряжение раннескифского времени из Приаралья ещё было известно. Следует отметить, что в отличие от областей к востоку от Урала (где сбруйная фурнитура втор. половины VI—V вв. до н.э. сильно отличается от раннескифской), в сбруе Южного Приуралья сохраняется ряд значимых переходных черт. К ним, в частности, относится сохранившаяся конструкция из сочетавшихся двучастной левосторонней и одночастной правосторонних застёжек (комплект № 1 с пряжкой и блоком, имеющих щитки), а также распределители с козырьком, известные в Приаралье в VII в. до н.э. (имелись на уздечке в погребении соседнем погребении 2 кургана 1). На наш взгляд, конское снаряжение из погребения 3 и других ранних «савроматских» погребений является дополнительным аргументом в пользу их удревнения до середины VI в. до н.э.

Литература

Байпаков К.М., Сейткалиев М.К. 2011. Археологические исследования на могильнике Кырык-Оба II в 2010 году. В: Хабдулина М.К. (гл. ред.). *Маргулановские чтения-2011. Материалы международной археологической конференции.* Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 199—200.

Берлизов Н.Е. 2011. *Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. — V в. н.э.* Ч. I. Краснодар: КГУКИ; Парабеллум.

Васильев В.Н. 2001. *Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI—II вв. до н.э.* Уфа: Гилем.

Вишневская О.А. 1973. *Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н.э.: По материалам Уйгарака.* Москва: Наука.

Галанина Л.К. 1997. *Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи.* Москва: Палеограф (Степные народы Евразии. Т. I).

Грязнов М.П. 1980. *Аржан: Царский курган раннескифского времени.* Ленинград: Наука.

Гуцалов С.Ю. 2004. *Древние кочевники Южного Приуралья VII—I вв. до н.э.* Уральск: [б.и.].

Гуцалов С.Ю. 2010. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане. *РА* 2, 51—66.

Гуцалов С.Ю. 2007. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. *Археология, этнография и антропология Евразии* 2, 75—92.

Гуцалов С.Ю. 2011а. Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II. *РА,* 81—96.

Гуцалов С.Ю. 2011б. Об этнокультурной ситуации на территории Казахстана на рубеже VI—V вв. до н.э. В: *Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК*. Т. 2. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 166—173.

Гуцалов С.Ю., Виноградов С.М. 2002. Случайные находки предметов вооружения I тыс. до н.э. с территории Западного Казахстана. *НАВ* 5, 377—382.

Гуцалов С.Ю., Мамедов А.М. 2021. Погребальные комплексы могильника Уркач-I. Ч. 1. Онгар А. (гл. ред.). *Маргулановские чтения-2021: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26—27 октября 2021 г.).* Т. 2. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 45—72.

Демиденко С.В. 2008. *Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. — III в. н.э.).* Москва: ЛКИ.

Иванчик А.И. 2001. *Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени.* Москва: Палеограф (Степные народы Евразии. Т. II).

Исмагилов Р.Б. 1988. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры. *АСГЭ* 29, 29—47.

Итина М.А., Яблонский М.Т. 1997. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). Москва: РОССПЭН.

Кадырбаев М.К. 1966. Памятники тасмолинской культуры. В: Маргулан А.Х. (ред.). *Древняя культура Центрального Казахстана.* Алма-Ата: Наука, 303—428.

Кадырбаев М.К. 1984. Курганные некрополи верховьев р. Илек. В: Мелюкова А.И., Мошкова М.Г., Петренко В.Г. (ред.). *Древности Евразии в скифо-сарматское время.* Москва: Наука, 84—107.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. 2007. *Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула)*. Барнаул: Алтайский университет.

Мамедов А.М. 2016. Железные подпружные пряжки и блоки ранних кочевников Южного Урала. В: Онгарулы А. (отв. ред.). *Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур: Сборник научных статей, посвященный памяти археолога Бекена Нурмуханбетова.* Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 121—127.

Мамедов А.М., Китов Е.П. 2015. Погребальный обряд ранних кочевников верхнего Илека (по материалам могильника Сапибулак). *Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук* 6, 19—60.

Мелюкова А.И. 1964. *Вооружение скифов*. Москва: Наука (САИ Д1-27).

Мышкин В.Н. 2010. Периодизация культуры кочевников Южного Урала в I тыс. до н.э. и прохоровская культура в отечественной историографии. *Известия Самарского научного центра РАН (Археология и этнография)*. Т. 12. № 6 (38), 265—267.

Мышкин В.Н. 2018. Подпружные застежки из курганов кочевников Южного Приуралья скифского времени. В: Мышкин В.Н. (отв. ред.). *Археология ранних кочевников Евразии.* Самара: Книжное издательство, 41—62.

Ольховский В.С. *2005. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа.* Москва: Наука.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. 1994. *Скифские изваяния VII—III вв. до н.э.* Москва: Институт Археологии РАН.

Очир-Горяева М.А. 2012. *Древние всадники степей Евразии.* Москва: Таус.

Полосьмак Н.В. 1993. Исследование памятников скифского времени на Укоке. *Altaica* 3, 21—31.

Пшеничнюк А.Х. 1983. *Культура ранних кочевников Южного Урала*. Москва: Наука.

Пшеничнюк А.Х. 2012. *Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале.* Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН.

Смаилов Ж.Е., Сейткалиев М.К. 2009. Археологические исследования на н. Кырык-Оба II в 2008 г. В: *Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» 2008 г.* Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 178—181.

Самашев З.С. 2018. К изучению культуры ранних саков Восточного Казахстана. В: Уразова А.И. (ред.). *Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур.* Уфа: Мир печати, 109—117.

Смирнов К.Ф. 1961. *Вооружение савроматов*. Москва: АН СССР (МИА 101).

Смирнов К.Ф. 1964. *Савроматы. Ранняя история и культура сарматов.* Москва: Наука.

Смирнов К.Ф. 1975. *Сарматы на Илеке.* Москва: Наука.

Степанова Е.В. 2006. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры. *АВ* 13, 102—150.

Таиров А.Д. 1999. Средняя Азия во второй половине VI в. до н.э. и кочевой мир Южного Урала. В: *Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий.* Барнаул: Алтайский государственный университет, 173—175.

Таиров А.Д. 2000. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция. В: Мышкин В.Н. (отв. ред.). *Раннесарматская культура: формирование, развитие и хронология: Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории».* Вып. 1. Самара: СНЦ РАН, 16—27.

Таиров А.Д. 2006. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (По материалам могильника Маровый Шлях). В: Пшеничнюк А.Х. (отв. ред.). *Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка.* Уфа: Гилем, 76—91.

Таиров А.Д. 2007. *Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII-VI вв. до н.э.* Челябинск: ЮУрГУ.

Таиров А.Д. 2015. Комплекс раннескифского времени кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье. В: Бейсенов А.З. (отв. ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии.* Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 300—319.

Чугунов К.В. 2016. Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время. В: Деревянко А.П., Молодин В.И. (отв. ред.). *Алтай в кругу евразийских древностей*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 336—356.

Шульга П.И. 2008. *Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае.* Ч. I: *Раннескифское время.* Барнаул: Азбука.

Шульга П.И. 2013. *Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова).* Новосибирск: РИЦ НГУ.

Шульга П.И. 2015. *Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Часть II (среднескифское время).* Новосибирск: РИЦ НГУ.

Шульга П.И., Шульга Н.Ф. 2004. Новые находки раннескифских сбруйных наборов на Алтае и вопрос о назначении «налобных» блях. В: Деревянко А.П. (отв. ред.). *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г.).* Т. X. Ч. I. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 451—455.

Шульга П.И., Шульга Д.П. 2020. *Могильник Мохучахань культуры чауху в предгорьях Тянь-Шаня (Синьцзян, Китай).* Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.

Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В. 2007. Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповского-1 могильника). В: Яблонский Л.Т. (отв. ред.). *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории».* Челябинск: ЮУрГУ, 16—23.

Яблонский Л.Т. 2013. *Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004—2009 гг.). Каталог коллекции.* Кн. 1. Москва: ИА РАН.

Яблонский Л.Т. 2015. Культурно-хронологические горизонты и проблема формирования раннесарматской культуры. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения.* Т. 35. № 5, 17—24.

References

Baypakov, K.M., Seytkaliev, M.K. 2011. In: Khabdulina, M.K. (ed.). *Margulanovskiye chteniya-2011. Materialy mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii (Margulan Readings-2011. Materials of the international archaeological conference)*. Astana: YENU im. L.N. Gumileva, 199—200 (in Russian).

Berlizov, N.E. 2011. *Ritmy Sarmatii. Savromato-sarmatskiye plemena Yuzhnoy Rossii v VII v. do n.e. — V v. n.e. (Rhythms of Sarmatia. Savromato-Sarmatian tribes of South Russia in the 7th century BCE — 5th century CE).* Pt. I. Krasnodar: KGUKI; Parabellum (in Russian).

Vasil'ev, V.N. 2001. *Vooruzheniye i voyennoye delo kochevnikov Yuzhnogo Urala v VI—II vv. do n.e. (Armament and military affairs of the nomads of the Southern Urals in the 6th — 2nd centuries BCE).* Ufa: Gilem (in Russian).

Vishnevskaya, O.A. 1973. *Kul'tura sakskikh plemen nizov'yev Syrdar'i v VII—V vv. do n.e.: Po materialam Uygaraka (Culture of the Saka tribes in the lower reaches of the Syrdarya in the 7th — 5th centuries BCE: Based on materials from Uygarak)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Galanina, L.K. 1997. *Kelermesskiye kurgany. "Tsarskiye" pogrebeniya ranneskifskoy epokhi (Kelermes barrows. "Royal" burials of the early Scythian era)*. Moscow: Paleograf (Steppe peoples of Eurasia. Vol. I) (in Russian).

Gryaznov, M.P. 1980. *Arzhan: Tsarskiy kurgan ranneskifskogo vremeni (Arzhan: The Royal Mound of the Early Scythian Time)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Gutsalov, S.Yu. 2004. *Drevniye kochevniki Yuzhnogo Priural'ya VII—I vv. do n.e. (Ancient nomads of the Southern Urals of the 7th — 1st centuries BCE)*. Ural'sk: [s.n.] (in Russian).

Gutsalov, S.Yu. 2010. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology)* 2, 51—66 (in Russian).

Gutsalov, S.Yu. 2007. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 2, 75—92 (in Russian).

Gutsalov, S.Yu. 2011a. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology)*, 81—96 (in Russian).

Gutsalov, S.Yu. 2011б. In: *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 20-letiyu Nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 20-letiyu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana KN MON RK (Archaeology of Kazakhstan in the era of independence: results, prospects: materials of the international scientific conference dedicated to the 20th anniversary of the Independence of the Republic of Kazakhstan and the 20th Anniversary of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan)*. Vol. 2. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, 166—173 (in Russian).

Gutsalov, S.Yu., Vinogradov, S.M. 2002. In *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 5, 377—382 (in Russian).

Gutsalov, S.Yu., Mamedov, A.M. 2021. In: Ongar, A. (ed.). *Margulanovskiye chteniya-2021: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Velikaya step' v kontekste etnokul'turnykh issledovaniy", posvyashchennoy 30-letiyu Nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 30-letiyu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana (g. Almaty, 26—27 oktyabrya 2021 g.) (Margulan readings-2021: materials of the international scientific-practical conference "The Great Steppe in the context of ethnocultural research", dedicated to the 30th Anniversary of the Independence of the Republic of Kazakhstan and the 30th Anniversary of the Institute of Archaeology. A.Kh. Margulan (Almaty, October 26—27, 2021))*. Vol. 2. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, 45—72 (in Russian).

Demidenko, S.V. 2008. *Bronzovye kotly drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya (V v. do n.e. — III v. n.e.) (Bronze cauldrons of the ancient tribes of the Lower Volga and Southern Urals (5th century BCE — 3rd century CE))*. Moscow: LKI (in Russian).

Ivantchik, A.I. 2001. *Kimmeriytsy i skify. Kul'turno-istoricheskiye i khronologicheskiye problemy arkheologii vostochnoyevropeyskikh stepey i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni (Cimmerians and Scythians. Cultural-historical and chronological problems of the archaeology of the Eastern European steppes and the Caucasus in pre- and early Scythian times)*. Moscow: Paleograf (Steppe peoples of Eurasia. Vol. II) (in Russian).

Ismagilov, R.B. 1988. In *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Collection of Articles on. Archaeology of the State Hermitage)* 29, 29—47 (in Russian).

Itina, M.A., Yablonskiy, M.T. 1997. *Saki Nizhney Syrdar'i (po materialam mogil'nika Yuzhnyi Tagisken) (Saks of the Lower Syr Darya (based on materials from the Southern Tagisken burial ground))*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Kadyrbaev, M.K. 1966. In: Margulan, A.Kh. (ed.). *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: Nauka, 303—428 (in Russian).

Kadyrbaev, M.K. 1984. In: Melyukova, A.I., Moshkova, M.G., Petrenko, V.G. (eds.). *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoye vremya (Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian time)*. Moscow: Nauka, 84—107 (in Russian).

Kubarev, V.D., Shulga, P.I. 2007. *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula) (Pazyryk culture (mounds Chui and Ursula))*. Barnaul: Altayskiy universitet (in Russian).

Mamedov, A.M. 2016. In: Ongaruly, A. (ed.). *Saki i savromaty Kazakhskikh stepey: kontakt kul'tur: Sbornik nauchnykh statey, posvyashchennyy pamyati arkheologa Bekena Nurmukhanbetova (Saks and Savromats of the Kazakh Steppes: Contact of Cultures: A collection of scientific articles dedicated to the memory of archaeologist Beken Nurmukhanbetov)*. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, 121—127 (in Russian).

Mamedov, A.M., Kitov, E.P. 2015. In *Izvestiya Natsional'noy akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk (Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of Social Sciences and Humanities)* 6, 19—60 (in Russian).

Melyukova, A.I. 1964. *Vooruzheniye skifov (Armament of the Scythians)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-27) (in Russian).

Myshkin, V.N. 2010. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN (Arkheologiya i etnografiya) (Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Archaeology and Ethnography)).* Vol. 12. No. 6 (38), 265—267 (in Russian).

Myshkin, V.N. 2018. In: Myshkin, V.N. (ed.). *Arkheologiya rannikh kochevnikov Evrazii (Archaeology of early Eurasian nomads)*. Samara: Knizhnoe izdatel'stvo, 41—62 (in Russian).

Ol'khovskiy, V.S. 2005. *Monumental'naya skul'ptura naseleniya zapadnoy chasti evraziyskikh stepey epokhi rannego zheleza (Monumental sculpture of the population of the western part of the Eurasian steppes of the Early Iron Age)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Ol'khovskiy, V.S., Evdokimov, G.L. 1994. *Skifskiye izvayaniya VII—III vv. do n.e. (Scythian sculptures of the 7th — 3rd centuries BCE)*. Moscow: Institut Arkheologii RAN (in Russian).

Ochir-Goryaeva, M.A. 2012. *Drevniye vsadniki stepey Evrazii (Ancient Horsemen of the Eurasian Steppes)*. Moscow: Taus (in Russian).

Polos'mak, N.V. 1993. In *Altaica* 3, 21—31 (in Russian).

Pshenichnyuk, A.Kh. 1983. *Kul'tura rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala (Culture of the early nomads of the Southern Urals)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Pshenichnyuk, A.Kh. 2012. *Filippovka: Nekropol' kochevoy znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale (Filippovka: Necropolis of the nomadic nobility of the 4th century BCE in the South Urals)*. Ufa: IIYAL UNTS RAN (in Russian).

Smailov, Zh.E., Seytkaliev, M.K. 2009. In: *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh po Gosudarstvennoy programme "Kul'turnoye naslediye" 2008 g. (Report on archaeological research under the State Program "Cultural Heritage" 2008)*. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, 178—181 (in Russian).

Samashev, Z.S. 2018. In: Urazova, A.I. (ed.). *Drevniye i srednevekovyye obshchestva Evrazii: perekrestok kul'tur (Ancient and medieval societies of Eurasia: crossroads of cultures)*. Ufa: Mir pechati, 109—117 (in Russian).

Smirnov, K.F. 1961. *Vooruzheniye savromatov (Armament of the Savromats)*. Moscow: AN SSSR (Materials and Research on the. Archaeology of the USSR 101) (in Russian).

Smirnov, K.F. 1964. *Savromaty. Rannyaya istoriya i kul'tura sarmatov (Savromats. Early history and culture of the Sarmatians)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Smirnov, K.F. 1975. *Sarmaty na Ileke (Sarmatians on Ilek)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Stepanova, E.V. 2006. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 13, 102—150 (in Russian).

Tairov, A.D. 1999. In: *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy (Results of the study of the Scythian era of Altai and adjacent territories)*. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyi universitet, 173—175 (in Russian).

Tairov, A.D. 2000. In: Myshkin, V.N. (ed.). *Rannesarmatskaya kul'tura: formirovaniye, razvitiye i khronologiya: Materialy IV mezhdunarodnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii" (Early Sarmatian culture: formation, development and chronology: Proceedings of the IV International Conference "Problems of Sarmatian archaeology and history")*. Iss. 1. Samara: SNTS RAN, 16—27 (in Russian).

Tairov, A.D. 2006. In: Pshenichnyuk, A.Kh. (ed.). *Yuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: Sbornik statey k 70-letiyu Anatoliya Kharitonovicha Pshenichnyuka (The Southern Urals and Adjacent Territories in the Scythian-Sarmatian Time: Collection of Articles for the 70th Anniversary of Anatoly Kharitonovich Pshenichnyuk)*. Ufa: Gilem, 76—91 (in Russian).

Tairov, A.D. 2007. *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepey v VII—VI vv. do n.e. (Nomads of the Ural-Kazakhstan steppes in the 7th — 6th centuries BCE)*. Chelyabinsk: YUUrGU (in Russian).

Tairov, A.D. 2015. In: Beysenov, A.Z. (ed.). *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokul'turnykh protsessov Stepnoy Evrazii (Saka culture of Saryarka in the context of the study of ethno-socio-cultural processes of Steppe Eurasia)*. Almaty: NITSIA "Begazy-Tasmola", 300—319 (in Russian).

Chugunov, K.V. 2016. In: Derevyanko, A.P., Molodin, V.I. (ed.). *Altay v krugu yevraziyskikh drevnostey (Altai in the circle of Eurasian antiquities)*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 336—356 (in Russian).

Shulga, P.I. 2008. *Snaryazhenie verkhovoy loshadi i voinskiye poyasa na Altae (Riding horse equipment and military belts in Altai)*. Pt. I: *Ranneskifskoe vremya (Early Scythian time)*. Barnaul: Azbuka (in Russian).

Shulga, P.I. 2013. *Konskoe snaryazhenie rannikh kochevnikov Minusinskoy kotloviny (po materialam Minusinskogo muzeya im. N.M. Mart'yanova) (Horse equipment of the early nomads of the Minusinsk Basin (based on the materials of the Minusinsk Museum named after N.M. Martyanov))*. Novosibirsk: RITS NGU (in Russian).

Shulga, P.I. 2015. *Snaryazhenie verkhovoy loshadi v Gornom Altae i Verkhnem Priob'e. Chast' II (sredneskifskoye vremya) (Riding horse equipment in the Altai Mountains and the Upper Ob. Part II (Middle Scythian time))*. Novosibirsk: RITS NGU (in Russian).

Shulga, P.I., Shulga, N.F. 2004. In: Derevyanko, A.P. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy (Materialy Godovoy sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2003 g.) (Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories (Materials of the Annual Session of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2003))*. Vol. X. Pt. I. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, 451—455 (in Russian).

Shulga, P.I., Shulga, D.P. 2020. *Mogil'nik Mokhuchakhan' kul'tury chaukhu v predgor'yakh Tyan'-Shanya (Sin'tszyan, Kitay) (Mohuchahan burial ground of the Chauhu culture in the foothills of the Tien Shan (Xinjiang, China))*. Novosibirsk: IAET SO RAN (in Russian).

Yablonskiy, L.T., Rukavishnikova, I.V. 2007. In: Yablonskiy, L.T. (ed.). *Vooruzheniye sarmatov: regional'naya tipologiya i khronologiya: doklady k VI mezhdunarodnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii" (Armament of the Sarmatians: regional typology and chronology: reports to the VI international conference "Problems of Sarmatian archaeology and history")*. Chelyabinsk: YUUrGU, 16—23 (in Russian).

Yablonskiy, L.T. 2013. *Zoloto sarmatskikh vozhdey. Elitnyy nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004—2009 gg.). Katalog kollektsii (Gold of the Sarmatian leaders. Elite necropolis Filippovka 1 (based on excavations in 2004-2009). Collection catalog.)*. Bk. 1. Moscow: IA RAN (in Russian).

Yablonskiy, L.T. 2015. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations).* Vol. 35. No. 5, 17—24 (in Russian).

Рис. 1а. Общий вид на могильник Жагабулак I с запада. На переднем плане курган 1.

Fig. 1a. General view of Zhagabulak I's burial ground from the west. Mound 1 is in the foreground.

Рис. 1б. Общий вид на курган 1 с севера.

Fig. 1б. General view of mound 1 from the north.

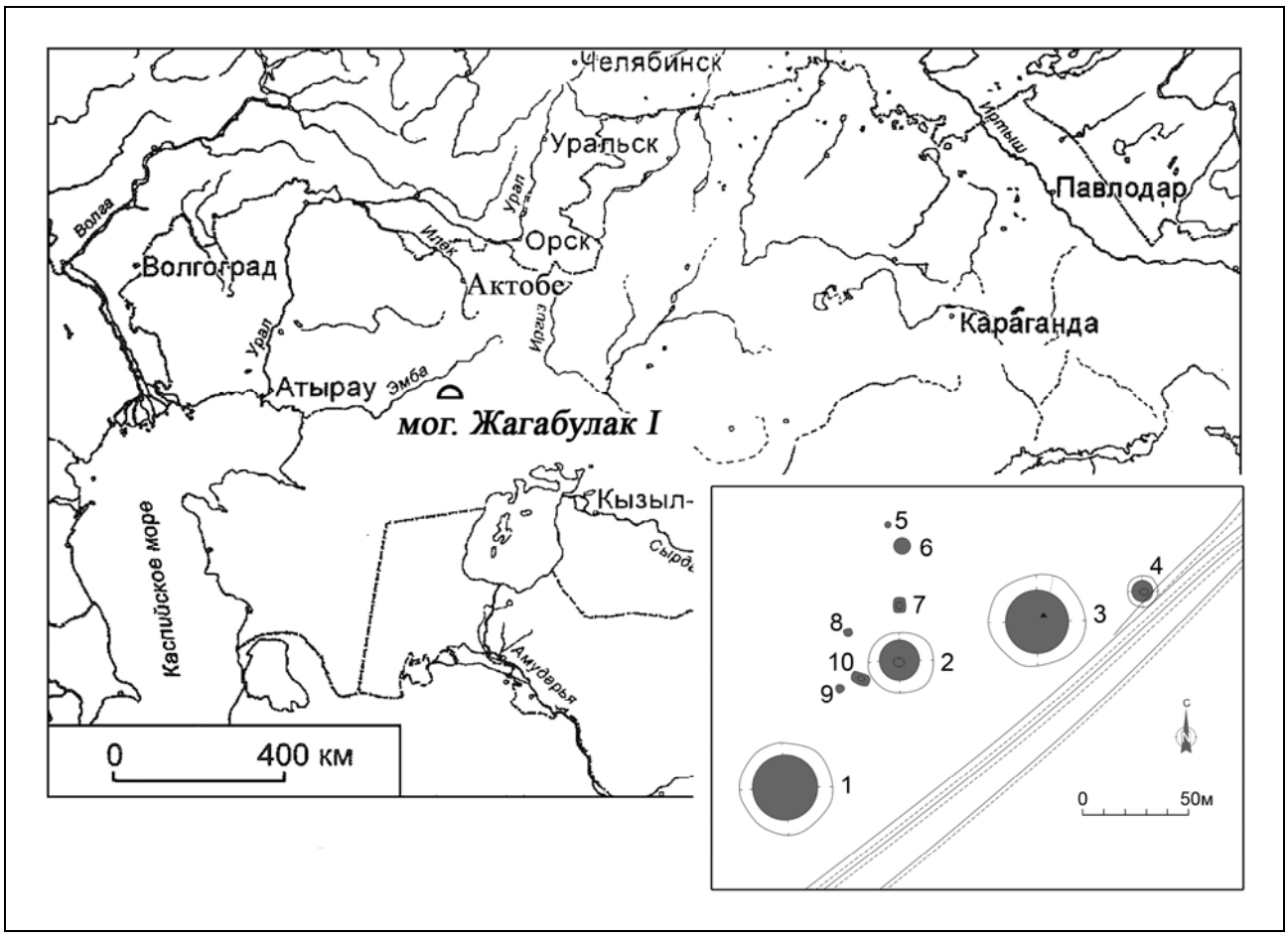


Рис. 2. Карта расположения могильника Жагабулак I (*а*), план могильника Жагабулак I (*б*).

Fig. 2. Map of the Zhagabulak I (*а*) burial ground location plan of Zhagabulak I (*б*) burial ground.

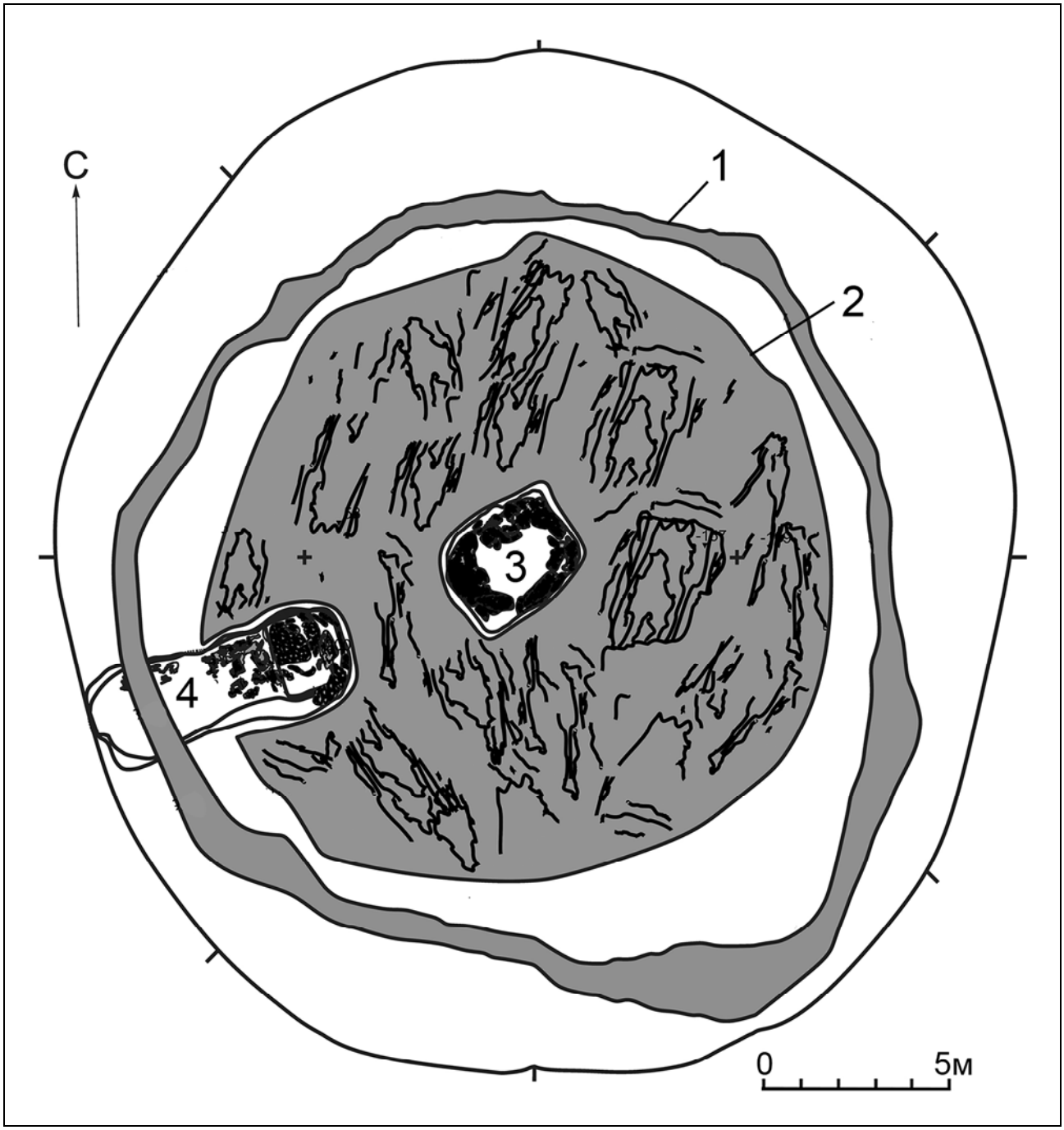


Рис. 3. Могильник Жагабулак I. Курган 1. План: *1* — вал из глины; *2* — тлен настила; *3* — погребение 3; *4* — погребение 2 с дромосом.

Fig. 3. Burial ground Zhagabulak I. Mound 1. Plan: *1* — clay shaft; *2* — decay flooring; *3* — burial 3; *4* — burial 2 with dromas.

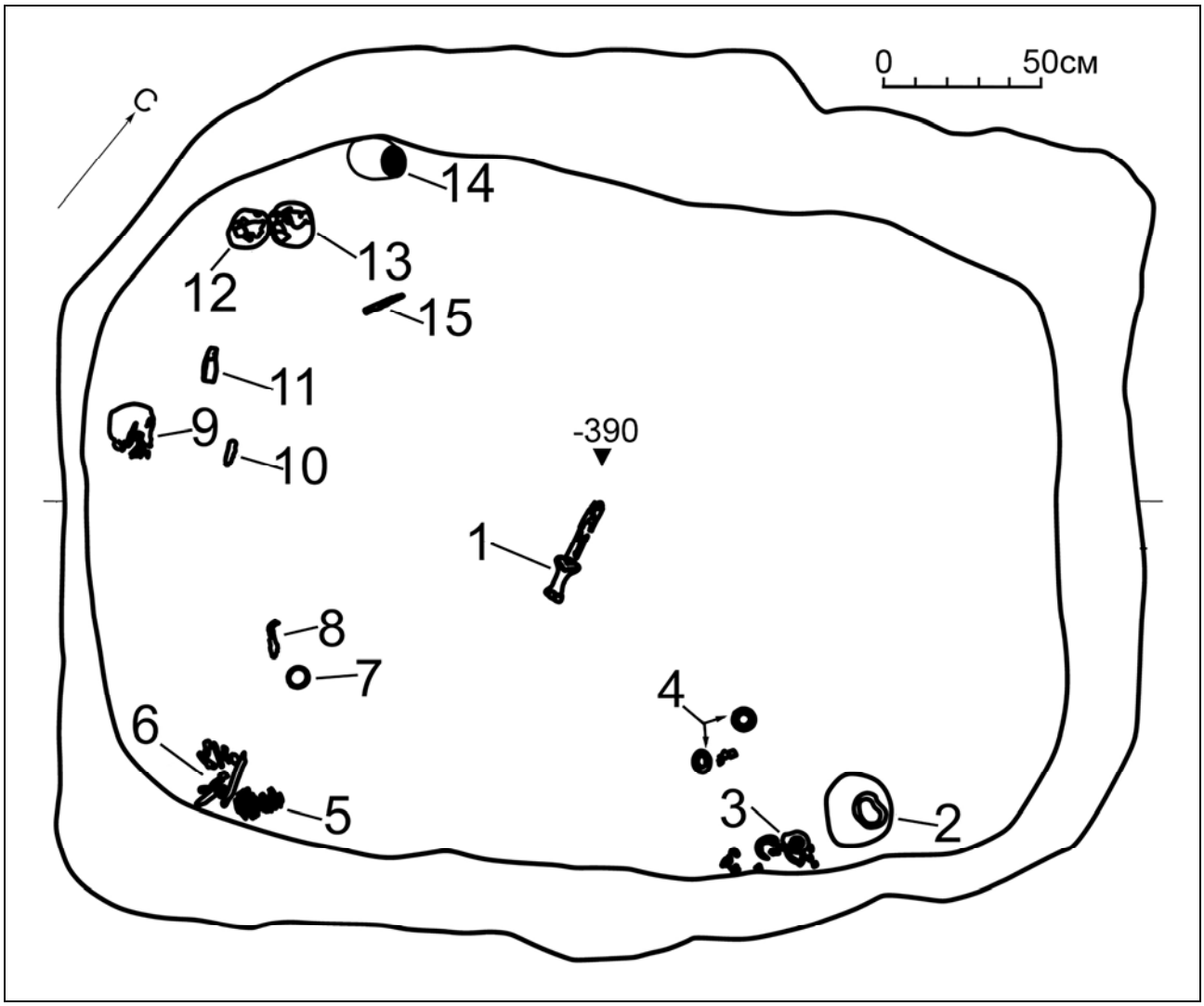


Рис. 4. Могильник Жагабулак I. Курган 1, погребение 3. План: *1* — железный кинжал; *2* — перевёрнутый бронзовый котёл; *3* — комплект № 1 бронзовых предметов конского снаряжения (две подпружные пряжки и один блок, четыре бронзовые ворворки, две бляшки со щитком в виде свастики, одна подвеска в виде фигуры птицы); *4* — второй комплект бронзовых предметов конского снаряжения (подпружная пряжка и блок, три бронзовые ворворки); *5* — колчанный набор № 1; *6* — детали уздечки лошади с железными удилами, псалиями, пронизками, распределителем и тремя крупными железными изделиями; *7* — бронзовая колчанная ворворка; *8* — колчанный крючок № 1; *9* — колчанный набор № 2; *10* — колчанный крючок № 2; *11* — каменная плитка; *12* — развал керамического сосуда № 1; *13* — развал керамического сосуда № 2; *14* — перевёрнутый керамический сосуд № 3; *15* — железный нож.

Fig. 4. Burial ground Zhagabulak I. Mound 1, Burial 3. Plan: *1* — iron dagger; *2* — inverted bronze caldron; *3* — set No. 1 of bronze items of horse equipment (two buckles and one block, four bronze courtyards, two plaques with a shield in the form of a swastika, one pendant in the form of a bird figure); *4* — 2nd set of bronze items of horse equipment (earstring buckle and block, three bronze yards); *5* — quiver set No. 1; *6* — details of the horse bridle with iron bits, cheekpieces, dranks, distributor and three large iron products; *7* — bronze quiverwork; *8* — quiver hook No. 1; *9* — quiver set No. 2; *10* — quiver hook No. 2; *11* — stone tiles; *12* — collapse of ceramic vessel No. 1; *13* — collapse of ceramic vessel No. 2; *14* — inverted ceramic vessel No. 3; *15* — iron knife.

Рис. 5. Погребение 3. Железный кинжал.

Fig. 5. Burial 3. Iron dagger.

Рис. 6. Погребение 3. Бронзовый котёл.

Fig. 6. Burial 3. Bronze caldron.

Рис. 7. Погребение 3. Кинжал (*1*)**, детали конского снаряжения** (*2—16*) **и находки из заполнения могилы** (*17—19*)**.**

Fig. 7. Burial 3. Dagger (*1*)**, horse equipment parts** (*2—16*) **and finds from the grave filling** (*17—19*)**.**

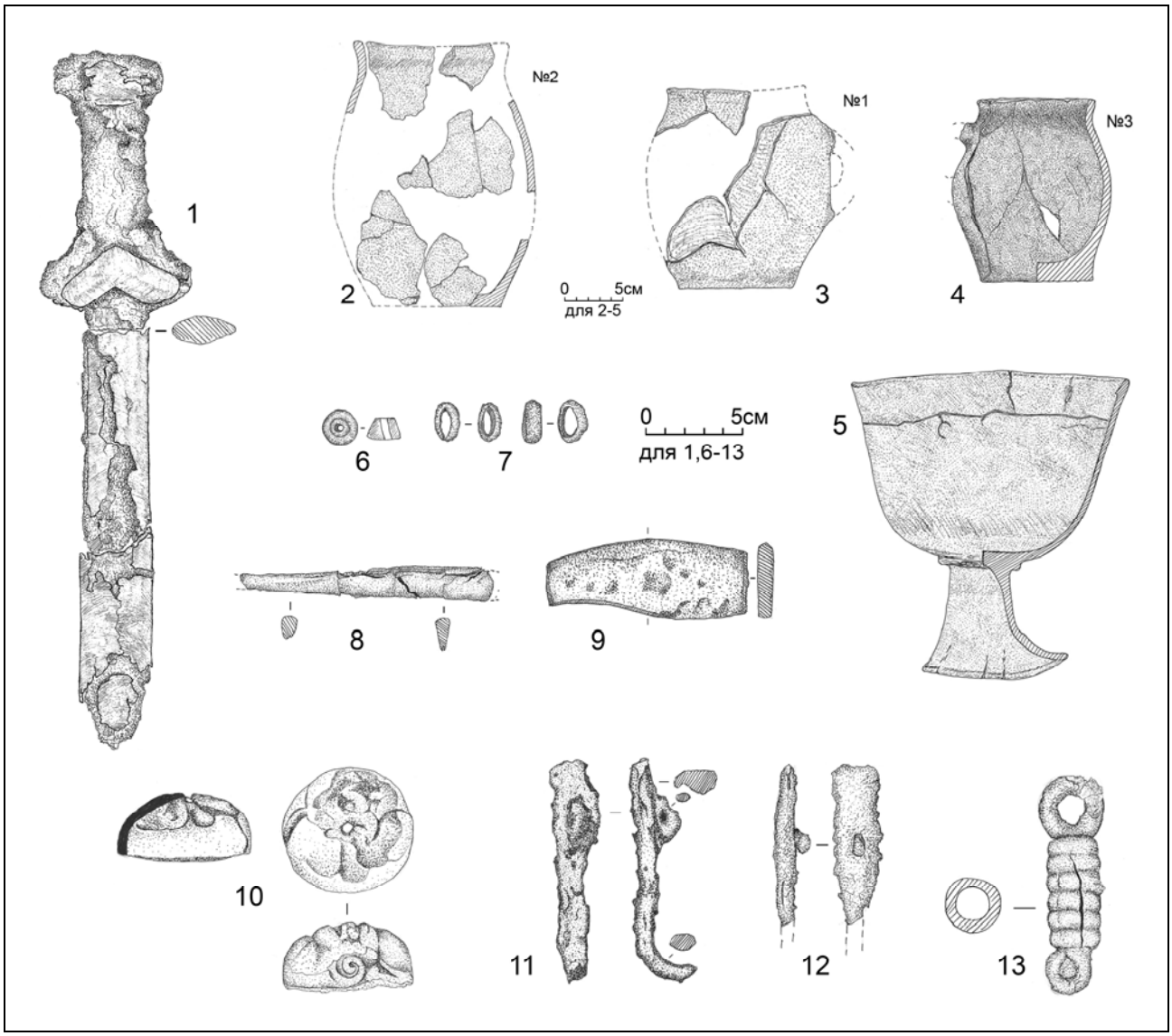


Рис. 8. Погребение 3: *1* — кинжал; *2—4* — керамические сосуды; *5* — котёл; *6* — ворворка; *7* — пронизки; *8* — нож; *9* — плитка; *10* — колчанная ворворка; *11, 12* — колчанные крюки; *13* — подвеска. Железо, золото — *1, 10*; железо — *8, 11—13*; бронза — *5, 7*; керамика — *2—4*; камень — *9*.

Fig. 8. Burial 3: *1* — dagger; *2—4* — ceramic vessels; *5* — boiler; *6* — yard; *7* — piercing; *8* — knife; *9* — tiles; *10* — quivered yard; *11, 12* — quivered hooks; *13* — pendant. Iron, gold — *1, 10*; iron — *8, 11—13*; bronze — *5, 7*; ceramics — *2—4*; stone — *9*.

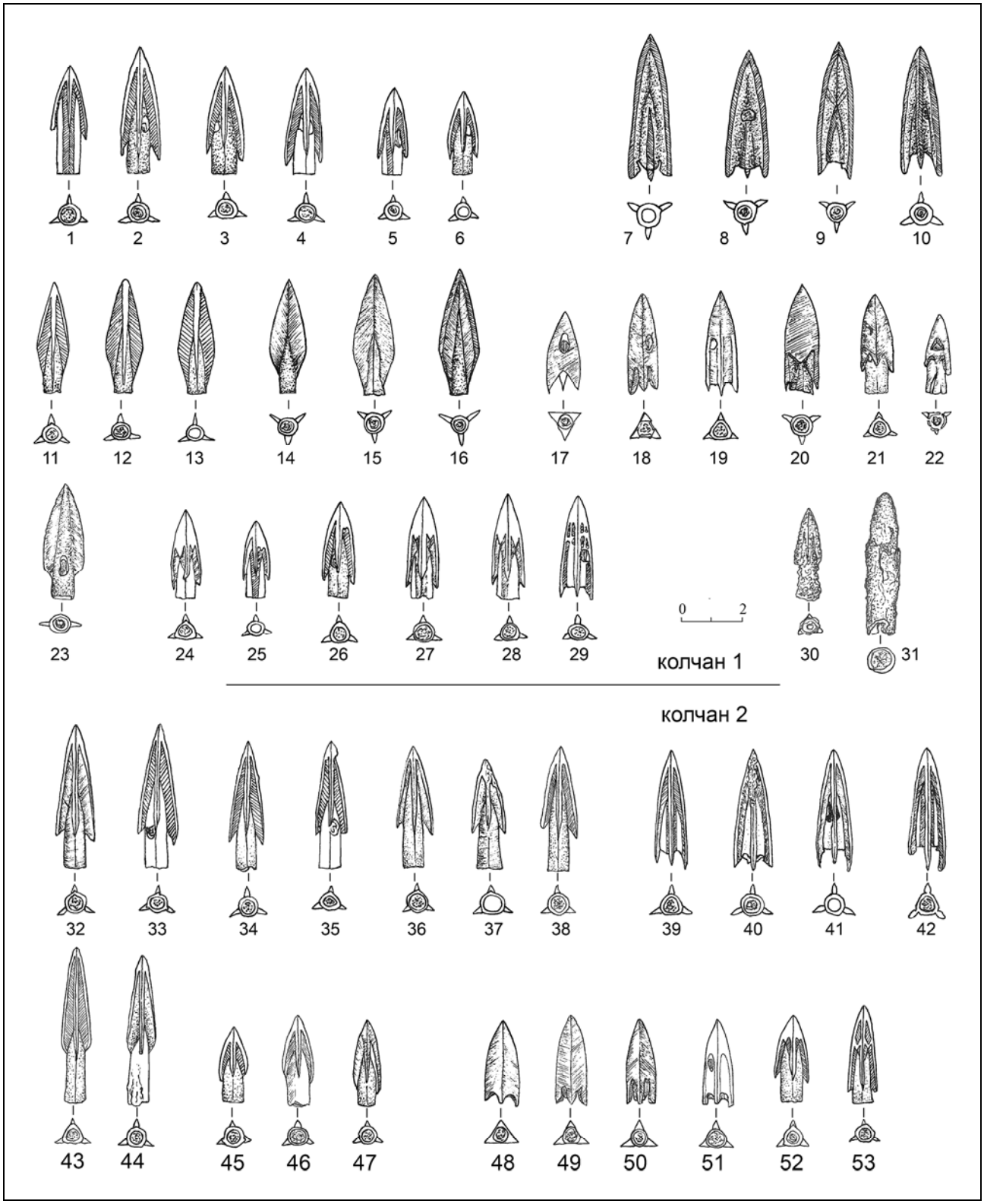


Рис. 9. Погребение 3. Наконечники стрел из наборов № 1 (*1—31*) **и № 2** (*32—53*). Железо — *30, 31*; остальное бронза.

Fig. 9. Burial 3. Arrowheads from sets No. 1 (*1—31*) **and No. 2** (*32—53*). Iron — *30, 31*; the rest is bronze.

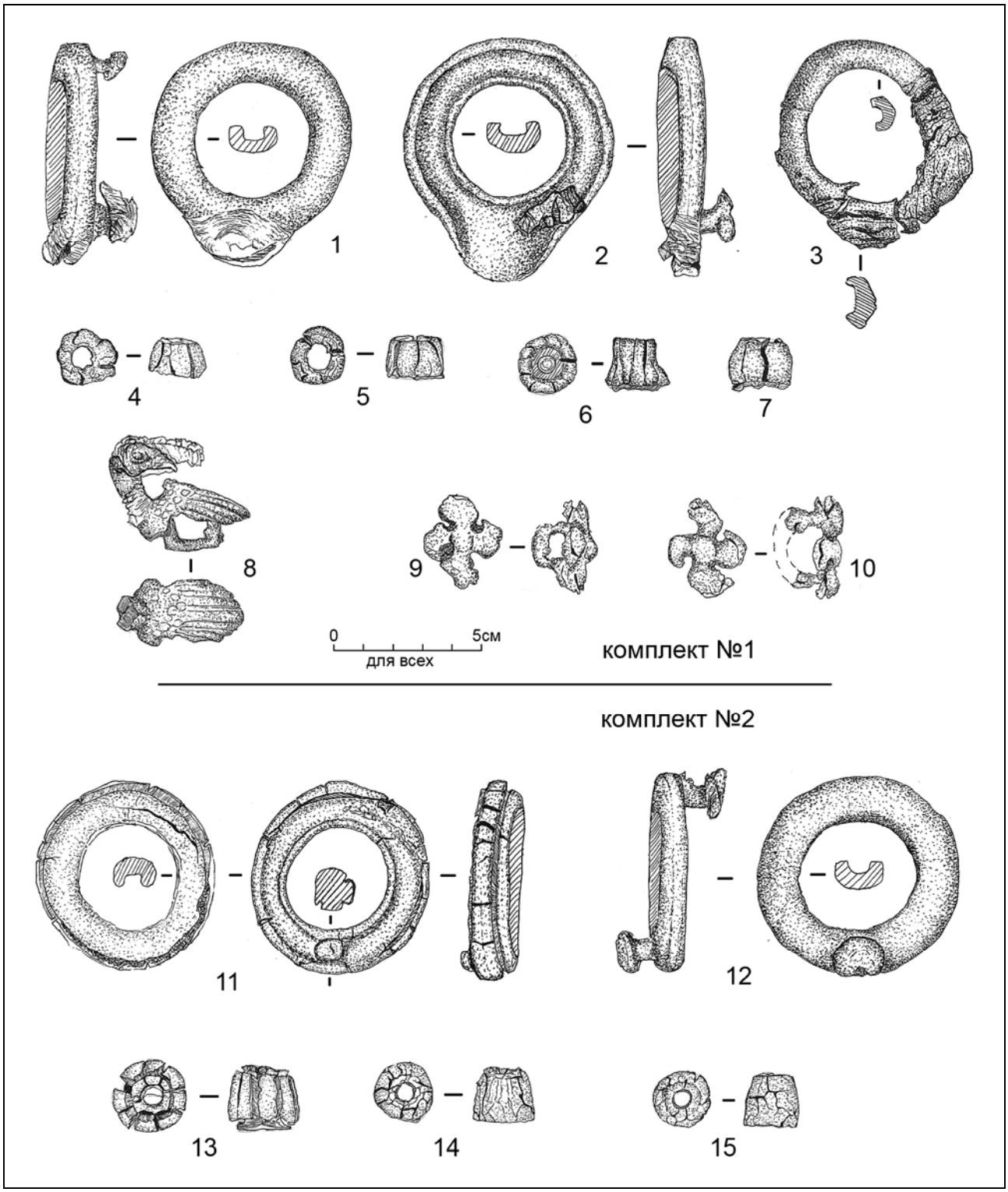


Рис. 10. Погребение 3. Бронзовые детали конского снаряжения из комплектов № 1 (*1—10*) **и № 2** (*11—15*).

Fig. 10. Burial 3. Bronze parts of horse equipment from sets No. 1 (*1—10*) **and No. 2** (*11—15*).

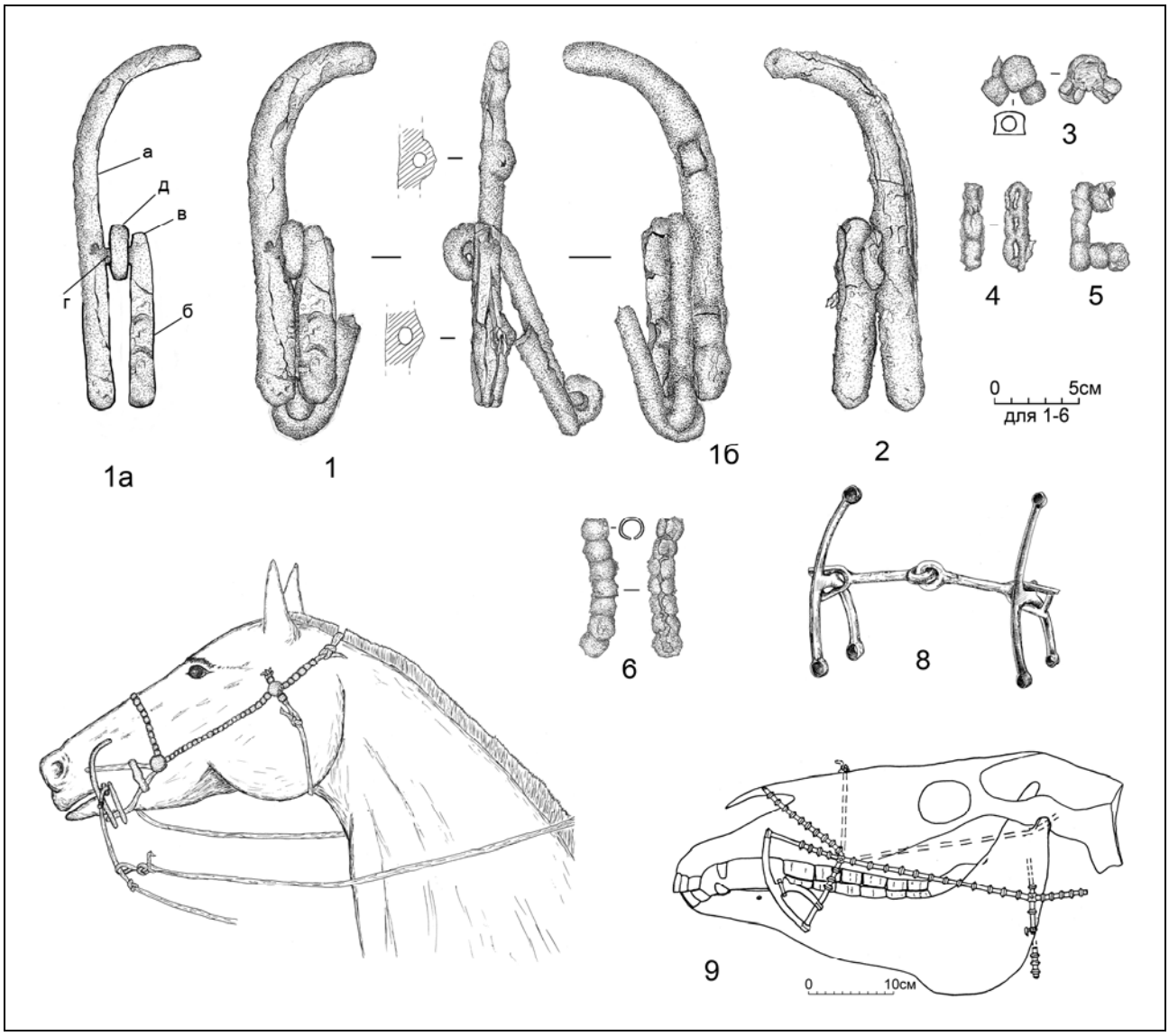


Рис. 11. Железные детали уздечки из погребения 3 (*1—6*): *1* — вид с внешней стороны левого У-образного псалия и звена петельчатых удил; *1а* — изначальный вид левого псалия с внешней стороны (*а* — основной стержень; *б* — коленчатый отросток; *в* — выступ, блокирующий удила; *г* — перемычка, на которой фиксировались удила; *д* — внешняя петля левого звена удил); *1б* — вид с внутренней стороны на левый псалий с удилами; *2* — правый У-образный псалий с внешней стороны; *3* — распределитель с прикипевшими пронизками; *4, 5* — двоители; *6* — фрагмент истлевшего ремня уздечки, унизанного стандартными железными пронизками; *7* — реконструкция уздечки с У-образными псалиями из погребения 3; *8* — взаиморасположение бронзовых У-образных псалиев и удил во рту лошади из погребения в Машенке-1 раннескифского времени на Алтае; *9* — зафиксированные остатки уздечки с У-образными псалиями на левой стороне черепа лошади в Машенке-1 (*8, 9* —по Шульга 2008: рис. 35: *4*, 36: *2*).

Fig. 11. Iron parts of the bridle from burial 3 (*1—6*): *1* — view from the outside of the left U-shaped cheekpiece and loop bits link; *1a* — the original view of the left cheekpiece from the outside (*a* — the main bits; *б* — cranked process; *в* — the protrusion blocking the bits; *г* — outer loop of the left link bit); *1б* — view from the inside to the left cheekpiece with bits; *2* — right U-shaped cheekpiece from the outside; *3* — distributor with stuck permeations; *4, 5* — doubles; *6* — fragment of the decayed frenulum belt humiliated by standard iron permeations; *7* — reconstruction of the bridle with U-shaped cheekpieces from the burial 3; *8* — the mutual arrangement of bronze U-shaped cheekpieces and bit a horse in his mouth from the burial in Mashenka-1 early Scythian time in Altai; *9* — fixed remains of a bridle with U-shaped cheekpieces on the left side of the horse's skull in Mashenka-1 (*8, 9* — after Shulga 2008: fig. 35: *4*, 36: *2*).

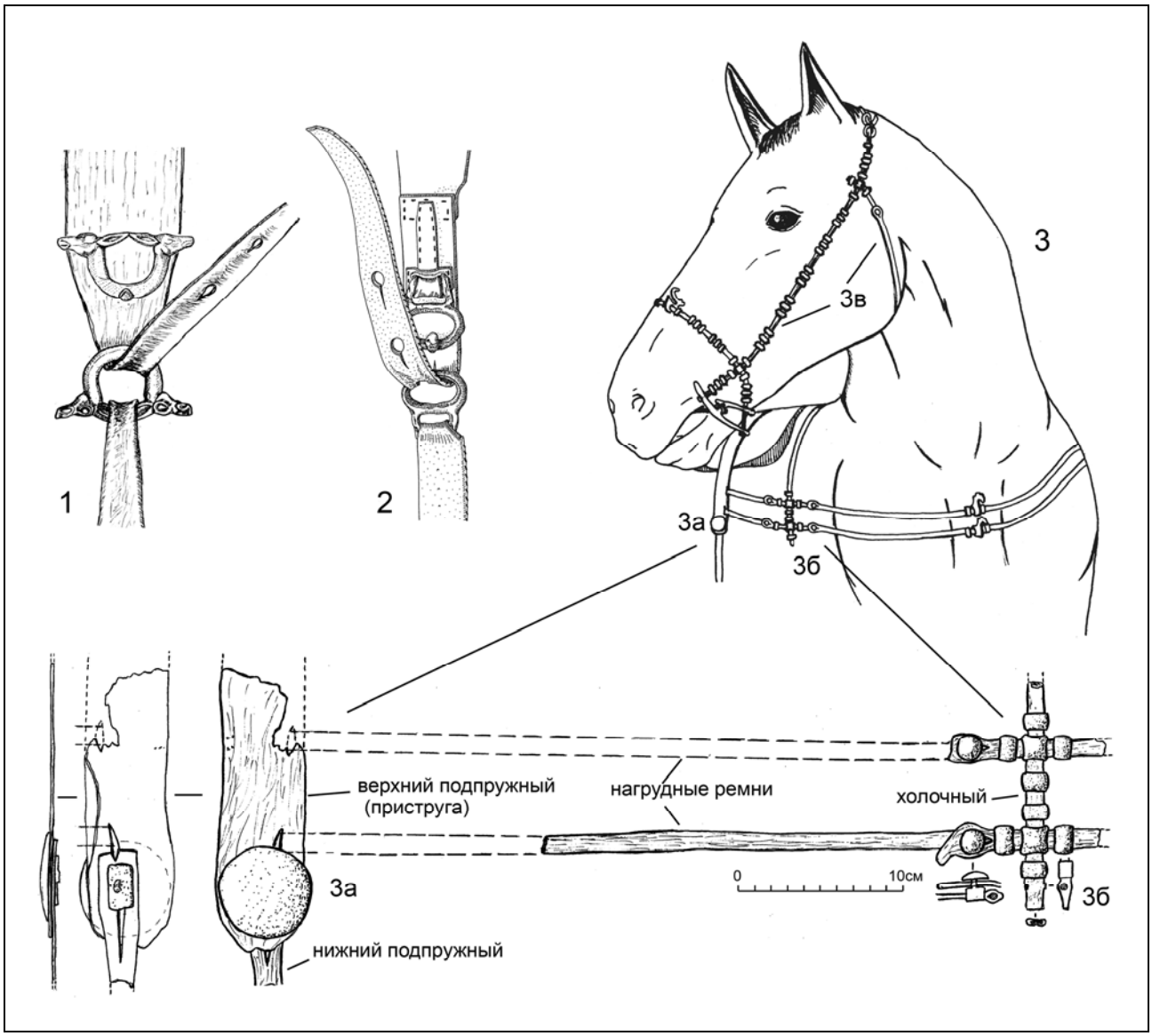


Рис. 12. *1, 2* — реконструкции способа затягивания подпруги с двучастными застёжками с Алтая из Гилёво-10 второй половины VII в. до н.э. (*1*) и Башадара-2 V в. до н.э. (*2*); *3* — реконструкция расположения седельных ремней с правосторонней бляхой застёжкой, соединяющей верхний подпружный (пристругу) и нижний подпружный ремни (Гилёво-10, могила 16): *3а, 3б* — сохранившиеся подпружный ремень с бляхой-застёжкой и нагрудник на правом боку лошади; *3в* — левая сторона сохранившейся уздечки. *1, 3* — по Шульга 2008: рис. 66, 70; *2* — дано в перевёрнутом виде по Степанова 2006: рис. 12: *1*.

Fig. 12. *1, 2* — reconstruction of the method of tightening the girth with two-part clasps from Altai from Gilyovo-10 second half of the 7th century BCE (*1*) and Bashadar-2 5th century BCE (*2*); *3* — reconstruction of the saddle belts location with a right-handed clasp connecting the upper spring (scrown) and the lower underpear straps (Gilevo-10, M16): *3a, 3б* — preserved spring belt with a plaster clasp and a bib on the right side of the horse; *3в* — the left side of the preserved bridle. 1, 3 — after Shulga 2008: fig. 66, 70; *2* — given upside down after Stepanova 2006: fig. 12: *1*.

Рис. 13. Современное седло с двумя подпругами из Западного Казахстана (по Мамедов 2016: рис. 4).

Fig. 13. Modern saddle with two springs from Western Kazakhstan (after Mammadov 2016: fig. 4).

УДК 902/904
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.13.17.002

М.Ю. Трейстер

СЕМИКОЛЕННЫЙ КУРГАН У СТАНИЦЫ ТУЛЬСКАЯ С НАХОДКАМИ ГРЕЧЕСКИХ БРОНЗОВЫХ СОСУДОВ VI—V ВВ. ДО Н.Э. К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ «МАЙКОПСКОГО СОКРОВИЩА»*

Статья посвящена публикации и новой атрибуции двух бронзовых сосудов, происходящих из грабительских раскопок 1912 г. Семиколенного кургана на г. Шахан в районе ст. Тульской в Адыгее, конфискованным у жителей ст. Тульская и переданных в Кубанский войсковой музей, в настоящее время хранящихся в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е.Д. Фелицына.

До сих пор ойнохою издатели единодушно относили к типу Eggers 124 и, соответственно, датировали I в. н.э. Вне всякого сомнения, она относится к так наз. форме 2 (вариант B), по классификации Т. Вебера, представленной находками преимущественно из Пелопоннеса, Центральной Греции и Южной Италии, которые датируют в рамках V в. до н.э. В последние годы пять аналогичных сосудов были найдены и в Македонии, в том числе: два — в некрополе Синдоса в погребениях последней трети VI и рубежа VI—V вв. до н.э., два — в некрополе Пидны, в погребениях первой и третьей четверти V в. до н.э. В Северном Причерноморье до сих пор была известна одна подобная ойнохоя, происходящая из гробницы № 19 кургана № 24/1876 некрополя Нимфея, датируемой серединой V в. до н.э.

Второй предмет был опубликован как «подставка кратера» без комментариев в тексте, но сам факт того, что он был включен в книгу о римских импортах, предполагает, что и этот предмет относили к первым векам н.э. На самом деле, это подставка эксалейптрона (ἐξάλειπτρον, exáleiptron), сосуда редкой формы, который использовали для хранения масел и мазей. На сегодняшний день известно 8 подставок эксалейптронов, в том числе два экземпляра из княжеских погребений некрополя Требениште в районе о. Охрид в Северной Македонии, а также из Дельф и Идейской пещере на о. Крит. Высказывались как различные точки зрения о датировке этих предметов, в диапазоне от середины до конца VI в. до н.э., так и об их происхождении или из мастерских Северной / Северо-Западной Греции или Лаконии. Очевидно, что публикуемый фрагмент подставки эксалейптрона в древности подвергся ремонту. В результате переделок (одной или двух) первоначальная функция предмета была изменена — полая втулка была превращена в тулово и горло сосуда, нижнюю часть которого образовала пластина с полым цилиндрическим вместилищем внизу.

В связи с публикуемыми находками большой интерес представляет так наз. Майкопское сокровище, которое в результате нескольких продаж оказалось в настоящее время разделенным между музеями Берлина, Кельна, Нью-Йорка и Филадельфии. В Музей Филадельфии они попали из коллекции Э. Канессы под общим названием «Майкопское сокровище». В 1913 г. вещи, вероятнее всего, принадлежавшие изначально этой же группе памятников, были приобретены Музеями Берлина у армянского торговца Карапета. Точку зрения М.И. Ростовцева о выделении в составе «Майкопского сокровища» богатого комплекса середины или второй половины V в. до н.э. поддерживают и другие

* Автор выражает искреннюю признательность И.И. Марченко за оказанную помощь в получении фотографий предметов. Моя искренняя благодарность за фотографии заведующей отделом археологических фондов Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына А.Н. Абрамовой и дирекции Музея — за разрешение их публикации.

Статья поступила в номер 24 февраля 2022 г.
Принята к печати 17 марта 2022 г.

© М.Ю. Трейстер, 2022.

исследователи. Есть все основания рассматривать «Майкопское сокровище» как набор предметов из грабительских раскопок 1912 г. в Семиколенном кургане и могильниках в его окрестностях.

Весьма вероятно, что публикуемые бронзовые сосуды могли происходить из этого комплекса, золотые вещи из которого в большинстве своем оказались в музеях Германии и США. В этой связи заслуживает внимания и тот факт, что вместе с золотыми находками в Музеи Берлина попали и фрагменты бронзовых сосудов, некоторые из которых могли относиться к публикуемым здесь находкам, тогда как другие также датироваться в рамках VI—V вв. до н.э. Отметим в этой связи, что и в погребальных комплексах первой половины IV в. до н.э. могильника у аула Уляп, расположенного примерно в 70 км к северу от ст. Тульской, были найдены довольно многочисленные греческие бронзовые сосуды, которые датируются еще в рамках первой — второй четверти V в. до н.э., в том числе со следами ремонта. Соответственно, Закубанье является районом с наибольшей концентрацией греческих бронзовых сосудов позднеархаического — раннеклассического времени.

Ключевые слова: греческие бронзовые сосуды позднеархаического-раннеклассического времени, ойнохои, подставки эксалейптронов, грабительские раскопки 1912 г., «Майкопское сокровище», Закубанье, ст. Тульская, Семиколенный курган.

Сведения об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич, Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь.

Контактная информация: 53175, Федеративная республика Германия, г. Бонн, Вайсенбургштрассе 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

Mikhail Treister

SEMIKOLENNYY KURGAN NEAR THE COSSACK VILLAGE TUL'SKAYA WITH THE FINDS OF GREEK BRONZE VESSELS OF THE 6th — 5th CENTURIES BCE. TO THE QUESTION OF THE ORIGIN OF THE "MAIKOP TREASURE"

The article is devoted to the publication and new attribution of two bronze vessels originating from the looter's excavations in 1912 of the Semikolennyy ("Seven-knee") burial mound on the Shakhan mountain in the area of the Cossack village Tul'skaya in Adygea, confiscated from the inhabitants of the village and transferred to the Kuban Military Museum, currently stored in the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn.

Until now publishers have unanimously attributed the oinochoe to the Eggers 124 type and, correspondingly, dated it to the 1st century CE. Without any doubt the vessel belongs to the so-called Form 2 (variant B), according to the classification of T. Weber, represented by finds mainly from the Peloponnese, Central Greece and South Italy, dating back to the 5th century BCE. In the recent decades five similar vessels were found in Macedonia, including: two — in the Sindos necropolis in the burials of the last third of the 6th and the turn of the 6th — 5th centuries BCE, two —in the burials of the first and third quarters of the 5th century BCE of the necropolis of Pydna. In the North Pontic area one such oinochoe was known up to nowadays, originating from tomb no. 19 of the burial mound no. 24/1876 of the Nymphaion necropolis, dated to the mid-5th century BCE.

The second item was published as a "krater stand" without comment in the text, but the very fact that it was included in a book on Roman imports suggests that this item was attributed to the first centuries CE. In fact, this is the stand of an exaleiptron (ἐξάλειπτρον, exáleiptron), a rare-shaped vessel used to store oils and ointments. To date, 8 stands of exaleiptrons are known, including two specimens from the princely burials of the Trebenishte necropolis in the region of Ohrid Lake in North Macedonia, as well as from Delphi and the Idean Cave on Crete. Various points of view on the dating of these objects were expressed, ranging from the middle to the end of the 6th century BCE, as well as their origin either from the workshops of North/North-Western Greece or Laconia. Obviously, the published fragment of the exaleiptron stand was repaired in antiquity. As a result of alterations (one or two), the original function of the object was changed — the hollow sleeve was turned into the body and neck of the vessel, the lower part of which was formed by a plate with a hollow cylindrical container at the bottom.

In connection with the published finds of great interest is the so-called Maikop Treasure, which, as a result of several sales, is currently divided among the museums of Berlin, Cologne, New York and Philadelphia. The objects now in Philadelphia were acquired from the collection of E. Canessa under the

general name the “Maikop Treasure”. In 1913, items most likely belonging to the same group were acquired by the Museums of Berlin from the Armenian merchant Karapet. The point of view of M.I. Rostovtsev about the allocation of a rich complex of the middle or second half of the 5th century BCE as part of the “Maikop Treasure” was supported by other scholars. There is every reason to consider the “Maikop Treasure” as a set of items from the looter’s excavations of 1912 in the Semikolenny burial mound and cemeteries in its vicinity.

It is highly probable that the bronze vessels under discussion could come from this complex, the gold items from which, for the most part, are now in the museums in Germany and the USA. In this regard, noteworthy is the fact that along with the gold finds, fragments of bronze vessels were also acquired by the Museums of Berlin, some of which could relate to the finds published here, while others also date back to the 6th — 5th centuries BCE. In this connection it is worth noting that in the burial complexes of the first half of the 4th century BCE of the cemetery near aul Ulyap, located about 70 km north from Tul’skaya, quite numerous Greek bronze vessels were found, which date back to the first or second quarter of the 5th century BCE, including those with repairs. Accordingly, the Trans-Kuban region is the area with the highest concentration of Greek bronze vessels of the Late Archaic — Early Classical period.

Key words: Greek bronze vessels of the Late Archaic — Early Classical period, oinochoes, stands of exaleiptrons, looter’s excavations of 1912, the “Maikop Treasure”, Trans-Kuban area, Cossack village Tul’skaya, the Semikolenny burial mound.

About the author: Treister Mikhail, Dr. phil. habil. (RUS), Independent researcher.

Contact information: 53175, Federal Republic of Germany, Bonn, Weißenburgstr. 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

Введение

В июне 1912 г. в юрте станицы Тульской в долине р. Белой на горе Шахан были грабительски раскопаны курганы (рис. 1: *1—3*). Когда слух о том, что «было похищено много золота и что там предполагается еще золото» достиг атамана Майкопского отдела полковника Лагунова он сообщил об этой телеграммой 24 июня 1912 г. Наказному атаману, который приказал атаману Майкопского отдела организовать охрану разрытых курганов, а другой телеграммой сообщил о случившемся станичному атаману Тамани, где в это время находился на раскопках Член археологической комиссии В.В. Шкорпил. На место выехали заведующий Кубанским войсковым музеем И.Е. Гладкий, а несколько позже и Н.И. Веселовский, которому сообщил о случившемся В.В. Шкорпил (Гладкий 1913: 75—77)[1]. 27—28 июня у жителей станицы Тульская были частично конфискованы находки, которые были переданы в Кубанский войсковой музей, опись которых и общую фотографию опубликовал в своем отчете Гладкий (рис. 1: *4—5*) (Гладкий 1913: 75—77, илл. на с. 76). По информации И.Е. Гладкого, вещи происходят из большого, т.н. Семиколенного кургана, расположенного на горном хребте Шахан в юго-восточном углу земельного юрта станицы Тульской, в 3—4 верстах к югу от станицы Тульской в сторону станицы Абадзехской (Гладкий 1913: 78—79, илл.). О том, что конфискована была лишь часть предметов, пишет и И.Е. Гладкий, приводя рассказ о якобы найденной там же золотой короне неоднократно перепроданной (последний раз за 5 000 рублей) (Гладкий 1913: 68). Еще раз Семиколенный курган упоминается в Отчете археологической комиссии за 1913—1915 г. — Н.И. Веселовский отмечал в 1913 или 1914 г.: «В Тульской станице, при осмотре разграбленного Семиколенного кургана, найден, очевидно, выкинутый из могилы стеклянный козлик». Из записки Н.И. Веселовского, опубликованной Т.В. Рябковой, ясно, что в Государственный Эрмитаж были переданы вещи из трех Семиколенных курганов (ОАК за 1913—1915 гг.: 159; Рябкова 2020а: 273, рис. 1). Некоторое

[1] О контактах И.Е. Гладкого и Н.И. Веселовского и их переписке, см. очерк Н.А. Золотаревой (felicina.ru: 1).

количество бронзовых вещей из грабительских раскопок 1912 г. в Семиколенных курганах были переданы майкопским художником Н.Н. Ерамовым археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1950 г. (Иессен 1955: 31).

Предположительно, какие-то вещи из Семиколенных курганов (Рябкова 2020а: 272—281, рис. 1), в частности, золотая накладка деревянного сосуда с изображением «владычицы зверей» в позе коленопреклоненного бега, датируемая еще последней четвертью VII в. до н.э., поступили в Государственный Эрмитаж (в частности, эта пластинка поступила в Музей в 1926 г. из ГАИМК и была куплена у сотрудника Кубанского музея (!)) (Манцевич 1966: 34, рис. 7: 11; Лесков 2010: 519; Рябкова 2019: 1009—1021, рис. 1).

1. Общая информация о находках

Среди находок в Семиколенном кургане, переданных в Кубанский музей, различные золотые гривны (названы браслетами) (Гладкий 1913: 75: № 1, илл. на с. 76), серьги (Гладкий 1913: 75, № 3; 77, № 10), бляшки (Гладкий 1913: 75—77, № 2, 4—6, 12—13), ожерелья (Гладкий 1913: 77, № 9, 14), фрагменты парчи (Гладкий 1913: 76, № 8). За исключением браслетов, видных на фотографии (рис. 1: *4*), все остальные предметы из золота за редкими исключениями неразличимы, однако в некоторых случаях сами описания позволяют сделать условную атрибуцию.

Т.н. браслеты, которые, судя по приведенным размерам (дм. 12,22, 13,33, 15,56 см) и весовым данным (малая весом 223 г, две другие весом по 401,5 г), являются гривнами из прута с несомкнутыми концами без декора и находят параллели из так наз. Майкопского сокровища (Берлин: Greifenhagen 1970: 56, Nr. 3, Taf. 29; Leskov 2008: 125—126, no. 162; дм. 21—21,5 см, 636 г. — Филадельфия: Leskov 2008: 44—45, no. 52; Лесков 2010: 507—509, рис. 4, дм. 14 см).

Среди бляшек обращают на себя внимание украшения «в виде крестиков из соединенных между собой пяти квадратиков» размером $^{3}/_{16} \times {}^{3}/_{16}$ вершка, т.е. ок. 0,83 × 0,83 см (Гладкий 1913: 75, № 5; 77, № 13). Очевидно, что это бляшки типа найденных в различных скифских курганах, датирующихся от конца VII до IV в. до н.э., список которых, включающий и находки из ст. Тульской, приводит А.П. Манцевич, публикуя подобные бляшки из центральной катакомбы Солохи (Манцевич 1987: 30, № 1). Аналогичные бляшки происходят и из «Майкопского сокровища» — А.М. Лесков датирует их второй половиной V в. до н.э. (Leskov 2008: 55—56, no. 66: Филадельфия)[2].

Куда больший интерес представляет «пластинка золотая с выдавленной на ней фигурой крылатого льва с короной на голове, размер 1½ × 1½ вершка», т.е. ок. 6,65 × 6,65 см, весом 2 грамма (Гладкий 1913: 76, № 6). Судя по описанию — это может быть изображение царского ахеменидского сфинкса (Boardman 1970: 34; Özgen, Öztürk 1996: 142—143, nos. 97—98). Т.В. Рябковой была предложена возможная идентификация этой бляшки с бляшкой с изображением крылатого грифона влево, видной, пусть и не очень четко, на фотографии (рис. 1: *4*) (Рябкова 2020а: 273, рис. 1: *10*; 274). Так или иначе, бляшка, хранящаяся в Гос. Эрмитаже, представляет грифона вправо и не может быть той самой бляшкой, однако аналогичные бляшки с изображением грифонов вправо и влево хранятся и в Берлине (Greifenhagen 1970: 58, Nr. 2, Taf. 33; Platz-Horster, Nagler 2007: 226, 227, Abb. 11), и в Нью-

[2] См. аналогичные бляшки, попавшие в Берлин (Greifenhagen 1970: 60, Nr. 2—3, Taf. 37) и Нью-Йорк (Alexander 1925: 180—181, fig. 7; Dimand, McAllister 1940: fig. 2; Greifenhagen 1970: 60, Abb. 6; Cat. New York 1975: 165, no. 15).

Йорке (Alexander 1925: 180—181, fig. 7; Dimand, McAllister 1940: fig. 2; Cat. New York 1975: 160, no. 15), и в Филадельфии (H.E.F. 1930: pl. 1; Cat. New York 1975: 158—159, no. 7; Leskov 2008: 53—54, no. 63). Однако эти бляшки размером ок. 2,5 × 2,5 см никак не соответствуют размерам бляшки из Семиколенного кургана, которые приводит И.Е. Гладкий.

Кроме того, была найдена бронзовая фрагментированная ойнохоя («бронзовый кувшинчик с ручкой и 3-мя носиками вверху») (Гладкий 1913: 77, № 16), «куски от разбитой скифской вазы (бронзовой) с сохранившемся только пьедесталом и кружком вверху, длина 3 вершка, диаметр кружка $2^{1}/_{2}$ вершка — 39 кусков» (Гладкий 1913: 77, № 18) (рис. 1: *4—5*), а также «лапка кошачья, бронзовая, о 4-х пальцах, отбитая от целого, длиною 1 вершок, шириною $^{11}/_{16}$ вершка и толщиною $^{3}/_{16}$ вершка» (Гладкий 1913: 77, № 16). Ойнохоя и подставка хранятся и в настоящее время в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е.Д. Фелицына.

2. Ойнохоя

До сих пор ойнохою (рис. 2—3), найденную в Семиколенном кургане[3], издатели единодушно относили к типу Eggers 124 и соответственно датировали I в. н.э. (Кропоткин 1970: 90, № 771; Анфимов 1979: 234; Marčenko, Limberis 2008: 282—283, 355, Nr. 71, Taf. 104; Хачатурова 2010: 22, атрибуция со ссылкой на определение Б.А. Раева [01.03.1984] в научном паспорте, хранящемся в Краснодарском музее, рис. 22; Симоненко 2011: 63). При этом Б.А. Раев в научном паспорте заметил: «в отличие от обычных кувшинов типа 124, данный не имеет на ручке рельефных украшений, что свидетельствует о его изготовлении скорее в провинциальных мастерских, нежели в южно-италийских».

Ойнохою отличают вытянутые пропорции и относительно короткое горло, отчасти действительно напоминающие некоторые ойнохои типа Eggers 124 / Tassinari D2112 (Tassinari 1993: vol. 2, 65, D2112, nos. 5016, 18763). Ручка в нижней части вообще лишена атташа, а в верхней части точно вписана в углубление между лепестками горла. Подобные ручки на ойнохоях римского времени мне не известны, также как не известен и способ крепления верхнего их конца к внешней стороне устья, что не мудрено, так как никакого отношения к ойнохоям этого времени и, в частности, типа Eggers 124 (Eggers 1951: 171, Beilage 53, Taf. 11: 124; Nuber 1972: 43—44, Abb. 3; 191, Liste D.II.a—g; Taf. III: 2; Tassinari 1975: 63, no. 161, pl. XXXI; Baratte et al. 1984: 81—82, no. 116, pls. XXXIX; LXVIII; Kunow 1983: 24, 61; Wielowiejski 1985: 224—225; Tassinari 1993: vol. 2, 65, D2111a—c / 2112; 2015: 236—237; Karasová 1998: 27—29, Karte XI; Taf. V: *124*) находка из Тульской не имеет. Показательно и сравнение оформления устья на ойнохоях римского времени и ойнохое из Тульской. На первых — двумя пережимами по бокам выделялся лишь слив, тогда как задняя поверхность устья прямая или слегка вогнутая. У ойнохои из Тульской пережим имеется и в центре задняя стороны устья, благодаря чему устье оформлено тремя практически равными по размеру и форме лепестками.

Рассматриваемая ойнохоя является, вне всякого сомнения, образцом т.н. формы 2 (вариант B), по классификации Т. Вебера, представленной находками преимущественно из Пелопоннеса, Центральной Греции и Южной Италии, которые датируют в рамках V в. до н.э. (Weber 1983: 92—145, 310—319, Nr. II.B.1—18; Taf. X—XI). В последние годы аналогичные сосуды были найдены и в Македонии (см. обзор Sideris 2016, 128, no. 56): две — в некрополе

[3] Выс. реконстр. 17,5 см, дм. тулова макс. 11 см, дм. дна реконстр. 7,0 см, выс. горла 3,5—5,0 см, устье: 8,9—6,8 см. Инв. № Δ 811.

Синдоса в погребениях последней трети VI и рубежа VI—V вв. до н.э. (погребения № 37 (выс. 14,5 см) и 57 (выс. 16,0 см): Despini 2016: t. 2, 296, άριθ. 420—421, 544, είκ. 510—512; Σχέδ. 62—64), две — в некрополе Пидны, в погребениях первой и третьей четверти V в. до н.э. (Bessios 2010: 145, 149, T47, T 91), еще одна — происходит из датированной последней четвертью V в. до н.э. гробницы № 24 южного некрополя Эдессы (выс. 14,3 см) (рис. 4: *3*) (Cat. Paris 2011: 456, no. 259/2). Серединой V в. до н.э. датируются и имеющие близкие пропорции ойнохои из Рудии (Delli Ponti 1973: 28, no. 29, tav. 23) и Руво (Tarditi 1996: 79, no. 157; 161—162) в Апулии. Аналогичная ойнохоя (выс. 13,7 см) (рис. 6), недавно приобретенная Античным собранием Мюнхена, также датируется издателями серединой V в. до н.э. (Pfisterer-Haas 2019: 106, Abb. 9.1; 115, Abb. 9.24a; 272, Nr. 154)[4]. По своим размерам (выс. 17,5 см) ойнохоя из Тульской (рис. 2—3) сопоставима с ранними ойнохоями варианта B из Сиракуз (выс. 17,5 см) (Weber 1983: 310, Nr. II.B.1), Руво в Апулии (выс. 18,6 см) (Weber 1983: 311, Nr. II.B.3; Tarditi 1996: 79, no. 157) и Галаксиди в Фокиде (выс. 17,3 см) (рис. 4: *4*) (Weber 1983: 313—314, Nr. II.B. 7; Zimi, Sideris 2003: 46, πιν. 18α), которые датируются Т. Вебером первой половиной V в. до н.э., и более ранней ойнохоей из датируемого 530—510 гг. до н.э. погребения № 57 некрополя Синдоса (Despini 2016: t. 2, 296, άριθ. 420, 544, είκ. 510—511; Σχέδ. 62—63 (рис. 5)). У некоторых из ойнохой этой группы верхний конец ручки также утоплен между полукружий устья (Weber 1983: Taf. X—XI)[5].

В Северном Причерноморье до сих пор была известна одна подобная ойнохоя, с аналогичным оформлением ручки, происходящая из гробницы № 19 кургана № 24/1876 некрополя Нимфея (выс. 16,5 см) (рис. 4: *1*) (ОАК за 1876 г.: XVIII; ОАК за 1877 г.: 218, № 6; Силантьева 1959: 67, рис. 36: *2*; Кат. Ленинград 1973: 19—20, № 38; Weber 1983: 319, Nr. II.B.18), погребальный инвентарь которой датируется в основном второй четвертью — серединой V в. до н.э., а погребение относится к середине V в. до н.э. (Силантьева 1959: 104—105, № 113). Еще одна ойнохоя с туловом близкой формы и пропорций, у которой утрачена ручка, происходит из скифского кургана № 9 у с. Оситняжка. Ее датируют серединой V в. до н.э. (Ханенко 1907: 15, № 423, табл. II; Онайко 1966: 63, № 214, табл. XVII: *4*; Петренко 1967: 26, табл. 15: *16*; Teleaga 2008: 262, Nr. 46; Трейстер 2021: 234, 244—245, рис. 10: *1—2*; Treister 2021: 349—350, fig. 10: *1—2*), а погребение относят ко второй половине столетия (Петренко 1967: 94). Кроме ойнохои отмечается находка в этом кургане золотой обкладки деревянного сосуда (Ханенко 1907: 17, № 563а, табл. V; Петренко 1967: 28, табл. 18: *16*; Фиалко 1993: 46—53; Cat. San Antonio 1999: 245, 246, no. 117).

2. Подставка эксалейптрона

Второй предмет, происходящий из Семиколенного кургана, был опубликован И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис как «подставка кратера» (рис. 7—10) (Гладкий 1913: 76—77, илл.; Marčenko, Limberis 2008: 355, Nr. 71.2, Taf. 222)[6]. Помимо описания и размеров, в тексте книги никаких комментариев относительно этого предмета сделано не было, но сам факт того, что он был включен в книгу о римских импортах и опубликован как один из двух

[4] См. также подобную ойнохою на аукционе Горный и Мош: Gorny & Mosch 202, 14. Dezember 2011: 204, lot 363.

[5] Например, у датируемой ок. 487—470 гг. до н.э. ойнохои из погребения № 67 некрополя Вицы к северу от Янины (рис. 4: *2*) (Weber 1983: 312, Nr. II.B.5; Vokotopoulou 1986: 289, ε; Σχέδ. 82: *α*) и у ойнохои из погребения № 57 некрополя Синдоса (Despini 2016: t. 2, 296, άριθ. 420, 544, είκ. 510—511; Σχέδ. 62—63 (рис. 5)).

[6] В. общая 14,4 см, выс. цилиндра 11 см, дм. цилиндра 5—5,6 см, в верхней части 8,3 см, дм. основания 14,5 см. Инв. № 2776/3081.

предметов вместе с ойнохоей, относящейся, по мнению издателей, к типу Eggers 124, предполагает, что и этот предмет они относили к первым векам н.э.

На самом деле, это подставка эксалейптрона (ἐξάλειπτρον, exáleiptron), сосуда редкой формы, который использовали для хранения масел и мазей[7]. Подобные вазы держат женщины в сценах похорон на белофонных лекифах, или в предбрачных сценах в гинекейоне (Moullou 2021: 194—202; Sideris 2021: 132).

Такие подставки, у которых ниже имелись три львиные лапы (вспомним, так наз. «кошачью» лапу с четырьмя пальцами», упомянутую в описи И.Е. Гладкого, которая, конечно, является львиной, найденную вместе с подставкой) чрезвычайно редки и представлены находками, датирующимися VI в. до н.э. На сегодняшний день известно 8 подставок эксалейптронов, в том числе два экземпляра из княжеских погребений некрополя Требениште в районе о. Охрид в Северной Македонии (рис. 11: *1—2*)[8], из Дельф (с надписью) (рис. 11: *4*) (Amandry et al. 1991: 197, fig. 5, с датировкой второй половиной VI в. до н.э.); Sideris 2021, 132, 133, fig. 217d) и Идейской пещере на о. Крит (рис. 11: *3*) (Sakellarakis, Sapouna-Sakellaraki 2013: t. B, 89—90, πίν. 63: *4*; Sideris 2021: 132, 133, fig. 217c). Высказывались как различные точки зрения о датировке этих предметов, в диапазоне от середины до конца VI в. до н.э., так и об их происхождении или из мастерских Северной / Северо-Западной Греции, или Лаконии (Descamps-Lequime 2012: 323—327; Sideris 2021: 132—133).

По своей форме и особенностям оформления, подставка эксалейптрона особенно близка находкам из гробницы X в Требениште (рис. 11: *2*), а также из Идейской пещеры (рис. 11: *3*) и Дельф (рис. 11: *4*). В верхней и нижней расширяющихся частях они украшены вертикальными лепестками, в центре проходит горизонтальный валик, оформленный рядом жемчужника. Выше и ниже валика расположены цилиндрические части без декора, которые отделены от расширяющихся концов горизонтальным рядом жемчужника.

Очевидно, что публикуемый фрагмент подставки эксалейптрона в древности подвергся ремонту, о чем свидетельствуют две группы заклепок на округлой плоской части с полым цилиндрическим вертикальным выступом в центре. Эта часть была приклепана двумя заклепками с большими головками к горизонтальной округлой пластине, а последняя была, в свою очередь, закреплена тремя заклепками с головками меньшего диаметра к втулке с лепестками (рис. 9—10). Было ли это результатом одной или, скорее, двух переделок, сказать трудно, но очевидно, что в результате этих переделок первоначальная функция предмета была изменена — в результате полая втулка была превращена в тулово и горло некоего сосуда, нижнюю часть которого образовала пластина с полым цилиндрическим вместилищем внизу.

[7] См. о керамических сосудах этой формы: Moullou 2021: 183—206 с литературой. О бронзовых — см. Descamps-Lequime 2002: 108—115; 2012: 323—327; Sideris 2021: 132—133.

[8] Погребение I (или Сува Чешме): Filow, Schkorpil 1927: 78—79, Nr. 112, Abb. 94; Stibbe, Vasic 2003: 19, no. 35, fig. 3; Descamps-Lequime 2012: 312, fig. 2; 313; Cat. Belgrade 2018: 361, no. 329 с лит. (назван канделябром); Sideris 2021: 132, 133, fig. 217a. — Погребение X: Popovic 1956: 51, tab. XXV: *23*; Stibbe, Vasic 2003: 41, no. 41, fig. 13; Descamps-Lequime 2012: 313, fig. 3; Cat. Belgrade 2018: 309, no. 187 с лит. (назван канделябром); Sideris 2021: 132, 133, fig. 217b.

Заключение

Очевидно, в этом же районе и до, и после 1912 г. проходили грабительские раскопки погребальных памятников скифской культуры. В 1905 г. производились грабительские раскопки в юрту ст. Абадзехской, где местные жители находили золотые вещи, а при доследовании одного из курганов Н.И. Веселовским был найден фрагмент железного псалия с шишечкой на конце, обтянутый золотым листом (ОАК за 1905 г.: 70; Rostowzew 1931: 293). Одним из центров грабительских раскопок было урочище «Золотая горка» на возвышенности «Перепелиха» в районе ст. Тульской, которое в 1918 г. посетила П.С. Уварова и оставила описание ее внешнего вида (Уварова 2005: 207; Кат. Майкоп 2014: 8—11). Из грабительских раскопок 1935 г. «кургана Золотая горка», расположенного выше станицы Тульской на правом берегу р. Белой, происходят бронзовый аттический шлем (Лунин 1939: 215, рис. 4) и нащечники конской узды с изображением орла, клюющего рыбу (Лунин 1939: 216, рис. 6; Граков 1965: 215; Королькова 1998: 167, рис. 1: *8*; 174; Канторович 2015: 1212, тип II-I-2; 2018: 107, рис. 3: *10*). Среди других находок из грабительских раскопок в этом районе — важные памятники, датирующиеся эллинистическим временем и первыми нашей эры (Лунин 1937: 39—40; 1939: 210—223; 1940: 27—49; Трейстер 2022 с литературой).

Однако наибольший интерес в связи с публикуемыми находками представляет т.н. Майкопское сокровище, которое через коллекцию А. Мерля де Массоно в результате нескольких продаж оказалось в настоящее время разделенным между музеями Берлина, Кельна, Нью-Йорка и Филадельфии. В Музей Филадельфии они попали из коллекции Э. Канессы под общим названием «Майкопское сокровище». В 1913 г. вещи, вероятнее всего, принадлежавшие изначально этой же группе памятников, были приобретены Музеями Берлина у армянского торговца Карапета, который заявил об их происхождении из Чмырева кургана (Greifenhagen 1970: 10, 55; Cat. New York 1975: 156, P.O. Harper; Platz-Horster, Nagler 2007: 220—227; Leskov 2008: 1—9; 226—267).

Интересно, что М.И. Ростовцев, ознакомившись с вещами, попавшими в Берлин и в Филадельфию, высказался и в рукописном меморандуме в адрес филадельфийского музея и в вышедшей в 1931 г. книге в пользу того, что сведения торговца Карапета не соответствуют действительности, а вещи, судя по их типам и стилю имеют кубанское происхождение. По его мнению, все эти вещи происходят из различных комплексов разного времени, в том числе чрезвычайно богатого погребального комплекса, открытого в 1912 г. в Прикубанье, возможно в Майкопе, которые, будучи разделены на три или более частей, были проданы через разных торговцев.

Находки из Филадельфийской части коллекции, в которую входит чернофигурный килик, по мнению исследователя, позволяют датировку комплекса первой половиной V в. до н.э.[9] Согласно сведениям Р. Цана, в 1912 г. некий г-н Ерамов, живущий в Майкопе, работая на своей земле, обнаружил гробницу, содержание которой позволяет относить ее к скифскому времени. В 1913 г. г-н Ерамов приехал в Париж, чтобы продать эту коллекцию, которая в дальнейшем была приобретена Э. Канессой (это информация согласно Р. Цану, посетившему Музей в Филадельфии весной 1931 г. после того, как коллекция Канессы была приобретена музеем на аукционе в галерее Андерсона в Нью-Йорке, была представлена на

[9] См. меморандум: Platz-Horster, Nagler 2007: 222; Leskov 2008: 6—7. См. также Rostowzew 1931: 367—368; Rostovtzeff 1933: 168—169. См. килик: Cat. New York 1975: 158—159, no. 11; Leskov 2008: 25, no. 20 с литературой и датировкой ок. 480—470 гг. до н.э.

музейной этикетке) (H.E.F. 1930: 11; Platz-Horster, Nagler 2007: 223). Вероятно, именно это сведение послужило основанием для Ростовцева определить дату находки комплекса (Platz-Horster, Nagler 2007: 223—224). Интересно, что майкопский художник Н.Н. Ерамов (он же?) передал часть находок из бронзы в 1949 г. в Майкопский Музей, а в 1950 г. — другие находки из раскопок 1912 г. — А.А. Иессену, опубликовавшему их в Сообщениях Государственного Эрмитажа (Иессен 1955: 31—33; Кат. Майкоп 2014: 11; Рябкова 2020a: 276). По сведениям Н.Н. Ерамова, часть вещей происходит из кургана, раскопанного грабителями в 1912 г. в 2 км от хут. Шунтуки (совр. Шунтук) на левом берегу р. Белой, к юго-западу от станицы Тульской (Иессен 1955: 31)[10].

Точку зрения М.И. Ростовцева о выделении в составе «Майкопского сокровища» богатого комплекса середины (Platz-Horster, Nagler 2007: 227) или второй половины (Leskov 2008: 239—240) V в. до н.э. поддерживают и другие исследователи «Майкопского сокровища». В последние годы Т.В. Рябкова, анализируя находки из Семиколенных курганов, попавшие в Государственный Эрмитаж, выделяет более ранний комплекс последней четверти VII в. до н.э. (Рябкова 2019: 1009—1021; 2020a: 272—282; 2020b: 276—277). По мнению А.А. Иессена, впервые связавшего «Майкопское сокровище» с находками из Семиколенного кургана и кургана у хут. Шунтуки, комплекс V в. до н.э. скорее происходит из кургана у хут. Шунтуки, о котором не было известно И.Е. Гладкому (Рябкова 2019: 1009—1021; 2020a: 272—282; 2020b: 276—277).

Рассуждая о возможном происхождении комплекса V в. до н.э., А.М. Лесков предполагает, что он происходит из боковой гробницы с женским погребением большого кургана в районе Майкопа, однако, для того чтобы подтвердить это предположение, по мнению Лескова, необходимо проработать полицейские архивы конца XIX — начала XX в., уделяя особое внимание случаям грабежей курганов до 1912 г. К сожалению, пишет исследователь, ему не удалось найти информации ни о легальных, ни о грабительских раскопках богатого кургана, опубликованных в научных или популярных изданиях этого времени (Leskov 2008: 239—240; Лесков 2010: 525, прим. 3).

Совершенно очевидно, что именно такая информации и содержится в отчете И.Е. Гладкого. Совпадает и дата (1912) и место (окрестности Майкопа) и предмет грабительских раскопок (большой курган на г. Шихан с находками золотых изделий, и, как сейчас становится ясно, импортных греческих бронзовых сосудов второй половины VI — первой половины V в. до н.э.).

В этой связи заслуживает внимания и тот факт, что вместе с золотыми находками в Музеи Берлина попали и фрагменты бронзовых сосудов, некоторые из которых могли относиться к публикуемым здесь находкам, тогда как другие также датироваться в рамках VI—V вв. до н.э. (см. Приложение 1). Отметим в этой связи, что и в погребальных комплексах могильника у аула Уляп, расположенного примерно в 70 км к северу от ст. Тульской, были найдены довольно многочисленные греческие бронзовые сосуды, которые датируются еще в рамках первой—второй четвертей V в. до н.э., в том числе со следами ремонта, найденные в комплексах первой половины IV в. до н.э. (см. подробно: Трейстер 2019: 518—520; Treister 2019: 315—316). Соответственно, Закубанье является районом с наибольшей концентрацией греческих бронзовых сосудов позднеархаического — раннеклассического времени в Северном Причерноморье.

[10] О курганах в районе хут. Шунтук см. Рябкова 2020a: 274. Об этих вещах см. также Ильинская, Тереножкин 1983: 53, рис. 2; Королькова 1998: 167, рис. 1: *7*; 174; 2006: табл. 39: *6*; 45: *6*; Канторович 2018: 107, рис. 3: *8*.

В связи с переделкой подставки эксалейптрона в древности обращает на себя внимания еще одна находка из этого региона, приобретенная Императорской Археологической комиссией в 1908 г. у частного лица в Майкопе. Этот серебряный предмет состоит из двух отдельных частей: сосуда со сферическим туловом с высокой горловиной и отогнутым венчиком и конической подставки. Четыре вертикальные ножки приклепаны внизу к верхней части подставки и вверху — к округлому уплощенному основанию, на котором стоит сосуд (рис. 12) (ОАК за 1908 г.: 181; Смирнов 1909: табл. CXIX: *303*; Pharmakowsky 1909: 151, Abb. 11; Рябкова 2021: 94—98, рис. 4). Исследования показали, что подставка и сосуд сделаны из серебра разной пробы и разной толщины, отличается и манера чеканных изображений на сосуде и подставке. Все это дает все основания для предположения о том, что данный предмет, который рассматривают как «модель котла», был переделан местным торевтом с использованием привозного малоазийского сосуда (Рябкова 2021: 95—96).

Таким образом, на наш взгляд, имеются все основания для предположения о том, что находки 1912 г. на г. Шахан к югу от станицы Тульской (или из кургана у хут. Шунтуки к юго-западу от этой же станицы) являются частью «Майкопского сокровища», место находки которого теперь может быть более-или-менее надежно локализовано. К этому же заключению пришла недавно и Т.В. Рябкова, публикуя накладку золотого сосуда, вероятно также происходящего из Семиколенного кургана, но из более раннего комплекса, синхронного погребениям Келермесских курганов (Рябкова 2019: 1010—1011, 1020—1021). Датировка бронзовых сосудов, найденных на г. Шахан, как было показано нами, вполне соответствует датировке комплекса V в. до н.э. «Майкопского сокровища».

Приложение 1

ИМПОРТНЫЕ БРОНЗЫ «ИЗ МАЙКОПА», ПОПАВШИЕ В АНТИЧНОЕ СОБРАНИЕ МУЗЕЕВ БЕРЛИНА

Среди них: 1) возможно изначально принадлежавшая публикуемой подставке эксалейптрона, не опубликованная бронзовая львиная лапа, сохранившаяся на высоту 6,8 см (рис. 13: 2) (инв. № 30625; nat.museum-digital.de: 1); 2) ручка кратера или таза с атташами в форме цветков и каннелированными ручками шир. 15,3 см (рис. 13: *1*) (инв. № 30623; Greifenhagen 1970: 56, Abb. 46; nat.museum-digital.de: 2); 3) полусферическая чаша дм. 8,3 см с 12—лепестковой розеттой на донце и вертикальными лепестками — на тулове (рис. 13: *3*) (инв. № 30584; Greifenhagen 1970: 56, Abb. 53; Leskov 2008: 148, no. 191, с ничем не обоснованной датировкой IV—II вв. до н.э.; nat.museum-digital.de: 3) и, наконец, 4) так называемый кратер с менадами, или «майкопский кратер» (рис. 14) (инв. № 30622; Züchner 1938; LIMC VIII 1997: 785, s. v. Mainades Nr. 30 (I. Krauskopf, E. Simon); Schwarzmaier 1997: 55, 64—67, 77; Zimmermann: 1998, 180, Nr. SRM 1; Barr-Sharrar 2008: 139—148, 211, note 95, figs. 127, 137, 164; Kat. Berlin 2008, 32—33, Abb. 3—4; Drougou 2015: 143, no. 5, ошибочно, как происходящий из Украины; smb.museum-digital.de: 1).

Точные аналогии полусферической бронзовой чаше (рис. 13: *3*) мне не известны — встречаются чаши подобной формы, но без декора в скифских курганах Приднепровья V—IV вв. до н.э. (Трейстер 2021: 243, рис. 11: *1*; Treister 2021: 347, fig. 11: *1*). Известны чаши с близким, пусть и не идентичным декором, но у них лепестки продавлены, а края их выпуклые, подобно полусферической бронзовой чаше из некрополя Солы на Кипре с розеттой на дне, найденной в погребении ок. середины IV в. до н.э. (Kaba 2020: 214—215, fig. 9b), и серебряной чаше с концентрическими кружками на дне из Прибоя в Болгарии, датируемая III в. до н.э. (Cat. Montreal 1987: 255, no. 464; Cat. Kazanlak 2017: 58, no. 50). Сама же схема прочеканенного декора: розетта — на дне и вертикальные лепестки на тулове использовалась и в более раннее время, в частности, на серебряном арибалле из погребения середины V в. до н.э. № 11/1969 в Вани (Treister 2007: 67—83 с библиографией в прим. 1)[11] и на серебряном круглодонном сосуде — верхнем элементе «модели котла», приобретенном в Майкопе в 1908 г. (рис. 12) (ОАК за 1908 г.: 181; Смирнов 1909: табл. CXIX: 303; Pharmakowsky 1909: 151, Abb. 11; Рябкова 2021: 94—98, рис. 4). Вторично (?) приклепанные к краю чаши полоски с отверстиями на концах дают основание предполагать, что в древности первоначальная функция чаши могла быть изменена.

Бронзовая изогнутая каннелированная ручка шириной 15,3 см в центральной части украшена биконической бусиной с двумя подобными бусинами несколько меньшего размера по сторонам. На концах ручки оформлены округлыми плоскими завершениями в форме розетт с коротки лепестками, припаянных к атташам в форме цветков (?) (рис. 13: *1*). Ручка, судя по форме и особенностям декора, не могла быть горизонтальной ручкой гидрии, которые очень редко и, как правило, только на экземплярах позднеархаического времени украшались в центральной части или поперечным рядом маленьких округлых «бусин» (Diehl 1964: 27, 217, Nr. B 91, Taf. 7: *2*; Tarditi 2007: 45, fig. 9; Мутафчиева 2016: 42, рис. 1; Sideris 2021: 150—153, no. 222)[12]. Я также не знаю подобных ручек кратеров — у тех из них, у

[11] О розеттах на серебряных сосудах V—IV вв. до н.э., см. Treister 2007: 83—92.

[12] См. аналогичным образом оформленные ручки предположительно поданиптеров с Афинского акрополя (Tarditi 2016: 165, Bh.3.I.F.c, no. 19784; 170—171, Bh.3.IIA—B, nos. 23905, 19764, 21464; 316) и поданиптеров из Южной Италии (Tarditi 1996: 24—25, nos. 27, 29; 33—34, nos. 41—42).

которых ствол ручки имеет аналогичное оформление и курватуру, атташи расположены значительно ближе друг к другу (например, Bini et al. 1995: 61, no. 126, tav. XLI: *2*). Каннелированные ручки кратеров в форме бутонов (calyx-krater) не имеют дополнительных украшений в центре, а внизу украшены рельефными атташами в форме головок менад или силена (Vokotopoulou 1997: 156, fig. 157; 261—262; Drougou 2015: 147, pls. 3: *2*; 4: *3*; Barr-Sharar 2015: 64, figs. 4—5; 65, fig. 8).

С наибольшей вероятностью рассматриваемая ручка является ручкой поданиптера, которые также могли быть каннелированы, а в центре украшены тремя бусинами — крупной в центре с более мелкими по бокам (Tarditi 1996: 25—27, nos. 30—32; 2016: 131, Bh.2.II.H, no. 21493). Как отмечает К. Тардити, такой вид оформления ручек (central bead with side discs, тип Bh.2.III.B.a) характерен для поданиптеров из Южной Италии, Греции, особенно Олимпии, и с Балкан архаического времени (Gauer: 1991, 238, P10—P11, Taf. 58: *3*; Tarditi 2016: 135—137, 250, fig. 29; Cat. Belgrade 2018: 293, no. 137; 303, nos. 166—167; 310, no. 188; Sideris 2021: 143—145, no. 220). Вместе с тем, почти во все этих случаях центральная бусина украшена продольными валиками, а боковые — двумя поперечными, тогда как все три бусины ручки из «Майкопского сокровища» — гладкие, а центральная очень сильно сжата по сравнению с бусинами архаических поданиптеров. Лишь в одном случае на ручке с Афинского акрополя мы наблюдаем бусины, близкие по форме, которые сочетаются с каннелированным стволом ручки (Tarditi 2016: 136, Bh.2.III.B.a, no. 21457/1; 250). Аналогичным образом оформлена и ручка этрусского таза VI в. до н.э., найденная в районе Кастеля Сан Мариано (Höckmann 1982: 103—104, Nr. 69, Taf. 56: *5*; Abb. 68; Cipollone 2011: 38, no. 295; Pfisterer-Haas 2019: 253—254, Nr. 109) и поданиптеров из погребений V в. до н.э. некрополя Рутильяно (Tarditi 1996: 27—30, nos. 33—36).

Косвенно раннюю датировку ручки поданиптера подтверждает сравнения с ручками бронзовых тазов первых веков н.э. Хотя в центре ручки тазов типов Eggers 99—106 могут быть украшены подобными бусинами, сами стволы ручек — гладкие, а не каннелированные (Tassinari 1993: vol. 1, tav. LVII—LXIX; vol. 2: 220—238, S4000, 4111—4400). Единственный известный мне пример каннелированный ручки таза из Помпей, с атташами в форме пальметт, в центре украшает поперечный ряд мелких бусин (Tassinari 1993: vol. 2, 240, S6100c, no. 13239). Из Помпей же происходит и единственный пример каннелированной ручки кратера с тремя бусинами в центре и атташами с головой Медузы и пальметтами, при этом сама ручка имеет иные, округлые очертания (Tassinari 1993: vol. 1, tav. XCIX: *1—2*; vol. 2: 345, Y1100, no. 1112). Аналогичные ручки хранятся в Тарквинии (Bini et al. 1995: 61, no. 126, tav. XLI: *2*) и Касселе (Höckmann 1972: 41, Nr. 102, Taf. 24).

Фрагментированный calyx-krater с изображением менад (рис. 14) в настоящее время рассматривается как аттическая работа ок. 420—410 гг. до н.э. (Barr-Sharrar 2008: 211, note 95). Интересно, что кратер имеет граненные ручки (грани дополнительно украшены рядами жемчужника) (в отличие от подобных ручек более поздних calyx-kraters), оканчивающиеся атташами с рельефными головками Диониса (Züchner 1938: 7, Abb. 3—6; 8; Taf. 7; Barr-Sharrar 2008: 180, fig. 167).

Литература

Анфимов Н.В. 1979. Импорт бронзовой италийской посуды в Прикубанье (II в. до н.э. — III в. н.э.). В: Пиотровский Б.Б. (ред.). *Проблемы античной истории и культуры*. Т. 2. *Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран Эйрене*. Ереван: АН Арм. ССР, 232—238.

Гладкий И. 1913. На археологических раскопках. Из заметок заведующего Кубанским войсковым музеем. *Приложение к Отчету Кубанского войскового музея за 1911—12 годы*. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 65—81.

Граков Б.Н. 1965. Заметки по скифо-сарматской археологии. В: Крупнов Е.И. (ред.). *Новое в советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселёва. К 60-летию со дня рождения*. Москва: Наука, 215—219 (МИА 130).

Иессен А.А. 1955. Несколько бронзовых предметов, найденных в районе станицы Тульской. *СГЭ* VIII, 31—33.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. 1983. *Скифия VII—IV вв. до н.э*. Киев: Наукова думка.

Канторович А.Р. 2015. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Дисс. … д-ра ист. наук. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова.

Канторович А.Р. 2018. Мотивы рыбы и дельфина в восточноевропейском скифском стиле: типология, хронология, истоки. *Археологія і давня історія України* 27(2), 101—118.

Кат. Ленинград 1973. Борисковская С.П. (ред.). *Античная художественная бронза: Каталог выставки в Эрмитаже*. Ленинград: Аврора.

Кат. Майкоп 2014. Эрлих В.Р. *Древности «долины яблонь»*. Москва: Государственный музей Востока.

Королькова Е.Ф. 1998. Иконография образа хищной птицы в скифском зверином стиле VI—IV вв. до н.э. *Проблемы археологии* 4. *История и культура древних и средневековых обществ. Сборник статей, посвященных 100-летию со дня рождения М.И. Артамонова*, 166—177.

Королькова Е.Ф. 2006. *Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.

Кропоткин В.В. 1970. *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. — V в. н.э.)*. Москва: Наука (САИ Д1-27).

Лесков А.М. 2010. «Майкопские сокровища» в музеях Германии и США. В: Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. (ред.). *Античное наследие Кубани*. Т. 3. Москва: Наука, 500—526.

Лунин Б.В. 1937. Даховское погребение. *Наука и жизнь* 10, 39—40.

Лунин Б.В. 1939. Археологические находки 1935—1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа. *ВДИ* 3 (8), 210—223.

Лунин Б.В. 1940. Серебряная чаша с рельефным изображением и греческой надписью и стеклянная чаша из находок у станицы Даховской. *ИРОМК* 2, 27—49.

Манцевич А.П. 1966. Деревянные сосуды скифской эпохи. *АСГЭ* 8, 23—38.

Манцевич А.П. 1987. *Курган Солоха*. Ленинград: Искусство.

Мутафчиева Я. 2016. Бронзови хидрии и огледала с изображения на сирени от Тракия. *Археология* 57 (1—2), 39—57.

ОАК за 1876 г. 1879: *Отчет археологической комиссии за 1876 г.* 1879. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

ОАК за 1905 г. 1908: *Отчет археологической комиссии за 1905 г.* 1908. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.

ОАК за 1908 г. 1912: *Отчет археологической комиссии за 1908 г.* 1912. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.

ОАК за 1913—1915 гг.: *Отчет археологической комиссии за 1913—1915 гг.* 1918. Петроград: Девятая государственная типография.

Онайко Н.А. 1966. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н.э*. Москва: Наука (САИ Д1-27).

Петренко В.Г. 1967. *Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н.э*. Москва: Наука (САИ, Д1-4).

Рябкова Т.В. 2019. О золотой накладке на сосуд из Эрмитажа. *ВДИ* 79 (4), 1009—1021.

Рябкова Т.В. 2020a. О комплексе одного из Семиколенных курганов в Собрании Эрмитажа. *АВ* 26, 272—282.

Рябкова Т.В. 2020b. Раннескифские погребения в Семиколенном кургане и кургане 11 могильника Лебеди V: к вопросу о памятниках послепоходного периода. В: Гаджиев М.С. (ред.). *Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20—25 апреля 2020 г*. Махачкала: МавраевЪ, 275—277.

Рябкова Т.В. 2021. Малоазийские предметы в раннескифских памятниках Закубанья (Северный Кавказ. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность* 6, 90—101.

Силантьева П.Ф. 1959. Некрополь Нимфея. В: В.Ф. Гайдукевич (ред.). *Некрополи боспорских городов*. Москва; Ленинград: АН СССР, 5—107 (МИА 69).

Симоненко А.В. 2011. *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История.

Смирнов Я.И. 1909. *Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи / Argenterie orientale. Recueil d'ancienne vaisselle orientale en Argent et en or, trouvée principalement en Russie*. Санкт-Петербург: Императорская археологическая комиссия.

Трейстер М.Ю. 2019. Заметки об греческой, италийской и македонской бронзовой посуде у скифов и меотов. *Археологія і давня історія України* 2 (31), 518—526.

Трейстер М.Ю. 2021. Греческие бронзовые сосуды второй половины VI—V вв. до н.э. и их фрагменты из Ольвии, Березани и скифских курганов Побужья и Приднепровья. *Scripta antiqua* IX, 211—263.

Трейстер М.Ю. 2022. Фалары из грабительских раскопок 1930-х гг. у ст. Даховской в Закубанье. *ДБ* 27 (в печати).

Уварова П.С. 2005. *Былое. Давно прошедшие счастливые дни*. Москва: ГИМ (Труды ГИМ 144).

Фиалко Е.А. 1993. Новий тип дерев'яних чаш у скіфів. *Археологія* 1, 46—53.

Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. 1907. *Собрание Б.Н. и В.И. Ханенко. Древности Приднепровья и побережья Черного моря*. Вып. VI. Киев: Фототипия и тип. С. В. Кульженко.

Хачатурова Е.А. 2010. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына. В: Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. (ред.). *Античное наследие Кубани*. Т. 3. Москва: Наука, 12—63.

Alexander C. 1925. Jewelry and Miscellaneous Small Antiquities: Recent Accessions. *The Metropolitan Museum of Art Bulletin* 20 (7), 180—183. DOI: 10.2307/3254745.

Amandry et al. 1991. Amandry P.P., Lerat L., Marcadé J., Croissant F., Rolley C., Chamoux F., Pariente A. *Guide de Delphes. Le musée*. Paris: Ecole française d'Athènes en dépôt aux Editions de Boccard.

Baratte et al. 1984. Baratte F., Bonamour L., Guillaumet J.-P., Tassinari S. *Vases antiques de métal au Musée de Chalon-sur-Saône*. Dijon: Revue archéologique de l'Est et du Centre-Est (Revue archéologique de l'Est et du Centre-Est. Suppl. 5).

Barr-Sharrar B. 2008. *The Derveni Crater*. Princeton: American School of Classical Studies.

Barr-Sharar B. 2015. Major New Evidence for the Date and Athenian Origin of the Derveni Krater: A 4th Century B. C. Bronze Calyx Krater with Overlaid Silver Garland from the Same Workshop. In: Deschler-Erb E., Della Casa P. (eds.). *New Research on Ancient Bronzes. Acta of the XVIIIth International Congress on Ancient Bronzes*. Zürich: Chronos, 63—68 (Zurich Studies in Archaeology 10).

Bessios M. 2010. *Πιερίδων στέφανος. Πύδνα, Μεθώνη και οι αρχαιότητες της βόρειας Πιερίας*. Katerini: Εκδόσεις Α.Φ.Ε.

Bini et al. 1995. Bini M.P., Caramella G., Buccioli S. *I bronzi etruschi e romani*. Roma: G. Bretschneider (Materiali del Museo Archeologico Nazionale di Tarquinia 13)

Boardman J. 1970. Pyramidal Stamp Seals in the Persian Empire. *Iran* 8, 19—46.

Cat. Belgrade 2018. Ardjanliev P., Chukalev K., Cvjetićanin T., Damyanov M., Krstić V., Papazovska A., Popov H. (eds.). *100 Years of Trebenishte*. Sofia: National Archaeological Institute with Museum — Bulgarian Academy of Sciences.

Cat. Kazanlak 2017. Damyanov M. (ed.). *The Silver of the Thracians*. Sofia: National Archaeological Institute with Museum at the Bulgarian Academy of Sciences (National Archaeological Museum Catalogues VII).

Cat. Montreal 1987. *Gold of the Thracian Horsemen. Treasures from Bulgaria*. Montreal: Editions de l'Homme.

Cat. New York 1975. *From the Lands of the Scythians*. New York: Metropolitan Museum of Art (Bulletin of the Metropolitan Museum of Art 32.5, 1973/1974).

Cat. Paris 2011. Descamps-Lequime S. (ed.). *Au royaume d'Alexandre le Grand. La Macédoine antique*. Paris: Somogy éditions d'art, Louvre éditions.

Cat. San Antonio 1999. Reeder E.D. (ed.). *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine*. New York: Harry N. Abrams.

Cipolloni M. 2011. I bronzi da Castel San Mariano: io state delle cose. *Bollettino di archeologia on line* 2—3, 20—43.

Delli Ponti G. 1973. *I bronzi del Museo provinciale di Lecce*. Lecce: Amministrazione Provinciale.

Descamps-Lequime S. 2002. Un exaleiptron en fer et en bronze, de la nécropole macédonienne de Karabournaki, dans les collections du musée du Louvre. In: Giumlia-Mair A. (ed.). *I Bronzi Antichi: Produzione e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi (Grado-Aquileia, 22—26 maggio 2001)*. Montagnac: Mergoil, 108—115 (Monographies Instrumentum 21).

Descamps-Lequime S. 2012. Un thymiatérion archaïque en bronze dans les collections du Louvre. In: Denoyelle M., Descamps-Lequime S., Mille B., Verger St. (eds*.). Bronzes grecs et romains, recherches récentes. Hommage à Claude Rolley (Actes de colloques)*. Paris: Publications de l'Institut national d'histoire de l'art, 310—334.

Despini Ai. 2016. *Σίνδος: το νεκροταφείο. Ανασκαφικές έρευνες 1980—1982*. T. I—III. Athens: Αθήναις Αρχαιολογική Εταιρεία (Βιβλιοθήκη της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας 307—309).

Diehl E. 1964. *Die Hydria. Formgeschichte und Verwendung im Kult des Altertums*. Mainz: von Zabern.

Dimand M.S., McAllister H.E. 1940. *Near Eastern Jewelry. A Picture Book*. New York: Metropolitan Museum of Art.

Drougou S. 2015. The bronze calyx-krater from the "Heuzey B" TOMB in Vergina (Ancient Aigai). *Studies in Ancient Art and Civilization* 19, 139—163. DOI: 10.12797/SAAC.19.2015.19.08.

Eggers H.J. 1951. *Der römische Import im freien Germanien*. Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte (Atlas der Urgeschichte 1).

felicina.ru: 1: Письма Н.И. Веселовского в коллекции КГИАМЗ. URL: https://felicina.ru/nauka/pisma-n-i-veselovskogo-v-kollekcii-kgiamz/ (дата обращения 10.04.2022).

Filow B., Schkorpil K. 1927. *Die archaische Nekropole von Trebenischte am Ochrida-See*. Berlin; Leipzig: de Gruyter.

Gauer W. 1991. *Die Bronzegefäße von Olympia mit Ausnahme der geometrischen Dreifüsse und der Kessel des orientalischen Stils I. Kessel und Becken mit Untersätzen, Teller, Kratere, Hydrien, Eimer, Situlen und Cisten, Schöpfhumpen und verschiedenes Gerät*. Berlin: de Gruyter (Olympische Forschungen 20).

Gorny & Mosch 2011. *Auktion 202, 14. Dezember 2011. Kunst der Antike*. München: Gorny & Mosch.

Greifenhagen A. 1970. *Schmuckarbeiten in Edelmetall*. Bd. I. Berlin: Gebr. Mann.

H.E.F. 1930. The Maikop Treasure. *The Museum Bulletin* II (1), 6—11.

Höckmann U. 1982. *Die Bronzen aus dem Fürstengrab von Castel San Mariano bei Perugia*. München: C.H. Beck (Staatliche Antikensammlungen München. Katalog der Bronzen 1).

Kaba H. 2020. An Elite Tomb from Soloi: New Evidence for the Funerary Archaeology of Cyprus. *Adalya* 23, 205—237.

Karasová Z. 1998. *Die römischen Bronzegefässe in Böhmen*. Pragae: Museum Nationale Pragae (Fontes Archaeologici Pragenses 22).

Kat. Berlin 2008. Schlesier R., Schwarzmaier A. (Hrsg.). *Dionysos. Verwandlung und Ekstase. Ausstellungskatalog Staatliche Museen Berlin*. Regensburg: Schnell und Steiner Verlag.

Kunow J. 1983. *Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen*. Neumünster: Karl Wachholtz (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte 21).

Leskov A.M. 2008. *The Maikop Treasure*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Marčenko I.I., Limberis N.J. 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz: von Zabern, 267—400 (Archäologie in Eurasien 25).

Moullou D. 2021. Shedding Light on the Kothon: Vases with Inward Downturned Rims Revisited. *American Journal of Archaeology* 125 (2), 183—206.

nat.museum-digital.de: 1: Löwenfuβfragment, wohl von einem Gefäβ. URL: https://nat.museum-digital.de/object/245101 (дата обращения 10.04.2022).
nat.museum-digital.de: 2: Griff eines Kraters oder eines Beckens. Oberfläche ziemlich angegriffen; das eine Ende gebrochen. URL: https://nat.museum-digital.de/object/245331 (дата обращения 10.04.2022).
nat.museum-digital.de: 3: Kleine halbkugelförmige Schale. URL: https://nat.museum-digital.de/object/245375 (дата обращения 10.04.2022).
Nuber H.-U. 1972. Kanne und Griffschale. *BerRGK* 53, 1—232.
Özgen I., Öztürk J. 1996. *Heritage Recovered. The Lydian Treasure*. Istanbul: Uğur Okman for Republic of Turkey; Ministry of Culture; General Directorate of Monuments and Museums.
Pfisterer-Haas S. 2019. *Die Bronzegefäße der Staatlichen Antikensammlungen München, Katalog der Bronzen*. München: Staatliche Antikensammlungen und Glyptothek München (Staatliche Antikensammlungen München 2).
Pharmakowsky B. 1909. Archäologische Funde im Jahre 1908. Rußland. *AA*, 139—176.
Platz-Horster G., Nagler A. 2007. Die Goldfunde von Majkop. In: Parzinger H. (Hrsg.). *Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. München; Berlin; London; New York: Prestel, 220—227.
Popović L. 1956. *Katalog nalaza iz nekropole kod Trebeništa. Narodni Muzej Beograd = Catalogue of Finds from the Necropolis of Trebenishte. National Museum of Belgrade*. Belgrade: National Museum (Antika I).
Rostovtzeff M.I. 1933. Some New Aspects of Iranian Art. *Seminarium Kondokovianum* VI, 161—185.
Rostowzew M.I. 1931. *Skythien und der Bosporus*. Berlin: Hans Schoetz & Co.
Sakellarakis Y., Sapouna-Sakellaraki E. 2013. *Το Ιδαίο Άντρο. Ιερό και μαντείο*. T. I—III. Athens: Αθήναις Αρχαιολογική Εταιρεία (Βιβλιοθήκη της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας 280).
Schwarzmaier A. 1997. *Griechische Klappspiegel. Untersuchungen zu Typologie und Stil*. Berlin: Gebr. Mann (Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Beiheft 18).
Sideris A. 2016. *Metal Vases & Utensils in the Vassil Bojkov Collection*. Vol. 1. Sofia: Thrace Foundation.
Sideris A. 2021. *Metal Vases & Utensils in the Vassil Bojkov Collection*. Vol. 2. Sofia: Thrace Foundation.
smb.museum-digital.de: 1: Bruchstücke eines attischen Kelchkraters mit reichem Reliefdekor (sog. Berliner Mänadenkrater). URL: https://smb.museum-digital.de/index.php?t=objekt&oges=8866 (дата обращения 10.04.2022).
Stibbe C.M., Vasic R. 2003. *Trebenishte. The Fortune of an Unusual Excavation*. Rome: L'Erma di Bretschneider (Studia archeologica 121).
Tarditi C. 1996. Vasi di bronzo in area Apula. Produzioni greche ed italiche di età arcaica e classica, Università di Lecce. *Dipartimento di Beni Culturali. Settore storico-Archeologico. Collana del Dipartimento* 8. Galatina: Congedo Editore.
Tarditi C. 2007. La diffusione del vasellame bronzeo greco in Italia e in Europa: modalità elimiti. In: Tarditi C. (ed.). *Dalla Grecia all'Europa: la circolazione di beni di lusso e di modelli culturali nel VI e V sec. a.C*. Milano: Vita e Pensiero, 23—52.
Tarditi C. 2016. *Bronze Vessels from the Acropolis. Style and Decoration in Athenian Production Between the Sixth and Fifth Centuries B.C*. Rome: Quasar (Thiasos Monografie 7).
Tassinari S. 1975. *La vaisselle de bronze, romaine et provinciale, au Musée des Antiquités nationales*. Paris: Éditons du CNRS (XXIXe suppl. à Gallia).
Tassinari S. 1993. *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Roma: L'Erma di Bretschneider.
Teleaga E. 2008. *Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau. 6. Jh. — Anfang des 3. Jhs. v.Chr*. Rahden: Marie Leidorf (Marburger Studien zur Vor- und Frühgeschichte 23).
Treister M. 2007. The Toreutics of Colchis in the 5th — 4th centuries BC. Local Traditions, Outside Influences, Innovations. *ACSS* 13, 67—107.
Treister M. 2019. Second-Hand for the Barbarians? Greek and Roman Metalware with the Signs of Repair from the Nomadic burials of Scythia and Sarmatia. In: Cojocaru V., Ruscu L., Castelli T., Pázsint A.-I. (eds.). *Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion. The Proceedings of the International Symposium, Constanţa, August 20-24, 2018*. Cluj-Napoca: Mega Publishing House, 313—345 (Pontica et Mediterranea VIII).
Treister M. 2021. Greek, Italic and Etruscan Bronze Vessels and their Fragments of the Late 6th — 5th Century BC from Olbia, Berezan and Scythian burial-mounds of the Bug and Dnieper Basins. In: Fornasier J., Bujskikh A. (Hrsg.). *An den Ufern des Bugs*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 329—362 (Frankfurter Archäologische Schriften 42).

Vokotopoulou I. 1986. *Βίτσα. Τα νεκροταφεία μιας μολοσσικής κώμης*. Athens: Ταμειου Αρχαιολογικων Πορων και Απαλλοτριωσεων.

Vokotopoulou J. 1997. *Silver and Bronze Works of Art, Greek Art*. Athens: Ekdotike Athenon.

Weber T. 1983. *Bronzekannen. Studien zu ausgewählten archaischen und klassischen Oinochoenformen aus Metall in Griechenland und Etrurien*. Frankfurt am Main; Bern: Peter Lang GmbH; Internationaler Verlag der Wissenschaften (Archäologische Studien 5).

Wielowiejski J. 1985. Die spätkeltischen und römischen Bronzegefäße in Polen. *BerRGK* 66, 123—320.

Zimi E., Sideris A. 2003. Χάλκινα σκεύη από το Γαλαξείδι: πρώτη προσέγγιση. In: Themelis P., Stataki-Koumarou P. (eds.). *Το Γαλαξείδι από την Αρχαιότητα έως σήμερα (Πρακτικά 1ου Επιστημονικού Συνεδρίου Γαλαξείδι 29-30 Σεπτεμβρίου 2000. Υπό την Αιγίδα του Δήμου Γαλαξειδίου)*. Αθήνα: Εταιρεία Μεσσηνιακών Αρχαιολογικών Σπουδών, 35—60.

Zimmermann N. 1998. *Beziehungen zwischen Ton- und Metallgefäßen spätklassischer und frühhellenistischer Zeit*. Rahden: Marie Leidorf.

Züchner W. 1938. *Der Berliner Mänadenkrater*. Berlin: de Gruyter (Winckelmannsprogramm der Archäologischen Gesellschaft zu Berlin 98).

References

Anfimov, N.V. 1979. In: Piotrovskiy, B.B. (ed.). *Problemy antichnoy istorii i kul'tury (The Problems of Ancient History and Culture).* Vol. 2. *Doklady XIV Mezhdunarodnoy konferentsii antichnikov sotsialisticheskikh stran Eyrene (Reports of the XIV International Conference of the Historians of Ancient World of the Socialist Countries Eirene)*. Erevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 232—238 (in Russian).

Gladkiy, I. 1913. In *Prilozhenie k Otchetu Kubanskogo voyskovogo muzeya za 1911—12 gody (Supplement to the Report of the Kuban Military Museum for 1911—12)*. Ekaterinodar: Typography of the Kuban Regional Government, 65—81 (in Russian).

Grakov, B.N. 1965. In: Krupnov, E.I. (ed.). *Novoe v sovetskoy arkheologii. Pamyati Sergeya Vladimirovicha Kiseleva. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya (New in Soviet archeology. In memory of Sergei Vladimirovich Kiselyov. To the 60th Anniversary of his Birth).* Moscow: Nauka, 215—219 (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 130) (in Russian).

Iessen, A.A. 1955. In *Soobscheniya Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage)* VIII, 31—33.

Il'inskaya, V.A., Terenozhkin, A.I. 1983. *Skifiya VII—IV vv. do n.e. (Scythia of the 7th—4th Centuries BCE)* Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Kantorovich, A.R. 2015. Scythian Animal Style of Eastern Europe: Classification, Typology, Chronology, Evolution). Dr.habil. Thesis. Moscow: Moscow State Lomonosov University.

Kantorovich, A.R. 2018. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Ancient History of the Ukraine)* 2 (27), 101—118 (in Russian).

Cat. Leningrad 1973. Boriskovkaya, S.P. (ed.). *Antichnaya khudozhestvennaya bronza. Katalog vystavki v Ermitazhe (Antique Artistic Bronze. The Catalogue of the Exhibition in the Hermitage)*. Leningrad: Aurora (in Russian).

Cat. Maykop 2014. Erlikh, V.R. *Drevnosti "doliny yablon" (Antiquities of the "Apple Valley")*. Moscow: State Orient Museum (in Russian).

Korol'kova, E.F. 1998. In *Problemy arkheologii (Problems of Archaeology)* 4. *Istoriya i kul'tura drevnikh i srednevekovykh obshchestv. Sbornik statey, posvyashchennykh 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.I. Artamonova (History and culture of ancient and medieval societies. Collection articles, dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of M.I. Artamonov).* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 166—177 (in Russian).

Korol'kova, E.F. 2006. *Zverinyj stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII—IV vv. do n.e.). Problemy stilya i etnokul'turnoy prinadlezhnosti (Animal style of Eurasia. The Art of the Tribes of the Lower Volga Region and South Urals in the Scythian Period (7th — 4th Centuries BCE). Problems of Style and Ethno-Cultural Affiliation).* Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).

Kropotkin, V.V. 1970. *Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n.e. — V v. n.e.) (Roman imported Objects in Eastern Europe (2nd Century BCE — 5th Century CE))*. Moscow: Nauka (Corpus of archaeological sources D1-27) (in Russian).

Leskov, A.M. 2010. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)*. Vol. III. Moscow: Nauka, 500—526 (in Russian).

Lunin, B.V. 1937. In *Nauka i zhizn' (Science and Life)* 10, 39—40 (in Russian).

Lunin, B.V. 1939. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3 (8), 210—223 (in Russian).

Lunin, B.V. 1940. In *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya (Reports of the Rostov Regional Local Lore Museum)* 2, 27—49 (in Russian).

Mantsevich, A.P. 1966. In *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage)* 8, 23—38 (in Russian).

Mantsevich, A.P. 1987. *Kurgan Solokha (Solokha Burial Mound)*. Leningrad: Iskusstvo (in Russian).

Mutafchieva, Ya. 2016. In *Arkheologiya (Archaeology)* 57 (1—2), 39—57 (in Bulgarian).

Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1876 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1876). 1879. Saint Petersburg: Typography of the Royal Academy of Sciences (in Russian).

Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1905 *g. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1905)*. Saint Petersburg: Typography of the Main Department of Appanages (in Russian).

Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1908 *g. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1908)*. 1912. Saint Petersburg: Typography of the Main Department of Appanages (in Russian).

Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1913—1915 *gg. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1913—1915)*. 1918. Petrograd: 9th State Typography (in Russian).

Onayko, N.A. 1966. *Antichnyy import v Pridneprov'e i Pobuzh'e v VII—V vekakh do n.e. (Antique Import in the Dnieper and Bug Basins in the 7th — 5th centuries BCE).* Moscow: Nauka (Corpus of archaeological sources D1-27) (in Russian).

Petrenko, V.G. 1967. *Pravoberezh'e Srednego Pridneprov'ya v V—III vv. do n.e.* (*The Right Bank of the Middle Dnieper Basin in the 5th — 3rd Centuries BCE)*. Moscow: Nauka (Corpus of archaeological sources D1-4) (in Russian).

Ryabkova, T.V. 2019. *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 79 (4), 1009—1021 (in Russian).

Ryabkova, T.V. 2020a. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 26, 272—282 (in Russian).

Ryabkova, T.V. 2020b. In: Gadzhiev, M.S. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya. XXXI Krupnovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu Krupnovskikh chteniy i 50-letiyu Derbentskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. Makhachkala, 20—25 aprelya 2020 g. (Archaeological Heritage of the Caucasus: actual Problems of Study and Conservation. XXXI Krupnov Readings. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 50th Anniversary of the Krupnov Readings and the 50th Anniversary of the Derbent Archaeological Expedition. Makhachkala, April 20—25, 2020)*. Makhachkala: Mavraev, 275—277 (in Russian).

Ryabkova, T.V. 2021. In: *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost' (Oriens)* 6, 90—101 (in Russian).

Silant'eva, P.F. 1959. In: Gaydukevich V.F. (ed.). *Nekropoli bosporskikh gorodov (Necropoleis of the Bosporan Cities)*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 5—107 (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 69) (in Russian).

Simonenko, A.V. 2011. *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* (*Roman Import by the Sarmatians of the North Pontic Area*). Saint Petersburg: Philological Faculty of the Saint Petersburg State University; Nestor-Istoriya (in Russian).

Smirnov, Ya.I. 1909. *Vostochnoe serebro. Atlas drevney serebryanoy i zolotoy posudy vostochnogo proiskhozhdeniya, najdennoy preimushchestvenno v predelakh Rossijskoy imperii (Eastern silver. Atlas of ancient silver and gold utensils of Eastern origin, found mainly within the Russian Empire)*. Saint Petersburg: Imperial Archaeological Commission.

Treister, M.Yu. 2019. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Ancient History of the Ukraine)* 2 (31), 518—526 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2021. In *Scripta antiqua* IX, 211—263 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2022. In *Drevnosti Bospora (Antiquties of the Bosporus)* 27 (in print) (in Russian).

Uvarova, P.S. 2005. *Byloe. Davno proshedshie schastlivye dni (The Past. Long gone Happy Days)*. Moscow: State Historical Museum (Trudy GIM (Proceedings of the State Historical Museum 144) (in Russian).

Fialko, E.A. 1993. In *Arkheologiya (Archaeology)* 1, 46—53 (in Ukrainian).

Khanenko, B.N., Khanenko, V.I. 1907. *Sobranie B.N. i V.I. Khanenko. Drevnosti Pridneprov'ya i poberezh'ya Chernogo morya (Collection of V.N. and V.I. Khanenko. Antiquities of the Dnieper and the Black Sea coast).* Iss. VI. Kyiv: Phototypia and Typography S.V. Kul'zhenko (in Russian).

Khachaturova, E.A. 2010. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban).* Vol. III. Moscow: Nauka, 12—63 (in Russian).

Alexander, C. 1925. Jewelry and Miscellaneous Small Antiquities: Recent Accessions. *The Metropolitan Museum of Art Bulletin* 20 (7), 180—183. DOI: 10.2307/3254745.

Amandry et al. 1991. Amandry, P.P., Lerat, L., Marcadé, J., Croissant, F., Rolley, C., Chamoux, F., Pariente, A. *Guide de Delphes. Le musée*. Paris: Ecole française d'Athènes en dépôt aux Editions de Boccard.

Baratte et al. 1984. Baratte, F., Bonamour, L., Guillaumet, J.-P., Tassinari, S. *Vases antiques de métal au Musée de Chalon-sur-Saône*. Dijon: Revue archéologique de l'Est et du Centre-Est (Revue archéologique de l'Est et du Centre-Est. Suppl. 5).

Barr-Sharrar, B. 2008. *The Derveni Crater*. Princeton: American School of Classical Studies.

Barr-Sharar, B. 2015. Major New Evidence for the Date and Athenian Origin of the Derveni Krater: A 4th Century B. C. Bronze Calyx Krater with Overlaid Silver Garland from the Same Workshop. In: Deschler-Erb, E., Della Casa, P. (eds.). *New Research on Ancient Bronzes. Acta of the XVIIIth International Congress on Ancient Bronzes*. Zürich: Chronos, 63—68 (Zurich Studies in Archaeology 10).

Bessios, M. 2010. *Πιερίδων στέφανος. Πύδνα, Μεθώνη και οι αρχαιότητες της βόρειας Πιερίας*. Katerini: Εκδόσεις Α.Φ.Ε.

Bini et al. 1995. Bini, M.P., Caramella, G., Buccioli, S. *I bronzi etruschi e romani*. Roma: G. Bretschneider (Materiali del Museo Archeologico Nazionale di Tarquinia 13)

Boardman, J. 1970. Pyramidal Stamp Seals in the Persian Empire. *Iran* 8, 19—46.

Cat. Belgrade 2018. Ardjanliev, P., Chukalev, K., Cvjetićanin, T., Damyanov, M., Krstić, V., Papazovska, A., Popov, H. (eds.). *100 Years of Trebenishte*. Sofia: National Archaeological Institute with Museum — Bulgarian Academy of Sciences.

Cat. Kazanlak 2017. Damyanov, M. (ed.). *The Silver of the Thracians*. Sofia: National Archaeological Institute with Museum at the Bulgarian Academy of Sciences (National Archaeological Museum Catalogues VII).

Cat. Montreal 1987. *Gold of the Thracian Horsemen. Treasures from Bulgaria*. Montreal: Editions de l'Homme.

Cat. New York 1975. *From the Lands of the Scythians*. New York: Metropolitan Museum of Art (Bulletin of the Metropolitan Museum of Art 32.5, 1973/1974).

Cat. Paris 2011. Descamps-Lequime, S. (ed.). *Au royaume d'Alexandre le Grand. La Macédoine antique*. Paris: Somogy éditions d'art, Louvre éditions.

Cat. San Antonio 1999. Reeder, E.D. (ed.). *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine*. New York: Harry N. Abrams.

Cipolloni, M. 2011. I bronzi da Castel San Mariano: io state delle cose. *Bollettino di archeologia on line* 2—3, 20—43.

Delli Ponti, G. 1973. *I bronzi del Museo provinciale di Lecce*. Lecce: Amministrazione Provinciale.

Descamps-Lequime, S. 2002. Un exaleiptron en fer et en bronze, de la nécropole macédonienne de Karabournaki, dans les collections du musée du Louvre. In: Giumlia-Mair, A. (ed.). *I Bronzi Antichi: Produzione e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi (Grado-Aquileia, 22—26 maggio 2001)*. Montagnac: Mergoil, 108—115 (Monographies Instrumentum 21).

Descamps-Lequime, S. 2012. Un thymiatérion archaïque en bronze dans les collections du Louvre. In: Denoyelle, M., Descamps-Lequime, S., Mille, B., Verger, St. (eds*.). Bronzes grecs et romains, recherches récentes. Hommage à Claude Rolley (Actes de colloques)*. Paris: Publications de l'Institut national d'histoire de l'art, 310—334.

Despini, Ai. 2016. *Σίνδος: το νεκροταφείο. Ανασκαφικές έρευνες 1980—1982*. Τ. I—III. Athens: Αθήναις Αρχαιολογική Εταιρεία (Βιβλιοθήκη της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας 307—309).

Diehl, E. 1964. *Die Hydria. Formgeschichte und Verwendung im Kult des Altertums*. Mainz: von Zabern.

Dimand, M.S., McAllister, H.E. 1940. *Near Eastern Jewelry. A Picture Book*. New York: Metropolitan Museum of Art.

Drougou, S. 2015. The bronze calyx-krater from the "Heuzey B" TOMB in Vergina (Ancient Aigai). *Studies in Ancient Art and Civilization* 19, 139—163. DOI: 10.12797/SAAC.19.2015.19.08.

Eggers, H.J. 1951. *Der römische Import im freien Germanien*. Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte (Atlas der Urgeschichte 1).

felicina.ru: 1: Letters from N.I. Veselovsky in the collection of KGIAMZ. Available at: https://felicina.ru/nauka/pisma-n-i-veselovskogo-v-kollekcii-kgiamz/ (accessed 10.04.2022).

Filow, B., Schkorpil, K. 1927. *Die archaische Nekropole von Trebenischte am Ochrida-See*. Berlin; Leipzig: de Gruyter.

Gauer, W. 1991. *Die Bronzegefäße von Olympia mit Ausnahme der geometrischen Dreifüsse und der Kessel des orientalischen Stils I. Kessel und Becken mit Untersätzen, Teller, Kratere, Hydrien, Eimer, Situlen und Cisten, Schöpfhumpen und verschiedenes Gerät*. Berlin: de Gruyter (Olympische Forschungen 20).

Gorny & Mosch 2011. *Auktion 202, 14. Dezember 2011. Kunst der Antike*. München: Gorny & Mosch.

Greifenhagen, A. 1970. *Schmuckarbeiten in Edelmetall*. Bd. I. Berlin: Gebr. Mann.

H.E.F. 1930. The Maikop Treasure. *The Museum Bulletin* II (1), 6—11.

Höckmann, U. 1982. *Die Bronzen aus dem Fürstengrab von Castel San Mariano bei Perugia*. München: C.H. Beck (Staatliche Antikensammlungen München. Katalog der Bronzen 1).

Kaba, H. 2020. An Elite Tomb from Soloi: New Evidence for the Funerary Archaeology of Cyprus. *Adalya* 23, 205—237.

Karasová, Z. 1998. *Die römischen Bronzegefässe in Böhmen*. Pragae: Museum Nationale Pragae (Fontes Archaeologici Pragenses 22).

Kat. Berlin 2008. Schlesier, R., Schwarzmaier, A. (Hrsg.). *Dionysos. Verwandlung und Ekstase. Ausstellungskatalog Staatliche Museen Berlin*. Regensburg: Schnell und Steiner Verlag.

Kunow, J. 1983. *Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen*. Neumünster: Karl Wachholtz (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte 21).

Leskov, A.M. 2008. *The Maikop Treasure*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: Simonenko, A., Marčenko, I.I., Limberis, N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz: von Zabern, 267—400 (Archäologie in Eurasien 25).

Moullou, D. 2021. Shedding Light on the Kothon: Vases with Inward Downturned Rims Revisited. *American Journal of Archaeology* 125 (2), 183—206.

nat.museum-digital.de: 1: Löwenfußfragment, wohl von einem Gefäß. URL: https://nat.museum-digital.de/object/245101 (accessed 10.04.2022).

nat.museum-digital.de: 2: Griff eines Kraters oder eines Beckens. Oberfläche ziemlich angegriffen; das eine Ende gebrochen. Available at: https://nat.museum-digital.de/object/245331 (accessed 10.04.2022).

nat.museum-digital.de: 3: Kleine halbkugelförmige Schale. Available at: https://nat.museum-digital.de/object/245375 (accessed 10.04.2022).

Nuber, H.-U. 1972. Kanne und Griffschale. *BerRGK* 53, 1—232.

Özgen, I., Öztürk, J. 1996. *Heritage Recovered. The Lydian Treasure*. Istanbul: Uğur Okman for Republic of Turkey; Ministry of Culture; General Directorate of Monuments and Museums.

Pfisterer-Haas, S. 2019. *Die Bronzegefäße der Staatlichen Antikensammlungen München, Katalog der Bronzen*. München: Staatliche Antikensammlungen und Glyptothek München (Staatliche Antikensammlungen München 2).

Pharmakowsky, B. 1909. Archäologische Funde im Jahre 1908. Rußland. *AA*, 139—176.

Platz-Horster, G., Nagler, A. 2007. Die Goldfunde von Majkop. In: Parzinger, H. (Hrsg.). *Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. München; Berlin; London; New York: Prestel, 220—227.

Popović, L. 1956. *Katalog nalaza iz nekropole kod Trebeništa. Narodni Muzej Beograd = Catalogue of Finds from the Necropolis of Trebenishte. National Museum of Belgrade*. Belgrade: National Museum (Antika I).

Rostovtzeff, M.I. 1933. Some New Aspects of Iranian Art. *Seminarium Kondokovianum* VI, 161—185.

Rostowzew, M.I. 1931. *Skythien und der Bosporus*. Berlin: Hans Schoetz & Co.

Sakellarakis, Y., Sapouna-Sakellaraki, E. 2013. *Το Ιδαίο Άντρο. Ιερό και μαντείο*. T. I—III. Athens: Αθήναις Αρχαιολογική Εταιρεία (Βιβλιοθήκη της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας 280).

Schwarzmaier, A. 1997. *Griechische Klappspiegel. Untersuchungen zu Typologie und Stil*. Berlin: Gebr. Mann (Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Beiheft 18).

Sideris, A. 2016. *Metal Vases & Utensils in the Vassil Bojkov Collection*. Vol. 1. Sofia: Thrace Foundation.

Sideris, A. 2021. *Metal Vases & Utensils in the Vassil Bojkov Collection*. Vol. 2. Sofia: Thrace Foundation.

smb.museum-digital.de: 1: Bruchstücke eines attischen Kelchkraters mit reichem Reliefdekor (sog. Berliner Mänadenkrater). Available at: https://smb.museum-digital.de/index.php?t=objekt&oges=8866 (accessed 10.04.2022).

Stibbe, C.M., Vasic, R. 2003. *Trebenishte. The Fortune of an Unusual Excavation*. Rome: L'Erma di Bretschneider (Studia archeologica 121).

Tarditi, C. 1996. Vasi di bronzo in area Apula. Produzioni greche ed italiche di età arcaica e classica, Università di Lecce. *Dipartimento di Beni Culturali. Settore storico-Archeologico. Collana del Dipartimento* 8. Galatina: Congedo Editore.

Tarditi, C. 2007. La diffusione del vasellame bronzeo greco in Italia e in Europa: modalità elimiti. In: Tarditi, C. (ed.). *Dalla Grecia all'Europa: la circolazione di beni di lusso e di modelli culturali nel VI e V sec. a.C*. Milano: Vita e Pensiero, 23—52.

Tarditi, C. 2016. *Bronze Vessels from the Acropolis. Style and Decoration in Athenian Production Between the Sixth and Fifth Centuries B.C*. Rome: Quasar (Thiasos Monografie 7).

Tassinari, S. 1975. *La vaisselle de bronze, romaine et provinciale, au Musée des Antiquités nationales*. Paris: Éditons du CNRS (XXIXe suppl. à Gallia).

Tassinari, S. 1993. *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Roma: L'Erma di Bretschneider.

Teleaga, E. 2008. *Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau. 6. Jh. — Anfang des 3. Jhs. v.Chr*. Rahden: Marie Leidorf (Marburger Studien zur Vor- und Frühgeschichte 23).

Treister, M. 2007. The Toreutics of Colchis in the 5th — 4th centuries BC. Local Traditions, Outside Influences, Innovations. *ACSS* 13, 67—107.

Treister, M. 2019. Second-Hand for the Barbarians? Greek and Roman Metalware with the Signs of Repair from the Nomadic burials of Scythia and Sarmatia. In: Cojocaru, V., Ruscu, L., Castelli, T., Pázsint, A.-I. (eds.). *Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion. The Proceedings of the International Symposium, Constanţa, August 20-24, 2018*. Cluj-Napoca: Mega Publishing House, 313—345 (Pontica et Mediterranea VIII).

Treister, M. 2021. Greek, Italic and Etruscan Bronze Vessels and their Fragments of the Late 6th — 5th Century BC from Olbia, Berezan and Scythian burial-mounds of the Bug and Dnieper Basins. In: Fornasier, J., Bujskikh, A. (Hrsg.). *An den Ufern des Bugs*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 329—362 (Frankfurter Archäologische Schriften 42).

Vokotopoulou, I. 1986. *Βίτσα. Τα νεκροταφεία μιας μολοσσικής κώμης*. Athens: Ταμειου Αρχαιολογικων Πορων και Απαλλοτριωσεων.

Vokotopoulou, J. 1997. *Silver and Bronze Works of Art, Greek Art*. Athens: Ekdotike Athenon.

Weber, T. 1983. *Bronzekannen. Studien zu ausgewählten archaischen und klassischen Oinochoenformen aus Metall in Griechenland und Etrurien*. Frankfurt am Main; Bern: Peter Lang GmbH; Internationaler Verlag der Wissenschaften (Archäologische Studien 5).

Wielowiejski, J. 1985. Die spätkeltischen und römischen Bronzegefäße in Polen. *BerRGK* 66, 123—320.

Zimi, E., Sideris, A. 2003. Χάλκινα σκεύη από το Γαλαξείδι: πρώτη προσέγγιση. In: Themelis, P., Stataki-Koumarou, P. (eds.). *Το Γαλαξείδι από την Αρχαιότητα έως σήμερα (Πρακτικά 1ου Επιστημονικού Συνεδρίου Γαλαξείδι 29-30 Σεπτεμβρίου 2000. Υπό την Αιγίδα του Δήμου Γαλαξειδίου)*. Αθήνα: Εταιρεία Μεσσηνιακών Αρχαιολογικών Σπουδών, 35—60.

Zimmermann, N. 1998. *Beziehungen zwischen Ton- und Metallgefäßen spätklassischer und frühhellenistischer Zeit*. Rahden: Marie Leidorf.

Züchner, W. 1938. *Der Berliner Mänadenkrater*. Berlin: de Gruyter (Winckelmannsprogramm der Archäologischen Gesellschaft zu Berlin 98).

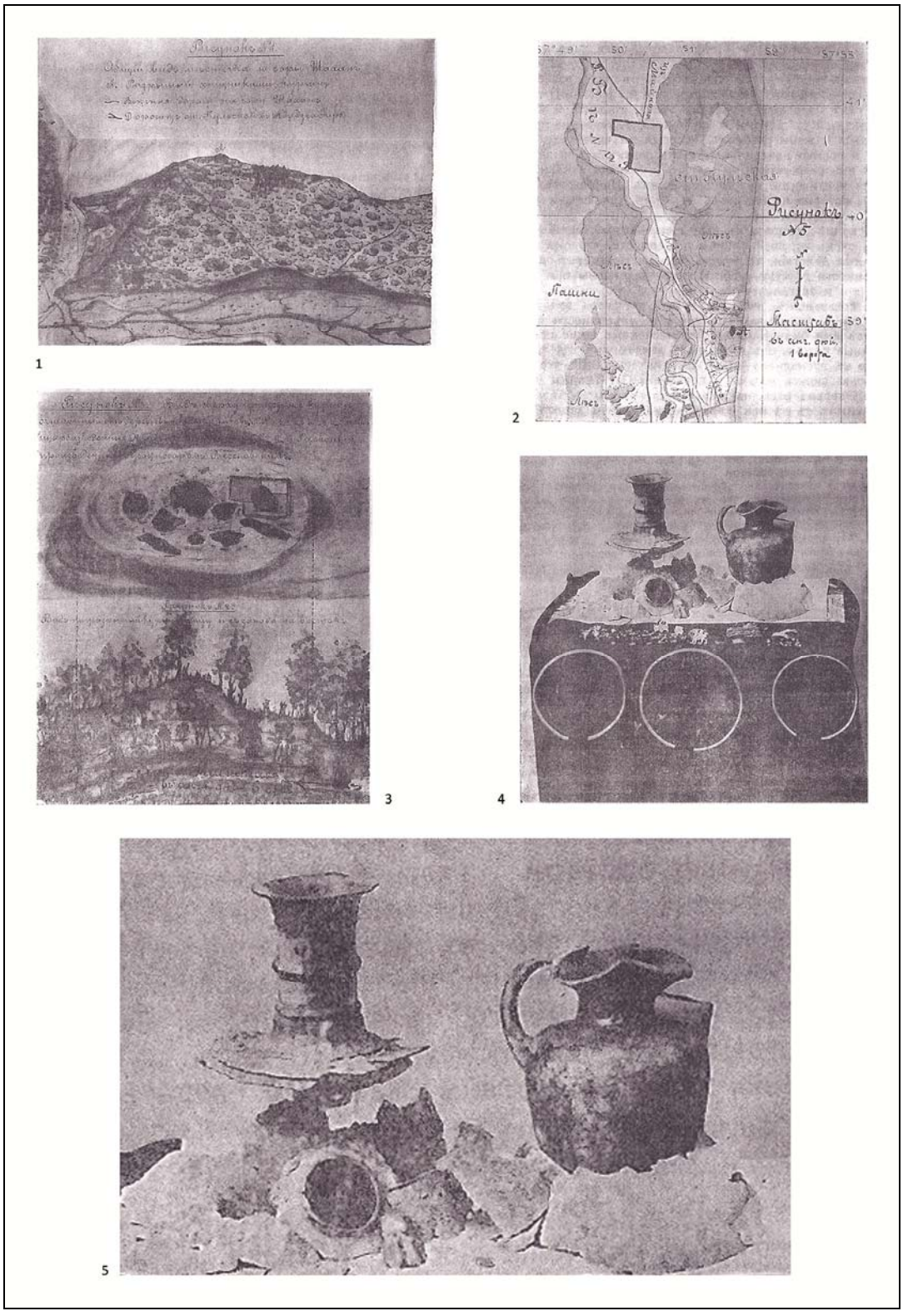


Рис. 1. План окрестностей ст. Тульской, вид на гору Шихан, и Семиколенный курган, а также находки, реквизированные у жителей станицы Тульской в 1912 г. и переданные в Кубанский войсковой музей (по Гладкий 1913).

Fig. 1. The plan of the region of the Cossack village Tul'skaya, the view on the Mount Shikhan and Semikolennyy burial mound, as well as the finds confiscated from the inhabitants of the Cossack village Tul'skaya in 1912 and transferred to the Kuban Military Museum (after Gladkiy 1913).

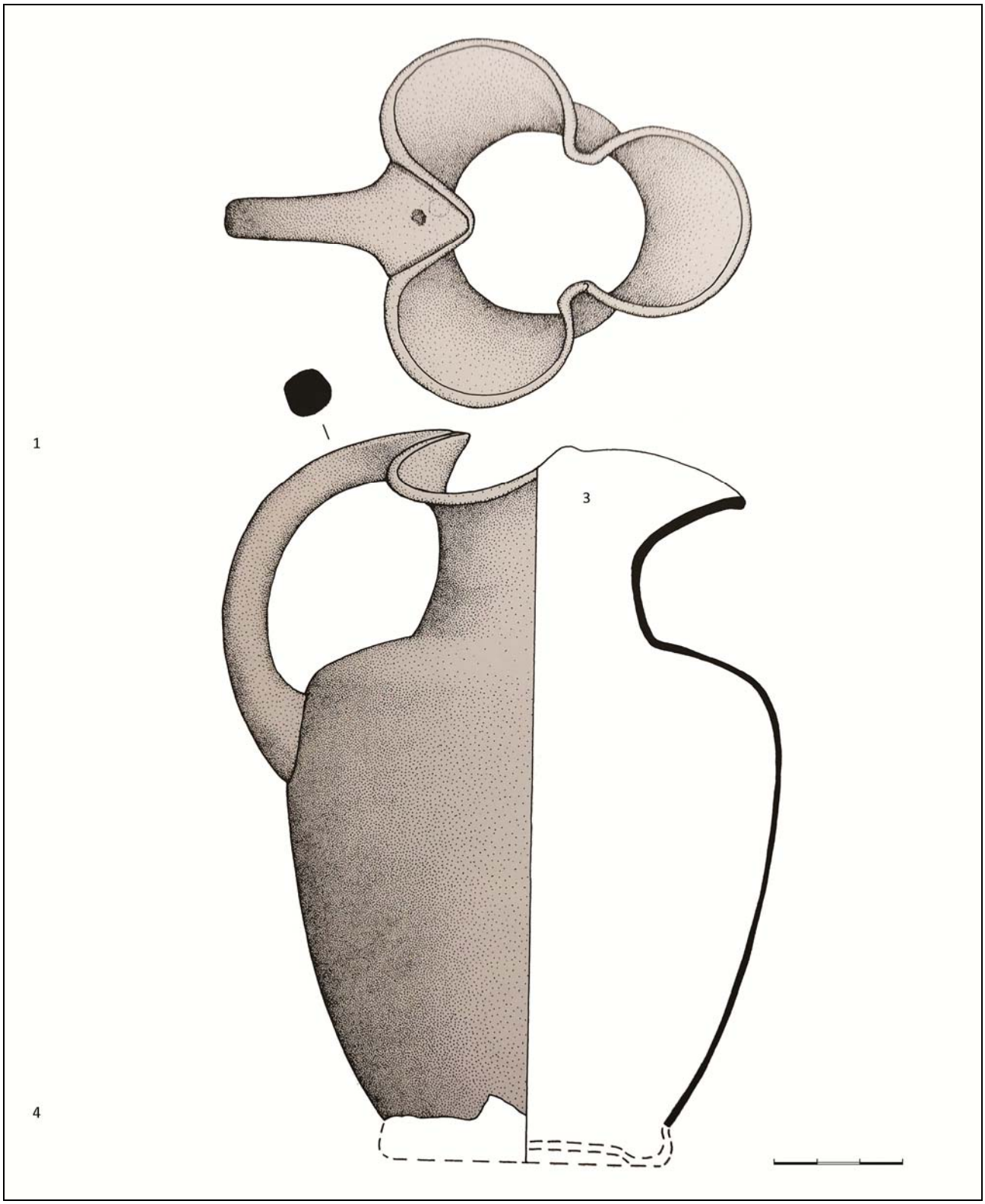


Рис. 2. Бронзовая ойнохоя формы IIB. Семиколенный курган у ст. Тульской. Грабительские раскопки 1912 г. Краснодар, АИАПМЗ, инв. № Δ 811. Рисунки по Marčenko, Limberis 2008.

Fig. 2. Bronze oinochoe Form IIB. Semikolennyy burial mound near Cossack village Tul'skaya. Looter's excavations, 1912. Krasnodar, State Historical-Archaeological Museum-Reserve, inv.-no. Δ 811. Drawings after Marčenko, Limberis 2008.

Рис. 3. Бронзовая ойнохоя формы IIB. Семиколенный курган у ст. Тульской. Грабительские раскопки 1912 г. Краснодар, АИАПМЗ, инв. № Δ 811. Фото, А.Н. Абрамова, 2022.

Fig. 3. Bronze oinochoe of Form IIB. Semikolennyy burial mound near Cossack village Tul'skaya. Looter's excavations, 1912. Krasnodar, State Historical-Archaeological Museum-Reserve, inv.-no. Δ 811. Photos by A.N. Abramova, 2022.

Рис. 4. Бронзовые ойнохои формы IIB: *1* — Нимфей. Курган № 24/1876. Гробница № 19. Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж, инв. № ГК/Н.92; *2* — Вица. Погребение № 67/1967. Янина, Археологический музей, инв. № 2253; *3* — Эдесса. Южный некрополь. Гробница № 24. 17-й Эфорат доисторических и классических древностей, инв. № АКЕ.4102; *4* — Галаксиди. Британский музей, инв. № 1878,1012.16. Фото по *1* — Силантьева 1959; *2* — Vokotopoulou 1986; *3* — Cat. Paris 2011; *4* — British Museum.

Fig. 4. Bronze oinochoes of Form IIB: *1* — Nymphaion. Burial mound no. 24/1876. Tomb no. 19. Saint Petersburg, State Hermitage, inv.-no. ГК/Н.92; *2* — Vitsa. Burial no. 67/1967. Ioannina, Archaeological Museum, inv.-no. 2253; *3* — Edessa. South necropolis. Tomb no. 24. 17-th Ephorate of Prehistoric and Classical Antiquities, inv.-no. АКЕ.4102; *4* — Galaxidi. British Museum, inv.-no. 1878,1012.16. Photos after *1* — Silant'eva 1959; *2* — Vokotopoulou 1986; *3* — Cat. Paris 2011; *4* — British Museum.

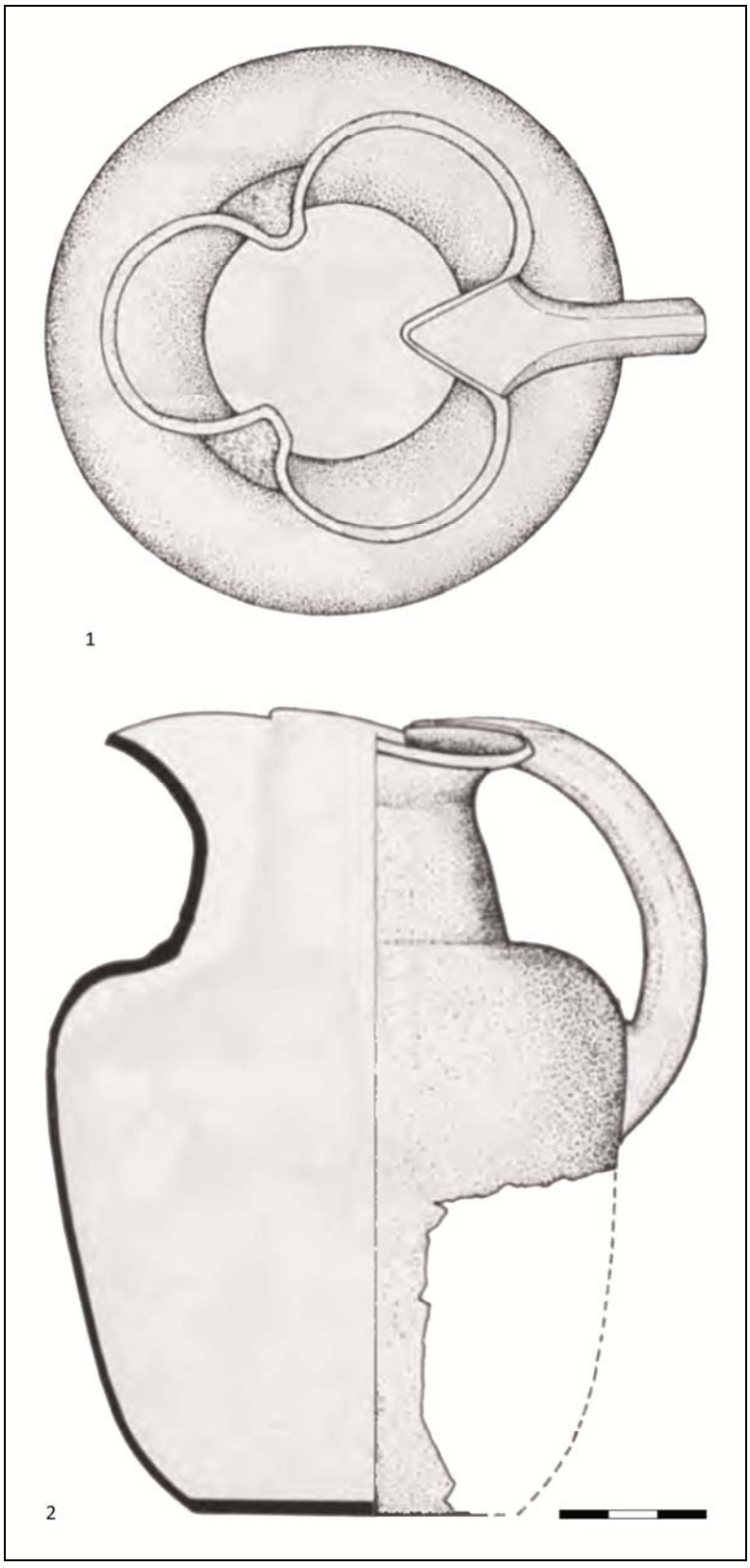


Рис. 5. Бронзовая ойнохоя формы IIB. Синдос. Погребение № 57. Фессалоники, Национальный археологический музей, инв. № Σ 9184 (по Despini 2016).

Fig. 5. Bronze oinochoe of Form IIB. Sindos. Tomb no. 57. Thessaloniki, National Archaeological Museum, inv.-no. Σ 9184 (after Despini 2016).

Рис. 6. Бронзовая ойнохоя формы IIB. Место находки не известно. Покупка 2012 г. Мюнхен. Государственные античные собрания, инв. № NI 4574. Фото по Pfisterer-Haas 2019.

Fig. 6. Bronze oinochoe of Form IIB. Findspot unknown. Acquired 2012. Munich, Staatliche Antikensammlungen, inv.-no. NI 4574. Photos after Pfisterer-Haas 2019.

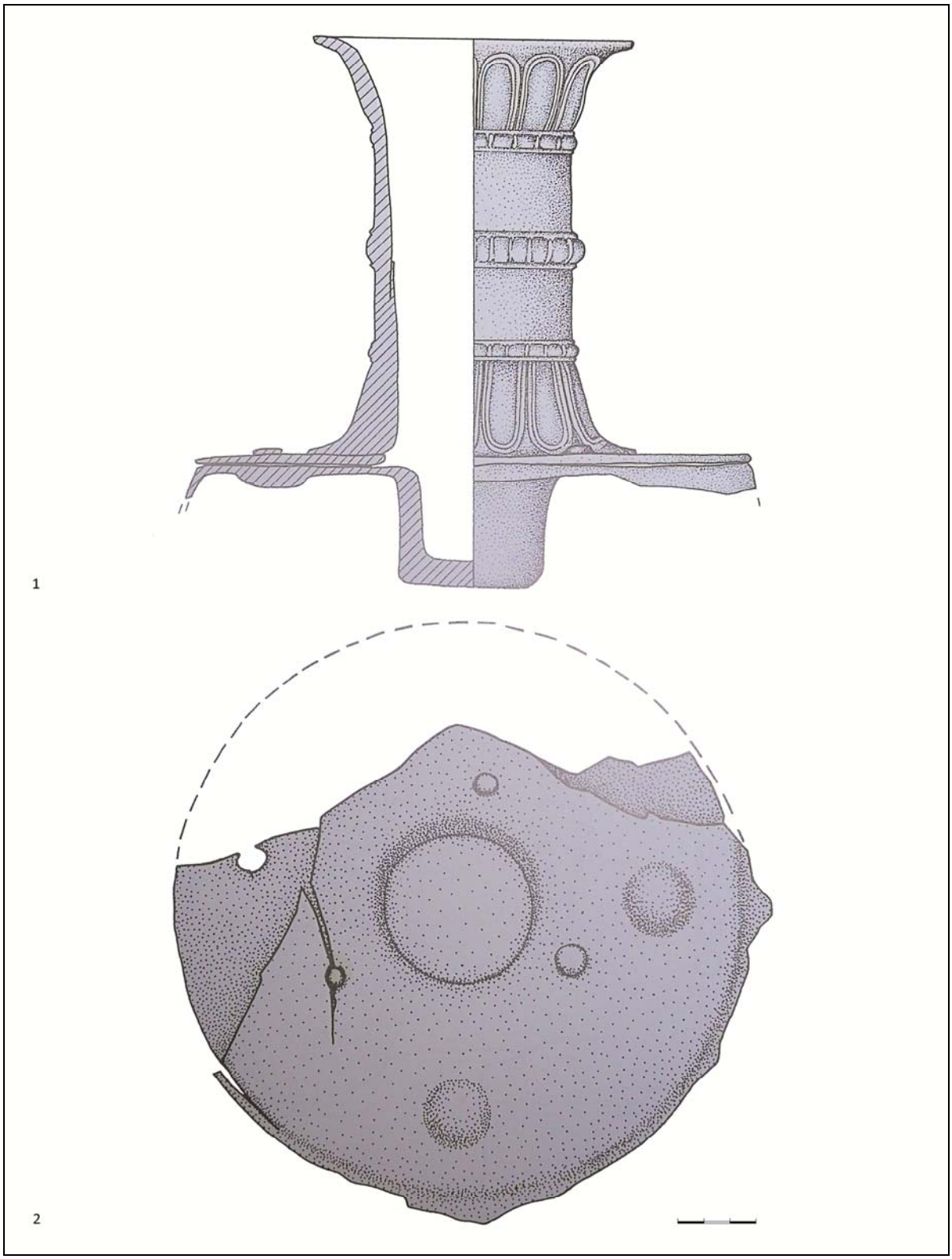


Рис. 7. Бронзовая подставка *эксалейптрона.* Семиколенный курган у ст. Тульской. Грабительские раскопки 1912 г. Краснодар, АИАПМЗ, инв. № 2776/3081. Рисунки по Marčenko, Limberis 2008.

Fig. 7. Bronze stand of an *exaleiptron*. Semikolennyy burial mound near Cossack village Tul'skaya. Looter's excavations, 1912. Krasnodar, State Historical-Archaeological Museum-Reserve, inv.-no. 2776/3081. Drawings after Marčenko, Limberis 2008.

Рис. 8. Бронзовая подставка *экcалейптрона.* Общие виды. Семиколенный курган у ст. Тульской. Грабительские раскопки 1912 г. Краснодар, АИАПМЗ, инв. № 2776/3081. Фото, А.Н. Абрамова, 2022.

Fig. 8. Bronze stand of an *exaleiptron*. General views. Semikolennyy burial mound near Cossack village Tul'skaya. Looter's excavations, 1912. Krasnodar, State Historical-Archaeological Museum-Reserve, inv.-no. 2776/3081. Photos by A.N. Abramova, 2022.

Рис. 9. Бронзовая подставка *экcалейптрона*. Детали. Семиколенный курган у ст. Тульской. Грабительские раскопки 1912 г. Краснодар, АИАПМЗ, инв. № 2776/3081. Фото, А.Н. Абрамова, 2022.

Fig. 9. Bronze stand of an *exaleiptron*. Details. Semikolennyy burial mound near Cossack village Tul'skaya. Looter's excavations, 1912. Krasnodar, State Historical-Archaeological Museum-Reserve, inv.-no. 2776/3081. Photos by A.N. Abramova, 2022.

Рис. 10. Бронзовая подставка *эксалейптрона*. Детали. Семиколенный курган у ст. Тульской. Грабительские раскопки 1912 г. Краснодар, АИАПМЗ, инв. № 2776/3081. Фото, А.Н. Абрамова, 2022.

Fig. 10. Bronze stand of an *exaleiptron*. Details. Semikolennyy burial mound near Cossack village Tul'skaya. Looter's excavations, 1912. Krasnodar, State Historical-Archaeological Museum-Reserve, inv.-no. 2776/3081. Photos by A.N. Abramova, 2022.

Рис. 11. Бронзовые подставки *эксалейптронов*. *1—2* — Требениште, *1* — могила I (Сува Чешма). Охрид, Национальный Музей, инв. № ЗМО А-10620, I-132; *2* — могила X. Белград, Национальный музей, инв. № 180/1; *3* — Идейская пещера. Гераклион, Национальный археологический музей; *4* — Дельфы. Дельфы, Археологический музей. Фотографии по: *1—2* — Cat. Belgrade 2018, 309, no. 187; 361, no. 329; *3* — Sakellarakis, Sapouna-Sakellaraki 2013, t. C, πίν. 63, *4*; *4* — Amandry et al. 1991: 197, fig. 5.

Fig. 11. Bronze stands of *exaleiptrons*. *1—2* — Trebenishte; *1* — Grave I (Suva Cheshma). Ohrid, National Museum inv.- no. ЗМО А-10620, I-132; 2 — Grave X. Belgrade, National Museum, inv.-no. 180/1. *2* — Cat. Belgrade 2018, 309, no. 187); *3* — Idaean cave. Heraklion, Archaeological Museum; *4* — Delphi. Delphi, Archaeological Museum. Photos after: *1—2* — Cat. Belgrade 2018, 309, no. 187; 361, no. 329; *3* — Sakellarakis, Sapouna-Sakellaraki 2013, t. C, πίν. 63, *4*; *4* — Amandry et al. 1991: 197, fig. 5.

Рис. 12. Серебряная «модель котла». Место находки неизвестно. Приобретена в Майкопе в 1908 г. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, инв. № 2511/11—12. Фото по негативам фотоархива ИИМК, инв. № II-29519—29520.

Fig. 12. Silver “model of a cauldron”. Findspot unknown. Acquired in Maikop in 1908. Saint Petersburg, State Hermitage, inv.-no. 2511/11—12. Photos after negatives of the Photoarchive of the Institute of History of Material Culture, inv.-no. II-29519—29520.

Рис. 13. Бронзовые сосуды и их фрагменты из «Майкопа» в Античном собрании Берлина: *1* — ручка поданиптера (?), инв. № 30623; *2* — львиная лапа, инв. № 30625; *3* — полусферическая чаша, инв. № 30584. Фото Музея.

Fig. 13. Bronze vessels and their fragments from “Maikop” in Antikensammlung, Berlin: *1* — handle of podanipter (?), inv.-no. 30623; *2* — lion paw, inv.-no. 30625; *3* — hemispherical bowl, inv.-no. 30584. Fotos, Berlin, Antikensammlung.

Рис. 14. Фрагменты бронзового кратера из «Майкопа» в Античном собрании Берлина, инв. № 30622. Фото, по Züchner 1938.

Fig. 14. Fragments of a bronze krater from “Maikop” in Antikensammlung, Berlin, inv.-no. 30622. Fotos, after Züchner 1938.

УДК 903.25 (478)
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.43.87.003

О.А. Закордонец

ГРИВНЫ ИЗ СКИФСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ III В. ДО Н.Э.*

Одно из таких украшений обнаружено в катакомбе на левобережье Нижнего Дуная, две других гривны — в погребениях на левобережье Нижнего Днестра. Изделия с окончаниями в виде змеиных головок (Дервент 13/1) и с лопаточковидными окончаниями (Глиное 60/1) свидетельствуют о фракийском влиянии на скифскую материальную культуру. Уникальная гривна из катакомбы Глиное 116/1 отражает прямые контакты скифов левобережья Нижнего Днестра с носителями латенских/германских культур Центральной Европы. Гривны, наряду с другими артефактами из погребальных комплексов, демонстрируют преемственность комплекса украшений III—II вв. до н. э. по отношению к таковому предшествующего времени (V—IV вв. до н.э.).

Ключевые слова: Левобережье Нижнего Днестра, скифы, погребения, гривны, III в. до н.э.

Сведения об авторе: Закордонец Оксана Александровна, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко.

Контактная информация: 3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; e-mail: kalina.74@mail.ru.

O.A. Zakordonets

TORQUES FROM THE 3rd CENTURY BCE SCYTHIAN GRAVES IN THE NORTH-WEST BLACK SEA REGION

One representative of these personal ornaments was found in a catacomb grave on the left bank of the Lower Danube, the other two were recovered in graves on the left bank of the Lower Dniester. The torque with serpentine heads (Dervent 13/1) and that with spatula-shaped ends (Glinoe 60/1) may testify to the Thracian influence on the Scythian material culture. The unique torque from the catacomb grave Glinoe 116/1 reflects the direct contacts of the Scythians on the left bank of the Lower Dniester with the bearers of the La Tène/Germanic cultures in Central Europe. Torques, as well as other grave goods, may signalize continuity of the set of personal decorations dated back to the 3rd and the 2nd centuries BCE in relation to the Scythian culture of the older times (the 5th and the 4th centuries BCE).

Key words: Left bank on the Lower Dniester Region, Scythians, graves, torques, the 3rd century BCE.

About the author: Zakordonets Oxana Alexandrovna, Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko.

Contact information: 3300, Moldova, Tiraspol, 25 Oktiabria St., 107, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; e-mail: kalina.74@mail.ru.

Среди разнообразных и многочисленных скифских украшений особое место принадлежит гривнам. Шейные украшения в виде металлических обручей достаточно хорошо известны в раннем железном веке Восточной Европы. Отметим, что в раннескифское

* Статья поступила в номер 20 июня 2022 г.
Принята к печати 17 июля 2022 г.

© О.А. Закордонец, 2022.

время (в конце VII — начале VI в. до н.э.) данные изделия появляются, прежде всего, в лесостепи. Исследователями они рассматриваются в качестве одного из маркеров всадничества как главенствующей социальной группы. Но уже в конце VI в. до н.э. такие украшения начинают проникать и южнее — в степную полосу, где они встречаются в погребениях лиц с различным социальным статусом (Петренко 1978: 41).

До недавнего времени самые поздние степные скифские погребения, где были найдены гривны, датировались либо IVв. до н.э. в целом, либо второй половиной указанного столетия. Однако после монографической публикации скифского могильника III—II вв. до н.э. у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра (Тельнов, Четвериков, Синика 2016), а также после обобщения данных обо всех скифских памятниках этого времени на территории Северо-Западного Причерноморья (Синика 2022), стало очевидно, что гривна использовалась в скифском комплексе украшений и в более позднее время — по крайней мере, в III в. до н.э.

Ниже кратко описаны и проанализированы три шейных гривны из скифских погребений III в. до н.э., исследованных на левом берегу Нижнего Дуная и на левобережье Нижнего Днестра.

Гривна из погребения Дервент 13/1 (левобережье Нижнего Дуная) (рис. 1)

Изделие серебряное, диаметр варьируется от 19,25 см до 19,7 см, диаметр сечения — от 0,7 см до 0,8 см. Оба окончания оформлены в виде змеиных головок, за каждой из которых находятся насечки, имитирующие чешую. Размеры левого окончания 2 × 1 см, правого — 1,55 × 1 см, орнамент из насечек прослеживается на длину до 10 см от каждого окончания (Редина 2000: 250, рис. 1: *6*; Островерхов, Редина 2013: рис. 100: *22*).

Учитывая наличие поясного крючка сердцевидной формы в погребении Дервент 13/1 и латенской фибулы всинхронном ему погребении Дервент 13/2, данные комплексы датируются первой половиной III в. до н.э. (Бруяко 2009: 333, рис. 1: *15*; Синика, Тельнов 2016: 309).

По классификации В.Г. Петренко гривна принадлежит 7 типу (окончания в виде змеиных головок) VII отдела (изготовлена из круглого в сечении прута) (Петренко 1978: 47, табл. 28: *7*).

В.Г. Петренко соотносит использование змеиного образа с типичными элементами фракийского искусства, указывая на применение орнаментации со змеиной стилизацией в разных типах украшений: браслетов, лировидных подвесок и височных колец, а также фибул, как элемента костюма (Петренко 1978: 52—53, табл. 39: *14, 15, 21*). В подтверждение данной точки зрения А.И. Мелюкова приводит серебряный браслет с окончаниями в виде змеиных головок, найденный в составе клада у с. Матеуцы, где, что важно, была обнаружена и серебряная гривна, которая является прямой аналогией гривне из погребения Дервент 13/1 (Мелюкова 1979: 231, рис. 34: *23*).

Гривны со змеиными головками на окончаниях достаточно редки в скифских погребениях Северного Причерноморья. Одна такая гривна происходит из захоронения 4/2 (последней четверти IV в. до н.э.) могильника Буторы I на левобережье Нижнего Днестра (Синика, Разумов, Тельнов 2013: 46, 117, рис. 22: *8*).

Гривна из погребения Глиное 60/1 (левобережье Нижнего Днестра) (рис. 2: *1*)

В 2003 г. в ходе исследования погребения 1 кургана 60 могильника у с. Глиное на правом запястье одного из костяков было обнаружено железное изделие. В монографическом исследовании эта находка описывается и анализируется как браслет (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 367, рис. 208: *13*). Спустя пять лет после публикации было проведено повторное изучение изделие, в результате которого стало понятно, что на правой руке погребённого находились фрагменты железной гривны, вторично использованной в качестве браслета.

Три сохранившиеся фрагмента гривны длиной от 42 мм до 55 мм позволяют реконструировать диаметр изделия (около 195 мм). При этом сохранилось одно из окончаний в виде слегка расширяющейся к середине и сужающейся к торцу лопаточки (длина около 22 мм; размеры сечения до 7 × 3 мм).

Обнаруженные в погребении Глиное 60/1 две фибулы (раннелатенской конструкции с плоской спинкой из бронзы и фибулы среднелатенской конструкции со скобой на спинке) позволили датировать захоронение последней четвертью III в. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 958, 965).

По классификации В.Г. Петренко гривна принадлежит 6 типу (окончания расклёпаны по форме змеиной головки), она изготовлена из прямоугольной в сечении проволоки (Петренко 1978: 47, табл. 28: *6*).

Единственная прямая аналогия гривне из погребения Глиное 60/1 в Северо-Западном Причерноморье была найдена в захоронении 5 кургана 7 группы «Сад» у с. Глиное (последняя четверть IV в. до н.э.). Данное украшение — это изделие с уплощёнными лопаточковидными окончаниями, снаружи украшенными чеканным орнаментом — параллельными и пересекающимися под углами отрезками (Синика, Тельнов, Лысенко 2018: 131, 136, рис. 6: *9*).

В то же время браслеты с лопаточковидными окончаниями широко известны в регионе: браслет с насечками на окончаниях из погребения второй четверти IV в. до н.э. (Mateevici 2007: cat. 122, 126; Кац 2007: 429, прил. V: *4*; Кетрару и др. 2014: 171) Дивизия 20/2 (Субботин и др. 1992: 18, рис. 15: *13*); два браслета — один из грунтового погребения Николаевка 9 (третьей четверти IV в. до н.э.: Синика, Тельнов, 2018: 254) — с косыми насечками (Мелюкова 1975: 186), а второй — из грунтового захоронения Николаевка I/5 (второй половины IV в. до н.э.) — с одним орнаментированным лопаточковидным окончанием (Дзис-Райко 1965: 66, рис. 4: *10*; Петренко 1978: 35, табл. 22: *6*).

Важно, что в более позднее время подобные браслеты — с лопаточковидными окончаниями — достаточно хорошо известны. Найдено 17 таких украшений в скифских погребениях Северо-Западного Причерноморья III—II вв. до н.э.: Глиное 12/2, 18/1, 19/2, 33/2, 53/1, 56/2 (2 экз.), 69/2, 74/2, 76/1, 88/1, 96/1, 102/2, 103/1, 107/3, 116/1 (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 121, 152, 165, 232, 332, 352, 426, 447, 458, 521, 574, 601, 610, 635, рис. 49: *5, 6*; 68: *12, 15*; 74: *12, 13*; 117: *9, 13*; 184: *22*; 196: *6—9*; 238: *4*; 252: *4, 5*; 258: *1*; 292: *14, 15*; 323: *14*; 340: *9*; 344: *5*; 358: *16, 19, 20*; Синика, Тельнов 2018: 232, рис. 6: *5, 6*); Мреснота Могила 21/2 (Гудкова и др. 1985: 96—100, рис. 60: *1*). Кроме того, они широко известны и в гетских памятниках региона (Синика 2022: 411).

В.Г. Петренко отмечает, что широкое использование образа змеи во фракийском искусстве и частое применение этого мотива в орнаментации различных украшений свидетельствует о фракийском влиянии на появление у скифов данного типа браслетов (Петренко 1978: 52—53, табл. 39: *14, 15, 21*). С ней соглашается А.И. Мелюкова, которая

указывает на находку серебряного браслета с окончаниями в виде змеиных головок в составе клада у с. Матеуцы (Мелюкова1979: 231, рис. 34: *23*).

В полной мере эти наблюдения о фракийском влиянии относятся к гривнам из погребений Дервент 13/1 (со змеиными головками на окончаниях) и Глиное 60/1 (с лопаточковидными окончаниями, имитирующими змеиные головки).

Гривна из погребения Глиное 116/1 (левобережье Нижнего Днестра) (рис. 2: *2—5*)

Особняком стоит гривна из кургана 116 могильника у с. Глиное. В северной камере основного погребения 1 данного кургана было совершено парное детское погребение, которое, кроме гривны, сопровождалось и другим неординарным инвентарём — золотыми серьгами, серебряным многовитковым браслетом, двумя поясными бляхами с изображениями мужских лиц, бронзовым зеркалом с железной ручкой в тканевом футляре, а также составными украшениями. В восточной камере этой же катакомбы было сооружено деревянное гробовище для захоронения знатного воина, на костяке которого зафиксированы три фибулы.

Итак, трёхъярусная гривна была обнаружена *in situ* на шее ребёнка (вероятно, девочки). Три части этого изделия представляют собой удлиненные цилиндрические пронизи из бронзовой пластины диаметром до 5,6 × 4,3 мм, выгнутые в форме неправильных несомкнутых окружностей. Все звенья были плакированы золотой фольгой толщиной до 0,1 мм. Обнаруженные волокна дерева позволяют предположить использование деревянного прута в качестве основы украшения. Наложенные друг на друга три звена украшения от большего к меньшему составляют трёхъярусную гривну, максимальный диаметр которой совпадает с размерами нижнего (большего) звена — 127 × 111 мм.

Нижнее звено имело размеры 127 × 111 мм. Отверстия для крепления верхних звеньев находятся в нижней трети изделия на расстоянии 102 мм, торцы изделия открытые, без плакировки (Синика, Тельнов 2018: 231, рис. 6: *4*).

Среднее звено диаметром 123 мм, его торцы заканчиваются небольшим уступом и покрыты золотой фольгой. С двух сторон от края каждого торца, на расстоянии 3—4 мм, были пробиты отверстия диаметром 2 мм для крепления к нижнему звену на расстоянии 100 мм между собой. Высота всего элемента гривны здесь составляет 82 мм (Синика, Тельнов 2018: 231, рис. 6: *3*).

Верхнее звено отличается от предыдущих двух наличием орнаментации в виде выпуклых поперечных «волн» (по три «волны» ближе к окончаниям, и по две «волны» — ближе к центру), разделённых выпуклыми поперечными линиями. Торцы элемента также как и у среднего звена, выделены небольшим уступом и покрыты золотой фольгой. Отверстия для крепления данного элемента были зафиксированы на расстоянии 95 мм друг от друга и на расстоянии 10 мм от торцов. Расстояние между торцами по внешнему краю 115 мм, высота элемента 44 мм (Синика, Тельнов 2018: 231, рис. 6: *2*).

Исходя из найденных в погребальном комплексе Глиное 116/1 (восточная камера) трёх раннелатенских фибул разной конструкции и фрагментов гераклейской амфоры из рва, данное погребение датировано первой половиной III в. до н.э. (Синика, Тельнов 2018: 260).

Гривен, аналогичных обнаруженной в кургане 116 у с. Глиное, в скифских погребениях Северо-Западного Причерноморья не зафиксировано (Петренко 1978: 41—46). Близкими по технике изготовления (выгнутые спиралью полые трубки с окончаниями в виде головок животных, составляющие многоярусные и многовитковые гривны) можно назвать украшения из Буеровой Могилы (II в. до н.э.); кургана у хут. Карстовый (первой половины II

в. до н.э.); кургана у хут. Элитный (последней четверти II — первой половины I в. до н.э.) и из разрушенной гробницы у ст. Ахтанизовской (конца II — первой половины I в. до н.э.)в Предкавказье (Королькова 2001:74, рис. 9: *1—5*; Мордвинцева, Трейстер 2007: кат. B1: *3—5*; A26: *4*, B48: *1*; A103 *a: 2*; Власова 2009: 70—72, 78, табл. II: *1—5*). Однако следует заметить, что это весьма отдалённое сходство, так как рассматриваемое нами украшение не представляет собой единое спиралевидное кольцо, а состоит из трёх ярусов, скреплённых между собой с помощью нити через вертикальные отверстия в звеньях гривны, формируя в итоге изделие в виде нагрудника.

Орнамент в виде поперечных «волн» на окончаниях верхнего звена, его деление на зоны при помощи выпуклых поперечных линий, а также сама трёхъярусная конструкция всего изделия указывают на то, что обнаруженная в кургане Глиное 116 гривна является репликой бронзовых многоярусных нагрудников, хорошо известных в кладахпоморской/померанской культуры южного побережья Балтийского моря (Kneisel 2007: Abb. 6: *1, 4, 5*).

Следовательно, данное изделие следует рассматривать как результат контактов скифов Северо-Западного Причерноморья с носителями центральноевропейских культур.

В завершении анализа гривен из скифских погребений III в. до н.э. Северо-Западного Причерноморья отметим наиболее важные моменты.

На протяжении первой половины III в. до н.э. скифы указанного региона продолжали использовать гривны в качестве украшений, продолжая традиции предшествующего времени. На это указывают находки из погребений Дервент 13/1 и Глиное 116/1. Для второй половины столетия известна одна гривна, использованная вторично в качестве браслета (Глиное 60/1). Наряду с предметами вооружения, конского снаряжения и иными категориями материальной культуры, гривны свидетельствует о преемственности комплекса украшений III—II вв. до н.э. по отношению к скифской культуре предшествующего времени.

Гривны III в. до н.э., в отличие от изделий более раннего времени, как правило, изготовленных в греческой ювелирной традиции, демонстрируют другие инокультурные влияния. Так, находки из погребений Дервент 13/1 и Глиное 60/1 являются маркерами фракийского влияния на материальную культуру скифов, ставшего особенно заметным в Северо-Западном Причерноморье со второй половины IV в. до н.э. Уникальная гривна из катакомбы Глиное 116/1 отражает прямые контакты скифов левобережья Нижнего Днестра с носителями латенских/германских культур Центральной Европы.

Литература

Бруяко И.В. 2009. От Скифии к Сарматии: десять лет спустя. *Stratum plus* (3) [2005—2009], 329—370.

Власова Е.В. 2009. Ахтанизовский клад. *ВДИ* 3, 63—78.

Гудкова и др. 1985: Гудкова А.В., Тощев Г.М., Фокеев М.М., Андрух С.И. 1985. *Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции в 1984 г.* НА ИА НАНУ. № 1984/158.

Дзис-Райко Г.А. 1965. Раскопки могильника в с. Николаевка на Днестровском лимане. В: Синицын М.С. (отв. ред.). *Краткие сообщения о полевых исследованиях Одесского государственного археологического музея за 1963 год*. Одесса: Маяк, 59—68.

Кац В.И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. *БИ* XVIII.

Кетрару Н.А., Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2014. *Дубоссарские курганы (Археологические памятники Приднестровья. II)*. Тирасполь: Stratum plus.

Королькова Е.Ф. 2001. Звериный стиль в оформлении гривен скифо-сарматской эпохи. В: Захарова Н.А. (отв. ред.). *Ювелирное искусство и материальная культура*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 68—95.

Мелюкова А.И. 1975. *Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка*. Москва: Наука.

Мелюкова А.И. 1979. *Скифия и фракийский мир*. Москва: Наука.

Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. 2007. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. 2 в. до н.э. — 2 в. н.э.* Т. 1, 2. Симферополь; Бонн: Тарпан (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. Вып. 2)..

Островерхов А.С., Редина Е.Ф. 2013. Скифские древности. В: Бруяко И.В., Самойлова Т.Л. (отв. ред.) *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины)*. Одесса: СМИЛ, 374—418.

Петренко В.Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв. до н.э.* Москва: Наука (САИ Д4-5).

Редина Е.Ф. 2000. Нижний Дунай в системе культурных контактов скифов и фракийцев. В: Прігарін О.А., Сминтина О.В. (відп. ред.). *Археологія та етнологія Східної Європи*: матеріали та дослідження. Зб. наук. робіт, присвяч. 135-річчю Одеського державного університету ім. І.І. Мечникова. Одеса: АстроПринт, 243—252.

Синика В.С. 2022. *Скифская археологическая культура III—II вв. до н.э. Северо-Западного Причерноморья и актуальные проблемы истории скифов*. Дисс. … докт. ист. наук. Москва.

Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2013. *Курганы у с. Буторы* Тирасполь: Полиграфист (Археологические памятники Приднестровья I).

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2016. Крестовидные крючки—застёжки из скифских памятников Северного Причерноморья. В: Маріна З.П. (відп. ред.). *Археологія та етнологія півдня Східної Європи*. Дніпро: Ліра, 304—316.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2018. Скифский курган 116 первой половины III в. до н.э. у с. Глиное. В: Синика В.С., Рабинович Р.А. (отв. ред.). *Древности. Исследования и проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова*. Кишинёв; Тирасполь: Stratum plus, 223—266.

Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. 2018. Скифский курган 7 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье. *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология* 1, 125—138.

Субботин и др. 1992: Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. *Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья*. Киев: Препринт.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное* Тирасполь: Stratum plus (Археологические памятники Приднестровья III).

Kneisel Ju. 2007. Die gegürtete Frau. Versuch einer Tracht rekonstruktion. *Situla* 44, 583—596.

Mateevici N. 2007. *Amforele greceşti în mediul barbar din nord—vestul Pontului Euxin în sec. VI — începutul sec. II a Chr*. Chișinău: Bons Offices (Biblioteca «Tyragetia» XIV).

References

Brujako, I. V. 2009. In *Stratum plus* 3 [2005—2009], 329—370 (in Russian).

Vlasova, E.V. 2009. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)*, 3, 63–78 (in Russian).

Gudkova i dr. 1985: Gudkova, A.V., Toshhev, G.M., Fokeev, M.M., Andruh, S.I. 1985. Otchet o rabote Izmail'skoy novostroechnoy ekspedicii v 1984 g. NA IA NAN Ukrainy. No. 1984/158.

Dzis-Rayko, G.A. 1965. In Sinicyn, M.S. (ed.). *Kratkiye soobshcheniya o polevykh issledovaniyakh Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeya za 1963 god (Brief reports on field research of the Odessa State Archaeological Museum in 1963)*. Odessa: Majak, 59—68 (in Russian).

Kac, V.I. 2007. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporan Studies)* XVIII (in Russian).

Ketraru, N.A., Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2014. *Dubossarskie kurgany (Dubossary Barrows)*. Tiraspol: Stratum plus (Archaeological Sites of Pridnestrovie II) (in Russian).

Korol'kova, E.F. 2001. In Zaharova, N.A. (ed.). *Juvelirnoe iskusstvo i material'naja kul'tura (Jewelry art and material culture)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 68—95 (in Russian).

Melyukova, A.I. 1975. *Poselenie i mogil'nik skifskogo vremeni u s. Nikolaevka (Settlement and Necropolis of Scythian Age near the Village of Nikolaevka)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Melyukova, A.I. 1979. *Skifiia i frakiiskii mir (Scythia and the Thracian World)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Mordvinceva, V.I., Treister, M.Yu. 2007. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'ye. 2 v. do n.e. — 2 v. n.e. (Works of toreutics and jewelry art in the Northern Black Sea region. 2nd century BCE — 2nd century CE).* Vol. 1, 2. Simferopol; Bonn: Tarpan (Ancient toreutics and jewelry in Eastern Europe. Vol. 2) (in Russian).

Ostroverhov, A.S., Redina, E.F. 2013. In, Brujako, I.V., Samoylova, T.L. (eds*.) Drevnie kul'tury Severo—Zapadnogo Prichernomor'ja (Ancient Cultures of the Northwestern Black Sea Region).* Odessa: SMIL, 374—418 (in Russian).

Petrenko, V.G. 1978. *Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n. e. (Adornments of Scythia: 5th — 3rd centuries BCE).* Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D4-5) (in Russian).

Redina, E.F. 2000. In Prigarin, O.A., Smintina, O.V. (eds.) *Arkheolohiya ta etnolohiya Skhidnoi Evropy: materialy ta doslidzhennya (Archaeology and Ethnology of Eastern Europe: Materials and Studies)*. Odesa: AstroPrint, 243—252 (in Russian).

Sinika, V.S. 2022. *Skifskaya arheologicheskaya kul'tura III—II vv. do n. je. Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya i aktual'nye problemy istorii skifov (Scythian archaeological culture of the 3rd — 2nd centuries BCE and actual problems of the history of the Scythians)*. Dr. habil. Thesis. Moscow (in Russian).

Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2013. *Kurgany u sela Butory (Barrows near Butory Village)*. Tiraspol: Poligrafist (Archaeological Sites of the Pridnestrovie I) (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2016. In Marina, Z.P. (ed.) *Arheologiya ta etnologiya pivdnya Shidnoi Evropi (Archaeology and ethnology of southern Eastern Europe).* Dnipro: Lira, 304—316 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2018. In: Sinika, V.S., Rabinovich, R.A. (eds.). *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy (Antiquities. Research. Problems)*. Kishinev; Tiraspol: Stratum plus, 223—266 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., 2018. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya (Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology)* 1, 125—138 (in Russian).

Subbotin, L.V., Ostroverkhov, A.S., Okhotnikov, S.B., Redina, Ye.F. 1992. *Skifskiye drevnosti Dnestro—Dunayskogo mezhdurech'ya (Scythian Antiquities of the Dniester-Danube Interfluve)*. Kyiv: Preprint (in Russian).

Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2016 *Skifskiy mogil'nik III—II vv. do n.e. u s. Glinnoye (Scythian Cemetery of 3rd — 2nd centuries BCE near Glinoe Village)*. Tiraspol: Stratum plus (Archaeological Sites of Pridnestrovie III).

Kneisel, Ju. 2007. Die gegürtete Frau. Versuch einer Tracht rekonstruktion. *Situla* 44, 583—596.

Mateevici, N. 2007. *Amforele grecești în mediul barbar din nord—vestul Pontului Euxin în sec. VI — începutul sec. II a Chr*. Chișinău: Bons Offices (Biblioteca «Tyragetia». XIV).

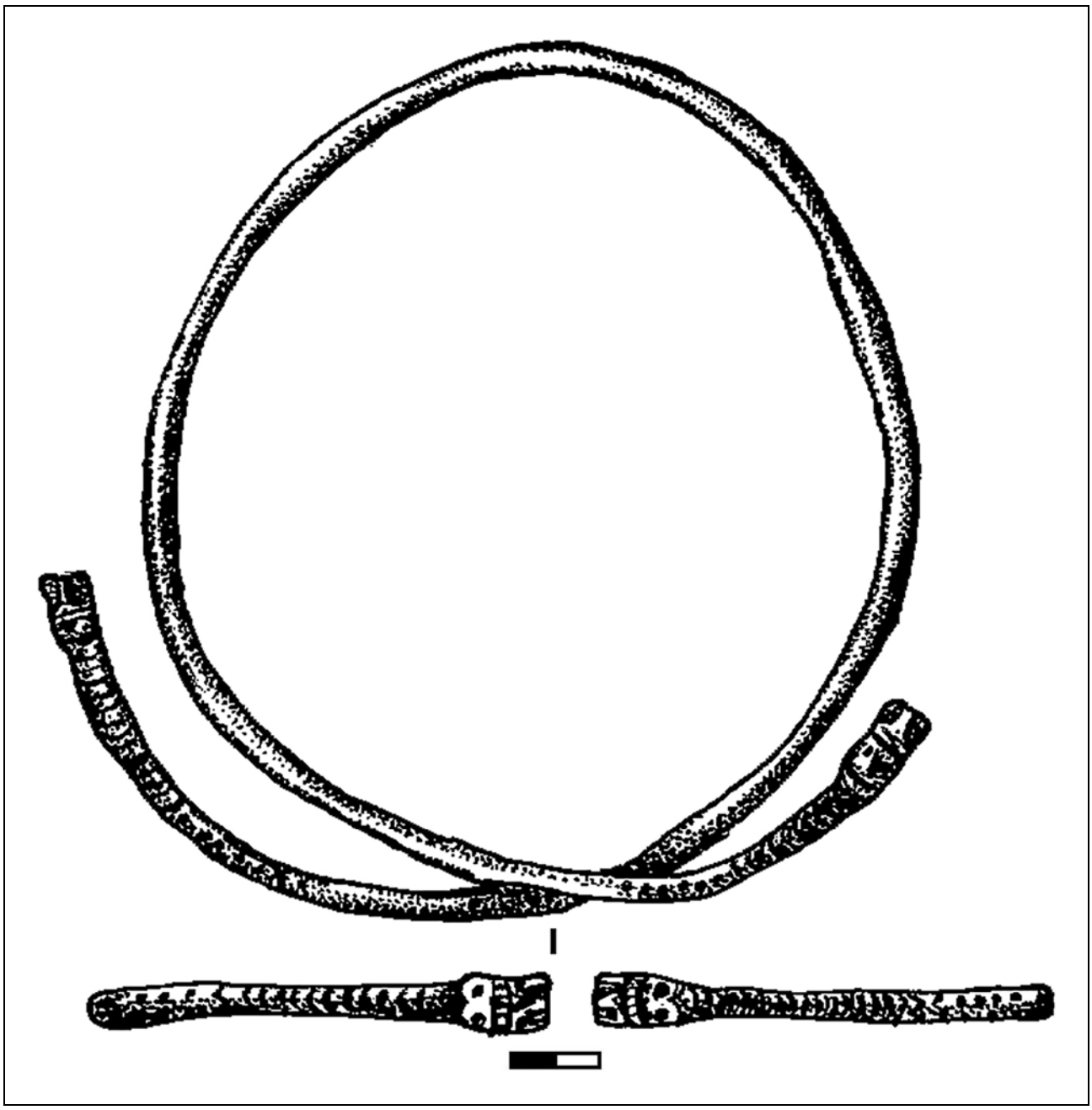


Рис. 1. Гривна из погребения 1 кургана 13 могильника Дервент на левобережье Нижнего Дуная (по Островерхов, Редина 2013: рис. 100: *22*).

Fig. 1. Torque from the burial 1 of barrow 13 of the Dervent cemetery on the left bank of the Lower Danube (after Ostroverhov, Redina 2013: fig. 100: *22*).

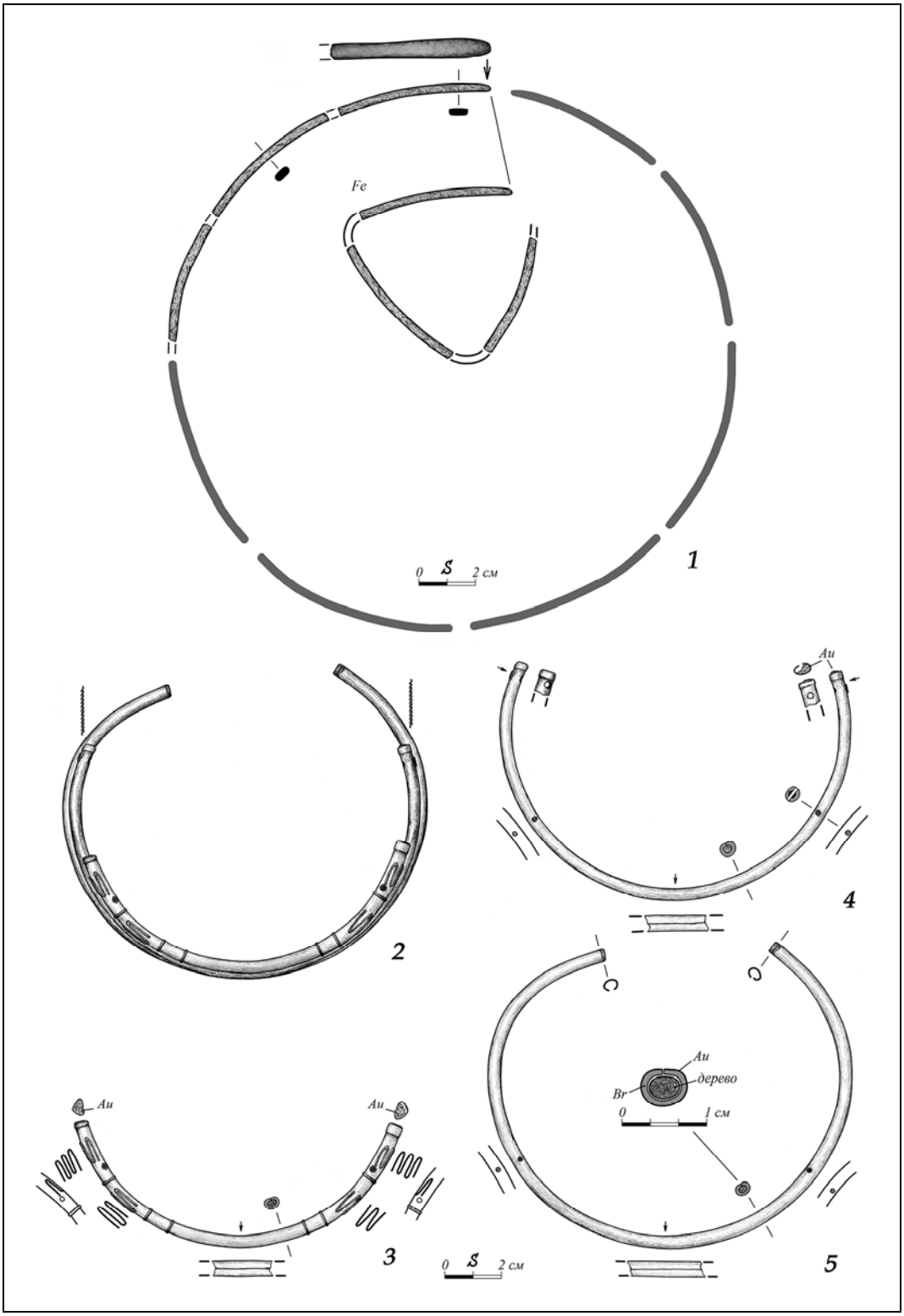


Рис. 2. Гривны из катакомб у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра: *1* — из погребения 1 кургана 60 (рисунок С.Д. Лысенко); *2* — из погребения 1 кургана 116 (по Синика, Тельнов 2018: рис. 6: *1—4*).

Fig. 2. Torques from the catacombs near the Glinoe village, Slobodzeya district, on the left bank of the Lower Dniester: *1* — from the burial 1 of barrow 60 (drawing of S.D. Lysenko); *2* — from the burial 1 of barrow 116 (after Sinika, Telnov 2018: fig. 6: *1—4*).

УДК 902/904
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.21.32.004

Mikhail Treister, Andrey Chugaev

SOURCES OF METAL OF SILVER OBJECTS FROM BURIALS OF NOMADS OF ASIAN SARMATIA OF THE 2nd CENTURY BCE — 3rd CENTURY CE AFTER THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL AND PB-PB ISOTOPIC STUDIES*

The paper is devoted to the complex analysis of silver objects from the burial complexes of Asian Sarmatia of the 2nd century BCE — 3rd century CE, representing both typological and cultural-historical analysis of these items in combination with the study of the isotopic composition of Pb in order to try to answer questions not only about possible centers of the manufacture of objects, but also of the sources of the metal. Pb-Pb data were obtained using inductively coupled plasma multicollector mass spectrometry (MC-ICP-MS) carried out in the Laboratory of isotopic geochemistry and geochronology of the Institute of Geology of Ore Deposits, Petrography, Mineralogy, and Geochemistry RAS, Moscow.

The overwhelming majority of the objects are dated within the 1st century BCE — 1st century CE time span. The stylistic features of the items indicate that their origin is associated with several production centers: 1) the workshops of the ancient cities of the North Pontic region, first of all, the Bosporan Kingdom; 2) workshops located in Asia Minor or in the Eastern Mediterranean; 3) round-bottomed goblets and some of the phalerae of horse-harness should be attributed to the products of Sarmatian craftsmen, most probably manufactured both in the Lower Volga and in the Kuban region; 4) a neck guard of the helmet of the East Celtic type, secondary used as a breastplate of horse-harness, is undoubtedly the product of the Celtic (*Taurisci*) workshop, located in the territory of modern Slovenia.

The 17 silver items demonstrate substantial heterogeneity in terms of the Pb isotopic composition. The values of $^{206}Pb/^{204}Pb$, $^{207}Pb/^{204}Pb$ and $^{208}Pb/^{204}Pb$ ratios vary in the ranges: from 18.07 to 19.41, from 15.60 to 15.75, and from 38.3 to 40.4 respectively. The large variation ($\nu_{206/204}$ = 1.4%, $\nu_{207/204}$ = 0.2%, and $\nu_{208/204}$ = 1.2%) can be explained by the origin of the metal from several ore provinces located in the Black Sea region, Asia Minor and the Near East. The Pb isotopic composition of most of the items is consistent with deposits in the Black Sea region — Eastern Balkans (6 items) and Eastern Pontides (6 items). The Pb-Pb data indicates that silver also could come from the deposits of the Taurus (South-Eastern Turkey) and Zagros (Western Iran) Mountains.

Key words: Nomads, Asian Sarmatia, silver vessels, details of armor, horse equipment, belt sets and of ceremonial furniture, typology, chronology, stylistic features, distribution, centers of manufacture, Pb isotopic data, sources of silver, ore provinces.

About the authors: Treister Mikhail[1], Dr. phil. habil. (RUS), Independent researcher; Chugaev Andrey[2], Senior Researcher, Institute of Geology of Ore Deposits, Petrography, Mineralogy, and Geochemistry, Russian Academy of Sciences.

Contact information: [1]53175, Federal Republic of Germany, Bonn, Weißenburgstr. 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de; [2]119017, Russia, Moscow, Institute of Geology of Ore Deposits, Petrography,

* The introduction and section 1 of this article were prepared by Mikhail Treister. Section 2 was prepared by Andrey Chugaev. The conclusion was written together. The work is part of a project funded by the German Science Foundation titled “Forms and Ways of Cultural Contacts of the Nomads of Asian Sarmatia: Imports in the Sarmatian Monuments of the Second Century BC — Third Century AD” (FL-334/15-1). For the opportunity to work at museums that store the items considered in this article, Treister expresses his sincere gratitude to O.V. Grigorenko (Aksay), E.A. Chinyakova (Astrakhan), N.V. Khabarova† and A.V. Zhadaeva (Volgograd), R.S. Berestnev (Voronezh), A.S. Gepalova (Lipetsk), B.Sh. Menkenova (Elista), L.A.Kraeva, D.V. Mescheryakov, and N.L. Morgunova (Orenburg), I.P. Zasetskaya, E.F. Korol’kova, and S.V. Voronyatov (Saint Petersburg) S.A. Naumenko, N.S. Shcherbakova (Tanais). Authors are grateful to T.I. Oleynikova and T.A. Ikonnikova (Moscow) for the assistance in conducting of Pb-Pb isotope studies.

Статья поступила в номер 08 апреля 2022 г.
Принята к печати 23 апреля 2022 г.

© Mikhail Treister, Andrey Chugaev, 2022.

Mineralogy and Geochemistry, Russian Academy of Sciences, Staromonetny Lane, 35; e-mail: vassachav@mail.ru.

М.Ю. Трейстер, А.В. Чугаев

ИСТОЧНИКИ МЕТАЛЛА СЕРЕБРЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ II В. ДО Н.Э. — III В. Н.Э. ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗОТОПНОГО СОСТАВА Pb

Статья посвящена комплексному анализу серебряных изделий из погребальных комплексов Азиатской Сарматии II в. до н.э. — III в. н.э., представляя как типологический, так и культурно-исторический их анализ в сочетании с изучением изотопного состав Pb, для того, чтобы попытаться ответить на вопросы не только о возможных центрах изготовления предметов, но и об источниках металла. Pb-Pb данные получены с помощью мультиколлекторной масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой (MC-ICP-MS), выполненной в лаборатории изотопной геохимии и геохронологии Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН, Москва.

Подавляющее большинство предметов датируется I в. до н.э. — I в. н.э. Стилистические особенности изделий свидетельствуют о том, что их происхождение связано с несколькими производственными центрами: 1) мастерскими античных городов Северного Причерноморья, прежде всего Боспорского царства; 2) мастерскими, расположенными в Малой Азии или в Восточном Средиземноморье; 3) к изделиям сарматских мастеров следует отнести круглодонные кубки и часть фаларов конской упряжи, изготовленных, скорее всего, как в Нижнем Поволжье, так и в Прикубанье; 4) назатыльник шлема восточно-кельтского типа, вторично использованный в качестве нагрудника конской упряжи, несомненно, является продуктом кельтской мастерской таврисков, находившейся на территории современной Словении.

17 серебряных изделий демонстрируют существенную неоднородность по изотопному составу Pb. Измеренные значения отношений $^{206}Pb/^{204}Pb$, $^{207}Pb/^{204}Pb$ и $^{208}Pb/^{204}Pb$ изменяются в широких диапазонах: от 18.07 до 19.41, от 15.60 до 15.75 и от 38.3 до 40.4, соответственно. Большой разброс изотопных отношений ($\nu_{206/204}$ = 1,4 %, $\nu_{207/204}$ = 0,2 % и $\nu_{208/204}$ = 1,2 %) можно объяснить происхождением металла из нескольких рудных провинций, расположенных в Причерноморье, Малой Азии и на Ближнем Востоке. Изотопный состав свинца большинства объектов согласуется с месторождениями Причерноморья — Восточных Балкан (6 шт.) и Восточных Понтид (6 шт.). Pb-Pb данные указывают на то, что серебро также могло поступать из месторождений гор Тавра (юго-восток Турции) и Загроса (Западный Иран).

Ключевые слова: кочевники, Азиатская Сарматия, серебряные сосуды, детали доспеха, конское снаряжение, поясные наборы, парадная мебель, типология, хронлогия, стилистические особенности, распределение, центры производства, данные изотопного состава Pb, источники серебра, рудные провинции.

Сведения об авторах: Трейстер Михаил Юрьевич[1], Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь; Чугаев Андрей Викторович[2], старший научный сотрудник, Институт геологии рудных месторождений и петрографии РАН.

Контактная информация: [1]53175, Федеративная республика Германия, г. Бонн, Вайсенбургштрассе 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de; [2]119097, Россия, г. Москва, Старомонетный пер., 35, Институт геологии рудных месторождений и петрографии РАН; e-mail: vassachav@mail.ru.

Introduction

In the process of work on the project “Forms and ways of cultural contacts of the nomads of Asian Sarmatia. Imports in the Sarmatian monuments of the 2nd century BCE — 3rd century CE” (FL-334 / 15-1) numerous objects from the burial complexes of Asian Sarmatia has been studied. There were many silver items among them. We decided not to confine ourselves to typological and

cultural-historical analysis of these items, but also to take samples to study the Pb isotopic composition in order to try to answer questions not only about possible centers of the manufacture of objects, but also of the sources of the metal. These analytical methods are destructive. Sampling opportunities were largely limited by the permissions of the museum curators and the state of preservation of artefacts — therefore, these are primarily fragmented items. However, they represent a fairly wide range. In a significant part, these are vessels, and not only of the late Hellenistic and early Imperial types, made in various workshops of the Mediterranean and the Black Sea regions, but also round-bottomed cups of the Sarmatian types, as well as details of horse-harness, belt sets and pieces of ceremonial furniture.

The study of Pb isotope composition is now widely applied in archaeology to identify sources of metal, as well as links between cultural and production centres of ancient societies (Baron et al. 2011: 1090—1100; Holmqvist et al. 2019: 6—12; Merkel 2019: 206—226; Chugaev et al. 2021: 113—115). This approach was first used in 1960s (Brill and Wampler 1965: 165—166; 1967: 63—77). It is based on the idea that ancient objects "inherit" the Pb isotopic composition of the source (deposit) of the metal and retain their "isotopic marks" throughout their existence. Comparison of such "isotopic marks" with the Pb isotopic composition of ores from ancient mining regions, as well as reference objects from known production centres, provides important additional information about the origin of artefacts.

The aim of this study was to obtain lead-isotopic "marks" for silver objects found in the burials of nomads of Asian Sarmatia, in the vast area between the Don in the west and the South Urals, and to establish for them the territorial origin of the metal source. The objects studied are from the burials dating from the 2nd century BCE to the 3rd century CE (see below section 1). Pb-Pb data were obtained using inductively coupled plasma multicollector mass spectrometry (MC-ICP-MS). The MC-ICP-MS method is superior in accuracy (± 0.02-0.03% versus ± 0.2-0.3% for TIMS) in comparison with the traditional TIMS method. This makes it possible to determine the Pb isotopic composition of objects at a new level of accuracy, to identify reliably the differences between them and to correlate with the available Pb-Pb data for mining regions and production centres.

1. Analysis of objects

1.1. Vessels of the Late Hellenistic and Early Imperial Types

1.1.1. *A cup from Titchikha*

Fragments of a silver round-bottomed goblet of the late 2nd — 1st century BCE (?) with elements of floral and geometric patterns (AG-5) were found in Titchikha in the Voronezh region (Fig. 1). The fact that this is a vessel, and not a fragmented phalera, as previously assumed (Shokov 1960: 152—154, Fig. 5; Mordvinceva 2001: 81, no. 81, Pl. 44) is evidenced by the minor thickness of the walls.

From the decoration elements a number of successively connected rhombuses (their surface is filled with dot pattern), lanceolate petals forming a rosette, as well as curls of ivy shoots are fixed. All decorative details are made in low relief and are additionally gilded. The vessel walls are very thin. Taking this fact into account, it may be suggested that the fragments belong to the outer lining of the vessel, and the decoration presented a rosette with vertical friezes in the form of chains of rhombuses. I do not know exact parallels, but it could be, for example, a round-bottomed goblet of the type of a two-partite goblet kept in Toledo and dated to the second half of the 2nd century BCE (Cat. Toledo 1977: 78—79, no. 43). Rhombuses as a decorative motif, although rarely, are known in

the painted pottery of the Hellenistic period, dated in frames of the last quarter of the 3rd — first half of the 1st century BCE (Rotroff 1997: 66).

1.1.2. *A basin from Zhutovo*

A basin from burial no. 1 of burial mound no. 28/1964 in Zhutovo in the Volga-Don interfluve, dating to the first half of the 1st century CE (Kropotkin 1970: 86, no. 729; Shilov 1974: 61, Fig. 1, *8*; 1975: 150, Fig. 58: *1*; Mordvintseva 2000: 144—145, Fig. 1: *1*; Cat. Rome 2005: 168, no. 147; Mordvintseva, Treister 2007: vol. 2, 30, no. A72.5; Skripkin 2013: 123, no. 7 (ill.)) has a complex shape: a hemispherical body and a high conical foot with a round base. The body is ornamented along the edge with chased relief friezes composed of "pearls" and Ionian *kymation*. The handles, decorated with fluting and a transverse ridge with a strip of "pearls", are soldered to separately cast attachments in the form of embossed nine-lobed palmettes. The foot-stand, hammered from a thin sheet, is decorated in the lower part with friezes made of Ionian *kymation* and pearls, but made in a different technique than the decoration of the rim of the basin, with the *ovae* embossed on the front side with a punch (AG-10) (Fig. 2).

V.I. Mordvintseva suggested that the foot-stand of the basin was made later, instead of the lost one, in another workshop, probably in the Bosporan one (Mordvintseva 2000: 144—145; 149). At the same time, attention is drawn to the fact that in order for the basin to be placed on the foot-stand, "a dent was made in the round bottom of the basin from the outside, as a result of which its surface was deformed and covered with small cracks" (Mordvintseva 2000: 144)[1].

Indeed, there is every reason to believe that the foot-stand of the Zhutovo basin was an alteration or rather a rework, which was done later. How the original foot-stands of such basins looked like give an idea the finds from Pompeii of basins with similar fluted handles with a bead of a similar shape in the center and attachments in the form of palmettes — they are low and in some cases are decorated with chased *ovae* with rosettes between them (Tassinari 1993: 93—94, 207, S2122, no. 12416; 209, S2220, no. 8214; 210, S2230, no. 11593; 240, S6100a, no. 13239)[2]. Some finds of similar handles also originate from Pompeii (Tassinari 1993: 94, 210, S2200, nos. 12099A, 18972). Some basins (rarely) demonstrate a similar design of the edge with the frieze of the Ionian *kymation* (Tassinari 1993: 93—94, 204, S2110, no. 5025; 205, S2111, nos. 3641, 1728; 207, S2122, no. 12416; 211, S2200, no. 14005; Bolla 1994: 53—55, no. 64; Pl. XLIX)[3]. The combination of pearl bands and Ionian *kymation* in the decoration of the edge is characteristic, however, even for silverware of the late Hellenistic period[4].

1.1.3. *A phiale from Verbovskiy*

A silver phiale with a strongly fragmented medallion (AG-13) (Figs. 3—4), according to V.I. Mordvintseva and Yu.P. Zaitsev, depicting the mask of Medusa (in my opinion, based on work with the object in September 2015, this assumption can hardly be considered sufficiently well substantiated due to the fact that the medallion is very fragmented), originates from burial no. 1 of

[1] Cf. The basin from the Sokokovskiy Burial-mound no. 3: Treister 2020b: 572, Fig. 4: *3*.

[2] A similar foot stand has also the basin from burial no 1 in Welvyn in England, dated to the Augustan period (Eggers 1966: 105, no. 31a, *d*; 113, Fig. 3d).

[3] See also a bronze basin from burial mound no. 13/1961 near Kudinov Farmstead (Raev 1974: 141, Fig. 3; 1986: 18—21, pl. 13—14; Kat. Frankfurt 2003: 107, no. 70; Treister 2019: 317, Fig. 4: *3*).

[4] See, e.g., a *modiolus* from the Tivoli Treasure of the mid-1st century BCE (Oliver 1965: 180—181, Fig. 5; Cat. Toledo 1977: 103, no. 60).

burial mound no. 4/1998 of the Verbovskiy-II necropolis, dating back no later than the first half of the 1st century CE (Mamontov 2000: 168 (mentioned); 2008: 171—172, Fig. 5: *5*; Mordvintseva, Khabarova 2006: 90, no. 53; Treister 2007a: 36—37; Mordvintseva, Treister 2007: vol. 2, 17, A31.1, Fig. 4) and belongs to the group of phialai with medallions. This group is represented in Sarmatian burials and remains of funeral feasts of the Lower Don region: Sadovyy Burial-mound — eight vessels with figural scenes (Cat. Paris 2001: 194—198, nos. 216—223; Kat. Frankfurt 2003: 126—130, nos. 90—97; Treister 2007a: 32—36; Mordvintseva, Treister 2007: vol. 2, 76—77, nos. A244.1—8, Pl. 17, 38—39) and burial mound no. 11/1977 of the Novo-Aleksandrovka-I group — 3 phialai with medallions decorated with gorgoneia and with a bust of Artemis (Cat. Tokyo 1991: 118, nos. 144—146; Cat. Paris 2001: 192—193, nos. 211—213; Zasetskaya 2008: 132—133, nos. 46—47; Kat. Leoben 2009: 254—255, nos. 107—108; Bespalyy, Luk'yashko 2018: 34—36, Figs. 18; 19: *8*; Pl. 2—4), as well as from the burial of the first half of the 2nd century CE in the robbed vault no. 844/2007 of the necropolis of the Ust-Alma settlement in the South-West Crimea: with a bust of Artemis or Tyche (Puzdrovskiy 2007: 170, 429, Fig. 155: *2*; 2009: 335—336, no. 13, Fig. 6: *2*; Trufanov 2009: 132, Fig. 4: *2*; Puzdrovskiy, Trufanov 2017: 17, 161, Fig. 30).

Phialai of a similar size, also on low, lathe-turned profiled foot-rings (as the vessels from Sadovyy and Novoaleksandrovka; the phialai from Verbovskiy and Ust'-Alma do not have foot-rings, which were probably lost) with overlaid medallions in the center, were widespread and are represented by three bowls from the Hildesheim Treasure in Lower Saxony (Pernice, Winter 1901: 25—28, Figs. 7—8, Pl. 3—5; Gehrig 1980: 13—14, 16—17, nos. 13—14, Pl. 3; Barr-Sharrar 1987: 138, nos. H 14—15, Pl. 70; 145; Kat. Hildesheim 1997: 37—40, nos. 2—4; Gregarek 1997: 92—93, Fig. 3; Erdrich 2002: 84, no. XX-05-9/3.2—4, Pl. 8—10), three bowls — from the Treasure found in Hermoupolis in Egypt (Mielsch 1997: 41—46, Figs. 1—5; 52—54, nos. 1—3; Mielsch, Niemeyer 2001: 5—9; 24—28, nos. 1—4, Figs. 21—26), another three pieces — from Boscoreale (Baratte 1986: 37; 78—81; 90—91), as well as a bowl with a gold medallion from the House of Menander at Pompeii (Painter 2001: 63, M14, Pl. 14, Fig. 1; Cat. Naples 2006: 220, no. 367). They are considered as the so-called *show silver* (Painter 2001: 23—25).

The phiale from Verbovskiy could have been made either in one of the Mediterranean centers or in the Northern Pontic region. The almost complete loss of the medallion does not allow a more definite attribution.

1.1.4. *Skyphoi*

Skyphoi with a non-ornamented body with walls tapering to the bottom are represented by finds from the Don region: a *skyphos* from burial no. 3 of burial mound no. 12/1980 of the cemetery near Noyy Farmstead (AG-3) (Fig. 5: *2*) (Il'yukov, Vlaskin 1992: 37, Fig. 5: *10*; 241; Mordvintseva, Treister 2007: vol. 2, 51, no. A155.2) and fragmented *skyphos* from burial no. 1 of burial mound no. 13/1996 near the Shaumyan Farmstead (AG-1) (Fig. 5: *1*) (Glebov 2002: 30—31, Fig. 2: *3*; 34).

The *skyphoi* have circular foot rings trays and composite handles of various types with horizontal figural plates on top, the ends of which are decorated in the form of bird's heads. However, if the *skyphos* from the burial ground near Shaumyan Farmstead has handles consisting of three elements: a horizontal plate, a half-ring and a lower appendix with an attachment, then in a larger vessel from the burial ground near Novyy Farmstead the lower attachment is absent, and the loop-shaped handle is bent in such a way that its lower end is soldered to the body of the vessel directly.

The construction of the handle of the second skyphos from Novyy cemetery reminds that of the handle of the *kantharos* with egg-shaped body from burial mound no. 29/1902 near Cossack village Ust'-Labinskaya in the Kuban region (CR St. Petersbourg 1902: 78; Smirnov 1953: 19, 21, Fig. 10д;

Gushchina, Zasetskaya 1994: 31—32; 63, no. 337, Pl. 36; Mordvintseva, Treister 2007: vol. 2, 96, no. A306.1, Pl. 45, Fig. 17), which belongs to the second half of the 1st century BCE (Treister 2007a: 19—20). A complex of finds from burial no. 1 in burial mound no. 13/1996 near Shaumyan Farmstead cannot be dated later than the second half of the 1st century BCE, given the find in it of a Italic bronze ladle of the Peschate type (Glebov 2002: 31, no. 7, Fig. 2: *4*; 2004: 130; 2006: 63; Treister 2005: 233; 2020a: 42—43, Fig. 1; 47—48; Sergatskov 2006: 40, 56, Fig. 4: *4*; Raev 2006: 96—97).

1.1.5. *Spoons*

Imported silver spoons of Roman types in Sarmatian burials are rare and are represented by finds of *ligulae*: one — with traces of repair from Lebedevka in Western Kazakhstan (Bagrikov, Senigova 1968: 73, Fig. 2: *4*; 75; Cat. Mantua 1998: 234, no. 506; Treister 2005: 79; 2013: 735; Cat. San Diego 2006: 140, no. 95; Moshkova 2009: 104, Fig. 3: *1*; 105) and another fragmented one with a hoof at the end of the handle, originating from the cemetery near Novyy Farmstead in the Lower Don area (Il'yukov, Vlaskin 1992: 42—43, no. 22, Fig. 7: *12*; Mordvintseva, Treister 2007, vol. 2, 52, no. A157.1). In a similar way with a hoof at the end of the handle there is decorated also a spoon from the robbed burial of the 3rd century CE near the village of Mukhranovo in the South Urals, the metal of which is analyzed (AG-15) (Fig. 6).

1.2. Round-bottomed goblets (with animal-shaped handles)

Silver and gold round-bottomed goblets with a spherical body and a low vertical or bent outward edge with a figural handle in the form of an animal (panther, hare, deer) originate from the Sarmatian burials of the Don region and the interfluve of Volga and Don (Treister 2007a: 47—48; Zasetskaya 2011: 172—195; 2019, Pl. XXI). To this group belongs the analyzed goblet AG-2 (with the lost handle) from burial no. 2 of burial mound no. 12/1980 near Novyy Farmstead. It is a round-bottomed goblet with a weakly accentuated low neck. On the surface there are traces of solder from the attachments of a vertical handle: under the rim — a rounded one with a diameter of 1.75 cm, below — of a square shape, 1.7 × 1.7 cm (Fig. 7) (Il'yukov, Vlaskin 1992: 37—38, Fig. 5: *2*; 241; Mordvintseva, Treister 2007: vol. 2, 51, no. A155.3).

The body of some silver vessels of the group under consideration, in particular the analyzed vessel AG-11 from burial no. 2 of burial mound no. 51/2011 of the cemetery near the village Peregruznoe (Fig. 8) (Balabanova 2014: 74—75, Fig. 111: *4—6*) is pear-shaped, and the handles are executed in form of horses or panthers (hyenas) figures.

Finally, the same group of vessels includes much rarer vessels of a similar shape, decorated with engraved friezes with gilded images, which, unlike the vessels mentioned above, have two handles (in the form of figures of a wild boar and wolves) and a lid (Treister 2007a: 47—48; Zasetskaya 2019: Pl. XXIII—XXIV). One of two such vessels, the wall of which has been analyzed (AG-12), originates from burial no. 1 of burial mound no. 4/1998 of the Verbovskiy-II necropolis in the Volga-Don interfluve, dating no later than the first half of the 1st century CE (in this case, the goblet itself may be earlier). This is a fragmented vessel with a pear-shaped body and an edge, slightly bent outwards, with a horizontal band of gilding under the rim. The body is decorated with three engraved friezes gilded within the contour of the images (Mamontov 2000: 168—169, Fig. 29; 2004: 205—207, Fig. 1; 2008: 172, Fig. 4; Mordvintseva, Khabarova: 89, no. 52; Sergatskov 2006: 45, Fig. 6: *2*; Treister 2007a: 47—48; Mordvintseva, Treister 2007: vol. 2, 17, no. A31.2, Pl. 19; Figs. 7—9; Zasetskaya 2011: 190, Ill. 96б; 2019: 156, no. 58, Pl. XXIII; Skripkin 2013: 119 (Ill.), no. 277). In the upper part there are two scenes of a horseman's hunt with a spear for a wild boar.

The middle frieze represents a row of floral pattern composed of flowers and leaves. In the lower part there are three scenes of torment, one of which is almost completely preserved, and the other two are fragmented. The most fully preserved fragment shows a deer in profile to the left, which is attacked from the front and from behind by one griffin (the figure of one of them, attacking the deer from behind, is completely preserved — this is an eagle-headed griffin). The other two scenes show: 1) a feline predator (?) (from which the back of the body with a tail is preserved), attacking a horse (the head and one of the front legs with a hoof are preserved) and 2) a deer, which is attacked in front by an eagle-headed griffin (the front part of the body with the head is preserved) and the feline predator is at the back (only the head is preserved) (Figs. 9—11).

Separately preserved are two handles of the vessel in the form of smooth figures of wolves, cast in various molds, partially overlapping with their attachments in form of plates with rounded corners the figural frieze of the body. The attachments have holes in the corners for attaching the handles to the body with rivets. Holes are made in the croup of animals for insertion of the tail from organic material (Fig. 12).

On the hemispherical lid of the vessel, in the same technique as on the vessel, there is represented in the center a five-petal rosette composed of stepped elements, around which there are four figures of sea dragons with protomes of goats (?) and wolves (Fig. 13).

Animal-shaped handles adorn numerous bronze cauldrons from Sarmatian burials, and in the Northern Pontic region in the first centuries CE ceramic vessels with animal-shaped handles were common, including rare finds with polished surface (see in detail: Treister 2007a: 48; Zasetskaya 2011: 174—175; 2019: 40—41). The tradition of manufacture of vessels from precious metals with zoomorphic handles also goes back to the previous periods of the Sarmatian culture[5]. Taking into account the peculiarities of the distribution of round-bottomed goblets made of precious metals with the handles shaped as animal figures, the peculiarities of their shape and decoration, there is every reason to assume that they were made by various craftsmen in the Northern Pontic region, including the Bosporus. At least one of these goblets, given the inscription with the name of the craftsman on it, could have been made by a Bosporan metalworker with Thracian roots for a Sarmatian customer (Tokhtas'yev 2015: 894; Dana et al. 2016: 62—63; Belousov 2016: 249, no. 4.4; Treister 2021: 365—367).

1.3. Details of armor and horse equipment

In the burial of a warrior-rider of the KVCH-37 kurgan group near the village of Yashkul in Kalmykia, a horse-harness set was found, including two phalerae and a neck guard of the helmet, re-used as a bib plaque. The metal of one of the phalerae (AG-9) and the neck guard (AG-8) was analyzed. The date of the burial is under discussion (Skripkin 2000: 22; Mordvintseva 2005: 186; Glebov et al. 2014: 79; Zasetskaya 2016: 96; cf. Otchir-Goriaeva 2002: 386; 2019: 37—38), however, regardless of whether it should be dated back to the late 1st century BCE or already to the 1st century CE, it is obvious that the considered elements of the horse bridle set date from no later than the middle or the second half of the 1st century BCE.

[5] See, for instance, the vessels from Filippovka kurgan necropolis in the South Urals: Korolkova 2001: 174—177.

1.1.6. *Phalerae from Yashkul*

The phalerae consisted of a bronze basement plate (lost), overlaid with a gilded silver plate. In the center of the composition of the phalera under discussion there is figure of a goat curled up in a ring in a low relief (on the second phalera there is a feline predator). The flat field in and around the figure is covered with rows of punched circles. A round medallion with a figure is outlined with a relief ridge covered with long arcuate (inner side) and oblique (outer side) notches. A row of short arcuate notches passes between them along the top of the ridge. This composition turns into a wide flat field, the edge of which is decorated by two incised lines. Behind them, along the very edge of the phalera, there goes a row of punched semicircles. On a flat field there are three pairs of rivets: two — opposite each other, one — at right angles to their axis. The rivets probably attached the plaque to the basement (Figs. 14: *1*; 15) (Otchir-Goriaeva 2002: 360—362, Figs. 7; 9: *5—6*; 379—382; Lapa, Ochir-Goryaeva 2002: 202, no. 4; Zasetskaya 2016: 90—105, Fig. 1, Pl. 1: *д—е*; 2019: 15—16, 23—31, 41, 47, 77, 78, 85, Ill. 8; 159—160, no. 69, Pl. XXVIIa; Ochir-Goryaeva 2019: 12—15, 32—37, Figs. 10—11 (here the phalera with the image of the goat is reproduced erroneously two times)).

It has already been noted that the phalerae from Yashkul occupy an intermediate place between the two groups of phalerae: those of presumably Bactrian or Parthian workmaship, dating back to the 2nd century BCE (group 1, according to the classification by I.P. Zasetskaya) and later phalerae, which became widespread in the North Pontic region from the lated 2nd — early 1st century BCE — the phalerae of the so-called “Pontic graphic style” (according to the classification by V.I. Mordvintseva) or group 2 (according to Zasetskaya). With the first group the phalerae from Yashkul are united by the composition and construction (the presence of three loops), with the second group — by the size and filling of the background with a punched ornament (Mordvintseva 2005: 186—187; Zasetskaya 2016: 95—96; 2019: 29—30). At the same time, it should be noted that the filling of the background of the phalerae from Yashkul differs from the decoration in the form of punched dots or their rows, which are characteristic of the phalerae of group 2 and has no parallels on the other phalerae. I.P. Zasetskaya does not give an answer to the question about a possible center of the manufacture of phalerae from Yashkul (Zasetskaya 2016: 96; 2019: 31), nevertheless, it is obvious that probably the Sarmatian craftsman tried to reproduce the composition of the phalerae of Parthian (?) origin that he had before his eyes, while including in it the image of the nomadic animal style. Most likely, we can suggest their manufacture in the Lower Volga region or in the Kuban region, most likely no later than the first half of the 1st century BC. In particular, the circle-shaped framing decoration of the phalerae resembles the decoration of the edge of the phalerae (here in the form of bulges) with scenes of the tormenting of a goat from a secondary burial, discovered in 1899 in a burial mound near Cossack village Vozdvizhenskaya in the Kuban region (Mordvinceva 2001: 81, no. 85, Pl. 47; 2002: 157—161; Firsov 2010: 341, Fig. 25; 342). At the same time, the possibility of manufacture of the phalerae in the Balkans or in the North-Western Pontic region cannot be ruled out, taking into account, among other things, the attribution of the bib plaque of this horse-harness set (see below).

1.1.7. *Neck guard of the helmet of the East-Celtic type*

The breastplate of the horse set from Yashkul is a silver arc-shaped plate with a bronze rim along the edge (AG-8), decorated with four large hammered M-shaped figures; a row of rivets runs along the outer and inner edges, the heads of the rivets are decorated with cross-shaped cuts on the front side, and the resulting sections — with parallel short cuts. The rivets along the edges are fixed in

checkerboard pattern (Figs. 14: *3*; 16) (Otchir-Goryaeva 2002: 362—363, Figs. 8; 9: *4*; 370—372; Lapa, Ochir-Goryaeva 2002: 202, no. 5; 204, Fig. 5; 205; Mihaljević, Dizdar 2007: 125—126; Raev, Simonenko 2009: 75—77, Fig. 8: *1*; Simonenko 2014: 264, Fig. 11: *5*; 265; 2015: 194, 195, Fig. 63: *5*; Glebov et al. 2014: 79, 80, Fig. 1, *3*; 81; Ochir-Goryaeva 2019: 15—16, 25—27, Figs. 1: *9*; 12).

This plate, showing traces of repair, originally represented the neck guard of a helmet of the of the late group of East-Celtic (or Novo Mesto) type, the main finds of which originate from the territory of Slovenia (Schaaf 1988: 304—307; Mihaljević, Dizdar 2007: 123—128, Map 2). The production of helmets of the late group confidently correlates with the territory in the valleys of the Sava, Drava and Mura rivers, inhabited by the Celtic *Taurisci* tribes (Guštin 2008: 118—121; 2011: 126—127). It is difficult to say as a result of what events this helmet (or the neck guard of the helmet) found its way to the Sarmatians. It is assumed that, based on the chronology of the late group of East Celtic type helmets found in burials of the La-Tène D2 period, this did not happen earlier than the middle of the 1st century BCE (Glebov et al. 2014: 82: basing on the dating cited by Istenič 2010: 140—142), at the same time, Glebov and co-authors do not take into account the following. At present, the end of the La-Tène D1 period is dated, in any case, no later than 50/40 BCE (Haffner 1974: 69; Karwowski 2004: 64—65; Rieckhoff 2008: 5—7; 2018: 173—198; Stöckli 2018: 209; all with bibliography) or, especially most recently, even to 85—80 BCE (Rieckhoff 2008: 7—10, Fig. 7; 2018: 187—190, Figs. 4—5; Metzler, Gaeng 2009: 456—458, Figs. 402—403; Stöckli 2018: 209—233) (an intermediate solution — ca. 60 BCE — was also proposed: Brandt 2001: 66—67). Thus, we cannot exclude the dating of the helmet, to which the the neck guard from Yashkul belongs also to the second quarter of the 1st century BCE.

1.1.8. *The breastplate of horse harness from Titchikha*

There is reason to suggest a North Pontic origin for the bowl-phalerae or the horse-harness breastplate of hemispherical shape on a low foot-ring base with a tamga-sign in low relief within it from Titchikha on the Upper Don (Shokov 1960: 149—156, Figs. 2—4; Skalon 1961: 130, Fig. 11; Mordvinceva 2001: 81, no. 82, Pl. 44; Treister 2007a: 53; Mordvinceva, Treister 2007, vol. 2, 163, № C/1.19.5.1, Fig. 17, Pl. 74; Raev, Simonenko 2009: 65—69, 77—78, Figs. 1—3; Voronyatov 2009: 81, 82, 85, Fig. 3: *2*; 92, no. 2). Three pairs of square attachments with concave sides for the lost loops are riveted to the edge of the bowl. Researchers who recently studied the bowl concluded that “the tamga was carved in a mold and the foot-ring was cast together with it” (Fig. 17) (Raev, Simonenko 2009: 67). This circumstance suggests that the bowl was made to order (Solomonik 1959: 128) and was originally intended for performing ritual actions (Voronyatov 2009: 91, 92). The tamga-shaped sign of Pharzoius's scheme finds parallels both in the Olbia region and in the Bosporan Kingdom, and allows the bowl to be dated within the second half of the 1st century CE.

1.4. The belt set from Pervomayskiy

In a male burial no. 3 of burial mound no. 14/1984 of the Pervomaisky-VII necropolis in the Lower Volga region details of a belt set were found *in situ* on the pelvic bones of a buried person. As noted by the author of the excavations, the belt was fastened with a rounded silver buckle with two broken-off protrusions in the upper part. When working with the collection in 2015, we were able to see only one broken peg with a bent end. On either side of the silver buckle, large teardrop-shaped plaques with cloisonne decoration were found. One of the plaques (buckle), which is placed on the right on the reconstructions, has an oval-shaped hole for threading the belt and the pin with which the belt was fixed. The other smoothly curved plaque has no hole and no pin, but there is a

loop on the reverse side, which served to fix it to the belt. Silver brackets were also attached to the leather belt, alternating with spherical bronze and silver small rounded plaques. Three smaller teardrop-shaped plaques were attached to a belt on the sides of the large plaques: two on the right and one on the left side. A narrow tip was attached to a leather band hanging from the belt on the left (Fig. 18) (Mamontov 1995: 173, 175, Fig. 3: *2—9*; 2000: 18—19, Fig. 16: *2—9*; Simonenko, Lobay 1991: 50—52, Fig. 27: *3, 6*; Treister 2002: 48, App. I, 12; 2004, 194, Fig. 3: *12—14*; 213—214, no. 26; 2007b: 290, 293; Mordvintseva, Treister 2007: vol. 2, 70, no. A224.1; Brosseder 2011: 424, List 9, no. 5).

The partition strip of one of the large plaques (AG-14) was analyzed. These are drop-shaped plaques which have a bronze plate base. The front side is decorated in cloisonné technique, the bridges between the smalt inlays are made of a bronze strip of rectangular cross-section, which was soldered onto the base plate. The center of the composition is a drop-shaped cloison with a pale blue inlay. This inlay is surrounded by five ornamental bands of two types. The first, third and fourth rows from the center represent the "running wave". The rings are filled with white smalt, and the triangles formed by the bridges are filled with pale green (outer row) and light brown (inner row) inlays of smalt. The second and outer (fifth) friezes are decorated with bands composed of semi-circles, with the curved side towards the center of the plaque. The semicircles are filled with inlays of pale green and green smalt, and the triangles formed by them are filled with brown smalt (Figs. 19—20).

Given its construction the buckle with a slot for a belt and a pin on the frame fits into the type of belt buckles that have become widespread in Asian Sarmatia since the 3rd —2nd centuries BCE. The teardrop shape of the plaque, however, is absolutely unique. Typically, the belt plaques in question were either in the form of a ring or figure eight, or had a rectangular shape. Somewhat less common are belt plates that are relatively close to the considered ones, "plates with a rounded edge", according to the classification by M.A. Devlet (Devlet 1980: 12—13, Figs. 5; 26—28, Pl. 20—22). Their front edge is also convex, the long sides, however, do not converge at an angle, forming a teardrop-shaped figure, and the back edge of the plaques is straight. The most famous belt set with plaques of this shape, but made not of bronze, but of bone, was found in a warrior's burial in burial mound no. 2 of the Orlat necropolis in Uzbekistan (Pugachenkova 1987: 56—65; 1989a: 148—152, Figs. 70—72; 1989b: 104—108; Bernard, Abdullayev 1997: 75—78, Fig. 2; Ilyasov, Rusanov 1998: 107—159; Nikonorov, Khudyakov 1999: 141—154; Maslov 1999: 219—236; Gorbunova 2001: 138—139, Fig. 6: *а—б*; Ilyasov 2003: 267—269, 271—304, Pl. VII: *1—2*; Abdullaev 2007: 79; 88, Fig. 8; 89; 92; Francfort 2011: 309, 312, 313, Fig. 33; Grenet 2012: 11, Fig. 11 (left); 14; Gruber et al. 2012: 261—262, Fig. 21; Podushkin 2012: 37—42, Figs. 3; 5: *1—2*; 47—48; Il'yasov et al. 2013: 186—188; Olbrycht 2015: 338—340, Fig. 4; Goryachev et al. 2016: 636, Fig. 4: *1*; 638, 640—645). Their prototypes (in form) are known among the so-called Ordos bronzes originating from the Xiongnu monuments in Northern China, from Transbaikalia and the Middle Yenisei region (Devlet 1980: 12—13, Fig. 5; Bunker 1997: 79, Fig. A112; 82, A121; 304, Fig. W17; Boardman 2010: 73, no. 332, 334, 337, Pl. 44—45)[6]. The closest in shape prototypes (?) are carved horn plaques, covered with gold foil and related to a horse's garment, dating from the late 4th — early 3rd century BCE burial mound no. 36 of the Berel necropolis in Eastern Kazakhstan (Samashev, Borodovskiy 2004: 85, Fig. 5; 86; Borodovskiy 2007: 89, Fig. 67: *1*; 104, Fig. 89: *3*; Cat. New York 2012: 169, no. 20; 170, no. 29; Shul'ga 2015b: 91—92, 112, 131—133, Fig. 47: *2. 10*).

As well as the shape, the decoration of the plaques from Pervomayskiy and the technique of ornamentation — a cloisonné with sockets formed by bronze bridges, is unique for the belt plates of

[6] See also comparable in shape belt plaques from private collections: Bunker 1997: 271—272, Fig. 238.2; Boardman 2010: 73—74, no. 333, 335, 336, Pl. 44—45.

the type under consideration. The only close parallel, both in material and in decoration, is represented by the decoration plate of a casket (?) from burial mound no. 1 near Zubov Farmstead in Trans-Kuban region (Gushchina, Zasetskaya 1989: 117, no. 130; Treister 2004: 205, Fig. 7; 214, no. 28; 2007b: 291; Mordvintseva, Treister 2007: vol. 2, 119, no. B13.4, Pl. 51), on which the rows of "running waves" and rhombuses are shown, although the color scheme (red-blue) differs from the decoration of the details of the belt set from Pervomayskiy.

Taking into account our observations about the tips of the belts, decorated with cloisonné technique from the Sarmatian burials of the North Pontic region (Treister 2004: 202—205), including the tip from the Porogi with the tamga of King Pharzoius, made of wire soldered on the back (Treister 2004: 194, Fig. 3: *18—20*; 213, no. 21), there is every reason to assume the possibility of making a belt set from Pervomayskiy in one of the workshops in the North Pontic region, especially since for the time under consideration we have no evidence, either archaeological or pictorial, of the use of belt plaques of this shape, with such a decoration and made using the cloisonné technique in Parthia.

1.5. Details of ceremonial furniture

The linings of turned wooden objects found in the Khokhlach burial mound on the outskirts of Novocherkassk (Figs. 21—22), dating no earlier than the last quarter of the 1st — the turn of the 1st — 2nd centuries CE (Zasetskaya 2011, 254; Treister 2018, 153; 2021: 403) were identified as the linings of the legs of the wooden throne by K.M. Skalon and subsequently published with the same attribution in exhibition catalogues (Cat. Daoulas 1995, 56, no. 75; Zasetskaya 2008, 37, Fig. 9) and in the book by I.P. Zasetskaya (Zasetskaya 2011: 235—236, Ills. 127, 269, no. 31). There is every reason to suppose, given the constructive closeness to the finds from Filippovka, that these details are of Near-Eastern origin, given the fact that the known details of ceremonial furniture of the Parthian period, as well as images of thrones on the Parthian (see, for example, Winkelmann 2006: 134—137, Figs. 1—9) and even the Sassanian coins (Pfeiler 1977: 107—111) are quite comparable to the Achaemenid prototypes. In addition, it is quite obvious that the details from Khokhlach belonged specifically to a stationary piece of furniture of a status character. It was not a folding chair (stool), the finds of which were quite widespread, both in the Roman provinces and beyond, in the 2nd—3rd centuries CE, which are associated with the spread of the Roman washing culture (Miks 2009: 429—446; Mráv 2013: 105—144), the details of which by the way, were never made of silver, but were of bronze and iron. Given the size of the linings from Khokhlach, it is hardly possible to consider them as details of the throne, which assumed greater monumentality and larger dimensions. It is also unlikely for the same reasons that they are identified as parts of *kline*. Rather, they referred to a small piece of furniture — a chair or stool (see in detail: Treister 2018: 139—140, Fig. 22).

1.6. The finds from a burial mound on the southern outskirts of Lipetsk

From the burial of the second half of the 1st — early 2nd century CE in a burial mound excavated in 2005 on the southern outskirts of Lipetsk (Medvedev, Safonov 2007: 255—259; Medvedev et al. 2008a: 116—125; 2008b: 97—107) originate fragments of a flat plate (AG-6) and foil (AG-7). The fragmentary condition of the finds does not allow to make any suggestions regarding their attribution. Concerning the fragments of the plate (Fig. 23), the authors of the publication suggested that they belonged to a vessel, possibly a goblet (Medvedev et al. 2008a: 120, no. 12; 2008b: 101), but the fact that all the surviving fragments are flat, casts doubt on this assumption.

2. Pb isotopic composition of items

2.1. High-precision lead isotopic analysis using MC-ICP-mass-spectrometry method

The study of lead isotope compositions in the selected artefacts have been carried out in the Laboratory of isotopic geochemistry and geochronology of the Institute of Geology of Ore Deposits, Petrography, Mineralogy, and Geochemistry RAS, Moscow. For the Pb isotope analysis, one thoroughly selected piece of metal weighing 0.003—0.01 g was used. Before sampling, the surface of each item was cleared from the surface dirt and oxide films with 3 % solution of HNO_3 and distilled water. This procedure eliminated contamination of the sample with lead present in the films. Chemical decomposition of samples was carried out in a mixture of concentrated acids ($HCl+HNO_3$, 1 : 3), in which they were kept at atmospheric pressure and temperature 90 °C until complete dissolution. The chromatographic separation of Pb from silver and the associated matrix elements was performed in HBr medium on Teflon micro-columns filled with Bio-Rad AG-1X8 anion-exchange resin (0.1 cm^3). Procedural blanks were lower than 0.1 ng of Pb (Chugaev et al. 2013: 20—33).

Measurements of Pb isotopic ratios were performed on a NEPTUNE multicollector mass spectrometer (ThermoFinnigan, Germany). The obtained lead fractions were dissolved in 3% HNO_3 to concentrations of 200—400 ng/ml, which provided intensity of ionic currents at mass 208 - 3 - 6 × 10-^{11}A.

Just before the measurements, the sample solutions were doped by Tl-spike. Mass-bias correction for the measured Pb isotope ratios was performed using the reference ratio $^{205}Tl/^{203}Tl$ = 2.3889 ± 1 (Chernyshev et al. 2007: 1160—1167), employing an exponential law. The total error (±2SD) of the $^{206}Pb/^{204}Pb$, $^{207}Pb/^{204}Pb$, and $^{208}Pb/^{204}Pb$ isotope ratios estimated from the long-term reproducibility of the results of parallel analyses of standard sample SRM 981 (n=160, 2012-2016), and international rock standards AGV-1 and BCR-1 (n=15, 2012-2016), did not exceed 0.03%. These data are obtained during the same period in which the samples were measured.

2.2. Results of lead isotopic study

Pb-Pb data were obtained for 17 silver items. The results of the measurements are presented in Table 1 and Fig. 24. In total, the studied collection is significantly heterogeneous in terms of Pb isotopic composition. The measured $^{206}Pb/^{204}Pb$, $^{207}Pb/^{204}Pb$ and $^{208}Pb/^{204}Pb$ ratios vary within wide ranges: from 18.07 to 19.41, from 15.60 to 15.75, and from 38.3 to 40.4, respectively. The coefficient of variation (ν, %) calculated for each isotopic ratio allows to estimate the scale of revealed heterogeneity of Pb isotopic composition. The estimates performed show that the values of ν for all three isotopic ratios ($\nu_{206/204}$ = 1.4%, $\nu_{207/204}$ = 0.2% and $\nu_{208/204}$ = 1.2%) are significant and exceed the analytical error (±0.03%).

It should be noted that epithermal gold-silver and silver-polymetallic deposits were the main geological-genetic type of ore deposits mined for silver in the early historical periods. These are, for example, the deposits of such famous ancient regions of silver mining as Rio Tinto (Spain), Rosia Montana (Romania), Sardinia (Italy) and a number of others (Maksimov 1981: 16—17; Durali-Mueller et al. 2007: 1559—1566; Baron et al. 2006: 241—244, 2011: 1090—1100). These deposits are characterised by high lead concentrations of up to 8 wt%, which are mainly present in the form of sulphide (galena) and is often the host of silver-bearing mineral phases. In ancient times, cupellation was widely used in the processing of ores from such deposits (Kassianidou 2003: 198—202; Craddock 2014: 1085). The use of metallic lead in one of the stages of pure silver production

was a part of this process (Kassianidou 2003: 202). The metallic lead is extracted in the initial stages of processing the same silver-bearing ores (Kassianidou 2003: 204). Thus, the cupellation did not change the Pb-Pb isotopic characteristics of the silver slags (Stos-Gale, Gale 2009: 198—200).

Deposits of these types are generally characterised by a high degree of homogeneity of Pb isotopic composition. For example, for silver ores of Kuramin zone (Uzbekistan), Baia Mare (Romania) and Banská Štiavnica (Slovakia) the values of variation coefficient for $^{206}Pb/^{204}Pb$, $^{207}Pb/^{204}Pb$ and $^{208}Pb/^{204}Pb$ ratios respectively are: 1) $\nu_{206/204} = 0.15\%$, $\nu_{207/204} = 0.05\%$ and $\nu_{208/204} = 0.07\%$ (unpublished data), 2) $\nu_{206/204} = 0.20\%$, $\nu_{207/204} = 0.08\%$ and $\nu_{208/204} = 0.1\%$ (Baron et al. 2011: 1097—1098) -, and 3) $\nu_{206/204} = 0.16\%$, $\nu_{207/204} = 0.01\%$ and $\nu_{208/204} = 0.04\%$ (Chernyshev et al. 2007: 1163—1164) -. The above values of the parameter ν for the ore regions are almost an order of magnitude smaller compared to the scale of variation obtained for the archaeological items (Table 1). The high degree of heterogeneity of the Pb isotopic composition in archaeological items, especially in terms of the ratio $^{207}Pb/^{204}Pb$, which varies insignificantly in the deposits ($\nu < 0.1\%$), indicates that the metal of the studied items originated from different ore regions.

In the Pb-Pb isotope diagrams, the points of lead isotope composition of archaeological items demonstrate a large scatter. Among them we can identify a group of 12 points, which in the diagrams form a compact field. Within this field two groups of points, differing in the value of the $^{206}Pb/^{204}Pb$ ratio, are clearly distinguished. Items in these two groups have a homogeneous Pb isotopic composition. The first group (A) comprises items numbered as AG-3, AG-7, AG-12, AG-13, AG-16, AG-17. For them the average values of Pb isotopic ratios are: $^{206}Pb/^{204}Pb$ — 18.648±0.036 ($\nu_{206/204} = 0.20\%$), $^{207}Pb/^{204}Pb$ — 15.678±0.005 ($\nu_{207/204} = 0.03\%$) and $^{208}Pb/^{204}Pb$ — 38.846±0.035 ($\nu_{208/204} = 0.09\%$). The second group (B) includes AG-2, AG-4, AG-8, AG-9, AG-11, AG-14. The average values of lead isotopic ratios are: $^{206}Pb/^{204}Pb$ — 18.769±0.022 ($\nu_{206/204} = 0.12$ %), $^{207}Pb/^{204}Pb$ — 15.681±0.009 ($\nu_{207/204} = 0.06$ %) and $^{208}Pb/^{204}Pb$ — 38.880±0.035 ($\nu_{208/204} = 0.09$ %). The difference between these groups is expressed mainly in the different content of the radiogenic ^{206}Pb. The lead of the second group of items is characterised by a higher content of this isotope. Both groups comprise items of different ages and locations (Fig. 24).

2.3. Discussion

The significant scale of variation in the Pb isotopic composition for the studied items suggests that the metal originated from different ore regions. The geographical location of the artifacts and the typological and stylistic features of them allow us to distinguish several possible regions. These are the ore provinces of the Balkans (Romania, Bulgaria), Asia Minor (Turkey in general) and/or adjoining other territories of the Near and Middle East (regions of the modern of Iran, to a lesser degree — Iraq and Syria). Numerous epithermal gold-silver and silver-polymetallic deposits are present within these regions, some of which were exploited in ancient times (Maksimov 1981: 16—17), including the historical period to which the items we studied belong.

Pb-Pb data for epithermal gold-silver and silver-polymetallic deposits of these regions were taken from (Marcoux et al. 2002: 177—178; Gökçe, Bozkaya 2006: 95—96; Marchev, Moritz 2006: 54—55; Kouzmanov et al. 2009: 626—640; Baron et al. 2011: 1096—1097; Bozkaya 2009: 124—125; Akiska et al. 2013: 392—393; Özen, Arik 2015: 275—276; Gale, Stos-Gale 2016; oxalid.arch.ox.ac.uk: 1). It should be noted that deposits in these regions are studied with varying degrees of detail. Deposits in Turkey, Romania and Bulgaria are characterized in most detail using modern high-precision MC-ICP-MS method to measure Pb isotopic composition in the ores. In contrast, very limited Pb-Pb data are available for deposits in Iran and Syria (Gale et al. 1981: 1290—1302; Ehya et al. 2010: 191—192; Mirnejad et al. 2011: 184—185). High-precision and

reliable Pb-Pb data are not available for Iraqi deposits. These objective differences between regions in the availability of Pb-Pb data for ore deposits provide constraints on the conclusions about the sources of the metal.

Ore provinces of northern Asia Minor and the eastern Balkans (Black Sea zone)

Fields of Pb isotopic composition of silver-bearing deposits of ore provinces of western and southern parts of Black Sea area, which territorially include deposits of Western Anatolia (Western Turkey), Eastern Pontides (North-Western Turkey) and Eastern Balkans (Bulgaria, Romania), are shown on the diagram in coordinates $^{207}Pb/^{204}Pb$ — $^{206}Pb/^{204}Pb$ (Fig. 25). The same plot shows the points corresponding to the lead isotopic composition of the studied artefacts. The fields of ore regions are relatively compact and located in the central part of the diagram. Some of them, such as the fields of the Rhodope Mountains (territory of ancient Thrace), Inner Eastern Carpathians (territory of ancient Dacia) and Western Anatolia partially overlap with each other (Fig. 25).

Comparison of the Pb isotopic composition of artifacts with Pb-Pb data of ore deposits in this region, suggests that most (12) items in terms of $^{206}Pb/^{204}Pb$ and $^{207}Pb/^{204}Pb$ ratios are close to ore deposits of Eastern Balkans (territory of modern Romania and Bulgaria), as well as northern (Eastern Pontides) and north-western (Western Anatolia) Turkey. The other five points, which represent artifacts AG-1, AG-5, AG-6, AG-10 and AG-15, are outside the field of ore districts. This suggests that the deposits of this region could not be a source of the metal for these items.

Let us consider in more detail the position of a group comprising 12 items. Despite the similarity in the Pb isotopic composition, their distinctive feature, as noted above, is the difference in the content of the radiogenic isotope ^{206}Pb. Group A are lower values of the $^{206}Pb/^{204}Pb$ ratio and, accordingly, points fit on the left-hand side of the plot closer to the axis of ordinates than group B. In addition, the points of group A tend to the field (Fig. 25, field 1), which correspond to polymetallic deposits of Eastern Pontides, localized in volcanogenic-sedimentary rocks of Cretaceous age. In turn, most points of the group B, fit into the area of overlapping of several fields, corresponding to the Pb isotopic compositions of deposits from three large ore districts of the considered region: the Rhodope Mountains, Baia-Mare (North—Western Romania) and Western Anatolia (Fig. 25, fields 7, 5 and 2, respectively).

Figure 26 compares $^{206}Pb/^{204}Pb$ and $^{208}Pb/^{204}Pb$ ratios of groups A and B with those in the deposits of the previously considered provinces. It is well visible that the group A is also closest to the deposits of East Pontides by values of $^{206}Pb/^{204}Pb$ and $^{208}Pb/^{204}Pb$ ratios (Fig. 26, field 1). The observed coincidence of Group A items by all three Pb isotopic ratios with deposits of Eastern Pontides gives reasons to consider this region as a potential source of silver. Within Eastern Pontides there are well known silver-bearing deposits, for example, polymetallic deposit Koyulhisar-Muradin-Aksu and copper-zinc deposit Harshit-Kepryubashi, which exploitation was completed in the 20th century. The Eastern Pontides is also one of the oldest silver mining areas. Early historical evidence indicates that silver mining in this area was caused by the development of the Pontic kingdom. This kingdom used silver from different regions for coin minting (Hojte 2009: 10—12; de Callatay 2009: 63—94), including the metal mined from the deposits of the Pontic mountains (Smekalova 2009: 239—240).

Position features of group B on the diagram allows us to completely exclude the deposits of West Anatolia (Fig. 26, field 2) from the number of possible regions of silver. Lead of these deposits has higher content of ^{208}Pb isotope compared to the items of group B. Most points of the group fit into the Pb isotopic composition fields of epithermal deposits of eastern Rhodope Mountains (Fig. 26, field 3) and deposits of the same genetic type of Baia Mare ore district (Fig. 26,

field 4), located within the Inner Eastern Carpathians. Archaeological and historical evidence suggests that silver-bearing ores were mined in these regions from ancient times: from the 6th to 5th century BCE in the Rhodope Mountains and from the 2nd century BCE in the Apuseni Mountains (Romania) (Kuleff et al. 2006: 245—254; Baron et al. 2011: 1093—1094). Both regions are therefore equally likely to be the source of silver for the items. In the case of items numbered AG-4 (silver phalera / breast plate of horse-harness, Titchikha) and AG-9 (silver-gilt phalerae, Yashkul), the origin of the metal can be identified more reliably. The silver phalera from Titchikha was made from metal originates from deposits of Baia-Mare region, whereas the source of metal for the silver-gilt phalera from Yashkul (AG-9) was the deposit of Eastern Rhodope mountains (Fig. 26).

Ore provinces of southern Asia Minor and the Middle East

Comparison of Pb isotopic composition of studied items and deposits in Asia Minor and Middle East is given in the diagram in coordinates $^{207}Pb/^{204}Pb$ — $^{206}Pb/^{204}Pb$ (Fig. 27). Pb-Pb data are shown for silver-bearing polymetallic deposits located within the Taurus Mountains (South-Eastern Turkey), Zagros Mountains of Western Iran, Kurdistan and Western Azerbaijan, Syria, as well as Palestine (Gale et al. 1981: 1290—1302; Ceyhan 2003: 55—62; Koptagel et al. 2007: 57—58; Hanilci, Öztürk 2009: 1478—1479; Ehya et al. 2010: 186—189; Mirnejad et al. 2011: 181—183; Yahalom-Mack et al. 2015: 1—2). In the diagram, the fields of the deposits in the Taurus (Figure 27, field 1) and Zagros (Figure 27, field 2) mountains are maximum and reflect significant variations of the $^{206}Pb/^{204}Pb$ and $^{207}Pb/^{204}Pb$ ratios in them.

Pb isotope composition of deposits in these provinces differ primarily in the content of isotope ^{207}Pb. Their corresponding fields (1 and 2) are separated and do not overlap with each other (Fig. 27). The Pb isotope composition field of polymetallic deposits in southern Turkey is the largest, which is located higher on the axis of ordinates in the diagram. In contrast, the field of Pb isotopic composition of Syrian deposits (Fig. 27, field 3) is the most compact and lies at the bottom of the diagram. In turn, deposits of Zagros Mountains are characterized by intermediate values of $^{207}Pb/^{204}Pb$ ratio.

Most of the Pb isotopic composition points of the items are located outside the fields of the considered ore provinces of southern Asia Minor and the Middle East. In general, the items of groups A and B are close in Pb isotopic composition to polymetallic deposits of Southern Turkey and Western Iran. However, they differ significantly from the deposits of both provinces in the isotope content of ^{207}Pb and ^{208}Pb isotopes and are characterized by intermediate values of the $^{207}Pb/^{204}Pb$ and $^{208}Pb/^{204}Pb$ ratios. Two items from Group B are an exception. These are a silver round-bottomed goblet (AG-11) from Peregruznoe and a silver belt set (AG-14) from Pervomayskiy-VII necropolis. For these items, the Pb isotopic composition of all three radiogenic isotopes is identical to that of lead from deposits in the Niğde ore district located in the Central Taurian Mountains (South-Eastern Turkey). This coincidence is evidence in support of the fact that the metal has an origin from the ancient mining and metalworking centers of Asia Minor. Correspondingly, this allows us to exclude these objects from Group B, whose metal, as shown above, was produced from the ore deposits of the Balkan region. The origin of the silver of the spoon from the Late Sarmatian burial at Mukhranovo (AG-15) is also associated with the ancient centers of Asia Minor or the Near East. Its Pb isotopic composition is close to the lead of polymetallic deposits located in the Zamantı area of the Central Taurian Mountains. Deposits in this area have been mined since the Late Eneolithic period (Yener et al. 1991: 545—546), (Yahalom-Mack et al. 2015: 1—2) (Fig. 27, black dot). In addition to the territory of Asia Minor, other potential regions of silver sources are identified. First of all, these are the deposits of multi-metal

(Cu, Au, Pb, Zn, Ag) province located within the Zagros Mountains. For example, metal of two studied items, silver skyphos 1st century BCE from burial mound near the Shaumyan Farmstead (AG-1) and fragment of a flat plate 1st century CE from burial mound southern outskirts of Lipetsk (AG-6), in terms of the Pb isotopic composition is close to polymetallic deposits of the North-Western area of Zagros Mountains.

We should separately consider the results of the analysis of lead for two items: fragment of silver-gilt cup from the Titchikha (AG-5) and silver basin with foot-stand, presumably made in Italian workshops, from the burial site near the village Zhutovo (AG-10). These items vary in terms of lead isotope composition, both between themselves and from the other studied artifacts. The first of them (AG-5) is characterized by the maximum values of Pb isotopic ratios, while the silver basin (AG-10), on the contrary, has the less "radiogenic" Pb isotopic composition.

According to its Pb isotopic features, the cup metal from Titchikha (AG-5) belongs to the type of "anomalous" lead, i.e., it has high content of radiogenic isotopes ^{206}Pb and ^{207}Pb. In some deposits of the Taurus Mountain region, located within K. Maraş and Elazığ-Keban ore districts, there are ores with the same type of lead (Ceyhan 2003: 55—62): $^{206}Pb/^{204}Pb \sim 19.2$, $^{207}Pb/^{204}Pb \sim 15.71$ and $^{208}Pb/^{204}Pb \sim 39.2$. In addition, "anomalous" lead is typical of silver coins of the 9th—10th centuries CE minted in the Islamic centers of Central Asia (Merkel et al. 2013a: 62—66; Merkel 2021: 231—232). Deposits in Uzbekistan, Afghanistan, and North-Western China are considered as the main silver resource base for these centers (Merkel et al. 2013a: 62—66; 2021: 231—232). The silver-gilt cup metal from Titchikha (AG-5) is similar in values of all three isotopic ratios ($^{206}Pb/^{204}Pb = 19.4$, $^{207}Pb/^{204}Pb = 15.74$ and $^{208}Pb/^{204}Pb = 40.4$) to lead from deposits in Afghanistan (Merkel et al. 2013b: 238). This fact suggests that the metal of the cup from Titchikha (AG-5) could have originated from this region.

On the contrary, Pb isotopic composition of the basin with foot-stand from Zhutovo (AG-10) does not coincide with Pb-Pb data of ore deposits from the Black Sea basin, Asia Minor and the Middle East. Moreover, lead of the basin in terms of $^{206}Pb/^{204}Pb$, $^{207}Pb/^{204}Pb$ and $^{208}Pb/^{204}Pb$ ratios also differs from lead of ore deposits of the Eastern Mediterranean, including Egypt, Cyprus, and Western Asia Minor (Stos-Gale and Gale 1981: 290—291; Yener et al. 1991: 547—578; Özen, Arik 2015: 275—276). Consequently, the metal source for the basin is most likely located outside of the regions discussed above. This conclusion is consistent with the assumption that the basin was made in Italy. This suggests that the metal source could be located on the Apennine peninsula or in adjoining territories. It has been established that the silver-polymetallic deposits of the island of Sardinia are characterized by a similar lead isotopic composition (Gale, Stos-Gale 2016; oxalid.arch.ox.ac.uk: 1).

3. Conclusion

The investigated silver objects from the burials of the nomads of Asian Sarmatia cover a wide chronological range from the 2nd century BCE to the 3rd century CE. The overwhelming majority of the objects examined in this paper are dated within the 1st century BCE — 1st century CE time span. An earlier dating, and even then, hardly earlier than the late 2nd century BC, can only be assumed for the fragmented goblet from Titchikha (AG-5). Probably the most recent of the investigated objects is a silver spoon from Mukhranovo, which can be the product of an Italic or Provincial-Roman workshop of the 2nd—3rd centuries CE (AG-15). The stylistic features of the items indicate that their origin is associated with several production centers.

The silver *skyphoi* (AG-1, 3), a phalerae, or the breast bowl of the horse-harness from Titchikha (AG-4), possibly a *phiale* from Verbovskiy (AG-13) were probably manufactured in the workshops

of the ancient cities of the North Pontic region, most likely in the Bosporan Kingdom. Probably, the unique belt set from Pervomayskiy (AG-14) also belongs to the products of the North Pontic workshops.

A fragmented goblet from Titchikha (AG-5) may be associated with workshops located in Asia Minor or in the Eastern Mediterranean. There are reasons to attribute the basin from Zhutovo (AG-10) to the products of an Italian workshop — at the same time, the sample was taken from its foot-stand, possibly made in the North Pontic region. The products of the Parthian workshop most likely include the linings of the legs of a stool or chair from the Khokhlach burial mound (AG-16—17).

The neck guard of the East Celtic type helmet from Jashkul (AG-8), which was re-used as a breast plate of the horse-harness, is undoubtedly the product of the Celtic (*Taurisci*) workshop, located in the territory of modern Slovenia.

A significant part of the samples belongs to round-bottomed goblets (AG-2, 12—13), which, like the phalerae found in Yashkul (AG-9), should be attributed to the products of Sarmatian craftsmen. It is difficult to say exactly where they could have been made — this could have taken place most probably both in the Lower Volga and in the Kuban region.

The fragmentation of finds from a burial of the 1st century CE in a burial mound on the southern outskirts of Lipetsk does not allow any conclusions to be drawn about the possible centers of the plate and foil (AG-6—7) manufacture.

The results of Pb-Pb studies also show considerable diversity in the origin of silver. Five regions can be identified as potential sources of the metal. They are marked with coloured outlines in Fig. 28. Most of the studied items are close in their Pb-Pb characteristics to silver-bearing epithermal deposits of the Eastern Balkans (orange outline, AG 2, 4, 8—9) and Eastern Pontides (green outline, AG 3, 7, 12—13, 16—17). In the Eastern Balkans, we have defined two provinces (Baia Mare and the Rhodopes) as a source of silver. The deposits located within the provinces have a similar Pb isotope composition, which does not allow more reliable identification of the metal sources for the samples AG 2, 4, 8—9.

The third important source of silver for the items under discussion is southern part of Asia Minor. For four of the 17 items (AG-5, AG-11; AG-14; AG-15), the Pb-Pb isotopic characteristics are similar to those of the silver-bearing deposits of the Taurus Mountains. Deposits in this ore province were exploited since the Chalcolithic period.

The origin of at least two silver vessels (AG-1 and AG-6) may be associated with the territory of the Parthian Empire. Their lead-isotope “markers” are identical to polymetallic deposits of the largest metallogenic province of Zagros Mountains, located in the west of Iran. The find of a silver basin on a foot-stand (AG-10) in Zhutovo serves as a proof of, that Roman silver objects were acquired by the nomads of Asian Sarmatia. In this case, the hypothesis based on typological and stylistic analysis of the vessel is confirmed by the similarity of its lead-isotope "markers" and those of silver deposits of Sardinia.

The objects investigated in this study have a significantly broad chronological range (from the 2nd century BCE to the 3rd century CE), during which time the sources of metal could naturally change. However, a comparison of chronological positions of objects with the regions from which the metal possibly originated, did not reveal any clear regularity in the change of silver sources. For example, the metal for the objects dating to the relatively narrow chronological frame of the 1st century BCE — 1st century CE (AG-1, 4, 6—9, 12—14, 16—17) originate from all the ore provinces, mentioned above. In addition, during this period a repeated income of metal from one and the same region of the south of Asia Minor, Taurus Mountains (AG-5, 11, 14—15) is registered. It should be noted that our earlier Pb-Pb studies of silver objects from the 5th—4th centuries burials of the nomads of South Urals, including the objects of the Achaemenid circle, has

shown that their metal originated mainly from the deposits of Asia Minor and Iran (Chugaev, Chernyshev 2012: 243—245) (Fig. 29). On the contrary, the obtained results for the items from the later burials of the nomads of Asian Sarmatia, presented in this paper, show a greater territorial variety (first of all due to the provinces of Eastern Balkans) of silver sources. This seems to reflect the change in the political and trade contacts of the nomads in this period.

Even if we exclude "distant imports", such as a silver neck guard of an East-Celtic helmet re-used as phalera of horse-harness from Yashkul (AG-9), an Italian basin with foot-stand from Zhutovo (AG-10), a Asian Minor or East Mediterranean silver-gilt cup from Titchikha (AG-5), the stylistic and typological features of the investigated silver objects from the burials of nomads of Asian Sarmatia, dating from the 2nd century BCE to the 3rd century CE and the Pb-Pb data indicate that their metal is of various origin and their sources encompass a vast territory, including the Balkan Peninsula in the west, Asia Minor, the Middle East and Western Iran — in the south.

Table 1. **Results of the study of the Pb isotopic composition in silver artefacts from the burials of nomads of Asian Sarmatia**

No.	Description and origin of objects	Date	Figure	$^{206}Pb/^{204}Pb$	$^{207}Pb/^{204}Pb$	$^{208}Pb/^{204}Pb$
AG-1	Silver skyphos. Schaumyan Farmstead. Burial mound no. 13/1996, burial no. 1.	1st century BCE	5: *1*	18.6032	15.6404	38.6628
AG-2	Silver round-bottomed goblet. Novyy Farmstead. Burial mound no. 12/1982, burial no. 3.	second half of the 1st — first half of the 2nd century CE	7	18.7772	15.6792	38.8843
AG-3	Silver skyphos. Novyy Farmstead. Burial mound no. 12/1982, burial no. 3.	second half of the 1st — first half of the 2nd century CE	5: *2—4*	18.6650	15.6749	38.8970
AG-4	Silver phalera / breast plate of horse-harness. Titchikha. Finds by P.D. Leonov, 1939.	1st century CE	17	18.7743	15.6676	38.8162
AG-5	Fragments of silver-gilt cup (?). Titchikha. Finds by P.D. Leonov, 1939.	end of 2nd — 1st century BCE	1	19.4122	15.7504	40.3784
AG-6	Fragments of a plate or a vessel (?). Lipetsk burial mound, 2005.	second half of the 1st — early 2nd century CE	23	18.4285	15.6556	38.5551
AG-7	Fragments of foil. Lipetsk burial mound, 2005.	second half of the 1st — early 2nd century CE		18.6873	15.6834	38.8563
AG-8	Silver breastplate of horse-harness. Yashkul. Burial mound no. 1/1988, burial no. 1.	1st century BCE	14: *3*; 16	18.7929	15.6793	38.8871
AG-9	Silver-gilt phalerae with the image of a he-goat. Yashkul. Burial mound no. 1/1988, burial no. 1.	1st century CE	14: *1*; 15	18.7298	15.6808	38.8699
AG-10	Silver basin with foot-stand. Zhutovo. Burial mound no. № 28/1964.	second half of the 1st century BCE — first half of the 1st century CE	2	18.0716	15.5989	38.2058

Table 1. **Results of the study of the Pb isotopic composition in silver artefacts from the burials of nomads of Asian Sarmatia (continuation)**

No.	Description and origin of objects	Date	Figure	$^{206}Pb/^{204}Pb$	$^{207}Pb/^{204}Pb$	$^{208}Pb/^{204}Pb$
AG-11	Silver round-bottomed goblet. Village Peregruznoe. Burial mound no. 51/2011, burial no. 2.	second half of the 1st — early 2nd century CE	8	18.7599	15.6858	38.9058
AG-12	Silver-gilt round-bottomed goblet. Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998, burial no. 1.	second half of the 1st century BCE — first half of the 1st century CE	9—13	18.6145	15.6718	38.7933
AG-13	Silver phiale. Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998, burial no. 1.	second half of the 1st century BCE — first half of the 1st century CE	3—4	18.6879	15.6817	38.8586
AG-14	Silver belt set. Pervomayskiy-VII. Burial mound no. 14/1984, burial no. 3.	1st century CE	18—20	18.7819	15.6957	38.9148
AG-15	Silver spoon. Village Mukhranovo. Burial mound. Chance find, 1996.	2nd — 3rd centuries CE	6	19.0201	15.7373	39.5520
AG-16	Silver lining of the chair leg. Khokhlach burial mound.	1st century CE	21	18.6169	15.6805	38.8438
AG-17	Silver lining of the chair leg. Khokhlach burial mound.	1st century CE	22	18.6140	15.6731	38.8251

References

Abdullaev, K.A. 2007. Nomad Migration in Central Asia. In: Cribb, J., Herrmann, G. (eds.). *After Alexander: Central Asia before Islam*. New York: Oxford University Press, Oxford, 73—98 (Proceedings of the British Academy 133).

Akiska, S., Demirela, G., Sayili, S. 2013. Geology, Mineralogy and the Pb, S Isotope Study of the Kalkım Pb-Zn ± Cu Deposits, Biga Peninsula, NW Turkey. *Journal of Geosciences* 58, 4, 379—396.

Ashrafpour, E., Ansdell, K., Alirezaei, S. 2012. Hydrothermal Fluid Evolution and Ore Genesis in the Arghash Epithermal Gold Prospect, Northeastern Iran. *Journal of Asian Earth Sciences* 51, 30—44.

Bagrikov, G.I., Senigova, T.N. 1968. In *Izvestiya Akademii Nauk Kazakhskoy SSR. Seriya obshchestvennyye nauki (Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Social Science Series)* (2), 71—89 (in Russian).

Balabanova, M.A. (ed.). 2014. *Kurgannyy mogil'nik Peregruznoye I: rezul'taty mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (Burial mound Peregruznoye I: results of interdisciplinary research)*. Volgograd: Volgogradskiy filial FGBOU VPO RANKhiGS (in Russian).

Baratte, F., 1986. *Le trésor l'orfèvrerie romaine le Boscoreale*. Paris: Reunion des Musees Nationaux.

Baron, S., Carignan, J., Laurent, S., Ploquin, A. 2006. Medieval lead making on Mont-Lozère Massif (Cévennes-France): tracing ore sources using Pb isotopes. *Applied geochemistry* 21 (2), 241—252.

Baron, S., Tamasë, C., Cauuet, B., Munoz, M. 2011. Lead Isotope Analyses of Gold-Silver Ores from Rosia Montana (Romania): a First Step of a Metal Provenance Study of Roman Mining Activity in Alburnus Maior (Roman Dacia). *Journal of Archeological Science* 38 (5), 1090—1100.

Barr-Sharrar, B. 1987. *Hellenistic Decorative Busts*. Mainz: von Zabern.

Belousov, A.V. 2016. In *Aristey (Aristeas)* XIV, 246—273 (in Russian).

Bernard, P., Abdullayev, K. 1997. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 68—86 (in Russian).

Bespalyy, Ye.I., Luk'yashko, S.I. 2018. *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika (Ancient Population of the Interfluve of the Don and Kagalnik)*. Vol. 2. *Kurgannyy mogil'nik u s. Novoaleksandrovka (Burial mound Cemetery near the Novoaleksandrovka village)*. Rostov-on-Don: YUNTS RAN (Materials and research on the archeology of the South of Russia).

Boardman, J. 2010. *The Relief Plaques of Eastern Eurasia and China. The "Ordos Bronzes", Peter the Great's Treasure, and their kin*. Oxford: British Archaeological Reports (Beazley Archive Occasional Paper).

Bolla, M. 1994. *Vasellame romano in bronzo nelle Civiche raccolte archeologiche di Milano*. Milano: Civico Museo Archeologico (Rassegna di studi del Civico museo archeologico e del Civico gabinetto numismatico *di Milano.* Suppl. 11).

Borodovskiy, A.P. 2007. *Drevniy reznoy rog Yuzhnoy Sibiri (epokha paleometalla) (Ancient carved Horn of Southern Siberia (Paleometal Period))*. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN.

Bozkaya, G. 2009. Sulphur- and Lead-Isotope Geochemistry of the Arapuçandere Lead—Zinc—Copper Deposit, Biga Peninsula, Northwest Turkey. *International Geology Review* 53 (1), 116—129.

Brill, R., Wampler, J. 1965. Isotope Studies of Ancient Lead. *American Journal of Archaeology* 69, 165—166.

Brill, R., Wampler, J. 1967. Isotope Studies of Ancient Lead. *American Journal of Archaeology* 71, 63—77.

Brosseder, U. 2011. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: Brosseder, U., Miller, B.K. (eds.). *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 349—424 (Bonn Contributions to Asian Archaeology 5).

Bunker, E.C. 1997. *Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collection.* New York: Harry N. Abrams.

Callatay, F. 2009. The First Royal Coinages of Pontos (from Mithridates III to Mithridates V). In: Hojte, J.M., Rasmussen, L.B. (eds.). *Mithridates VI and the Pontic Kingdom*. Aarhus: Aarhus University Press, 63—94.

Cat. Daoulas 1995. *Entre Asie et Europe. L'or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'antiquité. 17 juin — 29 octobre 1995.* Abbaye de Daoulas: Abbaye de Daoulas.

Cat. Mantua 1998. *L'uomo d'oro. La cultura delle steppe del Kazakhstan dall'età del bronzo alle grandi migrazioni*. Venezia: Mondadori Electa.

Cat. Naples 2006. Guzzo, P.G. (ed.), *Argenti a Pompei*. Milano: Mondadori Electa.

Cat. New York 2012. Stark, S., Rubinson, K.S. (eds.). *Nomads and Networks. The Ancient Art and Culture of Kazakhstan*. New York, Princeton: Princeton University Press.

Cat. Rome 2005. Anisimova, L., Bonora, G.L., Franchi, C., Karavaeva, L., Plakhov, V.V. (eds.). *I Tesori della steppa di Astrakhan*. Milano: Electa.

Cat. San Diego 2006. Chang, D. (ed.). *Of Gold and Grass*. *Nomads of Kazakhstan.* San Diego: Foundation for International Arts and Education.

Cat. Toledo 1977. Oliver, A.Jr. *Silver for the Gods. 800 Years of Greek and Roman Silver.* Toledo: Toledo Museum of Art.

Ceyhan, N. 2003. *Lead Isotope Geochemistry of Pb-Zn Deposits from Eastern Taurides, Turkey.* Master Thesis. The Graduate School of Natural and Applied Sciences of the METU.

Chernyshev et al. 2007: Chernyshev, I.V., Chugaev, A.V., Shatagin, K.N. 2007. In *Geokhimiya (Geochemistry)* 11, 1155—1168 (in Russian).

Chugaev et al. 2013: Chugaev, A.V., Chernyshev, I.V., Lebedev, V.A., Eremina, A.V. 2013. In *Petrologiya (Petrology)* 21 (1), 20—33 (in Russian).

Chugaev, A.V., Chernyshev, I.V. 2012. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'ye (V—III vv. do n.e.) (Influences of the Achaemenid culture Culture in the Southern Urals (5th — 3rd Centuries BCE))*. Vol. 1. Moscow: Taus, 239—246 (in Russian).

CR St. Petersbourg 1902: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1902 g (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1902)*. 1904. Saint Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov (in Russian).

Craddock, P. 2014. Production of Silver across the Ancient World. *ISIJ International* 54, 1085—1092.

Dana, D., Kamiševa, M., Theodossiev, N. 2016. Une signature d'artisan sur le fourreau d'une épée trouvée près de Béroia de Thrace. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 199, 60—64.

Devlet, M.A. 1980. *Sibirskiye poyasnyye azhurnyye plastiny. II v. do n.e. — I v. n.e. (Siberian Belt openwork Plates. 2nd century BCE — 1st century CE)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D4-7) (in Russian).

Eggers, H.J. 1966. Römische Bronzegefäße in Britannien. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 13, 67—164.

Ehya, F., Lotfi, M., Rasa, I. 2010. Emarat Carbonate-Hosted Zn—Pb Deposit, Markazi Province, Iran: a Geological, Mineralogical and Isotopic (S, Pb) Study. *Journal of Asian Earth Sciences* 37, 186—194.

Erdrich, M. 2002. *Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Deutschland*. Bd. 4. *Hansestadt Bremen und Bundesland Niedersachsen*. Bonn: Habelt.

Firsov, K.B. 2010. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)*. Vol. III. Moscow: Nauka, 328—352 (in Russian).

Francfort, H.P. 2011. Tillya Tépa (Afghanistan) la sépulture d'un roi anonyme de la Bactriane du Ier siècle P.C. *Topoi* 17/1, 277—347.

Gale, N., Stos-Gale, Z. 2016. *OXALID: Oxford Archaeological Lead Isotope Database from the Isotrace Laboratory. UK*. Available at: http://oxalid.arch.ox.ac.uk/TheDatabase.htm (accessed 15.01.2022).

Gehrig, U. 1980. *Hildesheimer Silberschatz im Antikenmuseum*. 2. Aufl. Berlin: Staatliche Museen Preussischer Kulturbesitz.

Glebov et al. 2014. Glebov, V.P., Dedyul'kin, A.V., Gordin, I.A. In *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik (The Ufa Archaeological Herald)* 14, 77—83 (in Russian).

Glebov, V.P. 2002. In *Donskaya arkheologiya (Don Archaeology)* (1—2), 28—41 (in Russian).

Glebov, V.P. 2004. In: Raev, B.A. (ed.). *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noy khronologii. Doklady k 5 mezhdunarodnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii" (Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Reports to the 5th International conference "Problems of Sarmatian Archaeology and History")*. Krasnodar: Firma NSS, 127—133 (in Russian).

Glebov, V.P. 2006. In: Klepikov, V.M. (ed.). *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury: problemy sootnosheniya (Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures: Correlation Problems)*. Iss. 1. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 59—68 (in Russian).

Gökçe, A., Bozkaya, G. 2006. Lead and Sulfur Isotope Evidence for the Origin of the Inler Yaylasi Lead—Zinc Deposits, Northern Turkey. *Journal of Asian Earth Sciences* 26, 91—97.

Gorbunova, N.G. 2001. In *Arkheologicheskiy Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (The Archaeological Collection of the State Hermitage Museum)* 35, 126—151 (in Russian).

Goryachev, A.A., Yatsenko, S.A., Egorova, T.A. 2016. In: Baytanayev, B.A. (ed.). *Aktual'nyye problemy arkheologii Evrazii. Materialy konferentsii, posvyashchennoy 25-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 25-letiyu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana (Actual Problems of Archaeology of Eurasia. Materials of the Conference dedicated to the 25th Anniversary of the Independence of the Republic of Kazakhstan and the 25th Anniversary of the A.Kh Margulan Institute of Archaeology)*. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, 632—648 (in Russian).

Gregarek, H. 1997. Der Hildesheimer Silberfund. In: von Prittwitz und Gaffron, H.-H., Mielsch, H. (Hrsg.). *Das Haus lacht vor Silber*. Köln, Bonn: Rheinland-Verlag, 91—98.

Grenet, F., 2012. The Nomadic Element in the Kushan Empire (1st — 3rd Century AD). *Journal of Central Eurasian Studies* 3, 1—22.

Gruber, M., Il'yasov, J., Kaniuth, K. 2012. A Decorated Ivory Belt from Tilla Bulak, Southern Uzbekistan. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 18, 339—375.

Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1989. In: Abramova, M.P. (ed.). *Arkheologicheskiye issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy (Archaeological Research in the South of Eastern Europe)*. Moscow: Gosudarstvenniy istoricheskiy muzey, 71—141 (Proceedings of the State Historical Museum 70) (in Russian).

Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1994. *"Zolotoye kladbishche" rimskoy epokhi v Prikuban'ye ("Golden Cemetery" of the Roman Period in the Kuban Region)*. Saint Petersburg: Farn (in Russian).

Guštin, M. 2011. On the Celtic tribe of Taurisci: local identity and regional contacts in the ancient World. In: Guštin, M., Jevtić, M. (eds.). *The Eastern Celts: the communities between the Alps and the Black Sea (Annales Mediterranei)*. Koper: Univerza na Primoerskem, 119—130.

Guštin, M., 2008. Zu einigen Figuralmotiven im Gebiet der Taurisker. In: Teegen, W.-R., Cordie, R., Dörrer, O., Rieckhoff, S., Steuer, H. (Hrsg.). *Studien zur Lebenswelt der Eisenzeit: Festschrift für Rosemarie Müller*. Berlin, New York: De Gruyter, 115—132.

Hanilci, N., Öztürk, H. 2011. Geochemical Isotopic Evolution of Pb—Zn Deposits in the Central and Eastern Taurides, Turkey. *International Geology Review* 53(13), 1478—1507.

Hojte, J. 2009. Introduction. In: Hojte, J.M., Rasmussen, L.B. (eds.). *Mithridates VI and The Pontic Kingdom*. Aarhus: Aarhus University Press, 7—13.

Il'yasov et al. 2013: Il'yasov, Dzh.Ya., Kaniut, K., Gruber, M. 2013. In: Kolganova, G.Yu., Petrova, A.A., Kullanda, S.V. (eds.). *Posledniy entsiklopedist: k yubileyu so dnya rozhdeniya B.A. Litvinskogo (The last Encyclopedist: on the Anniversary of the Birth of B.A. Litvinsky)*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 185—199 (in Russian).

Il'yukov, L.S., Vlaskin, M.V. 1992. *Sarmaty mezhdurech'ya Sala i Manycha (Sarmatians of the Interfluve of Sal and Manych)*. Rostov-on-Don: Rostovskiy gosudarstvennyy universitet (in Russian).

Ilyasov, J. 2003. Covered Tail and "Flying" Tassels. *Iranica Antiqua* XXXVIII, 259—325.

Ilyasov, J.Ya., Rusanov, D.V. 1998. A Study on the Bone Plates from Orlat. *Silk Road Art and Archaeology* 5, 107—159.

Kassianidou, V. 2003. Early extraction of silver from complex polymetallic ores. In: Craddock, P., Lang, J. (eds.). *Mining and metal production through the ages*. London: The British Museum Press, 198—206.

Kat. Frankfurt 2003. Wamers, E., Stutzinger, D. (Hrsg.). *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. Frankfurt: Archäologisches Museum.

Kat. Hildesheim 1997. Boetzkes, M., Stein H. (Hrsg.). *Der Hildesheimer Silberfund. Original und Nachbildung. Vom Römerschatz zum Bürgerstolz*. Hildesheim: Gebrüder Gerstenberg.

Koptagel et al. 2007. Koptagel, O., Ulusoy, U., Fallick, A. Sulfur and Lead Isotope Investigations of the Carbonate-Hosted Pb-Zn Deposits in the Yahyali Region, Kayseri, Southern Turkey. *Turkish Journal of Earth Sciences* 16, 57—76.

Korolkova, E.F. 2001. Vasi rituali dei nomadi. In: Aruz, J., Farkas, A., Alekseev, A., Korolkova, E. (eds.). *Oro. Il misterio dei Sarmati e de gli Sciti*. Milano: Electa, 174—177.

Kouhestani et al. 2015. Kouhestani, H., Ghaderi, M., Chang, Z., Zaw, K. Constraints on the Ore Fluids in the Chah Zard Breccia-Hosted eEpithermal Au—Ag Deposit, Iran: Fluid Inclusions and Stable Isotope Studies. *Ore Geology Reviews* 65, 512—521.

Kouzmanov et al. 2009. Kouzmanov, K., Moritz, R., Von, Q., Chiaradia, M., Peytcheva, I., Fontignie, D., Ramboz, C., Bogdanov, K. Late Cretaceous Porphyry Cu and Epithermal Cu-Au Association in the Southern Panagyurishte District, Bulgaria: the Paired Vlaykov Vruh and Elshitsa Deposits. *Mineralium Deposita* 44, 611—646.

Kropotkin, V.V. 1970. *Rimskiye importnyye izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n.e. — V v. n.e.) (Roman Imports in Eastern Europe (2nd century BCE — 5th century CE))*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-27) (in Russian).

Kuleff et al. 2006. Kuleff, I., Iliev, I., Pernicka, E., Gergova, D. Chemical and Lead Isotope Compositions of Lead Artefacts from Ancient Thracia (Bulgaria). *Journal of Cultural Heritage* 7 (4), 244—256.

Lapa, N.L., Ochir-Goryaeva, M.A. 2002. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* (3), 200—205 (in Russian).

Maksimov, M. 1981. *Ocherk o serebre (Essay on silver)*. Moscow: Nedra (in Russian).

Mamontov, V.I. 1995. In *Donskiye drevnosti (Don Antiquities)* 4, 169—178 (in Russian).

Mamontov, V.I. 2000. *Drevneye naseleniye levoberezh'ya Dona (po materialam mogil'nika Pervomayskiy VII) (The Ancient Population of the Left Bank of the Don (based on the Materials of the Pervomaiskiy VII Cemetery))*. Volgograd: Volgogradskiy universitet (in Russian).

Mamontov, V.I. 2004. In: Skripkin, A.S. (ed.). *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya. I mezhdunarodnaya Nizhnevolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya (Problems of archaeology of the Lower Volga region. 1st International Lower Volga Archaeological Conference)*. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet, 204—208 (in Russian).

Mamontov, V.I. 2008. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 9, 170—197 (in Russian).

Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: Simonenko, A., Marčenko, I.I., Limberis, N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz: von Zabern, 267—400 (Archäologie in Eurasien 25).

Marchev, P., Moritz, R. 2006. Isotopic Composition of Sr and Pb in the Central Rhodopean Ore Fields: Inferences for the Genesis of the Base-Metal Deposits. *Geologica Balcanica* 35, 49—61.

Marcoux et al. 2002. Marcoux, E., Grancea, L., Lupulescu, M., Milesi, J. Lead Isotope Signatures of Epithermal and Porphyry-Type Ore Deposits from the Romanian Carpathian Mountains. *Mineralium Deposita* 37, 173—184.

Maslov, V.E. 1999. In: Melyukova, A.I., Moshkova, M.G., Bashilov, V.A. (eds.). *Evraziyskie drevnosti. 100 let B.N. Grakovu: arkhivnye materialy, publikatsii, stat'i (Eurasian Antiquities. 100 years of B.N. Grakov: archive materials, publications, articles)*. Moscow: Institut arkheologii RAN, 219—236 (in Russian).

Medvedev et al. 2008a. Medvedev, A.P., Matveev, Yu.P., Safonov, I.Ye. In: Medvedev, A.P. (ed.). *Sarmaty v verkhov'yakh Tanaisa (Sarmatians in the upper Reaches of the Tanais)*. Moscow: Taus, 116—125 (in Russian).

Medvedev et al. 2008b. Medvedev, A.P., Matveev, Yu.P., Safonov, I.Ye. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* (4), 97—107 (in Russian).

Medvedev, A., Safonov, I. 2007. Le Tumulus Princier Sarmate sur le Don Supérieur Subtitle: (Note Préliminaire). *Ancient West and East* 6, 255—259.

Merkel et al. 2013a. Merkel, S., Sverchkov, L., Hauptmann, A., Hilberg, V., Bode, M., Lehmann, R. Analysis of Slag, Ore and Silver from the Tashkent and Samarkand Areas: Medieval Silver Production and the Coinage of Samanid Central Asia. *Archäometrie und Denkmalpflege*, 62—66.

Merkel et al. 2013b. Merkel, S., Brautigam, B., Klein, S., Hauptmann, A. The Analysis of Slag from the Panjhır Mining Region, Afghanistan: An Investigation of (Medieval) Silver Production Technology. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 45, 231—249.

Merkel, S.W. 2021. Evidence for the widespread use of dry silver ore in the Early Islamic period and its implications for the history of silver metallurgy. *Journal of Archaeological Science* 135, 105478.

Mielsch, H. 1997. Römisches Tafelsilber aus Ägypten. In: von Prittwitz und Gaffron, H.-H., Mielsch, H. (Hrsg.). *Das Haus lacht vor Silber*. Köln; Bonn: Rheinland-Verlag, 41—58.

Mielsch, H., Niemeyer, B. 2001. *Römisches Silber aus Ägypten in Berlin*. Berlin: Walter De Gruyter (139./140. Winckelmannsprogramm der archäologischen Gesellschaft zu Berlin).

Mihaljević, M., Dizdar, M. 2007. Late La Tène bronze helmet from the river Sava near Stara Gradiška. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu* 3. s. XL, 117—146.

Miks, C. 2009. Relikte eines frühmittelalterlichen Oberschichtgrabes? *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 56, 395—538.

Mirnejad et al. 2011. Mirnejad, H., Simonetti, A., Molasalehi, F. Pb Isotopic Compositions of Some Zn—Pb Deposits and Occurrences from Urumieh—Dokhtar and Sanandaj—Sirjan Zones in Iran. *Ore Geology Reviews* 39, 181—187.

Mordvinceva, V.I. 2001. *Sarmatische Phaleren*. Rahden: Marie Leidorf (Archäologie in Eurasien 11).

Mordvintseva, V.I. 2000. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* (1), 144—153 (in Russian).

Mordvintseva, V.I. 2002. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* (3), 157—161 (in Russian).

Mordvintseva, V.I. 2005. In: Marchenko, I.I. (ed.). *Chetvertaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya. Tezisy i doklady (Fourth Kuban Archaeological Conference. Abstracts and Reports)*. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 186—187 (in Russian).

Mordvintseva, V.I., Khabarova, N.V. 2006. *Drevneye zoloto Povolzh'ya iz fondov Volgogradskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya (Ancient Gold of the Volga Region from the Depots of the Volgograd Regional Museum of Local Lore)*. Simferopol: Tarpan (in Russian).

Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'ye. II v. do n.e. — II v. n.e. (Works of Toreutics and Jewelry Art in the North Pontic Region. 2nd century BCE — 2nd century CE)*. Simferopol; Bonn: Tarpan (in Russian).

Moshkova, M.G. 2009. In: Furas'ev, A.G. (ed.). *Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoy i Dunayem (Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and the Danube)*. Saint Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 99—113 (in Russian).

Mráv, Z. 2013. Eiserne Klappstühle aus Kaiserzeitlichen Bestattungen der einheimischen Elite in Pannonien. Zu den Beigaben der Bade- und Reinigungsgarnitur pannonischer Wagengräber. *Archaeologiai Értesítő* 138, 105—144.

Nikonorov, V.P., Khudyakov, Yu.S. 1999. In: Mit'ko, O.A. (ed.). *Evraziya: kul'turnoye naslediye drevnih tsivilizatsiy (Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilizations)*. Iss. 2. *Gorizonty Evrazii (Horizons of Eurasia)*. Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet, 141—154 (in Russian).

Ochir-Goryaeva, M.A. 2019. In *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN (Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)* 4, 5—60. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-4-12-5-60 (in Russian).

Olbrycht, M. 2015. Arsacid Iran and the Nomads of Central Asia — Ways of Cultural Transfer. In: Bemmann, J., Schmauder, M. (eds.). *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie; Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 333—390 (Bonn Contributions to Asian Archaeology 7).

Oliver, A.Jr. 1965: Two Hoards of Republican Silver. *The Metropolitan Museum of Art Bulletin* 13 (5), 177—185.

Otchir-Goriaeva, M. 2002. *Das sarmatische Grab* von Jaškul', Kalmykien. *Eurasia antiqua* 8, 353—387.

oxalid.arch.ox.ac.uk: 1: OXALID. Oxford Archaeological Lead Isotope Database. Available at: http:// https://oxalid.arch.ox.ac.uk/The%20Database/TheDatabase.htm (accessed 11.01.2022).

Özen, F., Arik, S. 2015. O and Pb Isotopic Evidence on the Origin of the İnkaya (Simav-Kütahya) Cu—Pb—Zn—(Ag) Prospect, NW Turkey. *Ore Geology Reviews* 70, 262—280.

Painter, K., 2001. *The Insula of the Menander at Pompeii. IV. The Silver Treasure*. Oxford: Oxford University Press.

Pernice, E., Winter, F., 1901. *Der Hildesheimer Silberfund*. Berlin: W. Spemann.

Pfeiler, I. 1977. Der Thron der Achaimeniden als Herrschaftssymbol auf sasanidischen Münzen. *Schweizer Münzblätter* 23—27 (1973—1977), 107—111.

Podushkin, A.N. 2012. In *Stratum plus* (4), 31—53 (in Russian).

Pugachenkova, G.A. 1987. In: Pugachenkova, G.A. *Iz khudozhestvennoy sokrovishchnitsy Srednego Vostoka (From the Artistic Treasury of the Middle East)*. Tashkent: Izdatel'stvo literatury i iskusstva, 56—65 (in Russian).

Pugachenkova, G.A. 1989a. *Drevnosti Miankalya. Iz rabot Uzbekistanskoy iskusstvovedcheskoy ekspeditsii (Antiquities of Miankal. From the Works of the Uzbekistan Art History Expedition)*. Tashkent: Fan (in Russian).

Pugachenkova, G.A. 1989b. In: Pugachenkova, G.A. (ed.). *Antichnyye i rannesrednevekovye drevnosti Yuzhnogo Uzbekistana (Antique and Early Medieval Antiquities of Southern Uzbekistan)*. Tashkent: Fan, 96—110 (in Russian).

Puzdrovskiy, A.E. 2007. *Krymskaya Skifiya. II v. do n.e. — III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki (Crimean Scythia. 2nd century BCE — 3rd century CE. Burial Monuments)*. Simferopol: Biznes-Inform (in Russian).

Puzdrovskiy, A.E. 2009. In *Stratum plus* (4), 329—338 (in Russian).

Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017. *Polevyye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2004—2007 gg. (Field Studies of the Ust-Alma Necropolis in 2004—2007)*. Simferopol; Moscow: IP Zuyeva T.V. (Ust-Alma Settlement and Necropolis in the South-Western Crimea 2).

Raev, B.A. 1974. Vaisselle de bronze italique dans les tombes de la noblesse sarmate sur le Bas-Don. In: *Actes des IIIes journées internationales consacrées à l'étude des bronzes romains*. Bruxelles: Musées Royaux d'Art et d'Histoire, 139—149 (Bulletin des Musées Royaux d'Art et d'Histoire 46).

Raev, B.A. 1986. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. Oxford: British Archaeological Reports (British Archaeological Reports Intern. ser. 278).

Raev, B.A. 2006. In: Klepikov, V.M. (ed.). *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury: problemy sootnosheniya (Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures: Correlation Problems)*. Iss. 1. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 91—100 (in Russian).

Raev, B.A., Simonenko, A.V. 2009. In: Furas'ev, A.G. (ed.). *Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoy i Dunayem (Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and the Danube)*. Saint Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 65—79 (in Russian).

Rotroff, S.I. 1997. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material*. Princeton: American School of Classical Studies (The Athenian Agora XXIX).

Samashev, Z.S., Borodovskiy, A.P., 2004. In *Arkheologiya, etnologiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia)* 3(19), 82—87 (in Russian).

Schaaff, U. 1988. Keltische Helme. In: *Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin* (Monographien RGZM 14). Mainz: von Zabern, 293—317.

Sergatskov, I.V. 2006. In: Klepikov, V.M. (ed.). *Rannesarmatskaya i srednesarmat·skaya kul'tury: problemy sootnosheniya (Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures: Correlation Problems)*. Iss. 1. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 37—58 (in Russian).

Shilov, V.P. 1974. In *Kratkie soobscheniya instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 138, 60—65 (in Russian).

Shilov, V.P. 1975. *Ocherki po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya (Essays on the History of the Ancient Tribes of the Lower Volga Region)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Shokov, A.F. 1960. In: Vladislavskaya, M.S., Solov'ev A.P. (eds.). *Trudy Voronezhskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya (Proceedings of the Voronezh Regional Museum of Local Lore)* 1, 149—156 (in Russian).

Shul'ga, P.I. 2015. *Snaryazhenie verkhovoy loshadi v Gornom Altaye i Verkhnem Priob'ye (Riding Horse Equipment in the Altai Mountains and the Upper Ob)*. Pt. II. *VI—III vv. do n.e. (6th—3rd Centuries BCE).* Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet.

Simonenko, A.V. 2014. In *Stratum plus* (4), 249—284 (in Russian).

Simonenko, A.V. 2015. *Sarmatskiye vsadniki Severnogo Prichernomor'ya (Sarmatian Riders of the North Pontic Region)*. Kyiv: Oleg Filyuk (in Russian).

Simonenko, A.V., Lobay, B.I. 1991. *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v I v. n.e. (Sarmatians of the North-Western Black Sea Region in the 1st century CE).* Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Skalon, K.M. 1961. In *Arkheologicheskiy Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (The Archaeological Collection of the State Hermitage Museum)* 2, 114—140 (in Russian).

Skripkin, A.S. (ed.). 2013. *Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti. K 100-letiyu Volgogradskogo oblastnogo krayevedcheskogo Muzeya (Archaeological Heritage of the Volgograd Region. To the 100th Anniversary of the Volgograd Regional Museum of Local Lore)*. Volgograd: Izdatel (in Russian).

Skripkin, A.S. 2000. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 3, 17—40 (in Russian).

Smekalova, T. 2009. The Earliest Application of Brass and "Pure" Copper in the Hellenistic Coinages of Asia Minor and the Northern Black Sea Coast. In: Hojte, J.M., Rasmussen L.B. (eds.). *Mithridates VI and the Pontic Kingdom*. Aarhus: Aarhus University Press, 233—249.

Solomonik, E.I. 1959. *Sarmatskiye znaki Severnogo Prichernomor'ya (Sarmatian Signs of the North Pontic Region)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Stacey, J., Kramers, I. 1975. Approximation of Terrestrial Lead Isotope Evolution by a Two-Stage Model. *Earth and Planetary Science Letters* 26, 2, 207—221.

Stos-Gale, Z., Gale, N. 1981. Sources of Galena, Lead and Silver in Predynastic Egypt. *Revue d'Archéométrie* 1 (1), 285—296.

Stos-Gale, Z., Gale, N. 2009. Metal Provenancing using Isotopes and the Oxford Archaeological Lead Isotope Database (OXALID). *Archaeological and Anthropological Sciences* 1, 195—213.

Tassinari, S. 1993. *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Roma: L'Erma di Bretschneider.

Tokhtas'yev, S.R. 2015. In: Kazanskiy, N.N. (ed.). *Indoevropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya — XIX: chteniya pamyati I.M. Tronskogo. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, 22—24 iyunya 2015 g. (Indo-European Linguistics and Classical Philology — XIX: Readings in Memory of I.M. Tronsky. Proceedings of the International Conference, June 22—24, 2015)*. Saint Petersburg: Nauka, 890—898 (in Russian).

Treister, M. 2002. Two Golden Bracelets from Olbia in the Walters Art Gallery. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 8, 17—68.

Treister, M. 2004. Cloisonné-and Champlevé-decoration in the Gold Work of the Late Hellenistic — Early Imperial Periods. *Acta Archaeologica* 75.2, 189—219.

Treister, M. 2005. On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and Once More on the "Ampsalakos School. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 11.3—4, 199—255.

Treister, M.Yu. 2007a. In: Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'ye. II v. do n.e. — II v. n.e. (Works of Toreutics and Jewelry Art in the North Pontic Region. 2nd century BCE — 2nd century CE)*. Vol. 1. Simferopol; Bonn: Tarpan, 15—194 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2007b. In: Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'ye. II v. do n.e. — II v. n.e. (Works of Toreutics and Jewelry Art in the North Pontic Region. 2nd century BCE — 2nd century CE)*. Vol. 1. Simferopol; Bonn: Tarpan, 295—305 (in Russian).

Treister, M. 2013. Nomaden an der Schnittstelle von transeurasischen Karawanenrouten (Importobjekte aus den spätsarmatischen Gräbern von Lebedevka). In: Stöllner, T., Samašev, Z. (Hrsg.). *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens.* Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 733—748.

Treister, M.Yu. 2018. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 118—210 (in Russian).

Treister, M. 2019. Roman bronze vessels with signs of repair from Sarmatia. In: Baas, P. (ed.). *Proceedings of the XXth International Congress on Ancient Bronzes: resource, reconstruction, representation, role*. Oxford: BAR Publishing, 177—187 (British Archaeological Reports Intern. Ser. 2958). .

Treister, M.Yu. 2020a. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* (4), 41—109.

Treister, M.Yu. 2020b. In: Belousov, A.V., Ilyushechkina Ye.V. (eds.). *Homo omnium horarum: Sbornik statey v chest' 70-letiya A.V. Podosinova (Homo omnium horarum: Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of A.V. Podosinov)*. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 565—610 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2021. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 26, 260—288 (in Russian).

Treister et al. 2013: Treister, M.Yu., Kurinskikh, O.I., Meshcheryakov, D.V., Ravich, I.G., Solov'yeva, L.N., Chugaev, A.V., Yablonskiy, L.T. 2013. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2 (285), 180—203 (in Russian).

Trufanov, A.A. 2009. In *Stratum plus* 4 (2005—2009), 117—328 (in Russian).

Voronyatov, S.V. 2009. In: Furas'ev, A.G. (ed.). *Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoy i Dunayem (Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and the Danube)*. Saint Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv Saint Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 80—98 (in Russian).

Winkelmann, S. 2006. Waffen und Waffenträger auf parthischen Münzen. *Parthica* 8, 131—152.

Yahalom-Mack et al. 2015. Yahalom-Mack, N., Langgut, D., Dvir, O., Tirosh, O., Eliyahu-Behar, A., Erel, Y., Langford, B., Frumkin, A., Ullman, M., Davidovich, U. The Earliest Lead Object in the Levant. *PLoS ONE* 10, 12: e0142948. DOI:10.1371/journal.pone.0142948.

Yener et al. 1991. Yener, K., Sayre, E., Joel, E., Ozbal, Barnes, I., Brill, R. Stable Lead Isotope Studies of Central Taurus Ore Sources and Related Artifacts from Eastern Mediterranean Chalcolithic and Bronze Age Sites. *Journal of Archaeological Science* 18, 541—577.

Zasetskaya, I.P. 2008. In: Zasetskaya, I.P. (ed.). *Sokrovishcha sarmatov. Katalog vystavki. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.B. Piotrovskogo (Treasures of the Sarmatians. Exhibition catalogue. To the 100th Anniversary of the Birth of B.B. Piotrovsky)*. Saint Petersburg; Azov: Azovskiy muzey-zapovednik, 29—43 (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 2011. *Sokrovishha kurgana Khokhlach. Novocherkasskiy klad (Treasures of Burial-mound Khokhlach. Novocherkassk Treasure)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 2016. In: Luk'yashko, S.I. (ed.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir Ponto-Kaspiyskogo regiona. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 70-letnemu yubileyu B.A. Raeva. Kagal'nik, 20—21 oktyabrya 2016 g. (Ancient Civilization and the Barbarian World of the Ponto-Caspian Region. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with international Participation, dedicated to the 70th Anniversary of B.A. Raev. Kagalnik, October 20—21, 2016)*. Rostov-on-Don: Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN, 90—105 (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 2019. *Iskusstvo zverinogo stilya sarmatskoy epokhi (II v. do n.e. — nachalo II v. n.e.) (The Art of the Animal Style of the Sarmatian Period (2nd century BCE — early 2nd century CE)).* Simferopol: Antikva (Archaeological Sites of the North Pontic Region 1) (in Russian).

Fig. 1. Fragments of a silver-gilt cup (?). Titchikha. Finds by P.D. Leonov, 1939. Voronezh, Regional Local Lore Museum, inv. no. 143, book 6, no. 15. Photos by M. Treister, 2015.

Fig. 2. Silver basin with a foot-stand. Zhutovo. Burial mound no. № 28/1964. Astrakhan, State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv. no. 12315. Photos by M. Treister, 2015.

Fig. 3. Silver phiale. Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998, burial no. 1. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv. no. 31513/15. Photos by M. Treister, 2015.

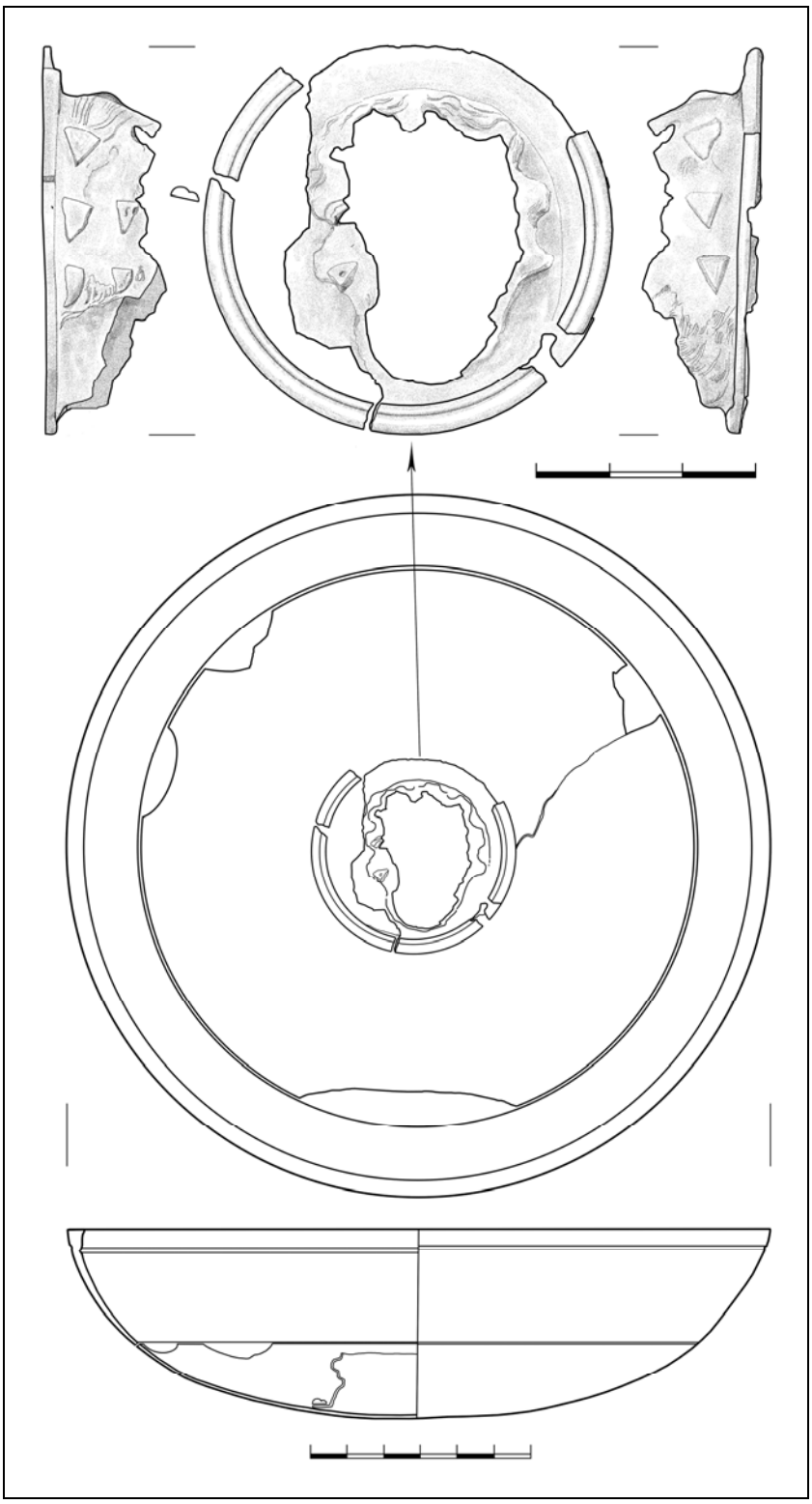


Fig. 4. Silver phiale. Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998, burial no. 1. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv. no. 31513/15. Drawings by N. Bespalaya, 2015.

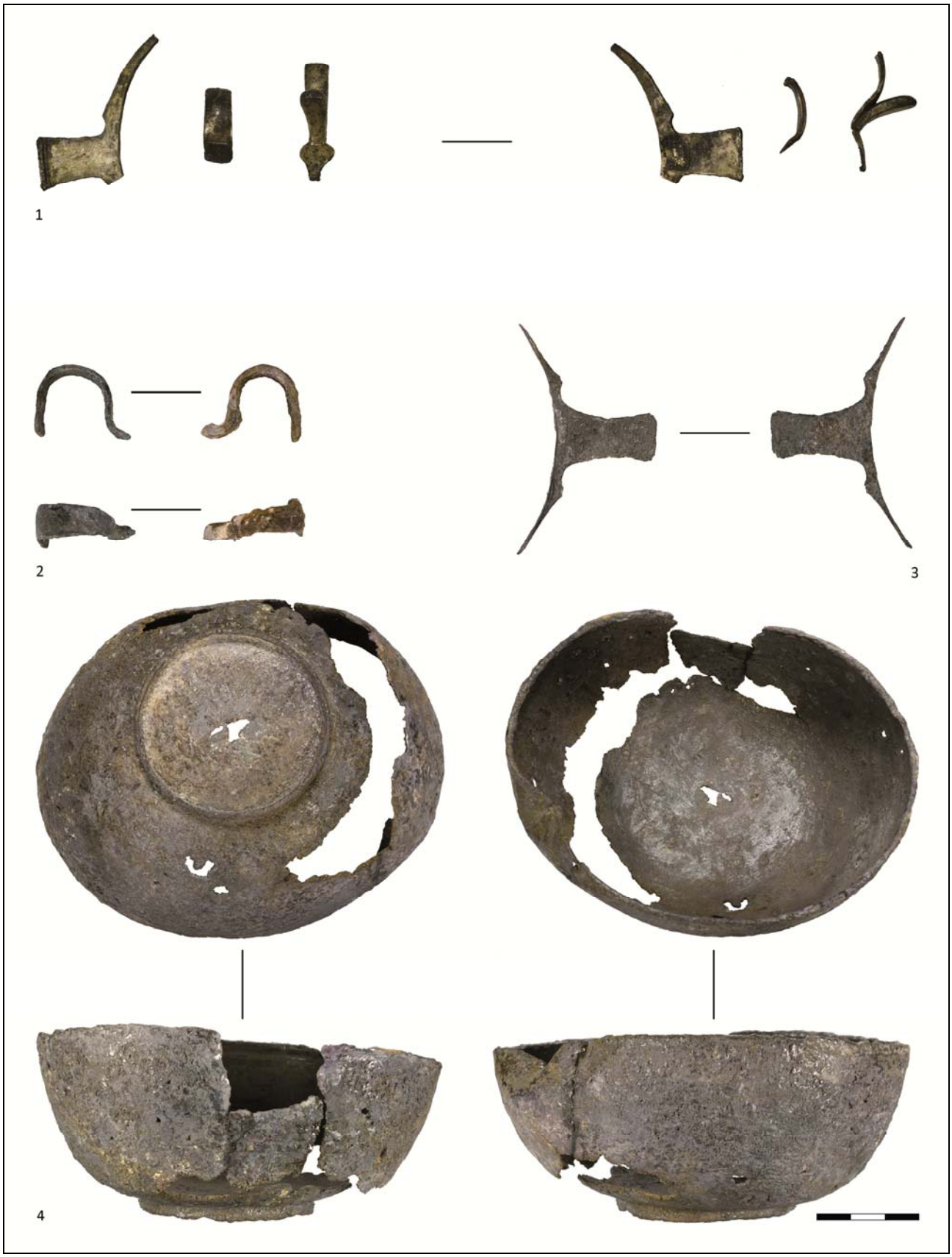


Fig. 5. Silver skyphoi and their fragments. *1* — Schaumyan Farmstead. Burial mound no. 13/1996, burial no. 1. Tanais, Archaeological museum-reserve, inv. no. 333, AO-17; *2—4* — Novyy Farmstead. Burial mound no. 12/1982, burial no. 3. Aksay, Military-Historical Museum, inv. no. 17910/440. Photos by M. Treister, 2015.

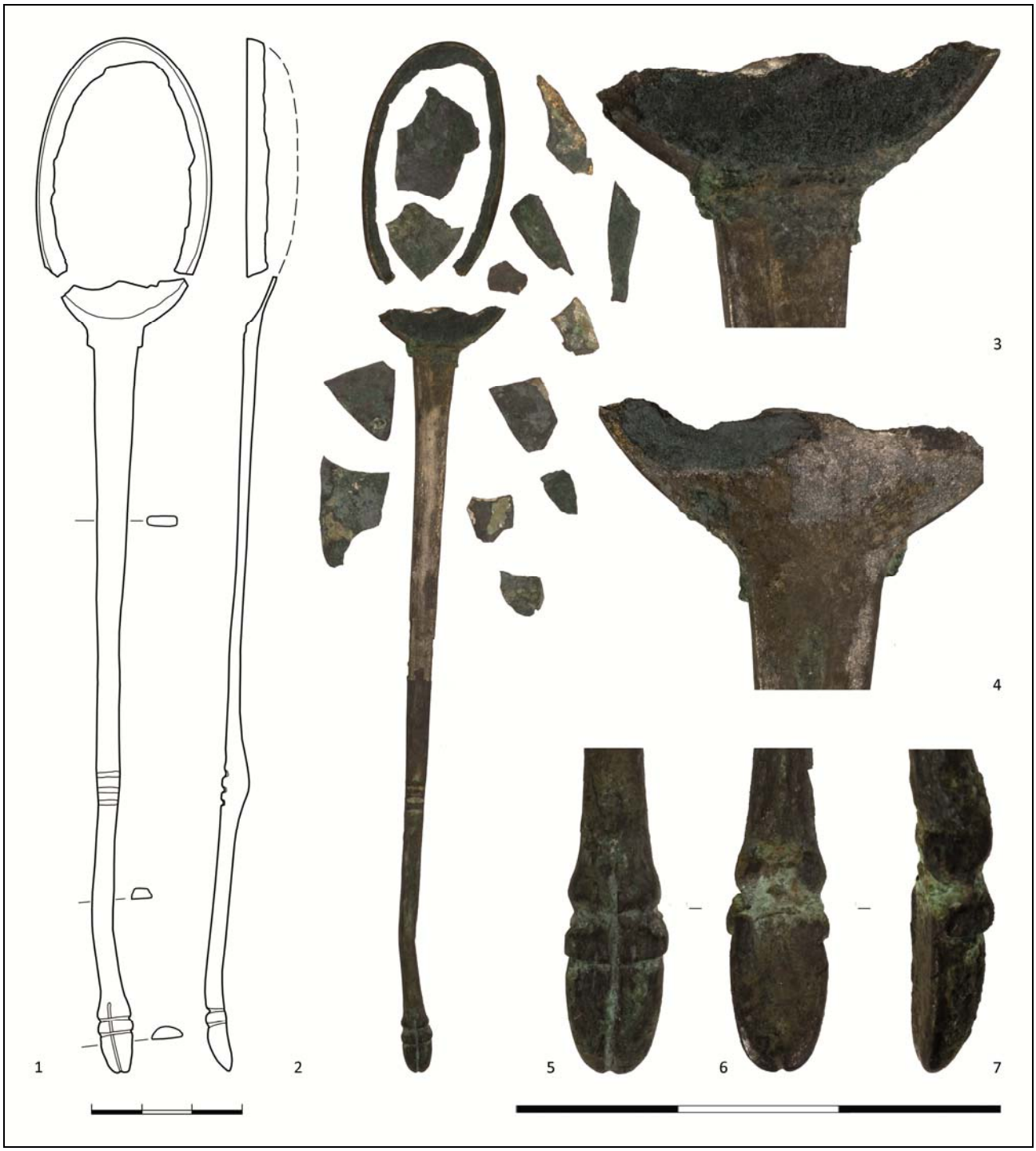


Fig. 6. Silver spoon. Village Mukhranovo. Burial mound. Chance find, 1996. Orenburg, State Pedagogical university, without inventory number. Photos by M. Treister, drawings by N. Bespalaya, 2015.

Fig. 7. Silver round-bottomed goblet. Novyy Farmstead. Burial mound no. 12/1982, burial no. 3. Aksay, Military-Historical Museum, inv. no. BX-1859/591. Photos by M. Treister, 2015.

Fig. 8. Silver round-bottomed goblet. Village Peregruznoe. Burial mound no. 51/2011, burial no. 2. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv. no. 33573/3. Photos by M. Treister, 2015.

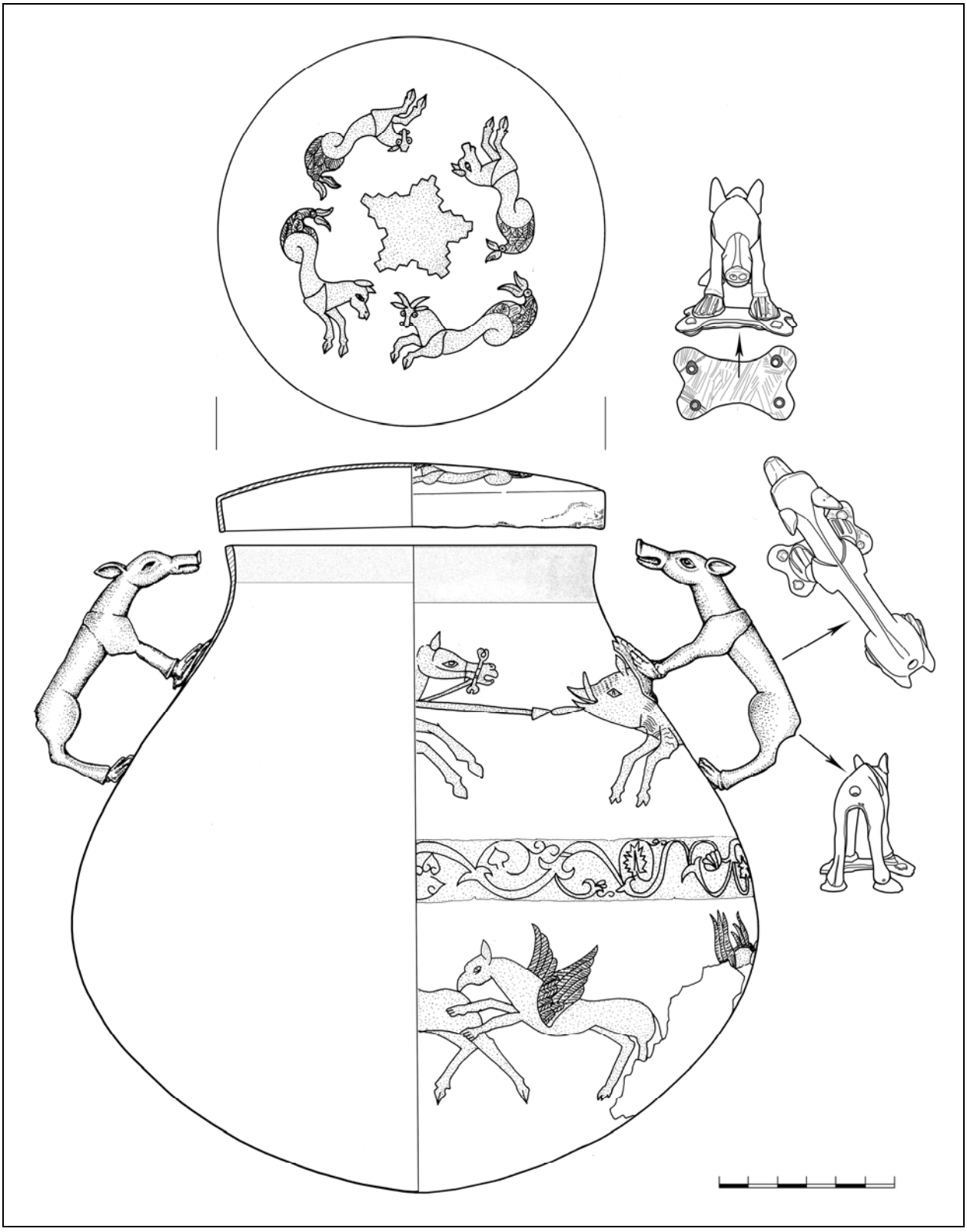


Fig. 9. Silver-gilt round-bottomed goblet. Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998, burial no. 1. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv. no. 31513/15. Graphic reconstruction by N. Bespalaya, 2015.

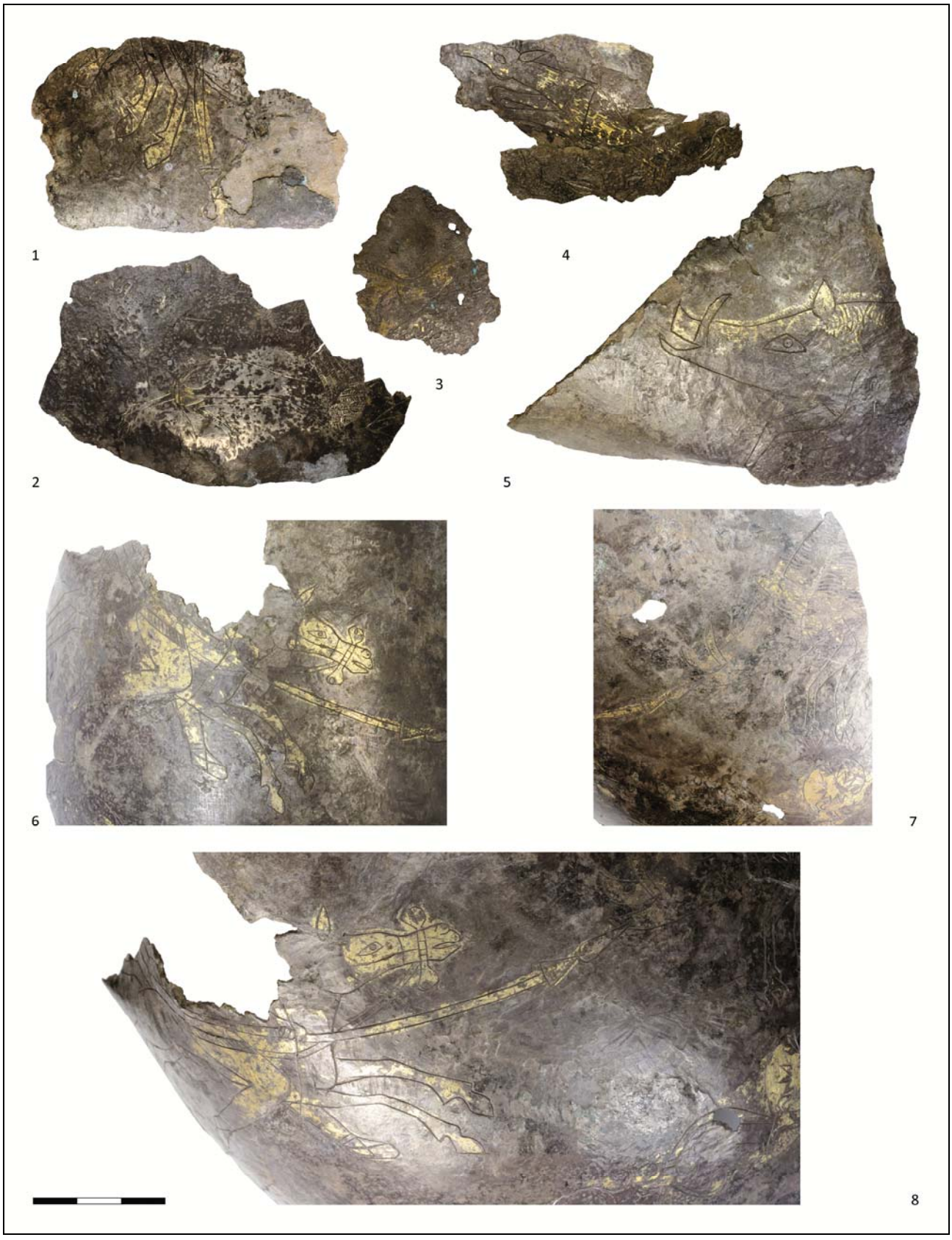


Fig. 10. Silver-gilt round-bottomed goblet. Fragments of walls. Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998, burial no. 1. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv. no. 31513/15. Photos by M. Treister, 2015.

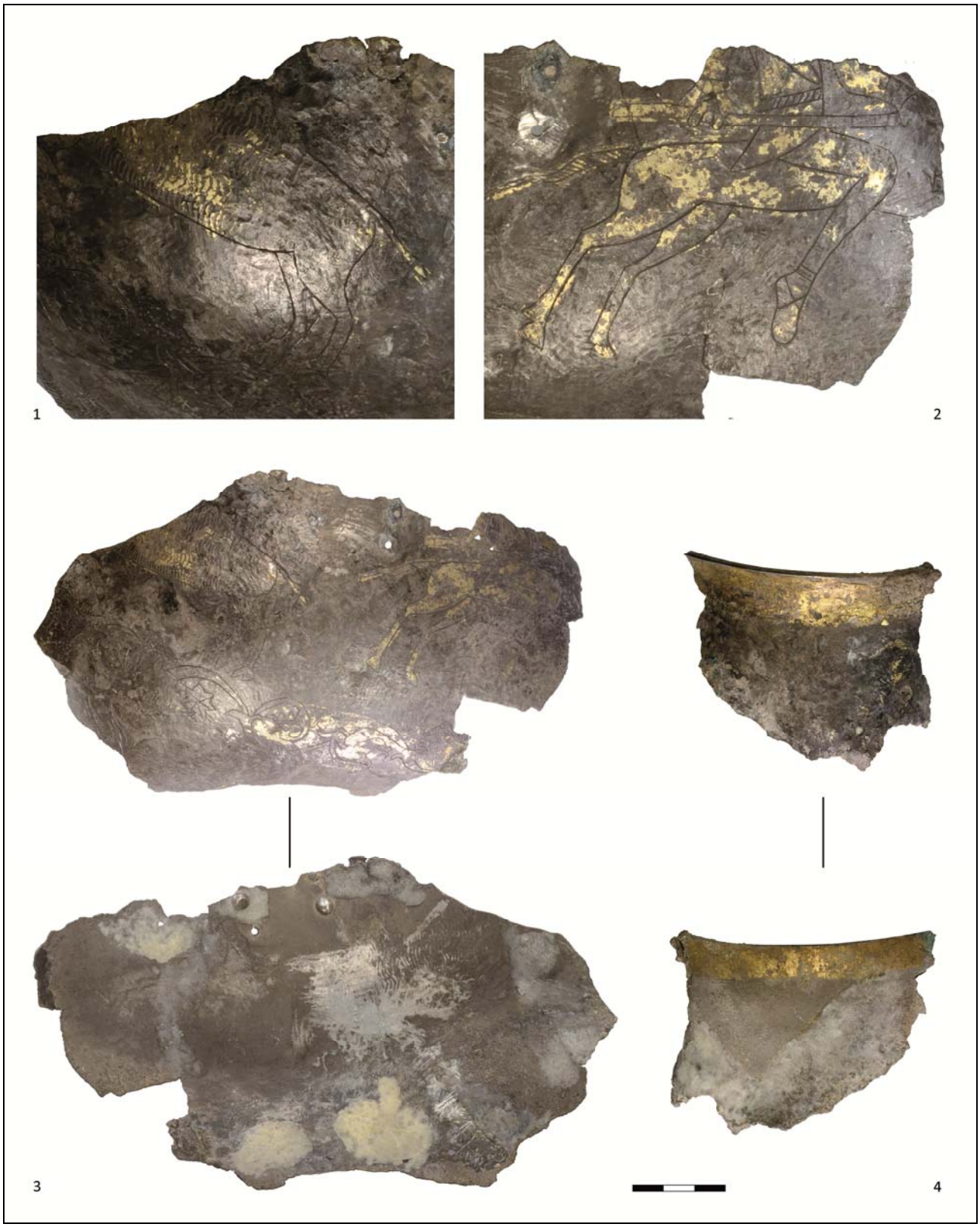


Fig. 11. Silver-gilt round-bottomed goblet. Fragments of walls. Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998, burial no. 1. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv. no. 31513/15. Photos by M. Treister, 2015.

Fig. 12. Silver-gilt round-bottomed goblet. One of the handles. Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998, burial no. 1. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv. no. 31513/15. Photos by M. Treister, 2015.

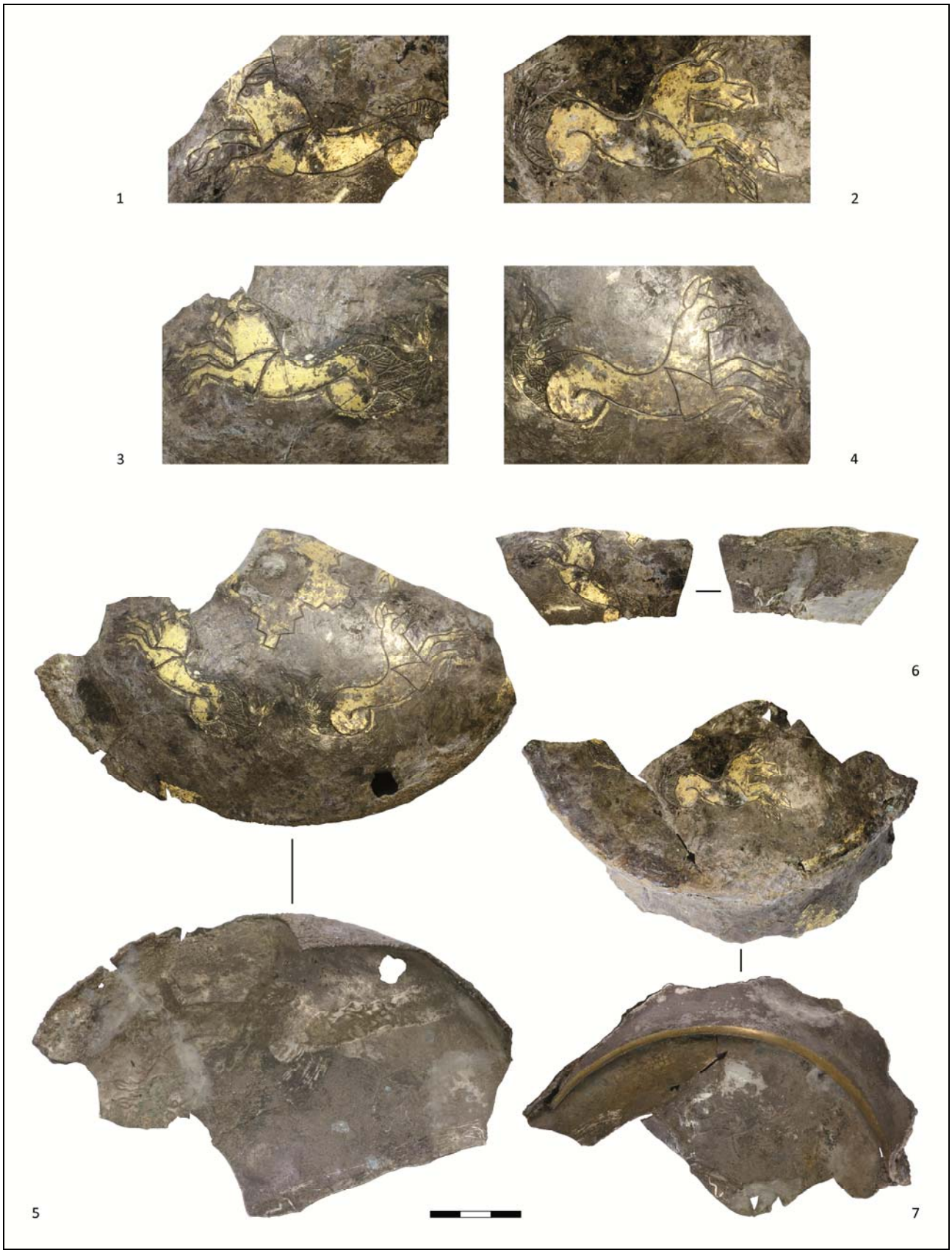


Fig. 13. Silver-gilt round-bottomed goblet. Fragments of the lid. Verbovskiy-II. Burial mound no. 4/1998, burial no. 1. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv. no. 31513/15. Photos by M. Treister, 2015.

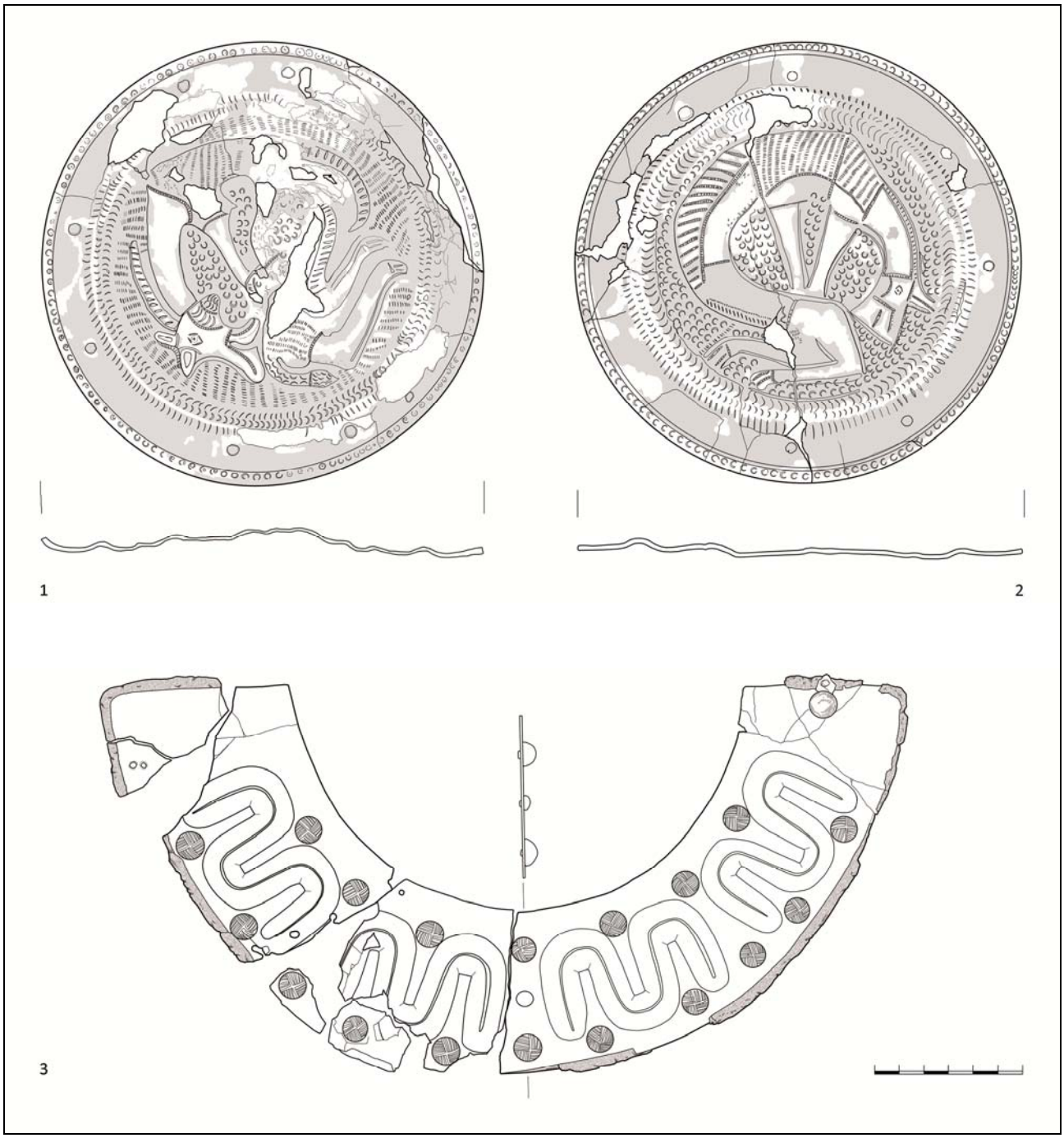


Fig. 14. Silver-gilt phalerae and breastplate of horse-harness. Yashkul. Burial mound no. 1/1988, burial no. 1. Elista, National Museum of Kalmykia, inv. no. КП 7652/3—5. Drawings by N. Bespalaya, 2015.

Fig. 15. Silver-gilt phalera with the image of a he-goat. Yashkul. Burial mound no. 1/1988, burial no. 1. Elista, National Museum of Kalmykia, inv. no. КП 7652/5. Photos by M. Treister, 2015.

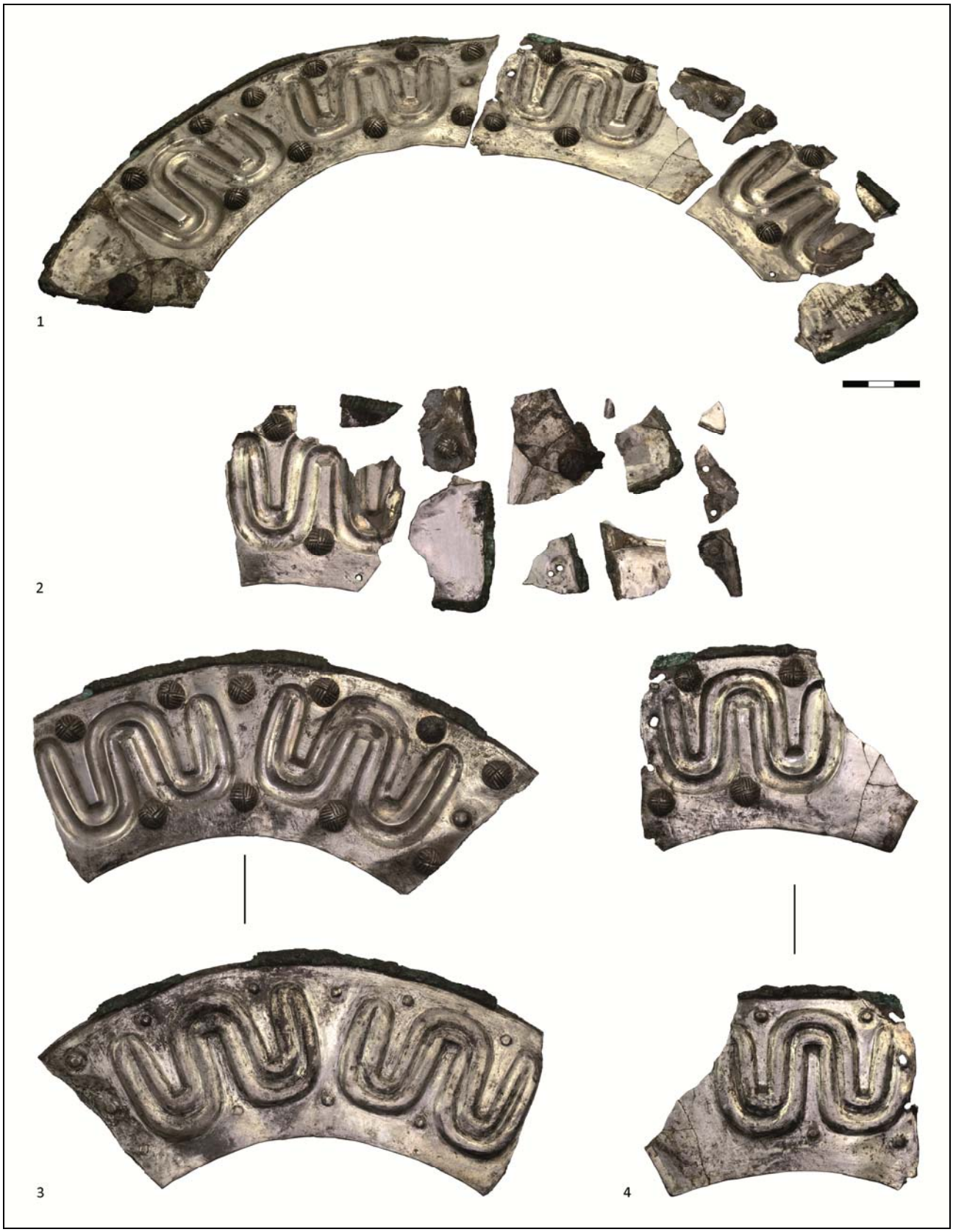


Fig. 16. Silver breastplate of horse-harness. Yashkul. Burial mound no. 1/1988, burial no. 1. Elista, National Museum of Kalmykia, inv. no. КП 7652/3. Photos by M. Treister, 2015.

Fig. 17. Silver phalera / breast plate of horse-harness. Titchikha. Finds by P.D. Leonov, 1939. Voronezh, Regional Local Lore Museum, inv. no. 143, book 6, no. 15. Photos by M. Treister, 2015.

Fig. 18. Silver belt set. Pervomayskiy-VII. Burial mound no. 14/1984, burial no. 3. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv. nos. 21573—21578. Photos by M. Treister, 2015.

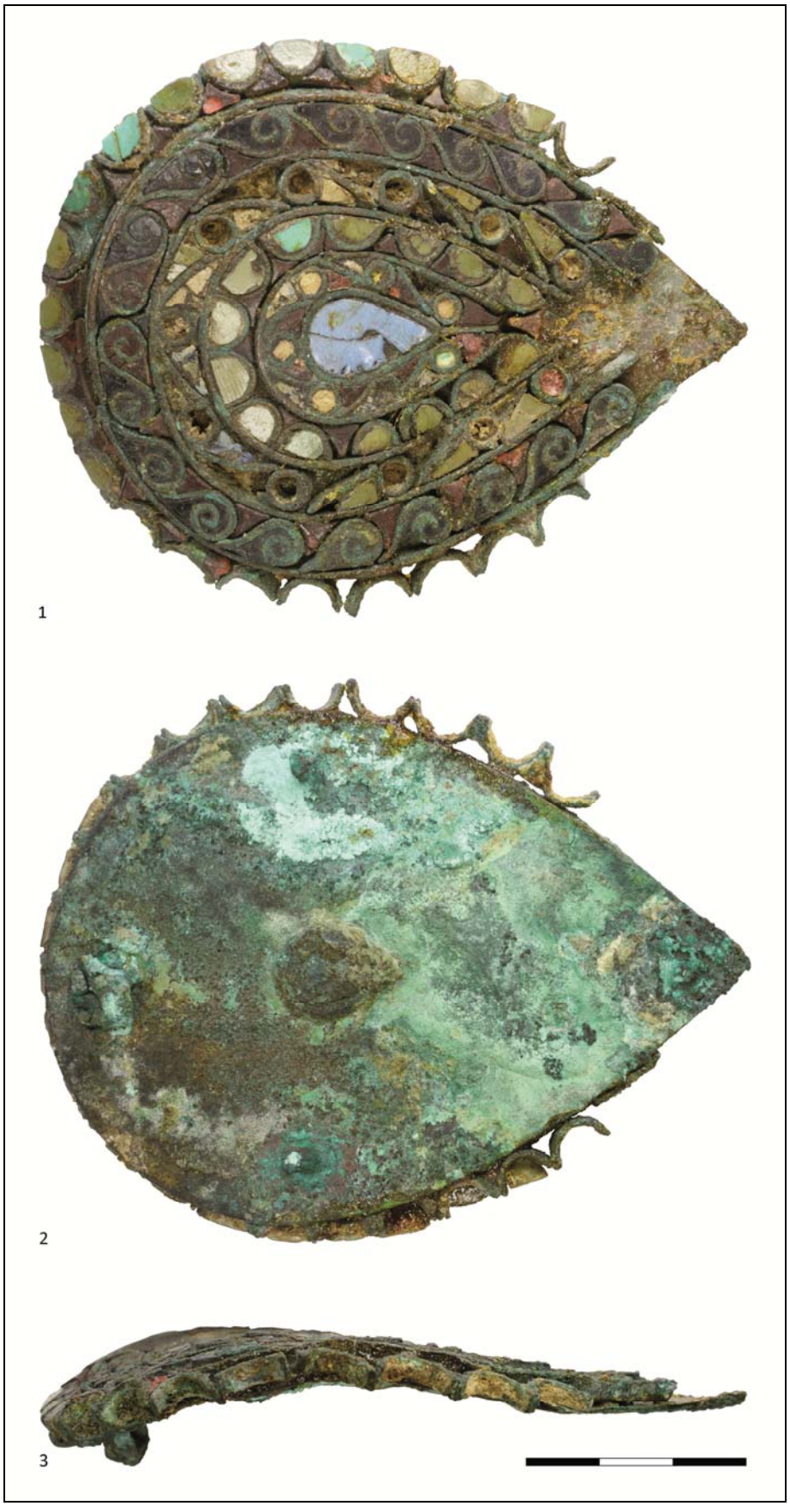


Fig. 19. Silver plaque of the belt set. Pervomayskiy-VII. Burial mound no. 14/1984, burial no. 3. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv. no. 21573. Photos by M. Treister, 2015.

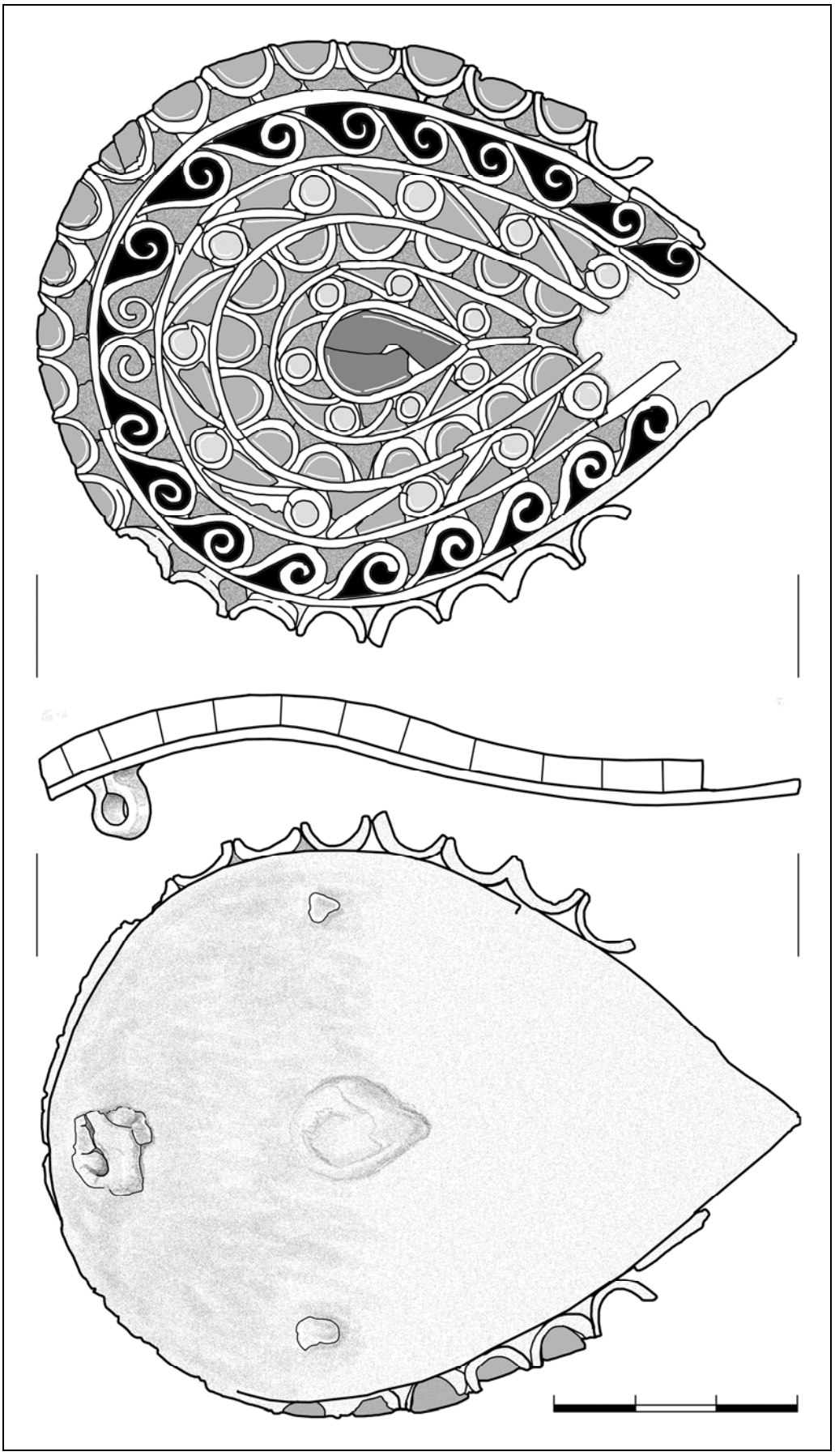


Fig. 20. Silver plaque of the belt set. Pervomayskiy-VII. Burial mound no. 14/1984, burial no. 3. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv. no. 21573. Drawings by N. Bespalaya, 2015.

Fig. 21. Silver lining of the chair leg. Khokhlach burial mound. Saint Petersburg, State Hermitage, inv. no. 2213/28. Photos by M. Treister, drawings by N. Bespalaya, 2015.

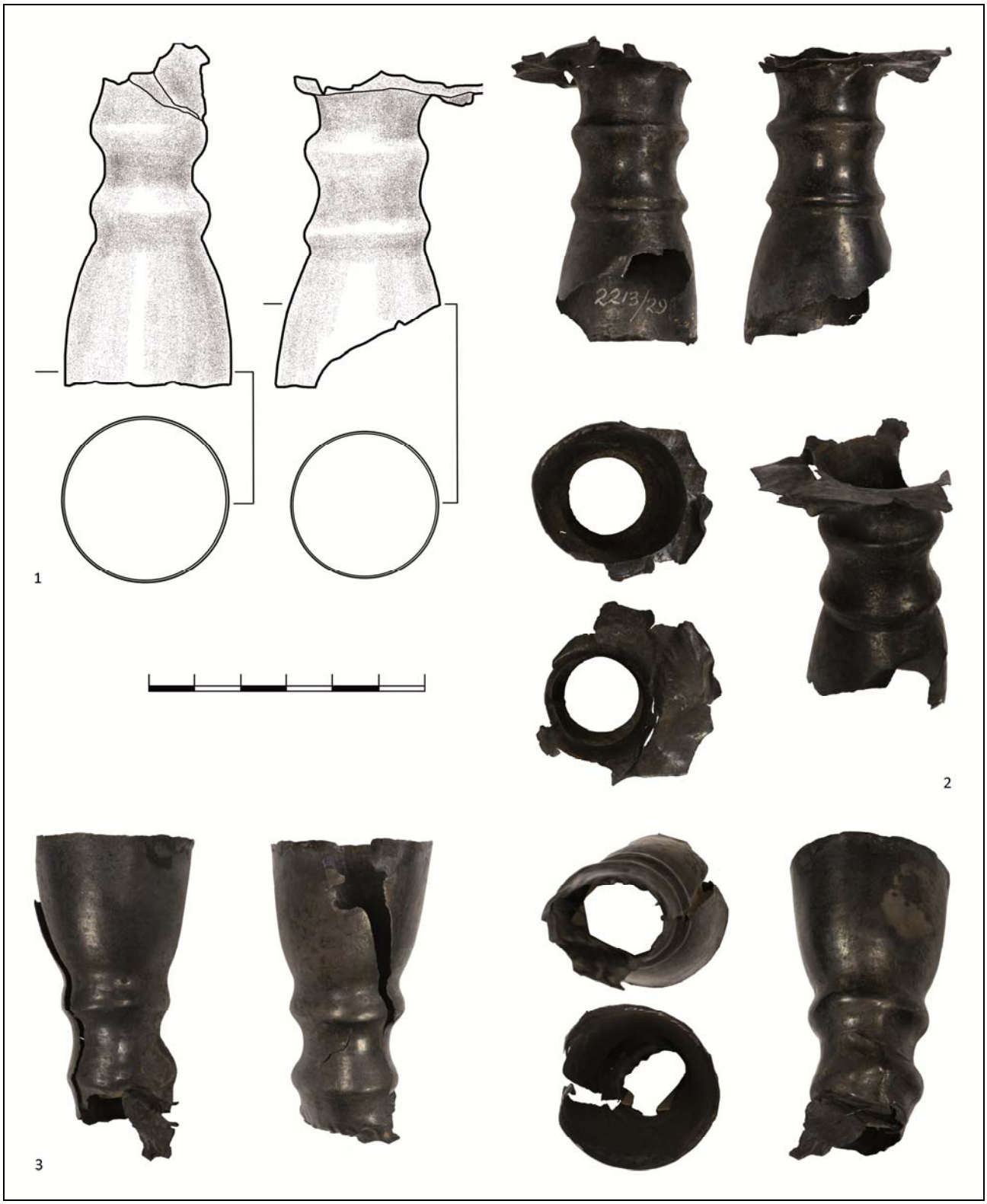


Fig. 22. Silver lining of the chair leg. Khokhlach burial mound. Saint Petersburg, State Hermitage, inv. no. 2213/29, 33. Photos by M. Treister, drawings by N. Bespalaya, 2015.

Fig. 23. Fragments of a plate or a vessel (?). Lipetsk burial mound, 2005. Lipetsk, Regional Local Lore Museum, without inventory number. Photos by M. Treister, 2015.

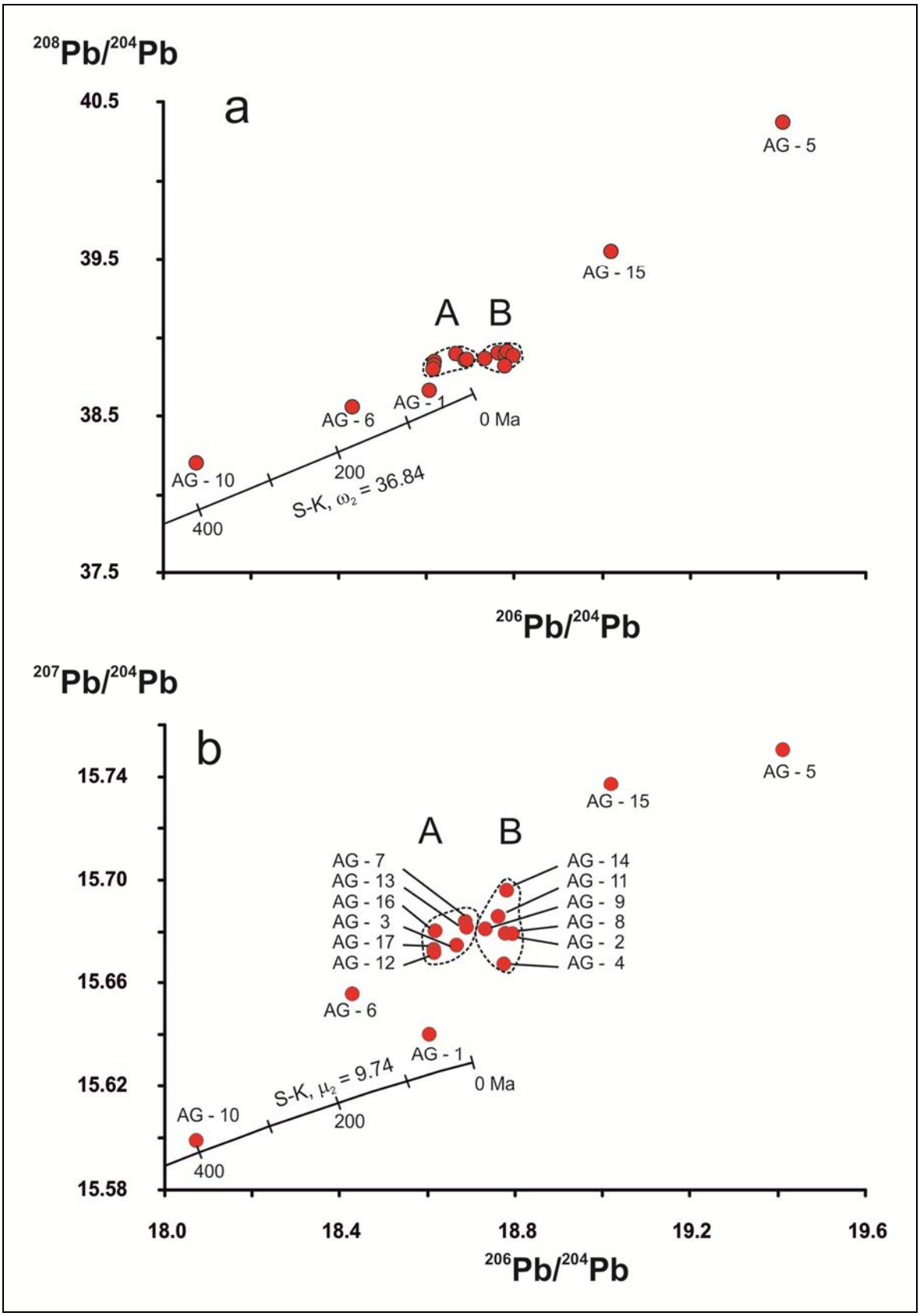


Fig. 24 (a, b). Comparison of the Pb isotopic composition of silver items from the nomadic burials (2nd century BCE — 3rd century CE) of Asian Sarmatian. The Pb-Pb diagrams show the average crustal growth curve (after Stacey and Kramers 1975: 207—221). **The dotted lines mark the fields (A and B) of Pb isotopic composition of two groups of items, the metal of which has different sources.**

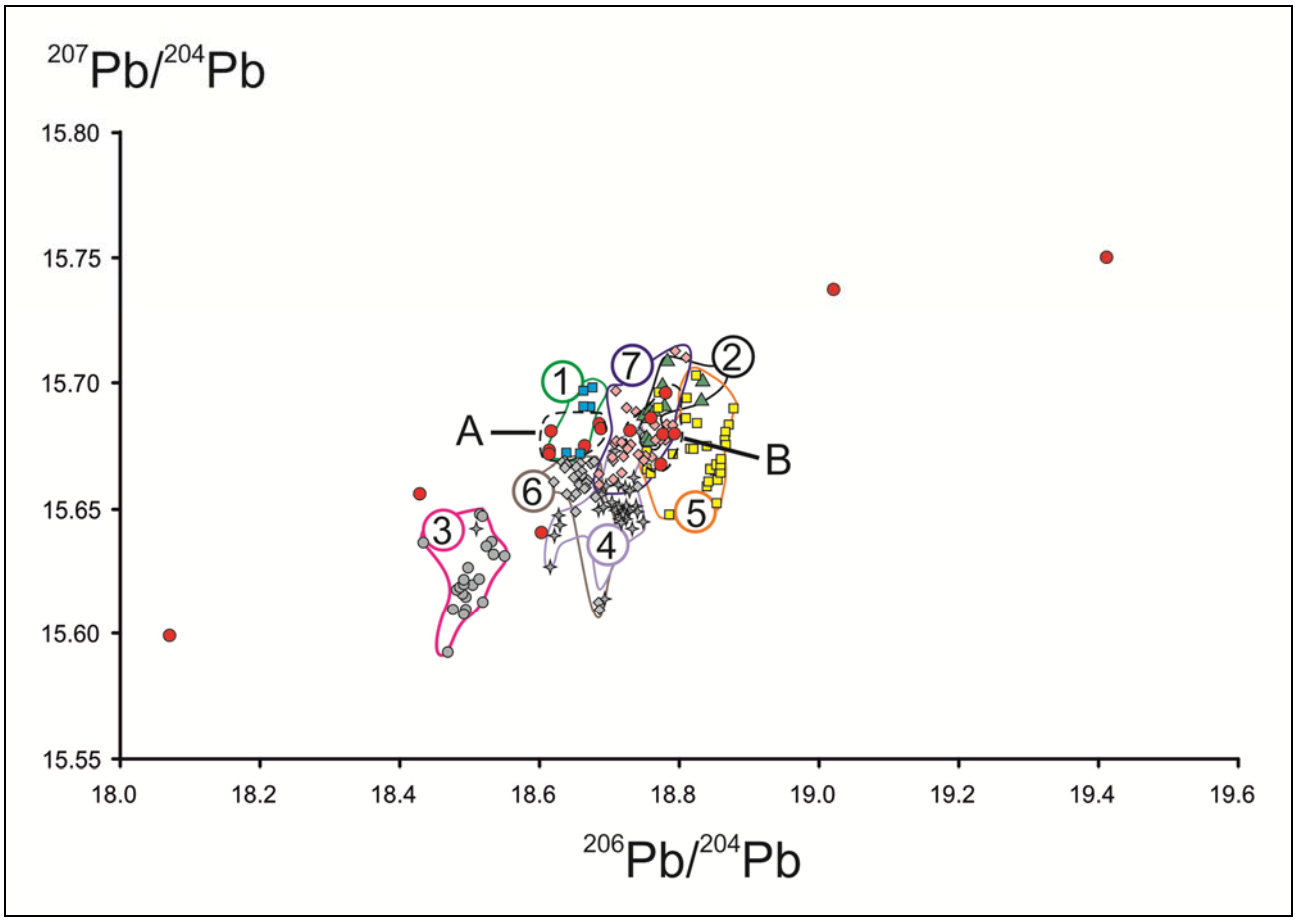


Fig. 25. Comparison of the Pb isotopic composition of items (red dots) of groups A and B (black dotted line), and silver-bearing and polymetallic deposits of ore provinces (fields): *1* — Eastern Pontides (North-Eastern Turkey); *2* — Western Anatolia (Western Turkey); *3* — Panagyurski district (Balkan Range, Central Bulgaria); *4* — Burgas district (Strandzha mountain region, South-Eastern Bulgaria); *5* — Baia Mare (Inner Eastern Carpathians, Romania); *6* — Roşa Montana (Apuseni Mountains, Western Romania); *7* — Rhodope Mountains (Southern Bulgaria).

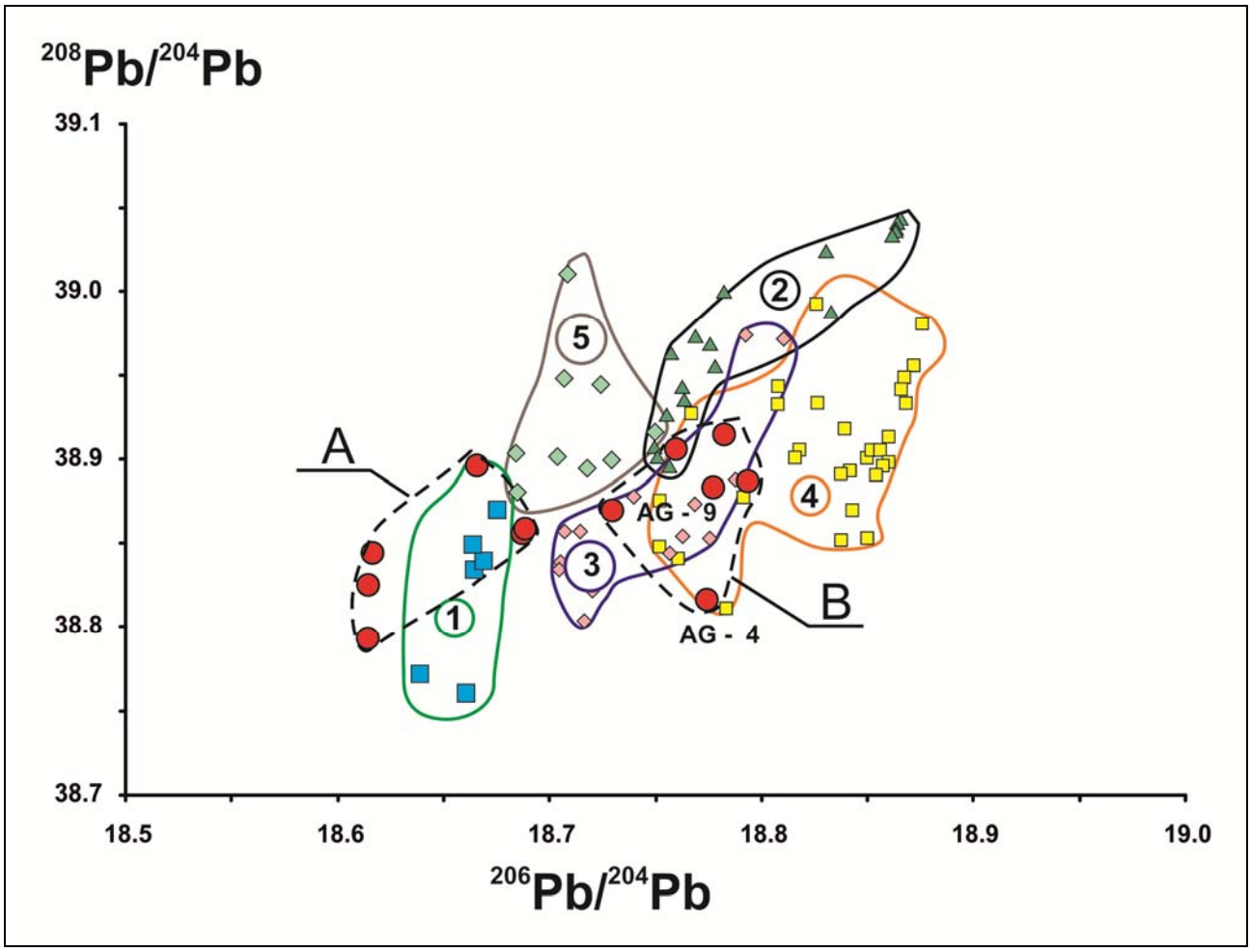


Fig. 26. Comparison of the Pb isotopic composition of investigated objects (groups A and B, black dotted line) and silver-bearing and polymetallic deposits of ore provinces (fields): *1* — Eastern Pontides (North-Eastern Turkey); *2* — Western Anatolia (Western Turkey); *3* — Eastern Rhodope Mountains (Southern Bulgaria); *4* — Baia Mare district (Inner Eastern Carpathians, Romania); *5* — Central Rhodope Mountains (Southern Bulgaria).

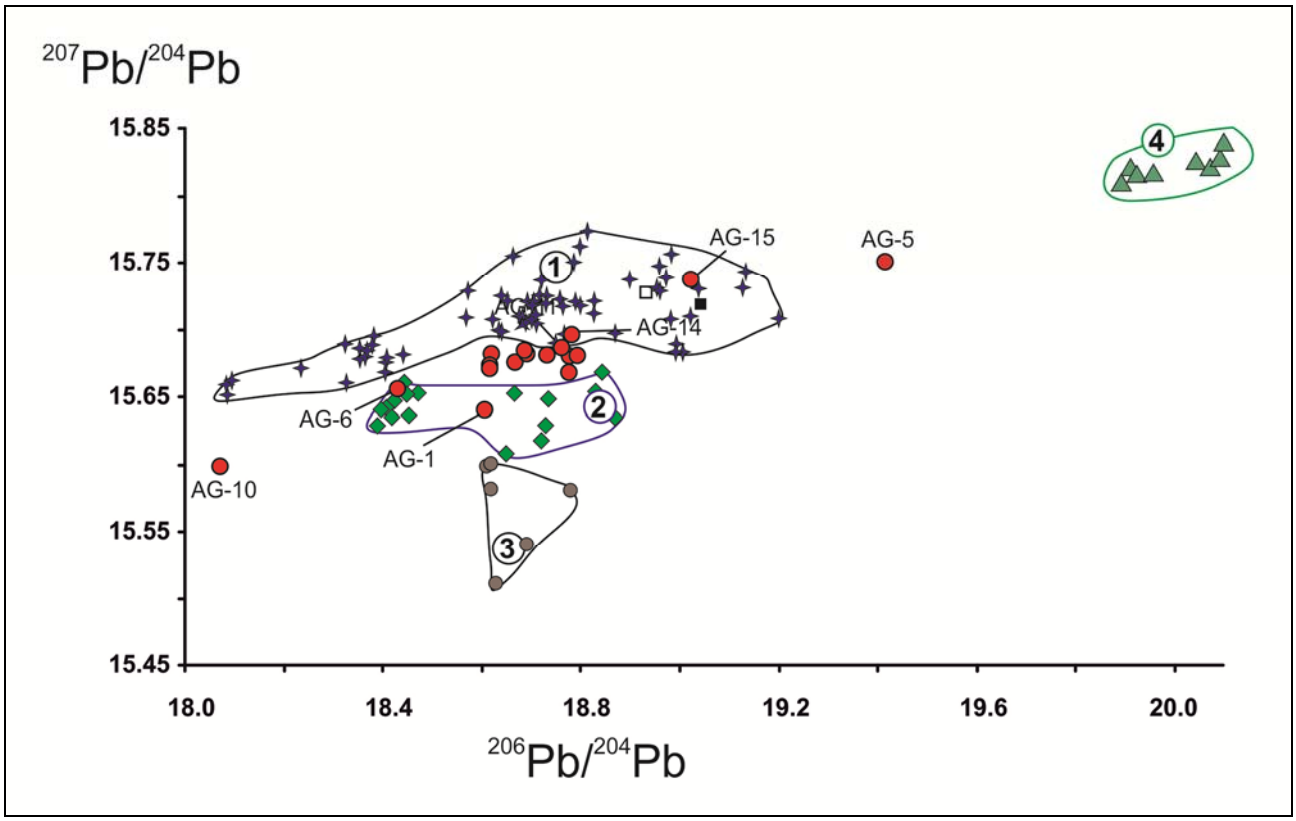


Fig. 27. Comparison of Pb isotopic composition of investigated objects (red dots) and silver-bearing and polymetallic deposits of ore provinces in the Middle East (fields): *1* — Taurus Mountains (Southern Turkey); *2* — Zagros Mountains (Western Iran); *3* — Syria, Central Asia: *4* — Panjshir district (Afghanistan). **White square in field 1 — Pb isotopic composition of the deposits from Palestine. Black square in field 1 — Pb isotopic composition of a lead artifact found in the northern Negev desert (Israel).**

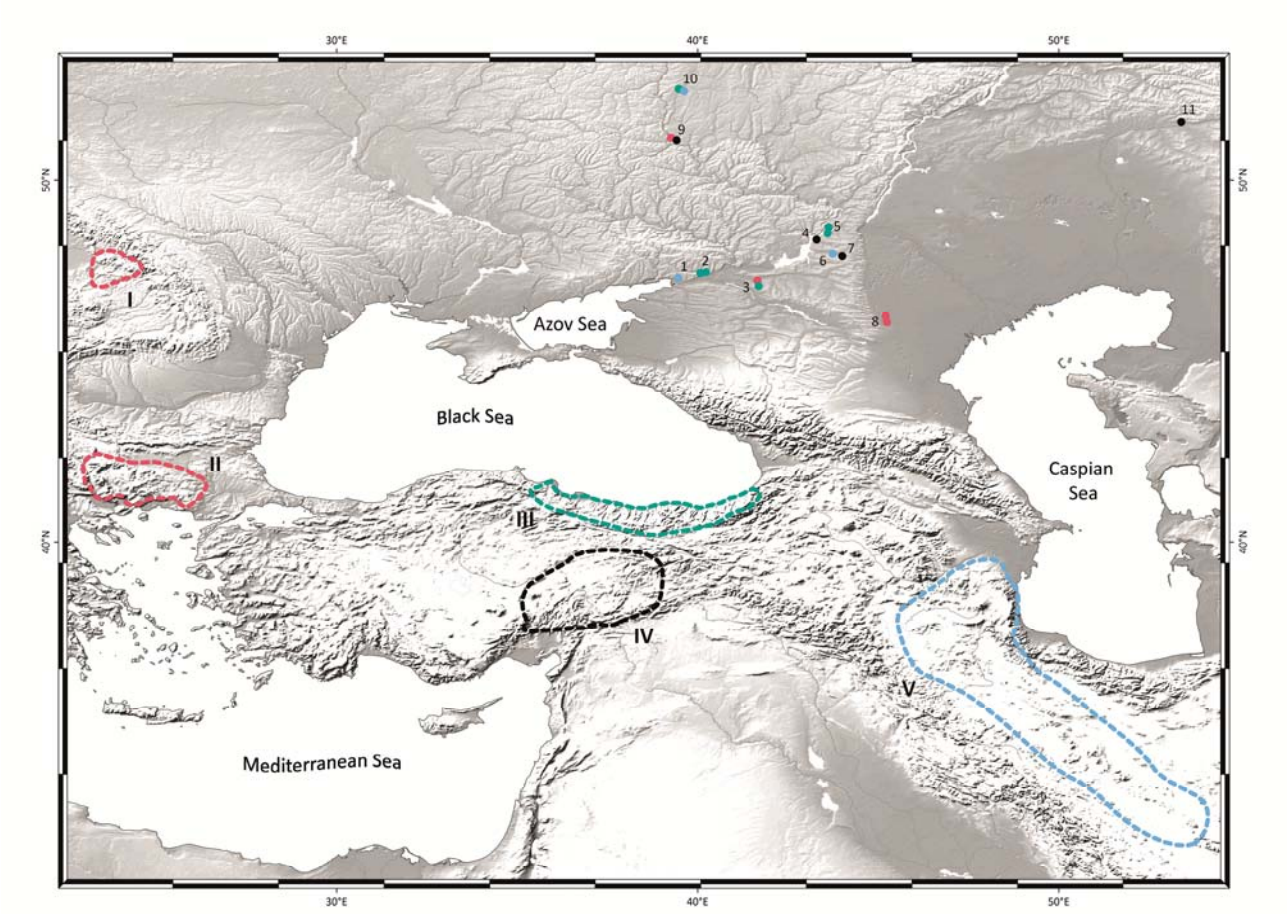


Fig. 28. Map of finds of investigated objects and the suggested territories of their metal sources. The locations of finds are marked by circles (the colour of the circle corresponds to the outline colour of the metal source region), the numbers correspond to samples: *1* — AG-1; *2* — AG-16—17; *3* — AG-2—3; *4* — AG-14; *5* — AG-12—13; *6* — AG-10; *7* — AG-11; *8* — AG-8—9; *9* — AG-4—5; *10* — AG-6—7; *11* — AG-15. **The contoured fields correspond to the locations of the ore provinces:** I — Baia Mare (Inner Eastern Carpathians, Romania); II — Rhodope Mountains (Southern Bulgaria); III — Eastern Pontides (North-Eastern Turkey); IV — Central Taurus Mountains (Southern Turkey); V — North-Western part of Zagros Mountains (Western Iran).

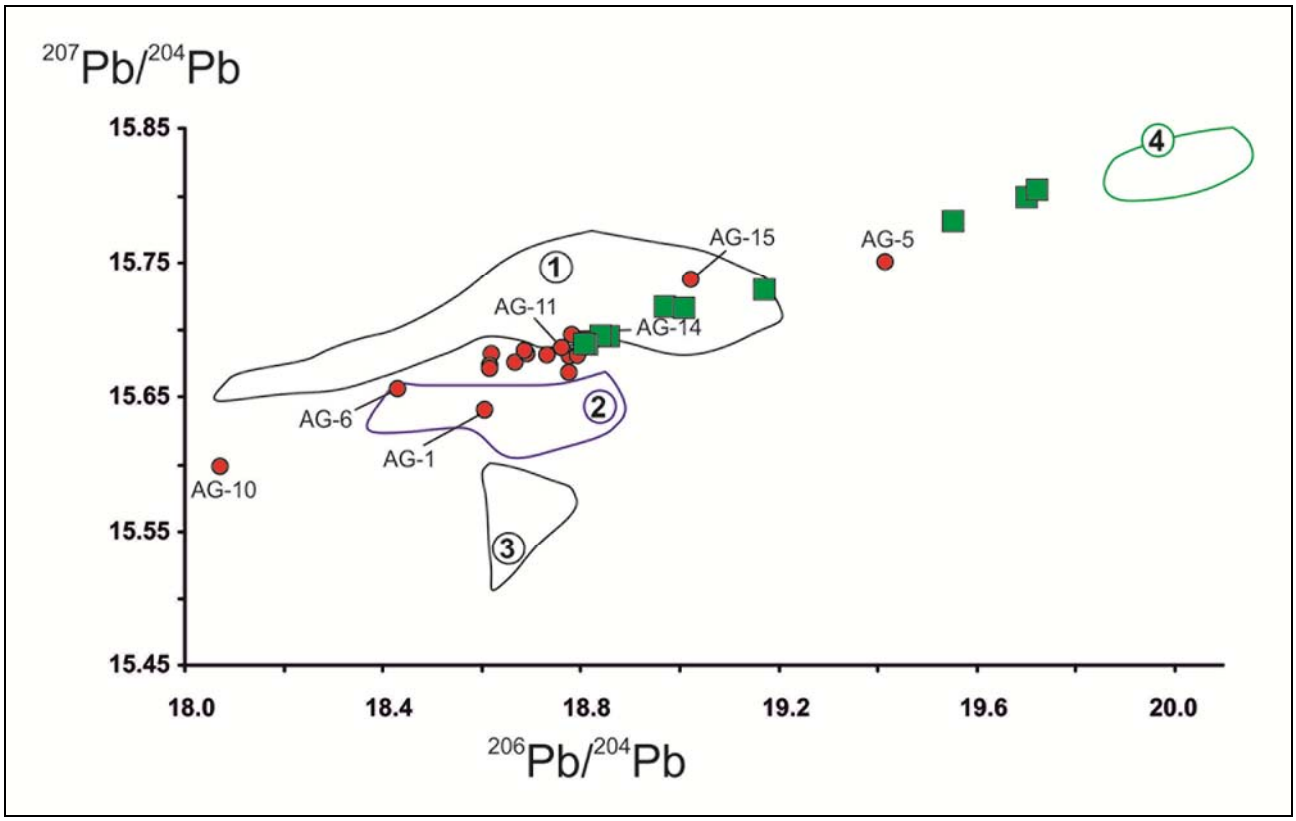


Fig. 29. Comparison of Pb isotopic composition of investigated objects (red dots), silver objects from the 5th — 4th centuries BCE burials of the nomads of South Urals (green squares, Chugaev, Chernyshev 2012: 243—245) **and silver-bearing and polymetallic deposits of ore provinces in the Middle East** (fields)**:** *1* — Taurus Mountains (Southern Turkey); *2* — Zagros Mountains (Western Iran), *3* — Syria, Central Asia: *4* — Panjshir district (Afghanistan).

УДК 902.26:391.7:7.032:7.04
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.67.59.005

Ю.А. Прокопенко

ФИБУЛЫ С ЭМАЛЬЮ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I—III ВВ. ИЗ ПАМЯТНИКОВ КАБАРДИНО-ПЯТИГОРЬЯ*

В статье рассматриваются семь бронзовых фибул, декорированных эмалью и обнаруженных в конце XIX в., в 70-е гг. XX в. и в начале XXI в. в предгорных районах Центрального Предкавказья (Кабардино-Пятигорье). Застёжки 1 и 2 происходят из коллекции Е. Зичи (конец XIX в., район рек Чегем и Баксан). Первая из них — шарнирная дуговидная, вторая — дуговидная, с шарниром из двух стоек. Броши 3—5 — с геометрическими щитками и шарнирами из двух стоек найдены А.П. Руничем в окрестностях Кисловодска. Брошь 6 — с плоским ромбовидным щитком, который дополнен с четырёх сторон зооморфными выступами, снабжена шарниром из двух стоек (игла не сохранилась); она обнаружена на площади раскопа могильника Заюково-3. Фибула 7 — в форме обувной подошвы выявлена в слое сарматского времени городища у горы Калеж (окрестности с. Каменномостское). Фибулы 2 и 3 — эклектичные формы. В них имеются элементы, характерные для: (а) брошей с фигурно-зооморфными краями пластины и фигуркой птицы на щитке, (б) застёжек с поперечными прямоугольными вставками из эмали, (в) застёжек с плоским кольцевым щитком и четырьмя симметрично расположенными выступами в виде головок животных. Фибула 6 — форма редкая; в Северном Причерноморье это лишь второй такой случай. Анализ типов брошей с эмалью указывает на их римско-провинциальное производство второй половины I—III вв. Их появление в районе Кабардино-Пятигорья связано либо с набегами сарматов на север Дакии, либо с пребыванием союзной Риму группы сарматов в римских крепостях, либо со столкновением донских алан с готами в Северном Причерноморье в начале III в.

Ключевые слова: фибула, броши, щиток, эмаль, стойки, игла, сарматы, римско-провинциальное производство.

Сведения об авторе: Прокопенко Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, Северо-Кавказский федеральный университет.

Контактная информация: 355009, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, Северо-Кавказский федеральный университет; e-mail: z_proko_15@mail.ru.

Yu.A. Prokopenko

ENAMEL FIBULAE IN KABARDA-BESHTAU, 1st TO 3rd CENTURY

The article considers seven bronze fibulae decorated with enamels. They have been discovered in the late 19th century, in the 1970s, and in the early 21th century in the foothill area of the Central Caucasus (Kabarda-Beshtau). Fasteners No. 1 and 2 come from E. Zichi's collection (the late 19th century, from the area around the Chegem River and the Baksan River); one of them is a hinged arched fibula, and another is an arched fibula with a two-bar hinge. Brooches No. 3—5 have geometric shields and two-bar hinges; these were found by A.P. Runich in the vicinity of Kislovodsk. Brooch No. 6 was found within the excavation unit area at Zayukovo-3 burial ground. This one has a flat rhombic shield supplemented with zoomorphic bulges on four sides, its hinge two-bar in kind; a needle of this brooch has not been preserved. Fibula No. 7 is shaped like a shoe sole. It was revealed in a Sarmatian time occupation layer of the hillfort near Kalezh Mount in the vicinity of the village of Kamennomostskoye. Fibulae No. 2 and 3 are eclectic forms displaying elements

* Статья поступила в номер 09 июля 2022 г.
Принята к печати 28 июля 2022 г.

© Ю.А. Прокопенко, 2022.

characteristic for (a) plate brooches with figurative zoomorphic margins and bird figurines on their shields, (b) fasteners with transverse rectangular enamel inlays, and (c) flat annular shield fasteners with four symmetrically placed bulges shaped like animal heads. Fibula No. 6 represents a rare form of personal ornaments; in the North Pontic area, it is only the second time that an item like this has been reported to be found. Typological analysis of the enamelled brooches under study indicates that they were manufactured in the Roman provinces within the time range from the late half of the 1st century until the 3rd century. Their emergence in Kabarda-Beshtau is associated either with Sarmatian raids in northern Dacia, or with the presence of a Sarmatian group allied to Rome in Roman fortresses, or, finally, with a military clash of the Alans of Don with the Goths in the Northern Black Sea region in the early 3rd century.

Key words: fibulas, brooches, shield, enamel, posts, needle, sarmatians, Roman-provincial production.

About the author: Prokopenko Yuriy Anatol'yevich, Dr. habil. (History), North-Caucasus Federal University.

Contact information: 355009, Russia, Stavropol, 1 Pushkin St., North-Caucasus Federal University; email: z_proko_15@mail.ru.

Введение. Броши, украшенные эмалью, обнаруженные в памятниках Центрального Предкавказья первых веков н.э., становятся объектом изучения уже в конце XIX в. В частности, в 1897 г. венгерский аристократ Евгений (Дженё) Зичи опубликовал коллекцию артефактов, в том числе собрание застежек-фибул I—IV вв., составленное из предметов обнаруженных в памятниках Северного Кавказа, в Т. II своей монографии «Kaukázusi és Középázsiai utazásai. Voyages au Caucase et en Asie Centrale». В их число входили две фибулы с эмалевыми вставками, происходящие из долины Чегема и Баксана (территория Республики Кабардино-Балкарии) (Zichy 1897: pl. XX: *14, 15*; Прокопенко 2019: 177—192, рис. 1; 2021: 272—274, рис. 1, *3, 4*).

Продолжила практику ввода в научный оборот украшений декорированных эмалью из комплексов Центрального Предкавказья П.С. Уварова. Автор в своей монографии «Могильники Северного Кавказа» опубликовала в 1900 г. серию фибул с эмалью, выявленную в памятниках в районе сел. Камунта и Кумбулта (территория Республики Северная Осетия — Алания) (Уварова 1900: табл. CXXVI).

В дальнейшем именно эти отмеченные находки, а также ряд застежек с эмалью (коллекция К.И. Ольшевского), поступивших в Государственный Эрмитаж из сел. Чми (территория Республики Северная Осетия — Алания) вошли во все известные каталоги находок фибул римского времени, зафиксированных в районе Северного Причерноморья и в прилегающих территориях: А.К. Амброза (1966: 29, 32—33), В.В. Кропотова (2010: 326—327), С.В. Воронятова и др. (2020: 23, рис. 5: *4*). Еще одна брошь с эмалью происходит из сел. Джайрах (территория Ингушетии) (Амброз 1966: табл. 14: *15*). Из последних находок на территории Центрального Предкавказья следует отметить: фибулу с эмалью формы 6 (по типологии В.В. Кропотова), зафиксированную в кургане 10 могильника 2 у сел. Брут (Республика Северная Осетия — Алания) (Габуев, Малашев 2009: 206, рис. 40: *37*; Кропотов 2010: рис. 78: *5*), и застежку формы 39 (по классификации В.В. Кропотова), обнаруженную в могильнике Заюково-3 (Кабардино-Балкарская республика) (Кадиева, Демиденко 2020: 79: рис. 4; Кропотов 2010: 304, рис. 89а).

Однако, следует обратить внимание еще на четыре случая открытия застежек с эмалью в предгорных районах Центрального Предкавказья либо неопубликованных, либо оставшихся неизвестными в силу недоступности научной литературы, в которой они отмечены.

Учитывая экземпляры из коллекции Е. Зичи и находку из могильника Заюково-3, на территории Кабардино-Пятигорья зафиксировано семь находок фибул с эмалью.

№ 1 (рис. 1: *1*) — шарнирная дуговидная фибула (Дл[1] — 54 мм; В — 22 мм) с пластинчатым, сужающимся к ножке корпусом — коллекция Е. Зичи (долина р. Чегема и Баксана — «Trouvailles des valées du Baksan et du Tchegem») (Zichy 1897: pl. XX: *15*; Прокопенко 2019: рис. 1: *7*).

Дужка предмета состоит из двух поперечных прямоугольных пластин (Ш — 14 мм), соединенных продольной прямоугольной пластиной (Ш — 9 мм), декорированной по оси поперечными миниатюрными эмалевыми вставками, заполняющими пространство центральной части дужки между нарезными продольными линиями. Сплошной преемник украшен на конце шариком, направленным вверх.

№ 2 (рис. 1: *2*) — дуговидная фибула с шарниром из двух стоек (утеряны) (Дл — 73 мм) («Backenscharnierfibeln»), симметричная по двум осям — коллекция Е. Зичи (долина р. Чегема и Баксана) (Zichy 1897: pl. XX: *14*; Прокопенко 2019: рис. 1: *9*). Концы дужки застежки завершаются отогнутыми, симметрично расположенными зооморфными окончаниями в форме ушастых головок. Центральная часть дужки состоит из двух поперечно расположенных прямоугольников (Ш — 12 мм), разделенных на ячейки, заполненные эмалью, продольными перегородками. Более узкая перемычка между ними (Ш — 9 мм), также, декорирована перегородчатой эмалью (вставки продольные).

№ 3 (рис. 1: *3*) — дисковидная брошь с шарниром из двух стоек, обнаружена в 70-е гг. археологом А.П. Руничем в погребении с подбоем в окрестностях г. Кисловодска (Малокарачаевский р-он Карачаево-Черкесской Республики (?) — архив А.П. Рунича)[2]. Фибула имеет щиток круглой формы, украшенный по краю четырьмя крестовидно расположенными зооморфно-оформленными выступами в форме птичьих головок (декорированы кругами из коричневой эмали с желтыми точками в центре). Дисковидная часть щитка рельефно выделена и также покрыта эмалью. В центре диска расположена бронзовая зооморфная фигурка (птица?) с хвостом подтреугольной формы. Судя по рисунку А.П. Рунича, вокруг ножки птицы (?) — центр диска занимал круг из коричневой эмали (видимо, окантовка центрального отверстия). Поле диска украшено чередующимися (шестью) секторами из желтой и черной эмалей. Дл — 42 мм; Д диска — 21 мм; В — 15 мм.

№ 4 (рис. 1: *5*) — брошь с дисковидным щитком с шарниром из двух стоек, обнаружена в 70-е гг. археологом А.П. Руничем в погребении с подбоем в окрестностях г. Кисловодска (Малокарачаевский р-он Карачаево-Черкесской Республики (?) — архив А.П. Рунича). Край плоского круглого щитка декорирован косыми насечками. Поле щитка заполнено тремя видами эмали. Проходящая по окружности вдоль края полоса покрыта синей эмалью с красными точками. Внутренняя часть диска разделена бронзовыми перемычками на четыре сектора, заполненные белой эмалью. Центр диска занимает выступ—кнопка биконической формы с шайбовидным навершием, украшенным кругом из эмали оранжевого цвета. Д — 36 мм; В — 13 мм.

№ 5 (рис. 1: *4, 4а, 4б*) — брошь с ромбовидным щитком с шарниром из двух стоек, обнаружена в 70-е гг. археологом А.П. Руничем в погребении с подбоем в окрестностях г. Кисловодска (Малокарачаевский р-он Карачаево-Черкесской Республики (?) — архив А.П. Рунича). Фибула украшена на углах и в центральных частях граней кольцеобразными выступами. Центральная часть щитка рельефно выделена. В его ромбовидном центре расположено круглое гнездо, заполненное эмалью. Центр синего круга занимает круг из

[1] Д — диаметр; Дл — длина; Ш — ширина; Т — толщина.

[2] Приношу искреннюю признательность В.А. Фоменко за предоставленную возможность использования материалов А.П. Рунича.

желтой эмали с черной точкой в центре. Игла отсутствует. Дл — 49 мм; Ш — 35 мм; В — 14 мм.

№ 6 (рис. 1: *7*) — брошь с плоским ромбовидным щитком, дополненным с четырех сторон зооморфными выступами с шарниром из двух стоек (игла не сохранилась) — mit Tierkopfenden — обнаружена на площади раскопа могильника Заюково—3 (вне погребальных комплексов — раскопки 2017 г.).

Два зооморфных выступа отломаны в древности. Верхняя поверхность ромбовидного щитка разделена посередине прямоугольным желобком на два треугольных углубления. В центре желобка располагается округлый выступ. Желобок заполнен эмалью красного цвета. Треугольные углубления были также заполнены эмалью, вероятно, белого или зеленого цвета (Кадиева Демиденко 2020: 79, рис. 4: *1*).

№ 7 (рис. 1: *6, 6а, 6б*) — брошь с плоским щитком в форме подошвы обуви (сандалия) с шарниром из двух стоек — Schuhsohlenfibeln. В пяточной части предмет имеет кольцевидный выступ[3]. В 2011 г. местные жители сообщили издателю и журналисту В. Котлярову (г. Нальчик), что почти в течение трех лет из верхнего культурного слоя поселения с территории городища у горы Калеж, на правом берегу р. Малки (окрестности с. Каменномостское — Кабардино-Балкарская Республика) было извлечено большое количество артефактов. В. Котлярову удалось получить ряд фотографий обнаруженных предметов. В основном это были изделия раннесредневековой христианской мелкой пластики и данная фибула. Впоследствии найденные раннесредневековые вещи были опубликованы (Малахов, Рудницкий 2012: 119—139).

Поверхность щитка застежки покрыта красной эмалью. Вдоль края расположен ряд точек из желтой эмали. В центре носковой части сохранилась только одна точка из желтой эмали. В пяточной — в одной из двух выемок сохранились следы синей эмали. Размеры: Дл — 46 мм; наибольшая Ш — 9 мм. Часть иглы утеряна.

Методы. В качестве рабочего использован сравнительно-типологический метод. Он основан на классификации по материалу, способу обработки, форме, орнаменту, а также на исследовании типов фибул с эмалью и др. Сравнительный анализ брошей, украшенных эмалью с шарниром из двух стоек из Кабардино-Пятигорья, и подобных, обнаруженных в памятниках Западной и Южной Европы, а также в захоронениях могильников Крыма, Северного Причерноморья и Северного Кавказа позволяет выделить экземпляры редких типов и «гибридных» форм, а также наметить возможные направления их поступлений в регион.

Анализ. Застежка № 1 (рис. 1: *1*) — шарнирная дуговидная фибула с пластинчатым, сужающимся к ножке корпусом является характерной для римских провинций фибулой типа «Алезия» II — «Scharnierbogenfibel Alesia»: abb. 75/6 по Х. Кеннер, Х. Веттерс (Kenner, Vetters 1961: 209—212, taf. 75: *6*); tab. 3—4, Nr 8 по Е. Плескингер (Plöckinger 1985: 405—409, tab. 3—4: *8*); tab. XXIX: *2.1.5* по С. Деметц (Demetz 1999: 275); тип «Алезия» IIb по Х. Зедльмайер (Sedlmayer 2009: 278).

О находках аналогичных застежек в памятниках Северного Кавказа мне неизвестно. Близкой по форме к отмеченному экземпляру фибула найдена в процессе исследования крепости Магдаленсберг (Норикум, с 45 г. римская провинция Каринтия) в 1959 г. (Sedlmayer 2009: taf. 278: *511*). Их сближает похожая геометрическая форма дужки. Основные отличия: у образца из Магдаленсберга промежуточное звено не вытянутый продольно прямоугольник, а продольно расположенный овал, окаймленный прямоугольными выступами; отсутствие эмалевых вставок (рис. 2: *9*).

[3] Выражаю искреннюю признательность Р.Р. Рудницкому за предоставленную возможность опубликовать фибулу из сарматского слоя гор. Калеж.

Наиболее близкой аналогией является экземпляр, представленный в каталоге М. Фужер — из Nissan-lez-Enzérune. В данном случае, спинка застежки состоит из двух поперечных прямоугольников, соединенных продольной пластиной, как и у образца из коллекции Е. Зичи. Один из поперечных прямоугольников декорирован рядами насечек (Feugére 1985: pl. 111: *1438*) (рис. 2: *10*).

Украшение верхней части дужки поперечными миниатюрными эмалевыми прямоугольниками характерно для шарнирных застежек типа 5.17.3 по классификации Э. Риха (Riha 1994: 138, taf. 34: *2640—2248*) (рис. 2: *11, 12*). По материалам раскопок крепости Augusta Raurica (Augst) такие фибулы датируются второй половиной I в. (период правления Нерона и династии Флавиев) (Riha 1994: 139—140).

Фибула № 2 (рис. 1: *2*) — дуговидная фибула с шарниром из двух стоек с окончаниями дужки в форме ушастых головок («Backenscharnierfibeln»). Полной аналогии данной застежке мне не известно. Наиболее близкие по форме оформления верхней части дужки (инкрустированные эмалью поперечно вытянутые прямоугольники) и опорных пластин для шарниров в форме стилизованных зооморфных окончаний застежки относятся к типу 7.15 (Fibel mit bewergliecher Tierplastik) и 7.16 (Gleichseitige Scheibenfibeln) по классификации Э. Риха (Riha 1979: 191, taf. 62: *1626, 1636, 1637*; 1994: 163, taf. 42: *2845*) (рис. 2: *5—8*).

Фибулы типа 7.15 датируются второй — третьей четвертью II в. (Ettlinger 1973: 120, taf. 14: *9*) или второй половиной II — первой половиной III в. (Richa 1979: 191, taf. 62: *1626*; Feugére 1985: 326: fig. 55).

Использование брошей типа 7.16 (по Э. Риха) характерно для всех римских провинций. Даты экземпляров этого типа варьируются между серединой I и концом II в., в зависимости от формы и типа украшения; наиболее ранними из них являются экземпляры с эмалью (Riha 1994: 163).

Фибула 3 — дисковидная брошь с шарниром из двух стоек, украшенная сверху фигуркой птицы(?) (рис. 2: *1*). Точных аналогий данному экземпляру мне не известно. Скорее всего, застежка является результатом синтеза решений двух типов фибул: типа 7.15 — с фигурным — зооморфным оформлением краев пластины и фигуркой птицы, закрепленной подвижно в отверстии центра диска (с подвижной скульптуркой животного — Fibel mit bewergliecher Tierplastik) по классификации Е. Риха (Riha 1979: 191, taf. 62: *1626*) — тип 26c3a по М. Фужер (Feugere 1985: 184), форма 45 группы 16 по В.В. Кропотову (2010: 304, рис. 89а: *45*) (рис. 2: *5*) и типа 7.13 по Е. Риха (форма 55 группы 16 по В.В. Кропотову, вариант VII.4f по К. Хельстрём) — брошей с плоским кольцевидным щитком (декор — чередующиеся полосы из эмали разных цветов), имеющим крестообразно расположенные округлые или сердцевидные выступы (Riha 1979: taf. 42: *2827*; Кропотов 2010: 304, рис. 89а: *55*; Hellström 2018: 121, taf. 67C: *544*). В их числе зафиксированы застежки с подобным щитком с четырьмя симметрично расположенными выступами в форме зооморфно-оформленных головок. В частности, такой экземпляр из Annecy, Les Fins отмечен в каталоге М. Фужер (Feugere 1985: 154: *1930*) (рис. 2: *4*).

Указанные фибулы типа 7.15 с зооморфной фигуркой в центре диска зафиксированы в памятниках на территории Великобритании, Нидерландов, Германии, Бельгии, Франции, Швейцарии, Италии и Венгрии. В Северном Причерноморье они обнаружены в Крыму (Усть-Альминский могильник) и в памятниках Низовьев Дона (Кобяково городище, Нижне-Гниловское городище) (Кропотов 2010: 323). Датируются такие броши второй — третьей четвертью II в. (Ettlinger 1973: 120), второй половиной II — первой половиной III в. (Riha 1979: 191; Feugere 1985: 326).

Застежки типа 7.13 (по Е. Риха) производились во второй половине II в. до В большей степени характерны для римских укрепленных лагерей (Limeskastelle) Северной Галлии, территории Швейцарии и Паннонии (Riha 1979: 161; 1994: 161). В Северном Причерноморье они выявлены в Крыму (Пантикапей) и в Низовьях Дона (Азов) (Кропотов 2010: 324; Hellström 2018: 121).

Брошь № 4 — с дисковидным щитком с шарниром из двух стоек с выступом—кнопкой биконической формы с шайбовидным навершием в центре диска (рис. 1: *5*) является разновидностью застежек типа 27b1 по классификации М. Фужер (Feugere 1985: 185), относится к группе 8.2 по А.К. Амброзу (Амброз 1966: 32), форме 66 группы 16 по типологии В.В. Кропотова (Кропотов 2010: 314, 304, рис. 89а: *66*).

Подобные фибулы массово зафиксированы на значительной территории Европы: Франции, Бельгии, Швейцарии, Австрии и др. — датируются второй половиной II — началом III в. (Feugere 1985: 185, 370). В Северном Причерноморье и в прилегающих территориях подобные застежки представлены в комплексах, исследованных в Крыму и в могильнике Камунта (или Кумбулта) (Северная Осетия) (Кропотов 2010: 326).

Брошь № 5 — с ромбовидным щитком с шарниром из двух стоек (рис. 1: *4, 4а, 4б*) является разновидностью типа 7.11 по Е. Риха (Riha 1979: taf. 60: *1599*); типа 27e по классификации М. Фужер (Feugere 1985: 369—370); формы 70 группы 16 по типологии В.В. Кропотова (Кропотов 2010: 314, 304, рис. 89а: *70*); варианта VII.2c по К. Хельстрём (Hellström 2018: 114, taf. 63C).

Подобные застежки датируются второй половиной II — началом III в. (Peškař 1972: 100—101; Кропотов 2010: 314), характерны для Северной Галлии, Рейнланда, Италии, Паннонии. В Северном Причерноморье и на Северном Кавказе ромбические броши выявлены в комплексах на территории Крыма, в Ольвии, Танаисе, хут. Мокрый Чалтырь (Ростовская обл.), Кобяковом городище (Ростовская область), хут. Городском (Республика Адыгея), Камунте (или Кумбулте) (Республика Северная Осетия — Алания) (Кропотов 2010: 326—327; Hellström 2018: 114—115).

Фибулу из материалов А.П. Рунича отличает наличие на ромбической поверхности круглого гнезда с эмалью. Некоторое сходство наблюдается с вариантами указанных застежек, имеющих круг из эмали в центре ромбической поверхности щитка (например, брошь из римского лагеря Карнунт (Австрия — музей Moravky Krumlov) (Peškař 1972: taf. 19: *2*). Однако, наибольшее сходство с экземпляром из окрестностей г. Кисловодска имеет застежка с дополнительным (ромбическим) гнездом на щитке из крепости Августа-Раурика (Augst — территория Швейцарии) (Riha 1979: 188, taf. 60: *1599*).

Фибула № 6 — брошь с плоским ромбовидным щитком, дополненным с четырех сторон зооморфными выступами с шарниром из двух стоек (игла не сохранилась) — mit Tierkopfenden (рис. 1: *7*).

А.К. Амброз подобные застежки отнес к группе 7 типу 4 варианту «в» (Амброз 1966: 29—30, табл. 14: *15*). По классификации Э. Эттлингера — тип 43.2 (Ettlinger 1973), по Е. Риха — тип 7.16 (Riha 1979: 191—192, taf. 63; 1994: taf. 43), по М. Фужер — тип 26d1 (Feugere 1985: 358, 362, pl. 151: *1896*), по В.В. Кропотову — форма 39 группы 16 (Кропотов 2010: 304, рис. 89а), по К. Хельстрём — тип VII.2a (Hellström 2018: 113).

А.К. Амброз броши данного типа датировал II в. или его второй половиной (Амброз 1966: 29—30, табл. 14: *15*). По материалам крепости Augusta Raurica Е. Риха отметил использование подобных фибул между второй половиной I в., в зависимости от формы и типа украшения, и концом II в. Судя по находкам керамики они входят в употребление в период Клавдия—Нерона (Riha 1994: 163). К. Хельстрём солидарна с отмеченной точкой

зрения (Hellström 2018: 113). По мнению В.В. Кропотова, на территории Северного Причерноморья такие застежки были характерны для костюма большей части II в. и даже начала III в. (Кропотов 2010: 310, 314).

В большей степени фибулы данного типа характерны для Северной Галлии, территории Бельгии и Рейнских регионов, в меньшей степени — Южной Галии (Feugere 1985: 358). Близкие аналогии отмечены в материалах памятников Паннонии (St.-Rémy-Provence) (Feugere 1985: 362, pl. 151: *1896*). В Северном Причерноморье подобные экземпляры зафиксированы в материалах памятников Крыма и Ольвии. На Северном Кавказе брошь данного типа найдена в сел. Джейрах (территория Ингушетии) (Амброз 1966: табл. 14: *15*; Кропотов 2010: 322).

Фибула № 7 — с плоским щитком в форме подошвы обуви с шарниром из двух стоек (рис. 1: *6, 6а, 6б*) относится к типу 43 по классификации по А. Бёме (Böme 1972: Fundlisten 35—40); типу 48 по Эттлингер (Ettlinger 1973: karte 23), типу 7.25 по Е. Риха (Riha 1979: 200—201, 203, taf. 68: *1748—1756*; 1994: 173, taf. 46: *2920—2922*), типу 28b по М. Фужер (Feugere 1985: 185, 375, pl. 156: *1961*).

Такие броши, по мнению М. Фужер, датируются второй — третьей четвертью II в. (правление Адриана — Антонина) (Feugere 1985: 377). По Эттлингеру они относятся к середине — второй половине II в. (Ettlinger 1973: 126—128). Фибулы, обнаруженные в ходе раскопок в 1975—1993 гг. крепости Августа-Раурика (Augst), датируются сопутствующим материалом второй четвертью II в. (время правления императора Адриана) — началом III в.; концом II — III в. (Riha 1979: 203, Nos. 1749, 1752). Однако, они, видимо, использовались вплоть до середины IV в. (сопутствующие монеты Константина II 348—350 гг. и др.) (Riha 1994: 173, Nos. 2920—2922).

Застежки данного типа выявлены на территории Франции и Англии; Однако, наибольшее их скопление фиксируется в двух районах — между Луарой и Рейном и на Юге Нижней Германии — Севере Швейцарии. В последнем случае, по мнению М. Фужер, располагалась производительная зона данной модели фибул (Feugere 1985: 375).

Для территории Северного Причерноморья использование таких фибул не характерно. К настоящему времени было известно только об одной находке такой броши в Ольвии (с. Парутино Николаевской обл.) (Амброз 1966: табл. 15: *26*; Кропотов 2010: 321; Hellström 2018: 117).

Результаты. Фибулы, декорированные эмалью, являются маркерами представителей высокопоставленной страты местного общества. В частности, судя по рисункам А.П. Рунича, экземпляры №№ 3, 4 и 5 в захоронениях (с подбоями) находились в комплексе с золотыми подвесками и медальонами, бронзовыми зеркалами с центральной петлей, бронзовыми и железными пряжками, железным наконечником ремня, сильно профилированными фибулами с бусинами на дужке, железной шарнирной дуговидной фибулой, короткими железными мечами с прямыми перекрестиями (один экз. с кольцевидным навершием, второй с бронзовым перекрестием — без навершия), с железными колесовидными псалиями с 3 спицами в виде завитков и др.

Анализ указанных типов брошей с эмалью, обнаруженных в районе Кабардино-Пятигорья указывает на их римско-провинциальное производство второй половины I—III вв. Появление таких фибул (№№ 3 — 6) в Центральном Предкавказье может быть связано с их массовым поступлением на юг Восточной Европы, в том числе в города Боспора, начиная со второй половины I в. Затем, из этих центров они могли завозиться по северокавказскому пути (вдоль Кубани) в Центральное Предкавказье (Прокопенко 1999: 80). Однако, обращает на себя внимание факт редкости некоторых из перечисленных находок. Например, застежка № 7 это всего лишь второй известный случай находки такой формы в районах, прилегающих

к Северному Причерноморью. Скорее всего, их появление в Центральном Предкавказье связано с другим вариантом транспортировки в регион — застежки были привезены группой сарматов (например, могильники на р. Тиса), участвовавших в европейских событиях конца II — начала III в., — движение германцев и сарматов вдоль границ Дакии (Istvánovits 1990: 108). Следует отметить, что после мирного договора в 175 г. конница язигов принимала участие в военных кампаниях римлян. Присутствие сарматов в римских военных крепостях также может быть причиной появления редких брошей с эмалью в памятниках Центрального Предкавказья. Третьей возможной причиной появления редких для Северного Причерноморья типов фибул в Центральном Предкавказье является результат столкновения донских алан в Северном Причерноморье с готами в начале III в. В.А. Кузнецов предполагает, что данные события вынудили алан отойти в предгорные районы Северного Кавказа (Кузнецов 2016: 50).

Литература

Амброз А.К. 1966. *Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. — IV в. н.э.* Москва: Наука (САИ Д1-30).

Воронятов и др. 2020: Воронятов С.В., Румянцева О.С., Сапрыкина И.А. 2020. Предметы убора с выемчатыми эмалями в собрании Государственного Эрмитажа: археологический анализ коллекции. *РА* 3, 16—32.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю., 2009. *Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа.* Москва: Таус.

Кадиева А.А., Демиденко С.В., 2020. Фибулы первых веков нашей эры из могильника Заюково-3 (по материалам раскопок 2016—2017 гг.). В: Обломский А.М. (отв. ред.). *История вещей — история и вещи. К 60-летнему юбилею И.О. Гавритухина.* Вып. 20. Москва: ИА РАН, 76—81 (РСМ 20).

Кропотов В.В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДЕФ-Украина.

Кузнецов В.А. 2016. *Очерки истории алан*. Пятигорск: СНЕГ.

Малахов С.Н., Рудницкий Р.Р., 2012. Новые предметы средневековой христианской мелкой пластики из Кабардино-Балкарии. *Историко-археологический альманах* 11, 119—139.

Прокопенко Ю.А. 1999. *История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. — XI в. н.э.* Ставрополь: СГУ.

Прокопенко Ю.А. 2019. Фибулы I—IV вв. из памятников Предкавказья (коллекция графа Е. Зичи). В: Малахов С.Н. (отв. ред.). *Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. Из истории культуры народов Северного Кавказа*. Вып. 11. Армавир; Ставрополь: Печатный двор, 177—193.

Прокопенко Ю.А. 2021. О находках на территории Кабардино-Балкарии фибул римско-провинциального производства I—II вв. В: Гаджиев М.С. (отв. ред.). *Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20—23 апреля 2020 г.* Махачкала: Мавраевъ, 272—274.

Уварова П.С. 1900. *Могильники Северного Кавказа. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества*. Москва: Типография А.И. Мамонтова и К°.

Böme A. 1972. Die Fibeln der Kastelle Saalburg und Zugmantel. *Saalburg-Jahrbuch* 29, 5—112.

Demetz St. 1999. *Fibeln der Spätlaténe- und der frühen römischen Keizerzeit in den Alpenländern*. Rahden: Westf.

Ettlinger E. 1973. *Die Römischen Fibeln in der Schweiz*. Bern: Francke (Handbuch der Schweiz zur Römer- und Merowingerzeit).

Feugère M. 1985. *Les Fibules en Gaule Méridionale de la conquêre à la fin du Ve siècle après J.-C*. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique (Revue Arhéologique de Narbonnaise. Suppl. 12).

Istvánovits E. 1990. A Felső-Tisza-vidék legkorábbi szarmata leletei. 2-3. századi sírok Tiszavas váriból. *A Nyiregyházi Jósa András Múzeum Évkőnyve* XXVII-XXIX (1984—1986), 83—133.

Hellström K. 2018. *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. jh. v. Chr. — 3. Jh. n. Chr.)*. Bonn: Habelt-Verlag (Archäologie in Evrasien. Herausgegeben von Svend Hanssen. Bd. 39).

Kenner X., Vetters X. 1961. Schichtdatierung für die Räume OR/1-22. *Carinthia* I, 204—222.

Peškař I. 1972. *Fibeln aus der römischen Keizerzeit in Mären*. Praha: Academia.

Plöckinger E. 1985. Metallkundliche Untersuchungen an Bronzeibeln vom Magdalensberg in Kärnten. *Lebendige Altertumswissenschaf*. Festschrift H. Vetters, 405—409.

Riha E. 1979. *Die römischen Fibeln aus Augst und Keiserraugst*. Augst: Hochuli AG. Augst (Forschungen in Augst 3).

Riha E. 1994. *Die römischen Fibeln aus Augst und Keiserraugst. Die Neufunde seit 1975.* Augst: Gissler Druck AG. Augst (Forschungen in Augst 18).

Sedlmayer H. 2009. *Die Fibeln vom Magdalensberg. Funde der Grabungsjahre 1948—2002 und Altfunde des 19. Jahrhunderts.* Klagenfurt: Verl. des Landesmuseums Kärnten (Archäologische Forschungen zu den Grabungen auf dem Magdalensberg 16).

Zichy J. 1887. *Kaukázusi és Középázsiai utazásai. Voyages au Caucase et en Asie Centrale*. T. II. Budapest: Ranschburg G.

References

Ambroz, A.K. 1966. *Fibuly yuga evropeykoy chasti SSSR II v. do n.e. — IV v. n.e. (Fibules of the south of the European part of the USSR 2nd century BCE — 4th century CE)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-30) (in Russian).

Voronyatov i dr. 2020: Voronyatov, S.V. Rumyantseva, O.S., Saprykina, I.A. 2020. In *Rossiyskaya Arkheologiya (Russian Archaeology)* 3, 16—32 (in Russian).

Gabuev, T.A., Malashev, V.Yu. 2009. *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza (Monuments of the early Alan central regions of the North Caucasus).* Moscow: Taus (in Russian).

Kadieva, A.A., Demidenko, S.V., 2020. In: Oblomskiy, A.M. (ed.). *Istoriya veshchey — istoriya i veshchi. K 60-letnemu yubileyu I.O. Gavritukhina. The history of things is history and things. To the 60th Anniversary of I.O. Gavritukhin*. Iss. 20. Moscow: IA RAN, 76—81 (Early Slavic world. Archaeology of Slavs and their neighbors 20) (in Russian).

Kropotov, V.V. 2010. *Fibuly sarmatskoy epohi (Fibules of the Sarmatian era)*. Kyiv: ADEF-Ukraina (in Russian).

Kuznetsov, V.A. 2016. *Ocherki istorii alan (Essays on the history of the Alans)*. Pyatigorsk: SNEG (in Russian).

Malakhov, S.N., Rudnitskiy, R.R. 2012. In *Istoriko-arkheologichesky al'manakh* (*Historical and Archaeological Almanac*) 11, 119—139 (in Russian).

Prokopenko Yu.A.1999. *Istoriya severokavkazskikh torgovykh putey IV v. do n.e. — XI v. n.e.* (*The history of the North Caucasian trade routes of the 4th century BCE — 11th century CE*). Stavropol: SGU.

Prokopenko, Yu.A. 2019. In: Malakhov, S.N. (ed.). *Severny Kavkaz I kochevoy mir stepey Evrazii. Iz istorii narodov Severnogo Kavkaza (North Caucasus and the nomadic world of the steppes of Eurasia. From the history of culture of the peoples of the North Caucasus)*. Iss. 11. Armavir; Stavropol: Pechatnyi dvor, 177—193 (in Russian).

Prokopenko, Yu.A. 2021. In: Gadjiev, M.S. (ed.). *Arkheologicheskoye naslediye Kavkaza: aktual'nyye problemy izucheniya i sokhraneniya. XXX Krupnovskiye chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu Krupnovskikh chteniy i 50-letiyu Derbentskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. Makhachkala, 20—23 aprelya 2020 g. (Archaeological Heritage of the Caucasus: Current Problems of Study and Preservation. 30th Krupnov Readings. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 50th Anniversary of the Krupnov Readings and the 50th Anniversary of the Derbent archaeological expedition. Makhachkala, April 20—23, 2020).* Makhachkala: Mavrayev, 272—274 (in Russian).

Uvarova, P.S. 1900. *Mogil'niki Severnogo Kavkaza. Materialy po arkheologii Kavkaza, sobrannyye ekspeditsiyami Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Materials on the archaeology of the Caucasus, collected by expeditions of the Moscow Archaeological Society)*. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i K° (in Russian).

Böme, A. 1972. Die Fibeln der Kastelle Saalburg und Zugmantel. *Saalburg-Jahrbuch* 29, 5—112.

Demetz, St. 1999. *Fibeln der Spätlaténe- und der frühen römischen Keizerzeit in den Alpenländern*. Rahden: Westf.

Ettlinger, E. 1973. *Die Römischen Fibeln in der Schweiz*. Bern: Francke (Handbuch der Schweiz zur Römer- und Merowingerzeit).

Feugère, M. 1985. *Les Fibules en Gaule Méridionale de la conquêre à la fin du Ve siècle après J.-C*. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique (Revue Arhéologique de Narbonnaise. Suppl. 12).

Istvánovits, E. 1990. A Felső-Tisza-vidék legkorábbi szarmata leletei. 2-3. századi sírok Tiszavas váriból. *A Nyiregyházi Jósa András Múzeum Évkőnyve* XXVII-XXIX (1984—1986), 83—133.

Hellström, K. 2018. *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. jh. v. Chr. — 3. Jh. n. Chr.)*. Bonn: Habelt-Verlag (Archäologie in Evrasien. Herausgegeben von Svend Hanssen. Bd. 39).

Kenner, X., Vetters, X. 1961. Schichtdatierung für die Räume OR/1-22. *Carinthia* I, 204—222.

Peškař, I. 1972. *Fibeln aus der römischen Keizerzeit in Mären*. Praha: Academia.

Plöckinger, E. 1985. Metallkundliche Untersuchungen an Bronzeibeln vom Magdalensberg in Kärnten. *Lebendige Altertumswissenschaf*. Festschrift H. Vetters, 405—409.

Riha, E. 1979. *Die römischen Fibeln aus Augst und Keiserraugst*. Augst: Hochuli AG. Augst (Forschungen in Augst 3).

Riha, E. 1994. *Die römischen Fibeln aus Augst und Keiserraugst. Die Neufunde seit 1975.* Augst: Gissler Druck AG. Augst (Forschungen in Augst 18).

Sedlmayer, H. 2009. *Die Fibeln vom Magdalensberg. Funde der Grabungsjahre 1948—2002 und Altfunde des 19. Jahrhunderts.* Klagenfurt: Verl. des Landesmuseums Kärnten (Archäologische Forschungen zu den Grabungen auf dem Magdalensberg 16).

Zichy, J. 1887. *Kaukázusi és Középázsiai utazásai. Voyages au Caucase et en Asie Centrale*. T. II. Budapest: Ranschburg G.

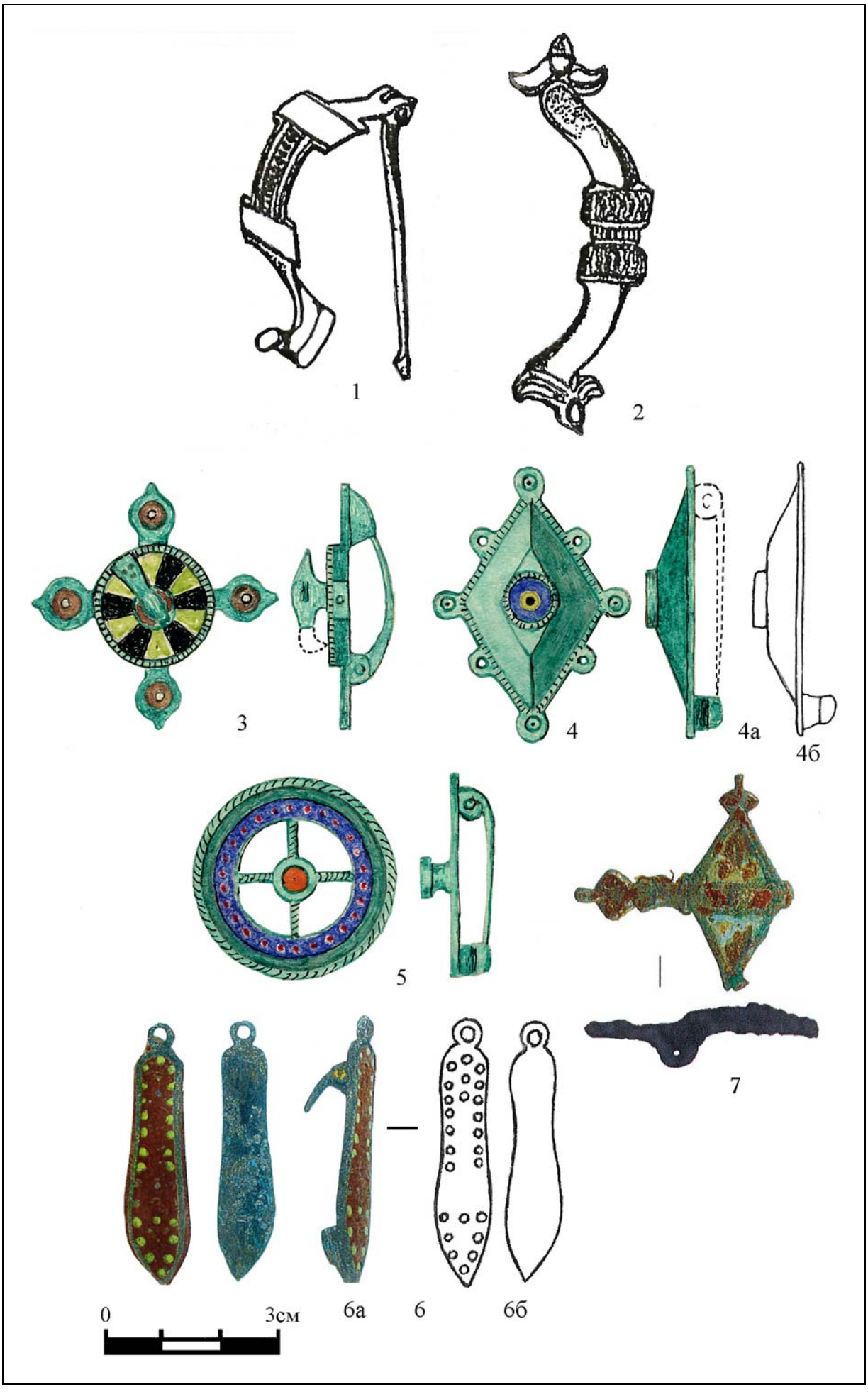

1
2
3
4
4а
4б
5
7
0
3см
6а
6
6б

Рис. 1. Фибулы с эмалью из Кабардино-Пятигорья: *1—2* — долина р. Чегема и Баксана (по Zichy 1887); *3, 4, 4а, 5* — окрестности г. Кисловодска (архив А.П. Рунича); *4б* — уточненный рисунок Ю.А. Прокопенко; *6* — городище Калеж (окрестности с. Каменномостское); *7* — мог. Заюково-3 (по Кадиева, Демиденко 2020).

Fig. 1. Fibules with enamel from Kabardino-Pyatigorye: *1—2* — valley of the rivers Chegem and Baksan (after Zichy 1887); *3, 4, 4a, 5* — vicinity of Kislovodsk (archive of A.P. Runich); *4б* — updated figure by Yu.A. Prokopenko; *6* — settlement of Kalezh (vicinity of the Kamennomostskoye village); *7* — burial ground Zayukovo-3 (after Kadieva, Demidenko 2020).

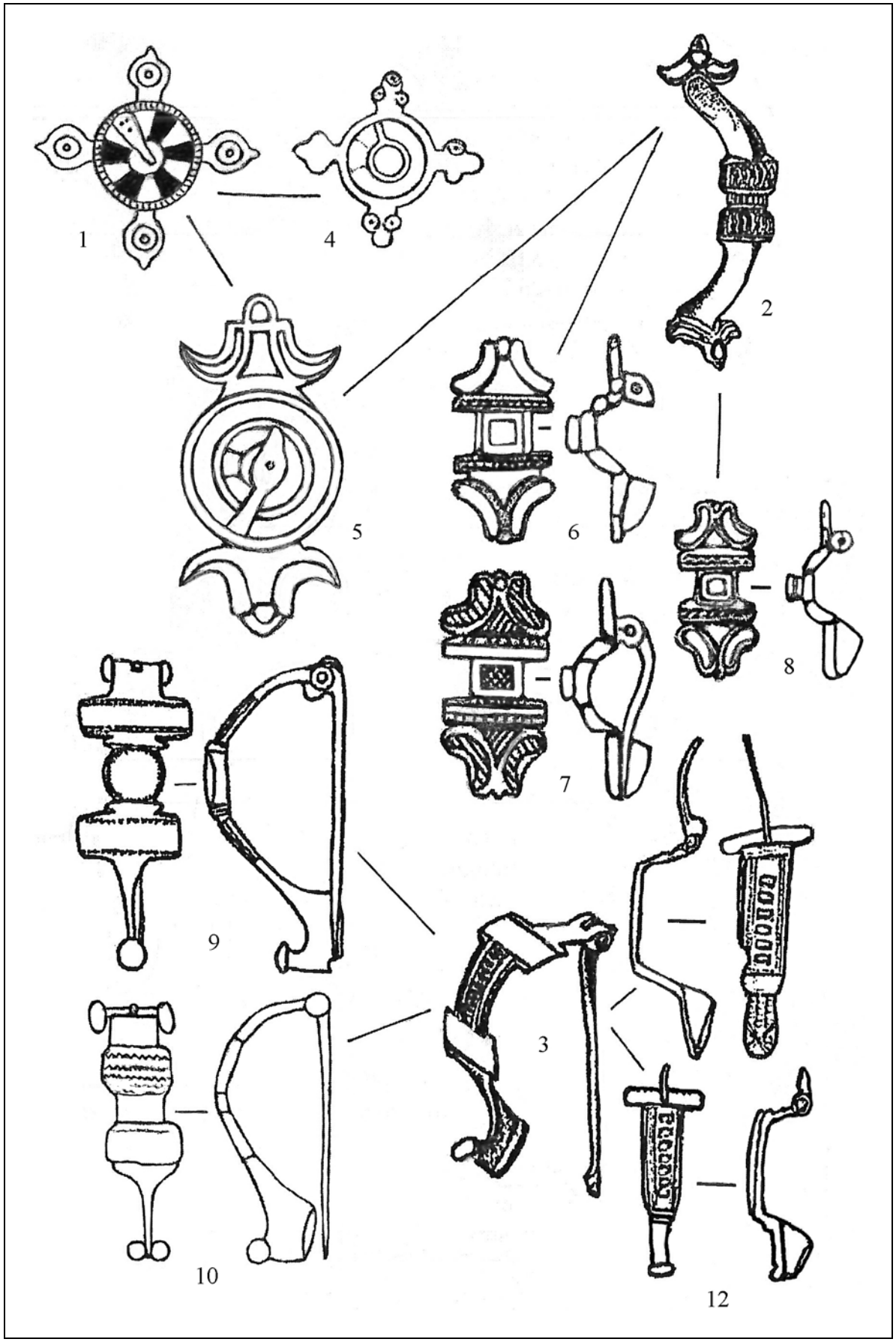

1
4
2
5
6
8
7
9
3
10
12

Рис. 2. Фибулы с эмалью из Кабардино-Пятигорья и их аналогии из памятников Европы: *1* — окрестности г. Кисловодска (архив А.П. Рунича); *2—3* — долина р. Чегема и Баксана (по Zichy 1887); *4* — из Annecy, Les Fins (по Feugere 1985); *5* — фибула формы 45 (по Кропотов 2010); *6—8* — фибулы типа 7.16 (Gleichseitige Scheibenfibeln) из крепости Augusta Raurica (Augst) (по Riha 1994); *9* — фибула из крепости Магдаленсберг — Норикум (по Sedlmayer 2009); *10* — фибула из Nissan-lez-Enzérune (по Feugere 1985); *11—12* — шарнирные фибулы типа 5.17.3 из крепости Augusta Raurica (Augst) (по Riha 1994).

Fig. 2. Fibulas with enamel from Kabardino-Pyatigorye and their analogies from European monuments: *1* — vicinity of Kislovodsk (archive of A.P. Runich); *2—3* — valley of the rivers Chegem and Baksan (after Zichy 1887); *4* — from Annecy, Les Fins (after Feugere 1985); *5* — fibula of form 45 (after Kropotov 2010); *6—8* — type 7.16 fibules (Gleichseitige Scheibenfibeln) from the fortress Augusta Raurica (Augst) (after Riha 1994); *9* — fibula from the fortress Magdalensberg — Noricum (according to Sedlmayer 2009); *10* — fibula from Nissan-lez-Enzérune (after Feugere, 1985); *11—12* — hinged fibules of type 5.17.3 from the fortress Augusta Raurica (August) (after Riha 1994).

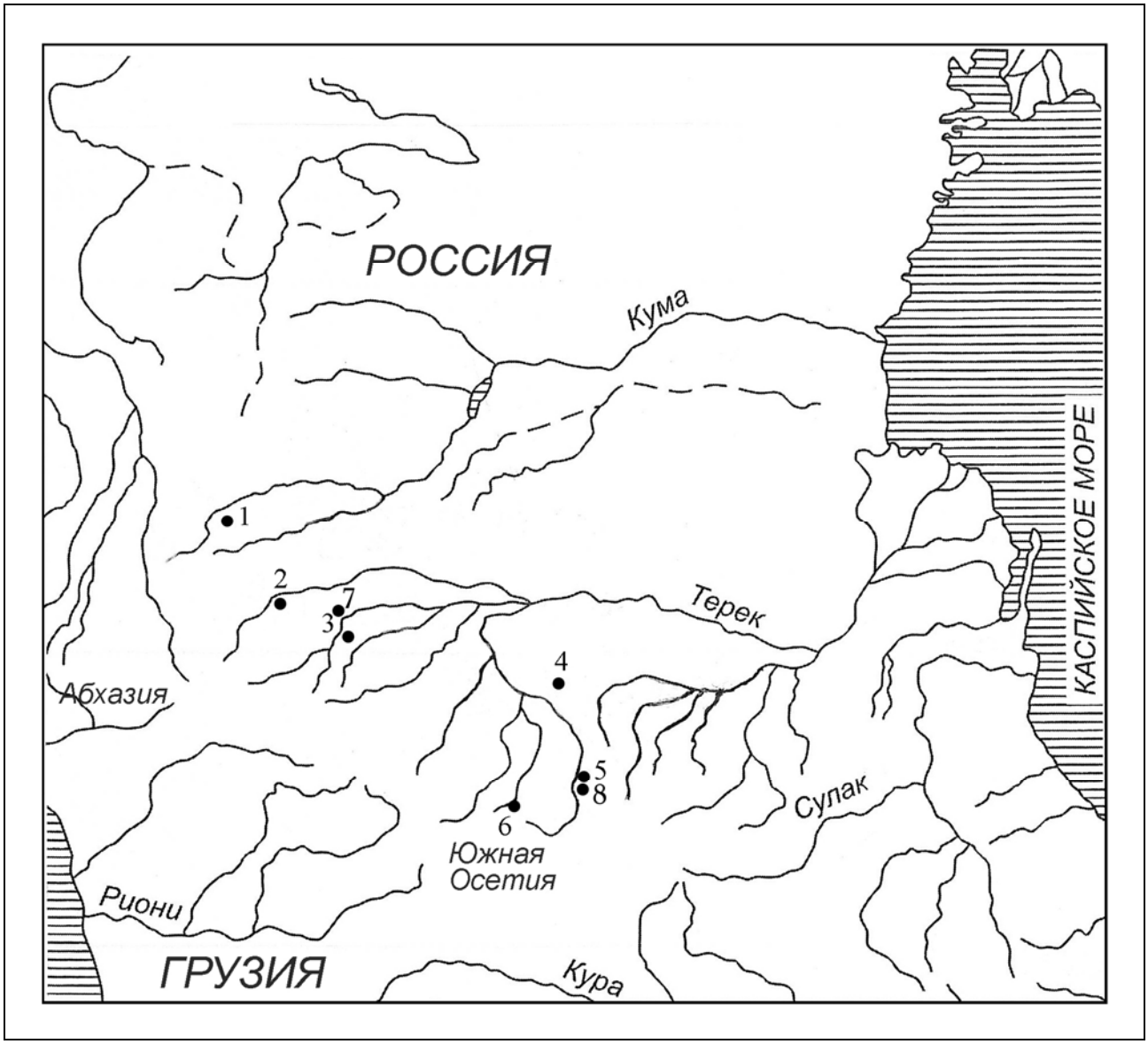


Рис. 3. Находки фибул с эмалью в Центральном Предкавказье: *1* — окрестности г. Кисловодска; *2* — городище Калеж (окрестности с. Каменномостское); *3* — долина р. Чегема и Баксана (коллекция Е. Зичи); *4* — курган 10 могильника 2 у сел. Брут; *5* — с. Чми (коллекция К.И. Ольшевского); *6* — Камунта (Кумбулта?); *7* — могильник Заюково-3; *8* — Джейрах.

Fig. 3. Finds of fibules with enamel in the Central Ciscaucasia: *1* — vicinity of Kislovodsk; *2* —settlement of Kalezh (vicinity of the Kamennomostskoye village); *3* — valley of the river. Chegem and Baksan (collection of E. Zichi); *4* — mound 10 of burial ground 2 near the Brut village; *5* — Chmi village (collection of K.I. Olshevskiy); *6* — Kamunta (Kumbulta?); *7* — burial ground Zayukovo-3; *8* — Jayrach.

УДК 902/904
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.83.21.006

А.А. Казарницкий, А.А. Строков

К ВОПРОСУ ОБ АЛАНАХ В КРЫМУ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ*

В крымской археологии существует мнение, что в склепах могильников эпохи раннего средневековья погребены представители аланского этноса, мигрировавшие в Крым с территории Кавказа. Такой вывод был основан на сходстве конструкций склепов и Т-образных аланских катакомб, однако он подвергается справедливой критике со стороны специалистов по сарматской археологии. В данном исследовании предпринята попытка проверить эту гипотезу методами физической антропологии. Кроме материалов из крымских могильников Сувлу-Кая, Инкерман, Черная речка и из раннеаланских памятников Северного Кавказа, изучен большой сравнительный материал различных археологических культур Восточной, Центральной и Южной Европы. Сделан вывод, что погребённые в крымских склепах вряд ли имели отношение к аланам или сарматам и, возможно, были потомками автохтонного «таврского» населения Крыма. Физический же облик погребённых в подбойных захоронениях имеет наибольшее сходство с таковым в позднесарматских и раннеаланских сообществах.

Ключевые слова: сарматы, аланы, Северное Причерноморье, Кавказ, Крым, катакомбы, подбойные могилы, антропология, краниология, краниометрия, дискриминантный канонический анализ.

Сведения об авторах: Казарницкий Алексей Александрович[1], кандидат исторических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН); Строков Антон Александрович[2], Институт археологии РАН.

Контактная информация: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН); e-mail: kazarnitski@mail.ru; [2]117292, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Институт археологии РАН; e-mail: anton-strokov@yandex.ru.

A.A. Kazarnitsky, A.A. Strokov

REVISITING THE ALANS IN CRIMEA DURING THE MIGRATION PERIOD

Some specialists in Crimean archaeology tend to believe that Early Medieval Crimean vaults may contain bone remains of the Alans who once moved to the peninsula from the Caucasus. Such an assumption is based on the similarity of vault burial structures and T-shaped Alanian catacomb graves. However, arguments like this is fairly criticized by specialists in Sarmatian archaeology. We have tried to test this hypothesis with the use of methods taken from physical anthropology. In addition to materials from Crimean burial grounds of Suvlu-Kaya, Inkerman, Chernaya Rechka and from Early Alanian sites in the North Caucasus, we used a wide range of comparative materials from various archaeological cultures of Eastern, Central and Southern Europe. The conclusion is that people buried in the Crimean vaults were hardly related to the Alans or the Sarmatians and presumably originated from autochthonous ‘Taurian’ population. At the same time, the physical appearance of

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00026 «Ресурсы и человек в эпоху бронзы-средневековья: динамика использования аридных регионов юга России».

Статья поступила в номер 26 июля 2022 г.
Принята к печати 11 августа 2022 г.

© А.А. Казарницкий, А.А. Строков, 2022.

people buried in niche graves is very similar to that of people belonging to the Late Sarmatian and the Early Alanian groups.

Key words: Sarmatians, Alans, North Black Sea region, Caucasus, Crimea, catacombs, niche-graves, anthropology, craniology, craniometry, discriminant canonical analysis.

About the authors: Kazarnitsky Aleksey Aleksandrovich[1], PhD (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences; Strokov Anton Aleksandrovich[2], Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Naberezhnaya (Embankment), 3, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences; e-mail: kazarnitski@mail.ru; [2]117292, Russia, Moscow, 19 Dm. Ulyanova Str., Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; e-mail: anton-strokov@yandex.ru.

В последние несколько десятилетий регулярно высказывается точка зрения о миграции алан в III—IV вв. на территорию Крыма. Прежде всего, она связана с работами А.И. Айбабина. По его мнению, погребения III—IV вв. в грунтовых склепах могильников Черная речка, Инкерман, Озерное, Сувлу-Кая, Дружное, Нейзац и др., а также классические некрополи эпохи Великого переселения народов типа Лучистое и Скалистое могут быть связаны с аланами. Боспорские склепы схожей конструкции автор также считает возникшими под влиянием северокавказских алан (Айбабин 1999: 82—83; Айбабин, Хайрединова 2017: 58—59, 116—117). Основными доводами сторонников этой гипотезы является возможное сходство конструкции склепов данных могильников и аланских Т-образных катакомб Центрального Предкавказья, а также находки сероглиняной керамики.

Точка зрения об аланской принадлежности крымских памятников позднеримской и раннесредневековой эпох не получила поддержки исследователей сармато-аланских древностей и подверглась критике (Мошкова, Малашев 1999). Как справедливо отметили М.Г. Мошкова и В.Ю. Малашев, конструкция крымских и боспорских склепов очень сильно отличается от аланских Т-образных катакомб, а серолощеная аланская керамика морфологически не имеет ничего общего с крымской. Остановимся подробнее на основных критических положениях М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашева (1999: 195—196).

Во-первых, крымские склепы грунтовые, в то время как Т-образные аланские катакомбы — подкурганные. Во-вторых, крымские склепы использовались для многократных захоронений, Т-образные катакомбы — для одного или двух одновременных захоронений. В-третьих, погребенные в крымских склепах лежат, как правило, головой ко входу в камеру, вдоль оси дромоса, в аланских же катакомбах захоронение совершалось, как правило, перпендикулярно входу и длинной оси входной ямы. В-четвертых, отличается форма свода камеры: у кавказских катакомб она стрельчатая или полуцилиндрическая, а в крымских склепах потолок плоский. Добавим к перечисленному, что в Крыму и на Боспоре зачастую хоронили в деревянных гробах (Айбабин, Хайрединова 2017: 42; Ворошилова 2018: 63; Strokov 2021: 137), в то время как в аланских памятниках Северного Кавказа в рассматриваемую эпоху такая традиция не прослеживается. Таким образом, по большинству характеристик крымские склепы существенно отличаются от кавказских катакомб. Следовательно, гипотеза об «аланской» атрибуции крымских склепов и их сходстве с северокавказскими памятниками не выдерживает критики.

Не так давно к этой тематике вернулся И.Н. Храпунов (2018). По его мнению, ключевым признаком является узкий короткий коридор, соединяющий камеру и дромос склепов (функциональное значение которого сомнительно, он лишь мешает при сооружении камеры и помещении в него погребенного). Его наличие в крымских и аланских склепах автор интерпретирует как доказательство наличия культурных связей между этими памятниками.

Однако еще М.Г. Мошкова и В.Ю. Малашев отмечали, что лишь один этот признак не может быть определяющим (1999: 196). Кроме того, синхронные памятники Боспора, прежде всего крупные городские некрополи Пантикапея и Фанагории, где население было этнически неоднородным, в своих склепах имеют такие же узкие входные коридоры в подавляющем большинстве случаев (Ворошилова 2018: 61, рис. 4: *1*, 7: *1*; Зинько 2017: 43, рис. 28а). Коридорчики зафиксированы и в могильнике эпохи Великого переселения народов Джурга-Оба (Єрмолін 2005: рис. 3, 13; Ermolin 2012), а также в некрополях Караларского побережья (Масленников 1997: рис. 2, 10, 11 и др.). Узкие коридоры в камеру имели и склепы IV—V вв. городского населения Херсонеса (Ступко и др. 2020: рис. 9: *1*, 12 и др.).

Обратимся к более удаленным территориям. Ранневизантийские склепы могильника Талль-ас-Син в провинции Дейр-эс-Зор (Сирия) также имеют схожую с крымскими или боспорскими гробницами конструкцию — камера, дромос и соединяющий их узкий коридор (Montero Fenollós, Al-Shbib 2008: 104—121, 133—185). В римскую эпоху в Иерусалиме хоронили в погребальных пещерах (которые продолжали использоваться и в византийское время), где в стенах вырубались схожие с крымскими камеры, соединенные с основной площадью узкими коридорами (Avni, Greenhut 1996: plan 1). В склепах Баальбека римского времени камеры зачастую соединялись с дромосом узкими коридорами (De Jong 2014: Abb. 59). В раннеэллинистическом гипогее в подворье св. Этьена в Иерусалиме (Lufrani 2019: fig. 2) также можно заметить соединение узкими коридорами погребальных камер с площадью основной камеры.

Таким образом, становится очевидным, что «неудобный» с функциональной точки зрения узкий коридор для соединения камеры и входной ямы склепа не является аланским нововведением и встречается в различных культурах разных эпох. Позднеантичные/раннесредневековые склепы Боспора и Крыма находят намного больше параллелей в погребальной архитектуре Восточного Средиземноморья римской и позднеантичной эпох, чем в памятниках варваров Северного Причерноморья и Кавказа (подробнее см.: Строков 2019). Примечательно, что археологи-классики находят истоки традиции погребения в склепах на Боспоре в Малой Азии, входившей в состав Римской империи (Масленников 1990: 32).

Что сообщают нам письменные источники об аланах в Крыму? Таких сведений очень мало и все они крайне фрагментарны. В литературе используется, прежде всего, три эпиграфических памятника и одно свидетельство из «Перипла Понта Эвксинского» Псевдо-Арриана для подтверждения о появлении алан в Крыму уже в римскую эпоху. Остановимся подробнее на этих свидетельствах.

Наиболее важный источник для рассматриваемой нами проблемы — это энкомий из Пантикапея (Виноградов, Шестаков 2005), в котором упоминается некий высокопоставленный боспорский полководец («хилиарх»), наставник и воспитатель царя Савромата, разгромивший алан в тяжелом сражении, за что он был лично принят римским императором, который также «определил справедливое наказание» аланам за их нападение на Боспор. В дальнейшем боспорский вельможа совершил поход в Крым до Херсонеса, где встретил варварских «царей», которые хотели вступить в союз с аланами, от чего ему удалось отговорить их дипломатическим путем. Также в надписи хилиарх упоминается как победитель скифов и тавров (перевод и реконструкция частей текста даются по: (Сапрыкин 2005). О датировке представленного памятника существуют две различные точки зрения. По мнению С.Ю. Сапрыкина, речь идет о конце I — начале II вв., то есть эпохе царя Савромата I, а упоминаемый император — это Домициан (Сапрыкин 2005: 48—49; Сапрыкин, Парфенов 2012: 163—182), в то время как американские исследователи Г. Бауэрсок и К. Джонс отнесли надпись ко второй половине II в., считая, что в ней упоминается царь Савромат II и император Коммод (Bowersock, Jones 2006). В

свою очередь, А.И. Иванчик полагает, что речь должна идти о Савромате III и, соответственно, датирует памятник концом II — первой половиной III в. (Иванчик 2013).

Два других эпиграфических памятника — это две строительные надписи начала III в., которые упоминают Герака, сына Понтика, «главного переводчика аланов», одна из которых была найдена в 1910 г. в Тамани, другая — при раскопках некрополя Кыз-Аул в 2017 г. (Pavlichenko, Fedoseev 2018). Это был крупный царский чиновник, который, благодаря знанию аланского языка, занимал и должность переводчика аланов. Кроме выполнения своей непосредственной функции переводчики в греко-римском мире играли важную роль в торгово-дипломатических отношениях с варварскими племенами (Pavlichenko, Fedoseev 2018: 329).

Третье свидетельство — это сообщение об «аланском» названии Феодосии, сохранившемся в «Перипле Понта Эвксинского». Это произведение приписывалось ранее Арриану, автору трактата с таким же названием, однако истинный автор более позднего периода (V в.?) неизвестен. В нем сообщается о Феодосии, которая была к тому моменту уже разрушена, ныне же она зовется Ардавда, что означает «на аланском или таврском языке Семибожный» (Алемань 2003: 146—147).

Остановимся на анализе этих сообщений. Прежде всего стоит рассмотреть энкомий из Пантикапея. Крымские археологи считают эту надпись непосредственным подтверждением появления алан в юго-западном Крыму уже в I в. (Айбабин, Хайрединова 2017: 31), отмечая, что в ней «упомянуты аланы, находившиеся вблизи Херсонеса» (Храпунов, 2019: 314). Тем не менее, если обратиться к первоисточнику и подробнейшему разбору текста этого памятника С.Ю. Сапрыкиным (Виноградов, Шестаков 2005; Сапрыкин 2005), то мы увидим, что никакие аланы в районе Херсонеса там не упоминаются. Сражение боспорского войска с аланами, по мнению С.Ю. Сапрыкина, происходило где-то на азиатской границе Боспора — то есть к востоку от Таманского полуострова или Горгиппии, которая расположена в непосредственно близости от Кавказа, основного ареала распространения аланской культуры. Невозможно оспаривать, что контакты боспорян с аланами на этой территории были регулярными, особенно учитывая, что военная активность алан в I—II в. н.э. хорошо зафиксирована в письменных источниках, однако эти походы алан были направлены в восточные провинции Римской империи, а также в Армению, Кавказскую Иберию и парфянскую Мидию, что и было указано С.Ю. Сапрыкиным (2005: 53) и американскими коллегами (Bowersock, Jones 2006: 128). В Херсонесе же хилиарх, которому посвящен пантикапейский энкомий, встретил предводителей других варварских племен (тавро-скифов), которые искали союза с аланами, однако боспорскому полководцу удалось благодаря своему дипломатическому таланту «не допустить заключения союзного договора аланов с тавро-скифами» (Сапрыкин 2005: 63). То есть, в районе Херсонеса упоминаются отнюдь не аланы, а поздние скифы и тавры. А с ними шла война в период правления Савромата II. Речь идет о Второй Боспорской войне. Это был настолько серьезный конфликт, что для защиты Боспора был отправлен экспедиционный корпус римской армии (Иванчик 2013; Чореф 2019). О крайнем напряжении сил свидетельствует как порча монеты, так и выпуск бронз с символикой лояльных сарматских племен (Чореф 2021).

Судя по всему, аланские цари, совершая походы на восточные римские владения, искали союзников и всячески пытались склонить варварское население Крыма к враждебным действиям против римских и союзных им владений, что и удалось предотвратить боспорскому военачальнику. Таким образом, пантикапейский энкомий не сообщает нам ничего об аланах в Крыму.

То же самое можно сказать и о других письменных источниках. Надписи о Гераке, сыне Понтика, главном переводчике аланов, лишь сообщают нам, что при боспорском царе существовала такая должность, и занимавший ее чиновник должен был знать аланский язык

(Pavlichenko, Fedoseev 2018: 329). Имена Герак и Понтик — однозначно эллинские[1]. Речь в надписи идет, опять же, о Боспоре, который имел владения за пределами Крыма и где он, скорее всего, и контактировал с аланами Кавказа и, возможно, Восточного Приазовья и Нижнего Подонья. Эти эпиграфические памятники не сообщают ничего о присутствии алан на Боспоре или тем более в Крыму.

Лишь в отношении сообщения о Феодосии—Ардавде, находящейся в Восточном Крыму, мы можем гипотетически предположить, что «местное» аланское население дало свое название бывшему античному городу. Однако мы можем предложить и другие интерпретации данного пассажа. Феодосия до своего уничтожения являлась частью Боспорского царства, которое, как мы уже видели, на своих восточных, «азиатских» границах постоянно контактировало с аланами начиная с I в. Свои названия боспорским топонимам могли давать аланские купцы, дипломаты, или наемники, служившие в боспорском войске. Таким образом, однозначная интерпретация сообщения «Перипла» Псевдо-Арриана в пользу населения Феодосии аланами вряд ли может быть признана единственно возможной.

Из приведенного выше следует, что археологическая база гипотезы об аланском присутствии в Крыму, начиная с III—IV вв., достаточно зыбкая. А.И. Айбабин и сторонники его теории, судя по опубликованным работам, предполагают переселение северокавказских алан вместе со всем комплексом материальной культуры, отразившемся в погребальном обряде и инвентаре (Айбабин, Хайрединова 2017: 58—59). Такая же ситуация складывается и в отношении письменных источников. Все аргументы, которые приводятся сторонниками «аланской» гипотезы, при проверке оказываются отнюдь не такими убедительными.

К проверке утверждения об аланской принадлежности ряда погребальных памятников эпохи Великого Переселения народов в Крыму можно обратиться с помощью методов физической антропологии, позволяющих описать физической облик древних популяций Крыма и сравнить их с обликом античных и раннесредневековых жителей других регионов, в первую очередь — Северного Кавказа.

Для исследования были привлечены 66 выборок мужских черепов из памятников раннего железного века и средневековья разных регионов (табл. 1). Медианная численность черепов в выборке — 18, средняя — 21, общая численность — более 1360 черепов. Использовались средние групповые значения (табл. 2) четырнадцати стандартных краниометрических признаков (Алексеев, Дебец 1964): продольный (1), поперечный (8), высотный (17) диаметры, наименьшая ширина лба (9), скуловой диаметр (45), верхняя высота лица (48), высота (55) и ширина (54) носа, ширина орбиты от mf (51) и высота орбиты (52), назомалярный (77) и зигомаксиллярный (zm) углы, симотический указатель (SS:SC) и угол выступания носа (75(1)). При отсутствии некоторых сравнительных данных приходилось сокращать набор признаков для межгруппового анализа до десяти (исключались угловые размеры и симотический указатель). Межгрупповое сопоставление проводилось с помощью дискриминантного канонического анализа по средним групповым данным, реализованным в программе Б.А. Козинцева CANON. Результаты представлены в виде двухмерных графиков по координатам выборок в первых двух наиболее информативных канонических векторах (КВ).

Одна из привлеченных нами античных городских серий — из некрополя Танаиса позднего периода IV—V вв. — была охарактеризована при публикации как обладающая чертами носителей среднесарматской культуры (Батиева 2001). Также стоит отметить, что в позднеантичном Танаисе зафиксировано наличие Т-образных катакомб, находящих параллели именно в аланских памятниках Северного Кавказа, что позволило исследователям высказать

[1] Авторы выражают признательность Н.А. Павличенко (ИИМК РАН) за любезную консультацию.

мнение, что погребальные памятники этого типа оставили аланы-танаиты, известные по сообщениям Аммиана Марцеллина (Безуглов 1990). Проверке этих тезисов посвящен первый этап нашего исследования (рис. 1, 2). Привлечены региональные краниологические серии среднесарматской и позднесарматской культур (Балабанова 2000; 2003; Батиева 2011), из некрополей Гермонассы, Фанагории и Танаиса (Герасимова и др. 1987; Батиева 2011), выборка из склепов Херсонеса (Назарова 1986), о которой неизвестны значения одного из признаков (угол выступания носа). Кроме того, использованы суммарные серии черепов разных этапов раннего железного века с территории Древней Греции и Малой Азии (Schwidetzky 1972; Schwidetzky, Rosing 1975), о которых доступен ограниченный набор краниометрических признаков (отсутствуют данные об углах горизонтальной профилированности лица, угле выступания носа и относительной высоте носовых костей). Поэтому анализ проводился в двух вариантах — по 14 признакам для 16 групп (рис. 1) и по 10 признакам для 22 групп (с добавлением древнегреческих и херсонесской серий) (рис. 2).

На горизонтальной шкале первого канонического вектора (КВ1) на обоих графиках (рис. 1, 2) отражены различия в ширине и высоте лица и ширине глазницы: у жителей греческих городов и в Северном Причерноморье, и в Греции размеры лица в целом меньше и глазница менее широкая, чем у носителей сарматских культур. По вертикальной шкале второго канонического вектора на рис. 1 наибольшие координаты получили среднесарматские выборки из-за более короткой и более широкой мозговой коробки и уплощенного лица. При добавлении древнегреческих групп (рис. 2: *г*) морфологическое содержание КВ2 немного меняется из-за исключения данных о горизонтальных лицевых углах — дифференцирующим признаком теперь выступает только ширина мозгового отдела черепа, по-прежнему отличающая среднесарматские выборки от остальных. Именно к ним примыкает выборка из позднеантичного Танаиса (рис. 2: *29*) по причине сходства в ширине черепа и горизонтальной профилированности лица. Это не позволяет нам использовать ее в дальнейшем как выборку с типично городским набором краниометрических характеристик. Остальные городские выборки при всех своих недостатках (к которым относятся слишком широкие хронологические рамки и невозможность тщательной проверки их состава по опубликованным данным) имеют ряд общих черт, которые не только отличают их от окружающего варварского населения, но и отчасти сближают с населением метрополии (рис. 2: *в*).

Второй этап — сравнительный анализ по 14 краниометрическим признакам тех древних коллективов, к которым в публикациях применяется наименование «аланы»: носителей аланской культуры Северного Кавказа (Дебец 1948; Алексеев 1964; 1974; Алексеев, Гохман 1984; Герасимова 1986; 1994; Герасимова и др. 2009; Березина и др. 2012; Фризен 2015; Фризен, Кадзаева 2016; Малашев, Фризен 2020) и среднесарматской и позднесарматской культур Поволжья и Подонья, использовавшихся на предыдущем этапе анализа.

Дифференциация краниологических серий с разной хронологической и культурной атрибуцией на рис. 3 проходит почти исключительно по координатам в КВ 1, содержание которого определила вариация ширины и высоты черепа, горизонтальной профилированности лица и угла выступания носа. Северокавказские аланские группы при всем их разнообразии объединяет высокая мозговая коробка средней или малой ширины и самое клиногнатное лицо (особенно на зигомаксиллярном уровне) с сильно выступающим носом. Противоположной комбинацией признаков — более широкая мозговая коробка средней высоты и, как правило, уплощенное лицо с менее выступающим носом — обладают носители среднесарматской культуры. Промежуточное положение на этой условной шкале занимают позднесарматские группы, от среднесарматских групп они отличаются и по признакам второго канонического вектора — большей длиной черепа и большей относительной высотой переносья (аланские группы варьируют по этим признакам очень широко и, видимо, случайно).

Если отметить на графике наиболее ранние аланские выборки (рис. 3: *г*) или повторить анализ, исключив из него материалы старше VIII в. (рис. 4), то отличие самых ранних аланских групп по длине и высоте черепа оказывается существеннее, чем различия между средними и поздними сарматами. Большинство более поздних аланских групп занимают промежуточное положение между ранними аланскими и позднесарматскими выборками. Эти результаты представляется интересным обсудить в контексте двух гипотез формирования северокавказских алан, поддержанных антропологами на основе краниологических данных. Обе гипотезы совпадают в том, что наличие кавказского (в широком смысле) субстрата несомненно, однако первая постулирует участие в сложении средневековых алан носителей позднесарматской культуры (Балабанова 2010), тогда как другая прослеживает вклад носителей среднесарматской культуры (Малашев и др. 2015; Фризен 2015). Результаты нашего межгруппового анализа свидетельствуют скорее в пользу версии М.А. Балабановой, основанной, кстати сказать, на демонстрации результатов статистического анализа с довольно широким набором сравнительных серий. Альтернативная версия С.Ю. Фризена опубликована пока предельно лаконично — автор скорее присоединяется в археологически обоснованной гипотезе В.Ю. Малашева, не предъявляя убедительных антропологических аргументов (Фризен 2015).

Примером такого же бессодержательного присоединения к археологической концепции является и недавняя публикация о прямых родственных связях между группами аланского населения, оставившими могильники Бесланский, Братские 1-е курганы, Октябрьский I, Киевский I и Паласасыртский (Фризен, Малашев 2020). Независимо от качества археологических доказательств, краниологические аргументы не выдерживают никакой критики. Включение в один и тот же статистический анализ краниологических серий с искусственной деформацией и без нее, обсуждение сходства между близкорасположенными сериями на графике при игнорировании статистических выбросов, искажающих картину морфологического разнообразия, заявления о «требованиях программы» к набору признаков, использование ограниченного количества сравнительных серий при отсутствии альтернативных и фоновых выборок — всё это свидетельствует о слабом понимании используемых авторами методов (Фризен, Малашев 2020).

На дальнейших этапах исследования мы использовали только позднесарматские и наиболее ранние аланские выборки в качестве гипотетического эталона аланского комплекса краниологических признаков. Задача заключалась в том, чтобы проверить, какие из краниологических выборок III—V вв. с территории Крымского полуострова могут быть морфологически похожи на поздних сармат Поволжья и Подонья и/или ранних алан Северного Кавказа (рис. 5). В анализ включены упоминавшиеся выше серии из городских некрополей Северного Причерноморья, суммарные серии с территории Греции и Малой Азии, а также серии из позднескифских могильников Крыма в Заветном, Беляусе и Неаполе Скифском (Зиневич 1971; Кондукторова 1979; Кондукторова, Ефимова 2014) и выборки из склепов и подбоев III—V вв. из Сувлу-Кая (рис. 5: *45, 46*) (Казарницкий 2016) и Чернореченского и Инкерманского могильников Крыма (рис. 5: *43, 44*) (Соколова 1963). Здесь и далее серии сопоставлялись по сокращенному набору из 10 краниометрических признаков.

В пространстве координат первых двух канонических векторов отчетливо дифференцируются группы, относящиеся к разным археологическим культурам (рис. 5). Наименьшие значения координат по обоим векторам получили позднескифские выборки (рис. 5: *д*) благодаря сочетанию малой ширины орбиты и средних ширины и высоты черепа. В позднесарматских (рис. 5: *а*) и особенно в аланских группах (рис. 5: *б*), наоборот, ширина орбиты большая и череп более высокий. При таком наборе сравнительных материалов степень различий между аланскими и позднесарматскими группами в среднем меньше, чем мы

наблюдали ранее. Городские причерноморские (рис. 5: *в*) и суммарные греческие выборки (рис. 5: *г*) демонстрируют большее сходство друг с другом, чем с какими-либо другими, из-за меньшей высоты лица, варьирующей на границе средних и малых общемировых значений. На этом фоне выборки черепов из подбойных захоронений из могильников Сувлу-Кая, Чернореченский и Инкерманский наиболее схожи с позднесарматскими сериями из поволжских и донских степей. Выборки из склепов тех же могильников занимают обособленное положение из-за наиболее широких мозговых коробок — из всех привлеченных серий только они брахикранны по черепному указателю.

Подобные межгрупповые сопоставления нам доводилось проводить ранее в рамках несколько иных исследовательских задач (Казарницкий 2016; 2017; Колосов, Казарницкий 2019). И всякий раз к анализу не привлекались материалы из позднеантичных могильников Лучистое, Дружное и Нейзац, планомерно публиковавшиеся на протяжении последних двух десятилетий (Радочин 2002; 2008; 2011а; 2011б; 2020). Причиной тому, во-первых, плохая сохранность этих материалов, не раз отмеченная при их публикации. С черепами из Лучистого это привело к тому, что автор ограничился индивидуальными скелетными описаниями, так и не сформировав какую-либо суммарную по могильнику серию (Радочин 2002; 2008; 2020). Опубликованные выборки из Дружного и Нейзаца, по всей видимости, также пострадали из-за плохой сохранности большинства черепов. Иначе сложно объяснить их крайнее морфологические своеобразие, которое становится очевидным при включении этих серий в межгрупповой анализ (рис. 6: *е*).

Выборки из Нейзаца и Дружного — как суммарные, так и разделенные автором по типу погребальной конструкции — радикально отличаются от всех использованных нами серий черепов более короткими и более высокими мозговыми коробками, самым узким лицом и самой малой шириной орбиты. Специфика настолько велика, что превышает различия между античным городским и варварским населением в целом. Масштаб анализа в итоге смещается настолько, что в пространстве первых двух канонических векторов остается заметным только своеобразие выборок из Дружного и Нейзаца. Взаимное расположение остальных выборок обусловлено не степенью сходства или различий между ними, а степенью отличий каждой из них от материалов из Нейзаца и Дружного. Этот эффект наблюдается всякий раз при включении материалов В.Ю. Радочина в межгрупповые сопоставления и может объясняться либо тем, что опубликованные им измерения ошибочны (из-за плохой сохранности костной ткани), либо тем, что происхождение погребенных в могильниках Нейзац и Дружного связано с крайне необычными для Восточной Европы древними популяциями.

Можно, однако, заметить, что выборкам из склепов Сувлу-Кая, Чернореченского и Инкерманского могильников тоже не видны аналогии (рис. 5: *44, 46*). Тем не менее, во-первых, степень их отличий от остальных групп гораздо меньше, и, во-вторых, обе серии опубликованы разными авторами с полувековым перерывом (Соколова 1963; Казарницкий 2016), поэтому две одинаковые ошибки при измерениях менее вероятны. И всё же количество опубликованных краниологических данных велико и открывает возможность поиска аналогичных краниологических характеристик в самых разных древних популяциях (рис. 7).

При публикации материалов из Сувлу-Кая (Казарницкий 2016) было высказано предположение, что особенности морфологии черепов из склепов могут объясняться влиянием населения, известного по материалам из погребений кизил-кобинской культуры Крыма или с отдельными элементами кизил-кобинского погребального обряда. В антропологических публикациях они встречались под наименованием «тавры Крыма» (Дебец 1948; Соколова 1960; Зиневич 1973; Кондукторова 1979). Выборка эта невелика, имеет широкие хронологические рамки, поэтому далека от идеала репрезентативного отражения краниологической

характеристики субстратного населения Крыма. Мы включили ее в анализ, осознавая все перечисленные ограничения. Под влиянием археологических свидетельств о присутствия в Крыму, начиная с середины III в., артефактов центрально-европейского и германского происхождения, мы привлекли краниологические выборки черняховской культуры (Кондукторова 1958; 1972; 1979; Великанова 1975; Сегеда, Дяченко 1984; Рудич 2000; 2004; 2010) и из памятников раннего железного века Северной и Центральной Европы (Steffensen 1953; Schwidetzky 1972; Schwidetzky, Rosing 1975; Кондукторова 1979).

По результатам нового этапа анализа (рис. 7) краниологические черты погребенных в крымских склепах (рис. 7: *44, 46*) оказываются наименее всего сходны с черняховскими, северо- и центральноевропейскими группами (рис. 7: *35—41, 60—65*), а наибольшее сходство обнаруживают с таврской группой (рис. 7: *42*). Склеповые и таврская выборки обособлены от всех остальных в правом нижнем углу графика из-за наибольшей абсолютной и относительной ширины мозговой коробки (брахикранной или на границе мезо- и брахикрании). Сходство между ними далеко не полное — таврская серия имеет еще более низкий мозговой отдел и более широкое лицо, однако отличия обеих выборок из склепов от остальных групп еще больше. Черняховские, северо- и центральноевропейские выборки характеризуются противоположной комбинацией признаков: длинным, узким и высоким мозговым отделом и наименее широким, часто узким лицом. Дифференциация остальных культурно-территориальных групп остается прежней, равно как и расположение выборок из подбойных погребений Крыма в кругу позднесарматских серий.

Если добавить в анализ выборки из Нейзаца и Дружного (рис. 8: *з*), то и их специфика сохранится, на этот раз уже превосходя масштабы изменчивости населения Восточной, Центральной, Северной и Южной Европы. Единственная известная нам краниологическая выборка, отдаленно напоминающая их по морфологии, — это черепа из погребений первых веков нашей эры с территории Ливии (рис. 8: *66*). Учитывая малую вероятность популяционных контактов между населением африканской Сахары и Крымского полуострова, еще раз подчеркнем возможную некорректность опубликованных краниометрических данных из Нейзаца и Дружного.

Таким образом, морфология черепов северокавказских алан и носителей позднесарматской культуры поволжских и донских степей характеризуется мезо-/долихокранной и средневысокой или высокой мозговой коробкой, средней или большой шириной лица с широкими орбитами. Подобная комбинация признаков фиксируется в подбойных захоронениях Крыма III—IV вв. Черепа из крымских склепов III—V вв., как правило, более короткие, брахикранные, менее высокие и имеют менее широкое лицо. По всей видимости, нет оснований связывать эти черты ни с алано-сарматским, ни с центральноевропейскими краниологическими комплексами. Население Центральной Европы, кроме еще большей, чем у аланских и позднесарматских групп, долихоморфности мозгового отдела имеет еще и значительно более узкое лицо. Ближайшие, хотя и не полные морфологические аналогии черепам из склепов Крыма нам удается обнаружить только среди редких материалов из погребений с элементами кизил-кобинского погребального обряда. Возможно, увлечение вопросами миграций и представления об античной истории в Крыму как об эпохе постоянной смены одних народов другими мешает исследователям заметить долговременное влияние автохтонных коллективов. Для выборки черепов из погребений IV—V вв. из некрополя Танаиса, где погребальные конструкции схожи с центральнокавсказскими аланскими Т-образными катакомбами, нами реконструируется не прямая миграция алан, а скорее распространение соответствующей материальной культуры и традиции сооружения подобных конструкций, в то время как краниологические черты погребенных там людей находят аналогии в среднесарматских сериях черепов.

Таблица 1. **Краниологические материалы раннего железного века и средневековья, привлеченные к исследованию.**

№	Памятник	Дата	Публикации краниологических данных
1	Паласа-сырт, Дагестан	IV—V вв.	Фризен 2015
2	Садон, С. Осетия	VII—VIII в.	Фризен, Кадзаева 2016
3	Беланский, С. Осетия	III—IV (II—VII) вв.	Малашев, Фризен 2020; Герасимова и др. 2009
4	Братские, Октябрьский и Киевский, С. Осетия и Чечня	III (II) — V вв.	Малашев, Фризен, 2020
5	Балка Балабанка, Краснодарский край	средневековье	Герасимова 1994 и неопубл. материалы
6	Гамовская балка, Краснодарский край	средневековье	Герасимова 1994; Алексеев 1974 и неопубл. материалы
7	Мощевая Балка, Карачаево-Черкесия	VIII—IX вв.	Герасимова 1986
8	Дуба-Юрт, Чечня	IX—X вв.	Дебец 1948; Алексеев 1964
9	Змейская, С.Осетия	X—XII вв.	Алексеев 1974
10	Мамисондон, С.Осетия	VII—IX вв.	Березина и др. 2012
11	Дегва, Дагестан	VIII—X вв.	Алексеев 1974
12	Узунтала, Дагестан	IX—XI вв.	Алексеев 1974
13	«Черкесия, суммарно» (преим. Адиюх, Кабардино-Балкария)	VIII—XII вв.	Алексеев, Гохман 1984
14	Заволжские поздние сарматы	II—IV вв.	Балабанова 2003
15	Астраханские поздние сарматы	II—IV вв.	Балабанова 2003
16	Калмыцкие поздние сарматы	II—IV вв.	Балабанова 2003
17	Аксайские поздние сарматы	II—IV вв.	Балабанова 2003
18	Донские и иловлинские поздние сарматы	II—IV вв.	Балабанова 2003
19	Сарматы Ростовской обл., поздние	III—IV вв.	Батиева 2011
20	Средние сарматы, заволжские	I—II вв.	Балабанова 2000
21	Средние сарматы, калмыцкие	I—II вв.	Балабанова 2000
22	Средние сарматы, донские	I—II вв.	Балабанова 2000
23	Средние сарматы, украинские	I—II вв.	Балабанова 2000
24	Сарматы Ростовской обл., средние	I—II вв.	Батиева 2011
25	Фанагория, грунтовый могильник	III вв. до н.э. — IV в.	Герасимова и др. 1987
26	Гермонасса, могильник	III вв. до н.э. — IV в.	Герасимова и др. 1987
27	Танаис ранний	III—I вв. до н.э.	Герасимова и др. 1987; Батиева 2011
28	Танаис средний	I—III вв. н.э.	Батиева 2011
29	Танаис поздний	IV—V вв. н.э.	Батиева 2001
30	Херсонес, склепы	II—VIII вв. н.э.	Назарова 1986
31	Скифы Крыма, Заветное	I в. до н.э. — III в.	Зиневич 1971
32	Неаполь Скифский, мавзолеи и склепы	III в. до н.э. — III в.	Кондукторова 1979
33	Неаполь Скифский, восточный могильник	III в. до н.э. — III в.	Кондукторова 1979
34	Поздние скифы, Беляус., сев.-зап. Крым	II в. до н.э. — I в.	Кондукторова, Ефимова 2014

Таблица 1. **Краниологические материалы раннего железного века и средневековья, привлеченные к исследованию (окончание)**

№	Памятник	Дата	Публикации краниологических данных
35	Черняховская культура: Журавка и Черняхов	II—IV вв.	Кондукторова 1972; Кондукторова 1979
36	Черняховская культура: Среднее Приднепровье	II—IV вв.	Кондукторова 1972; Кондукторова 1979
37	Черняховская культура: Северо—Западное Причерноморье	II—IV вв.	Кондукторова 1972; Кондукторова 1979
38	Черняховская культура: Будешты и Малаешты	II—IV вв.	Великанова 1975; Сегеда, Дяченко 1984
39	Черняховская культура Среднего и Нижнего Поднепровья	II—IV вв.	Кондукторова 1958; Рудич 2000;
40	Черняховская культура Дунайско-Днестровского региона, 1	II—IV вв.	Рудич 2010
41	Черняховская культура Дунайско-Днестровского региона, 2	II—IV вв.	Рудич 2004; Рудич 2010
42	Тавры Крыма	V в до н.э. — I в. н.э.	Дебец 1948; Соколова 1960; Зиневич 1973; Кондукторова1979
43	Чернореческий и Инкерманский, подбои	II—IV вв.	Соколова 1963
44	Чернореческий и Инкерманский, склепы	II—IV вв.	Соколова 1963
45	Сувлу-Кая, подбои	III—IV вв.	Казарницкий 2016
46	Сувлу-Кая, склепы	IV—V вв.	Казарницкий 2016
47	Греция	1150—675 до н.э.	Schwidetzky 1972
48	Греция	675—275 до н.э.	Schwidetzky 1972
49	Греция	300 до н.э. — 100 н.э.	Schwidetzky 1972
50	Ионийско-эолийские греки	500—100 гг. до н.э.	Schwidetzky 1972
51	Греция	150—450 гг. н.э.	Schwidetzky, Rosing 1975
52	Дружное, суммарно	III—IV вв.	Радочин 2011
53	Дружное, грунтовые могилы	III—IV вв.	Радочин 2011
54	Дружное, подбои	III—IV вв.	Радочин 2011
55	Дружное, склепы	III—IV вв.	Радочин 2011
56	Нейзац, суммарно	II—IV вв.	Радочин 2011
57	Нейзац, грунтовые могилы	II—IV вв.	Радочин 2011
58	Нейзац, подбои	II—IV вв.	Радочин 2011
59	Нейзац, склепы	II—IV вв.	Радочин 2011
60	Южная Скандинавия	I тыс. до н.э.	Schwidetzky 1972
61	Швеция	р.ж.в.	Steffensen 1953; Кондукторова 1979
62	Дания	р.ж.в.	Steffensen 1953; Кондукторова 1979
63	Чехия и Словакия	III—VI вв.	Schwidetzky, Rosing 1975
64	Мекленбург (север Германии)	I—VI вв.	Schwidetzky, Rosing 1975
65	Силезия (юг Польши)	III—IV вв.	Schwidetzky, Rosing 1975
66	Гараманты Ливии	I—III вв. н.э.	Schwidetzky, Rosing 1975

Таблица 2. **Средние групповые краниометрические данные, используемые в исследовании.**

№	1		8		17		9		45		48		55		54		51		52	
	n	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*
1	8	181,9	7	139,3	4	141,5	7	98,1	5	134,9	3	69,2	3	50,5	5	25,1	3	43,7	4	32,1
2	12	180,3	14	141,4	11	139,8	13	97,1	5	137,4	7	70,6	7	52,6	7	25,3	10	42,9	10	33,6
3	39	181,7	38	136,4	14	139,2	40	97,8	10	132,9	22	71,7	21	51,8	20	25,5	27	42,9	29	33,0
4	9	186,2	10	137,5	8	138,4	14	99,9	10	131,5	14	71,6	15	51,5	16	24,7	15	43,7	15	33,5
5	12	185,8	12	143,9	11	139,5	12	99,2	12	135,1	12	72,1	12	53,7	12	25,4	12	43,2	12	33,2
6	24	182,6	24	142,6	23	137,0	24	96,9	24	133,6	23	72,3	23	52,3	23	24,5	23	42,2	23	32,2
7	23	187,9	23	141,4	22	138,6	22	100,7	19	134,4	19	71,6	17	53,2	19	24,9	18	42,9	19	33,0
8	6	189,7	6	138,8	7	138,1	6	97,7	4	132,8	4	70,8	4	52,8	4	24,5	4	42,2	4	31,6
9	19	185,1	17	143,9	13	136,1	16	98,7	15	136,2	17	70,4	16	51,9	15	25,6	18	41,5	18	31,7
10	19	189,3	19	138,4	18	137,9	19	97,6	11	137,2	17	74,3	17	53,8	17	24,2	17	41,4	17	33,4
11	9	182,4	8	138,1	6	135,5	11	96,7	6	129,8	10	69,7	14	51,2	14	23,4	13	40,4	14	31,2
12	17	186,1	17	136,9	9	138,1	16	99,7	10	129,6	10	70,8	10	50,4	10	24,0	10	40,7	12	33,8
13	13	182,8	13	141,8	13	134,8	13	96,9	12	132,3	13	73,5	13	52,1	13	24,5	13	43,3	13	33,0
14	10	186,9	11	136,9	8	132,9	11	95,5	11	132,3	11	71,8	11	52,6	11	24,7	11	42,8	11	32,6
15	24	186,4	24	139,9	21	135,0	24	97,1	22	134,4	23	70,4	24	51,1	23	25,0	24	42,2	25	32,7
16	23	185,9	23	143,3	17	135,9	24	97,8	21	135,7	25	70,0	25	50,9	25	24,1	25	43,1	25	32,2
17	17	185,9	17	137,7	17	136,3	17	96,7	16	135,4	16	73,4	16	52,1	17	24,7	17	43,9	16	33,3
18	10	187,1	10	141,3	8	138,6	9	98,9	10	136,8	9	73,2	9	51,8	8	25,3	13	45,2	13	33,7
19	16	188,0	16	142,8	12	136,3	16	98,6	12	136,3	16	72,9	16	52,4	16	25,7	16	42,6	17	33,4
20	39	182,6	38	146,0	20	133,0	40	98,3	35	135,8	40	71,3	39	52,2	39	24,6	36	43,6	38	33,4
21	21	184,2	21	142,8	18	135,7	21	96,2	20	134,8	20	69,6	21	49,9	20	24,2	21	42,9	21	32,7
22	25	184,4	25	142,8	19	132,5	27	98,2	24	133,3	22	68,4	21	48,5	23	24,4	21	42,6	19	32,8
23	18	183,8	18	146,4	10	134,1	18	96,6	16	137,0	16	70,8	16	51,4	16	25,4	16	42,4	17	32,9
24	12	185,0	12	144,5	8	133,3	12	97,5	10	136,4	11	71,8	11	52,4	12	25,4	12	42,3	11	34,5
25	23	183,9	23	138,4	20	134,6	22	97,0	19	131,6	22	70,3	20	52,3	19	23,4	20	41,8	21	34,0
26	6	186,7	7	139,9	1	133,0	6	95,7	6	131,8	7	69,4	7	51,0	6	24,5	6	42,7	6	32,8
27	11	182,3	11	139,8	7	133,1	11	101,3	9	132,4	9	65,2	9	49,3	9	24,8	9	43,2	9	32,9
28	15	184,4	15	140,7	11	135,4	16	96,3	15	133,7	16	68,9	16	53,2	15	25,0	16	42,5	16	35,0
29	11	184,1	10	144,8	4	136,8	10	99,9	10	137,5	9	70,7	9	51,3	9	25,6	10	41,5	10	33,4
30	8	187,3	7	140,3	5	134,2	5	94,2	2	131,0	3	69,3	4	51,3	6	24,7	6	42,5	6	33,2
31	23	185,5	24	140,2	13	132,0	23	98,8	13	133,7	19	72,4	18	51,8	17	25,4	17	42,5	18	33,3
32	9	181,7	8	139,2	2	129,0	6	93,5	3	130,3	6	69,3	6	49,7	6	24,4	5	40,6	6	32,4
33	51	186,1	49	139,6	35	136,1	50	96,7	43	133,5	42	71,5	40	50,8	41	24,8	44	40,8	46	33,1
34	50	185,6	49	141,0	40	134,7	49	97,3	42	133,5	48	71,4	47	50,8	44	24,9	46	40,6	45	32,7

Таблица 2. **Средние групповые краниометрические данные, используемые в исследовании (продолжение).**

№	1		8		17		9		45		48		55		54		51		52	
	n	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*
35	38	185,6	37	137,5	30	137,0	37	95,0	28	131,2	28	71,0	28	52,0	28	24,5	26	40,6	26	34,6
36	49	186,4	48	137,2	17	137,3	48	95,3	36	131,5	36	70,8	36	51,9	36	24,9	29	40,8	37	32,8
37	8	184,6	8	139,0	6	135,2	8	94,2	6	131,8	7	71,7	6	51,1	7	25,2	6	40,5	6	32,5
38	25	183,2	25	136,7	18	135,4	25	95,2	22	129,8	22	68,9	23	51,0	21	25,1	21	41,4	24	32,7
39	27	189,1	27	137,2	19	138,6	29	96,2	22	131,4	24	69,1	25	50,5	25	25,1	24	42,0	24	32,7
40	19	187,5	20	139,1	16	138,6	17	94,2	14	126,7	15	68,1	14	50,5	17	23,5	15	41,5	16	32,4
41	22	184,4	21	136,7	15	136,9	22	95,5	12	131,4	11	70,2	14	50,4	12	23,5	16	41,2	15	33,0
42	10	182,3	10	144,3	3	128,3	7	97,0	4	135,5	5	69,8	5	51,2	5	23,8	5	43,0	5	33,4
43	8	190,8	9	146,1	5	139,6	7	97,4	4	139,0	9	72,2	9	51,8	9	25,6	7	42,6	8	32,6
44	4	178,5	4	147,8	2	135,0	2	95,0	2	129,5	2	71,5	2	52,0	2	24,0	2	44,0	2	35,0
45	7	179,5	7	138,6	4	135,5	10	95,8	9	131,6	9	69,4	9	49,7	9	23,9	9	41,3	10	31,2
46	3	175,5	3	143,3	2	130,5	2	97,0	3	131,3	2	71,3	2	52,8	2	24,3	2	43,0	2	31,0
47	28	185,0	27	141,4	24	133,6	22	95,9	23	132,0	21	68,6	22	50,6	23	24,2	18	41,4	20	32,4
48	64	186,7	63	140,8	57	133,0	62	96,8	42	131,0	42	69,0	42	50,8	41	24,7	39	41,8	40	32,9
49	72	184,4	72	142,5	54	133,2	70	96,7	59	131,1	52	69,7	54	50,8	55	24,8	47	41,3	50	33,5
50	32	188,1	32	143,7	26	136,0	31	96,8	5	134,6	13	69,8	21	51,7	20	24,7	21	42,5	22	33,1
51	30	183,4	30	141,6	26	132,7	28	97,9	27	133,7	26	69,6	26	52,0	25	24,8	25	42,2	26	32,4
52	12	183,5	12	137,8	4	138,5	12	94,8	4	122,0	10	71,1	10	52,0	9	24,4	9	40,8	9	32,3
53	4	189,7	4	139,7	1	137,0	4	94,5	1	121,0	3	72,3	3	52,6	2	25,0	3	40,3	3	32,3
54	3	182,0	3	135,3	1	136,0	4	93,5	2	116,5	3	70,3	3	50,6	3	24,0	3	41,3	3	33,0
55	4	179,7	4	137,7	2	140,5	3	97,3	1	134,0	3	72,3	3	54,0	3	24,3	2	40,9	2	31,0
56	51	179,6	57	141,3	24	137,1	61	97,2	19	129,8	30	70,7	35	52,7	42	24,6	34	40,3	79	32,6
57	10	182,3	10	141,6	4	140,7	12	96,3	4	128,0	5	69,2	7	51,5	8	23,6	7	39,4	5	32,3
58	25	179,5	29	139,3	14	139,1	30	97,2	9	127,3	14	69,5	16	51,6	21	26,2	16	39,9	17	33,7
59	14	177,6	16	142,9	5	142,6	16	98,5	4	133,7	9	70,4	10	51,8	11	24,9	9	38,5	9	32,5
60	19	190,1	19	139,9	11	138,8	18	97,4	5	132,0	5	68,2	4	51,0	5	24,2	5	41,2	6	31,2
61	15	188,5	15	140,4	15	136,9	15	98,3	12	132,2	11	69,5	10	51,2	10	24,1	12	39,3	12	32,2
62	41	190,8	41	137,8	27	133,3	36	95,8	28	127,3	28	69,5	28	51,3	27	24,1	29	40,4	29	33,0
63	36	187,0	37	138,6	27	136,3	35	96,8	21	132,0	25	71,0	25	51,8	24	24,7	26	41,2	26	33,4
64	21	185,7	21	140,7	16	137,3	23	97,5	13	133,2	16	68,9	17	52,4	17	24,2	16	41,4	16	32,9
65	20	185,5	19	136,5	11	131,6	9	94,8	3	129,0	10	65,8	11	48,0	9	25,1	10	40,1	10	33,1
66	15	188,1	16	135,0	13	140,0	14	93,1	11	124,2	12	67,2	12	49,6	12	26,2	11	39,6	11	31,5

Таблица 2. **Средние групповые краниометрические данные, используемые в исследовании (окончание).**

№	77		zm		SS:SC		75(1)		№	77		zm		SS:SC		75(1)	
	n	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*		*n*	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*	*n*	*X*
1	2	137,5	6	124,6	3	43,3	2	36,5	**24**	12	138,5	11	130,6	8	52,1	9	30,9
2	8	139,3	5	125	7	58,4	6	35,3	**25**	16	140,9	15	126,2	9	48,4	8	27,9
3	10	134	8	125,8	13	43,2	10	25,2	**26**	6	141,2	5	122,8	6	52,6	5	35
4	11	136,3	14	126	13	50,8	7	36	**27**	9	141	7	132,2	4	45,1	5	29,2
5	12	135,8	11	122,9	12	56,6	12	30,1	**28**	15	139,6	13	127,3	9	46,1	10	29,8
6	24	140,1	22	125,4	23	52,9	22	29,2	**29**	10	140,5	7	128,2	6	46,9	6	26,2
7	18	139,4	17	124,8	18	56,3	16	31,9	**30**	5	141,6	2	127,5	6	42,9	–	–
8	5	136,4	2	122	5	60,8	2	31,1	**31**	13	139,6	13	127,5	14	48	9	32,6
9	16	139	14	124,6	16	52,7	12	32,4	**32**	6	139,5	5	124	5	49	5	29,2
10	16	137,1	16	120,9	15	50,5	14	34,6	**33**	41	137,2	25	124,8	35	49	19	30
11	13	139,9	10	124,9	14	55,1	3	29,7	**34**	42	138,7	44	126,9	35	49,41	31	31,8
12	11	137	6	123,7	13	65,3	7	34,1	**35**	23	136	21	125,4	21	53,7	14	30,7
13	13	140,2	12	125,1	13	54,7	11	31,8	**36**	26	135,4	24	125,2	24	53	17	31,2
14	10	139,2	10	129,9	11	49,4	10	31,4	**37**	7	131,4	4	125,8	4	59,2	2	37,5
15	24	137,8	22	128,2	22	57,3	22	31,4	**38**	24	137,1	22	125	12	49,5	9	26,9
16	24	140,5	23	129,1	24	55,8	23	31,9	**39**	21	137,9	19	126	6	56,5	15	32,4
17	17	139,3	17	126,2	16	73,4	16	31,6	**40**	16	138,4	14	124,7	12	48,9	10	25,6
18	8	138,4	8	128,4	8	62,8	8	28,9	**41**	16	137,6	7	126,9	7	45,4	2	25
19	15	139,5	16	129,4	14	54,4	14	31,6	**42**	3	132,4	3	125,6	3	50,1	4	32
20	37	141	37	130,4	31	58,8	26	30,2	**43**	6	139,3	5	127,2	6	50,3	5	28
21	21	140	20	132,2	16	56,2	16	34,2	**44**	2	143	2	123	1	43,2	2	28
22	27	144	21	131,4	17	50	17	27,9	**45**	10	141,5	7	125,2	8	57,7	6	31,3
23	17	140	16	130,4	14	52,6	13	30,9	**46**	2	139,1	2	125,6	3	48,1	2	35,4

Литература

Айбабин А.И. 1999. *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь: ДАР.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2017. *Крымские готы страны Дори (середина III — VII в.)*. Симферополь: Антиква.

Алексеев В.П. 1964. Краниологические типы средневекового населения Северного Кавказа. В: Нестурх М.Ф. (отв. ред.). *Современная антропология.* Москва: МГУ, 208—217 (Труды Московского Общества испытателей природы 14).

Алексеев В.П. 1974. *Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование)*. Москва: Наука.

Алексеев В.П., Гохман И.И. 1984. *Антропология азиатской части СССР*. Москва: Наука.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964. *Краниометрия. Методика антропологических исследований*. Москва: Наука.

Алемань А. 2003. *Аланы в древних и средневековых письменных источниках*. Москва: Менеджер.

Балабанова М.А. 2000. *Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья*. Москва: Наука.

Балабанова М.А. 2003. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным. *НАВ* 6, 66—88.

Балабанова М.А. 2010. К вопросу о происхождении раннесредневекового населения юга Восточной Европы и участие в его этногенезе сарматских групп. *Вестник ВолГУ*. Серия 4. *История* 2 (18), 5—16.

Батиева Е.Ф. 2001. Новые данные по антропологии танаисского некрополя. В: Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. *Некрополь Танаиса. Раскопки 1981—1995 гг.* Москва: Палеограф, 223—260.

Батиева Е.Ф. 2011. *Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. — IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование)*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.

Безуглов С.И. 1990. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии. *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г.* 9. Азов: Азовский краеведческий музей, 80—87.

Березина и др. 2012: Березина Н.Я., Бужилова А.П., Решетова И.К. 2012. Новые краниологические материалы к вопросу об антропологическом субстрате средневековых алан. *Вестник МГУ*. Серия XIII. *Антропология* 4, 18—36.

Великанова М.С. 1975. *Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья*. Москва: Наука.

Виноградов Ю.Г., Шестаков С.А. 2005. Laudatio Funebris из Пантикапея. *ВДИ* 2, 42—44.

Ворошилова О.М. 2018. О склепах Фанагории 1—5 вв. н.э. *Фанагория. Результаты археологических исследований*. Т. 7. *Материалы по археологии и истории Фанагории* 4, 56—76.

Герасимова М.М. 1986. Краниология могильника Мощевая Балка. *Археологические открытия на новостройках* 1, 204—213.

Герасимова М.М. 1994. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин. *Этнографическое обозрение* 3, 51—62.

Герасимова М.М. 2013. К вопросу о происхождении балкарцев и карачаевцев. *Вестник антропологии* 3 (25), 52—71.

Герасимова и др. 1987: Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. 1987. *Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы*. Москва: Наука.

Герасимова и др. 2009: Герасимова М.М., Суворова Н.А., Фризен С.Ю. 2009. Палеоантропологические материалы ранних алан с территории Северной Осетии — Алании. В: Габуев Т.А., Малашев В.Ю. *Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа*. Москва: Таус, 324—340 (МИАР 11).

Дебец Г.Ф. 1948. *Палеоантропология СССР*. Москва: АН СССР (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 4).

Єрмолін О.Л. 2005. Археологічні дослідження античного некрополя Джурга-Оба (Керч) в 2004 році. В: Тимошенко Л. (голов. ред.). *Дрогобицький краєзнавчий збірник* IX. Дрогобич: Коло, 128—156.

Зіневич Г.П. 1971. До антропології могильника біля с. Завітне в Криму. *Матеріали з антропології України* 5, 111—121.

Зиневич Г.П. 1973. *Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма*. Киев: Наукова думка.

Зинько Е.А. 2017. *Грунтовые склепы некрополя Пантикапея — Боспора (исследования 1996—2009 гг.)*. Симферополь; Керчь: ИП Литвиненко Е.А. (БИ. Supplementum 16).

Иванчик А.И. 2013. Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре. *ВДИ* 1 (284), 59—77.

Казарницкий А.А. 2016. Антропологическая экспертиза скелетных материалов из позднеантичного могильника Сувлу-Кая (Юго-Западный Крым). *КСИА* 243, 203—218.

Казарницкий А.А. 2017. Данные физической антропологии о формировании населения Северного Причерноморья в античное время. В: Иванчик А.И., Мордвинцева В.И. (ред.). *Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. — VII в. н.э.)*. Москва; Симферополь: ИП Зуева Т.В., 213—224.

Колосов В.П., Казарницкий А.А. 2019. Проблемы дифференциации местного и греческого погребального обряда на Боспоре. В: Савинов Д.Г. (отв. ред.). *Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах: материалы V международной научной конференции «Археологические источники и культурогенез»*. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 33—35.

Кондукторова Т.С. 1979. *Физический тип людей Нижнего Приднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казацкое)*. Москва: Наука.

Кондукторова Т.С., Ефимова С.Г. 2014. Краниологическая характеристика населения Беляуса. В: Дашевская О.Д. *Некрополь Беляуса*. Симферополь: Феникс, 94—99.

Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. 2015. *Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III—V вв. н.э*. Махачкала: МавраевЪ.

Малашев В.Ю., Фризен С.Ю. 2020. Краниологические материалы из могильников аланской культуры Северного Кавказа III — первой половины V в. н. э. *КСИА* 260, 459—481.

Малашев и др. 2015: Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. 2015. *Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III—V вв. н.э*. Махачкала: МавраевЪ.

Масленников А.А. 1990. *Население боспорского государства в первых веках н.э*. Москва: Наука.

Масленников А.А. 1997. *Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора*. Москва: ИА РАН.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. 1999. Хронология и типология катакомбных погребальных сооружений. В: Скрипкин А.С. (отв. ред.). *Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья*. Волгоград: ВолГУ, 172—212.

Назарова Т.А. 1986. Краніологічні матеріали із склепів некрополя Херсонеса. *Археологія* 54, 70—75.

Радочин В.Ю. 2002. Новые антропологические материалы из могильника у с. Лучистое. *МАИЭТ* IX, 119—134.

Радочин В.Ю. 2008. Антропологические материалы из могильника у с. Лучистое (раскопки 2003—2007 гг.) *МАИЭТ* XIV, 184—235.

Радочин В.Ю. 2011a. Краниологический материал из могильника Дружное. *МАИЭТ* XVII, 231—265.

Радочин В.Ю. 2011b. Некоторые итоги исследования антропологического материала из могильника Нейзац. В: Храпунов И.Н. (ред.). *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь: Доля, 153—173.

Радочин В.Ю. 2020. Анализ антропологического материала из могильника у с. Лучистое (по результатам раскопок 2015, 2018 гг.). *МАИЭТ* XXV, 224—243.

Рудич Т.А. 2000. Население черняховской культуры Среднего Поднепровья по данным антропологии. *Stratum plus* 4, 278—287.

Рудич Т.А. 2004. Антропологічний склад населення черняхівськойі культури Західної України. *Археологія* 3, 37—48.

Рудич Т.А. 2010. Населения черняховской культуры Дунайско-Днестровского междуречья по материалам антропологии. *Stratum plus* 4, 223—231.

Сапрыкин С.Ю. 2005. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II в. н.э. *ВДИ* 2, 45—81.

Сапрыкин С.Ю., Парфенов В.Н. 2012. ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод? *ВДИ* 1 (280), 163—182.

Соколова К.Ф. 1963. Антропологічні матеріали могильників Інкерманської долини. В: Брайчевська А.Т. (видп. ред.). *Археологічні пам'ятки УРСР* XIII. Київ: АН УРСР, 124—159.

Строков А.А. 2019. Склепы Боспора и камерные гробницы Восточного Средиземноморья в эпоху поздней античности. В: Костромичев Д.А. (ред.-сост.). *Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки*. Севастополь: Херсонес Таврический, 244—248.

Ступко и др. 2020: Ступко М.В., Туровский Е.Я., Филиппенко А.А. 2020. Участок христианского некрополя IV—V вв. вблизи храма Богородицы Влахернской в Карантинной балке (исследования 2006—2007 гг.). *ХСб.* 21, 47—107.

Фризен С.Ю. 2015. Палеоантропологические материалы из Паласа-сыртского могильника. В: Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. *Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III—V вв. н.э*. Махачкала: МавраевЪ, 174—184.

Фризен С.Ю., Кадзаева З.П. 2016. Краниологические материалы аланской культуры эпохи раннего средневековья из Садонского могильника (Респ. Сев. Осетия — Алания). *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»* 16, 125—139.

Храпунов И.Н. 2018. Склепы с короткими дромосами в Крыму и на Северном Кавказе. В: Храпунов И.Н. (отв. ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* IV. Симферополь: ИП Бровко А.А., 133—145.

Храпунов И.Н. 2019. Сарматы в Крыму по данным археологии. В: Храпунов И.Н. (отв. ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* V. *Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматского археологии и истории». Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД»*, 314—320.

Чореф М.М. 2019. К истории Второй Боспорской войны. *Stratum plus* 4, 75—98.

Чореф М.М. 2021. Бронзы Савромата II с сидящей на троне Афродитой на реверсе как источник исторической информации. *МАИАСП* 13, 882—902.

Avni G., Greenhut Z. 1996. Architecture, Burial Customs and Chronology. In: Avni G., Greenhut Z. (eds.). *Israel Antiquities Authority Reports.* 1. *The Akeldama Tombs. The burial caves in the Kidron valley*. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 1—39.

Bowersock G.W., Jones C.P. 2006. A New Inscription from Panticapeum. *ZPE* 156, 117—128.

Ermolin A. 2012. Džurga-Oba — a cemetery of the Great Migration period in the Cimmerian Bosporus. Ivaniśević V., Kazanski M. (eds.). *The Pontic-Danubian realm in the period of the Great Migration*. Paris; Beograd: Collège de France; CNRS, 339—348.

De Jong L. 2014. Die Nekropolen von Baalbek. In: van Ess M., Rheidt K. (Hrsg.). *Baalbek — Heliopolis. 10 000 Jahre Stadtgeschichte*. Darmstadt: Philipp von Zabern, 47—51.

Lufrani R. 2019. An Early Hellenistic Necropolis rediscovered? The Case of the Saint-Etienne Compound Hypogea and the "Northern Necropolis". In: Von Lau M., Schmidt K.M., Schumacher Th. (Hrsg.). *Sprachbilder und Bildsprache*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 517—534.

Montero Fenollós J.L., Al-Shbib Sh. 2008. *La necropolis bizantina de Tall as-Sin (Deir ez-Zor, Siria): memorias del Proyecto Arqueológico medio Éufrates Sirio*. Madrid: CSIC (Biblioteca del Próximo Oriente Antiguo 4).

Pavlichenko N., Fedoseev N. 2018. A New Inscription of Herakas, Son of Pontikos, ΑΡΧΕΡΜΗΝΕΥΣ ΑΛΑΝΩΝ. *Hyperboreus* 24 (2), 315—336.

Schwidetzky I. 1972. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie der Eisenzeit (letztes Jahrtausend v.u.Z.). *Homo* 23 (3), 245—272.

Schwidetzky I., Rösing F.W. 1975. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie der Römerzeit (0-500 u. Z.). *Homo* 26 (4), 193—220.

Steffensen J. 1953. The Physical Anthropology of the Vikings. *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland* 83 (1), 86—97.

Strokov A.A. 2021. Two-Chamber vaults of the Cimmerian Bosporus in the Migration period. In: Rácz Zs., Szenthe G. *Attila's Europe? Cultural transformation and strategies of success in the European Hun period*. Budapest: Hungarian National Museum, 131—158.

References

Aybabin, A.I. 1999. *Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma (Ethnic history of the Early Byzantine Crimea)*. Simferopol: DAR (in Russian).

Aybabin, A.I., Khayredinova, E.A. 2017. *Krymskie goty strany Dori (seredina III — VII v.) (Crimean Goths of the Dory country (middle of the 3rd — 7th centuries))*. Simferopol: Antikva (in Russian).

Alekseev, V.P. 1964. In: Nesturkh, M.F. (ed.). *Sovremennaya antropologiya (Modern Anthropology)*. Moscow: MGU, 208—217 (Proceedings of the Moscow Society of Naturalists 14) (in Russian).

Alekseev, V.P. 1974. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza (kraniologicheskoe issledovanie) (The origin of the peoples of the Caucasus (a craniological study))*. Moscow: Nauka (in Russian).

Alekseev, V.P., Gokhman, I.I. 1984. *Antropologiya aziatskoy chasti SSSR (Anthropology of the Asian part of the USSR)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Alekseev, V.P., Debets, G.F. 1964. *Kpaniometpiya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Craniometry. Methods of anthropological research)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Aleman', A. 2003. *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh (Alans in ancient and medieval written sources)*. Moscow: Menedzher (in Russian).

Balabanova, M.A. 2000. *Antropologiya drevnego naseleniya Yuzhnogo Priural'ya i Nizhnego Povolzh'ya (Anthropology of the ancient population of the Southern Urals and the Lower Volga region)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Balabanova, M.A. 2003. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 6, 66—88 (in Russian).

Balabanova, M.A. 2010. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4. Istoriya. (Bulletin of the Volgograd State University. Series 4. History)* 2 (18), 5—16 (in Russian).

Batieva, E.F. 2001. In: Arsen'eva, T.M., Bezuglov, S.I., Tolochko, I.V. *Nekropol' Tanaisa. Raskopki 1981—1995 gg. (Necropolis of Tanais. Excavations 1981—1995)*. Moscow: Paleograf, 223—260 (in Russian).

Batieva, E.F. 2011. *Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n.e. — IV v. n.e. (paleoantropologicheskoe issledovanie) (The population of the Lower Don in the 9th century BCE — 4th century CE (paleoanthropological study))*. Rostov-on-Don: YUNTS RAN (in Russian).

Bezuglov, S.I. 1990. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1989 g. (Historical and archaeological research in the city of Azov and on the Lower Don in 1989)*. 9. Azov: Azovskiy kraevedcheskiy muzey, 80—87 (in Russian).

Berezina i dr. 2012: Berezina, N.Ya., Buzhilova, A.P., Reshetova, I.K. 2012. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya XIII. Antropologiya (Bulletin of Moscow State University. Series XIII. Anthropology)* 4, 18—36 (in Russian).

Velikanova, M.S. 1975. *Paleoantropologiya Prut·sko-Dnestrovskogo mezhdurech'ya (Paleoanthropology of the Prut-Dniester interfluve)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Vinogradov, Yu.G., Shestakov, S.A. 2005. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 42—44 (in Russian).

Voroshilova, O.M. 2018. In *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy (Phanagoria. Results of archaeological research)*. Vol. 7. *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii (Materials on archaeology and history of Phanagoria)* 4, 56—76 (in Russian).

Gerasimova, M.M. 1986. In *Arkheologicheskie otkrytiya na novostroykakh (Archaeological discoveries in new buildings)* 1, 204—213 (in Russian).

Gerasimova, M.M. 1994. In *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)* 3, 51—62 (in Russian).

Gerasimova, M.M. 2013. In *Vestnik antropologii (Herald of Anthropology)* 3 (25), 52—71 (in Russian).

Gerasimova i dr. 1987: Gerasimova, M.M., Rud', N.M., Yablonskiy, L.T. 1987. *Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniya Vostochnoy Evropy (Anthropology of the ancient and medieval population of Eastern Europe)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Gerasimova i dr. 2009: Gerasimova, M.M., Suvorova, N.A., Frizen, S.Yu. 2009. In: Gabuev, T.A., Malashev, V.Yu. *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza (Monuments of the early Alans in the central regions of the North Caucasus)*. Moscow: Taus, 324—340 (Materials and research on the archaeology of Russia 11) (in Russian).

Debets, G.F. 1948. *Paleoantropologiya SSSR (Paleoanthropology of the USSR)*. Moscow: AN SSSR (Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Anthropology and Ethnography. New series. Vol. 4) (in Russian).

Iermolin, O.L. 2005. In: Timoshenko, L. (ed.). *Drogobitsk'kiy kraeznavchiy zbirnik (Drohobytsk local history collection)* IX. Drogobich: Kolo, 128—156 (in Ukrainian).

Zinevich, G.P. 1971. In *Materiali z antropologii Ukraini (Materials on Anthropology of Ukraine)* 5, 111—121 (in Ukrainian).

Zinevich, G.P. 1973. *Antropologicheskie materialy srednevekovykh mogil'nikov Yugo-Zapadnogo Kryma (Anthropological materials of medieval cemeteries of South-Western Crimea)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Zin'ko, E.A. 2017. *Gruntovye sklepy nekropolya Pantikapeya — Bospora (issledovaniya 1996—2009 gg.) (Soil tombs of the necropolis of Pantikapeia — Bosporus (research 1996—2009))*. Simferopol; Kerch: IP Litvinenko E.A. (Bosporan studies. Supplementum 16) (in Russian).

Ivantchik, A.I. 2013. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1 (284), 59—77 (in Russian).

Kazarnitskiy, A.A. 2016. In *Kratkie soobscheniya instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 243, 203—218 (in Russian).

Kazarnitskiy, A.A. 2017. In: Ivantchik, A.I., Mordvintseva, V.I. (ed.). *Krymskaya Skifiya v sisteme kul'turnykh svyazey mezhdu Vostokom i Zapadom (III v. do n.e. — VII v. n.e.) (Crimean Scythia in the system of cultural relations between East and West (3rd century BCE — 7th century CE))*. Moscow; Simferopol: IP Zueva T.V., 213—224 (in Russian).

Kolosov, V.P., Kazarnitskiy, A.A. 2019. In: Savinov, D.G. (ed.). *Greki i varvarckiy mir Severnogo Prichernomor'ya: kul'turnye traditsii v kontaktnykh zonakh: materialy V mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Arkheologicheskie istochniki i kul'turogenez" (Greeks and the Barbarian World of the Northern Black Sea Region: Cultural Traditions in the Contact Zones: Proceedings of the V International Scientific Conference "Archaeological Sources and Cultural Genesis")*. Saint Petersburg: Skifiya-print, 33—35 (in Russian).

Konduktorova, T.S. 1979. *Fizicheskiy tip lyudey Nizhnego Pridneprov'ya na rubezhe nashey ery (po materialam mogil'nika Nikolaevka-Kazatskoe) (The physical type of the people of the Lower Dnieper region at the turn of our era (based on the materials of the Nikolaevka-Kazatskoe burial ground))*. Moscow: Nauka (in Russian).

Konduktorova, T.S., Efimova, S.G. 2014. In: Dashevskaya, O.D. *Nekropol' Belyausa (Belyaus Necropolis)*. Simferopol: Feniks, 94—99 (in Russian).

Malashev i dr. 2015: Malashev, V.Yu., Gadjiev, M.S., Il'yukov, L.S. 2015. *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurganne mogil'niki Prikaspiyskogo Dagestana III—V vv. n.e. (The country of maskuts in the Western Caspian Sea. Mound graves of Caspian Dagestan 3rd — 5th centuries CE)*. Makhachkala: Mavraev.

Malashev, V.Yu., Frizen, S.Yu. 2020. In *Kratkie soobscheniya instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 260, 459—481 (in Russian).

Malashev, V.Yu., Gadjiev, M.S., Il'yukov, L.S. 2015. *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurganne mogil'niki Prikaspiyskogo Dagestana III—V vv. n.e. (The country of maskuts in the Western Caspian Sea. Mound graves of Caspian Dagestan 3rd — 5th centuries CE)*. Makhachkala: Mavraev (in Russian).

Maslennikov, A.A. 1990. *Naselenie bosporskogo gosudarstva v pervykh vekakh n.e. (The population of the Bosporan state in the first centuries CE)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Maslennikov, A.A. 1997. *Semeynye sklepy sel'skogo naseleniya pozdneantichnogo Bospora (Family crypts of the rural population of the late antique Bosporus)*. Moscow: IA RAN (in Russian).

Moshkova, M.G., Malashev, V.Yu. 1999. In: Skripkin, A.S. (ed.). *Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya (Archaeology of the Volga-Ural region in the early Iron Age and the Middle Ages)*. Volgograd: VolGU, 172 — 212 (in Russian).

Nazarova, T.A. 1986. In *Arkheologiya (Archaeology)* 54, 70—75 (in Ukrainian).

Radochin, V.Yu. 2002. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* IX, 119—134 (in Russian).

Radochin, V.Yu. 2008. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XIV, 184—235 (in Russian).

Radochin, V.Yu. 2011a. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XVII, 231—265 (in Russian).

Radochin, V.Yu. 2011b. In: Khrapunov, I.N. (ed.). *Issledovaniya mogil'nika Neyzats (Exploration of the Neyzats burial ground)*. Simferopol: Dolya, 153—173 (in Russian).

Radochin, V.Yu. 2020. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXV, 224—243 (in Russian).
Rudich, T.A. 2000. In *Stratum plus* 4, 278—287 (in Russian).
Rudich, T.A. 2004. In *Arkheologiya (Archaeology)* 3, 37—48 (in Ukrainian).
Rudich, T.A. 2010. In *Stratum plus* 4, 223—231 (in Russian).
Saprykin, S.Yu. 2005. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 45—81 (in Russian).
Saprykin, S.Yu., Parfenov, V.N. 2012. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1 (280), 163—182 (in Russian).
Sokolova, K.F. 1963. In: Braychevs'ka, A.T. (ed.). *Arkheologichni pam'yatki URSR (Archaeological monuments of the Ukrainian SSR) XIII*. Kyiv: AN URSR, 124—159 (in Ukrainian).
Strokov, A.A. 2019. In: Kostromichev, D.A. (ed.). *Antichne Relikvii Khersonesa: Otkrytiya, Nakhodki (Ancient Relics of Chersonesus: Discoveries, Finds)*. Sevastopol: Khersones Tavricheskiy, 244—248 (in Russian).
Stupko i dr. 2020: Stupko, M.V., Turovskiy, E.Ya., Filippenko, A.A. 2020. In *Chersonesskiy sbornik (Chersonese Collected Works)* 21, 47—107 (in Russian).
Frizen, S.Yu. 2015. In: Malashev, V.Yu., Gadjiev, M.S., Il'yukov, L.S. *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurganne mogil'niki Prikaspiyskogo Dagestana III—V vv. n.e. (The country of maskuts in the Western Caspian Sea. Mound graves of Caspian Dagestan 3rd — 5th centuries CE)*. Makhachkala: Mavraev, 174—184 (in Russian).
Frizen, S.Yu., Kadzaeva, Z.P. 2016. In *Izvestiya Irkut·skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya" (Bulletin of the Irkutsk State University. The series "Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology")* 16, 125—139 (in Russian).
Khrapunov, I.N. 2018. In: Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (Crimea in the Sarmatian era (2nd century BCE — 4th century CE))* IV. Simferopol: IP Brovko A.A., 133—145 (in Russian).
Khrapunov, I.N. 2019. In: Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (Crimea in the Sarmatian era (2nd century BCE — 4th century CE))* V. Materialy X Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Problemy sarmat·skogo arkheologii i istorii" *(Materials of the X International Scientific Conference "Problems of Sarmatian Archaeology and History")*. Simferopol: OOO "Firma "Salta" LTD", 314—320 (in Russian).
Choref, M.M. 2019. In *Stratum plus* 4, 75—98 (in Russian).
Choref, M.M. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 882—902 (in Russian).
Avni, G., Greenhut, Z. 1996. Architecture, Burial Customs and Chronology. In: Avni, G., Greenhut, Z. (eds.). *Israel Antiquities Authority Reports.* 1. *The Akeldama Tombs. The burial caves in the Kidron valley*. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 1—39.
Bowersock, G.W., Jones, C.P. 2006. A New Inscription from Panticapeum. *ZPE* 156, 117—128.
Ermolin, A. 2012. Džurga-Oba — a cemetery of the Great Migration period in the Cimmerian Bosporus. Ivaniśević, V., Kazanski, M. (eds.). *The Pontic-Danubian realm in the period of the Great Migration*. Paris; Beograd: Collège de France; CNRS, 339—348.
De Jong, L. 2014. Die Nekropolen von Baalbek. In: van Ess, M., Rheidt, K. (Hrsg.). *Baalbek — Heliopolis. 10 000 Jahre Stadtgeschichte*. Darmstadt: Philipp von Zabern, 47—51.
Lufrani, R. 2019. An Early Hellenistic Necropolis rediscovered? The Case of the Saint-Etienne Compound Hypogea and the "Northern Necropolis". In: Von Lau, M., Schmidt, K.M., Schumacher, Th. (Hrsg.). *Sprachbilder und Bildsprache*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 517—534.
Montero Fenollós, J.L., Al-Shbib, Sh. 2008. *La necropolis bizantina de Tall as-Sin (Deir ez-Zor, Siria): memorias del Proyecto Arqueológico medio Éufrates Sirio*. Madrid: CSIC (Biblioteca del Próximo Oriente Antiguo 4).
Pavlichenko, N., Fedoseev, N. 2018. A New Inscription of Herakas, Son of Pontikos, ΑΡΧΕΡΜΗΝΕΥΣ ΑΛΑΝΩΝ. *Hyperboreus* 24 (2), 315—336.
Schwidetzky, I. 1972. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie der Eisenzeit (letztes Jahrtausend v.u.Z.). *Homo* 23 (3), 245—272.
Schwidetzky, I., Rösing, F.W. 1975/ Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie der Römerzeit (0-500 u. Z.). *Homo* 26 (4), 193—220.
Steffensen, J. 1953. The Physical Anthropology of the Vikings. *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland* 83 (1), 86—97.
Strokov, A.A. 2021. Two-Chamber vaults of the Cimmerian Bosporus in the Migration period. In: Rácz, Zs., Szenthe, G. *Attila's Europe? Cultural transformation and strategies of success in the European Hun period*. Budapest: Hungarian National Museum, 131—158.

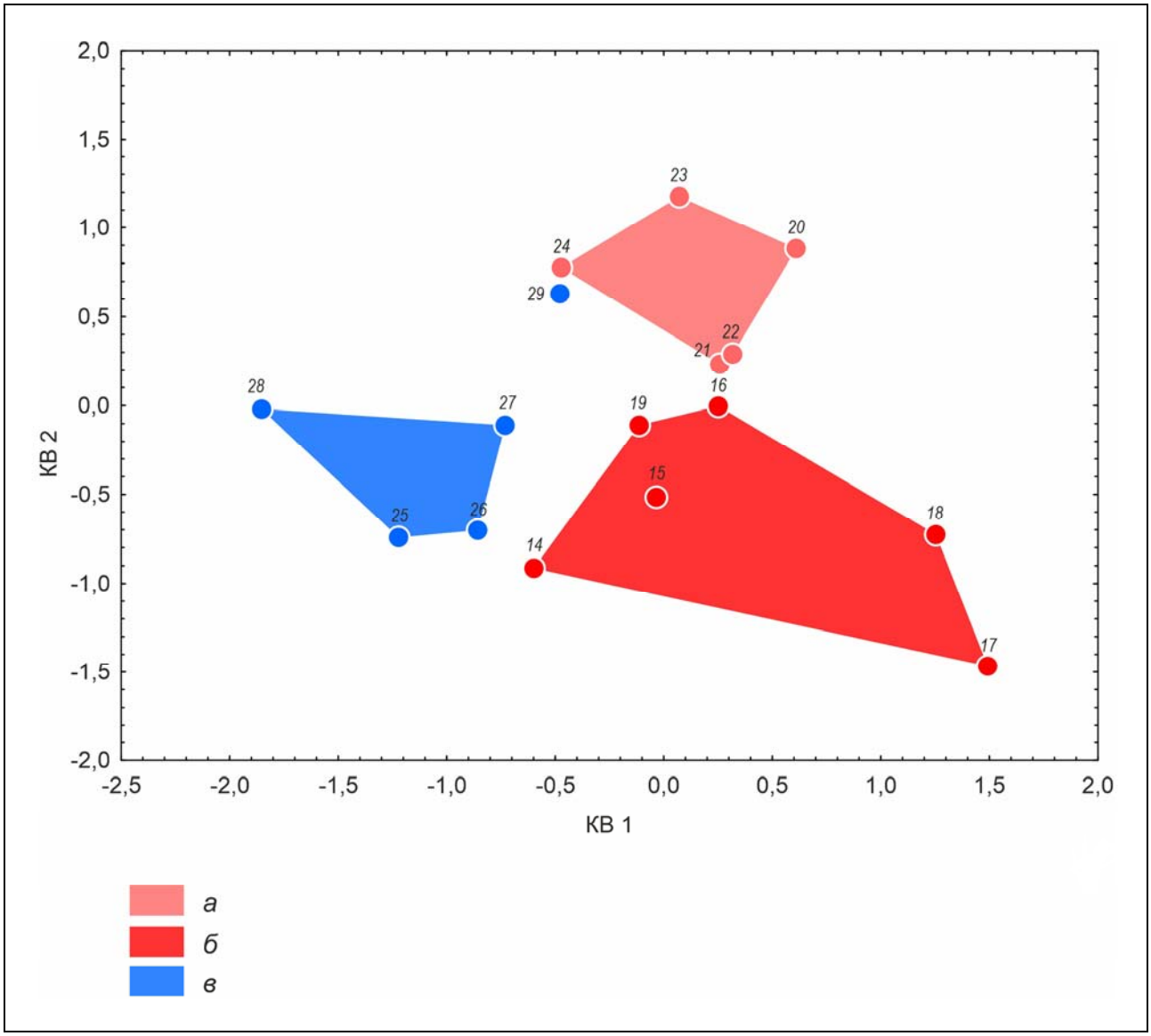


Рис. 1. Сравнение северо-причерноморских городских, средне- и позднесарматских серий: *а* — среднесарматская культура; *б* — позднесарматская культура; *в* — некрополи Фанагории, Гермонассы, Танаиса и Херсонеса. **Номера краниологических выборок здесь и далее см. в табл. 1.**

Fig. 1. Comparison of North-Black Sea urban, middle- and late-Sarmatian series: *a* — Middle-Sarmatian culture; *б* — Late Sarmatian culture; *в* — the necropolises of Phanagoria, Hermonassa, Tanais, and Chersonese. **Numbers of craniological samples here and further see in the Table. 1.**

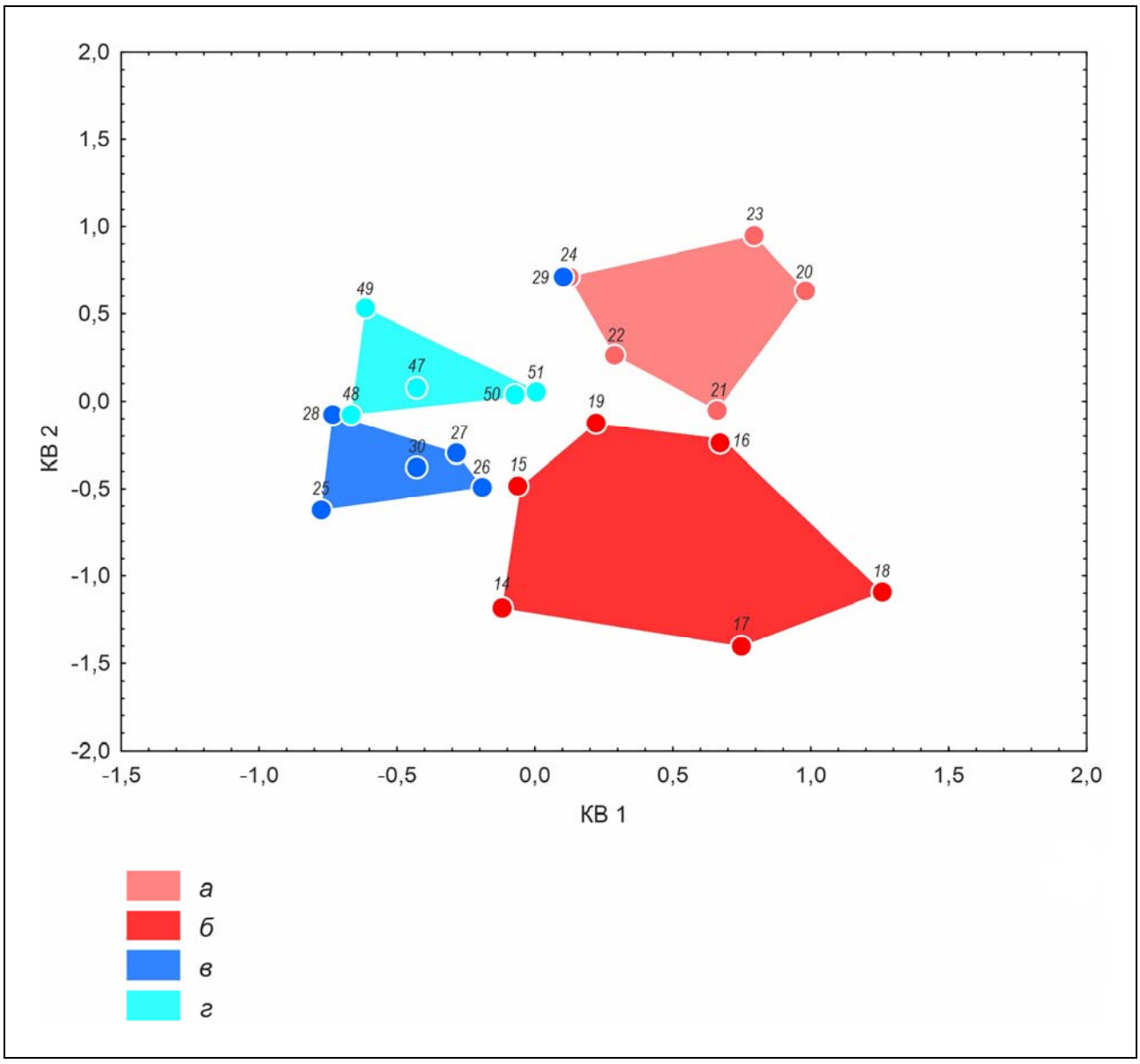


Рис. 2. Сравнение древнегреческих, северо-причерноморских городских, средне- и позднесарматских серий: *а* — среднесарматская культура; *б* — позднесарматская культура; *в* — некрополи Фанагории, Гермонассы, Танаиса и Херсонеса; *г* — ранний железный век, Древняя Греция.

Fig. 2. Comparison of Ancient Greek, North-Black Sea city, Middle and Late Sarmatian series: *а* — Middle Sarmatian culture; *б* — Late Sarmatian culture; *в* — the necropolises of Phanagoria, Hermonassa, Tanais, and Chersonese; *г* — Early Iron Age, Ancient Greece.

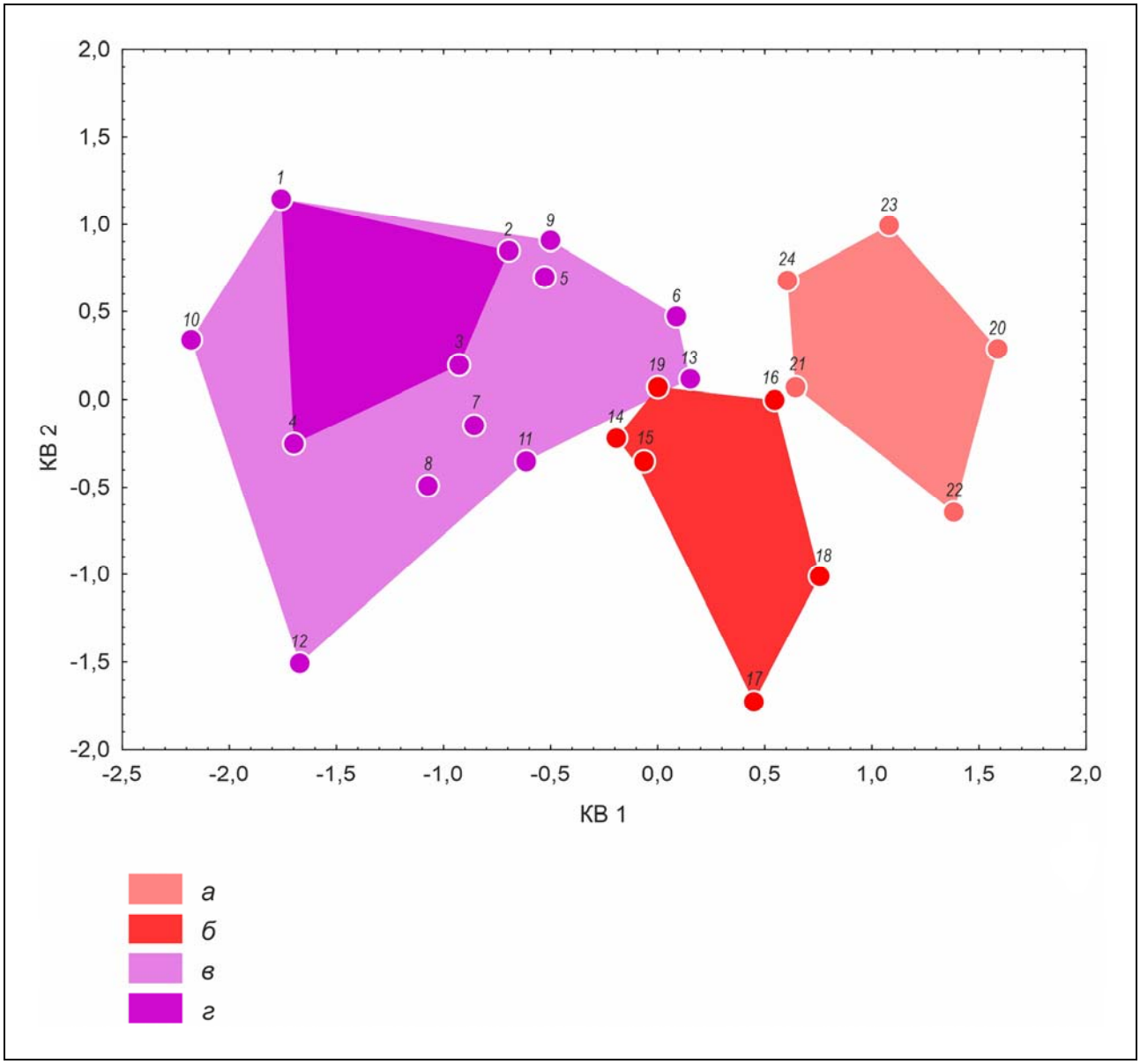


Рис. 3. Сравнение аланских и сарматских выборок: *а* — среднесарматская культура; *б* — позднесарматская культура; *в* — аланские памятники Северного Кавказа; *г* — ранние аланские памятники Дагестана, Северной Осетии и Чечни.

Fig. 3. Comparison of Alan and Sarmatian samples: *а* — Middle Sarmatian culture; *б* — Late Sarmatian culture; *в* — Alan monuments of the North Caucasus; *г* — early Alan monuments of Dagestan, North Ossetia, and Chechnya.

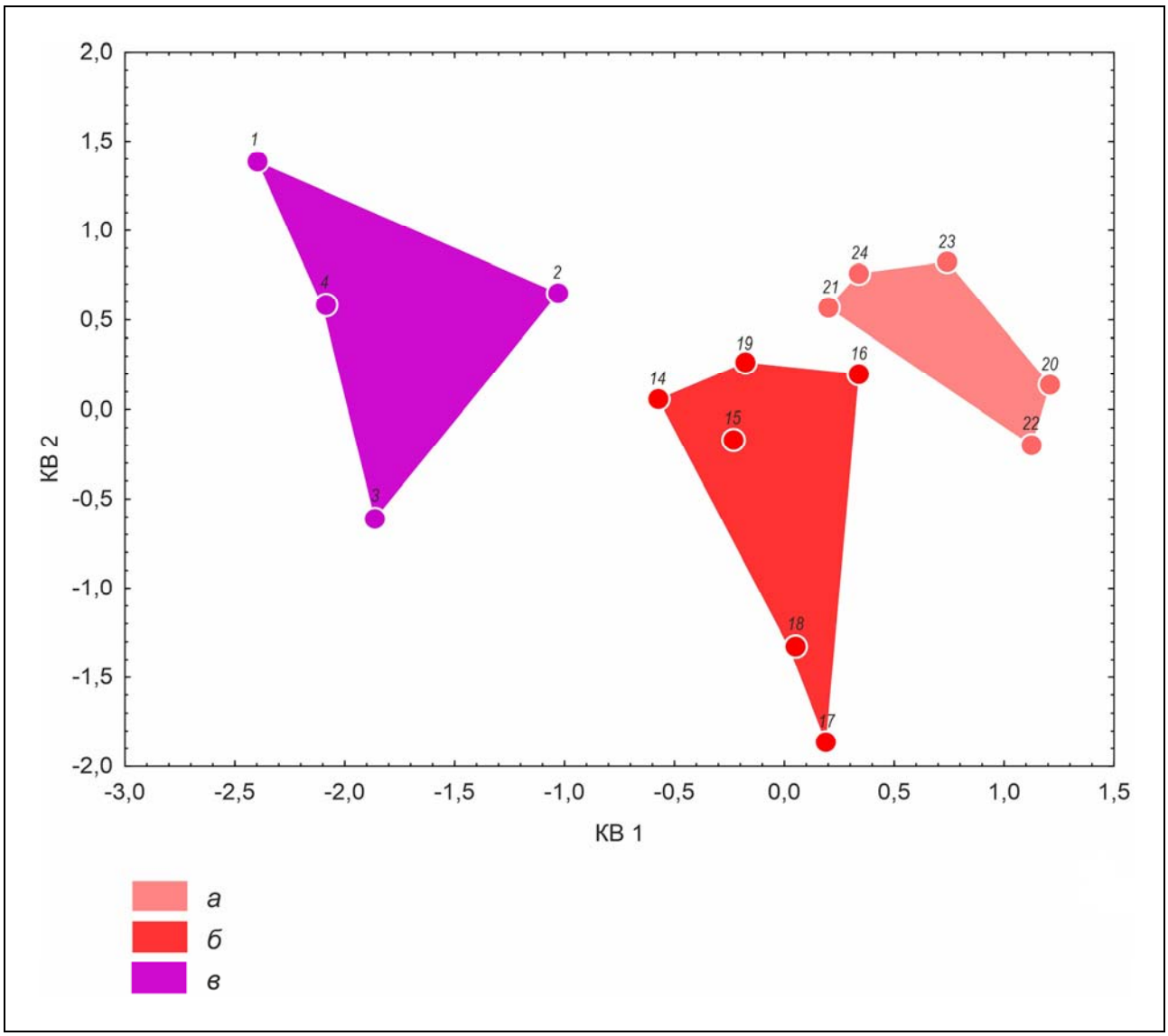


Рис. 4. Сравнение аланских и сарматских выборок (за исключением аланских памятников позже VIII в.): *а* — среднесарматская культура; *б* — позднесарматская культура; *в* — ранние аланские памятники Дагестана, Северной Осетии и Чечни.

Fig. 4. Comparison of Alan and Sarmatian samples (with the exception of Alan monuments later in the 8th century): *а* — Middle Sarmatian culture; *б* — Late Sarmatian culture; *в* — early Alan monuments of Dagestan, North Ossetia, and Chechnya.

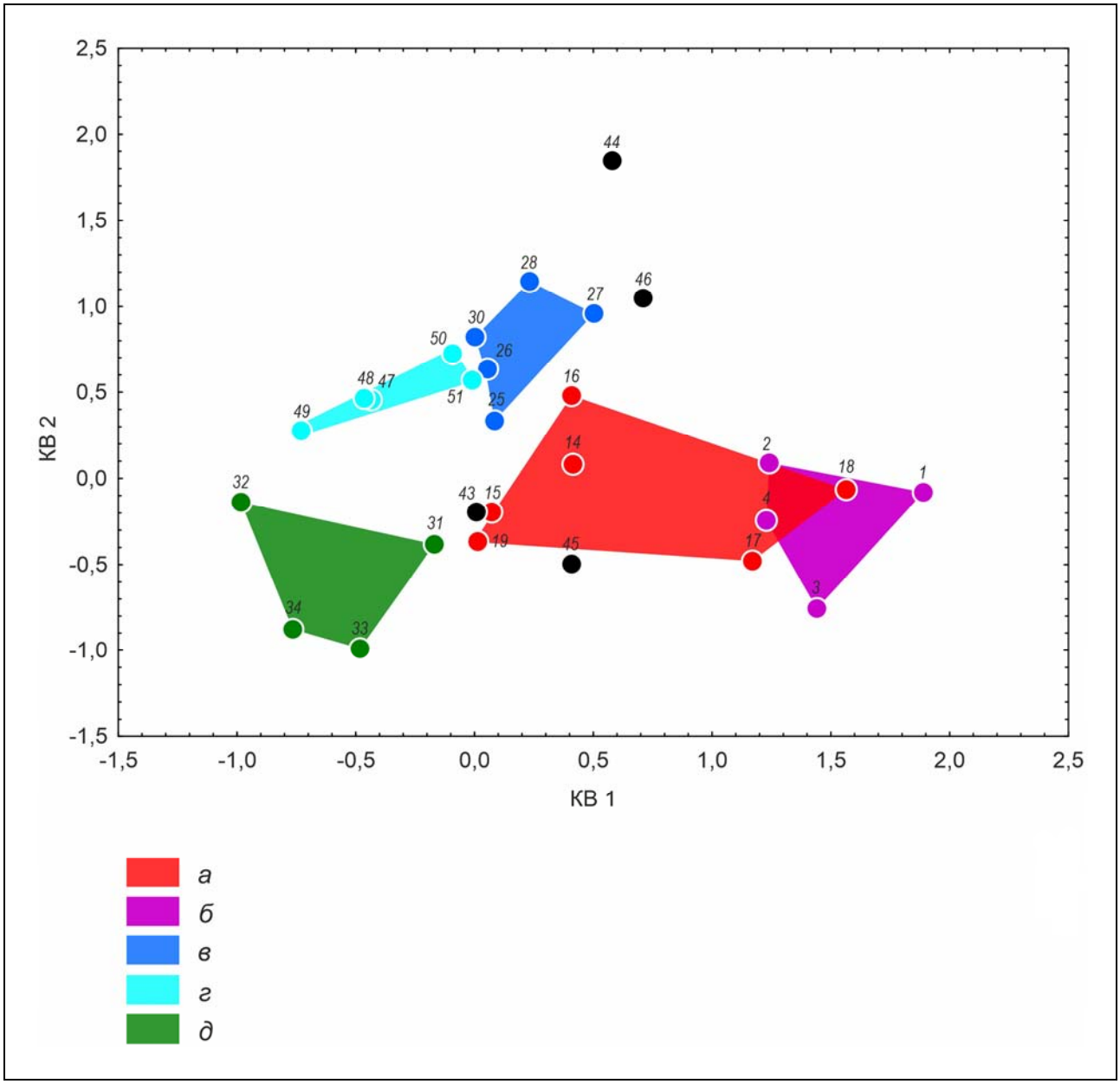


Рис. 5. Сравнение аланских, позднесарматских, скифских, древнегреческих и причерноморских городских групп с выборками III—V вв. из Крыма: *а* — позднесарматская культура; *б* — ранние аланские памятники Дагестана, Северной Осетии и Чечни; *в* — некрополи Фанагории, Гермонассы, Танаиса и Херсонеса; *г* — ранний железный век, Древняя Греция; *д* — поздняя скифская культура Крыма.

Fig. 5. Comparison of Alan, Late Sarmatian, Scythian, Ancient Greek, and Black Sea urban groups with samples of the 3rd — 5th centuries from Crimea: *а* — Late Sarmatian culture; *б* — early Alan monuments of Dagestan, North Ossetia and Chechnya; *в* — the necropolises of Phanagoria, Hermonassa, Tanais, and Chersonese; *г* — early Iron Age, Ancient Greece; *д* — Late Scythian culture of the Crimea.

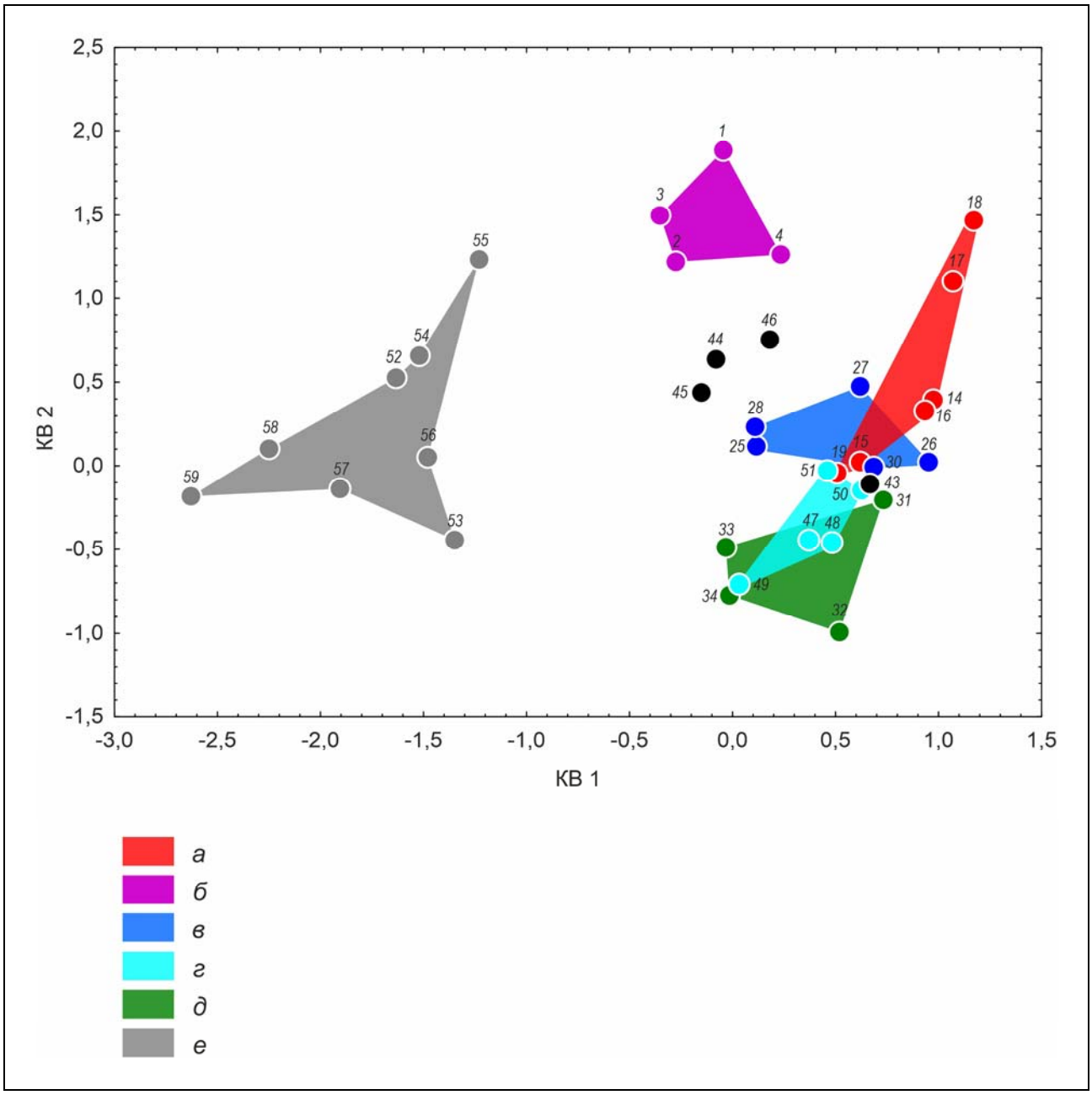


Рис. 6. Сравнение аланских, позднесарматских, скифских, древнегреческих и причерноморских городских групп с выборками III—V вв. из Крыма: *а* — позднесарматская культура; *б* — ранние аланские памятники Дагестана, Северной Осетии и Чечни; *в* — некрополи Фанагории, Гермонассы, Танаиса и Херсонеса; *г* — ранний железный век, Древняя Греция; *д* — поздняя скифская культура Крыма; *е* — могильники Дружное и Нейзац.

Fig. 6. Comparison of Alan, Late Sarmatian, Scythian, Ancient Greek, and Black Sea city groups with samples of the 3rd — 5th centuries from Crimea: *a* — Late Sarmatian culture; *б* — early Alan monuments of Dagestan, North Ossetia and Chechnya; *в* — the necropolises of Phanagoria, Hermonassa, Tanais, and Chersonese; *г* — Early Iron Age, Ancient Greece; *д* — Late Scythian culture of the Crimea; *е* — Druzhnoe and Neizats cemeteries.

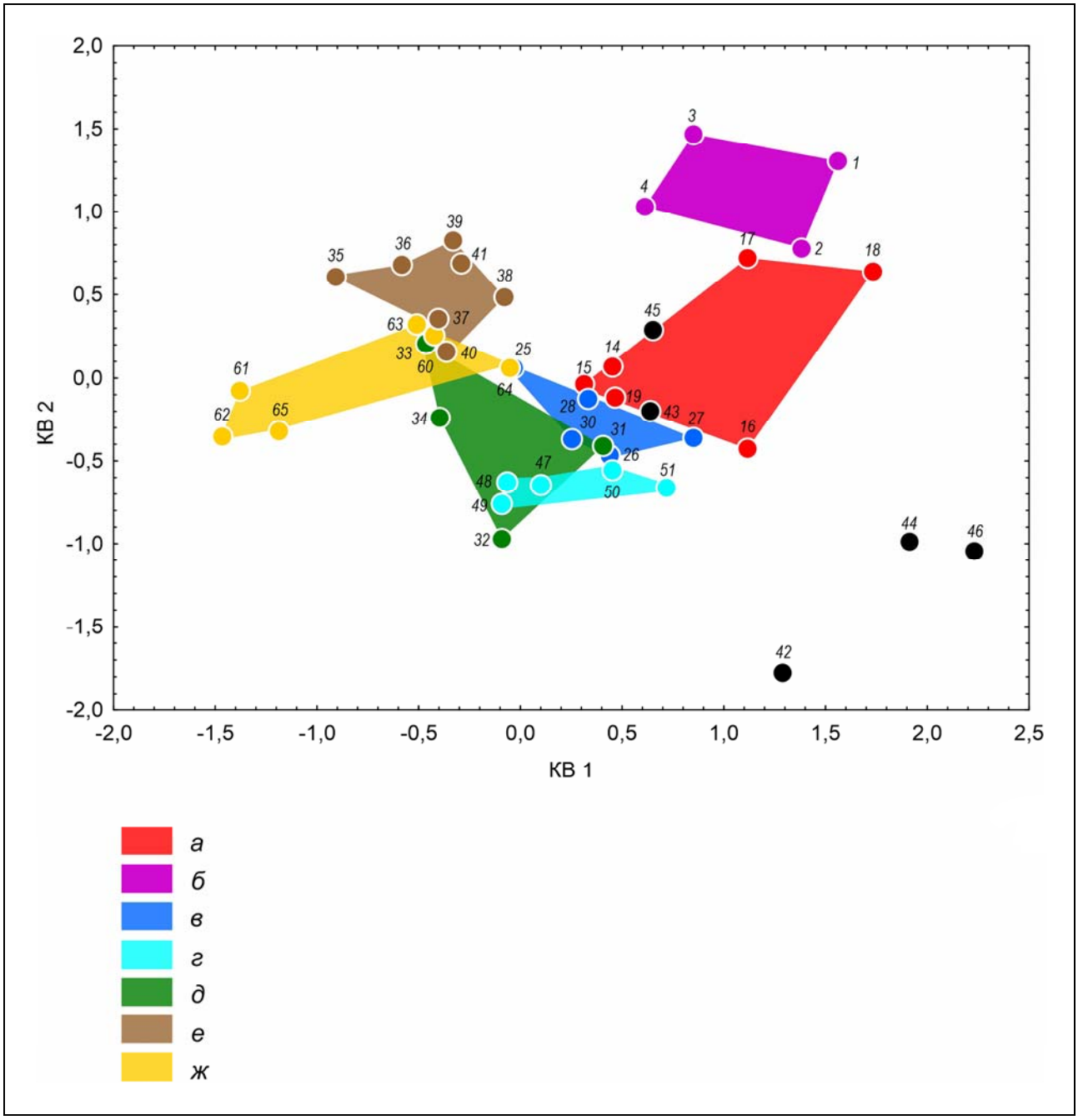


Рис. 7. Сравнение аланских, позднесарматских, скифских, причерноморских городских, древнегреческих, черняховских, германских и кизил-кобинской групп с выборками III—V вв. из Крыма: *а* — позднесарматская культура; *б* — ранние аланские памятники Дагестана, Северной Осетии и Чечни; *в* — некрополи Фанагории, Гермонассы, Танаиса и Херсонеса; *г* — ранний железный век, Древняя Греция; *д* — поздняя скифская культура Крыма; *е* — черняховская культура; *ж* — ранний железный век Северной и Центральной Европы.

Fig. 7. Comparison of Alan, late Sarmatian, Scythian, Black Sea city, ancient Greek, Chernyakhiv, Germanic, and Kyzyl-Kobyn groups with samples of the 3rd — 5th centuries from Crimea: *а* — Late Sarmatian culture; *б* — early Alan monuments of Dagestan, North Ossetia and Chechnya; *в* — the necropolises of Phanagoria, Hermonassa, Tanais, and Chersonese; *г* — Early Iron Age, Ancient Greece; *д* — Late Scythian culture of the Crimea; *е* — Chernyakhov culture; *ж* — Early Iron Age of Northern and Central Europe.

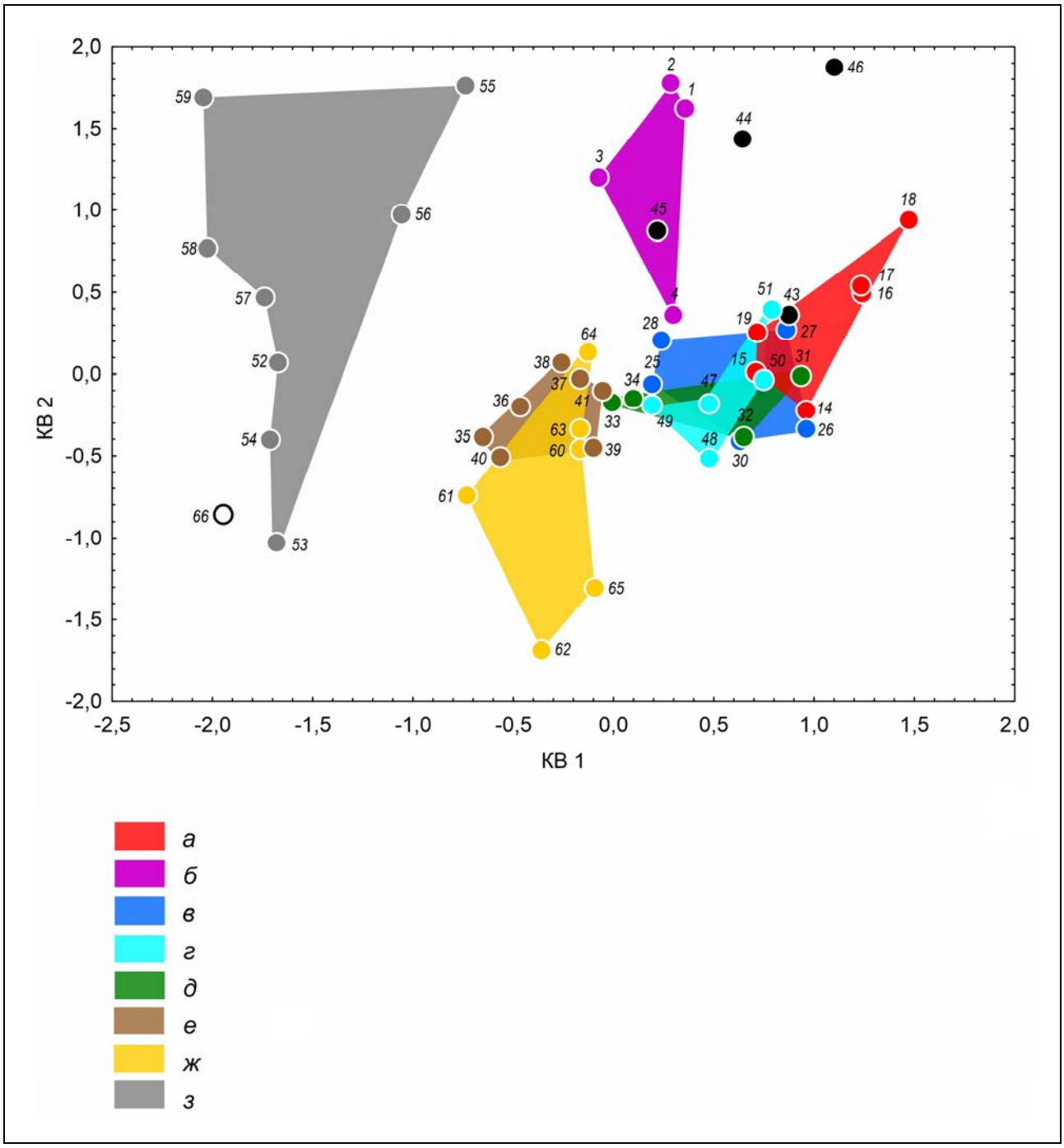


Рис. 8. Сравнение аланских, позднесарматских, скифских, причерноморских городских, древнегреческих, черняховских, германских и кизил-кобинской групп с выборками III—V вв. из Крыма: *а* — позднесарматская культура; *б* — ранние аланские памятники Дагестана, Северной Осетии и Чечни; *в* — некрополи Фанагории, Гермонассы, Танаиса и Херсонеса; *г* — ранний железный век, Древняя Греция; *д* — поздняя скифская культура Крыма; *е* — черняховская культура; *ж* — ранний железный век Северной и Центральной Европы; *з* — могильники Дружное и Нейзац.

Fig. 8. Comparison of the Alanian, late Sarmatian, Scythian, Black Sea city, ancient Greek, Chernyakhiv, Germanic, and Kyzyl-Kobyn groups with samples of the 3rd — 5th centuries from Crimea: *a* — Late Sarmatian culture; *б* — early Alan monuments of Dagestan, North Ossetia and Chechnya; *в* — the necropolises of Phanagoria, Hermonassa, Tanais, and Chersonese; *г* — Early Iron Age, Ancient Greece; *д* — Late Scythian culture of the Crimea; *е* — Chernyakhov culture; *ж* — the early Iron Age of Northern and Central Europe; *з* — Druzhnoe and Neizats cemeteries.

УДК 902/904, 902.6, 902.64, 903.5, 903.53, 903.25 (478)
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.38.58.007

А.А. Красноперов, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика

ПОГРЕБЕНИЕ ПОСТГУННСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕСТРА*

В работе впервые публикуются результаты раскопок кургана 6 группы «ДОТ», изученного в 2021 г. у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Под насыпью исследовано одно захоронение в подбое. Находки из погребения (железная и бронзовая пряжки, две бронзовых листовидных обоймы, лепное пряслице, фрагмент железного ножа, стеклянная бусина) позволяют отнести комплекс к раннесредневековым памятникам. Две листовидные обоймы являются элементам крепления обуви. Бронзовая пряжка с хоботковидным язычком, сильно выступающим за круглую рамку, позволяет относить появление подобных изделий к V в. Особенности обряда и состав инвентаря позволяют включить комплекс в состав группы Лихачёвка постгуннского времени. Интервалы калиброванных радиоуглеродных дат, полученных по костям человека и собаки, пересекаются (436—596 гг.) и совпадают с общей датировкой группы Лихачёвка — вторая половина V — первая половина VI в. Таким образом, публикуемое захоронение заполняет конкретным содержанием одно из «белых пятен» в археологии раннесредневековых номадов Восточной Европы.

Ключевые слова: Левобережье Нижнего Днестра, курган, погребение, группа Лихачёвка, вторая половина V — первая половина VI в.

Сведения об авторах: Красноперов Александр Анатольевич[1], кандидат исторических наук, Институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН); Тельнов Николай Петрович[2], кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; Лысенко Сергей Дмитриевич[3], кандидат исторических наук, Институт археологии Национальной Академии наук Украины; Разумов Сергей Николаевич[4], кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; Синика Виталий Степанович[5], кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко.

Контактная информация: [1]426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 104, Институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН); e-mail: alexander.kaa@mail.ru; [2,4,5]3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; e-mail: [2]telnov_nikolai@mail.ru; [4]razum_22@rambler.ru; [5]sinica80@mail.ru; [3]04210, Украина, г. Киев, пр-т героев Сталинграда, 12, Институт археологии Национальной Академии наук Украины; e-mail: suraganga@yandex.ru.

A.A. Krasnoperov, N.P. Telnov, S.D. Lysenko, S.N. Razumov, V.S. Sinika

POST-HUNNIC BURIAL ON THE LEFT BANK OF THE LOWER DNIESTER

The paper publishes for the first time the results of excavations of barrow 6 of the “DOT” group, which was studied near the Glinoe village, Slobodzeya district, on the left bank of the Lower Dniester in 2021. A single grave in the undercut was investigated under the mound. Finds from the burial (an iron and bronze buckle, two bronze leaf-shaped clips, a handmade whorl, a fragment of an iron knife, a glass bead) make it

* Статья поступила в номер 30 июня 2022 г.
Принята к печати 17 июля 2022 г.

© А.А. Красноперов, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика, 2022.

possible to attribute the grave to the early medieval sites. Two leaf-shaped clips are elements of fastening shoes. A bronze buckle with a proboscis-shaped tongue protruding strongly beyond the round frame allows us to attribute the appearance of such items to the 5th century. The features of the rite and the composition of the grave goods make it possible to include the burial in the Likhachevka group of the post-Hunnic time. The intervals of calibrated radiocarbon dates obtained from human and dog bones intersect (436—596) and coincide with the general dating of the Likhachevka group — the second half of the 5th — the first half of the 6th century. Thus, the published grave fills with concrete content one of the "blank spots" in the archaeology of early medieval nomads of the Eastern Europe.

Key words: Left bank on the Lower Dniester Region, barrow, grave, Likhachevka group, the second half of the 5th — the first half of the 6th century.

About the authors: Krasnoperov Alexandr Anatolievich[1], PhD (History), Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS; Telnov Nicolai Petrovich[2], PhD (History), Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko; Lysenko Sergey Dmitrievich[3], PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; Razumov Sergey Nikolaevich[4], PhD (History), Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko; Sinika Vitalij Stepanovich[5], PhD (History), Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko.

Contact information: [1]426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov st., 4, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS; e-mail: alexander.kaa@mail.ru; [2,4,5]3300, Moldova, Tiraspol, 25 Oktiabria St., 107, Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko; e-mail: [2]telnov_nikolai@mail.ru; [4]razum_22@rambler.ru; [5]sinica80@mail.ru; [3]04210, Ukraine, Kiev, Geroev Stalingrada Ave, 12, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; e-mail: suraganga@yandex.ru.

С 1995 г. по настоящее время Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко проводятся масштабные раскопки курганов в окрестностях с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. За последние девять лет (2013—2021 гг.) были исследованы 54 насыпи: 21 — в курганной группе «Водовод», 14 — в курганной группе «Сад», 7 — в курганной группе «ДОТ», 5 — в курганной группе «Сухая Балка», 3 — в курганной группе «Рыбхоз», по 2 — в курганных группах «Клин» и «Плавни». Всего было изучено 486 погребений, которые были совершены в интервале IV тыс. до н.э. — XVIII в. Помимо прочих, были изучены впущенные в насыпи курганов эпохи бронзы и раннего железа средневековые погребения: аварские (середины VI — VIII в.), венгерские (второй половины IX — первой половины X в.), печенежские (конца IX — первой половины XIII в.) и золотоордынского времени (второй половины XIII — XV в.). Однако наиболее ранним из средневековых захоронений оказался комплекс, исследованный в 2021 г. в кургане № 6 группы «ДОТ». Памятник находился в 1,912 км к северу—северо-востоку от северной оконечности с. Глиное, на водоразделе, расположенном на правом берегу р. Красная. В настоящей работе впервые публикуются и анализируются материалы, полученные в ходе его раскопок.

Описание комплекса

Курган 6 группы «ДОТ» копался параллельными траншеями с использованием техники. Была разбита одна бровка по линии север — юг длиной 10 м и шириной 0,6 м. Насыпь была полностью уничтожена глубокой распашкой (до 0,5 м). В кургане обнаружено одно погребение (рис. 1).

Погребение 1 (основное) обнаружено в 1,5 м к востоку от R_0, на глубине —0,64 м от R_0. Совершено в подбое (рис. 2: *1, 2*).

Входная яма подпрямоугольной формы шириной 0,7 м, длиной 2,1 м и глубиной —1,8 м от R_0 длинной осью была ориентирована по линии север—северо-восток — юг—юго-запад.

Под юго-западной стенкой входной ямы в заполнении на глубине —0,88 м от R_0 был обнаружен скелет собаки, лежавший на левом боку, позвоночник по линии север—юг (шейные позвонки на севере). Череп отсутствовал (рис. 2: *1*)[1]. Вероятно, обезглавленная собака была оставлена грабителями.

Погребальная камера трапециевидной в плане формы размерами 1,9—2,1 × 0,9 м и глубиной —2,25 м от R_0 была устроена к западу от входной ямы. Вдоль западной стенки камеры были зафиксированы остатки стоявшей на ребре плахи шириной до 0,3 м, возможно, от гробовища.

Погребение ограблено в древности. На дне входной ямы в южном углу были обнаружены череп, кости конечностей и таза, рёбра взрослого человека, сложенные там грабителями. Отдельные кости стоп были зафиксированы в южной части камеры. Возможно, первоначально погребённый был уложен вытянуто на спине головой на север.

Состав и расположение инвентаря. Среди костей человека у южного угла входной ямы были найдены фрагмент железного ножа (6) и стеклянная бусина (8). В придонном заполнении южной части камеры обнаружены две пряжки (2, 3), лепное пряслице (1), железная пластина (7) и две бронзовые листовидные обоймы (4, 5).

Описание находок

1. Пряслице лепное усечено-биконическое. Тесто с примесью шамота. Цвет светло-коричневый, чёрный. Поверхности заглаженные. Высота пряслица 25,5—27,3 мм, диаметр по ребру — 41 × 39 мм. Диаметры верхней и нижней плоскостей 29 × 28 мм и 30 × 29 мм. Диаметр отверстия 7,5 мм (рис. 2: *4*).

2. Бронзовая пряжка с рамкой округлой формы и с массивным бронзовым язычком. Сечение кольца овальное. Язычок подпрямоугольный в сечении, со скруглённой спинкой; на конце сечение овальное; сечение петли — сегментовидное. Диаметр пряжки 26,5 мм. Размеры сечения в центре до 5,5 × 5,8 мм, с боков — 4 × 5 мм; размеры сечения перекладины, к которой крепится язычок, 2 × 2,5 мм. Длина язычка 38 мм, высота по петле — 16 мм. Размеры сечения язычка до 10 × 8 мм, в месте изгиба — 6 × 5 мм. Диаметр петли 8 мм. Размеры сечения основания петли 3,4 × 2,7 мм, в нижней части — 3,6 × 2 мм (рис. 2: *7*).

3. Железная арочная пряжка с прямой перекладиной и с бронзовым язычком. На спинке язычка ближе к концу расположена продольная бороздка. Длина пряжки 17 мм, ширина — 18 мм, диаметр сечения — 3—4 мм. Длина язычка 20 мм, ширина — до 3,5 мм, толщина — до 2 мм. Диаметр петли около 7,5 мм. С двух сторон к пряжке прикипели фрагменты ткани (рис. 2: *8*).

4. Бронзовая листовидная обойма. Верхний край раскован в узкую пластину и петлевидно загнут внутрь. Изделие крепилось к основе при помощи одной заклёпки, расположенной в центре «листа». Нижний край петли в месте крепления заклёпки слегка расширяется. Внешние края «листа» волнисто зазубрены. Нижняя часть пластины украшена двумя группами из двух параллельных линий, образующих треугольник вершиной вниз. На верхней части «листа», ниже петли, расположены две насечки, также образующие треугольник вершиной вниз. Общая длина изделия 22,5 мм. Длина «листа» 17,5 мм, ширина — 15 мм. Толщина «листа» до 0,8 мм, в верхней части — до 1,7 мм. Ширина дужки 2,6 мм, в месте заклёпки — до 4,8 мм. Толщина дужки 0,7 мм. Ширина изгиба петли 5,5 мм. Длина заклёпки 4 мм. Диаметр заклёпки 2 мм, диаметр шляпки — 3 мм (рис. 2: *5*).

[1] Взрослый кобель высотой в холке около 47,2 см (диапазон 46,5—48,0 см) относится к группе собак средних размеров. Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской (Одесса, Украина).

5. Бронзовая подовальная обойма. Верхний край раскован в узкую пластину и петлевидно загнут внутрь. Изделие крепилось к основе при помощи одной заклёпки, расположенной в центре овала. Нижний край петли в месте крепления заклёпки слегка расширяется. Общая длина изделия 18,3 мм. Длина овала около 15 мм, ширина — 9,6 мм. Толщина овала до 1,3 мм, в верхней части — до 2 мм. Ширина дужки 3,6 мм, в месте заклёпки — до 4 мм. Толщина дужки до 1,7 мм. Ширина изгиба петли 7 мм. Длина заклёпки 4,4 мм. Диаметр заклёпки 2 мм, диаметр шляпки — 2,8 мм (рис. 3: *6*).

6. Фрагмент лезвия железного ножа. Лезвие клиновидное в сечении. С правой стороны к лезвию прикипело дерево от ножен (?). Длина фрагмента 44 мм, ширина — до 19 мм, толщина по спинке — до 7 мм (рис. 2: *9*).

7. Круглая железная пластина—накладка. В центре с одной стороны находится ступица с отверстием, в котором расположен фрагмент заклёпки. Края изделия с двух сторон выкрошены. Реконструируемый диаметр изделия около 50 мм. Толщина пластины 2—3 мм. Диаметр ступицы около 10 мм, высота над уровнем пластины — до 4,5 мм. Диаметр заклёпки около 3 мм (рис. 2: *10*).

8. Приплюснуто-сферическая бусина из белого непрозрачного стекла. Диаметр бусины около 4 мм, высота — около 3 мм. Диаметр отверстия около 0,7 мм. Бусина рассыпалась во время прорисовки (рис. 2: *3*).

Стратиграфия кургана

Курган 6 группы «ДОТ» был сооружён в один приём над единственным основным погребением (рис. 1). Насыпь полностью уничтожена плантажной распашкой. Первоначальный её диаметр, судя по пятну выделявшегося на фоне чернозёма более светлого грунта с примесью материкового суглинка, не превышал 8—10 м. Установить первоначальную высоту насыпи не представляется возможным.

Анализ данных и датировка комплекса

Материалы из кургана 6 группы «ДОТ» у с. Глиное при первом ознакомлении внешне весьма невыразительны. Погребальное сооружение представлено подбоем. Подобные конструкции (в различных вариациях) широко использовались носителями различных археологических культур бронзового и раннего железного века Северного Причерноморья, а также народами средневековья и Нового времени.

Некоторые сохранившиеся после ограбления находки (фрагмент лезвия железного ножа, лепное пряслице, стеклянная бусина, круглая железная пластина—накладка, железная арочная пряжка) не являются индикаторами культурной принадлежности погребения и не могут быть использованы для определения времени его совершения. Единственное, что необходимо отметить, что железные предметы исключают датировку комплекса бронзовым веком или предскифским временем.

Значительно более информативны с точки зрения культурно-хронологической атрибуции захоронения обнаруженные в нём бронзовые листовидная и подовальная накладки. Несомненно, это распределители обувных ремешков[2] (рис. 2: *5, 6*). Накладки этой группы (форма щитка изменчива (рис. 3: А: *9—17*; 4: Д: *1; 5:* В: *3, 4,* Г: *2, 3,* Е: *2,* Ж: *7*) известны в двух конструктивных сочетаниях: самостоятельные (как в комплексе Глиное/ДОТ 6/1), или соединенные кольцами по две—три штуки (рис. 4: А: *1, 4,* Б: *1,* В: *1,* Г: *2,* Д: *1*; 5: А: *2, 3, 8, 9, 14, 15*). Также похожие накладки использовались парами в качестве щитков пряжек (рис. 3: А:

[2] Историография подобных изделий ограничивается двумя публикациями: Э.А. Хайрединовой (2003), и критическим разбором А.В. Комара (2010).

1—8). По имеющимся (сохранившимся после разрушения/ограбления) находкам обувной набор должен соответствовать типу Комар-II-2[3], то есть состоять из основного и подпятного ремней, закреплённых с помощью подвижных обойм (Комар 2010: 108, рис. 3: *8*) (рис. 3: А: *18*; 4: Г: *4*). Причём, судя по имеющейся источниковой базе, хронология такого типа крепления обуви продолжительная (рис. 3: *Б—И*; 4; 5). Из приведенных А. В. Комаром степных и крымских комплексов (Комар 2010: рис. 3: *3*, 4, 9, 10; 8: *3, 6, 7*; 14: *28—30, 37*) по форме щитка накладок находкам из погребения Глиное/ДОТ 6/1 на левобережье Нижнего Днестра примерно соответствуют изделия из следующих комплексов постгуннского и раннегеральдического времени: Христофоровка, курган 7, погребение 12 (Комар 2010: рис. 14: *37*[4]*—54*) (рис. 3: *Д*) в Побужье; Лихачевка, курган 6 (Обломский 2004: рис. 2: *5, 6*) (рис. 5: *А*); Ново-Подкряж, курган 3, погребение 3 (Костенко 1979: табл. 9: *4*; 1986: табл. 20: *9, 10*) (рис. 5: *В*) в Поднепровье; Наташино, курган 17, погребение 1 (Баранов 1990: рис. 39[5]: *20, 21, 24*) (рис. 3: *Б*) в Крыму; Сивашовка, курган 3, погребение 2 (Комар, Кубышев, Орлов 2005: рис. 12: *19*; 13: *13*) (рис. 3: *Г*) в Приазовье; Авиловский I, курган 1 (Синицын 1954: рис. 3: *3*) (рис. 3: *Ж*), Зиновьевка (Рыков 1929; Комар 2010: рис. 8: *5—8*) (рис. 3: *Е*); Иловатка, курган 3, погребение 2, насыпь (Смирнов 1959: рис. 7: *9, 11*) (рис. 3: *З*) в Поволжье. Но также они обильно представлены на Кавказе в синхронных комплексах: Мокрая Балка, катакомба 37 (Афанасьев, Рунич 2001: рис. 55: *6, 7*) (рис. 5: *Г*), катакомба 107, погребение 1 (Афанасьев, Рунич 2001: рис. 119: *10*) (рис. 3: *И*), катакомба 119 (Афанасьев, Рунич 2001: рис. 137: *8*) (рис. 5: *Ж*); Кугульские восточные склепы, склеп 1 (Рунич 1979: рис. 9: *2—8*) (рис. 5: *Е*); Холмский I, курган 3, погребение 2 (Кондрашев, Пьянков, Хачатурова 2017: рис. 4: *3*); Абинский III, курган 2, погребение 14 (Кондрашев, Пьянков, Хачатурова 2017: рис. 5: *5*); Мачты (Луначарка-2, Аликоновский), катакомба 3, погребение 1 (1991); Острый Мыс-1, катакомба 3, погребение 1[6]. Большая часть из перечисленных найдены вместе с элементами геральдических гарнитур.

Более узко датировка комплекса на основании археологических данных определяется по большой пряжке (рис. 2: *7*).

Несмотря на полтора века изучения, такая изменчивая категория находок как пряжки даже в лучших работах долгое время описывалась суммарно (Амброз 1992: 12). К настоящему времени на уровне конкретных признаков хорошо изучены только пряжки сарматского времени (Малашев 2000). Очень важным следствием работы В.Ю. Малашева является вывод, что *вещи не эволюционируют целиком* — их признаки имеют самостоятельную динамику развития: меняется язычок; потом язычок долгое время остается постоянным, но изменяется форма щитка; затем, при сохранении язычка и щитка, меняется сечение рамки; затем снова изменяются форма щитка и одновременно язычок. Конкретное время появления имеет не «целая» вещь, а ее часть, и дату вещи определяет совокупность признаков (Малашев 2000: 209).

Пряжки более позднего времени изучены значительно хуже. Они описаны «в целом», часто не конкретно, со ссылками на рисунок или рисунки, или абстрактную совокупность

[3] У Э.А. Хайрединовой нет типологии непосредственно обуви, только типология пряжек из обувных наборов.

[4] В публикации памятника (Приходнюк, Фоменко 2006) обоймы такого типа нет; в ней же перепутаны подписи под рисунками 1 и 2.

[5] Качество рисунка позволяет сомневаться в атрибуции предмета (Баранов 1990: рис. 39: *7*) как браслета. Он может быть фрагментом стремени.

[6] Два последних не опубликованы. За возможность работать в архивах, библиотеках, доступ в фонды и содействие в работе с коллекциями, авторы благодарны И.О. Гавритухину, †Е.И. Оятевой, Е.А. Шаблавиной, Р.С. Минасяну.

пряжек[7]. Конкретные ссылки на датировки и их обоснования редки. Работа по выявлению значимых признаков только начата (Габуев, Хохлова 2012: 22—23; Малашев, Гаджиев, Ильюков 2015: 98—100). Самые общие признаки обозначены А. К. Амброзом, но не прямо, а в сопоставлении с пряжками IV в.: «Они развились из хоботковых пряжек IV в. Рамка утолщена спереди не так резко, как в IV в., но шип выступает вперед далеко за рамку. У мелких пряжек варьирует в основном обойма. Прямоугольные встречаются от квадрата до узкого вытянутого по оси пряжки прямоугольника. Круглые обычно имеют по сторонам три заклепки. Редки также треугольные щитки» (Амброз 1989: 31, 47; 1992: 1; Мастыкова 2009: 57—58).

Известные типологии пряжек оперируют «целыми» предметами и очень нечеткие. Так, типология А. И. Айбабина непоследовательна. Автор выделяет группу пряжек «с овальной или сегментовидной рамкой» (Айбабин 1990: 27), но уже через два варианта, на третьем, рамка оказывается круглой (Айбабин 1990: 28), хотя для круглых предусмотрен самостоятельный таксономический раздел (Айбабин 1990: 29). Особенности язычков практически не учтены, и из текста совершенно не ясно, по какой причине. Среди экземпляров VII—VIII вв. приведена пряжка I—II в. (Айбабин 1990: рис. 40: *22*).

В хронологии черняховской культуры Е.Л. Гороховского (1988) круглорамчатые пряжки не представлены, этот период еще только выявляется (Петраускас 2018: рис. 12: *13, 14*). Перечисленные хронологические схемы опираются на мнение Я. Тейрала (напр.: Айбабин 1990: 29; Амброз 1992: 49, 61, 71; Петраускас 2018: 24), который, в свою очередь, руководствуется общеисторическими основаниями: пряжки таких форм связаны с «гуннскими» комплексами и должны датироваться периодом гуннской активности, отмеченной в письменных источниках (Tejral 1973: 21). Немногочисленные монетные находки этого времени учитываются как дополнение (Tejral 1973: 14, 17, 18), в том числе из плохо документированных изъятий после грабительских раскопок керченских склепов с несколькими погребенными, которые к 1973 г. были опубликованы выборочно и тезисно (Tejral 1973: 15—16). В целом, археологическая хронология пост—сарматского времени полностью зависима от письменных источников (Комар 2000: 24, 33; 2013: 694—695) (основания хронологии по письменным источникам обобщены: Bona 1991; Harhoiu 1998). Расчёт на «горизонтальную аналитическую типологию» (Строков 2009: 304), традиционно сопровождаемый ссылками на А.В. Богачева (1990; 1992), не работает. В публикациях невозможно найти ответ на ключевой вопрос: отдельные элементы пряжек (формы щитков, язычков и др.) не важны по объективным причинам, или просто не учтены авторами? (Комар 2000: 46). Решить эту проблему в рамках данной публикации невозможно, однако текущее состояние изученности данной категории находок объективно ограничивает наши возможности датировать узко погребение Глиное/ДОТ 6/1.

В то же время нельзя не отметить, что к настоящему времени намечена динамика эволюции пряжек: вначале их рамки сравнительно тонкие, а язычки приостренные; в дальнейшем пряжки становятся массивными, обоймы начинают изготавливать из массивных пластин, массивными становятся и язычки (Ахмедов 2009: 146; Габуев, Хохлова 2012: 23—24). Наиболее заметный признак — форма язычка, который может быть «гладким», с площадкой (разной ширины), ступенькой и выступающей петлей, вертикально срезанным без выступающей петли (наш случай). По хронологии Я. Тейрала последний вариант встречается во всех периодах D (360/370 — 470/480 гг.), но в D2/D3 (430/440 — 470/480 гг.) — с зооморфными язычками, в D1 (360/370 — 400/410 гг.) — в сочетании с овальными рамками, и только в D2 (380/400 — 440/450 гг.) — с рамками круглой формы; но известен и позже.

[7] Отметим пресловутую ссылку на «керченские склепы», среди образцов из которых можно найти любые формы пряжек (Красноперов 2012: рис. 1: *В*).

Однако еще А.К. Амброз предупреждал, что «на Западе дата 453 г. имеет реальную основу. А на Восточную Европу распространять эту дату преждевременно: известно, что изгнанные гунны отступили к востоку, и степи столетиями оставались владением кочевников, среди которых сменялись главенствующие племена. Таким образом, дата битвы при Недао не может определять конца гуннских древностей в Восточной Европе, и те, кто механически переносят эту дату с Запада, делают это без всякого основания» (Амброз 1989: 30, 35, 44).

В нашем случае это означает, что обоснованно сузить дату погребения Глиное/Дот 6/1 на основании археологических данных в интервале V — начала VI в. мы, видимо, не сможем.

Ввиду неординарности захоронения, в начале 2022 г. в Киевской радиоуглеродной лаборатории было проведено датирование органических образцов.

Первая дата была получена по кости человека: Ki—20448; 1520±30 BP (рис. 6: *1*), калиброванные интервалы — 1σ — 542—596 гг., 2σ — 436—637 гг. (OxCal v4.4.4 Bronk Ramsey 2021; Reimer et al. 2020).

Вторая дата была получена по кости собаки: Ki—20449; 1550±40 BP (рис. 6: *2*), калиброванные интервалы — 1σ — 436—573 гг., 2σ — 426—596 гг. (OxCal v4.4.4 Bronk Ramsey 2021; Reimer et al. 2020).

Обе эти даты являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы практически совпадают на достаточных отрезках и по первой сигме (542—573 гг.), и по второй (436—596 гг.). При этом более ранняя дата, полученная по кости собаки, не вызывает удивления. В данном случае она, очевидно, стала следствием «эффекта резервуара» (Кузьмин 2017: 157—158), который чаще всего отмечается для животных, регулярно питающихся рыбой и морепродуктами[8].

Таким образом, наиболее вероятным временем совершения захоронения, судя по обоим калибровочным графикам, является интервал 530—570 гг. до н.э. или вторая треть VI в. до н.э. Однако, судя по археологическим данным, погребение было совершено в V в., поскольку характерных находок первой половины VI в. и более позднего времени, по нашему мнению, в нём нет. При этом вторая и третья четверть V в. до н.э. включается в калиброванные интервалы обеих радиоуглеродных дат.

Культурная атрибуция погребения

Исходя из хронологии, комплекс должен быть вписан в одну из групп памятников постгуннского времени[9] Восточной Европы. Проблема осложняется тем, что для этого периода мы располагаем сведениями письменных источников о многочисленности населения северочерноморских степей, но при этом констатируем почти полное отсутствие конкретных археологических памятников (Комар 2004: 172).

Чаще всего для характеристики периода «после гуннов» и до распространения геральдических гарнитур используется термин «шиповское время», однако эта группа (Амброз-II) не исчерпывает всего разнообразия погребальных обрядов и наборов инвентаря. В самих «шиповских» комплексах традиции гуннской культуры продолжают сохранятся (Обломский 2015: 294), но характеризуются новыми явлениями (Засецкая, Казанский 2007: 117). Другие, очевидно, отличаются по инвентарю и обряду, но до сих пор не систематизированы (из последних находок: Иванов, Кутуков 2019).

Часть комплексов на границе степи/лесостепи была выделена и описана

[8] Также дата по кости собаки указывает, что ограбление могилы было совершено, очевидно, соплеменниками, причём едва ли не сразу после захоронения.

[9] О специфике терминологии смотри работу А.М. Обломского (Обломский 2015: 294—295).

Е.Л. Гороховским (1988д: 93, 176—177, 316—318), И.О. Гавритухиным (2004) и А.М. Обломским (2004). А.В. Комар дал четкую характеристику ряда степных и крымских памятников, выделив горизонт Лихачевки (Комар 2004), синхронный горизонту Шипово[10]. Вначале к этому кругу были отнесены шесть комплексов: Старая Сарата, погребение 7 (Сергеев 1961: 131—133, рис. 6; табл. I: *18—24*) (рис. 5: *Д*) на левобережье Среднего Прута; Сахарная Головка в Крыму; Ново-Подкряж, курган 3, погребение 3 (рис. 5: *В*); Константиновград (рис. 5: *Б*); Лихачевка, курган 6, погребение 1 (рис. 5: *А*); Животинное, погребение 4 (последние четыре в Поднепровье)[11]. Он же проанализировал находки (в том числе редкие для этих погребений, но распространенные в других комплексах «шиповского» времени), и рассмотрел круг «смежных» памятников, прежде всего кавказских и Дюрсо (Комар 2004: 189—192).

С выделением группы не согласился только М.М. Казанский (2020: 92, прим. 2) в атрибуции комплексов из Бабичей, Животинного и Сахарной Головки[12]. Первый из указанных (Гавритухин 2004: рис. 3: *1*) он относит то к кочевникам (Казанский 2020: 96), то к пеньковской культуре (Казанский 2018: 93; 2020: 91, прим. 1). Обкладка седла позволяет пропустить это возражение, а кочевнические комплексы могут находиться глубоко в лесостепной/лесной зоне (Перещепина, Арцыбашево). Сложнее с Сахарной Головкой (Борисова 1959: 187—189, табл. II: *6—8*, рис. 11; Амброз 1989: рис. 39: *16—20*), в принадлежности которой горизонту Лихачёвки он отказывает на основании того, что комплекс был исследован в некрополе оседлого населения и не содержит вещей, характерных только для степняков (Казанский 2020: 91, прим. 1). Но кочевнические погребения в пределах могильников оседлого населения Крыма (Беляус, Усть-Альма) М.М. Казанскому известны (Нейзац). Хотя для основной группы Лихачевка не характерно наличие конской узды[13].

Важно замечание М.М. Казанского, что датировка именно постгуннским временем не обязательна (вещи появляются в более раннее, еще гуннское, время: Засецкая, Казанский 2007: 108, 110, прим. 10), а также отмеченная им общая динамика хронологии (Казанский 2020: 92).

Состав находок из кургана Лихачёвка 6 в разных изданиях различается. В публикации И.А. Зарецкого (рис. 5: *А: 13—25*) отсутствует ссылка на наконечник ремня (Зарецкий 1888: табл. II: *7*) (рис. 5: *А: 16*). В найденном А.М. Обломским отчете он упоминается в перечне находок из погребения (Обломский 2004), но в коллекции не сохранился, и потому нарисован не был. По И.А. Зарецкому в могиле находился сосуд (Зарецкий 1888: табл. I: *2*) (рис. 5: *А: 13*), но А.М. Обломским, судя по сломам, в фондах ГИМ был обнаружен сосуд (Зарецкий 1888: табл. I: *1*) (рис. 5: *А: 7*) из другого кургана. Не полностью убеждает и

[10] В силу сложности самого вопроса, система хронологии А.В. Комара раскрывается в разных самостоятельных работах. Общий перечень этапов с датами и опорными комплексами приведен в работе 2010 г. (Комар 2010).

[11] Позднее к списку добавилось Абганерово V, курган 1, погребение 1 (Комар 2013: 680), но никаких подробностей о нем нам не известно. По имеющимся данным (Дьяченко 2009: 11), на этом могильнике раскопан один курган с девятью погребениями, из которых шесть ранние, и три, по неизвестным причинам, несмотря на отсутствие инвентаря, отнесены к позднесарматскому времени.

[12] Интересно, что сам он к шиповскому времени относит комплекс Ясырев I, к.2/п. (Казанский 2020: прил. № 3.2, рис. 12). Кувшины/ойнохои такой формы известны в салтовских слоях (Майко 2020: рис. 67: *2*; 117), а пуговица—бубенчик вообще один из характерных признаков салтовского времени. При этом исследователь не включает в выборку шиповские пряжки из Дюрсо (Берлизов, Пьянков, Богачук 2015: 26—28, рис. 4), найденные в рассматриваемом им ареале, и лишь упоминает с Кавказа и из Уфы. Так же не убеждает поздняя, хоть и с оговорками, датировка Татарки/Каряжки (Казанский 2020: 106—107, прил. № 4.5, рис. 19: *6—15*).

[13] Очень смутные (Борисова 1959: 187) сведения о происхождении комплекса, отсутствие находок сбруи в других комплексах, параллели преимущественно на Кавказе, позволяют усомниться в оправданности отнесения комплекса Сахарная Головка (Комар 2008: рис. на стр. 193) к группе Лихачевка.

безоговорочное отнесение части предметов к скифскому времени (Гавритухин 2004: 209; Обломский 2004: 222). В коллекции их не было, псалий (рис. 5: *А: 25*) может быть скифским трехпетельчатым, но, учитывая коррозию, он изначально мог быть и Г-образным с многогранным окончанием. Отметим, что для могил рассматриваемого круга характерно двухуровневое расположение находок. Датировка пряжек и серег обоснована А.М. Обломским; наконечник (рис. 5: *А: 10, 16*) относится к группе наконечников с сечковидным расширением. Наиболее близкий экземпляр был обнаружен в Константиновграде (Гавритухин 2004: 211, рис. 3: *15—17*) (рис. 5: *Б: 3*), в погребении (если это погребение) того же горизонта второй половины V — первой половины VI в. Из кавказских памятников наиболее интересна катакомба 119 (рис. 5: *Ж*) могильника Мокрая Балка, где были найдены серьга (рис. 5: Ж: *1*) того же типа, что в Лихачевке (рис. 5: *А: 6, 19, 20*), плохо прорисованная пряжка, которая может относиться к V в. или к VI в., имитация (?) двупластинчатой фибулы (рис. 5: *Ж: 3*), тисненая серебряная позолоченная фольга (ленчик седла?) (рис. 5: *Ж: 4*), и неопределенные «два бронзовых предмета» (рис. 5: *Ж: 8*) — псалии с многогранниками и лопастью группы «понтийской» узды по И.Р. Ахмедову (1997а; 1997б: 262; 2001; 2005; 2009: 160)[14], датирующиеся второй половиной V — началом VI в. до н.э. Ложка—ситечко из этого комплекса (рис. 5: *Ж: 2*) относится к V в. (Мастыкова 2009: 88). Но и в этом случае уверенно сузить датировку только до второй половины столетия и исключить из хронологии весь V в. нельзя.

Кроме хронологии, существенное сходство комплексов внутри группы Лихачёвка заключается в погребальном обряде: подкурганные в узких ямах, ориентировка в северный сектор, наличие бытовых предметов (керамики, пряслиц (рис. 2: *4*; 5: *Д: 1*)). При этом, в отличие от «шиповской группы», традиции гуннской эпохи практически не прослеживаются (Комар 2004: 192).

Суммируя изложенное, следует отметить, что на основании археологических данных группу Лихачёвка можно датировать второй половиной V — первой половиной VI в. Этот отрезок времени полностью включается в интервал пересечения калиброванных радиоуглеродных дат (436—596 гг.) погребения Глиное/Дот 6/1 на левобережье Нижнего Днестра, которое отнесено к данной группе и датировано на основании круглорамчатой пряжки с массивным язычком V в. Важно, что в это время (не ранее второй трети столетия) подобные пряжки только начали использоваться, но период их бытования, как показывает радиоуглеродное датирование, охватывает и начало/первую половину VI в.

Заключительные положения

В 2021 г. на левобережье Нижнего Днестра у с. Глиное в кургане 6 группы «ДОТ» было исследовано раннесредневековое погребение. Оно, судя по сохранившимся находкам и радиоуглеродным датам, было совершено в постгуннское время и относится к горизонту Лихачевка, общая датировка, как представляется, определяется второй половиной V — первой половиной VI в.

В это время в степях Восточной Европы обитало население, которое исследователи связывают, как правило, с известными по письменным источникам кутригурами и болгарами (Комар 2004: 169—172; Казанский 2020: 117—119), но разнообразие обрядов и находок значительно шире. В настоящее время в нашем распоряжении находится слишком мало достоверно зафиксированных археологически и хотя бы относительно узко датированных

[14] Список и географию можно дополнить: Борисово (Саханев 1914: рис. 18), Заветное, покупка (Єрмолін 2006: рис. 29: *9, 10*), Новый Кумак III, курган 3, погребение 2 (Заседателева 1980) — самая восточная достоверная находка.

комплексов этого периода. В частности, в Северо-Западном Причерноморье, помимо комплекса Глиное/ДОТ 6/1 на левобережье Нижнего Днестра, ранее было изучено только одно упомянутое выше погребение 7 у с. Старая Сарата на левобережье Среднего Прута. Поэтому вопрос о культурной и, тем более, этнической принадлежности захоронений этого времени можно будет решать только при значительном увеличении источниковой базы.

Тем не менее, публикуемое погребение заполняет конкретным содержанием одно из «белых пятен» в археологии раннесредневековых номадов Восточной Европы.

Литература

Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. *МАИЭТ* I, 4—87.

Айбабин А.И. 1999. *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь: ДАР.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 1996. Новый комплекс с пальчатыми фибулами с некрополя у с. Лучистого. *МАИЭТ* V, 85—93.

Амброз А.К. 1989. *Хронология древностей Северного Кавказа*. Москва: Наука.

Амброз А.К. 1992. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей. *БС* 1, 6—108.

Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. 2001. *Некрополь Танаиса. Раскопки 1981—1995 гг.* Москва: Палеограф.

Атавин А.Г. 1996. Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья. В: Сташенков Д.А. (отв. ред.). *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* Самара: СОИКМ, 208—265.

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. 2001. *Мокрая балка.* Вып. 1. *Дневник раскопок*. Москва: Научный мир.

Ахмедов И.Р. 1997a. К истории раннесредневековой узды (горизонт Шипово-Сахарная Головка). В: Айбабин А.И. (ред.). *Международная конференция «Византия и Крым» (Севастополь, 6-11 июля 1997 г.): Тезисы докладов*. Симферополь: Крымское отделение института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины, 14—16.

Ахмедов И.Р. 1997b. Уздечный набор из могильника Заречье 4. В: Демиденко С.В., Журавлев Д.В. (ред.). *Древности Евразии*, 261—268.

Ахмедов И.Р. 2001. Псалии в начале эпохи Великого переселения народов. В: Сташенков Д.А. (отв. ред.). *Культуры Евразийских степей 2 половины I тыс. н.э. (из истории костюма)*. Т. 2. Самара: СОИКМ, 220—251.

Ахмедов И.Р. 2005. Конский убор из некрополей Цебельдинской долины (к истории сложения «понтийского» стиля узды в эпоху Великого переселения народов). *Труды ГИМ* 145. *II Городцовские чтения*, 240—253.

Ахмедов И.Р. 2007. Инвентарь мужских погребений. *РСМ* 9. *Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э.*, 137—185.

Ахмедов И.Р. 2009. Новые материалы к истории престижной узды Восточной Европы гуннского и постгуннского времени. В: Фурасьев А.Г. (науч. ред.). *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 152—166.

Баранов И.А. 1990. *Таврика в эпоху раннего средневековья*. Киев: Наукова Думка.

Берлизов Н.Е., Пьянков И.В., Богачук Е.О. 2015. Случайные находки эпохи раннего железа и средневековья из окрестностей г. Новороссийска. В: Схатум Р.Б., Улитин В.В. (ред.). *V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье*. Материалы международной археологической конференции. Краснодар: Вика-Принт, 24—37.

Богачев А.В. 1990. *Опыт эволюционно-типологической группировки раннесредневековых пряжек лесостепного Поволжья. Препринт*. Свердловск: УрО АН СССР.

Богачев А.В. 1992. *Процедурно-методические аспекты археологического датирования*. Самара: [б/и].

Борисова В.В. 1959. Могильник у высоты «Сахарная головка». *ХСб* V, 169—190.

Воронов Ю.Н. 2003. *Могилы Апсилов*. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН.

Габуев Т.А. 2014. *Аланские княжеские курганы V в. н.э. у с. Брут в Северной Осетии*. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гасиева.

Габуев Т.А., Хохлова О.С. 2012. Дробная датировка курганов могильника Брут 1 (Северная Осетия). *РА* (4), 16—25.

Гавритухин И.О. 2004. Днепровские ингумации второй половины V—VI вв. В: Горюнова В.М., Щеглова О.А. (отв. ред.). *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 208—220.

Гороховский Е.Л. 1988а. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины. В: Баран В.Д. (отв. ред.) *Труды V Междунар. конгресса археологов—славистов* 4. Киев: Наукова Думка, 34—46.

Гороховский Е.Л. 1988б. *Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья*. Дисс... канд. ист. наук. Научный архив Института археологии НАН Украины. Ф. 12. № 685.

Даскалов М. 2012. *Колани и коланни украси от VI—VII век (от днешна България и съседните земи)*. София: Крафт хаус.

Дьяченко А.Н. 2009. Абганерово. В: Скрипкин А.С. (ред.). *Археологическая энциклопедия Волгоградской области.* Волгоград: ВолГУ, 10—11.

Гросу В.И. 1990. *Хронология памятников сарматской культуры днестровско-прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца.

Єрмолін О.Л. 2006. Археологічні дослідження античного некрополя Джург-Оба (Керч) в 2005 році. *Дрогобицький краєзнавчий збірник* X, 11—44.

Зарецкий И.А. 1888. Заметка о древностях Харьковской губернии Богодуховскаго уезда слободы Лихачёвки. *Харьковский сборник* 2, 229—246.

Заседателева С.Н. 1980. *Отчет о работе археологической экспедиции краеведческого музея в 1980 г.* Орск. 1981. Архив Института археологии РАН. Р—1. № 8855.

Засецкая И.П., Казанский М.М. 2007. Морской Чулек и история понтийских степей в постгуннскую эпоху. В: Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. *Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 101—121.

Иванов А.А., Кутуков Д.В. 2019. Раннесредневековые погребения из раскопок поселения Балка Хреева-3 на Тамани. *ДБ* 24, 287—295.

Казанский М.М. 2018. Престижные находки и центры власти постгуннского времени в Поднепровье. *Stratum plus* (4), 83—118.

Казанский М.М. 2020. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V — середина VI в.) в Восточной Европе. *МАИЭТ* XXV, 90—167.

Комар А.В. 2000. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы. *Степи Европы в эпоху средневековья* 1, 19—54.

Комар А.В. 2004. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье. В: Куковальская Н.М. (отв. ред.) *ССб.*, 169—200.

Комар А.В. 2008. Кочевники Восточной Европы VI—IX вв. В: Досымбаева А.М. (ред.). *Тюркское наследие Евразии VI—VIII вв.* Астана: Kul Tegin, 191—216.

Комар А.В. 2010. Детали обуви восточноевропейских кочевников VI—VII вв. В: Пескова А.А., Щеглова О.А. (ред.). *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10—16 апреля 2006 г.). Санкт-Петербург: Нестор-История, 94—115.

Комар А.В. 2013. Кочевники восточноевропейских степей второй половины VI — первой половины VIII в. В: Досымбаева А., Жолдасбеков М. (ред.). *Западный Тюркский каганат. Атлас* Астана: Service Press, 671—737.

Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С. 2006. Погребения кочевников VI—VII вв. из Северо-Западного Приазовья. *Степи Европы в эпоху средневековья* 5, 245—374.

Кондрашев А.В., Пьянков А.В., Хачатурова Е.А. 2017. Одиночные раннесредневековые погребения в курганах Западного Закубанья. *Из истории культуры народов Северного Кавказа* 9, 64—73.

Костенко В.И. 1979. Сарматы в междуречье Орели и Самары. *Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н.э.* 3, 124—139.

Костенко В.И. 1986. *Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н.э. — IV в. н.э.* Днепропетровск: [б/и].

Красноперов А.А. 2012. Полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией в Прикамье («догуннский» стиль перегородчатых инкрустаций). В: Воронцова А.М., Гавритухин И.О. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов* 3. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 218—254.

Кузьмин Я.В. 2017. *Геоархеология: естественнонаучные методы в археологических исследованиях*. Томск: Томский государственный университет.

Майко В.В. 2020. *Сугдея в конце VII — первой половине X в.* Симферополь: Колорит.

Малашев В.Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени. В: Гугуев Ю.К. (отв. ред.). *Сарматы и их соседи на Дону*. Ростов-на-Дону: Гефест, 194—217 (МИАД 1).

Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. 2015. *Страна маскутов в западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III—V вв.* Махачкала: Мавраевъ.

Мастыкова А.В. 2009. *Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. н.э.* Москва: Институт археологии РАН.

Обломский А.М. 2006. Раннесредневековое трупоположение у с. Лихачевка Полтавской области. В: Горюнова В.М., Щеглова О.А. (отв. ред.). *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 221—227.

Обломский А.М. 2015. Гл. 14. Хронология верхнедонских памятников середины первого тысячелетия н.э. В: Обломский А.М. (ред.). *Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV — V вв.)*. Москва: ИА РАН, 291—295 (РСМ 16).

Орлов Р.С., Рассамакин Ю.Я. Новые памятники VI—VII вв. из Приазовья. В: Приходнюк О.М. (отв. ред.). *Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии*. Киев: Наукова думка, 102—116.

Петраускас О.В. 2018. Могильник та поселення черняхівської культури Велика Бугаївка в системі старожитностей середнього Подніпров'я. *Археологія* (2), 22—41.

Приходнюк О.М., Фоменко В.М. 2006. Ранньосередньовічні поховання кочовиків із с. Христофорівка Миколаївської області. *Музейні читання. Матеріали наукових конференцій 2002—2003 рр.* Київ: Музей історичних коштовностей України, 133—144.

Рунич А.П. 1979. Раннесредневековые склепы Пятигорья. *СА* (4), 232—247.

Рыков П.С. 1929. *Поздне-сарматское погребение в кургане близ с. Зиновьевки, Саратовской губ*. Саратов: [б/и].

Саханев В.В. 1914. Раскопки на северном Кавказе в 1911—12 годах. *ИИАК* 56, 40, 75—219.

Сергеев Г.П. 1961. Археологические исследования музея в 1958 г. *Труды [Государственного историко-краеведческого музея МССР]*. Вып. I. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 129—136.

Синицын И.В. 1954. Археологические памятники в низовьях реки Иловли. *Ученые записки Саратовского государственного университета* 39, 218—253.

Смирнов К.Ф. 1959. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. В: *Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции)*. Т. I, 206—322 (МИА 60).

Строков А.А. 2009. Ременные гарнитуры гуннской эпохи Азиатского Боспора. *БИ* XXI, 303—319.

Хайрединова Э.А. 2003. Обувные наборы V—VII вв. из Юго-Западного Крыма. *МАИЭТ* X, 125—160.

Belinskij A.B., Harke H. 2018. *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus). Excavations 1994—1996 in the Iron Age to early medieval cemetery.* Bonn: Habelt-Verlag.

Bona I. 1991. *Das Hunnenreich*. Budapest; Stuttgart: Theiss.

Harhoiu R. 1998. *Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien*. Bukarest: Editura Enciclopedica.

Reimer et al. 2020: Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0—55 cal kBP). *Radiocarbon* 62.

Tejral J. 1973. *Mähren im 5. Jahrhundert*. Praha: Academia.

References

Ajbabin, A.I. 1990. In *Materialy po arheologii, istorii, etnografii Tavrii (Materials on archaeology, history and ethnography of Tavria)* I, 4—87 (in Russian).

Ajbabin, A.I. 1999. *Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma (Ethnic history of the early Byzantine Crimea)*. Simferopol: DAR (in Russian).

Ajbabin, A.I., Chajredinova, E.A. 1996. In *Materialy po arheologii, istorii, etnografii Tavrii (Materials on archaeology, history and ethnography of Tavria)* V, 85—93 (in Russian).

Ambroz, A.K. 1989. *Khronologiya drevnostey Severnogo Kavkaza (Chronology of the antiquities of the North Caucasus)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Ambroz, A.K. 1992. In *Bosporskiy sbornik (Bosporan collection)* 1, 6—108 (in Russian).

Arsen'eva, T.M., Bezuglov, S.I., Tolochko, I.V. 2001. *Nekropol' Tanaisa. Raskopki 1981—1995 gg. (Necropolis of Tanais. Excavations of 1981 —1995)*. Moscow: Paleograf (in Russian).

Atavin, A.G. 1996. In: Stashenkov, D.A. (ed.). *Kul'tury Evraziyskih stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (Cultures of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium CE*. Vol. 2. Samara: SOIKM, 208—265 (in Russian).

Afanas'ev, G.E., Runich, A.P. 2001. *Mokraya balka*. Iss. 1. *Dnevnik raskopok (Excavation diary)*. Moscow: Nauchnyi mir (in Russian).

Ahmedov, I.R. 1997a. In: Ajbabin, A.I. (ed.). *Mezhdunarodnaya konferentsiya "Vizantiya i Krym" (Sevastopol, 6-11 iyulya 1997 g.): Tezisy dokladov (International conference "Byzantium and Crimea" (Sevastopol, July 6-11, 1997): Abstracts)*. Simferopol: Krymskoye otdeleniye instituta vostokovedeniya im. A.Ye. Krymskogo NAN Ukrainy, 14—16. (in Russian).

Ahmedov, I.R. 1997б. In Demidenko, S.V., Zhuravlev, D.V. (eds.). *Drevnosti Evrazii (Antiquities of Eurasia)*, 261—268 (in Russian).

Ahmedov, I.R. 2001. In: Stashenkov, D.A. (ed.). *Kul'tury Evraziyskih stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (Cultures of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium CE*. Vol. 2. Samara: SOIKM, 220—251 (in Russian).

Ahmedov, I.R. 2005. In *Trudy GIM (Proceedings of the State Historical Museum)* 145. *II Gorodcovskie chteniya (2nd Gorodtsov Readings)*, 240—253 (in Russian).

Ahmedov, I.R. 2007. In *Ranneslavjanskiy mir. Arheologiya slavyan i ih sosedey (Early Slavic world. Archaeology of the Slavs and their neighbors)* 9, 137—185 (in Russian).

Ahmedov, I.R. 2009. In: Furas'ev, A.G. (ed.). *Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoy i Dunaem (Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and the Danube)*. Saint Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 152—166 (in Russian).

Baranov, I.A. 1990. *Tavrika v epohu rannego srednevekov'ya (Taurica in the Early Middle Ages)*. Kiev: Naukova Dumka (in Russian).

Berlizov, N.E., P'yankov, I.V., Bogachuk, E.O. 2015. In: Shatum, R.B., Ulitin, V.V. (eds.). *V "Anfimovskie chteniya" po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Kul'turnye vzaimodeystviya narodov Zapadnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e (V "Anfimov Readings" on the archaeology of the Western Caucasus. Cultural interactions of the peoples of the Western Caucasus in antiquity and the Middle Ages)*. Krasnodar: Vika-Print, 24—37 (in Russian).

Bogachev, A.V. 1990. *Opyt evoljucionno-tipologicheskoy gruppirovki rannesrednevekovyh pryazhek lesostepnogo Povolzh'ya (Experience of evolutionary-typological grouping of early medieval buckles in the forest-steppe Volga region)*. Sverdlovsk: UrO AN SSSR (in Russian).

Bogachev, A.V. 1992. *Procedurno-metodicheskie aspekty arkheologicheskogo datirovaniya (Procedural and methodological aspects of archaeological dating)*. Samara: Preprint (in Russian).

Borisova, V.V. 1959. In *Khersonesskiy sbornik (Chersonesus collection)* V, 169—190 (in Russian).

Voronov, Yu.N. 2003. *Mogily Apsilov (Graves of the Apsils)*. Pushhino: ONTI PNC RAN (in Russian).

Gabuev, T.A. 2014. Alanskie knyazheskie kurgany V v. n.e. u s. Brut v Severnoy Osetii *(Alan princely barrowss of the 5th century CE at the village Brutus in North Ossetia)*. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoye predpriyatiye im. V.A. Gasiyeva (in Russian).

Gabuev, T.A., Khokhlova, O.S. 2012. In *Rossiyskaya Arkheologiya (Russian Archaeology)* 4, 16—25 (in Russian).

Gavrituhin, I.O. 2004. In Goryunova, V.M., Shheglova, O.A. (eds.) *Kul'turnye transformacii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na ishode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e (Cultural transformations and mutual influences in the Dnieper region at the end of the Roman time and in the early Middle Ages)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 208—220 (in Russian).

Gorohovskiy, E.L. 1988a. In: Baran, V.D. (ed.). *Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa arheologov—slavistov (Proceedings of the 5th International congress of archaeologists—slavists)* 4. Kiev: Naukova Dumka, 34—46 (in Russian).

Gorohovskiy, E.L. 1988б. Chronology of jewelry in the 1st half of the 1st millennium CE forest-steppe Dnieper and Southern Bug. PhD Thesis. Nauchnyi arkhiv Instituta arheologii NAN Ukrainy. F. 12. No.

685 (in Russian).

Daskalov, M. 2012. *Kolani i kolanni ukrasi ot VI—VII vek (ot dneshna Blgarija i sosednite zemi) (Belts and belt adornments from 6th —7th centuries (from today's Bulgaria and neighboring countries)*. Sofija: Kraft haus (in Bulgarian).

D'yachenko, A.N. 2009. In: Skripkin, A.S. (ed.). *Arkheologicheskaya enciklopediya Volgogradskoy oblasti (Archaeological encyclopedia of the Volgograd region)*. Volgograd: VolGU, 10—11 (in Russian).

Grosu, V.I. 1990. *Khronologiya pamyatnikov sarmatskoy kul'tury dnestrovsko-prutskogo mezhdurech'ya (Chronology of sites of the Sarmatian culture of the Dniester-Prut interfluve)*. Kishinev: Shtiinca (in Russian).

Iermolin, O.L. 2006. In *Drogobic'kiy kraeznavchiy zbirnik (Drohobych local history collection)* X, 11—44 (in Ukrainian).

Zareckiy, I.A. 1888. In *Khar'kovskiy sbornik (Kharkiv collection)* 2, 229—246 (in Russian).

Zasedateleva, S.N. 1980. *Otchet o rabote arkheologicheskoy ekspedicii kraevedcheskogo muzeya v 1980 g. Orsk, 1981. (Report on the work of the archaeological expedition of the local history museum in 1980. Orsk, 1981)*. Arhiv Instituta arheologii RAN. R—1. № 8855 (in Russian).

Zaseckaya, I.P., Kazanski, M.M. 2007. In: Zaseckaya, I.P., Kazansi, M.M., Ahmedov, I.R., Minasyan, R.S. *Morskoy Chulek. Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ih mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu epohu (Morskoy Chulek. Burials of the nobility from the Azov region and their place in the history of the tribes of the North Black Sea region in the post-Hun epoch)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 101—121 (in Russian).

Ivanov, A.A., Kutukov, D.V. 2019. In *Drevnosti Bospora (Bosporan antiquities)* 24, 287—295 (in Russian).

Kazanski, M.M. 2018. In *Stratum plus* 4, 83—118 (in Russian).

Kazanski, M.M. 2020. In *Materialy po arheologii, istorii, etnografii Tavrii (Materials on archaeology, history and ethnography of Tavria)* XXV, 90—167 (in Russian).

Komar, A.V. 2000. In *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya (Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages)* 1, 19—54 (in Russian).

Komar, A.V. 2004. In Kukoval'skaya, N.M. (ed.). *Sugdejskiy sbornik (Sugdey collection)*, 169—200 (in Russian).

Komar, A.V. 2008. In Dosymbaeva, A.M. (ed.). Tyurkskoe nasledie Evrazii VI—VIII vv. (Turkish heritage of Eurasia of the 6th —8th centuries). Astana: Kul Tegin, 191—216 (in Russian).

Komar, A.V. 2010. In Peskova, A.A., Shheglova, O.A. (eds.). *Slavyano-russkoe yuvelirnoe delo i ego istoki (Slavic-Russian jewelry and its origins)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 94—115 (in Russian).

Komar, A.V. 2013. In Dosymbaeva, A., Zholdasbekov, M. (eds.). *Zapadnyi Tyurkskiy kaganat. Atlas (Western Turkic Khaganate. Atlas)*. Astana: Service Press, 671—737 (in Russian).

Komar, A.V., Kuybyshev, A.I., Orlov, R.S. 2006. In *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya (Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages)* 5, 245—374 (in Russian).

Kondrashev, A.V., P'yankov, A.V., Khachaturova, E.A. 2017. In *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of culture of the peoples of the North Caucasus)* 9, 64—73 (in Russian).

Kostenko, V.I. 1979. In *Kurgannye drevnosti stepnogo Podneprov'ya III—I tysyacheletiya do n.e.. (Barrow antiquities of the steppe Dnieper region of the 3rd – 1st millennium BCE)* 3, 124—139 (in Russian).

Kostenko, V.I. 1986. *Sarmaty Samarsko-Orel'skogo mezhdurech'ya III v. do n.e. — IV v. n.e.(Sarmatians of the Samara-Orel interfluve of the 3rd century BCE – 4th century CE)*. Dnepropetrovsk: Preprint (in Russian).

Krasnoperov, A.A. 2012. In: Voroncova, A.M., Gavrituhin, I.O. (eds.). *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskih vlijaniy i velikogo pereseleniya narodov. Konferencia 3 (Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the epoch of Roman influences and the Great Migration of peoples. Conference 3)*. Tula: Gosudarstvennyi Muzey-zapovednik "Kulikovo pole", 218—254 (in Russian).

Kuz'min, Ya.V. 2017. *Geoarheologiya: estestvennonauchnye metody v arheologicheskih issledovaniyah (Geoarchaeology: Natural Science Methods in Archaeological Research)*. Tomsk: Tomskiy gosudarstvennyi universitet (in Russian).

Mayko, V.V. 2020. *Sugdeya v konce VII — 1 polovine X v. (Sugdea at the end of the 7th — first half of the 10th century)*. Simferopol: Kolorit (in Russian).

Malashev, V.Yu. 2000. In Guguev, Yu.K. (ed.). *Sarmaty i ih sosedi na Donu (Sarmatians and their neighbors on the Don.)*. Rostov-on-Don: Gefest, 194—217 (Materials and studies on the archaeology of the Don 1) (in Russian).

Malashev, V.Yu., Gadjiev, M.S., Il'jukov, L.S. 2015. *Strana maskutov v zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogil'niki Prikaspiyskogo Dagestana III—V vv. (The country of Muskuts in the western Caspian region.*

barrows of the Caspian Dagestan oif the 3rd — 5th centuries). Mahachkala: Mavraev (in Russian).

Mastykova, A.V. 2009. *Zhenskiy kostjum Central'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v konce IV — seredine VI v. n.e. (Women's costume of the Central and Western Ciscaucasia at the end of the 4th – the middle of the 6th century CE)*. Moscow: Institut arheologii RAN (in Russian).

Oblomskiy, A.M. 2006. In: Goryunova, V.M., Shheglova, O.A. (eds.). *Kul'turnye transformacii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na ishode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e (Cultural transformations and mutual influences in the Dnieper region at the end of the Roman time and in the early Middle Ages)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 221—227 (in Russian).

Oblomskiy, A.M. 2015. In: Oblomskiy, A.M. (ed.). *Ostraya Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskiy kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV — V vv.) (Sharp Bow of the Don in antiquity. Archaeological complex of monuments of the Hunnic time near the Ksizovo village (late 4th — 5th centuries).* Moscow: IA RAN, 291—295 (RSM 16) (in Russian).

Orlov, R.S., Rassamakin, Yu.Ya. In: Prihodnyuk, O.M. (ed.). *Materialy pervogo tysyacheletiya n.e. po arkheologii i istorii Ukrainy i Vengrii (Materials of the first millennium CE in archaeology and history of Ukraine and Hungary)*. Kiev: Naukova dumka, 102—116 (in Russian).

Petrauskas, O.V. 2018. In *Arheologiya (Archaeology)* 2, 22—41 (in Ukrainian).

Prihodnyuk, O.M., Fomenko, V.M. 2006. In *Muzeyni chitannya. Materiali naukovih konferenciy 2002—2003 rr. (Museum readings. Proceedings of scientific conferences 2002 —2003)*. Kyiv: Muzey istorichnih koshtovnostey Ukraini, 133—144 (in Ukrainian).

Runich, A.P. 1979. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 4, 232—247 (in Russian).

Rykov, P.S. 1929. *Pozdne-sarmatskoe pogrebenie v kurgane bliz s. Zinov'evki, Saratovskoy gub. (Late—Sarmatian grave in a barrow near the Zinovievka village, Saratov province)*. Saratov: [s.n.].

Sahanev, V.V. 1914. In *Izvestiya imperatorskoy arheologicheskoy komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 56, 40, 75—219 (in Russian).

Sergeev G. P. 1961. In *Trudy [Gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya MSSR] (Proceedings [of the State Historical and Local Lore Museum of the MSSR])*. Iss. I. Kishinyov: Kartya moldovenyaske, 129—136 (in Russian).

Sinicyn, I.V. 1954. In *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific notes of Saratov State University)* 39, 218—253 (in Russian).

Smirnov, K.F. 1959. In *Materialy i issledovanija po arkheologii SSSR (Materials and research on the archaeology of the USSR)* 60, 206—322 (in Russian).

Strokov, A.A. 2009. *Bosporskie issledovaniya (Bosporan Studies)*. XXI, 303—319 (in Russian).

Chajredinova, E.A. 2003. In *Materialy po arheologii, istorii, etnografii Tavrii (Materials on archaeology, history and ethnography of Tavria)* X, 125—160 (in Russian).

Belinskiy, A.B., Harke, H. 2018. *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus). Excavations 1994—1996 in the Iron Age to early medieval cemetery.* Bonn: Habelt-Verlag.

Bona, I. 1991. *Das Hunnenreich*. Budapest; Stuttgart: Theiss.

Harhoiu, R. 1998. *Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien*. Bukarest: Editura Enciclopedica.

Reimer et al. 2020: Reimer, P., Austin, W., Bard, E., Bayliss, A., Blackwell, P., Bronk Ramsey, C., Butzin, M., Cheng, H., Edwards, R., Friedrich, M., Grootes, P., Guilderson, T., Hajdas, I., Heaton, T., Hogg, A., Hughen, K., Kromer, B., Manning, S., Muscheler, R., Palmer, J., Pearson, C., van der Plicht, J., Reimer, R., Richards, D., Scott, E., Southon, J., Turney, C., Wacker, L., Adolphi, F., Büntgen, U., Capano, M., Fahrni, S., Fogtmann-Schulz, A., Friedrich, R., Köhler, P., Kudsk, S., Miyake, F., Olsen, J., Reinig, F., Sakamoto, M., Sookdeo, A., Talamo, S. 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0—55 cal kBP). *Radiocarbon*, 62.

Tejral, J., 1973. *Mähren im 5. Jahrhundert*. Praha: Academia.

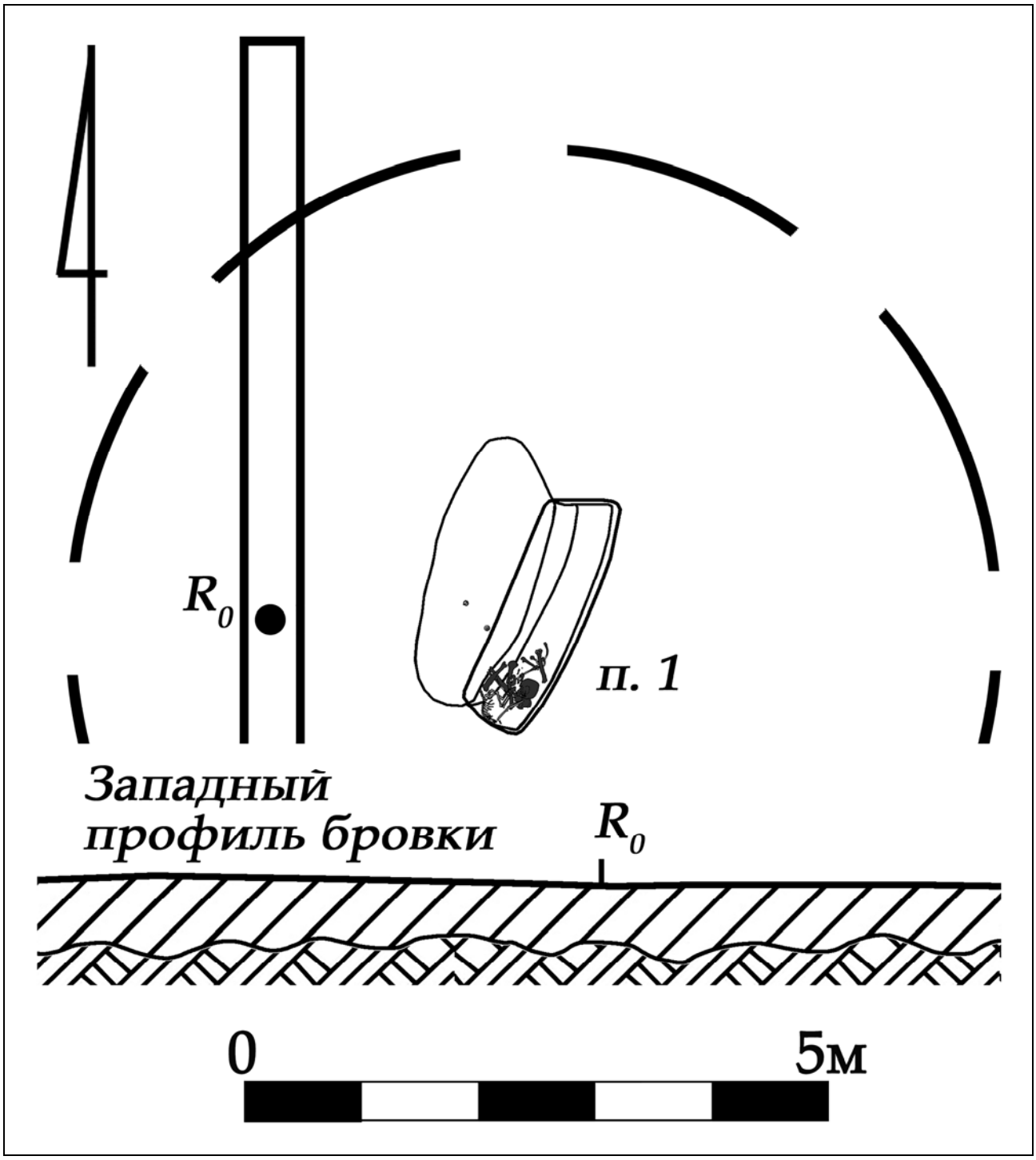


Рис. 1. План и профиль кургана 6 группы «ДОТ» у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра.

Fig. 1. Plan and profile of barrow 6 of the "DOT" group near the Glinoe village, Slobodzeya district, on the left bank of the Lower Dniester.

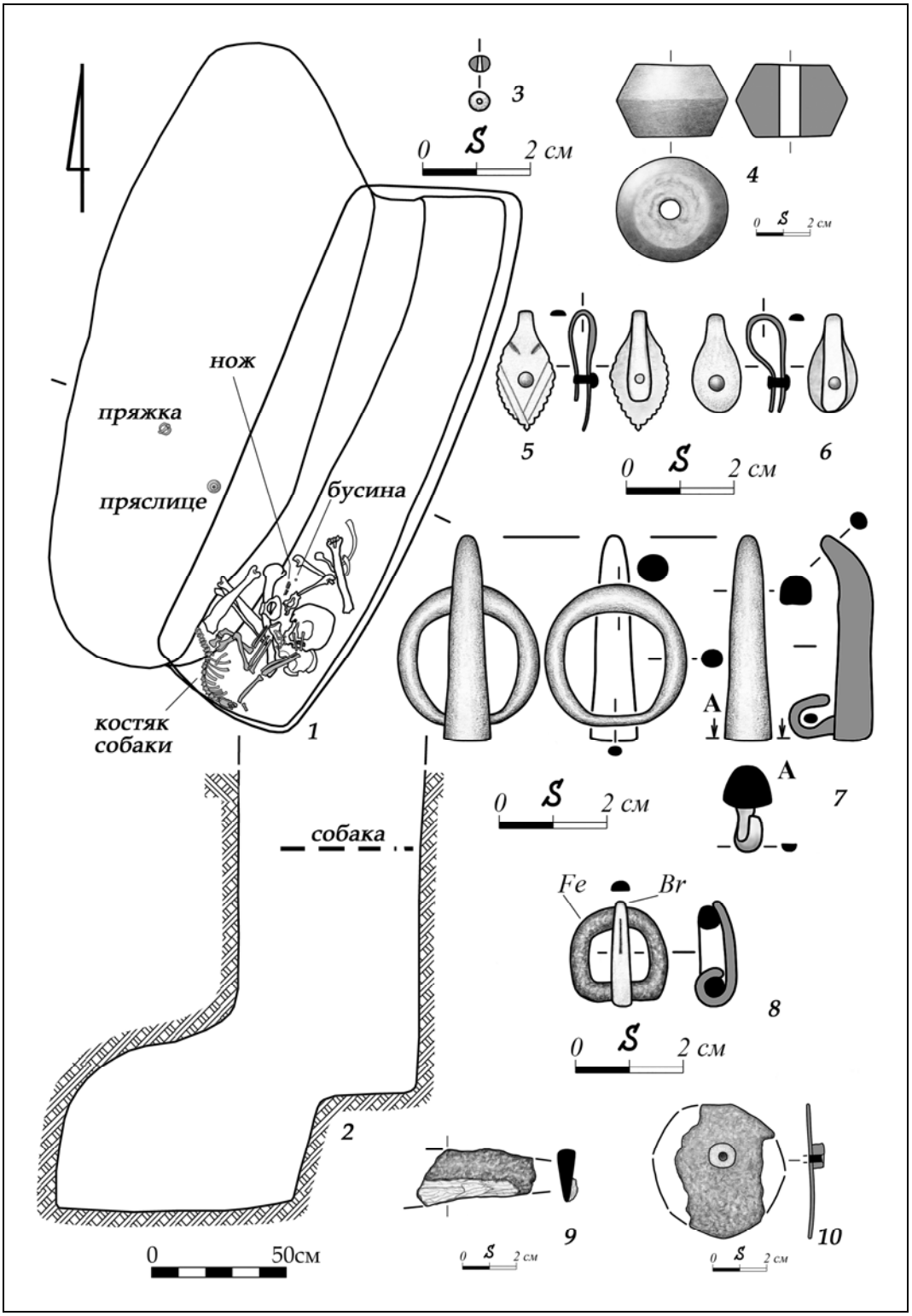


Рис. 2. План (*1*) **и профиль** (*2*) **погребения Глиное/ДОТ 6/1 и находки из него:** *3* — бусина; *4* — пряслице; *5, 6* — обоймы; *7, 8* — пряжки; *9* — нож; *10* — пластина-накладка. *3 — стекло; 4 — глина; 5—7, 10 — бронза (медный сплав); 8 — железо и бронза; 9, 10 — железо.*

Fig. 2. Plan (*1*) **and profile** (*2*) **of the burial Glinoe/DOT 6/1 and finds from it:** *3* — bead; *4* — whorl; *5, 6* — clips; *7, 8* — buckles; *9* — knife; *10* — plate-overlay. *3 — glass, 4 — clay, 5—7, 10 — bronze (copper alloy), 8 — iron and bronze, 9, 10 — iron.*

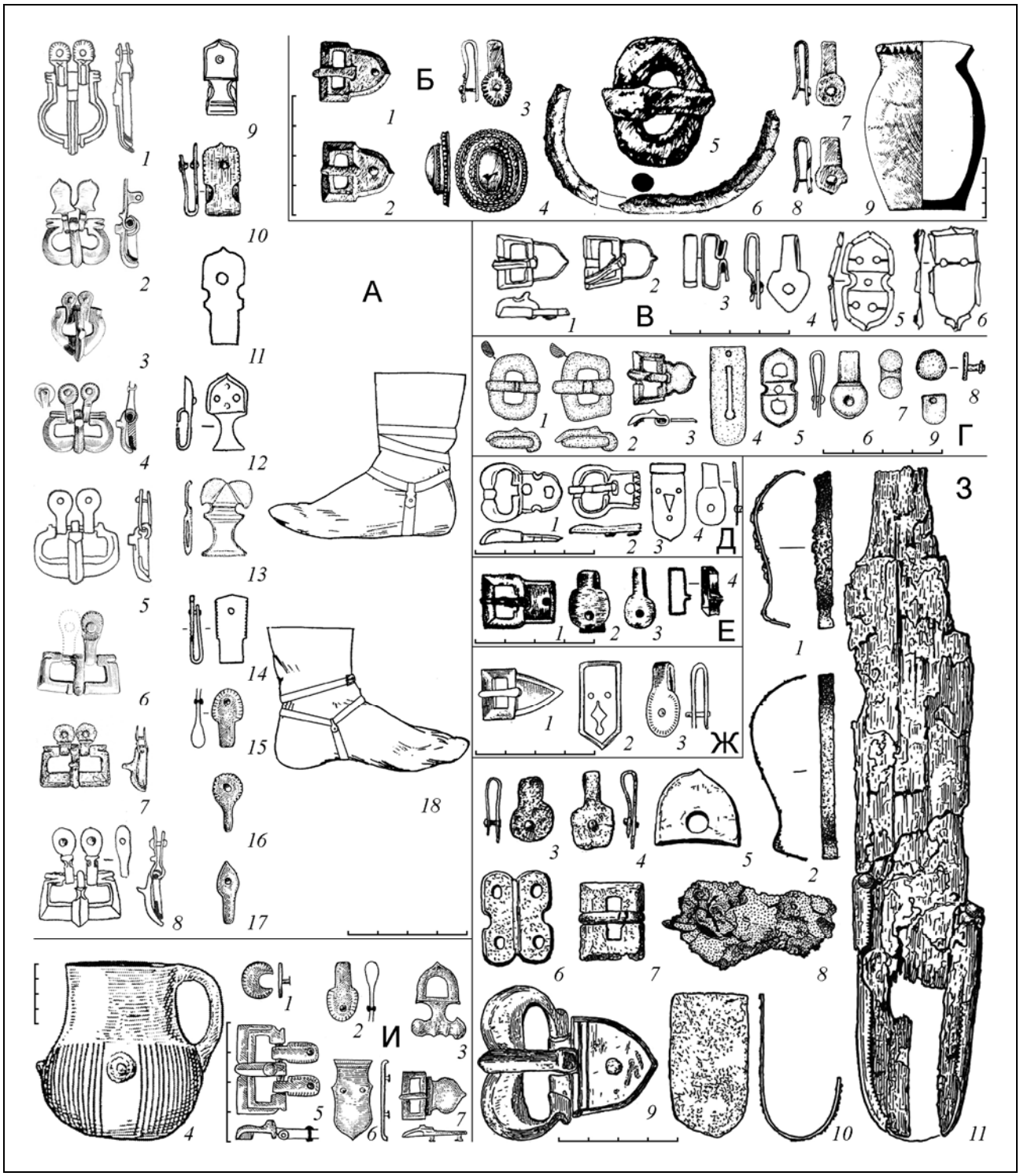

А
Б
В
Г
Д
Е
Ж
З
И

Рис. 3. А — варианты форм обойм и способов их крепления: *1* — Цибилиум-2, погребение 326 (по Воронов 2003: рис. 149: *23*); *2, 4* — Пятра Фрекацей (по Даскалов 2012: обр. 69: *7, 9*); *3, 6* — Борисово (по Саханев 1914: табл. I: *8, 9*); *5* — Цибилиум-2, погребение 314 (по Воронов 2003: рис. 146: *32*); *7* — Лучистое, склеп 77, погребение 5 (по Айбабин, Хайрединова 1996: рис. 9: *12*); *8* — Цибилиум-2, погребение 318 (по Воронов 2003: рис. 147: *27*); *9* — Шелюги, курган 3, погребение 1 (по Комар 2010: рис. 5: *3*); *10* — Изобильное, курган 1, погребение 4 (по Айбабин 1999: рис. 35: *1*; Комар 2010: рис. 14: *9*); *11* — Васильевка, курган 2, погребение 1 (по Комар 2010: рис. 13: *3*); *12* — Виноградное, курган 5, погребение 3 (по Орлов, Рассамакин 1996: рис. 3: *23*; Комар 2010: рис. 9: *3*); *13* — Херсонес (по Айбабин 1990: рис. 51: *25*); *14* — Царский курган (по Атавин 1996: рис. 18: *6*; Комар 2010: рис. 14: *17*); *15* — Мокрая Балка, катакомба 107 (по Афанасьев, Рунич 2001: рис. 119: *10*); *16, 17* — Мокрая Балка, катакомба 37 (по Афанасьев, Рунич 2001: рис. 55: *6, 7*); *18* — реконструкция использования обойм в обуви (по Комар 2010: рис. 8: *9*; 13: *8*). **Б—И — комплексы с обоймами разных форм и некоторыми хронологически значимыми находками:** *Б* — Наташино (по Баранов 1990: рис. 39: *1, 5, 7, 20—25*); *В* — Лучистое, склеп 204, погребение 3 (по Хайрединова 2003: рис. 13: 1*, 3—6, 10, 11*); *Г* — Сивашовка, курган 3, погребение 2 (по Комар, Кубышев, Орлов 2006: рис. 13: *6, 9, 12, 13, 17, 18, 21*; 14: *3, 5*); *Д* — Христофоровка, курган 7, погребение 12 (по Комар 2010: рис. 14: *37, 42—44*); *Е* — Зиновьевка (по Рыков 1929; Комар 2010: рис. 8: *5—8*); *Ж* — Авиловский I, курган 1 (по Синицын 1954: рис. 3: *1—3*); *З* — Иловатка, курган 3, погребение 2 (по Синицын 1959: рис. 7: *1—11*); *И* — Мокрая Балка, катакомба 107 (по Афанасьев, Рунич 2001: рис. 119: *3, 6—10 ,12*).

Fig. 3. A — variants of the forms of clips and methods of their fastening: *1* — Tsibilium-2, burial 326 (after Voronov 2003: fig. 149: *23*); *2, 4* — Pyatra Frekatsei (after Daskalov 2012: fig. 69: *7, 9*); *3, 6* — Borisovo (after Sahanev 1914: pl. I: *8, 9*); *5* — Tsibilium-2, burial 314 (after Voronov 2003: fig. 146: *32*); *7* — Luchistoe, tomb 77, burial 5 (after Ajbabin, Chajredinova 1996: fig. 9: *12*); *8* — Tsibilium-2, burial 318 (after Voronov 2003: fig. 147: *27*); *9* — Shelyugi, barrow 3, burial 1 (after Komar 2010: fig. 5: *3*); *10* — Izobilnoe, barrow 1, burial 4 (after Ajbabin 1999: fig. 35: *1*; Komar 2010: fig. 14: *9*); *11* — Vasilievka, barrow 2, burial 1 (after Komar 2010: fig. 13: *3*); *12* — Vinogradnoye, barrow 5, burial 3 (after Orlov, Rassamakin 1996: fig. 3: *23*; Komar 2010: fig. 9: *3*); *13* — Chersonesus (after Ajbabin 1990: fig. 51: *25*); *14* — Tsarsky barrow (after Atavin 1996: fig. 18: *6*; Komar 2010: fig. 14: *17*); *15* — Mokraya Balka, catacomb 107 (after Afanas'ev, Runich 2001: fig. 119: *10*); *16, 17* — Mokraya Balka, catacomb 37 (after Afanas'ev, Runich 2001: fig. 55: *6, 7*); *18* — reconstruction of the use of clips in shoes (after Komar 2010: fig. 8: *9*; 13: *8*). **Б—И — combination of finds with clips of various shapes and some chronologically significant finds:** *Б* — Natashino (after Baranov 1990: fig. 39: *1, 5, 7, 20—25*); *В* — Luchistoe, tomb 204, burial 3 (after Chajredinova 2003: fig. 13: 1*, 3—6, 10, 11*); *Г* — Sivashovka, barrow 3, burial 2 (after Komar, Kuybyshev, Orlov 2006: fig. 13: *6, 9, 12, 13, 17, 18, 21*; 14: *3, 5*); *Д* — Khristoforovka, barrow 7, burial 12 (after Komar 2010: fig. 14: *37, 42—44*); *Е* — Zinovievka (after Rykov 1929; Komar 2010: fig. 8: *5—8*); *Ж* — Avilovsky I, barrow 1 (after Sinicyn 1954: fig. 3: *1—3*); *З* — Ilovatka, barrow 3, burial 2 (after Sinicyn 1959: fig. 7: *1—11*); *И* — Mokraya Balka, catacomb 107 (after Afanas'ev, Runich 2001: fig. 119: *3, 6—10, 12*).

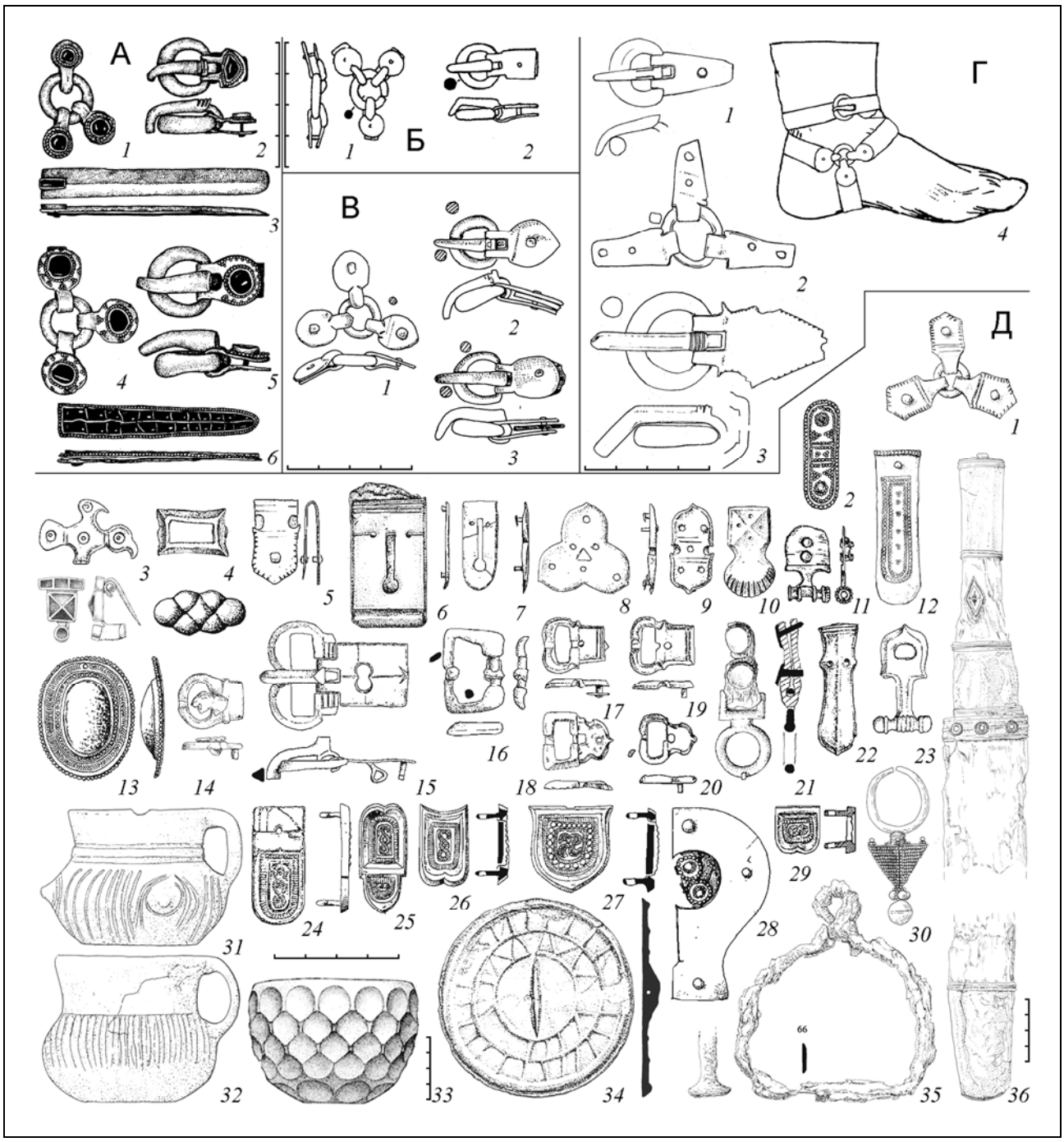

А
Б
В
Г
Д

Рис. 4. Обоймы разных форм в составе тройников-распределителей и некоторые хронологически значимые находки из комплексов: *А* — Брут: *1—3* — курган 7 (по Габуев 2014: рис. 27: *3, 5, 7*); *4—6* — курган 2 (по Габуев 2014: рис. 8: *1г, 2б, 3б*); *Б* — Лучистое, склеп 88, погребение 5 (по Хайреди нова 2003: рис. 3: *2, 3*); *В* — Танаис, погребение 27/1985 (по Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001: табл. 22: *310, 311, 313*); *Г* — Харино (Прикамье) (ГЭ, ОАВЕС, 570/254, 255, 260, с оригиналов); *Д* — Клин-Яр-III, погребение 360 (по Belinskij, Harke 2018: fig. 125: *D3*; 126: *1—3, 6, 7*; 127: *4b—d,f,h*; 128: *9, 15, 18*, 129: *19—23, 29*; 130: *27, 30*; 131: *46*; 132: *41*; 133: *47, 49, 51*; 134: *57a, 58*; 135: *60—62*; 136: *63, 66, 70*; 137: *86b*).

Fig. 4. Clips of various shapes in the componence of tees—distributors and some chronologically significant finds from the burials: *A* — Brut: *1—3* — barrow 7 (after Gabuev 2014: fig. 27: *3, 5, 7*); *4—6* — barrow 2 (after Gabuev 2014: fig. 8: *1г, 2б, 3б*); *Б* — Luchistoe, tomb 88, burial 5 (after Chajredinova 2003: fig. 3: *2, 3*); *B* — Tanais, burial 27/1985 (after Arsen'eva, Bezuglov, Tolochko 2001: pl. 22: *310, 311, 313*); *Г* — Kharino (Kama region) (State Hermitage, Department of Archeology of the Eastern Europe and Siberia, 570/254, 255, 260, from the originals); *Д* — Klin-Yar-III, burial 360 (after Belinskij, Harke 2018: fig. 125: *D3*; 126: *1—3, 6, 7*; 127: *4b—d,f,h*; 128: *9, 15, 18*, 129: *19—23, 29*; 130: *27, 30*; 131: *46*; 132: *41*; 133: *47, 49, 51*; 134: *57a, 58*; 135: *60—62*; 136: *63, 66, 70*; 137: *86b*).

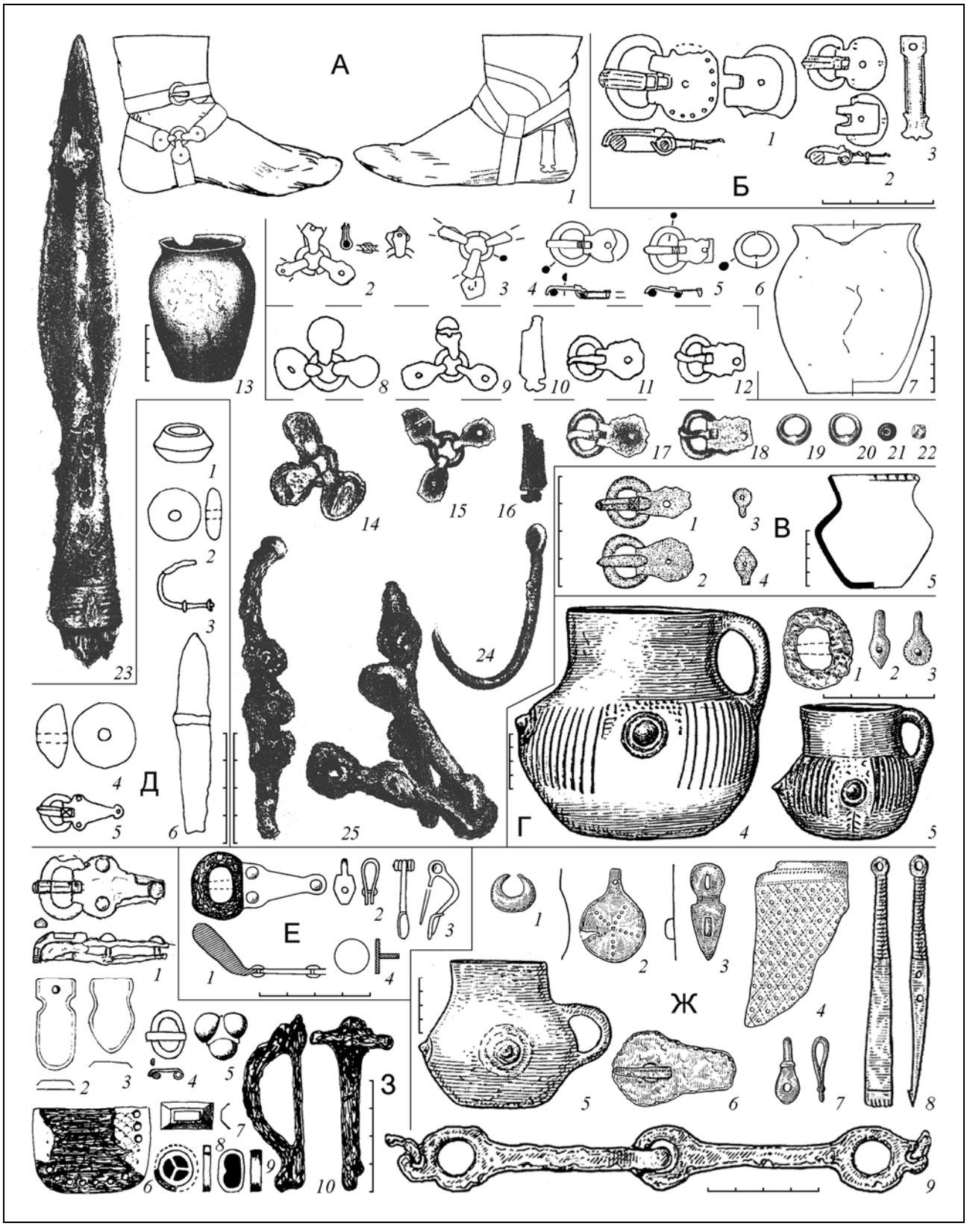

А
Б
В
Г
Д
Е
Ж
З

Рис. 5. Комплексы с обоймами овальной/каплевидной формы и некоторые хронологически значимые находки из комплексов: *А* — Лихачевка, курган 6: *1* — реконструкция крепления обуви (по Комар 2010: рис. 3: *6*); *2—7* — состав комплекса (по Обломский 2004: рис. 2: *1—6*; 7а); *8—12* — состав комплекса (по Комар 2010, рис. 3: *1—5*); *13—18* — состав комплекса (по Зарецкий 1888: табл. I: *2*; II: *2—5, 9—17*); *Б* — Константиновград (по Гавритухин 2004: рис. 3: *15—17*); *В* — Ново-Подкряж, курган 3, погребение 3 (по Костенко 1986: табл. 20: *8—10*); *Г* — Мокрая Балка, катакомба 37 (по Афанасьев, Рунич 2001: рис. 55: *3—7*); *Д* — Старая Сарата, погребение 7 (по Гросу 1990: рис. 29: *Б*); *Е* — Кугульские восточные склепы, склеп 1 (по Рунич 1979: рис. 9: *5—8*); *Ж* — Мокрая Балка, катакомба 119 (по Афанасьев, Рунич 2001: рис. 120: *1*; 137: *4—11*); *З* — Кугульские западные склепы, склеп 2 (по Рунич 1979: рис. 4: *5, 8—10, 12, 16, 17, 20—22*).

Fig. 5. Sites with oval/tear—shaped clips and some chronologically significant finds from the graves: *A* — Likhachevka, barrow 6: *1* — reconstruction of shoe fastening (after Komar 2010: fig. 3: *6*); *2—7* — composition of the finds (after Oblomskiy 2004: fig. 2: *1—6*; 7a); *8—12* — composition of the finds (after Комар 2010, fig. 3: *1—5*); *13—18* — composition of the finds (after Zareckiy 1888: pl. I: *2*; II: *2—5, 9—17*); *Б* — Konstaninovgrad (after Gavrituhin 2004: fig. 3: *15—17*); *B* — Novo-Podkryazh, barrow 3, burial 3 (after Kostenko 1986: pl. 20: *8—10*); *Г* — Mokraya Balka, catacomb 37 (after Afanas'ev, Runich 2001: fig. 55: *3—7*); *Д* — Staraya Sarata, grave 7 (after Grosu 1990: fig. 29: *Б*); *E* — Kugul eastern tombs, tomb 1 after Runich 1979: fig. 9: *5—8*); *Ж* — Mokraya Balka, catacomb 119 (after Afanas'ev, Runich 2001: fig. 120: *1*; 137: *4—11*); *З* — Kugul western tombs, tomb 2 (after Runich 1979: fig. 4: *5, 8—10, 12, 16, 17, 20—22*).

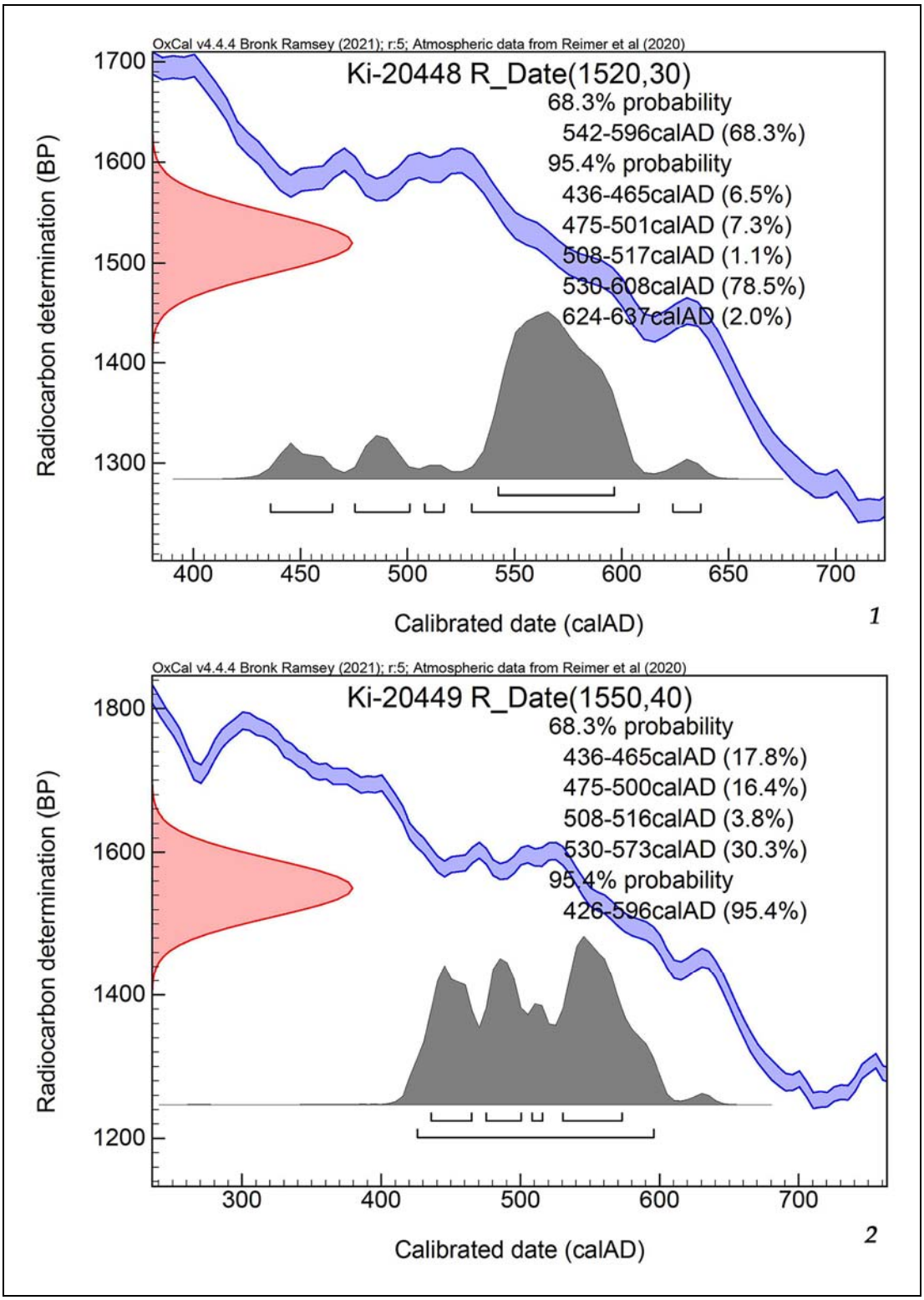


Рис. 6. Калиброванные радиоуглеродные даты погребения 1 кургана 6 группы «ДОТ» у с. Глиное Слободзейского района левобережье Нижнего Днестра: *1* — дата по кости человека; *2* — дата по кости собаки.

Fig. 6. Calibrated radiocarbon dates of grave 1 of mound 6 of the "DOT" group near the Glinoe village, Slobodzeya district, on the left bank of the Lower Dniester: *1* — date on a human bone; *2* — date on a dog bone.

УДК 902/904
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.30.40.008

А.А. Строков, Д.А. Куприянов, Г.А. Камелина

ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВЕСИНЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ АРТЕФАКТОВ ИЗ КРЫМА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ЧУФУТ-КАЛЕ)*

Статья посвящена исследованию древесины, сохранившейся на металлических предметах из раскопок В.В. Кропоткина на могильнике Чуфут-Кале недалеко от Бахчисарая в 1957—1961 гг. Датировка могильника укладывается в рамки конца V—IX вв. Материал хранится в Государственном Историческом музее в Москве. Древесина сохранилась в основном на железных предметах, прежде всего на ножах и их фрагментах (как на лезвиях, так и на черешках). Вероятно, это были ножны (футляры) и рукояти ножей. Проведено ксилотомическое исследование для определения породы древесины. Отобрано 52 образца из 19-ти погребений, определено 50 из них. Доминирует древесина тополя (осины) — 52%, встречаются дуб, клён, граб, ясень, липа и др. Преобладают породы с мягкой древесиной, прежде всего тополь (осина). Возможно, древние мастера предпочитали её как более лёгкий в обработке материал. Все определённые породы присутствуют во флоре Крыма и не являются инвазивными или интродуцированными. Большую часть сырья для производства изделий древние мастера могли получать в непосредственной близости от могильника, однако часть пород (сосна, фисташка туполистная, можжевельник) произрастают в более удалённых ареалах, что свидетельствует о наличии активных торговых связей населения Чуфут-Кале с другими регионами Крыма.

Ключевые слова: древесина, ксилотомический метод, AMS-датирование, радиоуглерод, сырье, ресурсы, Северное Причерноморье.

Сведения об авторах: Строков Антон Александрович[1], Институт археологии РАН; Куприянов Дмитрий Александрович[2], Институт археологии РАН; Камелина Галина Алексеевна[3], Государственный исторический музей.

Контактная информация: [1,2]117292, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Институт археологии РАН; e-mail: [1]anton-strokov@yandex.ru; [2]dmitriykupriyanov1994@yandex.ru; [3]109012, Россия, Москва, Красная площадь, д. 1, Государственный исторический музей; e-mail: kamgalina@yandex.ru.

A.A. Strokov, D.A. Kupriyanov, G.A. Kamelina

XYLOTOMICAL STUDY OF EARLY MEDIAEVAL WOODEN ARTIFACTS FROM CRIMEA (BASED ON MATERIALS FROM THE NECROPOLIS OF CHUFUT-KALE)

Since 1957 until 1961, a rich sample of archaeological wood was accumulated during V.V. Kropotkin's excavations near Bakhchysarai, at the burial ground of Chufut-Kale dated back to the late 5th — 9th centuries. The collection now reposes in the State Historical Museum. It was iron objects which preserve wood in most cases. Among these, knives and fragments of knives were especially numerous, with their blades and hafts displaying residual worked wood which probably left from scabbards and handles. The xylotomical analysis of the total of 52 samples from 19 burials was carried out to determine wood species. Fifty samples are turned to be identifiable. Most of these — 52% — consisted of poplar (aspen), and the rest were oak, maple, hornbeam, ash, linden, etc. Consequently, soft wood species, and above all poplar (aspen), predominated as,

* Работа выполнена в рамках научной темы ИА РАН № 122011200264-9 «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем».

Статья поступила в номер 15 августа 2022 г.
Принята к печати 29 августа 2022 г.

© А.А. Строков, Д.А. Куприянов, Г.А. Камелина, 2022.

perhaps, most suitable raw materials. The wood species mentioned were neither invasive nor introduced in the Crimean flora. Ancient craftsmen are supposed to take their raw materials somewhere in the close proximity of the site, yet some wood species, such as pine, turpentine, and juniper, are known to grow elsewhere, so that their presence may suggest for active trading relations between Chufut-Kale and various regions of Crimea.

Key words: wood, xylotomical analysis, AMS-dating, radiocarbon, raw material, resources, Northern Black Sea region.

About the authors: Strokov Anton Aleksandrovich[1], Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Kupriyanov Dmitry Aleksandrovich[2], Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Kamelina Galina Alekseevna[3], State Historical Museum.

Contact information: [1,2]117292, Russia, Moscow, 19 Dm. Ulyanova Str., Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; e-mail: [1]anton-strokov@yandex.ru; [2]dmitriykupriyanov1994@yandex.ru; [3]109012, Russia, Moscow, 1 Red Square, State Historical Museum; e-mail: kamgalina@yandex.ru.

Введение

Древесина является одним из важнейших природных ресурсов, которые человек использует в своей повседневной жизни и хозяйственной деятельности с древности и вплоть до современности. Плиний Старший в «Естественной истории» отмечал, что деревья и леса были высшим даром, которым наградила земля человечество, они давали людям пищу, листва служила подстилкой в пещере, а кора — одеждой. Использование древесины подстегнуло экономическое развитие человечества: люди стали разрабатывать горы ради мрамора, начали торговлю с Китаем ради покупки изысканных одеяний, исследовали глубины Красного моря и недра земли в поисках жемчуга и изумрудов (Plin. NH, XII, I, 1—2).

В Государственном Историческом музее хранится коллекция из раскопок В.В. Кропоткиным грунтового могильника Чуфут-Кале в 1957—1959 и 1961 гг. В фонды музея им были переданы находки из 57 погребений (ГИМ 97863, оп. Б 1248—1250; ГИМ 100769, оп. Б 1532), остальные комплексы хранятся в Бахчисарайском историко-культурном и археологическом музее-заповеднике.

Благодаря скрупулезности Владислава Всеволодовича, в этих коллекциях сохранились многочисленные органические остатки: древесина, древесный уголь, фрагменты текстиля и кости человека. Нами уже проведено исследование фрагментов текстиля из некрополя Чуфут-Кале (Строков и др. 2022). В качестве объекта исследования в данной работе нами была избрана древесина, которая сохранилась на различных предметах из погребений. Прежде всего, это железные ножи — одна из самых многочисленных категорий находок в могильнике. Древесина сохранилась как на лезвиях (мы предполагаем, что это были остатки ножен или футляров), так и на черешках ножей (скорее всего, это были рукояти).

Для российских памятников использование ксилотомического метода, применяемого в данной работе, при анализе археологической древесины в настоящее время является развивающимся, но уже достаточно широко распространённым видом исследований. Однако большая часть работ приурочена к памятникам других регионов: древнего Новгорода (Вихров 1958; Тарабадина 2007; Хатер 1996), Болгара (Гольева 2014), Ростилавля Рязанского, Ярославля и Дмитрова (Гольева 2005), северо-западного Прикаспия (Гольева 1999; Филин, Сутягина 2013; Shishlina et al. 2014), Алтая (Быков и др. 2005; Дашковский 2016; Мыльников и др. 2012; Тишкин, Мыльников 2016; 2018) и средней Сибири (Филатова, Филатов 2021), а также Прикамья (Мокрушин и др. 2019).

Исследований, посвященных археологической древесине в контексте древностей Северного Причерноморья, практически нет. Можно лишь упомянуть фундаментальные работы Н.И. Сокольского (Сокольский 1969; 1971), которые вышли уже более 50 лет назад. Также важно отметить работу А.А. Гольевой, посвящённую анализу древесины из культурных слоёв и погребальных памятников полуострова Абрау (Гольева 2009). Ряд исследований посвящены отдельным находкам древесины или деревянных изделий в Крыму и на сопредельных, близких культурно-исторически к полуострову, территориях (Корпусова, Ляшко 1990; Пожидаев и др. 2020; Строков 2020; Хайрединова 2020;), однако систематических исследований по данной теме для территории Крыма нам неизвестны. Мы решили восполнить эту лакуну и обратиться к этой теме на основе материалов, полученных при раскопках могильника Чуфут-Кале.

Цель нашего исследования — установить таксономическую принадлежность древесины, которую использовали древние ремесленники для производства своих изделий. Определив породу дерева, мы попытаемся установить источники сырья на основе анализа ареалов распространения той или иной породы дерева. Также мы попытаемся объяснить выбор вида древесины ремесленниками для изготовления предметов из погребений могильника Чуфут-Кале. Одной из главных задач также является публикация материала для дальнейших сравнительных исследований.

Расположения памятника, ландшафтная и геоботаническая характеристика региона

Раннесредневековый могильник Чуфут-Кале располагается на южном склоне ущелья Марьям-Дере под плато, на котором в конце VI—VII вв. была основана крепость Чуфут-Кале (рис. 1). Это плато находится в 2,5 км от современного г. Бахчисарай.

Для того чтобы проанализировать образцы древесины и установить источники сырья, которые использовали древнее население этого региона, необходимо показать расположение данной территории в ландшафтном и геоботаническом отношении.

С точки зрения ландшафтной приуроченности территория могильника Чуфут-Кале относится к горно-лесным склонам Яйлы (главной гряды Крымских гор), расположенным на стыке с ландшафтами лесокустарниковых и лесостепных (южного типа) куэстовых гряд (Гвоздецкий 1968: 163). Согласно карте геоботанического районирования Крыма (Дидух 1986: 25) регион расположения памятника приурочен к границе двух геоботанических районов: Ялтинского, относящегося к Горному геоботаническому округу (северный макросклон Яйлы выделен в отдельный подрайон) и Бахчисарайского, входящего в Предгорный геоботанический округ.

Для Ялтинского района характерно преобладание лесов из дуба пушистого (*Quercus pubescens*), а также лесов, в которых содоминирует граб восточный (*Carpinus orientalis*). Также встречаются леса из сосны крымской (*Pinus pallasiana*) и ясеня обыкновенного (*Fraxinus excelsior*). Распространены в данном районе и смешанные широколиственные леса из бука восточного (*Fagus orientalis*), граба обыкновенного (*Carpinus betulus*) и клёна Стевена (*Acer hyrcanumi*), но, как правило, они встречаются на более высоких склонах относительно расположения могильника Чуфут-Кале. Отличительной особенностью северного подрайона от южных макросклонов Яйлы является отсутствие в древостоях фисташки туполистной (*Pistacia mutica*).

Для Бахчисарайского района характерна сложная мозаика из лесов с преобладанием дуба пушистого (*Quercus pubescens*) и степных ландшафтов. Существенную роль в древостоях

играют граб восточный (*Carpinus orientalis*) и кизил (*Cornus mas*). Широко распространены заросли шибляка из держидерева (*Paliurus spina-christi*), фисташки туполистной (*Pistacia mutica*), жасмина кустарникового (*Jasminum fruticans*) и пузырника киликийского (*Colutea cilicica*). В речных поймах преобладают заросли нескольких видов ивы (*Salix*) и тополя чёрного (*Populus nigra*). Важно отметить, что современные ландшафты данного района существенно преобразованы в результате постоянной хозяйственной деятельности человека. При этом детальные палеогеографические реконструкции, включающие в себя реконструкции растительного покрова, для данной территории отсутствуют.

В целом флора Крымского полуострова отличается высоким разнообразием потенциальных источников древесины: выделено 77 видов деревьев и 113 видов древесных кустарников (Саприна 2000: 7).

Археологический контекст

Могильник был открыт весной 1946 г. потомственным сторожем крепости Чуфут-Кале и одним из основателей Музея пещерных городов Я.А. Дубинским (Полканова 2005: 84). В 1946—1947 гг. Музеем пещерных городов была организована экспедиция, в задачи которой входило определение границ некрополя и выявлении наиболее ранних погребений. Раскопками руководил П.П. Бабенчиков. В 1948 г. в связи с его скоропостижной смертью раскопки на памятнике продолжил Е.В. Веймарн, участвовавший и в предыдущих сезонах. В 1952—1961 гг. исследованием могильника занималась совместная экспедиция ИА АН СССР и Бахчисарайского историко-археологического музея под руководством В.В. Кропоткина (Кропоткин 1958: 207—212; 1965: 108; Набоков 2016: 354—355; Юрочкин 2013: 396). За все годы раскопок было вскрыто более 1000 кв.м. Всего В.В. Кропоткиным было исследовано 93 грунтовых склепа, 21 подбойная могила, 2 грунтовых могилы (Кропоткин 1952; 1957; 1965: 108).

Основным погребальным сооружением могильника были земляные склепы с прямоугольной или овальной камерой, узким дромосом и небольшим входным отверстием, который закрывался известняковой плитой (рис. 2: *1*). Практически все они были ограблены в древности (как отмечал автор раскопок, ограбление происходило при выкапывании следующих погребальных конструкций). В склепах как правило совершалось от 3 до 9 захоронений, погребенные лежали вытянуто на спине, головой ко входу.

Менее распространены подбойные могилы (рис. 2: *2*). Они имели традиционную для этого типа захоронений конструкцию — прямоугольную входную яму, в длинной стороне которой вырубалась ниша-подбой. Камеры подбоев отделялись каменным закладом или известняковой плитой. Этот тип погребальных сооружений, по заключению В.В. Кропоткина, практически не подвергался ограблению. В могиле, как правило, найден один костяк, лишь в одном случае два. Умерший лежал вытянуто на спине головой на юго-запад.

Несмотря на ограбление, многие погребения сохранили достаточно богатый и разнообразный инвентарь. Прежде всего, это детали ременных гарнитур (пряжки, геральдические бляшки и наконечники ремней), фибулы (прогнутые подвязные, двупластинчатые), украшения (серьги, подвески, бусы, перстни), глиняные сосуды и их фрагменты, различные орудия (железные ножи, кресала), монеты и др.

До настоящего времени могильник Чуфут-Кале остается неопубликованным, в литературе упоминаются лишь общие хронологические рамки этого некрополя. Автор раскопок датировал памятник, основываясь на монетных находках, широким интервалом второй половины V — началом IX вв. (Кропоткин 1965: 114). Наиболее ранними

погребениями на могильнике, по мнению В.В. Кропоткина, были подбойные могилы и два земляных склепа с лежанками (Кропоткин 1965: 109).

Образцы для нашего исследования отбирались из следующих погребений: 57, 58, 65, 77, 80, 89, 96, 98, 104, 105, 107, 108, 109, 110, 111, 113, 118, 120, 124. Кратко остановимся на датировке этих комплексов.

Одним из наиболее ранних из рассматриваемых погребений можно считать склеп 57. Нами получена AMS-дата по образцу угля (клён) из него (табл. 1). Судя по этим результатам, погребение 57 может быть отнесено к VI в. Нужно заметить, что данная датировка не учитывает возраст самого датированного дерева, так как из-за размера образца подсчитать его по годовым кольцам не представлялось возможным. Тем не менее, в пользу того, что мы можем не делать поправку на «эффект старого дерева», говорят находки железной пряжки с овальной и с прямоугольной рамкой (рис. 3: *1, 2*), широко распространенные в крымских могильниках в VI в. (Айбабин 1999: табл. XXVII; Айбабин, Хайрединова 2008: рис. 20: *4*). Схожая овальнорамчатая пряжка найдена в склепе 58 (рис. 3: *3*), поэтому и его мы можем датировать VI в.

Склеп 108 может быть датирован по железной подвязной фибуле византийского круга (рис. 3: *4*). Она имеет многочисленные аналогии в памятниках типа Суук-Су — Лучистое, И.О. Гавритухин относит их к середине VI — началу VII вв., также приводя и экземпляр из Чуфут-Кале (Гавритухин 2010: 53, рис. 18: *1*, неверно указан номер погребения — «склеп 104», на самом деле фибула происходит из склепа 108). Судя по всему, к этой же группе может быть отнесена и фибула из склепа 65 (рис. 3: *5*) (Гавритухин 2010: рис. 23: *10*, 25: *10*). В то же время в этом же погребении найдены железные пряжки с овальной и В-образной рамкой и массивным язычком (рис. 3: *6—8*), которые имеют многочисленные аналогии в древностях второй половины V — рубежа V—VI вв. (Айбабин, Хайрединова 2017: рис. 89: *2*, 90: *9, 14, 16*). В склепе 65 найдена монета Феодосия I (379—395 гг.) плохой сохранности (Кропоткин 1965: 114), что может говорить в пользу более ранней даты начала использования этого погребения — вторая половина V — начало VI в.

Геральдические накладка и наконечники ремня в склепе 107 (рис. 3: *9—11*), судя по всему, принадлежали обувному набору типа 3-2А по Э.А. Хайрединовой, которые она датирует второй половиной VI в. (Хайрединова 2003: 136—137; рис. 11—12). Также в этом склепе были найдены железная овальнорамчатая пряжка (рис. 3: *12*) и византийская монета, служившая подвеской (возможно, Юстиниана I) (Кропоткин 1965: табл.), что также говорит в пользу датировки этого комплекса второй половиной VI в.

Пряжка из склепа 98 по пряжке с ромбическим щитком (Кропоткин 1965: рис. 45: *5*) может быть датирован второй половиной VII в. (Айбабин, Хайрединова 2017: 254, рис. 189). Серьги из склепов 104 и 113 (рис. 3: *14, 15*) имеют многочисленные аналогии в могильниках Лучистое и Эски-Кермен, где авторы раскопок датируют их VII—VIII вв. (Айбабин, Хайрединова 2008: рис. 23: *6*; Айбабин 2003: рис. 39: *9, 15*).

В своей недавно опубликованной работе И.О. Гавритухин с соавторами подробно остановился на анализе комплекса погребения 118 и датировал его VII в., поэтому мы ограничимся ссылкой на эту работу (Гавритухин и др. 2022: 196).

Наиболее поздним временем может быть датирована бронзовая пряжка с обломанным щитком из склепа 110 (рис. 3: *13*), которая относится к IX в. (Айбабин 1999: табл. XXXII: *50*). В пользу этой датировки говорит и находка солида Константина Копронима (741—775 гг.) в этом же погребении (Кропоткин 1965: табл., рис. 45: *36*).

Таким образом, рассматриваемые в данной работе комплексы охватывают широкий хронологический интервал — конец V—IX вв.

Материалы и методы

Нами отобраны образцы с различных предметов из коллекции могильника Чуфут-Кале, на которых сохранилась древесина (табл. 2) из следующих погребений: 57, 58, 65, 77, 80, 89, 96, 98, 104, 105, 107, 108, 109, 110, 111, 113, 118, 120, 124 (всего 19 захоронений). В подавляющем большинстве образцы взяты с лезвия или черешка ножей (рис. 4). Эта категория находок является одной из наиболее многочисленных в некрополе Чуфут-Кале. Из 85 погребений могильника в 36 (то есть более чем в трети) встречались ножи (рис. 4: *1, 2, 8, 9*) или их фрагменты (рис. 4: *3—6*), зачастую по несколько экземпляров. Схожую картину можно отметить и для синхронных могильников, таких как Скалистое (Веймарн, Айбабин 1993: 180) и Лучистое (Айбабин, Хайрединова 2008). Мы предполагаем, что это были остатки деревянных ножен или футляров для ножа, а также рукоятей. Нами отбирались небольшие образцы, минимально возможного размера, чтобы наносить наименьший ущерб музейным предметам. С некоторых изделий отобрать пробы не удалось. Ряд образцов был отобран с фрагментов железных предметов, функциональное назначение которых установить затруднительно (рис. 4: *7*) или невозможно в связи с почти полным разрушением изделий.

Определение таксономической принадлежности древесины осуществлялось ксилотомическим методом (Бенькова, Швейнгрубер 2004), стандартным для анализа археологической древесины (Florian 1990). Методика определения включала в себя получение срезов образцов трёх плоскостей кусочков древесины (в поперечной, тангенциальной и радиальной проекциях). Последующая идентификация выполнялась с помощью бинокулярного микроскопа Микромед Полар-1, оснащённого USB-камерой, под отражённым и проходящим светом при увеличении 50—400х. Для каждого из срезов определялись характерные особенности морфологического строения древесины, которые затем использовались в качестве ключевых признаков для определения таксономической принадлежности древесины с помощью атласов-определителей древесины России (Бенькова, Швейнгрубер, 2004) и древесных видов восточного Средиземноморья (Akkemik, Yaman 2012). Также использовался электронный атлас-определитель древесных видов центральной и восточной Европы «Wood anatomy of Central European species» (woodanatomy.ch: 1).

К сожалению, размер полученных образцов, в большинстве случаев не превышавший 7—8 мм, и степень их сохранности, а также особенности анатомического строения древесины большинства определённых пород не предоставили возможности идентификации древесины до вида. Определение осуществлялось только до рода, что типично для работ с археологическим деревом (Гольева 2005: 300).

Результаты

В общей сложности было получено 52 образца древесины, из которых удалось выполнить определение породного состава для 50. В результате ксилотомического исследования было установлено, что древесина изделий принадлежит к 12 родам (рис. 5). При этом отмечается значительная диспропорция распределения используемых пород для производства изделий. Большая часть изделий — 26 штук или 52% от всех образцов — изготовлено из древесины рода *Populus* (тополь). Весьма существенную долю составляют широколиственные породы: *Quercus* (дуб, 7 шт. или 14% от общего процента), *Acer* (клён, 4 шт. или 8%), *Carpinus* (граб, 4 шт. или 8%), *Fraxinus* (ясень, 2 шт. или 4%). Также к группе широколиственных пород можно отнести *Tilia* (липа, 1 шт. или 2%) и *Corylus* (лещина или лесной орех, также 1 шт., 2%). Оставшиеся породы — *Betula* (берёза), *Euonymus* (бересклет),

Pistacia mutica (фисташка туполистная), *Juniperus* (можжевельник) и *Pinus* (сосна) — также идентифицированы только для одного образца (по 2% от общих определений).

Все определённые породы деревьев и кустарников присутствуют во флоре Крымского полуострова в настоящее время и не являются инвазивными или интродуцированными (Соколов 1977; San-Miguel-Ayanz et al. 2016). К сожалению, нет возможности достоверно исключить вероятность происхождения изученных изделий вне пределов Крымского полуострова, определение таксономической принадлежности древесины может быть только лишь косвенным индикатором источника сырья для производства рассматриваемых предметов. Тем не менее, полученный спектр использованных пород древесины, в целом, указывает на местное происхождение изделий. Исследования, выполненные в северо-западной части Крымского полуострова, подтверждают, что в римскую эпоху население северного Причерноморья массово использовало древесину дуба, сосны, клёна, можжевельника, тополя и берёзы (Сокольский 1971: 25—26), однако эти данные в большей степени соответствуют материалу, полученному из остатков жилищ и домашней утвари. Кроме того, вопрос о сырьевой базе для данного региона является дискуссионным (Сокольский 1971: 13—18). Исследования для расположенного относительно недалеко полуострова Абрау в Северо-Восточном Причерноморье показали, что в античное время широко использовалась древесина ясеня, граба, дуба, тополя, сосны, можжевельника и различных лиственных кустарников (Гольева 2009: 184—191), однако эти данные также приурочены не к отдельным изделиям, а остаткам древесины в культурном слое городищ и в погребениях.

Тем не менее, нельзя с уверенностью утверждать, что весь спектр использованной древесины соответствует территории в непосредственной близости от могильника Чуфут-Кале. Памятник расположен вне современных ареалов сосны, можжевельника и фисташки туполистной, которые встречаются на южных склонах Яйлы (Дидух 1986: 29). Остальные же древесные породы вполне могли произрастать в непосредственной близости от памятника, особенно во времена его функционирования, когда ареал лесов, предположительно, был больше современного (Сокольский 1971: 16).

С точки зрения физико-химических особенностей идентифицированных пород можно выявить тренд на преобладание пород с мягкой древесиной, к которым относятся тополь, липа и, в меньшей степени, лещина (лесной орех), сосна и можжевельник (Перелыгин, Уголёв 1971). При этом встречаются изделия из достаточно «твёрдых» пород древесины — дуба, граба, ясеня и клёна.

Наиболее значительной особенностью полученного спектра используемой древесины является доминирование древесины тополя (осины). Несмотря на то, что работы, посвящённые ксилотомическому анализу аналогичных предметов, достаточно редки, известны схожие случаи использования древесины. Например, установлено, что в погребении сарматского воина в кургане 4 могильника Дружба в Зимовниковском районе Ростовской области также использовались ножны из древесины тополя (Парусимов 1998: 26). Древнее тюркское населения Алтая использовало для изготовления ножен древесину ивы (Семёнов 1985: 36), которая по своим физическим свойствам и морфологическому строению практически идентична тополю (осине) (Бенькова, Швейнгрубер 2004: 376). Из древесины тополя или схожей по морфологическому строению ивы была сделана модель ножа, найденная в могильнике Яломан II на Алтае (Быков и др. 2008: 141). Можно предположить, что выбор ремесленников был обусловлен тем, что мягкие породы древесины в меньшей степени оказывают влияние на лезвие. Особенно это применимо для древесины тополя (осины), которая, несмотря на свою мягкость, крайне устойчива к истиранию и не трескается при сушке после намокания (Мокрушин и др. 2019: 38—39). Кроме того, мягкие

породы древесины с наименьшими затратами поддаются обработке и удобны для производства массовых изделий. К примеру, погребальное ложе из погребения 1 таштыкского могильника Оглахты было изготовлено из тополя, и лишь некоторые его детали — из березы и сосны (Pankova et al. 2021: 36—37). Причиной использования древесины тополя для производства изделий также может быть широкое распространение данной породы в пределах северного Причерноморья (Сокольский 1971: 29).

Дискуссия и выводы

По результатам исследования мы установили, что использовалась древесина 12 различных родов. Мы считаем, что все использованное для производства ножей и других изделий, найденных в Чуфут-Кале, сырье, с большой долей вероятности, могло быть получено древними ремесленниками на территории Крымского полуострова и, в частности, непосредственно в окрестностях могильника и крепости Чуфут-Кале. Лишь некоторые породы, такие как сосна, фисташка туполистная и можжевельник, произрастают к югу от главной гряды Крымских гор, что может говорить о наличии тесных торговых связей населения предгорного и горного Крыма с побережьем. Стоит также отметить, что чисто теоретически можно предположить возможность производства предметов (или части из них), рассмотренных в данной работе, в другом центре, где преобладает другая растительность и леса с отличным от региона Бахчисарая составом пород, однако подтвердить или опровергнуть эту гипотезу не представляется возможным.

Мы исходили из того, что ножи (подавляющее большинство предметов, на которых обнаружена древесина) являются массовым материалом могильника Чуфут-Кале, к тому же они не имели какой-либо парадной инкрустации или следов орнаментации, их размеры невелики (что исключает их использование в качестве боевых ножей или кинжалов), поэтому можно предполагать, что они являлись рядовыми бытовыми предметами. В этой связи мы считаем, что ценность их была небольшая или средняя и вряд ли древние мастера должны были использовать дорогие ресурсы для их производства, поэтому они брали местную древесину, доступную неподалеку.

Этой же причиной может быть объяснено преобладание тополя/осины. Вероятно, этот выбор обусловлен целью минимального воздействия на лезвие и лёгкой доступностью древесины. Также можно предположить, что ремесленники предпочитали мягкие породы в связи с меньшими трудозатратами на её обработку при производстве такой массовой категории предметов, как ножи. Следует, однако, отметить, что такое объяснение может быть дискуссионным и не единственным возможным. Плиний Старший отмечает, что для производства дорогой мебели или облицовки чего-либо деревом в богатых домах Рима использовался, в том числе, и тополь (Plin. NH, XVI, LXXXIV, 232).

Мы предположили, что твердые породы древесины, такие как дуб, ясень, граб и клен, являлись более ценными для древнего населения и попытались выявить взаимосвязь наличия этих пород с более богатыми захоронениями. Как известно, дуб, благодаря своей твердости и прочности, всегда считался символом военной доблести. В Древнем Риме листва дуба использовалась для изготовления венков, которым награждались отличившиеся военные и которые служили символом императорской снисходительности (Plin. NH, XVI, III, 6—7; XVI, V, 11—13). До сих пор изображения дубовых ветвей и листвы используются в военной символике (награды, знаки отличия и др.) многих стран мира, в частности Германии и США.

Древние авторы также упоминают, что дуб используется при изготовлении различных покрытий или таких важных элементов, как оси колес повозок, где необходима прочность и

устойчивость к внешним воздействиям, а ясень, отличающийся твердостью и лёгкостью, к примеру, использовался при производстве колесниц (Plin. NH, LXXXIV, 228—230). Катон в «Земледелии» рекомендует для производства масличных прессов использовать граб, вяз, дуб и лавр (Cato R.R. XXXI).

Эта попытка выделения пород древесины, которые чисто теоретически могут быть индикатором социального статуса, натолкнулась на ряд трудностей. Прежде всего это характер и ограниченность выборки — было исследовано лишь 50 образцов, взятие пробы со многих предметов не представлялось возможным. Также нужно учитывать, что для определения социального статуса того или иного погребения важнейшее значение имеет погребальный инвентарь, а могильник Чуфут-Кале, как уже было отмечено выше, был сильно ограблен уже в древности. Тем не менее, можно сделать некоторые предварительные наблюдения. Явной корреляции того или иного состава породы исследованной древесины с тем или иным типом погребального сооружения, а также с богатым или бедным инвентарем, пока не прослеживается, но мы можем отметить, что наиболее богатые погребения, инвентарь которых хранится в ГИМ, такие как склепы 96 и 98 (в которых найдены богатые ременные гарнитуры и различные типы украшений), отличаются достаточным разнообразием пород древесины (табл. 2: *14—27*) — в них встречены изделия как из тополя (осины), так и из дуба, граба и липы. Предварительно можно сделать вывод, что более высокое по социальному статусу население имело доступ к большему выбору древесины и изделий из нее.

Мы прекрасно понимаем, что выводы и предположения, выдвинутые в нашей работе, стоит оценивать как предварительные и дискуссионные, требующие апробации и верификации. Прежде всего, нам хотелось бы привлечь внимание других исследователей к данной проблематике и необходимости изучения всех органических материалов, которые находятся при археологических раскопках. Надеемся, что опубликованные нами результаты вызовут интерес и послужат хорошим статистическим материалом для дальнейших сравнительных исследований.

Табл. 1. **Результаты AMS-датирования угля из склепа 57 могильника Чуфут-Кале**[1]

Лаб. номер	**Образец**	**^{14}C BP**	**^{14}C cal BC**
IGANams -10101	Уголь (*Acer*, клён)	1540 ± 20	68.3% probability 481AD (7.9%) 492AD 536AD (60.4%) 574AD 95.4% probability 436AD (10.8%) 464AD 475AD (13.4%) 501AD 508AD (1.5%) 516AD 529AD (69.8%) 594AD

[1] Радиоуглеродное датирование проведено в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН и Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США), калибровка выполнена в программе OxCal 4.4, калибровочная кривая IntCal20 (Reimer et al. 2020).

Табл. 2. **Определение пород древесины из могильника Чуфут-Кале**.

№	Номер по музейной описи	Год исследования	Погребение	Предмет и место отбора образца	Древесина
1	Б-1248-188	1957	Погр. 57	лезвие ножа	*Populus* (осина или тополь)
2	Б-1248-190, 194	1957	Погр. 57	лезвие ножа	*Populus* (осина или тополь)
3	Б-1248-191	1957	Погр. 57	лезвие ножа	*Populus* (осина или тополь)
4	Б-1248-без номера	1957	Погр. 57	уголь	*Acer* (клён)
5	Б-1248-214, 216	1957	Погр. 58	лезвие ножа	*Populus* (осина или тополь)
6	Б-1248-259	1957	Погр. 65-1	рукоять ножа	*Acer* (клён)
7	Б-1248-265	1957	Погр. 65-2	лезвие фрагмента ножа	*Quercus* (дуб)
8	Б-1248-382/5	1957	Погр. 77	лезвие ножа	*Populus* (осина или тополь)
9	Б-1248-382/8	1957	Погр. 77	лезвие ножа	*Populus* (осина или тополь)
10	Б-1248-448	1957	Погр. 80	лезвие ножа	*Populus* (осина или тополь)
11	Б-1248-448	1957	Погр. 80	рукоять ножа	*Populus* (осина или тополь)
12	Б-1248-449	1957	Погр. 80	лезвие ножа	*Corylus* (лещина/лесной орех)
13	Б-1249-90	1958	Погр. 89	лезвие ножа	*Carpinus* (граб)
14	Б-1249-136	1958	Погр. 96	лезвие ножа	*Populus* (осина или тополь)
15	Б-1249-140	1958	Погр. 96	лезвие ножа	*Quercus* (дуб)?
16	Б-1249-156, 173	1958	Погр. 96	лезвие ножа	*Populus* (осина или тополь)
17	Б-1249-160	1958	Погр. 96	лезвие ножа	*Populus* (осина или тополь)
18	Б-1249-161, 177	1958	Погр. 96	лезвие ножа	*Quercus* (дуб)
19	Б-1249-168, 169	1958	Погр. 96	лезвие ножа	*Carpinus* (граб)
20	Б-1249-238	1958	Погр. 98	фрагмент ножа	*Populus* (осина или тополь)
21	Б-1249-239	1958	Погр. 98	фрагмент ножа	*Tilia* (липа)
22	Б-1249-242	1958	Погр. 98	фрагмент ножа	*Quercus* (дуб)
23	Б-1249-246	1958	Погр. 98	фрагмент ножа	*Populus* (осина или тополь)
24	Б-1249-247	1958	Погр. 98	фрагмент ножа	*Populus* (осина или тополь)
25	Б-1249-253	1958	Погр. 98	фрагмент ножа	*Populus* (осина или тополь)
26	Б-1249-264/1	1958	Погр. 98	рукоять ножа	*Populus* (осина или тополь)
27	Б-1249-265	1958	Погр. 98	лезвие ножа	*Carpinus* (граб)

Табл. 2. **Определение пород древесины из могильника Чуфут-Кале (продолжение)**.

№	Номер по музейной описи	Год исследования	Погребение	Предмет и место отбора образца	Древесина
28	Б-1250-32/1-7	1959	Погр. 104	фрагмент железного предмета	*Populus* (осина или тополь)
29	Б-1250-32/1-7	1959	Погр. 104	фрагмент железного предмета	*Populus* (осина или тополь)
30	Б-1250-61	1959	Погр. 105	фрагмент ножа	*Quercus* (дуб)
31	Б-1250-90	1959	Погр. 107	фрагмент железного предмета	*Acer* (клён)
32	Б-1250-111	1959	Погр. 108	фрагмент железного предмета	*Populus* (осина или тополь)
33	Б-1250-124	1959	Погр. 109	лезвие ножа	*Euonymus* (бересклет)
34	Б-1532-5	1961	Погр. 110	лезвие ножа	*Populus* (осина или тополь)
35	Б-1532-5	1961	Погр. 110	лезвие ножа	*Pistacia* (фисташка туполистная)
36	Б-1532-5	1961	Погр. 110	фрагмент железного предмета	*Acer* (клён)
37	Б-1532-15	1961	Погр. 111	лезвие ножа	*Fraxinus* (ясень)
38	Б-1532-15	1961	Погр. 111	лезвие ножа	*Fraxinus* (ясень)
39	Б-1532-16	1961	Погр. 111	лезвие ножа	*Populus* (осина или тополь)
40	Б-1532-16	1961	Погр. 111	лезвие ножа	*Populus* (осина или тополь)
41	Б-1532-55	1961	Погр. 113	фрагмент железного предмета	*Populus* (осина или тополь)
42	Б-1532-85	1961	Погр. 118	железный предмет кольчужного переплетения	*Quercus* (дуб)
43	Б-1532-86	1961	Погр. 118	лезвие ножа	*Betula* (берёза)
44	Б-1532-123	1961	Погр. 120	лезвие ножа	*Juniperus* (можжевельник)
45	Б-1532-123	1961	Погр. 120	рукоять ножа	*Pinus* (сосна)
46	Б-1532-129	1961	Погр. 124	лезвие ножа	*Populus* (осина или тополь)
47	Б-1532-129	1961	Погр. 124	фрагмент дерева неясного происхождения	*Quercus* (дуб)
48	Б-1532-129/2	1961	Погр. 124	рукоять ножа?	*Populus* (осина или тополь)
49	Б-1532-129/5	1961	Погр. 124	лезвие ножа	*Carpinus* (граб)
50	Б-1532-без номера	1961	???	фрагмент железного предмета	*Populus* (осина или тополь)

Литература

Айбабин А.И. 1999. *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь: ДАР.

Айбабин А.И. 2003. Крым в VIII—IX веках. Хазарское господство. Степь и Юго-Западный Крым. В: Макарова Т.И., Плетнева С.А. (отв. ред.). *Крым и Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV—XIII века*. Москва: Наука, 59—64 (Археология 18).

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2017. *Крымские готы страны Дори (середина III — VII в.)*. Симферополь: ООО «Антиква».

Бенькова В.Е., Швейнгрубер Ф.Х. 2004. *Анатомия древесины растений России*. Берн: Хаупт.

Быков и др. 2005: Быков Н.И., Быкова В.А., Горбунов В.В., Тишкин А.А. 2005. Дендрохронологический и ксилотомический анализ древесины с Яломанского археологического комплекса. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий* IX-I, 286—288.

Быков и др. 2008: Быков Н.И., Слюсаренко И.Ю., Тишкин А.А. 2005. Анатомический анализ древесины изделий из памятников гунно-сарматской эпохи Алтая. В: Деревянко А.П., Молодин В.И. (отв. ред.). *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий* XIV. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 139—144.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. 1993. *Скалистинский могильник*. Киев: Наукова думка.

Вихров В.Е. 1958. Исследование древесины в древнем Новгороде. *Труды института леса* 37, 142—157.

Гавритухин И.О. 2010. Византийские подвязные фибулы с S-видной петлей для оси пружины. Находки к северу и востоку от Дуная. В: Исланова И.В., Родинкова В.Е. (отв. ред.). *Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы*. Москва: ИА РАН, 35—89 (РСМ 13).

Гавритухин и др. 2022: Гавритухин И.О., Обломский А.М., Торгоев А.И. 2022. Антропоморфные амулеты-фигурки из Стаево на фоне находок из Евразии. В: Обломский А.М. (отв. ред.). *Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V—VII в.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья*. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 170—226 (РСМ 21).

Гвоздецкий Н.А. 1968. *Физико-географическое районирование СССР*. Москва: МГУ.

Гольева А.А. 1999. Исследование древесных остатков и углей из погребений эпохи бронзы могильника Манджикины-1. В: Цуцкин Е.В., Шишлина Н.И. (отв. ред.). *Могильник Манджикины-1 — памятник эпохи бронзы — раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования)*. Москва; Элиста: ГИМ; КИСЭПИ, 55—59.

Гольева А.А. 2005. Информационные возможности определения пород по углям и древесине в археологических исследованиях. *Археология Подмосковья* 2, 300—309.

Гольева А.А. 2009. Использование древесины на полуострове Абрау в древности. В: Малышев А.А. (отв. ред.). *ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау*. Москва: Гриф и К, 181—194.

Гольева А.А. 2014. Естественнонаучные исследования на городище Болгар (первые результаты). *ПА* 2 (8), 205—229.

Дашковский П.К. 2016. Исследование курганов скифского времени на могильнике Инской дол на Алтае. В: Мандрыка П.В. (отв. ред.). *Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Материалы VII Международной научной конференции. Красноярск, 03—07 октября 2016 года*. Красноярск: СФУ, 195—200.

Дидух Я.П. 1986. Геоботаническое районирование Горного Крыма (на основе карты растительности). В: Исаченко Т.И., Грибова С.А. (отв. ред.). *Геоботаническое картографирование*. Ленинград: Наука, 22—33.

Корпусова В.Н., Ляшко С.Н. 1990. Катакомбное погребение с пшеницей в Крыму. *СА* 3, 166—175.

Кропоткин 1952: Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 778. Кропоткин В.В. Отчет о раскопках раннесредневекового могильника на юго-западном склоне Чуфут-Кале в 1952 г.

Кропоткин 1957: Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1679. Кропоткин В.В. Отчет о раскопках раннесредневекового могильника на юго-западном склоне Чуфут-Кале близ д. Староселье Бахчисарайского района Крымской области.

Кропоткин В.В. 1958. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы). *СА* XXVIII, 198—218.

Кропоткин 1959: Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2184а. Альбом к отчету В.В. Кропоткина о раскопках в Чуфут-Кале в 1959 г.

Кропоткин 1961: Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2595а. Кропоткин В.В. Альбом к отчету об археологических раскопках могильника Чуфут-Кале в 1961 году.

Кропоткин В.В. 1965. Могильник Чуфут-Кале в Крыму. *КСИА* 100, 108—114.

Мокрушин и др. 2019: Мокрушин И.Г., Красновских М.П., Иванов П.А., Каменщиков О.Ю., Крыласова Н.Б., Сарапулов А.Н. 2019. Опыт определения пород древесины методом сканирующей электронной микроскопии (по материалам Рождественского городища в Пермском крае). В: Крыласова Н.Б. (отв. ред.). *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции*. Вып. 15, 34—43.

Мыльников и др. 2012: Мыльников В.П., Быков Н.И., Слюсаренко И.Ю., Тишкин А.А. 2012. Сравнительный анализ деревянных предметов из археологических памятников Алтая в свете междисциплинарного подхода. В: Деревянко А.П., Молодин В.И. (отв. ред.). *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий* Т. 18. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 242—248.

Набоков А.И. 2016. Основные этапы изучения городища Чуфут-Кале. *История и археология Крыма* III, 348—371.

Парусимов И.Н. 1998. Раскопки курганов в Зимовниковском районе. *Труды Новочеркасской археологической экспедиции* 3, 4—43.

Перелыгин Л.М., Уголев Б.Н. 1971. *Древесиноведение*. Москва: Лесная промышленность.

Пожидаев В.М. и др. 2020: Пожидаев В.М., Лобода А.Ю., Камаев А.В., Яцишина Е.Б. 2020. Исследование древесины гребня для волос из раскопок городища на плато Эски-Кермен. *МАИЭТ* XXV, 313—321.

Полканова Т.А. 2005. Основатель музея пещерных городов. Памяти Я.А. Дубинского. В: *Крымские караимы: происхождение, этнокультура, история*. Симферополь: Доля, 83—86.

Саприна В.И. (ред.). 2000. *Атлас по географии Крыма*. Симферополь: Союзкарта.

Семенов А.И. 1985. Восстановление кудыргинских ножен древнетюркского времени. *СГЭ* 50, 35—38.

Соколов и др. 1977: Соколов С.Я., Связева О.А., Кубли В.А., Скворцов А.К., Грудзинская И.А., Огуреева Г.Н. 1977. *Ареалы деревьев и кустарников СССР*. Т. 1. Ленинград: Наука.

Сокольский Н.И. 1969. *Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья*. Москва: Наука (САИ Г1-17).

Сокольский Н.И. 1971. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. Москва: Наука (МИА 178).

Строков А.А. 2020. Фанагория в эпоху Великого переселения народов: первые радиоуглеродные даты, верификация и обсуждение. *МАИЭТ* XXV, 43—65.

Строков и др. 2022: Строков А.А., Камелина Г.А., Мамонова А.А. 2022. Текстиль раннесредневековых могильников Крыма. *КСИА* 268 (в печати).

Тишкин А.А., Мыльников В.П. 2008. Деревянные изделия из кургана 31 памятника Яломан II на Алтае. *Археология, этнография и антропология Евразии* 1, 93—102.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. 2016. *Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. — V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I).* Барнаул: Алтайский университет.

Тарабардина О.А. 2007. Дендрохронология средневекового Новгорода (по материалам археологических исследований 1991—2005 гг.): дисс. … канд. ист. наук. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова.

Филин В.Р., Сутягина П.А. 2013. Остатки древесины в курганных погребениях эпохи бронзы Северо-Западного Прикаспия (на юго-востоке Ростовской области, в Калмыкии и Ставропольском крае). В: Белинский А.Б. (отв. ред.). *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология, краеведение, музееведение* 11. Москва: Памятники исторической мысли, 169—180.

Хайрединова Э.А. 2003. Обувные наборы V—VII вв. из юго-западного Крыма. *МАИЭТ* X, 125—160.

Хайрединова Э.А. 2020. Деревянные гребни из Эски-Кермена. *МАИЭТ* XXV, 295—312.

Хатер Д. 1999. Использование дерева в Средневековом Новгороде. Предварительные результаты. *НИЗ* 13, 46—57.

Юрочкин В.Ю. 2013. «Готский» и «славянский» вопросы в послевоенном Крыму. В: Сорочан С.Б. (гл. ред.). *Ῥωμαῖος: сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана. Нартекс. Byzantina Ukrainensi*. Т. 2. Харьков: Майдан, 392—413.

Akkemik Ü., Yaman B. 2012. *Wood anatomy of Eastern Mediterranean species*. Remagen-Oberwinter: Kessel Publishing House.

Florian M.L.E. 1990. Scope and history of archaeological wood. In: Rowell R.M., Barbour R.J. (eds.). *Archaeological wood. Properties, chemistry, and preservation. Advances in Chemistry Series* 225. Washington DC: American Chemical Society, 1—32.

Pankova et al. 2021: Pankova S.V., Makarov N.P., Simpson S.J., Cartwright C.R. 2021. New radiocarbon dates and environmental analyses of finds from 1903 excavations in the eastern plot of the Tashtyk cemetery of Oglakhty. *Сибирские исторические исследования* 3, 24—59.

Reimer et al. 2020: Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0—55 cal kBP). *Radiocarbon* 62, 725—757.

San-Miguel-Ayanz et al. 2016: San-Miguel-Ayanz J., de Rigo D., Caudullo G., Houston Durrant T., Mauri A. 2016. *European forest tree species.* Luxembourg: Publication Office of the European Union.

Shishlina et al. 2014: Shishlina N.I., Kovalev D.S., Ibragimova E.R. 2014. Catacomb culture wagons of the Eurasian steppes. *Antiquity* 88, 378—394.

woodanatomy.ch: 1: Wood anatomy of Central European species. URL: http://www.woodanatomy.ch/ (дата обращения 14.09.2022).

References

Aybabin, A.I. 1999. *Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma (Ethnic history of the Early Byzantine Crimea)*. Simferopol: DAR (in Russian).

Aybabin, A.I. 2003. in: Makarova, T.I., Pletneva, S.A. (eds.). *Krym i Severo-Vostochnoye Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya. IV—XIII veka (Crimea and the North-Eastern Black Sea and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th — 13th centuries)*. Moscow: Nauka, 59—64 (Archaeology 18) (in Russian).

Aybabin, A.I., Khayredinova, E.A. 2017. *Krymskiye goty strany Dori (seredina III — VII v.) (Crimean Goths of the Dori country (middle of the 3rd — 7th centuries))*. Simferopol: OOO “Antikva” (in Russian).

Ben'kova, V.E., Shveyngruber, F.Kh. 2004. *Anatomiya drevesiny rasteniy Rossii (Anatomy of Russian plant wood)*. Bern: Khaupt (in Russian).

Bykov i dr. 2005: Bykov, N.I., Bykova, V.A., Gorbunov, V.V., Tishkin, A.A. 2005. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy (Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories)* IX-I, 286—288 (in Russian).

Bykov i dr. 2008: Bykov, N.I., Slyusarenko, I.Yu., Tishkin, A.A. 2005. In: Derevyanko, A.P., Molodin, V.I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy (Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories)* XIV. Novosibirsk: IAET SO RAN, 139—144 (in Russian).

Veimarn, E.V., Aybabin, A.I. 1993. *Skalistinskiy mogil'nik (Skalistoe burial ground)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Vikhrov, V.E. 1958. In *Trudy instituta lesa (Proceedings of the Forest Institute)* 37, 142—157 (in Russian).

Gavritukhin, I.O. 2010. In: Islanova, I.V., Rodinkova, V.E. (eds.). *Arkheologiya Vostochnoy Evropy v I tysyacheletii n.e. Problemy i materially (Archaeology of Eastern Europe in the 1st millennium CE. Problems and materials)*. Moscow: IA RAN, 35—89 (Early Slavic world 13) (in Russian).

Gavritukhin i dr. 2022: Gavritukhin, I.O., Oblomskiy, A.M., Torgoev, A.I. 2022. In: Oblomskiy, A.M. (ed.). *Torgovo-remeslennyi kompleks u s. Stayevo v verkhov'yakh r. Voronezh (konets V—VII v.) i nekotorye problemy arkheologii Verkhnego Podon'ya epokhi rannego Srednevekov'ya (Trade and craft complex near the village. Staevo in the upper reaches of the river. Voronezh (late 5th — 7th c.) and some problems of archaeology of the Upper Don region in the early Middle Ages)*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 170—226 (Early Slavic world 21) (in Russian).

Gvozdetskiy, N.A. 1968. *Fiziko-geograficheskoye rayonirovanie SSSR (Physiographic zoning of the USSR)*. Moscow: MGU (in Russian).

Gol'yeva, A.A. 1999. In: Tsutskin, E.V., Shishlina, N.I. (eds.). *Mogil'nik Mandzhikiny-1 — pamyatnik epokhi bronzy — rannego zheleznogo veka Kalmykii (opyt kompleksnogo issledovaniya) (The burial ground of*

Mandzhikiny-1 is a monument of the Bronze Age — Early Iron Age of Kalmykia (experience of a comprehensive study)). Moscowa; Elista: GIM; KISEPI, 55—59 (in Russian).

Gol'yeva, A.A. 2005. In *Arkheologiya Podmoskov'ya (Archaeology of the Moscow region)* 2, 300—309 (in Russian).

Gol'yeva, A.A. 2009. In: Malyshev, A.A. (ed.). *ABRAU ANTIQUA. Rezul'taty kompleksnykh issledovaniy drevnostey poluostrova Abrau (ABRAU ANTIQUA. Results of complex studies of the antiquities of the Abrau Peninsula)*. Moscow: Grif i K, 181—194 (in Russian).

Gol'yeva, A.A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 2 (8), 205—229 (in Russian).

Dashkovskiy, P.K. 2016. In: Mandryka, P.V. (ed.). *Drevniye kul'tury Mongolii, Baykal'skoy Sibiri i Severnogo Kitaya: Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Krasnoyarsk, 03—07 oktyabrya 2016 goda (Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: Proceedings of the 7th International Scientific Conference. Krasnoyarsk, October 03—07, 2016)*. Krasnoyarsk: SFU, 195—200 (in Russian).

Didukh, Ya.P. 1986. In: Isachenko, T.I., Gribova, S.A. (eds.). *Geobotanicheskoe kartografirovanie (Geobotanical mapping)*. Leningrad: Nauka, 22—33 (in Russian).

Korpusova, V.N., Lyashko, S.N. 1990. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 3, 166—175 (in Russian).

Kropotkin 1952: Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. No. 778. Kropotkin V.V. Otchet o raskopkakh rannesrednevekovogo mogil'nika na yugo-zapadnom sklone Chufut-Kale v 1952 g.

Kropotkin 1957: Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. No. 1679. Kropotkin V.V. Otchet o raskopkakh rannesrednevekovogo mogil'nika na yugo-zapadnom sklone Chufut-Kale bliz d. Starosel'e Bakhchisarayskogo rayona Krymskoy oblasti.

Kropotkin, V.V. 1958. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* XXVIII, 198—218 (in Russian).

Kropotkin 1959: Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. No. 2184a. Al'bom k otchetu V.V. Kropotkina o raskopkakh v Chufut-Kale v 1959 g.

Kropotkin 1961: Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. No. 2595a. Kropotkin V.V. Al'bom k otchetu ob arkheologicheskikh raskopkakh mogil'nika Chufut-Kale v 1961 godu.

Kropotkin, V.V. 1965. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 100, 108—114 (in Russian).

Mokrushin i dr. 2019: Mokrushin, I.G., Krasnovskikh, M.P., Ivanov, P.A., Kamenshchikov, O.Yu., Krylasova, N.B., Sarapulov, A.N. 2019. In: Krylasova, N.B. (ed.). *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition)*. Iss. 15, 34—43 (in Russian).

Myl'nikov i dr. 2012: Myl'nikov, V.P., Bykov, N.I., Slyusarenko, I.Yu., Tishkin, A.A. 2012. In: Derevyanko, A.P., Molodin, V.I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy (Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories)*. Vol. 18. Novosibirsk: IAET SO RAN, 242—248 (in Russian).

Nabokov, A.I. 2016. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and archaeology of Crimea)* III, 348—371 (in Russian).

Parusimov, I.N. 1998. In *Trudy Novocherkasskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Novocherkassk archaeological expedition)* 3, 4—43 (in Russian).

Perelygin, L.M., Ugolev, B.N. 1971. *Drevesinovedenie (Timber science)*. Moscow: Lesnaya promyshlennost' (in Russian).

Pozhidaev V.M. i dr. 2020: Pozhidaev, V.M., Loboda, A.Yu., Kamaev, A.V., Yatsishina, E.B. 2020. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXV, 313—321 (in Russian).

Polkanova, T.A. 2005. In: *Krymskiye karaimy: proiskhozhdeniye, etnokul'tura, istoriya (Crimean Karaites: origin, ethnoculture, history)*. Simferopol: Dolya, 83—86 (in Russian).

Saprina, V.I. (ed.). 2000. *Atlas po geografii Kryma (Atlas on the geography of Crimea)*. Simferopol: Soyuzkarta (in Russian).

Semenov, A.I. 1985. In *Soobshheniya Gosudarstvennogo Ermitazha (Statements of the State Hermitage)* 50, 35—38 (in Russian).

Sokolov i dr. 1977: Sokolov, S.Ya., Svyazeva, O.A., Kubli, V.A., Skvortsov, A.K., Grudzinskaya, I.A., Ogureyeva, G.N. 1977. *Arealy derev'ev i kustarnikov SSSR (Areas of trees and shrubs in the USSR)*. Vol. 1. Leningrad: Nauka (in Russian).

Sokol'skiy, N.I. 1969. *Antichnye derevyannye sarkofagi Severnogo Prichernomor'ya (Antique wooden sarcophagi of the Northern Black Sea region)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources G1-17) (in Russian).

Sokol'skiy, N.I. 1971. *Derevoobrabatyvayushchee remeslo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya (Woodworking craft in the ancient states of the Northern Black Sea region).* Moscow: Nauka (Materials and Research in the Archaeology of the USSR 178) (in Russain).

Strokov, A.A. 2020. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXV, 43—65 (in Russian).

Strokov i dr. 2022: Strokov, A.A., Kamelina, G.A., Mamonova, A.A. 2022. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 268 (in print) (in Russian).

Tishkin, A.A., Myl'nikov, V.P. 2008. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 1, 93—102 (in Russian).

Tishkin, A.A., Myl'nikov, V.P. 2016. *Derevoobrabotka na Altaye vo II v. do n.e. — V v. n.e. (po materialam pamyatnikov Yaloman-II i Bosh-Tuu-I) (Woodworking in Altai in the 2nd c. BCE — 5thc. CE (Based on the materials of the Yaloman-II and Bosh-Tuu-I sites))*. Barnaul: Altayskiy universitet (in Russian).

Tarabardina, O.A. 2007. Dendrochronology of Medieval Novgorod (Based on Materials of Archaeological Research 1991—2005): PhD Thesis. Moscow: MGU im. M.V. Lomonosova.

Filin, V.R., Sutyagina, P.A. 2013. In: Belinskiy, A.B. (ed.). *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Arkheologiya, krayevedenie, muzeyevedenie (Materials for the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Archaeology, local history, museology)* 11. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 169—180 (in Russian).

Khayredinova, E.A. 2003. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* X, 125—160 (in Russian).

Khayredinova, E.A. 2020. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXV, 295—312 (in Russian).

Khater, D. 1999. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya (Novgorod and Novgorod land)* 13, 46—57 (in Russian).

Yurochkin, V.Yu. 2013. In: Sorochan, S.B. (ed.). *῾Pōmaĩos: sbornik stateĭ k 60-letiyu prof. S.B. Sorochana. Narteks. Byzantina Ukrainensi (῾Ρωμαῖος: collection of articles dedicated to the 60th anniversary of prof. S.B. Sorochan. Narthex. Byzantina Ukrainensi)*. Vol. 2. Kharkov: Maydan, 392—413 (in Russian).

Akkemik, Ü., Yaman, B. 2012. *Wood anatomy of Eastern Mediterranean species*. Remagen-Oberwinter: Kessel Publishing House.

Florian, M.L.E. 1990. Scope and history of archaeological wood. In: Rowell, R.M., Barbour, R.J. (eds.). *Archaeological wood. Properties, chemistry, and preservation. Advances in Chemistry Series* 225. Washington DC: American Chemical Society, 1—32.

Pankova et al. 2021: Pankova, S.V., Makarov, N.P., Simpson, S.J., Cartwright, C.R. 2021. In *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya (Siberian historical research)* 3, 24—59 (in Russian).

Reimer et al. 2020: Reimer, P., Austin, W., Bard, E., Bayliss, A., Blackwell, P., Bronk Ramsey, C., Butzin, M., Cheng, H., Edwards, R., Friedrich, M., Grootes, P., Guilderson, T., Hajdas, I., Heaton, T., Hogg, A., Hughen, K., Kromer, B., Manning, S., Muscheler, R., Palmer, J., Pearson, C., van der Plicht, J., Reimer, R., Richards, D., Scott, E., Southon, J., Turney, C., Wacker, L., Adolphi, F., Büntgen, U., Capano, M., Fahrni, S., Fogtmann-Schulz, A., Friedrich, R., Köhler, P., Kudsk, S., Miyake, F., Olsen, J., Reinig, F., Sakamoto, M., Sookdeo, A., Talamo, S. 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0—55 cal kBP). *Radiocarbon* 62, 725—757.

San-Miguel-Ayanz et al. 2016: San-Miguel-Ayanz, J., de Rigo, D., Caudullo, G., Houston Durrant, T., Mauri, A. 2016. *European forest tree species.* Luxembourg: Publication Office of the European Union.

Shishlina et al. 2014: Shishlina, N.I., Kovalev, D.S., Ibragimova, E.R. 2014. Catacomb culture wagons of the Eurasian steppes. *Antiquity* 88, 378—394.

woodanatomy.ch: 1: Wood anatomy of Central European species. Available at: http://www.woodanatomy.ch/ (accessed 14.09.2022).

Рис. 1. Расположение могильника Чуфут-Кале и ключевых синхронных памятников.

Fig. 1. Location of the Chufut-Kale burial ground and key synchronous sites.

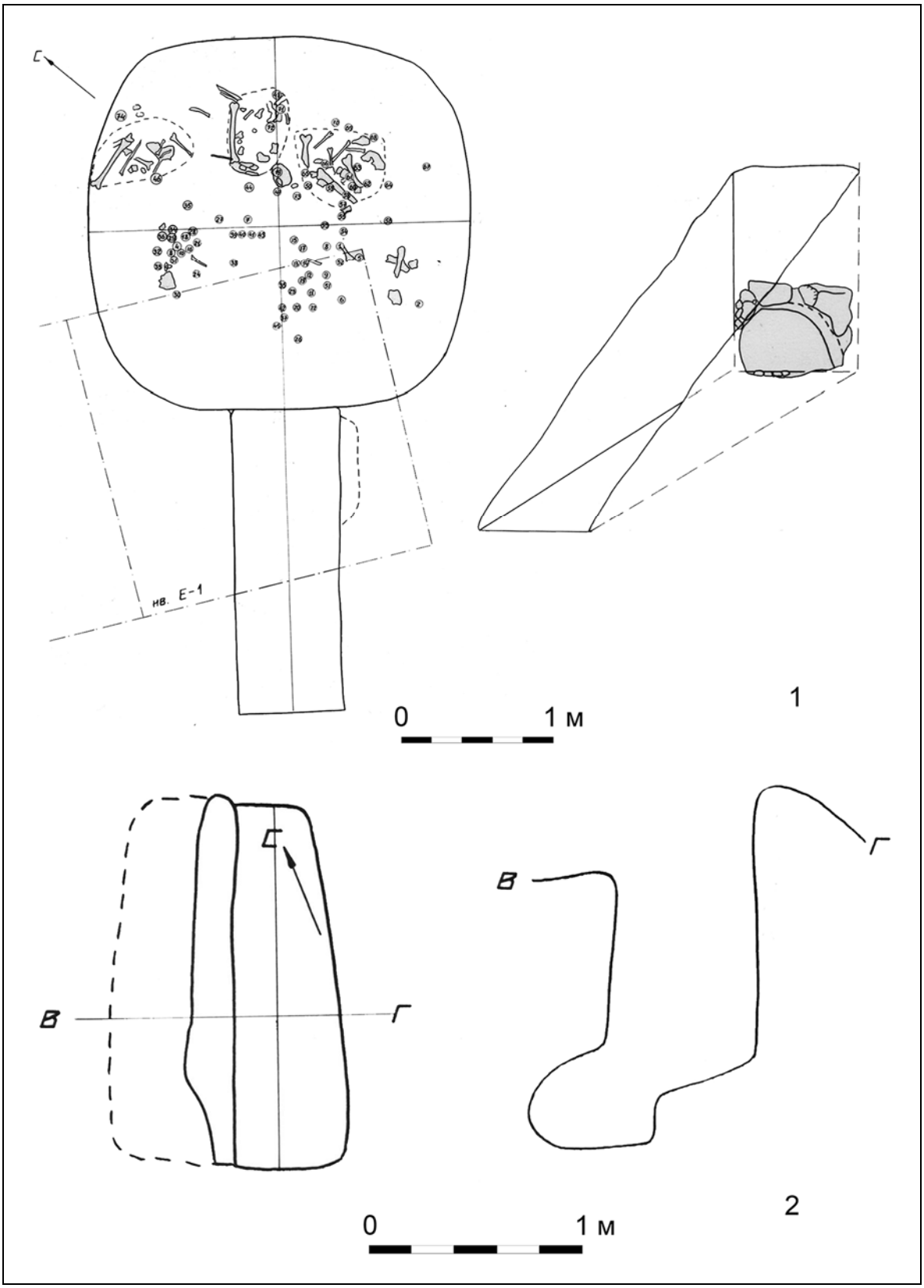


Рис. 2. Основные типы погребальных сооружений могильника Чуфут-Кале: *1* — склеп 104, план и разрез (по Кропоткин 1959: Л. 4); *2* — подбойная могила 124, план и разрез (по Кропоткин 1961: Л. 9).

Fig. 2. The main types of burial structures at the Chufut-Kale burial ground: *1* — burial vault 104, plan and section (after Kropotkin 1959: L. 4); *2* — side-pit grave 124, plan and section (after Kropotkin 1961: L. 9).

Рис. 3. Основные хроноиндикаторы из рассматриваемых погребений могильника Чуфут-Кале: *1, 2* — склеп 57; *3* — склеп 58; *4* — склеп 108; *5—8* — склеп 65; *9—12* — склеп 107; *13* — склеп 110; *14* — склеп 104; *15* — склеп 113. *1—8, 12* — железо; *9—11* — серебро; *13—15* — бронза.

Fig. 3. The main chronological indicators from the considered burials of the Chufut-Kale burial ground: *1, 2* — burial vault 57; *3* — burial vault 58; *4* — burial vault 108; *5—8* — burial vault 65; *9—12* — burial vault 107; *13* — burial vault 110; *14* — burial vault 104; *15* — burial vault 113. *1—8, 12* — iron; *9—11* — silver; *13—15* — bronze.

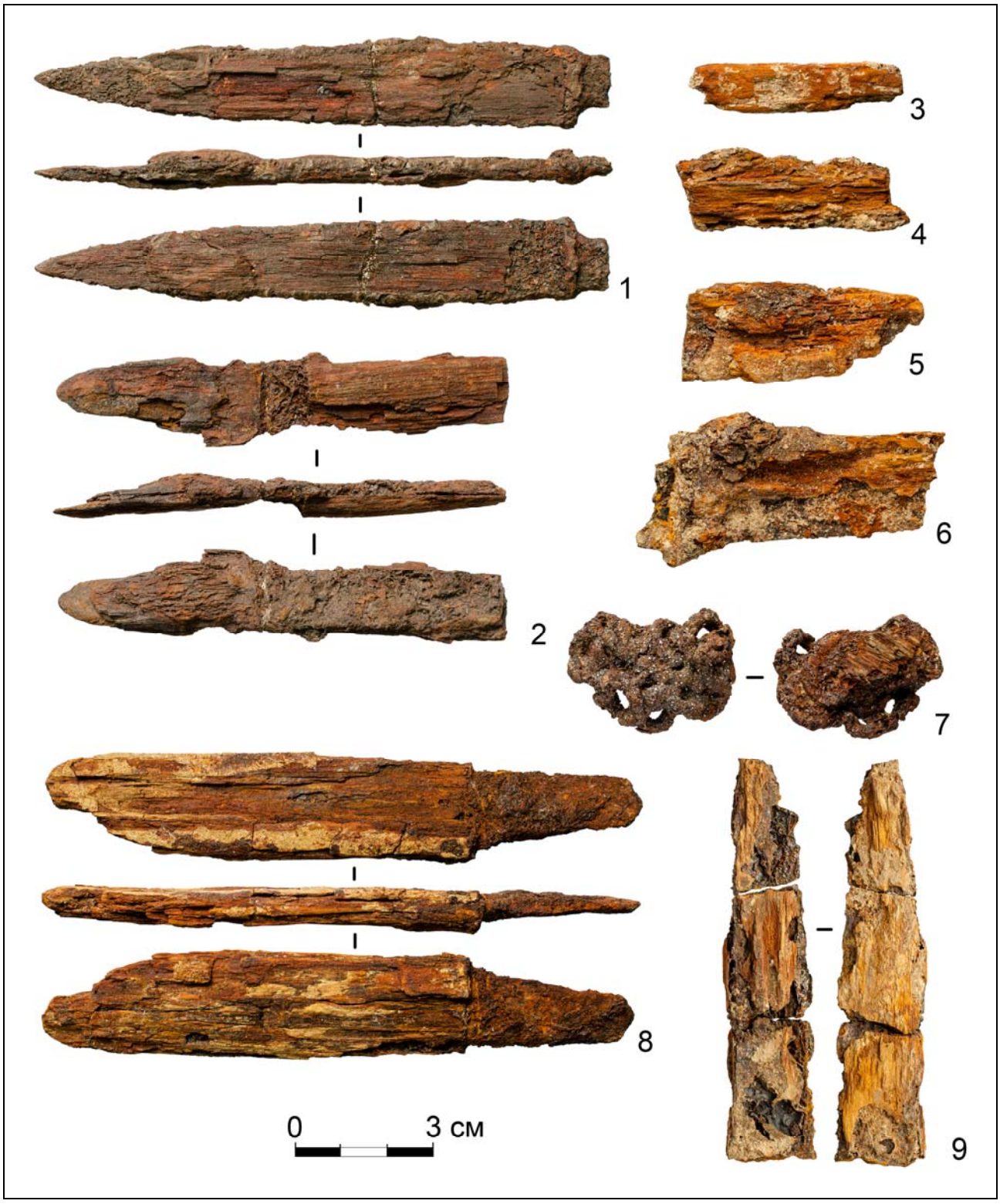


Рис. 4. Древесина на предметах из раскопок могильника Чуфут-Кале: *1* — нож, склеп 57; *2* — нож, склеп 65; *3—4* — фрагменты ножей (?), склеп 110; *5—6* — фрагменты ножей (?), склеп 111; *7* — предмет железный кольчужного переплетения, склеп 118; *8* — нож, склеп 120; *9* — нож, склеп 118.

Fig. 4. Wood on items from the excavations at the Chufut-Kale burial ground: *1* — knife, burial vault 57; *2* — knife, burial vault 65; *3—4* — fragments of knives (?), burial vault 110; *5—6* — fragments of knives (?), burial vault 111; *7* — iron item of chain mail, burial vault 118; *8* — knife, burial vault 120; *9* — knife, burial vault 118.

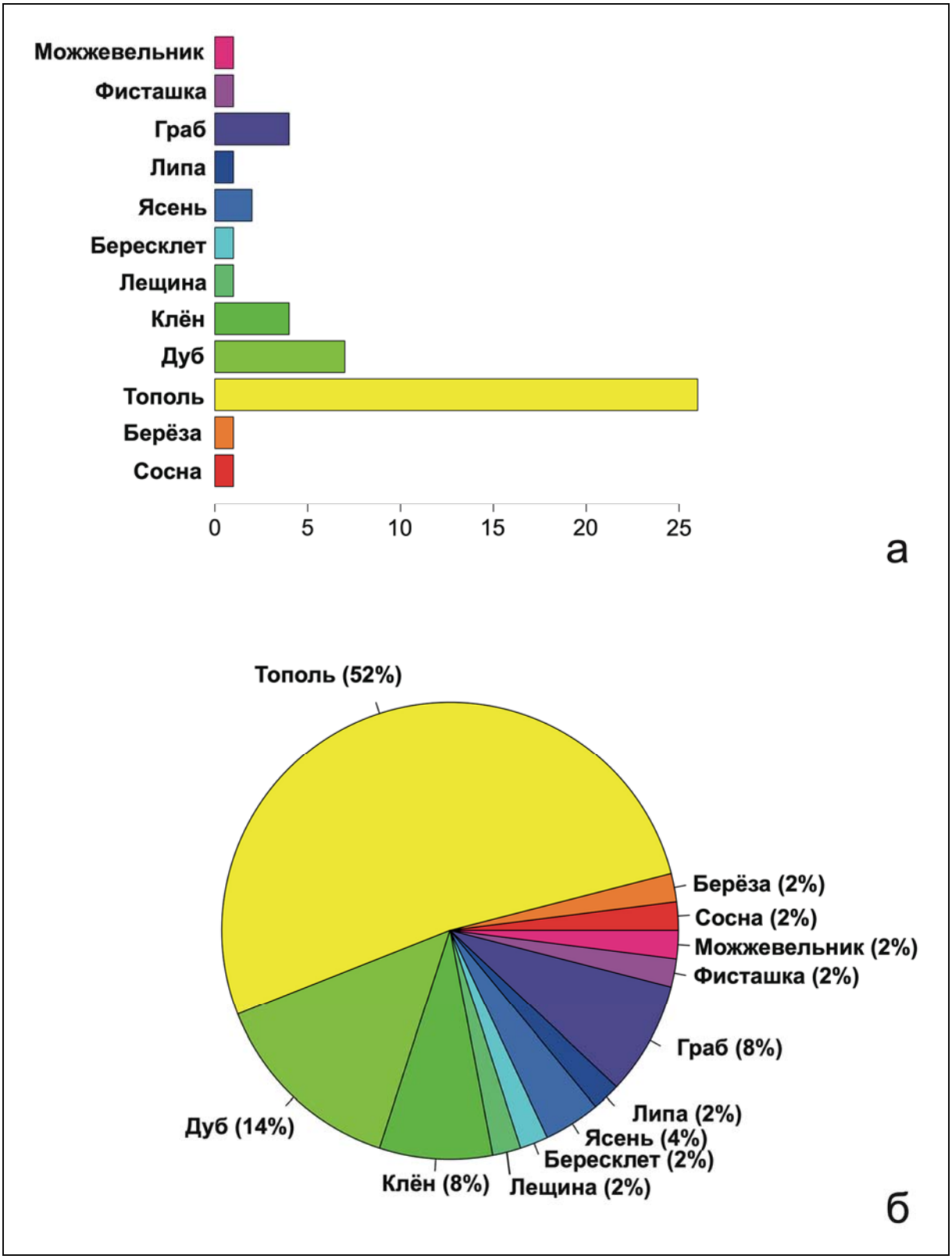


Рис. 5 Результаты определения таксономический принадлежности древесины: *а* — в абсолютных значениях, шт., *б* — в процентах, %.

Fig. 5. Results of determining the taxonomic affiliation of wood: *a* — in absolute values, pieces, *б* — in percentage, %.

УДК 902
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.52.90.009

Pasha Pashazadeh, Reza Rezalou, Hossein Alizadeh

THE IRON AGE SITES IN THE NORTHERN AREA OF SABALAN MOUNTAIN AND CURRENT MIGRATION ROUTES OF THE SHAHSEVEN TRIBES: A COMPARATIVE STUDY*

The current migration routes may represent an excellent record while studying nomadic populations in the past. And although we can only extrapolate the current situation or the results of comparative studies to the past without equating them, migration routes may be used as research contexts of high reliability. The slopes of Sabalan Mountain in the northwest of Iran is among principal summer pastures used by the herders of the Shahseven tribes. Here, the vast majority of Iron Age sites are cemeteries not associated with settlements, so in the past the area was used by the nomads for their summer camps. During the research of migration routes of the modern-day Shahseven leading to the summer pastures, multiple Iron Age cemeteries, as well as fortified settlements and campsites, were discovered. In large-scale field investigations, archaeological sites were thoroughly surveyed to locate them in relation to current migration routes and to verify possible relationship between them. In the research area, sites were studied both by number and by categories, and the sought-for relationship has been established. It is obvious that the sites are concentrated along migration routes. Both on the mountain slopes and adjacent plains, traces of ten pathways of primary and secondary importance were recovered, and Iron Age sites are found throughout along them. Hence, some modern migration routes appeared to have been in use during the Iron Age, although the traditional ancient pathways may not have been entirely the same as modern ones.

Key words: Iron Age, Western Basin of Meshgin Shahr, Northern Slopes of Sabalan, Iron Age's migration routes, Shahsavan Tribes.

About the authors: Pashazadeh Pasha[1], Department of Archaeology, Miyaneh Branch, Islamic Azad University; Rezalou Reza[2], corresponding author, Professor, Department of Archaeology, University of Mohaghegh Ardabili; Alizadeh Hossein[3], Assistant Professor, Department of Archaeology, Miyaneh Branch, Islamic Azad University.

Contact information: [1,3]5315836511, Iran, Miyaneh, Islamic Azad University, Miyaneh Branch, Zainabiyeh Martyrs Street; e-mail: [1]pasha.p13@yahoo.com; [3]h_alizadeh313@yahoo.com; [2]5619911367, Iran, Ardabil, University of Mohaghegh Ardabili, end of University street; e-mail: rezaa.rezalou@gmail.com.

Паша Пашазаде, Реза Резалу, Хосейн Ализаде

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СОВРЕМЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПУТЕЙ ШАХСЕВЕНСКИХ ПЛЕМЁН НА СЕВЕРНЫХ СКЛОНАХ ГОРЫ СЕБЕЛАН

Современные миграционные пути представляют собой замечательный источник для изучения древнего кочевого населения. И хотя нынешнюю ситуацию и результаты сравнительного изучения можно лишь проецировать на процессы в прошлом, не отождествляя их, пути миграций составляют весьма надёжный контекст исследования. Склоны горы Себелан в северо-западном Иране — одно из основных мест летнего пребывания племён шахсевенов. Множество памятников железного века в этих районах — это, в основном, могильники, не связанные с поселениями, из чего следует, что эти места кочевники древности использовали как летние пастбища. Изучением же миграционных путей нынешних

* Статья поступила в номер 15 мая 2022 г.
Принята к печати 30 мая 2022 г.

© Pasha Pashazadeh, Reza Rezalou, Hossein Alizadeh, 2022.

шахсевенов в направлении этих летовок открыты многочисленные могильники, а также укреплённые и открытые поселения железного века. В ходе масштабных полевых исследований расположение археологических памятников было тщательно соотнесено с современными маршрутами в целях проверки их возможной взаимосвязи. Древние памятники в исследуемом пространстве изучены к количественном и качественном отношении, и искомая взаимосвязь установлена. Концентрация памятников вдоль миграционных путей вполне очевидна. На склонах и примыкающих равнинах выявлены следы десяти главных и второстепенных дорог, и повсюду они сопряжены с памятниками железного века. Следовательно, некоторые маршруты нынешних миграций использовались и в железном веке, хотя традиционные древние тропы, возможно, не вполне и не всякий раз совпадали с современными.

Ключевые слова: железный век, западная котловина Мешгин-Шахра, северные склоны Сабалана, миграционные пути железного века, племена шахсаванов.

Сведения об авторах: Пашазаде Паша[1], кафедра археологии, Исламский университет Азад, Филиал Мияне; Резалу Реза[2], автор-корреспондент, профессор, кафедра археологии, Университет Мохаге Ардабили; Ализаде Хосейн[3], доцент, кафедра археологии, Исламский университет Азад, Филиал Мияне.

Контактная информация: [1,3]5315836511, Иран, Мияне, Исламский университет Азад, Филиал Мияне, Zainabiyeh Martyrs Street; e-mail: [1]pasha.p13@yahoo.com; [3]h_alizadeh313@yahoo.com; [2]56199-11367, Иран, Ардабиль, Университет Мохаге Ардабили, end of University street; e-mail: rezaa.rezalou@gmail.com.

Introduction

Shahsavan tribes are one of the most important tribes in Iran and the largest tribe in Ardabil province. The most important summer pastures of these nomadic tribes are located in the foothills of Sabalan, which move to it from the southern parts of the province every year and live in it seasonally for half of the year. Although the migration is very limited on foot and vehicles are used today, the traces of the ways and migration routes that have been used for decades remain strong; the ways that seem to have inherited these tribes from the distant past, and the letters that refer to these routes are officially associated with the names of different groups of the Shahsavan tribes.

The present study seeks to investigate the relationship between the Iron Age sites of this region and the Shahsavan tribes and what points if this relationship indicates. Our information about the Iron Age sites in this part of Meshgin Shahr is based on a series of the excavations that have been done in single cemetery sites that are not far from each other in terms of distance and are all concentrated around the Meshginchay river basin. An extensive survey was needed to assess the location of the sites relative to each other and, on the other hand, to determine the role of the migration routes in the distribution of these sites. The ancient migration ways could not be precisely explained, so it was necessary to seek the help of current migration routes to achieve such a goal.

Most of the sites in the Meshgin Shahr area are cemeteries that are not much different from other sites in the Iron Age in Iran in terms of burial structures. The main difference that can be seen is the high density of cemeteries in this area. The distance between the sites is very short, which indicates the continuous and long nomadism in this part of the province. Until now, there was no information about the slopes of Sabalan Mountain and its role in these ethnic displacements; one of the sub-objectives of this research is to determine the role of Sabalan slopes in ethnic movements of the Iron Age.

Research background

So far, no research has been accomplished on the origin of the ancient migration ways of Sabalan Mountain or their distribution. One of the researches that is close to the subject of the present study both in terms of geography and method of study is entitled “Introduction to the Archaeological Ethnography of the Central Qara Dagh nomads” has been done (Askarpour et al.

2016), in which the reasons for the continuation of nomadic life in this region and its historical and ecological connections have been studied. The studies related to nomadism and to some extent archeology in different regions of Iran (Fars province, Chaharmahal Bakhtiari and Khorasan) have been conducted by the Iranian and foreign missions (Varjavand 1965; Adams 1974; Zagarell 1975; 1982; Bates, Lees 1977; Pullar 1990; Baharvand 1999; Alizadeh 2008). In Ilam province, the phenomenon of nomadism was first observed by an American delegation led by Frank Hole (1978) in Dehloran. The other researches that have studied the phenomenon of nomadism from an ethnographic perspective include Kramer (1982), Watson (1979), Amanolahi Baharvand (1975), and Mortensen (1993) and Abdi (et al. 2002), that most of it has been done around of the nomads and rural communities in these areas. The other researches in this field in Iran include a study entitled "Ethnoarchaeology of the migration routes in the west of Central Zagros" (Talaei et al. 2014), which relies on the archaeological and anthropological researches from the Neolithic to Islamic eras and the factors that influenced its intensity and weakness, the history of animal domestication, how nomadic communities were formed and its history in the Central Zagros have been studied.

Barth's study (1961) of the Basseri tribes of Fars province has been done mostly to extract the rules of their contemporary socio-political organization from the perspective of "general ecology". The same is true in the study of the nomadic and sedentary tribes of Lor (Black-Michaud 1974; Feilberg 1952). The Bakhtiaries (Digard 1973) and Qashqaies (Beck 1978) have also been studied from an anthropological rather than an archaeological perspective. Watson's study (1979) on the nomads and sedentaries of Kermanshah can be considered as the most comprehensive ethnographic study in order to answer archaeological problems. One of the first studies in this field was the Archaeological Surveys of Northern Baluchistan conducted by Marochek. He followed the path of the nomadic tribes of the contemporary region of Baluchistan to identify and study the seasonal settlements of past human groups (Marucheck 1976: 272).

The relatively important studies on the Iron Age have been conducted in the study area. In 1978, Charles Burney studied the Meshgin Shahr plain and reported the existence of 76 sites belonged to different periods (Burney 1979: 156). The survey and excavation of Shahar Yeri site (Hejbari-Noobri 2004; Pourfaraj 2007), the survey of central and satellite castles of Meshgin Shahr (Rezalou and Ayremlou 2014), the excavation in Khoram Abad cemetery (Rezalou 2012), the excavation in Qizil Ghaye cemetery of Ahmad Beyglou village in Meshgin Shahr (Hajizadeh 2014), the survey of the Meshgin Chay river basin (Ayremlou 2018) are the important researches in this region that parts of the field studied by these researches corresponds exactly to the part of the field that has been surveyed and studied in the present article.

In the case of the Shahsavan tribes, some very significant works have been written. Richard Tapper has two very important works about the Shahsavan tribes that have been written from the point of view monograph and ethnography. The first is entitled "Pasture and Politics" (Tapper, 1979) and the second is entitled "Frontier Nomads of Iran" (Tapper 1997). The present book Based on the field and detailed library researches is devoted to the study of the political and social history of one of the great tribal unions of Iran, the Shahsavan of Azerbaijan. Tapper has also published several articles on the Shahsavan tribes (Tapper 1966; 1974; 1988). Another work that has been published in three languages in English, Italian and Persian is the book "Shahsavan" (Sabahi 2018), in which by looking at the historical origin of the Shahavan tribe and examining their settlements, while trying to introduce the handicrafts of these peoples should also pay attention to their customs.

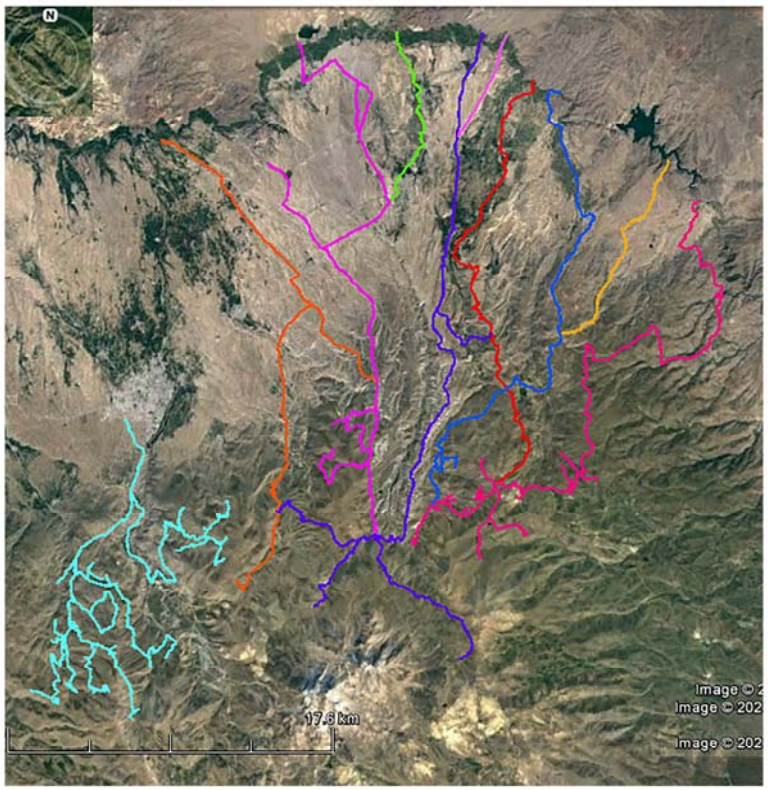


Fig. 1. The study area in the northern part of Sabalan Mountain and the identified migration roads of Shahsavan tribes.

The research area

In the northern part of Sabalan, the area in which the field study was conducted, covers an area of 2250 km^2, in which 7 long migration ways and 3 short routes related to the migration of Shahsavan tribes are identified and the Iron Age sites around them were studied and named from west to east with numbers 6 to 15 (Fig. 1). This area leads to Qara Su river from the north, northwest and northeast. In these areas, the Qara Su river has crescentically limited the study area, which starts from the northeast of Arbab kandi village, progresses to the great Sabalan Dam, and after passing through the northern part of villages such as Pirazmian, Lamber, Chapaghan, Qaderlou, Kangarlou, Aqdaraq and Jabdaraq, lead to the area of the northwest and west of Sabalan. Qara Su river passes through the northern part of all these villages and finally joins Ahar Chai river after a few kilometers. The study area is from the west to the western part of Meshgin Shahr city, where urban constructions have started, and the villages located in this part, including Dastgir, Nasirabad, Parikhan, Aqbolagh, Majandeh and Ur are limited. The southern part of the study area leads to the northern slopes of Sabalan. In this section, many migration routes end in high slopes. The westernmost route, No. 6 in this area, after passing the northwestern slopes of Sabalan, enters the summer pastures of East Azerbaijan province, and another branch of it, advancing to the southwestern slopes of Sabalan, enters summer pastures of Ardabil city. In the northeastern part of the high slopes of Sabalan, one of the migration routes, No. 10, passes through the slopes of Sabalan and advances towards the summer pastures of Ardabil and Sarein. In all the ways studied in this area, the point of origin, Qarah Su river and the destination point has been all the summer pastures of Sabalan northern basin within the city of Meshgin Shahr and survey the route of these routes to the end of the border area of this city. In each route, the scope of the field survey extends to the sides by about 2.5 to 3 km; In this way, in fact, all the areas in which these migration routes are located have been thoroughly studied and the place out of sight has not remained in the research area. Although these routes are not currently used and transportation is done by vehicles, the traces of all these migration routes and even their old titles have been preserved.

The research findings

In general, 125 Iron Age sites were recorded along these 10 main and secondary migration routes that lead the Shahsavan nomads to the northern slopes of Sabalan (Fig. 2). There are 121 sites, about 96.8% of these sites are of the cemetery type, all of which are unrelated to the settlement sites and specifically belong to the nomadic tribes of the Iron Age. About 50 of these cemeteries are located on the slopes of Sabalan and in the current summer pastures of the Shahsavan tribes. Four of the registered sites are the central forts, satellite and settlement sites, all of which, without exception, were in the plains and along the routes and no traces of this type of sites were seen on the slopes. About 30% of the sites are between 2 and 4 hectares; 25% of them are about 1 to 2 hectares, 15% are between 4 to 6 hectares and about 10% of them are about 0.5 to 1 hectare. The other areas are larger, as shown in chart 1. According to Table 1, 53% of the cemeteries have the stone and soil mound graves; 19% of them have four walls graves, 14% of them have tumulus type and 6% have Kurgan. The other graves account for between 1 and 3 percent.

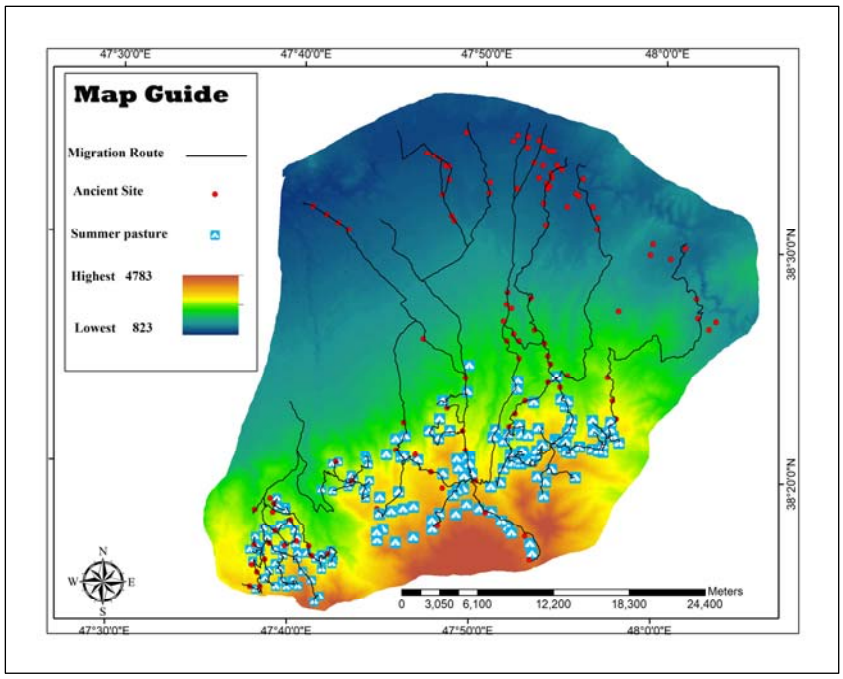


Fig. 2. The sites located along the 10 migration routes of the northern slopes of Sabalan.

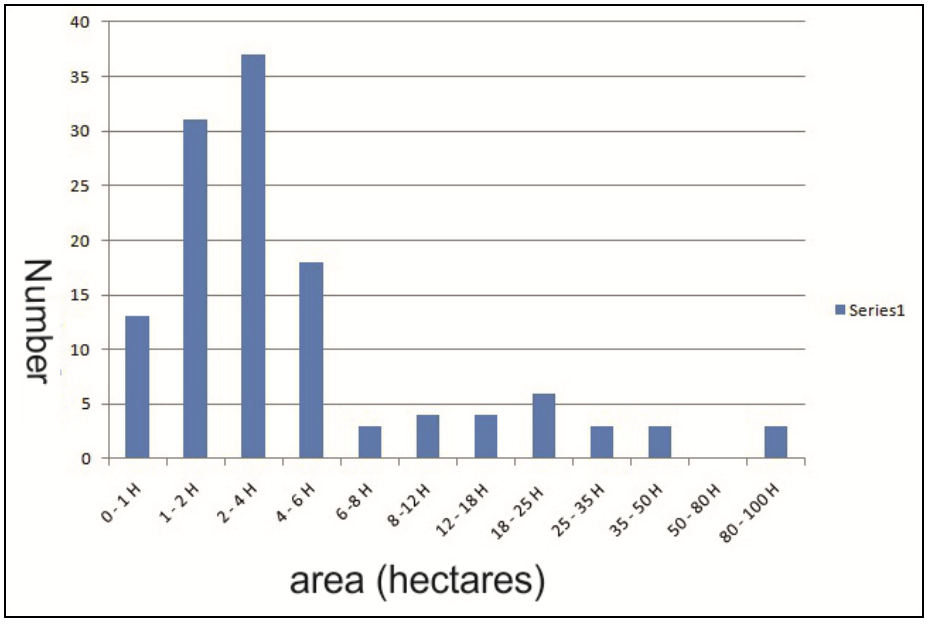


Chart 1. Extent of the sites located on the northern slopes of Sabalan.

Table 1**. Number and type of Iron Age sites on the northern slopes of Sabalan.**

Migration routes	Castles		Settlement	Number of the cemeteries with different types of graves						
	Satellite	Central		Cemetery[1]	Tumulus	Stone and soil mound	Kurgan	Four walls	Megalithic	Pit grave
6	0	0	1	19	0	2	2	0	18	0
7	0	0	0	10	2	1	1	0	9	1
8	0	0	0	14	1	0	4	2	10	3
9	0	0	0	3	0	0	0	1	2	1
10	0	1	0	20	1	1	9	3	15	3
11	0	0	0	7	1	0	5	1	5	5
12	0	1	0	17	0	0	5	0	10	4
13	0	0	0	14	0	0	4	1	9	5
14	0	0	0	3	0	0	4	1	9	5
15	1	0	0	14	0	0	2	3	12	0
Total	1	2	1	121	5	4	36	12	99	27

Migration route No. 6

The total length of the studied path of this migration route is about 75 km. This way extends in a straight line to the south in the northwestern part of Sabalan and the western part of Meshgin Shahr. After passing through the village of Aqbolagh, the route branches into two important ways at the exit of the village. The western branch of this route enters the steep slopes of Sabalan from this point. A little higher, the summer pastures of the Shahsavan tribes begin. This branch moves from route 6 among the pastures and in the eastern part climbs to the high parts of the western slopes of Sabalan and passes through the western side of Sabalan and enters the pastures of Ardabil city in the southwestern part of Sabalan. The eastern branch of road No. 6 in the southern part of Aqbolagh village enters a valley where the Muiel spa is located. This route inside the valley, before reaching the village of Moiel, deviates to the east and enters several summer pastures located in this area. After a few kilometers to the east and southeast, this route joins routes No. 7.

More than 50 summer places in this route were surveyed, all of which were located in the high and verdurous areas of Sabalan slopes. Twenty ancient sites from the Iron Age were identified at the summer pastures of this migration route, all but one of which were cemeteries (Fig. 3). Along the way, in some places at different distances, traces of indicator stones or path signs can be seen. Such rocks are found in most of the paths, some examples of which are presented here (Fig. 4). In the cemeteries, 78% of them had the soil and stone mound tombs, 9% had the four stone walls

[1] Some cemeteries have more than one or two types of graves.

tombs and 9% had the Megalithic tombs (Fig. 5). Nine sites have an extent between 2 to 4 hectares. The extent of three samples is between 4 to 6 hectares and the other four samples are between 1 to 2 hectares. The largest cemetery of this migration route was between 18 and 25 hectares. A site larger than 25 hectares was not identified in the zone. Similar examples to these graves can be found in sites such as Shahr Yeri Cemetery (Hejabari-Nobari 2004: 156—170; Purfaraj 2007: 185—199), Khoram Abad Meshgin Shahr (Rezalou 2012: 90—148; Rezalou, Ayremlou 2014: 75) and observed in the studies of Meshgin Chay river basin (Ayremlou 2018: 205—240).

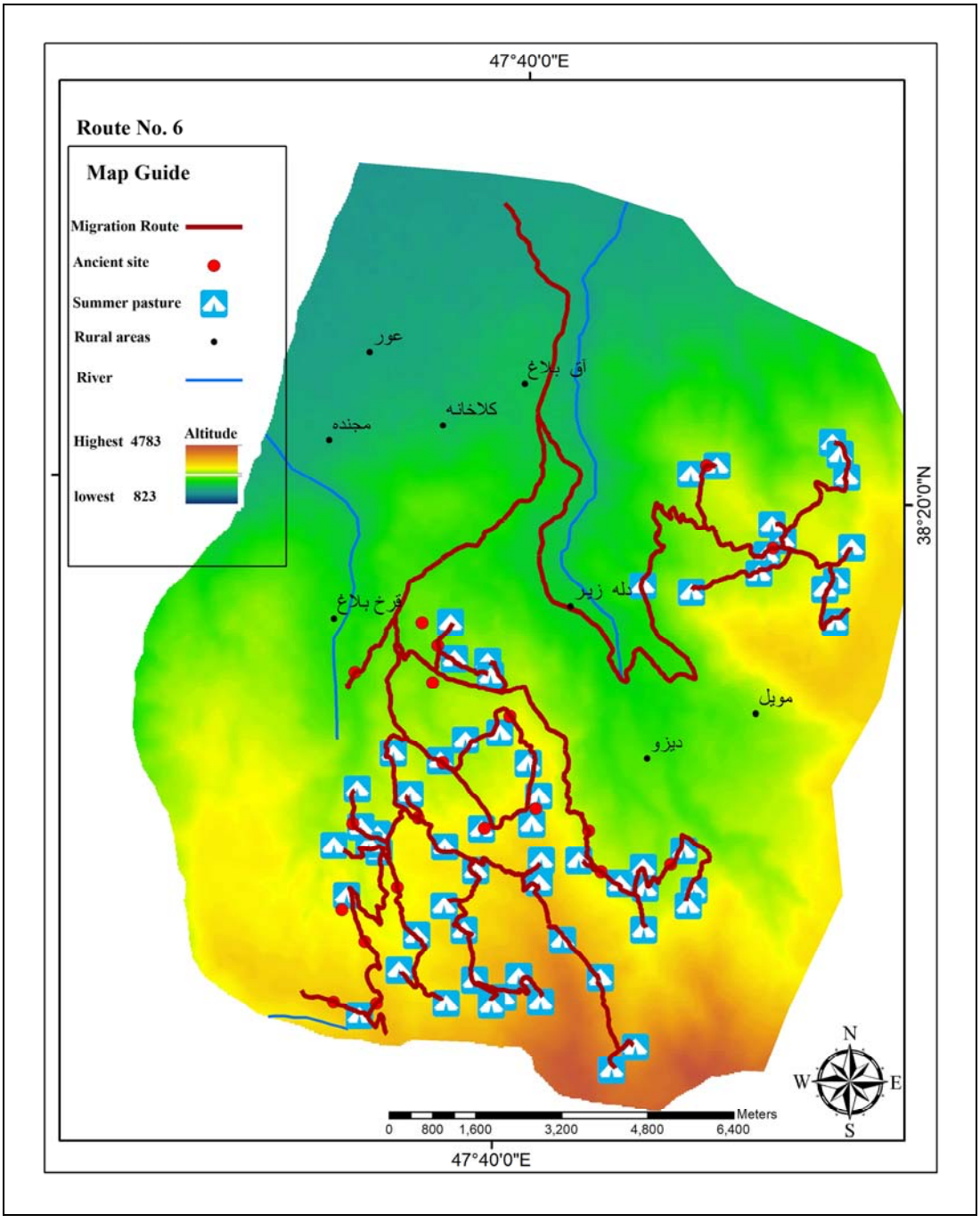


Fig. 3. The position of the Iron Age sites in relation to the route and summer tents.

Fig. 4. Examples of the sign stones located next to the migration routes of Shahsavan tribes.

Fig. 5. The examples of burial structures located in the summer tent place.

Migration route No.7

The total length of the path along this route is about 35 km. The migration route No. 7 starts from the bed of Qara Su River and from where the village of Aqdaraq is located and extends to the south. After crossing the east of Alni village, it divides into two branches. Its eastern branch joins migration route No. 8 for a short distance as a connector route, and its western branch advances south in a straight line after passing the western part of Sarbanlar village. After a short path, this route enters the northern slopes of Sabalan and the summer pastures located in this area.

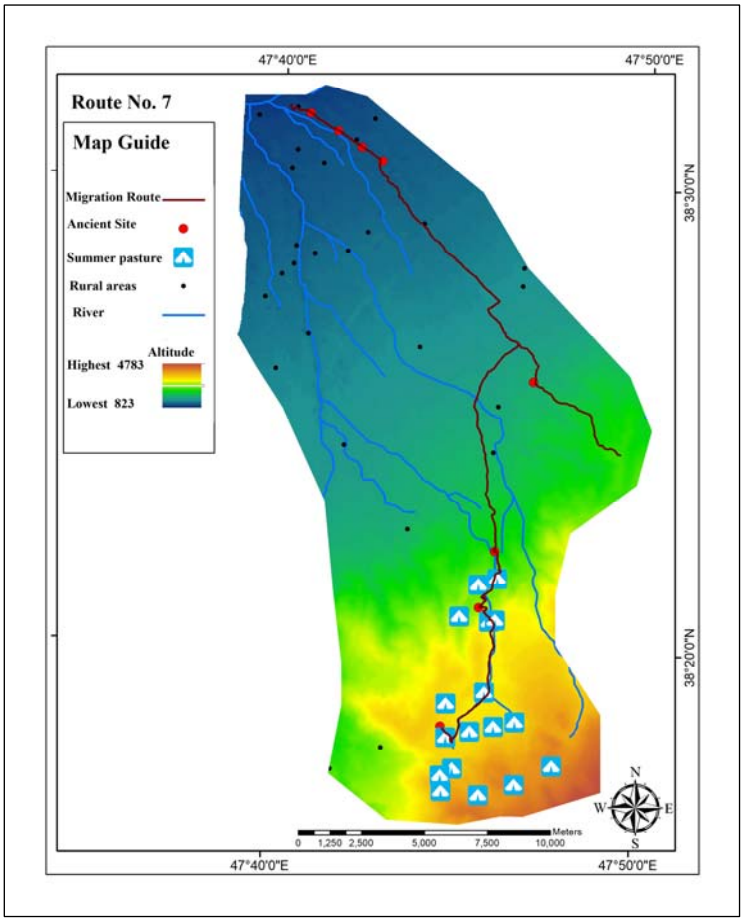


Fig. 6. The position of Iron Age sites in relation to the migration route and location of summer tent.

More than twenty summer pastures were located within the confines of this migration rute, which were surveyed. Ten ancient Iron Age sites have been identified along this route, all of which are cemeteries (Fig. 6). Four samples of these sites from the starting point to the slopes and other sites were located in the summer pastures and on the ramp hillsides of Sabalan. The end of this route in the western part is connected to migration route No. 6.65% of the cemeteries have the stony and soil mound tombs, 14% of pit graves, and 7% of four stone walls, Megalithic, and tumulus tombs each. There are three sites with an extent of about 2 to 4 hectares, two sites with an extent of about 1 hectare, two sites with an extent of about 1 to 2 hectares and two sites with an extent of about 4 to 6 hectares. The largest site of this migration route is between 8 and 12 hectares. Similar samples in terms of pottery findings and tomb structure can be found in ancient sites such as Shahar Yeri (Ebtehaj 2007: 11—189; Purfaraj 2007: 125—135), Ghezil Qayeh Cemetery (Hajizadeh 2014: 148—178); Khoram Abad Meshgin Shahr (Rezalou 2012: 128—145), in some cemeteries of Ardabil province (Hesari and Aliyari 2012: 130—113) and in some cemeteries in northern Iran (Khalatbari 2004: 120—180) can be observed.

Migration route No. 8

The total length of the path studied on the migration route is about 44 km. This way starts from the bed of Qara Su river, from where Jalayer village is located, passes through this village and extends to the northern slopes of Sabalan. After a few kilometers, this route first passes through the western part of Lahroud city and then through the eastern part of Jahad Abad village and enters the steep slopes of Sabalan. The first summer pasture on this route starts from these areas. Along this way, the path divide into several short western branches, the ends of which are not connected to any

other road and end at the same downstream slopes. A branch of this migration route that moves directly to the northern slopes eventually connects to migration route No. 10 near a very important summer pasture called Hushang Meydani.

About 20 to 25 summer places of Shahsavan nomads in the area of this way were studied and along the route and in the summer places, 14 ancient sites from the Iron Age were identified (Fig. 7). From all these sites, five of them were at the end of the route and at the summer pastures and the rest were at the beginning of the route and at the Meshgin Shahr plain. All fourteen sites are cemeteries. Among these sites, ten sites have tombs of soil and stony mound, four sites have four stone walls tombs, three sites have tumulus tombs, two sites have the Kurgan tombs and a site has the pit burials. Eight sites have an extent in about 1 to 2 hectares, three sites have an extent in about 2 to 4 hectares, two sites have an extent in about 4 to 6 hectares and a site has an extent in about 1 hectare. The sites along this migration route were small in the extent.

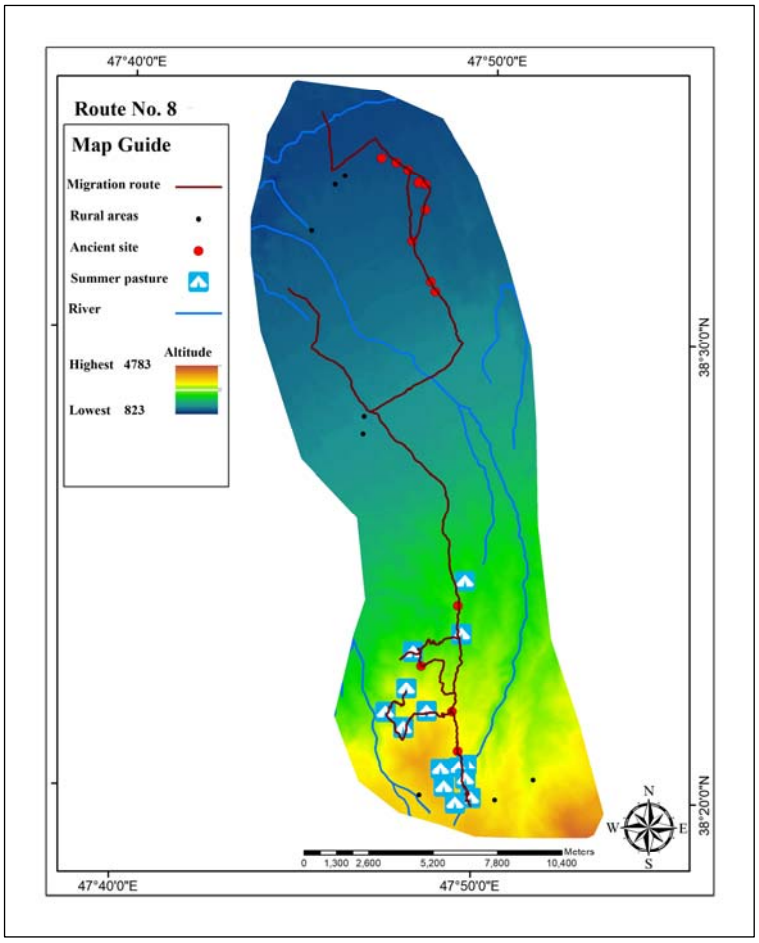


Fig. 7. The position of Iron Age sites in relation to the migration route and location of summer tent.

Migration route No. 9

This route is a short path that starts from the bed of Qara Su river and from the eastern part of Kangerlou village and extends to the south. This road enters Lahroud city after a path of about 11 km and in the southwestern part and the exit of this city towards the slopes of Sabalan, it is connected to migration route No. 8. Three Iron Age sites were identified along the route, all of which are cemeteries. Two examples of them are graves of stony and soil mound type, one is the grave of Kurgan and one is the tomb of tumulus. One of them has an extent in about 1 to 2 hectares, a site is 2 to 4 hectares and the other is 4 to 6 hectares.

Migration route No. 10

This road is one of the most important migration route in Meshgin Shahr plain and the northern slopes of Sabalan, which starts from the bed of Qara Su river and from where the village of Qaderlou is located, and after passing through the village of Chapaghan and from the side of the Iron Age castle of this village, it extends to the south. After a few kilometers, this route first enters Fakhr Abad and then enters the village of Onar. After this village, this migration route gradually entered the steep slopes of Sabalan and after passing the western part of Bineller village, a main route went to the south and a connector way from this migration route is branched to the east and

connects to migration route No. 12. In the southern parts of this route and near the famous summer pasture of Hushang Meydani and before reaching this place, this migration route becomes three sub-routes. Its eastern branch goes to the eastern slopes of Sabalan and reaches the famous summer place of Qizilbireh, and from there and from the highest part of this basin flows to the east of Sabalan and goes to the northern and western summer pastures of Sardabeh village, that it is one of the summer pasture of Ardabil city. The western branch of migration route No. 10 enters the summer place of Hushang Meydani and moves inside the countless summer pastures of this area. The other branch of this route advances west to route No. 7 and eventually connects to it (Fig. 8).

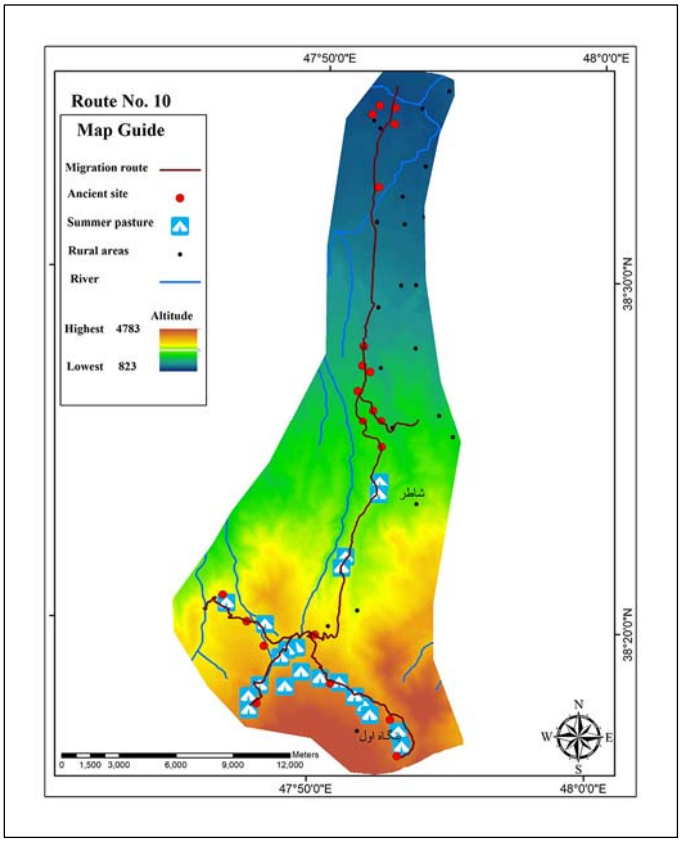


Fig. 8. The position of Iron Age sites in relation to the migration route and location of summer tent.

The total length of the path studied along this migration route is about 65 km, during which 21 ancient sites from the Iron Age were identified, that the exception of one example of a central castle from the Iron Age, all are cemeteries. Among these cemeteries, 46% have stony and soil mound tombs, 27% have four stone walls tombs, 9% have Kurgan tombs, 9% have tumulus tombs, 3% have pit graves and 3% have megalithic tombs (Fig. 9). In terms of extent, five sites have an extent of about 1 to 2 hectares, five sites have an extent of about 2 to 4 hectares, three sites have an extent of about 18 to 25 hectares and two sites have an extent of about 25 to 35 hectares. Several large sites were identified along the migration route, the largest of which was 100 hectares. The samples similar to the types of graves can be found in sites such as Zardkhaneh of Ahar city (Niknami and Kazempour 2012: 120—55), Gilavan Khalkhal (Rezalou 2008a: 156—124), Qaleh Khosrow Cemetery (Rezalou 2008b: 124—85) and the castle of Boyni Yoghun (Purfaraj 2008: 45—89) observed.

Migration route No. 11

Migration route No. 11 is a short path that starts from the bed of Qara Su river and where the village of Qaderloo is located and continues to the south. After passing through the village of Qaderloo, this route passes from the west and at a distance of 1 km from the village of Lamber, and after a distance of 7 km at the entrance of Fakhr Abad, it connects to migration route No. 10 and then continues to the slopes of Sabalan. Seven archeological sites were identified along this route, most of which are located on the eastern side (Fig. 10). All of them are cemeteries; five sites have tombs of stony and soil mound types, five sites have four stone walls tombs, five sites have tumulus type graves, one site has pit graves and one site has Kurgan tombs. As it is known, most of the sites have more than one or two types of graves, which is interesting in its kind. In terms of extent, one of the sites has an extent of about 1 hectare, two sites with an extent of about 1 to 2 hectares, two sites with an extent of about 2 to 4 hectares, one site with an extent of about 18 to 25 hectares and one of them has an extent of about 80 to 100 hectares.

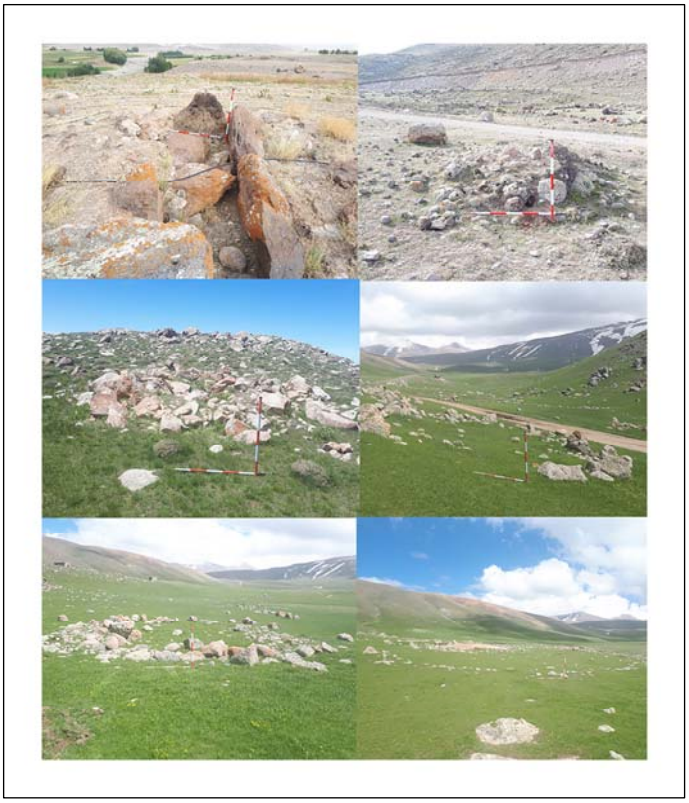


Fig. 9. The examples of burial structures located in the summer tent place.

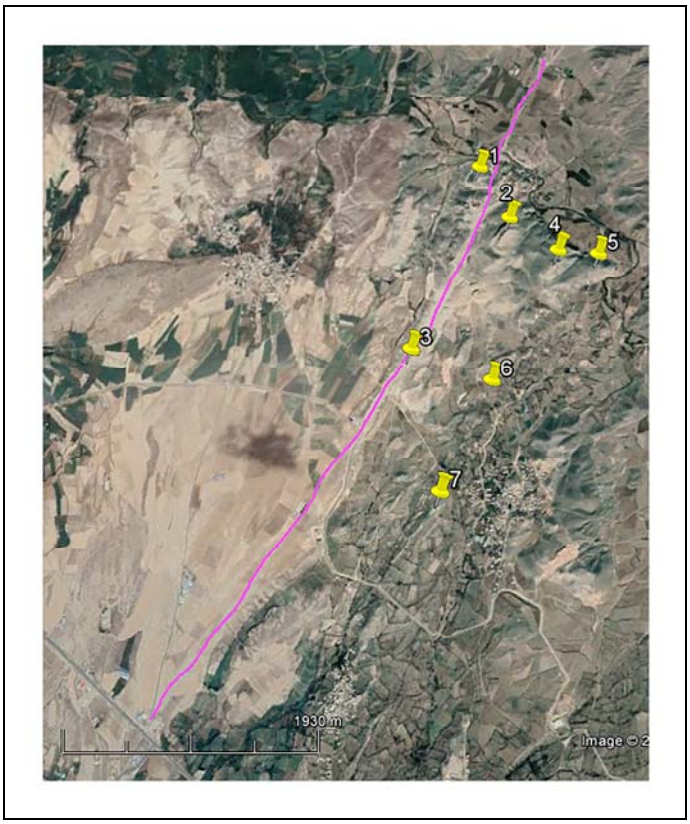


Fig. 10. The migration route 11 and the sites along the route.

Migration route No. 12

The total length of the path along this migration route is about 35 km. This way starts from the bed of Qara Su river and from a place called Ghosha Darmai and after a short distance in the eastern direction in the bed of Qara Su river, it changes its direction to the south and the slopes of Sabalan. After two kilometers, this way enters the village of Lamber, and after passing through the village, moves towards the village of Arjagh, and after passing through this village, after a few kilometers, from inside the village of Ali Abd, and the east side of Onar village and moves towards Qozlu village. This migration route passes from the western side of this village and enters the steep and verdurous slopes of Sabalan. This north-south route eventually connects to migration route No. 15, which runs east-west. Eighteen archeological sites from the Iron Age were identified along the route and in the summer pastures located within the area of this migration route, of which, except for one example of the central castle, all other sites are cemeteries (Fig. 11); Of them, seven sites have an extent of about 2 to 4 hectares, three sites 1 to 2 hectares, three sites 4 to 6 hectares, two sites 6 to 8 hectares, one site 8 to 12 hectares, one site 12 to 18 and one sites 35 to 50 hectares. Among the cemeteries, there are ten sites have the stony and soil mound tombs, five cemeteries have the four stone walls tombs and four sites have tumulus type tombs (Fig. 12).

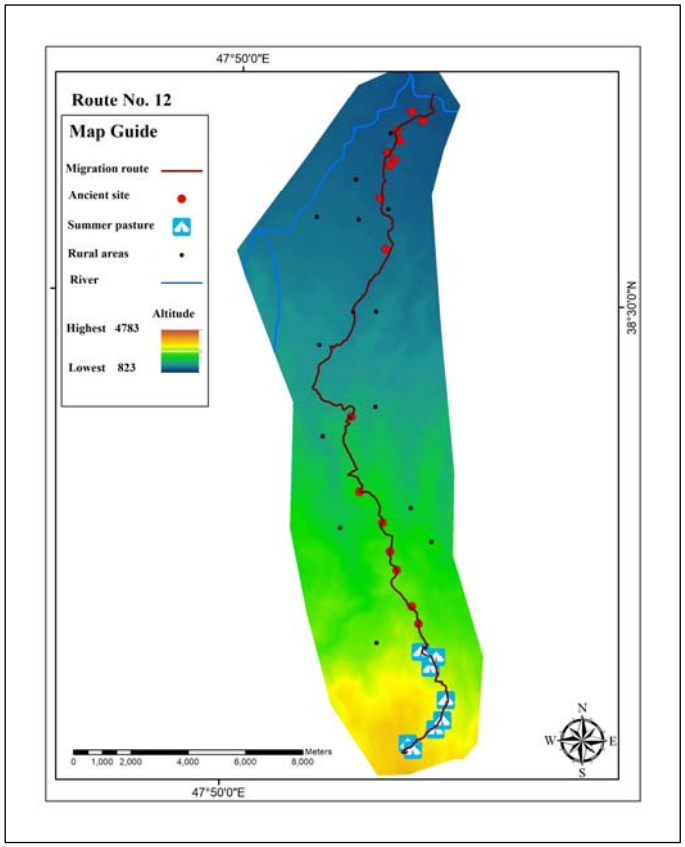


Fig. 11. The position of Iron Age sites in relation to the migration route and location of summer tent.

Migration route No. 13

This route starts from Qara Su river and from a place called Kopak Boghan and after a short path in east-west, it changes its direction to south and Pirazmiyan village. This road enters the village of Pirazmiyan after passing through the western side of Shahar Yeri cemetery and advances to the south from its western side. The migration route, after passing through the western side of the lower Naqdi village and then from inside the upper Naqdi village, to the villages of Yasti Bulagh, Mis Darasi and then the verdurous and high slopes of Sabalan, and finally to the end of migration route No. 15 is connected. The total length of the path along this route is about 40 km.

In total, fourteen ancient sites from the Iron Age have been identified in this route, which seven sites of them were at the beginning of the route and the other sites at the end of the route and in the summer pastures (Fig. 13). All of these sites are the cemetery, that in the nine sites, there are the stony and soil mound graves, in the five samples the tumulus graves, in the four sites the four stone walls tombs and in the one sample there are Kurgan graves. In terms of extent, there are five sites, including small areas of 1 hectare; three sites of about 1 to 2 hectares, two sites of about 2 to 4 hectares, one site of about 4 to 6 hectares, one site of about 12 to 18 hectares, one case of about 25 to 35 hectares and a site also has an extent of about 80 to 100 hectares.

Fig. 12. The examples of burial structures located in the summer tent place.

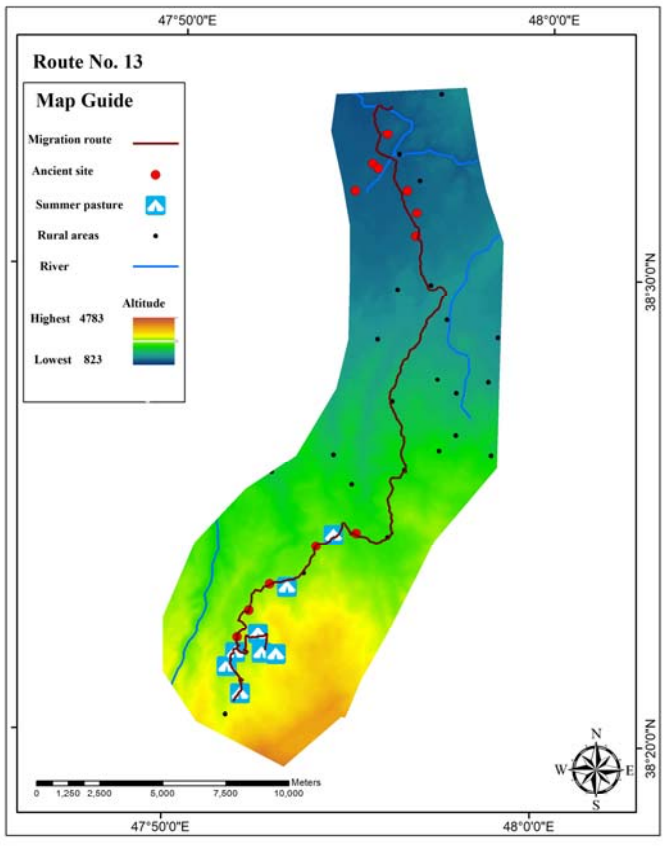


Fig. 13. The position of Iron Age sites in relation to the migration route and location of summer tent.

Migration route No. 14

This way is a short path that starts from the bed of Qara Su river and from the east side of Sabalan dam and progresses to the south. After crossing the eastern side of Qilpinlu village and inside the village of Dash Bulagh and Yasti Bulagh, this migration route connects to route No. 13, in the entrance of Mes Darasi village and moves towards the slopes of Sabalan. Three sites were identified along this short route, which all of them were cemeteries. Two sites have an extent of about 2 to 4 and one site has an extent of about 4 to 6 hectares. Two sites have stony and soil mound tombs, one site has tumulus tombs and one site has the four stone walls tombs. The total length of the migration route is about 13 km.

Migration route No. 15

This migration road, which is known as Dojagh route, starts from the bed of Qara Su river and from the northwest of Arbabkandi village and extends to the south. This long route, after a few kilometers inside the deep valleys, moves towards the steep slopes of Sabalan. This route moves approximately along the border of Ardabil and Meshgin Shahr cities and changes direction to the west at the entrance of Gendishmin village and enters the northeastern slopes of Sabalan. In Gendishmin village, a side way of this road branches to the south and summer pastures of Ardabil city and Sardabeh city.

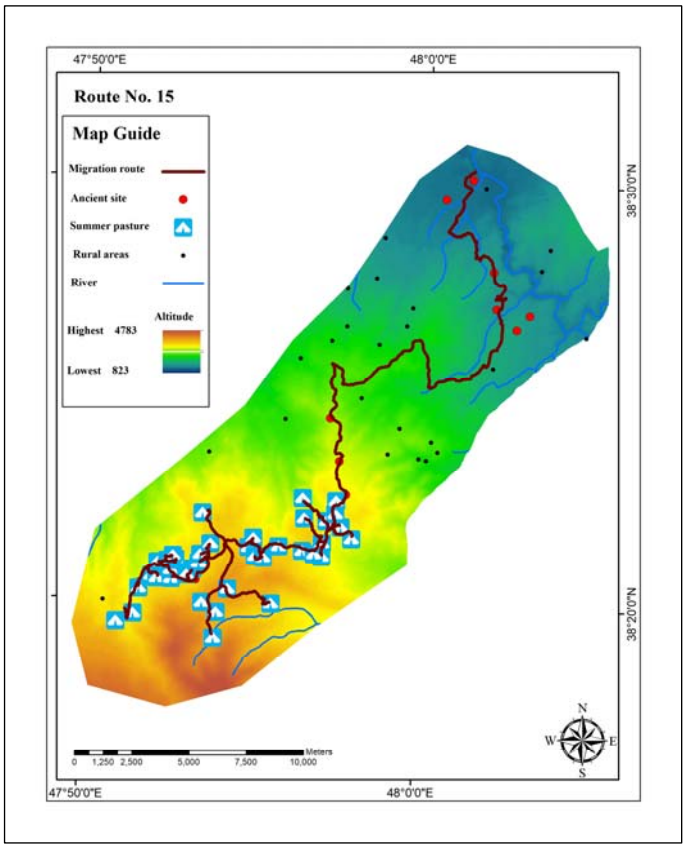


Fig. 14. The position of Iron Age sites in relation to the migration route and location of summer tent.

The total length of the path along this migration route is about 60 km. This route eventually joins its western migration routes at the Qotursuie Spa. The fifteen archeological sites from the Iron Age along this route and the summer pastures of the Sabalan slopes were identified, except for one site of satellite castle; all of them were cemeteries (Fig. 14). There are twelve cemeteries with tombs of stony and soil mound, three sites with Kurgan tombs and two cemeteries with the four stone walls tombs. In terms of extent, two sites with an extent of about 1 hectare, three sites with an extent of about 1 to 2 hectares, three sites with an extent of about 2 to 4 hectares, three sites with an extent of about 4 to 6 hectares, two sites with an extent of about 12 to 18 hectares, a site with an extent of about 18 to 25 hectares and finally a site with an extent of about 35 to 50 hectares.

Conclusion

The slopes of Sabalan are one of the most prone areas in the eastern part of northwestern Iran, which has historically welcomed communities that have sought large pastures for their livestock. Based on the results of a field survey of the slopes of Sabalan and the identification of many cemeteries that were located in the current summer pastures, it seems that this very large area in the Iron Age has accommodated several nomadic tribes. The absence of any settlement sites or castles in any part of this area from the Iron Age indicates that this large part, due to its special climatic conditions and characteristics, is only the place of seasonal summer place of nomadic tribes and the conditions of that period did not allow for the seasonal or permanent settlement to the communities, unlike today, which in some altitudes, despite the very bad weather conditions from late autumn to early spring, several settlements have been established. The results of the field study showed that in terms of the size and quality of burial structures, the best sites are located in the present-day summer pastures of the Shahsavan tribes. This suggests that the places that have been chosen as summer resorts today are the best places for the temporary accommodation, and most likely, these places were also used in the Iron Age. Many Iron Age cemeteries are located right on the site of the current tents of the Shahsavan tribes, between the summer pastures.

Another noteworthy point is the relative conformity of today's roads with the distribution of Iron Age sites; the Iron Age sites are located in such a way that they are located in a longitudinal ridge relative to the migration routes of the Shahsavan tribes. It seems that the migration routes and ethnic and tribal movements that took place in the Iron Age and the tribes used them to access the summer pastures on the slopes of Sabalan have been crossed from the current or nearby migration routes; the paths that have certainly been formed in relation to natural factors and complications and have maintained their special status to this day.

Undoubtedly, the establishment of a migration route as an easy access route for migration has taken place over several centuries and millennia; the routes that were constantly traveled and based on experience, their quality has been tested for a long time and the most suitable ones have been selected in terms of life and financial security. The migration routes that were studied in the present article and field survey are no exception. By looking at the general map of all the routes and the distribution of the Iron Age sites, the location of these sites along the path of these migration routes is quite obvious. As the paths progress to the sides, the number of the sites decreases. This way of distributing the sites shows that the sites are in a longitudinal line, and this longitudinal line is the same as the migration route of the current and most likely ancient roads.

The study of the migration roads in this area contains other points. All routes are avoided as much as possible in the valleys and along the precipices and steep slopes. Only in cases where livestock had to enter the riverbed to rest and water them, longitudinal movement in the path and inside the riverbed has been avoided and entry into the riverbed only vertically and to cross they are done. In all routes, until reaching the low and steep slopes of Sabalan, there has been continuous movement on the plain and areas that have a complete view of the surroundings.

The survey of the location of current summer pastures of Shahsavan tribes in the highest parts of the Sabalan slopes has shown the use of all the capacity of them in the Iron Age. Due to the existence of Iron Age cemeteries in these places, it seems that where there was a flat place to set up tents, or the possibility of climbing to higher areas and the possibility of temporary accommodation there, the nomadic communities used it.

In addition to the Iron Age sites on the slopes and in the summer pastures, along the tribal route and on the flat surface of the Meshgin Shahr plain, there are many sites, most of which are cemeteries without connection to the settlement sites that undoubtedly indicates the temporary

settlement of nomadic tribes in these places as well. It seems that in the Iron Age, these places were settled and used in the summer seasons of the year compared to other areas that had a higher position and their snow melted later; and after sufficient exploitation, it was done from pastures and cattle were in distress the temporary accommodation and tents were changed and nomadic tribes climbed to better and higher places and set up their tents in new places.

References

Abdi et al. 2002: Abdi, K., Nokandeh, G., Azadi, A., Biglari, F., Heydari, S., Farmani, D., Rezaii, A., Mashkour, M. 2002. Tuwah Khoshkeh: A Middle Tuwah Khoshkeh: A Middle Chalcolithic Mobile Pastoralist Camp-Site in the Islamabad Plain, West Central Zagros Mountains, Iran. *Journal of the British Institute of Persian Studies* 40, 43—74.

Adams, R.Mc. 1974. The Mesopotamian Social Landscape: A Viewfrom the Frontier. *Reconstruction Complex Societies Supplementto the Bulletin of Amrican Schools of Oriental Research* 20, 1—11.

Alizadeh, A. 2008. *Formation of the Nomadic Rule of Elamite*. Chaharmahal va Bakhtiari: Cultural Heritage Publishing House (in Persian).

Amanolahi-Baharvand, S. 1975. The Baharvand, former pastoralists of Iran. PhD Thesis. Houston: Rice University.

Amanollahi Baharvand, S. 1999. *Nomadism in Iran, Research on tribes and nomads*. Tehran: Agah press (in Persian).

Askarpour, V., Tirandaz, A., Ajourlou, B. 2016. An Introduction to the Archaeological Ethnography of the Central Qara Dagh Nomads. *Anthropological Research of Iran* 6 (1), 118—101 (in Persian).

Ayremlou, Y. 2015. Spatial-Statistical Analysis of Settlement Patterns of Prehistoric sites of Meshgin Chay river Basin: Based on the Archaeological Survey. PhD Thesis in Archeology. Ardabil: Mohaghegh Ardabili University.

Barth, F. 1961. Nomads of south Persia. *Universitetets Etnografiske Museum Bulletin* 8.

Bates, D.G., Lees, S.H. 1977. The Role of Exchange in Productive Speccialization. *American Anthropologist* 79, 824—841.

Beck, L. 1978. Women among Qashqai nomadic pastoralists in Iran. In: Beck, L., Keddie, N. (eds). *Women in the Muslim World*. Cambridge MA; London: Harvard University Press.

Black-Michaud, J. 1974, An ethnographic and ecological survey of Luristan, Western Persia: modernization in a nomadic pastoral society. *Middle Eastern Studies*10 (2), 210—228.

Burney, C.A. 1979. Meshkin Shar Survey. *Iran* 8 (2), 1—71.

Digard, J.P. 1973. Histoire et anthropologie des sociétés nomades: le cas d'une tribu d'Iran. *Annales. Histoire, Sciences Sociales* 28 (6), 121—140.

Feilberg, C.G. 1952. Les Papis. Tribu persane de nomades montagnards du sud-ouest de l'Iran. *Nationalmuseets Skrifter. Etnografisk Række* 4.

Hajizadeh, K. 2014. *The final report of the first season of excavation in Ghizil ghayeh Cemetery of Meshgin Shahr*. Tehran: Archaeological Research Institute of the Cultural Heritage; Tourism and Handicrafts Organization (in Persian).

Hejbari-Noobri, A. 2004. *Preliminary report of the third season of excavation of Shahar Yeri site*. Tehran: Archaeological Research Institute of Cultural Heritage, Tourism and Handicrafts (in Persian).

Hole, F. 1978. Pastoral Nomadism in Western Iran. In: Gould, R.A. (ed.). *Explorations in Ethno Archaeology*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 127—167.

Kramer, C. 1982. *Village ethnoarchaeology; rural Iran in archaeological perspective*. Cambridge MA: Academic Press.

Marucheck, J.T. 1976. A Survey of Seasonal Occupation Sites in Northern Baluchistan. In: Bagherzadeh, F. (ed). *Proceedings of the Forth Annual Symposium on Archaeological Research in Iran*. Tehran: Iranian Center For Archaeological Research, 272—283.

Mortensen, I.D. 1993. *Nomads of Luristan, History, Material Culture, and Pastoralism in Western Iran*. London: Thames and Hudson.

Pullar, J. 1990. *Tepe Abdul Hosein a Neolithic Site in Western Iran*. Oxford: BAR (BAR International Series 563).

Purfaraj, A. 2007. Review of the Iron Age of Northwestern Iran: A Case Study of Shahar Yeri site and Satellite Castles. PhD Thesis in Archeology. Tehran: Tarbiat Modares University.

Rezalou, R. 2012. *The final report of the first excavation season of Khoram Abad Meshgin Shahr cemetery*. Tehran: Archaeological Research Institute of the Cultural Heritage; Tourism and Handicrafts Organization (in Persian).

Rezalou, R., Ayremlou, Y. 2014. The Late Bronze Age and Iron Age Culture of Ardabil Plain: A Case Study of Qaleh Khosrow Castle and Satellite Castles. *Iranian Archaeological Research* 4 (6), 84—65 (in Persian).

Sabahi, T. 2019. Shahsavan (Review of the handicrafts of Shahsavan nomads). Tehran: [s.n.] (in Persian).

Talaei, H., Noorollahi, A., Firoozmandi, Sh.B. 2014. Archeology of nomadism and the west Zagros Highlands. *Historical Sociology* 6 (2), 163—194 (in Persian).

Tapper, R. 1966. Black Sheep, White Sheep and Red-Heads: A Historical Sketch of the Shāhsavan of Āzarbāijān. *Iran* 25, 61—84.

Tapper, R. 1974. Shāhsevan in afavid Persia. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 37 (02), 321—354.

Tapper, R. 1979. *Pasture and politics*: *Economics, conflict, and ritual among Shahsevan nomads of Northwestern Iran*. Cambridge MA: Academic Press (Studies in anthropology).

Tapper, R. 1988. History and identity among the Shahsevan. *Iranian Studies* 21 (3-4), 84—108.

Tapper, R. 1997. *Frontier Nomads of Iran: A Political and Social History of the Shahsevan*. Cambridge: Cambridge University Press.

Varjavand, P. 1966. *Method of study and general knowledge of tribes and nomads*. Tehran: Institute of Social Studies and Research; University of Tehran (in Persian).

Watson, P. J. 1979. *Archaeological ethnography in western Iran*. Tucson: University of Arizona Press.

Zagarell, A. 1975. Nomad and setteled in the Bakhtiari mountains. *Sociologus* 25, 127—138.

Zagarell, A. 1982. *The Prehistory of the Northeast Bahtiyari Mountains, Iran: The Rise of a Highland Way of Life*. Wiesbaden: Dr Ludwig Reichert (Tubinger Atlas Des Vorderen Orients).

УДК 902.2
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.12.45.010

Ю.А. Виноградов, О.В. Григорьева, М.В. Медведева

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ТАМАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГАИМК*

Таманская экспедиция Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) была создана в 1930 г. Во главе её встал замечательный археолог А.А. Миллер. Экспедиция была нацелена на систематическое изучение памятников древности, расположенных на Таманском полуострове, но исследования здесь продолжались всего два года. За это время удалось создать археологическую карту Таманского полуострова. Главным объектом исследований было выбрано городище Тмутаракань/Гермонасса. Небольшие раскопки были предприняты также в Фанагории, на поселении у Суворовской крепости и в Патрее. В Патрее была открыта винодельня римского времени. Основная причина недолгой истории экспедиции заключается в том, что руководство ГАИМК игнорировало интересы московских археологов и не шло ни на какие компромиссы. На этой почве разразился серьёзный конфликт, в результате которого перспективный научный проект был закрыт, а некоторые его участники подверглись политическим репрессиям.

Ключевые слова: история науки, советская археология, Таманский полуостров, Боспор Киммерийский, древние города, сельские поселения, А.А. Миллер.

Сведения об авторах: Виноградов Юрий Алексеевич[1], доктор исторических наук, Институт истории материальной культуры РАН; Григорьева Ольга Владимировна[2], Институт истории материальной культуры РАН; Медведева Мария Владимировна[3], кандидат исторических наук, Институт истории материальной культуры РАН.

Контактная информация: [1,2,3]191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18, лит. А, Институт истории материальной культуры РАН; e-mail: [1]vincat2008@yandex.ru; [2]sigrid@yandex.ru; [3]marriyam@mail.ru.

Yu.A. Vinogradov, O.V. Grigorieva, M.V. Medvedeva

ARCHAEOLOGICAL WORKS BY THE TAMAN EXPEDITION OF THE STATE ACADEMY FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

The Taman Expedition of the State Academy for the History of Material Culture (SAHMC) was organized in 1930. It was headed by a remarkable archaeologist Alexander A. Miller. The main goal of the expedition should have been a systematic study of ancient sites located on the Taman Peninsula, but the research there lasted only two years. During this time, the archaeological map of the Taman Peninsula was created. The hillfort of Tmutarakan/Germonassa became the main point of the field research. Small-scale excavations were also undertaken at Phanagoria, at the settlement near Suvorov's Fortress in Phanagoria, and in Patrei. In Patrei, a winery dating back to the Roman times was recovered. The main reason why the expedition lasted for such a short period was that the head officials in the SAHMC ignored the interests of archaeologists in Moscow and did not agree to any compromises. This led to a serious conflict which resulted in the stoppage of the promising research project and political reprisals against some of its participants.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20–09–00180А «А.А. Миллер и Таманская экспедиция ГАИМК (история, исследовательская деятельность, значение для современной науки)».

Статья поступила в номер 06 июля 2022 г.
Принята к печати 24 июля 2022 г.

© Ю.А. Виноградов, О.В. Григорьева, М.В. Медведева, 2022.

Key words: history of science, Soviet archaeology, the Taman Peninsula, the Bosporus Cimmerian, ancient cities, rural settlements, Alexander A. Miller.

About the authors: Vinogradov Yurij Alekseevich[1], Dr. habil. (History), Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; Grigorieva Olga Vladimirovna[2], Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; Medvedeva Maria Vladimirovna[3], PhD (History), Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: [1,2,3]191186, Russia, Saint Petersburg, Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 18A, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; e-mail: [1]vincat2008@yandex.ru; [2]sigrid@yandex.ru; [3]marriyam@mail.ru.

В истории российской археологической науки менее всего изученным является советский период, в особенности 1920—1930-е гг. Вплоть до недавнего времени у нас существовало немало табу, которые не давали возможности составить ясное представление о реальной деятельности советских археологов. Сегодня, когда эти табу потеряли свою силу, огромное значение приобретает изучение архивных материалов. Использование их в полном объёме — без всяких купюр, без умолчания о фактах, которые сейчас могут показаться «некрасивыми» или даже скандальными, — позволяет не только окунуться в атмосферу былых времён, но и лучше понять некоторые особенности современного состояния археологии России.

В раннее советское время главной организацией, в рамках которой велись археологические исследования в стране, являлась Российская (позднее Государственная) Академия истории материальной культуры, созданная в 1919 г. Здесь в 1924 г., как хорошо известно, была возрождена Ольвийская экспедиция, во главе которой встал Б.В. Фармаковский. Наряду с прочим, эта экспедиция являлась и, так сказать, кузницей археологических кадров советской России. После смерти Бориса Владимировича в 1928 г. положение сильно изменилось, и ведущую роль в изучении Ольвии стали играть не ленинградские, а украинские учёные, отношения с которыми порой не ладились (Виноградов 2013: 164).

В такой ситуации руководство ГАИМК стало большее внимание обращать на другую часть античного Северного Причерноморья — район Боспора Киммерийского и, в первую очередь, на Таманский полуостров. Перспективы археологических исследований здесь представлялись безграничными, к тому же предполагалось, что в исследованиях примут участие учёные из Германии, но эти надежды оказались напрасными. В такой обстановке в ГАИМК в 1930 г. была создана Таманская экспедиция (Виноградов, Медведева и др. 2020), руководителем которой назначили Александра Александровича Миллера — учёный, вклад которого в отечественную археологическую науку хорошо известен, хотя его исследовательская деятельность всё ещё изучена не в полной мере (Алёкшин 2015; 2022), и в первую очередь это относится к Таманской экспедиции ГАИМК. В 1930 г. было решено, что в её рамках необходимо провести комплексное обследование Таманского полуострова, в ходе которого зафиксировать все археологические памятники, относящиеся к доисторической эпохе, железному веку, периоду античности и средневековья. Надо признать, что А.А. Миллер довольно скептически относился к «так называемой античности», его больше интересовали другие исторические эпохи. Но, проводя исследования на Таманском полуострове (азиатская сторона Боспора), памятники античной культуры игнорировать было невозможно. Не удивительно, что археологи-антиковеды приняли в работах экспедиции самое активное участие — Т.Н. Книпович, Е.Г. Кастанаян, Е.И. Леви,

А.Н. Карасёв, В.Ф. Гайдукевич и др. (рис. 1). С другой стороны, А.А. Миллер хотел, чтобы исследования на Тамани, как постоянное предприятие ГАИМК, стали центром подготовки археологических кадров различной специализации из центральных и местных учреждений (Миллер 1931а: 26), поэтому через Таманскую экспедицию прошли многие молодые и перспективные сотрудники и аспиранты Академии, впоследствии ставшие видными российскими учеными — А.А. Иессен, М.И. Артамонов, Г.И. Боровка, Г.В. Григорьев, А.П. Круглов, Б.Б. Пиотровский, Г.В. Подгаецкий, В.И. Равдоникас и др.

В 1930 г. Таманской экспедицией были произведены разведочные исследования полуострова (Миллер 1931). Систематическое обследование района предполагалось провести в 1931—1933 гг. и на основании полученных материалов создать археологическую карту Таманского полуострова. Одновременно с этим планировалось предпринять раскопки в Тамани (городище Тмутаракань — Гермонасса) с таким расчётом, чтобы 1931-й год посвятить изучению средневековых слоёв, в 1932 г. сосредоточиться на раскопках римских и эллинистических напластований, а в 1933 г. — классических и архаических (Виноградов 2013: 169; 2020: 26). Такая задача, конечно, созвучна лозунгам тех лет «пятилетку в четыре года» или т.п., но сейчас она выглядит фантастичной. Тмутаракань — Гермонассу за три года изучить невозможно, даже в первом приближении. Впрочем, руководство ГАИМК всё это прекрасно понимало и надеялось на продолжение систематических и планомерных исследований Таманской экспедиции на долгий срок. Предполагалось также распространить археологические разведки на восточное побережье Азовского моря, доведя их до низовьев Дона, где А.А. Миллер имел большой опыт исследовательской работы. Не следует забывать к тому же о его Северо-Кавказской экспедиции, которая вела масштабные работы как раз в это время. Как видим, у ленинградских археологов тогда имелась реальная возможность охватить археологическими исследованиями огромную территорию от Кавказа до Дона. Такие исследования, выполненные под единым руководством, по единому плану, на основании единых методических принципов, конечно, обещали дать великолепный научный результат (Виноградов 2020: 26). Осуществить эти планы на практике, к сожалению, не удалось. В 1932 г. экспедиция уже прекратила свою деятельность, а её начальник в 1933 г. был арестован, обвинён в антисоветской деятельности и сослан в сталинские лагеря, откуда он уже не вернулся (Алёкшин 2022: 119—124).

Результаты археологических исследований Таманской экспедиции ГАИМК до сих пор не введены в научный оборот. Основной комплекс научно-организационной документации по этому вопросу хранится в рукописном и фотографическом отделах Научного архива ИИМК РАН (о нём см.: Виноградов, Григорьева и др. 2020: 119). Всесторонний анализ имеющихся материалов позволяет достаточно полно реконструировать историю формирования экспедиции А.А. Миллера, понять основные направления её деятельности, а также представить себе особенности социальной жизни учёных-археологов 1930-х годов в Советском Союзе. В разряде «Собрание графической документации» находятся крупноформатные чертежи Таманской экспедиции. Особенно важно, что в этом комплексе иллюстративного материала хранятся оригиналы уникальной большеформатной (1,46 × 1,42 м) подробной археологической карты Таманского полуострова, составленной по результатам работ экспедиции. Имеются как чистовой, так и черновой её варианты (РО НА ИИМК РАН. Р–I. Д 158). Востребованная многими специалистами, эта карта до сих пор не была полностью опубликована.

Как уже было сказано, Таманская экспедиция ГАИМК по существу проработала всего два года (1930 и 1931). Итоги этих масштабных исследований и сейчас остаются мало

известными и почти не изученными. Охарактеризуем их в самом кратком виде. Городище Тмутаракань/Гермонасса было намечено в качестве ключевого объекта для работы экспедиции. По установленному плану в 1931 г. здесь состоялись исследования напластований средневекового города, которые предполагались стать систематическими (рис. 2). Запланированные А.А. Миллером работы на текущий полевой сезон вполне были выполнены (Миллер 1932а: 58).

На основном раскопе в центральной части Таманского городища культурные слои были доведены до уровня римского времени. Выяснилось, что в процессе выемки земли для современного производства сырцовых кирпичей, здесь были уничтожены все культурные отложения позже XII в. Сильно испорченными оказались и каменные верхние кладки древних зданий. Сохранившиеся средневековые отложения имели значительную мощность до трех метров и разделялись на две хорошо датируемые части. Верхняя относилась к X—XII вв., нижняя — к VI—IX вв. (Миллер 1932а: 58–60). Большое внимание сотрудники экспедиции уделили изучению стратиграфии городища, выступавшей в многометровых береговых обрывах. Разведочный раскоп у одного из таких обнажений оказался особенно важным для стратиграфической характеристики поселения (рис. 3). Его разрезы охватили всю свиту культурных напластований мощностью 8—9 м, хронологическая последовательность которых уложилась в длительный непрерывный период около двух с половиной тысячелетий: от VI в. до н. э. — до XIX в. (Миллер 1931а: 28—29; Миллер 1932а: 46). Кроме раскопок были произведены разведки для выяснения границ распространения культурных остатков различных эпох. Обследования проведены на всей площади Таманской станицы и ее ближайших окрестностей, в результате чего получена особо четкая картина распространения культурного слоя. Распространение керамики показало, что средневековое поселение значительно расширило свою территорию по сравнению с античным поселением классического периода, а в восточной окраине городища и далее к западу, по направлению ко второму оврагу, установлено наличие древнейших средневековых отложений VI в. (Миллер 1932а: 60).

Обследование юго-западной части станицы Тамань привело к открытию некрополя, содержавшего погребения двух исторических эпох — античной и средневековой (Гайдукевич 1959: 155—157). Самое раннее из выявленных тогда античных погребений относится ко второй половине VI в. до н. э., остальные датируются V в. до н. э. (Гайдукевич 1959: 158—165). В этом отношении следует признать, что работы Таманской экспедиции в 1931 г. велись с немалым опережением плана. Можно отметить также, что эти погребения содержали первоклассные археологические находки — предметы вооружения, импортную керамику и т.д.

Вторым важнейшим античным памятником Таманского полуострова, на котором производились раскопки, пусть очень ограниченные, стала столица азиатского Боспора — Фанагория (Виноградов, Застрожнова и др. 2021). Здесь надо указать на один не очень известный факт, который, вероятно, стал причиной (или одной из причин) печального конца Таманской экспедиции ГАИМК. На этом памятнике с 1927 г. работала археологическая экспедиция из Московского музея Изобразительных искусств во главе с Л.П. Харко и К.Э. Гриневичем (Александрова 2017: 34; 2018: 38; Застрожнова 2019: 160—175). Руководство ГАИМК не придавало этому обстоятельству особого значения, считая, что весь Таманский полуостров является «вотчиной» Академии. Вопрос о возможности сотрудничества с коллегами из Москвы в изучении древних памятников района даже не ставился (Виноградов 2020: 28; Виноградов, Застрожнова и др. 2021: 284—285).

В 1930 г. сотрудники Таманской экспедиции ГАИМК посетили городище Фанагория, осмотрели раскопы московских археологов и признали низкое качество проведённых ими работ (рис. 4). Помимо этого, тогда были проведены небольшие раскопки в прибрежной части памятника (рис. 5) и предприняты некоторые шаги к его охране (Виноградов, Застрожнова и др. 2021).

Вопиющим фактом самоуправства следует признать раскопки фанагорийской обжигательной печи, которая была обнаружена и частично исследована экспедицией ГМИИ в 1930 г. В сентябре следующего года она была полностью раскрыта отрядом Таманской экспедиции ГАИМК, в состав которого вошли представители Керченского музея — Ю.Ю. Марти и В.Ф. Гайдукевич (Иессен, Миллер 1932: 60—61) (рис. 6). Результаты этих работ вошли в книгу Виктора Францевича, посвящённую памятникам такого рода на Боспоре (Гайдукевич 1934: 51—92). Эта книга до сих пор не потеряла своего значения, но материал для неё, как видим, частично был получен не самым правильным путём.

В научной литературе практически не отмечено, что Таманская экспедиция предприняла обследование поселения у Суворовской крепости близ Тамани (Миллер 1932в: 67). Тем не менее, имеющиеся архивные материалы свидетельствуют, что в 1930 г. на памятнике были произведены сборы керамического материала, который, по представлениям того времени относился к «архаической формации». Тогда же на памятнике были заложены два разведочных раскопа, но они не дали положительного результата (рис. 7). В 1931 г. у Суворовской крепости вновь собрали подъёмный материал, среди которого имелись «обломки древней посуды». Раскопки, осуществленные тогда бригадой студентов-практикантов в двух местах поселения с целью «открыть залегание архаических слоёв», и на сей раз не были успешными. Древних отложений не оказалось и в новых раскопках (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 777. Л. 131).

Наконец, следует назвать ещё один памятник, на котором Таманская экспедиция ГАИМК провела более успешные исследования, — это поселение, расположенное на территории бывшей коммуны «Искра», рядом с посёлком Гаркуша (Миллер 1932в: 67—68) (рис. 8). Сейчас это поселение отождествлено с греческим селением Патрей (см. Абрамов 2010). Осмотр памятника был выполнен в 1930 г. под руководством А.А. Иессена, а на следующий год здесь были проведены раскопки, которыми руководил А.П. Круглов. Тогда в обрыве берега были обнаружены два погребения, относящиеся к салтовскому времени (Миллер 1932в: 68). На поселении удалось раскопать сооружение с цементированными площадками и тремя резервуарами, назначение которого точно определить не получилось. А.А. Миллер с осторожностью высказал предположение, что оно является остатками древней винодельни (Миллер 1932в: 68). Эта догадка в полной мере подтвердилась последующими раскопками на Боспоре. Сейчас можно с уверенностью считать, что в 1931 г. на Патрее была исследована первая винодельня азиатского Боспора (Гайдукевич 1958: 355; Винокуров 2007: 143, 407). Без сомнения она относится к римскому времени (Виноградов 2021).

После столь успешного начала, предполагалось, что здесь следует продолжить изучение поселения, а также и раскопки салтовского могильника. Но этого не случилось. Ещё раз повторим, что амбиции руководства ГАИМК, его нежелание идти на какие-либо компромиссы, полное игнорирование интересов московских коллег стало роковым для очень перспективного научного проекта. Из-за возникшего конфликта организовать Таманскую экспедицию ГАИМК в 1932 г. уже не представлялось возможным.

Б.Б. Пиотровский, принимавший участие в работах на Тамани, в своих мемуарах записал: «Таманская экспедиция 1931 г. была самой нелепейшей из экспедиций, в которых я

участвовал» (Пиотровский 2009: 98). В этом отношении он, несомненно, в чём-то прав. Да, экспедиция была разношёрстной, её потрясали конфликты (в том числе связанные с деструктивной позицией С.А. Семёнова-Зусера), весьма болезненным оказалось противостояние с московскими археологами. Всё это, однако, не даёт права согласиться с другим заключением Б.Б. Пиотровского: «Таманская экспедиция не дала положительного результата» (Пиотровский 2009: 101). Напротив, она стала этапным моментом в истории античной археологии Советского Союза, и с позиции современной науки результаты работ, предпринятых на Таманском полуострове под руководством А.А. Миллера, представляются очень успешными (Паромов 2020: 242—243).

Экспедиция А.А. Миллера проработала слишком мало (всего два года), но сделала очень многое и была ликвидирована, так сказать, «на взлёте». Но в 1933 г. была создана Керченская (затем Боспорская) экспедиция ГАИМК (затем ИИМК Академии Наук СССР), направленная на изучение «малых» боспорских городов (Виноградов 2013: 169—170). Она открыла новую страницу в изучении античных памятников Боспора Киммерийского, и эта страница ещё не закрыта.

Литература

Абрамов А.П. 2010. Патрей. В: Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. (науч. ред.) *Античное наследие Кубани.* Т. I. Москва: Наука, 529—539.

Александрова Н.В. 2017. История археологического исследования Фанагории (вторая половина 1920-х гг. — наши дни). В: Кузнецов В.Д., Толстиков В.П. (авторы идеи выставки, ред.). *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. Каталог выставки.* Москва: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 33—41.

Александрова Н.В. 2018. Страсти по Фанагории. Археологические экспедиции 1920—1930-х годов. В: Кузнецов В.Д., Завойкина А.А. (ред.). *Материалы по археологии и истории Фанагории.* Т. 6. Вып. 3. Москва: Институт археологии РАН, 35—57.

Алёкшин В.А. 2015. А.А. Миллер и его вклад в развитие отечественной археологии. *Музей. Традиции. Этничность* 2 (8), 6—19.

Алёкшин А.А. 2022. Александр Александрович Миллер (1875—1935). В: Горончаровский В.А. (науч. ред.). *Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку.* Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 100—125.

Виноградов Ю.А. 2013. Отдел истории античной культуры. В: Носов Е.Н. (отв. ред.-сост.). *Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919—2014 гг.).* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 160—190.

Виноградов Ю.А 2020. Из истории Таманской экспедиции ГАИМК. *Таврические студии* (22), 25—30.

Виноградов Ю.А. 2021. Первая винодельня городища Патрей. В: Зинько В.Н., Зинько Е.А. (ред.-сост.). *XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. Материалы международной научной конференции.* Симферополь; Керчь: НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, 63—69.

Виноградов, Григорьева и др. 2020: Виноградов Ю.А., Григорьева О.В., Застрожнова Е.Г., Медведева М.В., Четвёркина Е.В. 2020. А.А. Миллер и его Таманская экспедиция (по материалам Научного архива ИИМК РАН). В: Деревянко А.П., Макаров Н.А., Мочалов О.Д. (отв. ред.*). Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре.* Т. III. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 118—120.

Виноградов, Застрожнова и др. 2021: Виноградов Ю.А., Застрожнова Е.Г., Медведева М.В. 2021. Таманская экспедиция ГАИМК и исследования Фанагории. *БИ* 42, 271—301.

Виноградов, Медведева и др. 2020: Виноградов Ю.А., Медведева М.В., Панкратова Е.Г. 2020. Таманская экспедиция ГАИМК: к истории создания. *АВ* (30), 312—329.

Винокуров Н.И. 2007. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Симферополь; Керчь: Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины (Боспорские исследования. Supplementum 3).

Гайдукевич В.Ф. 1934. Античные керамические обжигательные печи (по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929—1931 гг.). *ИГАИМК* 80.
Гайдукевич В.Ф. 1958. Виноделие на Боспоре. *МИА* 85, 352—457.
Гайдукевич В.Ф. 1959. Некрополи некоторых боспорских городов (По материалам раскопок 1930-х годов). *МИА* 69, 154—238.
Застрожнова Е.Г. 2019. *Фанагория. История археологического изучения (конец XVIII — середина XX в.).* Санкт-Петербург: Нестор-История.
Иессен А.А., Миллер А.А. 1932. Таманская экспедиция 1931 г. *СГАИМК* 11—12, 58—61.
Миллер А.А. 1931а. Таманская экспедиция ГАИМК. *СГАИМК* 1, 26—29.
Миллер А.А. 1932а. Выставка работ экспедиций Государственной Академии истории материальной культуры. *СГАИМК* 7—8, 43—50.
Миллер А.А. 1932б. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. (Краткий предварительный отчет об исследованиях в Таманском городище). *СГАИМК* 3—4, 58—60.
Миллер А.А. 1932в. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. *СГАИМК* 7—8, 67—68.
Паромов Я.М. 2020. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 2 (1918—1991 гг.). *Боспорские исследования* (40), 239—305.
Пиотровский Б.Б. 2009. *Страницы моей жизни.* Москва: Руда и Металлы.
РО НА ИИМК РАН. Р-I. Д. 158.
РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 777.
РО НА ИИМК РАН. Ф. 45. Оп. 1. Д. 155.
ФО НА ИИМК РАН. Нег. II 1874.
ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.13/63.
ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.14/7.
ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.14/8.
ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.196/40.
ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.199/19.
ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.199/60.

References

Abramov, A.P. 2010. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.) *Antichnoye naslediye Kubani (Antique heritage of the Kuban)*. Vol. I. Moscow: Nauka, 529—539 (in Russian).
Aleksandrova, N.V. 2017. In: Kuznetsov, V.D., Tolstikov, V.P. (eds.). *Pantikapey i Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva. Katalog vystavki (Panticapaeum and Phanagoria. Two capitals of the Bosporus kingdom. Exhibition catalogue)*. Moscow: GMII im. A. S. Pushkina, 33—41 (in Russian).
Aleksandrova, N.V. 2018. In: Kuznetsov, V.D., Zavoykina, A.A. (eds.). *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii (Materials on the archaeology and history of Phanagoria)*. Vol. 6. Iss. 3. Moscow: Institut arkheologii RAN, 35—57 (in Russian).
Alyekshin, V.A. 2015. In *Muzey. Traditsii. Etnichnost' (Museum. Traditions. Ethnicity)* 2 (8), 6—19 (in Russian).
Alyekshin, A.A. 2022. In: Goroncharovskiy, V.A. (ed.). *Ottsy-osnovateli RAIMK: ikh zhiznennyy put' i vklad v nauku (Founding fathers of RAIMK: their life path and contribution to science)*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 100—125 (in Russian).
Vinogradov, Yu.A. 2013. In: Nosov, Ye.N. (ed.). *Akademicheskaya arkheologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919—2014 gg.) (Academic archaeology on the banks of the Neva (from RAIMK to IIMK RAS, 1919—2014)*. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 160—190 (in Russian).
Vinogradov, Yu.A 2020. In *Tavricheskiye studii (Tauride Studios)* 22, 25—30 (in Russian).
Vinogradov, Yu.A. 2021. In: Zinko, V.N., Zinko, Ye.A. (eds.). *XXII Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Novyye otkrytiya, novyye proyekty. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (22th Bosporan Readings. Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. New discoveries, new projects. Materials of the international scientific conference)*. Simferopol; Kerch: NITS IAK KFU im. V.I. Vernadskogo, 63—69 (in Russian).
Vinogradov, Yu.A., Grigoryeva, O.V., Zastrozhnova, Ye.G., Medvedeva, M.V., Chetvyerkina, Ye.V. 2020. In: Derevyanko, A.P., Makarov, N.A., Mochalov, O.D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo*

arkheologicheskogo s"yezda v Samare (Proceedings of the 6th (22th) All-Russian Archaeological Congress in Samara). Vol. III. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy sotsial′no-pedagogicheskiy universitet, 118—120 (in Russian).

Vinogradov, Yu.A., Zastrozhnova, Ye.G., Medvedeva, M.V. 2021. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan Studies)* 42, 71—301 (in Russian).

Vinogradov, Yu.A., Medvedeva, M.V., Pankratova, Ye.G. 2020. In *Arkheologicheskiye vesti (Archaeological News)* 30, 312—329 (in Russian).

Vinokurov, N.I. 2007. *Vinogradarstvo i vinodeliye antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya (Viticulture and winemaking in the ancient states of the Northern Black Sea region).* Simferopol; Kerch: Krymskoye otdeleniye Instituta vostokovedeniya im. A.Ye. Krymskogo NAN Ukrainy (Bosporan studies. Supplementum 3) (in Russian).

Gaydukevich, V.F. 1934. In *Izvestija Gosudarstvennoj akademii istorii material'noj kul'tury (Proceedings of National Academy of History of Material Culture)* 80 (in Russian).

Gaydukevich, V.F. 1958. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Research in the Archaeology of the USSR)* 85, 352—457 (in Russian).

Gaydukevich, V.F. 1959. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Research in the Archaeology of the USSR)* 69, 154—238 (in Russian).

Zastrozhnova, Ye.G. 2019. *Fanagoriya. Istoriya arkheologicheskogo izucheniya (konets XVIII — seredina XX v.) (Phanagoria. History of archaeological research (the end of the 18th — the middle of the 20th cc.))*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Iyessen, A.A., Miller, A.A. 1932. In *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury (Reports of the State Academy of the History of Material Culture)* 11—12, 58—61 (in Russian).

Miller, A.A. 1931a. In *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury (Reports of the State Academy of the History of Material Culture)* 1, 26—29 (in Russian).

Miller, A.A. 1932a. In *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury (Reports of the State Academy of the History of Material Culture)* 7—8, 43—50 (in Russian).

Miller, A.A. 1932b. In *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury (Reports of the State Academy of the History of Material Culture)* 3—4, 58—60 (in Russian).

Miller, A.A. 1932v. In *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury (Reports of the State Academy of the History of Material Culture)* 7—8, 67—68 (in Russian).

Paromov, Ya.M. 2020. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan studies)* (40), 239—305.

Piotrovskiy, B.B. 2009. *Stranitsy moyey zhizni (Pages of my life)*. Moscow: Ruda i Metally (in Russian).

RO NA IIMK RAN. R-I. D. 158.

RO NA IIMK RAN. F. 2. Op. 1. 1931. D. 777.

RO NA IIMK RAN. F. 45. Op. 1. D. 155.

FO NA IIMK RAN. Neg. II 1874.

FO NA IIMK RAN. Otp. O.13/63.

FO NA IIMK RAN. Otp. O.14/7.

FO NA IIMK RAN. Otp. O.14/8.

FO NA IIMK RAN. Otp. O.196/40.

FO NA IIMK RAN. Otp. O.199/19.

FO NA IIMK RAN. Otp. O.199/60.

Рис. 1. Станица Таманская. Сотрудники экспедиции ГАИМК 1930 г. Крайний справа сидит А.А. Миллер. Фото из личного архива А.П. Круглова (по РО НА ИИМК РАН. Ф. 45.Оп. 1. Д. 155. Л. 11).

Fig. 1. Tamanskaya stanitsa. Members of the Taman Expedition of the State Academy for the History of Material Culture (SAHMC), 1930. The one on the far right is sitting A.A. Miller. Photo from A.P. Kruglov's personal archive (after RO NA IIMK RAN. F. 45.Op. 1. D. 155. L. 11).

Рис. 2. Таманское городище. Главный раскоп, 1931 г. Фото Е.Н. Бузина (по ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.196/40).

Fig. 2. Taman hillfort. The main excavation site, 1931, Photo by E.N. Buzin (after FO NA IIMK RAN. Otp. O.196/40).

Рис. 3. Таманское городище. Главный (береговой) раскоп со стороны моря, 1930 г. Фото А.А. Гречкина (по ФО НА ИИМК РАН. Нег. II 1874).

Fig. 3. Taman hillfort. The main (coastal) excavation from the sea side, 1930. Photo by A.A. Grechkin (after FO NA IIMK RAN. Neg. II 1874).

Рис. 4. Фанагория. Место раскопок Л.П. Харко и К.Э. Гриневича на городище, 1930 г. Фото А.А. Гречкина (по ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.14/7).

Fig. 4. Phanagoria. The site of the excavations of L.P. Kharko and K.E. Grinevich at the settlement, 1930. Photo by A.A. Grechkin (after FO NA IIMK RAN. Otp. O.14/7).

Рис. 5. Фанагория. Раскоп № 1 на городище в 1930 г. Фото А.А. Гречкина (по ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.14/8).

Fig. 5. Phanagoria. Excavation № 1 at the settlement in 1930. Photo by A.A. Grechkin (after FO NA IIMK RAN. Otp. O.14/8).

Рис. 6. Фанагория. Общий вид раскопа гончарной печи с северо-запада, 1931 г. Фото Е.Н. Бузина (по ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.199/60).

Fig. 6. Phanagoria. General view of the excavation of the pottery kiln from the northwest, 1931. Photo by E.N. Buzin (after FO NA IIMK RAN. Otp. O.199/60).

Рис. 7. Суворовская крепость у ст. Таманской. Раскоп 1930 г. Фото А.А. Гречкина (по ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.13/63).

Fig. 7. Suvorov fortress at the Tamanskaya stanitsa. Excavation of 1930. Photo by A.A. Grechkin (after FO NA IIMK RAN. Otp. O.13/63).

Рис. 8. Раскоп на территории бывшей коммуны «Искра», 1931 г. Фото Г.В. Подгаецкого (по ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.199/19).

Fig. 8. Excavation on the territory of the former commune “Iskra”, 1931. Photo by G.V. Podgaetsky (after FO NA IIMK RAN. Otp. O.199/19).

Религиоведение

Religious studies

УДК 94(47) «18/19»
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.85.17.011

В.В. Степкин, И.А. Смирнов

ПИСЬМА ИЗ ФОНДА Д.М. СТРУКОВА В РГИА КАК ИСТОЧНИК ДАТИРОВАНИЯ ВИА ДОЛОРОЗА КАЛАЧЕЕВСКОЙ ПЕЩЕРЫ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ*

Калачеевская культовая пещера в г. Калач Воронежской области вырублена в меловом останце. Суммарная протяжённость её ходов составляет 892 м. В ней имеются помещения различного назначения: храмы, часовни, кельи, коридоры и пр. Центральные и северные отрезки пещерных лабиринтов калькируют улицу Виа Долороза в Иерусалиме, символизирующую Крестный путь Иисуса Христа. Письма, обнаруженные в фонде Д.М. Струкова в РГИА, позволяют углубить и уточнить знания о датировке калачеевских лабиринтов. Вместе с тем, противоречивый характер этих сведений не позволяет сделать окончательный вывод о времени возникновения пещеры.

Ключевые слова: Калачеевская пещера, Воронежская губерния, Д.М. Струков, Виа Долороза, кальварии, Русская православная церковь, Шатрище, монастырь.

Сведения об авторах: Степкин Виталий Викторович[1], кандидат исторических наук, МБОУ Павловская СОШ с УИОП; Смирнов Иван Александрович[2], Воронежская духовная семинария.

Контактная информация: [1]396420, Россия, Воронежская обл., г. Павловск, пр. Революции, д. 15, МБОУ Павловская СОШ с УИОП; e-mail: archeolog@mail.ru; [2]394033, Россия, Воронежская обл., г. Воронеж, Ленинский проспект, д. 91, Воронежская духовная семинария; e-mail: parfirov2014@yandex.ru.

V.V. Stepkin, I.A. Smirnov

LETTERS FROM D.M. STRUKOV'S FUND IN THE RUSSIAN STATE HISTORICAL ARCHIVE AND THE DATING OF VIA DOLOROSA IN KALACH CAVES, VORONEZH REGION

Kalach cult caves are dug out in a chalk butte in the town of Kalach, Voronezh Region. Their total length makes 892 m. The caves contain rooms of different use: temples, chapels, cells, corridors, and more. Central and northern sections of cave labyrinths are known to replicate the Via Dolorosa in Jerusalem representing Christ's way of the Cross. The letters found in D.M. Strukov's fund in the Russian State Historical Archive may enhance our insights into Kalach labyrinths dating. Concurrently, because of a contradictory character of the accounts under study, it is inconclusive exactly what the time of Kalach caves construction is.

Key words: Kalach caves, Voronezh guberniya, D.M. Strukov, Via Dolorosa, Stations of the Cross, Russian Orthodox Church, Shatrishche, monastery.

About the authors: Stepkin Vitaly Viktorovich[1], PhD (History), Municipal Budgetary General Education Institution Pavlovsk Secondary School with Enhanced Coverage of Certain Subjects; Smirnov Ivan Aleksandrovich[2], Voronezh Theological Seminary.

Contact information: [1]396420, Russia, Pavlovsk, 15 Prospect Revolutsii, Municipal Budgetary General Education Institution Pavlovsk Secondary School with Enhanced Coverage of Certain Subjects; e-mail: archeolog@mail.ru; [2]394033, Russia, Voronezh region, Voronezh, 91 Leninsky Prospekt, Voronezh Theological Seminary; e-mail: parfirov2014@yandex.ru.

---

* Статья поступила в номер 15 мая 2022 г.
Принята к печати 29 июня 2022 г.

© В.В. Степкин, И.А. Смирнов, 2022.

Калачеевская пещера на Среднем Дону является одной из самых протяженных культовых подземелий на территории России. В настоящее время суммарная протяженность ее лабиринтов составляет 892 м. Вместе с тем, об истории ее бытования сохранилось крайне мало исторических свидетельств, что делает актуальным поиск и публикацию новой архивной информации о данном памятнике историко-культурного наследия.

Одним из первых исследователей Калачеевской пещеры стал Дмитрий Михайлович Струков, член Московского археологического общества, художник—реставратор. С конца 60-х гг. XIX в. главной областью исследования христианских пещерных древностей для Дмитрия Михайловича стала Таврида. Здесь он собственноручно участвовал в возрождении пещерного храма св. Климента в Инкермане, делал зарисовки, описания и модели долбленых храмов горного Крыма, составлял их типологию и проекты реконструкции. Особая ценность данной работы заключалась в том, что многие элементы осмотренных им подземных памятников не дошли до нашего времени и судить о них мы можем лишь по материалам Дмитрия Михайловича. По результатам исследований Струковым делались публикации, но большая часть его научного наследия дошла до нас в рукописном виде, будучи сосредоточена, прежде всего, в личном фонде РГБ ОР и фонде Археологической комиссии в ИИМК РАН НА РО (Савельева 2014: 77—82; Непомнящий 2015: 86—113; Турова 2015: 154—183).

В последний период своего творчества Дмитрий Михайлович обратил внимание на пещерные памятники Подонья и Поосколья. В рамках действующего «Открытого листа» № 986, выданного Императорской археологической комиссией от 12 июня 1897 г., он осмотрел пещерные памятники Дивногорья в Воронежской губернии (Городцова 2021: 203—218). При этом в Отчете к «Открытому листу» он проводил параллели между архитектурными элементами дивногорских и крымских пещер, обращая внимание прежде всего на расположение престола и жертвенника (Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1897 г. Д. 121). Здесь надо заметить, что относительно расположения данных литургических компонентов у Струкова была разработана типология с привязкой к различным хронологическим отрезкам церковной истории (Днепровский 2019: 75—81). В частности, и в крымских, и в дивногорских пещерах он выделил помещения, которые, по его мнению, были созданы в первые века христианства, когда служилась литургия апостола Иакова и престол был расположен в виде ниши в восточной стене. Помимо Дивногорских пещер Д.М. Струков в Подонье и Поосколье осмотрел также культовые подземные памятники в районе населенных пунктов Белогорье, Холки, Шмарное, Калач, выделяя в них также архитектурные элементы, относящиеся, по его мнению, к раннехристианскому времени. По поводу этих изысканий, в связи с кончиной Дмитрия Михайловича, на XII археологическом съезде в Харькове (1902 г.) краеведом и археологом Михаилом Павловичем Труновым было сделано сообщение в отделении Церковных древностей: «К материалам для определения возникновения пещерных храмов Воронежской губернии по рукописным работам, оставшихся после смерти художника—археолога Д.М. Струкова». Также М.П. Труновым было сделано сообщение на заседании Воронежской ученой архивной комиссии (1902 г.): «О пещерных храмах Воронежской губернии — по неизданным документам Д.М. Струкова». Надо заметить, что данные Струковым датировки пещер на основе разработанной им типологии не нашли понимания среди научной общественности в связи с отсутствием подтверждения архивными и археологическими материалами.

Вместе с тем, заслуживает внимания само описание пещер Д.М. Струковым. О Калачеевской пещере сохранилась запись в ОР РГБ: «На окраине слободы Калач, Богучарского уезда, в высокой меловой горе пещеры, из них более половины новой работы в течение последних 20-ти лет, исполненные каким-то крестьянином из Могилевской губ., и в настоящее время живет в них крестьянин, выдающий свои труды за усердные труды для Бога, что

привлекает массу усердствующих пришельцев богомольцев, выдающий труды предшественника и свои за начало устроения пещерных помещений; но при тщательном обзоре оказывается одна половина пещер новая, имеющая в ширину коридора от 2 до 2½ арш. и в вышину до 4-х арш., резко отличающаяся от второй половины пещер, как и во всех пещерных помещениях, находящихся в других местностях, покрытых многовековой плесенью окаменелою, и ширина пещерных коридоров не превышает 1 арш. 3 верш., а высота 3 арш., что указывает на их древнее происхождение; среди древних пещер есть комната с престолом и жертвенником однообразными с крымскими, но работники, продолжатели пещер, стены пещер очистили от древней плесени, которая местами еще сохранилась, и самые места престола и жертвенника, по непониманию их значения очистили от признаков плесени, как древности, и ради украшения испестрили долбленными звездочками и крестиками новой работы, чем испорчено впечатление древнего происхождения до того, что если бы, не видев древних храмов крымских, в Киеве, Дивногорске и других местах, можно признать все за новый труд. По моему понятию, следовало бы предположить выселить настоящего жителя пещер и прекратить способы, помогающие эксплуатации благоговейного чувства верующих ненужными трудами, и в то же время уничтожающими древние памятники иссеченных пещер. Жители слободы Калач издревле придают этой местности значение святого места, почему, я слышал о ходатайствующих об устройстве монастыря при пещерах, т.к. в окрестности нет женских общин с ремесленной женской школой» (ОР РГБ. Ф. 293. Д. 31. Л. 21).

Идеи Д.М. Струкова о разновременности сооружения частей Калачеевской пещеры имеют под собой исторические параллели в Подонье, без учета выдвинутых им ранних датировок объектов церковной археологии. Так, в XIX в. на Дону отмечается процесс массового народного пещерокопания (Никольский 1910: 149—181). При этом крестьяне в рамках народного православия не только создавали новые пещерные памятники, но и активно продолжали вырубать коридоры пещер в уже существующих культовых подземельях. В качестве примера можно привести Шатрищегорские пещеры Воронежской губернии. История их создания была тесно связана с историей Шатрищегорского Спасо-Преображенского мужского пещерного монастыря. Этот монастырь, основанный в середине XVII в., был в дальнейшем упразднен секуляризационной реформой 1764 г. (Болховитинов 1800: 178, 185—186). При этом его пещерный храм, самая ранняя архивная датировка которого относится к 70-м гг. XVII в. (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола. Д. 921. Л. 52—55 об.), продолжал пользоваться почитанием, будучи одним из паломнических центров округи. В XIX в. принимались неоднократные попытки возрождения духовной жизни в урочище Шатрище, расширения и обустройства существующих здесь пещер. Так, например, Михаил Полиев, будучи более 30 лет сторожем пещерной церкви, вырубал от нее в меловой толще ход длиной в 60 сажень, известный с 1840 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 173. Д. 1080. Л. 2об.—3). Известно также, что в 1832 г. работал над устроением Шатрищегорской пещеры «вольный хлебопашец сл. Никитовки Валуйского уезда Григорий Семенов Приходько» (Никольский 1910: 155).

Вместе с тем, говоря о датировках пещерных памятников Подонья, нельзя не учитывать современную типологию культовых пещер и их семантическую составляющую. Среди подземелий культового характера XVII—XX вв. на территории европейской части России можно условно выделить типы: пещера—келья, пещера—храм, пещера—монастырь, пещера—некрополь, пещера—лабиринт (Степкин 2018b: 69—72). Наиболее сложным для понимания функциональной нагрузки является тип — пещера—лабиринт, так как невозможно объяснить в утилитарной плоскости значительную протяженность подземных коридоров культового характера. Попытка объяснения сооружения пещер данного типа в сакральной плоскости была предпринята одним из авторов на примере Дивногорской, Усть-Медведицкой и Калачеевской

пещер (Степкин 2018а: 167—179; 2019: 58—67; 2021: 44—51). Применительно к Калачеевской пещере была рассмотрена гипотеза, согласно которой центральные и северные ходы Калачеевской пещеры представляют собой калькирование сакрального пространства, сложившегося вокруг главной христианской святыни — Гроба Господня в Иерусалиме. При этом ходы Калачеевской пещеры отражают Виа Долороза — символический Путь Скорби Христа в Иерусалиме. Планиграфия Крестного Пути Христа как в Иерусалиме, так и в Калачеевской пещере носит идентичный характер, символизм которого усиливают настенные граффити.

Разработка данного прочтения семантики Калачеевской пещеры оставила открытым вопрос о датировке начала строительства подземелья. В связи с этим особую актуальность приобретает как археологический, так и архивный поиск датирующих материалов. В этом отношении важное значение имеет обнаружение И.А. Смирновым в РГИА в Ф. 695: «Струков Дмитрий Михайлович (1827—1899), художник, археолог, реставратор» два письма, относящихся к истории бытования Калачеевской пещеры. Первое письмо адресовано некоему Василию Алексеевичу, фамилия которого не известна. Его автор Н. Ахшарумов, в качестве места написания письма от 20 августа 1898 г., указал Калач. Приведем его основное содержание:

«Многоуважаемый Василий Алексеевич.

С особенным удовольствием исполнил Ваше желание иметь сведения о наших Калачеевских пещерах. Беру на себя смелость и решимость переслать Вам 3 фотографических снимка моей работы <…>. Пещеры эти находятся вблизи Калача на вершине меловой горы, представляют из себя целый лабиринт коридоров в несколько сот сажений длины и нескольких (как их здесь называют) алтарей, в нишах большей частью убранных жертвованными образами и лампадами. Лет 30 тому назад некий Тимофей (фамилия неизвестна), движимый религиозным настроением и склонностью к отшельничеству, начал рытье этих пещер, в работе принимали участие любители из жителей Калача; в настоящее же время в пещерах живет некий Филипп Краснобажев (крестьянин Богучарского уезда с. Твердохлебовка), продолжает работу расширения пещер и рытья коридоров.

Калачеевское сельское общество неоднократно постановляло приговоры об отчуждении некоторого количества земли и давало денег на открытие монастыря, чему крайне сочувствовал бывший Викарий Воронежской епархии Преосвященный Владимир, но администрация отменила приговор, так как белое духовенство не сочувствовало этому делу. Конечно, мы зорко следим, чтобы в пещерах не собирались массами жители Калача и окрестностей из боязни развития какой-либо секты и снисходительно разрешаем одиночные посещения и то лишь в сопровождении старика Филиппа Краснобажева.

В Богучарском уезде, благодаря обилию меловых гор можно встретить подобные же пещеры еще в двух местах (на берегу Дона и вблизи сл. Петропавловка); часть же которых завалилась, часть закрыта администрацией.

Без сомнения, возникновение этих пещер нельзя отнести ко временам глубокой древности. В случае же, если бы Вам было нужно иметь еще какие-либо сведения, я буду очень счастлив Вам доставить их»

(РГИА. Ф. 695. Оп. 1. Д. 63. Л. 1—3).

Из данного письма мы видим, что адресант имеет непосредственное отношение к Калачу. На его проживание в Калаче указывает стоящее внизу письма после подписи, перед датой, наименование данной слободы: «Н. Ахшарумов — Калач — 20 Авг. 1898 г.». Также об этом свидетельствует фраза «сведения о наших Калачеевских пещерах». Кроме того, из письма видно,

что Н. Ахшарумов имеет непосредственное отношение к администрации слободы Калач. Об этом говорит ряд факторов: осведомленность о происходящих в Богучарском уезде процессах; стиль изложения письма; фразы: «но администрация отменила приговор», «мы зорко следим, чтобы в пещерах не собирались массами жители Калача». Кроме того, указанные фразы свидетельствуют также об отношении самого Н. Ахшарумова к процессу обустройства подземелья, характеризуя его как негативное. При этом он считает временем начала сооружения Калачеевской пещеры конец 60-х гг. XIX в. В качестве параллели данным подземельям Ахшарумов упоминает еще две пещеры в Богучарском уезде. Наиболее вероятно, что речь идет о пещере на берегу р. Дон у с. Галиевка и пещере у с. Пески.

Поиск дополнительной информации о личности адресанта письма приводит нас к имени Земского начальника второго участка Богучарского уезда коллежского асессора Николая Вениаминовича Ахшарумова (Памятная книжка 1898: 72, 75). По всей видимости, именно он являлся автором письма. Надо отметить, что в функции земских начальников входило осуществление административно-судебной власти над крестьянами и другими податными сословиями, жившими в сельской местности.

Второе письмо адресовано, по всей вероятности исходя из имени и отчества, самому Струкову. Его автор Михаил Каширский, писал 10 сентября 1898 г.:

«Милостивый Государь, Дмитрий Михайлович!

На Вашу почтенную просьбу относительно Калачеевских пещер, долгом считаю известить Вас о результатах моих расспросов о них следующее: иеромонах Терентий уверяет, что означенные пещеры существовали до пришельцев, т. е. последних 2-х пещерокопателей, но были ранее засыпаны мусором, и он, будучи еще молодым, заходил туда, привлеченный интересом общим о них. Почтенный наш Благочинный о. Андроник выражает то же самое, что и о. Терентий. По просьбе Вашей о. Андроник сообщил мне для передачи Вам следующих лиц, состоящих попечителями пещеры: 1-й Гавриил Яковлевич Чуба Преображенского прихода сл. Калача, 2-й тойже слоб. Иван Яков. Сиряков, 3-й тойже слоб. Иван Варавин ссыпщик жерт. 5000 на пещеры прихода Успенской церкви»

(РГИА. Ф. 695. Оп. 1. Д. 167. Л. 1).

Адресант этого письма М. Каширский, также является по всей вероятности жителем Калача. Об этом говорит не только общий контекст письма, но и, например, такая фраза «Почтенный наш Благочинный о. Андроник». Последняя фраза, а также расспросы о пещере представителей местного духовенства, говорит о близости М. Каширского к церковной среде. Датировка М. Каширским изначального сооружения Калачеевской пещеры остается неопределенной. Он отмечает, что пещеры уже существовали в Калаче до появления здесь пещерокопателей во второй половине XIX в. Согласно этой версии, «последние 2 пещерокопателя» (по всей видимости «некий Тимофей» и Филипп Краснобажев, упомянутые в первом письме), расчистив подземелье от мусора, лишь продолжили обустройство культовых подземелий.

Таким образом, мы видим различие в датировках Калачеевской пещеры в письмах Н. Ахшарумова и М. Каширского, что может быть объяснено отчасти субъективным отношением к обустройству Калачеевской пещеры. Н. Ахшарумов был не сторонником широкого функционирования подземелья, «мы зорко следим, чтобы в пещерах не собирались массами жители Калача и окрестностей из боязни развития какой-либо секты». В этом отношении ему важно было подчеркнуть заурядность пещеры: ей всего несколько десятков лет, строили ее два обычных крестьянина, такие пещеры есть еще в уезде. М. Каширский же,

наоборот, будучи близким к церковной среде, говорит о более ранней датировке пещеры, ссылаясь, прежде всего, на представителя черного духовенства «иеромонаха Терентия». А как мы помним из письма Н. Ахшарумова, пещероустроители пользовались поддержкой викария Воронежской епархии епископа Владимира (Соколовского-Автономова). Сторонникам обустройства Калачеевской пещеры наоборот необходимо было подчеркнуть ее древность и уникальность.

Какая же точка зрения была наиболее близка самому Д.М. Струкову? Из материалов, хранящихся в РГБ, мы видим, что — М. Каширского. Повествование о том, что пещерокопатели во второй половине XIX в. лишь продолжили обустройство Калачеевской пещеры, созданной в более раннее время, хорошо вписывалось в разработанную Струковым концепцию датировки христианских подземных святынь Российской империи. При этом интересно для нас и то, что Н. Ахшарумов и М. Каширский не были единственными информаторами Струкова в среде местных жителей. Дмитрий Михайлович, описывая калачеевские лабиринты, приводит данные, не упоминаемые в вышеприведенных письмах: «из них более половины новой работы в течение последних 20-ти лет, исполненные каким-то крестьянином из Могилевской губ., и в настоящее время живет в них крестьянин, выдающий свои труды за усердные труды для Бога». При этом, если обратиться к письму Н. Ахшарумова, мы можем предположить, что упомянутого Струковым крестьянина из Могилевской губернии звали Тимофей.

Личность крестьянина из Могилевской губернии вызывает особый интерес в контексте его происхождения. То есть, начинает обустраивать пещеры не выходец из Богучарского уезда Воронежской губернии, а уроженец далекого западного региона (?). Ответить на вопрос, с чем это было связано, не представляется возможным. Вместе с тем, если рассматривать часть лабиринтов калачеевской пещеры как перенос сакрального пространства Святой Земли на местную почву, то мы должны учитывать западное европейское влиянии на создание подобного рода культов (Беляев 2009: 203). В этом отношении мы видим, например, в приграничных регионах Российской империи появление кальварий, архитектурных композиций на сюжет страданий Христа. Исторически Могилевская губерния была образована в 1772 г. на белорусских землях, отошедших к России по Первому разделу Речи Посполитой. В настоящее время можно отметить на территории Белоруссии Минскую и Мядельскую кальварии. Был ли в этом контексте крестьянин Могилевской губернии автором планиграфии Калачеевской пещеры, переселившись сюда по личным мотивам? Или же он специально приехал сюда, зная о существующих здесь подземельях, отражающих Крестный Путь Христа, и продолжил их обустройство? Ответить на эти вопросы не представляется в настоящее время возможным.

Вместе с тем, говоря не об индивидуальных, а групповых процессах миграции, мы не должны забывать и о других переселенцах в Калач с территории бывшей Речи Посполитой. Исследователь Воронежского края В.П. Загоровский отмечал: «Слобода Калач была основана переселенцами с Украины в первой четверти XVIII века» (Загоровский 1982: 138). Исследователь миграционных процессов на юге Воронежской губернии А.А. Бережной отмечал также «наличие незначительного притока населения в Калач из Правобережной Украины, входившей в третьей четверти XVIII в. в состав Речи Посполитой» (Бережной 2006: 18). То есть, могло быть и так. Переселенцы в калачеевскую слободу в начале XVIII в. обустраивают здесь культовое подземелье. Затем оно в контексте ужесточения синодального законодательства, направленного на «борьбу с суевериями» в народной среде (Степкин 2018с: 214—224), было засыпано по распоряжению местных властей. Во второй половине XIX в., в период подъема общей крестьянской религиозности и ослабления давления на народные традиции в пореформенную эпоху, Калачеевские пещеры начинают возрождаться вновь.

Таким образом, обнаруженные и публикуемые нами письма Н. Ахшарумова и М. Каширского из фонда Д.М. Струкова в РГИА проливают дополнительный свет на процесс первоначального обустройства Калачеевской пещеры. Вместе с тем, учитывая их противоречивый характер, невозможно сделать окончательный вывод о том, когда впервые начали создаваться калачеевские лабиринты: во второй половине XIX в. или в более ранее время формирования слободы Калач.

Литература

Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1897 г. Д. 121.

Беляев Л.А. 2009. Иерусалим видимый и невидимый: о типологии визуальных отражений Святой Земли в древнерусской культуре. В: Лидов А.М. (ред.-сост.). *Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств.* Москва: Индрик, 202—220.

Бережной А.А. 2006. Миграционные процессы на юге Воронежской губернии (XVIII в.). *Из истории Воронежского края* 14, 17—23.

Болховитинов Е. 1800. *Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии*. Воронеж: Типография Губернского Правления.

Городцова Ю.Н. 2021. Роль Д.М. Струкова в изучении памятников Дивногорья. В: Владимиров С.И (отв. ред.). *Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье»* 8, 203—218.

Днепровский Н.В. 2019. К истории создания типологии и хронологии крымских пещерных церквей: церковно-археологические штудии Д.М. Струкова. В: Сазонов А.В., Седикова Л.В., Гинькут Н.В. (ред.-сост.). *Уваровские Таврические чтения* IV. *«Древности Юга России»: Материалы Международной научной конференции. Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 12—15 сентября 2019 г.* Севастополь: ООО «Колорит», 75—81.

Журнал заседаний ВУАК 15 мая 1902 г.: сообщение Трунова М.П. «О пещерных храмах Воронежской губернии — по неизданным документам Д.М. Стукова». *Труды Воронежской Ученой архивной комиссии* 2, VIII.

Загоровский В.П. 1982. *История Воронежского края от А до Я.* Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство.

Непомнящий А.А. 2015. Из истории изучения Крыма в Москве в XIX веке: неизвестная грань творчества известных ученых. *Крымский архив* 1 (16), 86—113.

Никольский П.В. 1910. Монашество на Дону в XIX веке. Очерк 1. Пещерокопательство в XIX в. *Воронежская Старина* 9, 149—181.

Памятная книжка 1898: Былов М.Н. (сост.). 1898. *Памятная книжка Воронежской губернии на 1899 г.* Воронеж: Издание Воронежского Губернского Статистического Комитета.

ОР РГБ. Ф. 293. Д. 31.

РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола. Д. 921.

РГИА. Ф. 796. Оп. 173. Д. 1080.

РГИА. Ф. 695. Оп. 1. Д. 63.

РГИА. Ф. 695. Оп. 1. Д. 167.

Савельева А.Н. 2014. Крым в акварелях московского художника Д.М. Струкова. *Библиотековедение* 3, 77—82.

Степкин В.В. 2018a. Виа Долороза в пещерах урочища Малые Дивы на Среднем Дону. *Вестник Томского государственного университета. История* 426, 167—179.

Степкин В.В. 2018b. Классификация культовых пещер европейской части России. *Ученые записки Орловского государственного университета* 4 (81), 69—72.

Степкин В.В. 2018c. Отношение церковных властей к пещерокопателям в XVIII—XIX веках. *Христианское чтение* 5, 214—224.

Степкин В.В. 2019. История формирования и семантика сакрального пространства пещер Усть-Медведицкого монастыря в Волгоградской области. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. Т. 24. № 3, 58—67.

Степкин В.В. 2021. Калачеевская пещера на Среднем Дону: прочтение сакрального топоса в контексте Виа Долороза. *Вестник Томского государственного университета. История* 70, 44—51.

Трунов М.П. К материалам для определения возникновения пещерных храмов Воронежской губернии по рукописным работам, оставшихся после смерти художника-археолога Д.М. Струкова. Реферат на XII Археологическом съезде. Рукопись. Воронежский областной краеведческий музей. Личный фонд Замятнина С.Н.

Турова Н.П. 2015. История изучения средневековых Христианских древностей южного берега Крыма. *МАИАСП* 7, 154—183.

References

Arkhiv IIMK RAN. F. 1. 1897 g. D. 121.

Belyaev, L.A. 2009. In: Lidov, A.M. (ed.). *Novye Iyerusalimy. Iyerotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv (New Jerusalems. Hierotopy and iconography of sacred spaces)*. Moscow: Indrik, 202—220 (in Russian).

Berezhnoy, A.A. 2006. In *Iz istorii Voronezhskogo kraya (From the history of the Voronezh region)* 14, 17—23 (in Russian).

Bolkhovitinov, E. 1800. *Istoricheskoye, geograficheskoye i yekonomicheskoye opisaniye Voronezhskoy gubernii (Historical, geographical and economic description of the Voronezh province)*. Voronezh: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya (in Russian).

Gorodtsova, Yu.N. 2021. In: Vladimirov, S.I (ed.). *Divnogorskiy sbornik: trudy muzeya-zapovednika "Divnogor'ye" (Divnogorsky collection: works of the museum-reserve "Divnogorie")* 8, 203—218 (in Russian).

Dneprovskiy, N.V. 2019. In: Sazonov, A.V., Sedikova, L.V., Gin'kut, N.V. (eds.). *Uvarovskiye Tavricheskiye chteniya (Uvarov Tauride Readings)* IV. *«Drevnosti Yuga Rossii»: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Gosudarstvenniy istoriko-arkheologicheskiy muzey-zapovednik "Khersones Tavricheskiy", 12—15 sentyabrya 2019 g. ("Antiquities of the South of Russia": Proceedings of the International Scientific Conference. State Historical and Archaeological Museum-Reserve Tauric Chersonese, September 12–15, 2019)*. Sevastopol: OOO "Kolorit", 75—81 (in Russian).

In *Trudy Voronezhskoy Uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Voronezh Scientific Archival Commission)* 2, VIII (in Russian).

Zagorovskiy, V.P. 1982. *Istoriya Voronezhskogo kraya ot A do Ya (History of the Voronezh region from A to Ya)*. Voronezh: Tsentral'no-Chernozemnoye knizhnoye izdatel'stvo (in Russian).

Nepomnyashchiy, A.A. 2015. In *Krymskiy arkhiv (Crimean archive)* 1 (16), 86—113 (in Russian).

Nikol'skiy, P.V. 1910. In *Voronezhskaya Starina (Voronezh Antiquity)* 9, 149—181 (in Russian).

Pamyatnaya knizhka 1898: Bylov, M.N. (ed.). 1898. *Pamyatnaya knizhka Voronezhskoy gubernii na 1899 g. (Commemorative book of the Voronezh province for 1899).* Voronezh: Izdaniye Voronezhskogo Gubernskogo Statisticheskogo Komiteta (in Russian).

OR RGB. F. 293. D. 31.

RGADA. F. 210. Razryadnyy prikaz, stolbtsy Belgorodskogo stola. D. 921.

RGIA. F. 796. Op. 173. D. 1080.

RGIA. F. 695. Op. 1. D. 63.

RGIA. F. 695. Op. 1. D. 167.

Savel'yeva, A.N. 2014. In *Bibliotekovedenie (Library Science)* 3, 77—82 (in Russian).

Stepkin, V.V. 2018a. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya (Tomsk State University Journal of History)* 426, 167—179 (in Russian).

Stepkin, V.V. 2018b. In *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific notes of the Oryol State University)* 4 (81), 69—72 (in Russian).

Stepkin, V.V. 2018c. In *Khristianskoe chtenie (Christian Reading)* 5, 214—224 (in Russian).

Stepkin, V.V. 2019. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)*. Vol. 24. No. 3, 58—67 (in Russian).

Stepkin, V.V. 2021. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* 70, 44—51 (in Russian).

Trunov, M.P. K materialam dlya opredeleniya vozniknoveniya peshchernykh khramov Voronezhskoy gubernii po rukopisnym rabotam, ostavshikhsya posle smerti khudozhnika-arkheologa D.M. Strukova. Referat na XII Arkheologicheskom s"yezde. Rukopis'. Voronezhskiy oblastnoy krayevedcheskiy muzey. Lichnyy fond Zamyatnina S.N.

Turova, N.P. 2015. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 7, 154—183 (in Russian).

История

History

УДК 94(37).07; 94(356); 94(363.1)
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.72.96.012

С.В. Ярцев, В.Г. Зубарев, Р.М. Бобин

ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД НЕРОНА: НОВОЕ РЕШЕНИЕ СТАРОЙ ПРОБЛЕМЫ*

В центре внимания находится проблема оценки внешней политики Римской империи на её восточных границах во время правления Нерона. Главной целью исследования стало выяснение широкого круга обстоятельств, связанных с его восточным походом. К этой военной операции император активно готовился. Однако принято считать, что поход был отменён. Опираясь на сведения античных сочинений и данные археологии, авторы приходят к выводу, что восточный поход всё же состоялся. Армия союзных аланов вместе с небольшой частью римских военнослужащих сумела покорить народы северо-восточного побережья Чёрного моря и выйти в северокавказский регион. Здесь она по плану должна была обеспечить защиту северных территорий новой римской провинции Понт, в состав которой решено было включить Боспорское царство.

Ключевые слова: Римская империя, Боспорское царство, император Нерон, восточный поход, аланы.

Сведения об авторах: Ярцев Сергей Владимирович[1], доктор исторических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; Зубарев Виктор Геннадьевич[2], доктор исторических наук, профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; Бобин Роман Михайлович[3], Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого.

Контактная информация: [1,2,3]300026, Россия, г. Тула, Проспект Ленина 125; Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; e-mail: [1]s-yartsev@yandex.ru; [2]parosta@mail.ru; [3]sorcerer071@mail.ru.

S.V. Yartsev, V.G. Zubarev, R.M. Bobin

NERO'S EASTERN CAMPAIGN: NEW SOLUTION TO THE OLD PROBLEM

The article is focused on assessing the foreign policy of the Roman Empire on its eastern borders during the reign of Nero. The research was aimed to reveal a wide range of circumstances associated with his eastern military campaign. The Emperor was known to actively prepare for the action. The campaign, however, is believed to have been cancelled shortly after. Based on both written accounts and archaeological record, the authors conclude that the eastern campaign eventually became a reality. The allied Alans' army, together with not so numerous Roman troops, has managed to conquer the population of the northeast Black Sea coast and then even reached the North Caucasus. While being there, and according to the initial plan, the army was supposed to protect northern territories of the newly established Province of Pontus, with the Bosporan Kingdom as a part of it.

Key words: Roman Empire, Bosporan Kingdom, Emperor Nero, eastern campaign, Alans.

About the authors: Yartsev Sergey Vladimirovich[1], Dr. habil. (History), Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; Zubarev Victor Gennadievich[2], Dr. habil. (History), Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; Bobin Roman Mikhailovich[3], Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Contact information: [1,2,3]300026, Russia, Tula, 125 Lenin Avenue, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; e-mail: [1]s-yartsev@yandex.ru; [2]parosta@mail.ru; [3]sorcerer071@mail.ru.

---

* Статья поступила в номер 12 августа 2022 г.
Принята к печати 29 августа 2022 г.

© С.В. Ярцев, В.Г. Зубарев, Р.М. Бобин, 2022.

При Нероне восточная политика Римской империи была весьма активной и достигла значительных успехов. Так что не случайно историография этого периода истории весьма значительна. Тем не менее некоторые вопросы римской внешней политики эпохи Нерона до сих пор не находят однозначного решения (Тревер 1953; Бокщанин 1966; Griffin 1987; Шмалько 1990; Champlin 1990; 2003; Панов 2008; 2011; 2012; Ярцев 2014; Ярцев, Бутовский 2018a; 2018b; Guzman 2014; Barrett et al. 2016; Poirot 2020). Так, нет единой точки зрения по вопросу о роли императора в проведении внешнеполитического курса. Если ряд специалистов видят в нем рассудительного и дальновидного государственного деятеля (Henderson 1903; Schur 1923), то их оппоненты критикуют проводимую им внешнюю политику как неэффективную (Hammond 1934; Lerouge 2007).

Еще сложней объяснить ситуацию, которая сложилась в отношениях между империей и т.н. царством Фарзоя в Северном Причерноморье. Есть все основания полагать, что этот варварский государь был союзником римского народа. Однако такого рода отношения с варварами противоречили большой имперской стратегии, направленной на покорение всего известного римлянам мира. На неоднозначность внешней политики Римской империи при Нероне указывает подготовка к восточному походу, которую трудно согласовать с заключением мирного договора с Парфией и с мирным разрешением ситуации с Арменией.

Армения как область, в которой уже давно усилиями Корбулона стремился утвердиться Рим, стала объектом соглашения между империей и Парфией. По этому договору ее правитель Тиридат должен был явиться к Нерону для получения диадемы, которую император намеревался возложить на его голову. Это событие произошло в 66 г. (Tac. Ann., XV, 31; Dio Cass., LXII, 23, 3). Нерон постарался представить этот визит как блестящую победу римского оружия. Однако новый договор, бесспорно, являлся и серьезным успехом Парфии. Ведь Армения продолжала рассматриваться как ее неотъемлемое владение (Griffin 1987: 232—233; Champlin 1990: 104—105; 2003: 118—119; Панов 2011: 173—174; Barrett et al. 2016: 241—243; Rocca 2017: 202).

Успехом внешней политики империи можно считать и заключение соглашения с царем Фарзоем, который с опорой на свое мощное воинство смог взять под контроль большую часть Северного Причерноморья (Ярцев 2014: 103—136). Возможно, эти варвары были связаны с боспорской сармато-иранской династией, отстраненной от власти при помощи римлян. Что в очередной раз свидетельствует в пользу того, что такой союз был временным и в любой момент мог вновь перерасти в военный конфликт (Ярцев 2016: 31). Сама идея заключить соглашение с варварами и позволить им чеканить свои монеты в Ольвии[1] (Чореф 2018), похоже, для римлян представлялась вынужденной мерой. Безусловно, этому способствовало обострение ситуации на северо-восточных рубежах Римской империи. Тем не менее, несмотря на явное противоречие — заключения данного договора со стремлением римлян покорить весь известным им мир, царство Фарзоя на какое-то время превратилось в важнейшую часть буферной зоны Северного Причерноморья, в значительной степени затруднив врагам доступ к границам империи со стороны степей (Ярцев, Бутовский 2018a: 63).

Однако очевидно, что Фарзой не контролировал все Северное Причерноморье. Этот регион и северокавказские степи, скорее всего, были заняты носителями среднесарматской культуры (Ярцев, Бутовский 2018b: 148—149). О серьезном военном потенциале этих кочевников можно судить по их участию в событиях 35 г., когда, перейдя кавказские горы и

[1] Примечательно то, что на легковесных статерах Фарзоя сохранились надчеканки Нерона (Чореф 2018: 322—323, рис. 1: *2—5*) и Гальбы (Чореф 2018: 323—324, рис. 1: *6, 7*). Так что на определенном этапе эти монеты ценились как платежные средства, санкцию на использование которых дали римские власти (Чореф 2018: 326).

ввязавшись в римско-парфянский конфликт, они нанесли сокрушительное поражение парфянам (Туаллагов 2014: 15).

Исходя из данного фактора, ранее мы и интерпретировали восточный поход Нерона (Ярцев, Бутовский 2018b: 149). Тем не менее, с этим походом, к которому император активно готовился в конце своего правления, до сих пор нет окончательной ясности. Напомним, что источники прямо не говорят об истинной цели этой военной операции. Даже точный маршрут продвижения войск остался неизвестным. Мы знаем только то, что войска могли быть направлены через «Каспийские ворота» (Tac. Hist., I, 6; Suet. Nero., 19), «Кавказские ворота» (Plin. Hist. Nat., V, 40) или одновременно в сторону «Каспийских ворот» и Эфиопии (Cass. Dio., LXVIII, 8, 1). Однако война с Вологезом в тот период времени (Cass. Dio., LXVIII, 8, 1) вряд ли была возможна по причине установления мирных отношений с Парфией (Ярцев, Бутовский 2018b: 147). Таким образом, отсутствие точной информации и фрагментарность источников являются основными причинами расхождения мнения ученых по поводу цели восточного похода Нерона. Предлагалось считать, что поход планировался с целью захвата Дербентского прохода и торгового пути в Индию (Stark 1966: 189), Дарьяльского стратегического прохода с западным ответвлением восточного торгового пути (Бокщанин 1966: 209) или оккупации Колхиды (Манандян 1946: 66—74). Иногда восточный поход Нерона рассматривается в контексте подготовки совместной римско-парфянской операции против неизвестных нам врагов (Бокщанин 1966: 209). Действительно, учитывая появление в эти годы на исторической арене аланов, данная гипотеза выглядит вполне обосновано (Ярцев, Бутовский 2018b: 147). Но в таком случае трудно объяснить, почему же восточный поход так и не состоялся. Попытки решить данное противоречие иногда приводят ученых к довольно оригинальным предположениям. Например, что Нерона куда больше интересовала возможность предстать перед римлянами в качестве победоносного императора, чем собственно военные цели похода (Панов 2012: 183).

Однако заметим, что еще А.И. Амиранашвили справедливо считала, что восточный поход Нерона был необходим для организации на территориях бывшего Понтийского царства Митридата VI Евпатора провинции Понт. В ее состав должны были войти как южнопонтийские территории, так и Боспорское царство. Успех в организации данной провинции способствовал бы превращению Чёрного моря во Mare Nostrum Римской империи. Если это так, то аннексия Понта, присоединение Колхиды в 63—64 гг. (Suet. Ner., 18) и царства Коттийских Альп в 66 г. (Амиранашвили 1938: 171; Панов 2012: 181—182), возможно, являлись частью этого плана. Видимо не случайно в 63—68 гг. изменяется статус Боспорского царства, что хорошо прослеживается по замене аббревиатуры на монограмму Нерона на статерах. Вскоре их выпуск вообще был прекращен. На медных номиналах также исчезает монограмма , что, возможно, являлось важным шагом на пути к понижению статуса Боспорского государства до провинциального уровня (Латышев 1909: 111; Болтунова (Амиранашвили) 1939: 65; Анохин 1999: 143; Панов 2012: 181—182; Чореф 2015; 2017).

Трудно принять точку зрения исследователей, заключивших, что если у Нерона и были подобные планы, то осуществить их он не успел (Гриневич 1947: 233; Гайдукевич 1952: 30; Горемыкина 1956: 14; Фролова 1968: 47; Цветаева 1979: 16). Одно дело, когда движение к намеченной цели, по тем или иным причинам, не осуществлялось вообще, и другое, когда часть задач была выполнена, но после смерти Нерона деятельность на этом направлении была остановлена.

Стоит также добавить, что сам фактор возникновения царства Фарзоя в Северном Причерноморье и сложная ситуация, связанная с противостоящими ему варварами на северо-востоке данного региона не могли не учитываться в проведении внешнеполитического курса Римской империи в период правления Нерона (Ярцев, Бутовский 2018b: 148—149).

Возможно, что именно сложившаяся ситуация в Северном Причерноморье послужила причиной стремления римлян создать единую провинцию Понт, которая, по их замыслу, на северных рубежах должна была успешно противостоять царству Фарзоя, также, как на восточной границе — Парфии. Но в этом случае эта провинция должна быть единой территориально на всем протяжении того пространства, которое планировалось взять под контроль. Однако новая провинция должна была включить в свой состав не только лояльные к римлянам эллинизированные регионы, но и зоны влияния враждебных племен. Речь идет о варварах, в частности, о гениохах, без подчинения которых невозможно превратить эту территорию в единый округ с централизованным управлением и относительно безопасным размещением римских гарнизонов (Амиранашвили 1938: 171).

Гениохи, как считается, жили на прибрежной территории где-то между Питиунтом и владениями ахеев до р. Шахэ (Берулава, Папаскири 2013—2015: 248). Фактически они занимали земли между ахеями на севере и санегами на юге (Vell., II, 40, 1; Strabo, II, 4, 31, XI, 2, 1, 12—14, 5, 6, XVII, 3, 24). «За торетами народ ахеи. За ахеями — народ гениохи» (Ps.-Scyl., 75—76). «За …[ахейцами] владея соседней землей, живут гениохи и зиги» (Dionys. Per., v. 687—688). Гениохи, как и упоминающиеся вместе с ними те же ахеяне, зиги и другие племена, вошли в историю как люди, активно занимающиеся морским и прибрежным разбоем. Причем они не ограничивались нападениями на торговые суда. На своих лодках (камарах), вмещавших до 25—30 человек, гениохи совершали набеги на прибрежные местности, фактически являясь господами моря (Diod., XX, 25; Strabo, XI, 2, 12—14). При этом Страбон, описывая занятие пиратством данных племен, упоминает, что гениохами (возможно «возничими» — носителями лодок—камаров (Бгажноков 2016: 47, прим. 5)), управляли некие скептухи, подчиняющихся четырем царям (Strabo., XI, 2, 13). Учитывая данную особенность социального устройства отсталых пиратских племен, нередко делается вывод о слабой централизованной власти у последних и об отсутствии у них устойчивых государственных образований (Скаков 2013: 24—25). Дионисий Периэгет уточняет, что племена керкетов, торетов, ахейцев, гениохов, зихов, тиндариев—апсилов занимали восточное побережье Чёрного моря до р. Фасис (Ингури) и страны колхов (Dionys. Per., v. 687). Не исключено, что некоторые из них действительно являлись потомками древних абхазо-адыгских племен (Бгажноков 2016: 41). Однако вряд ли гениохов можно однозначно причислить к сванам (Меликишвили 1959: 91—92) или к какому-то другому народу. Мы склоняемся к мнению, что этноним гениохи являлся собирательным для нескольких разноязычных групп, хотя этническое ядро данного племени действительно могло быть колхоязычным (мегрелочанским), тем же сванским и каким-либо еще (Берулава, Папаскири 2013—2015: 271).

Однако для нас сейчас важным представляется не этническая идентификация гениохов и других пиратствующих племен, а истолкование факта расширения владений прибрежных народов на юго-восток. Время такой миграции зафиксировать очень сложно. Однако в контексте начавшегося движения племен можно рассмотреть сообщение Плиния Старшего, отметившего, что «богатейший город Питиунт разграблен гениохами» (Plin. NH., VI, 16). Он писал, что ахейцы также оказались близ этого города (Plin. NH., VI, 16). А меланхлены и кораксы заняли округу Диоскурии (Plin. NH., VI, 15), а гениохи и санны—гениохи — район Апсара и Трапезунта (Plin. NH., VI, 12).

Упоминание гениохов вместе с другими этносами северо-восточного побережья Чёрного моря вдали от своих исконных территорий пытаются объяснить не миграционными, а иными причинами. Например, влиянием какого-то раннего источника, отражающего еще доколонизационный период истории Причерноморья, когда гениохами контролировалась большая часть восточной прибрежной части Понта (Скаков 2013: 32—33). Иногда же этих

вынужденных переселенцев, представляют некими южными гениохами — «иганиехами» урартских надписей, что также выглядит не слишком убедительно (Берулава, Папаскири 2013—2015: 249). Тем не менее, в источнике идет речь перемещении на новые земли помимо гениохов целого ряда этносов, что можно объяснить только фактом вынужденного ухода варваров с мест своего первоначального обитания по какой-то независящей от них причине. Как мы уже было сказано выше, начавшуюся миграцию косвенно подтверждает неожиданное нападение гениохов на Питиунт (Скаков 2013: 34). Другими словами, где-то в I в. н.э. гениохи и другие местные варвары под натиском внешней силы уходят из основных мест обитания на новые территории, где были ассимилированы со временем макронами/махелонами (Берулава, Папаскири 2013—2015: 249).

Подчеркнем, что не ясна понятна причина миграции приморских кавказских народов. Наш интерес к этому событию не случаен. Дело в том, что этнические перемещения вполне могли быть результатом политики крупных держав в кавказском регионе, включая Римскую империю. Во всяком случае, обращает на себя внимание то, что при Нероне особое внимание римлян было приковано к Кавказу. Начавшиеся в конце его правления перемещения крупных воинских подразделений в восточном направлении свидетельствуют о подготовке военных операций на Кавказе. Усиление Египта подразделениями из Африканской армии в 66 г. и размещение войск в Александрии обычно интерпретируются в контексте подготовки к войне в Эфиопии (Griffin 1987: 229; Паркер 2017: 109—110). Непосредственно же для боевых действий на Кавказе Нерон помимо отправки других воинских подразделений (Tac. Hist., II, 11, 27, 66) приказал сформировать новый легион I Italica (Suet., Nero, 19; Dio Cass., LV, XXIV, 2). Все это свидетельствует о подготовке римлян к военной операции, а не об осуществлении ложного маневра, призванного отвлечь парфян от помощи иудеям (Дибвойз 2008: 171). Конечно, значительные воинские силы (Лысенко 2007: 461) вряд ли были нужны для завоевания далекой Эфиопии (Шмалько 1990: 91). Для подчинения небольшой Кавказской Албании тоже не было смысла собирать такое большое количество римских войск (Лысенко 2007: 461). Весьма справедливо мнение, согласно которому экспедиции на Кавказ и в Эфиопию планировались Нероном одновременно и параллельно друг с другом (Griffin 1987: 229). Следовательно, на Кавказ должны были отправиться не все задействованные в данное время в империи воинские силы. Тем не менее, большую часть собранных войск в 68 г. Нерон вернул обратно (Tac. Hist., I, 6).

Ранее мы уже говорили, что главной целью восточного похода Нерона, скорее всего, являлись варвары Северо-Восточного Причерноморья и северокавказских степей (Гущина, Засецкая 1994: 39—40; Ярцев, Бутовский 2018b: 148—149). Вряд ли без установления контроля над данным регионом, равно как и над всей полосой северо-восточного побережья, где и проживали указанные племена, было бы возможно создать провинцию Понт, которая должна была включить в свой состав территории, как на южном, так и северном берегу Чёрного моря. Все это подразумевало серьезные усилия, которые должны были предпринять римляне ради осуществления своих грандиозных замыслов. Очевидно, что важность указанного проекта для всей государственной внешнеполитической стратегии на востоке, а также соответствие замысла старой мечте римлян о выходе границ империи в область «края света и Гирканского моря» (Pint. Luc., 36) делали невозможным быстрый отказ от данных грандиозных планов даже при стечении неблагоприятных обстоятельств. Вот почему, несмотря на вынужденный отказ от восточного похода и отправку собранных войск не по их первоначальному назначению, часть воинских подразделений все же могла выполнить поставленную задачу. Тем более, если при этом римляне смогли задействовать еще и силы дружественных варваров, что являлось обычной практикой в имперской внешней политике.

Другими словами, восточный поход Нерона вполне мог состояться, правда, с опорой на силы своих союзников, лучше подготовленных для длительных переходов и боевых действий в суровых условиях Кавказских гор.

Кроме того, в это время в Кавказском регионе появляются новые варвары, которых римляне не могли не использовать для достижения своих планов. Речь идет об аланах, незадолго до указанных событий вышедших к границам Гиркании (Лысенко 2007: 221). Гиркания была не просто плодородной территорией к югу от Каспия, ограниченной на востоке рекой Оксом (Амударья). Важно то, что она была самой неспокойной областью Парфии. Гиркания сохранила волю к независимости (Tac. Ann., VI, 36, 4, 43, 2). Несмотря на то, что некоторые из парфянских царей были гирканского происхождения (Barrett et al. 2016: 97), в интересующее нас время Гиркания ведет борьбу с Парфией как союзница римлян. «Тогда же гирканы направили к римскому принцепсу посольство с просьбой о заключении с ними союза, указывая как на залог дружбы, что они сдерживают царя Вологеза. Корбулон при возвращении послов дал им охрану, чтобы, переправившись через Евфрат, они не были схвачены вражескими отрядами: их проводили до берегов Красного моря, откуда, избежав пределов парфян, они возвратились на родину» (Tac. Ann., XIV, 25). Хотя Тацит прямо не говорит о существовании союзного договора между Римом и Гирканией, можно допустить, что все же он был заключен (Амиранашвили 1938: 170). Следовательно, война парфян с гирканами сыграла не последнюю роль в политическом продвижении последних в сторону заключения мира с римлянами (Панов 2008: 279). В этой связи нападение Тиграна на зависимого от Парфии правителя Адиабены иногда рассматривают в контексте проримской политики (Халатьянц 1910: 278), предполагая даже, что оно было осуществлено по прямому приказу Нерона, в качестве помощи гирканам (Кудрявцев 1949: 52). Однако существует мнение, что довольно быстрое заключение мирного договора парфян с гирканами весной 61 г. (Tac. Ann., XV, 2—5; Dio Cass., LXII, 20, 2), противоречит такому развитию событий (Панов 2008: 287, прим. 8). Очевидно, что речь идет о временном перемирии, которое мало повлияло на взаимоотношения между Римом и Гирканией. Вполне возможно, что появление в Гиркании аланов (Лысенко 2007: 221) подняло контакты ее элиты с властями Римской империей на более высокий уровень, что и потребовало прекращение военных действий, т.к. они мешали передвижению новых союзников на запад, в сторону римских территорий и Понта.

Заметим, что аланы, организованные в отряды профессиональных конников—катафрактариев и возглавляемые представителями знатных родов (Наглер, Чипирова 1985: 87—91; Ščukin, Kazanski, Sharov 2006: 4), уже в достаточной мере проявили себя на востоке. Видимо не случайно соседствующая с Кангюем Яньцай была переименована в Аланья. По-видимому, в своей экспансии правители Кангюя опирались именно на аланские силы (Скрипкин 1990: 204—205; Габуев 1999: 87—88).

Сейчас трудно сказать, что представляли собой такие аланские отряды в археологическом отношении. Сложность здесь возникает по причине того, что аланы в своем движении на запад, вместе с собственным воинским комплексом, распространяли и некоторые элементы культур местных народов, как например, джеты-асарской культуры оседлого населения Кангюя. Аланские каменные склепы Северного Кавказа не случайно демонстрируют такое сходство (Левина 1996: 89; Снесарев 1983: 181). Тем более что именно с территории Кангюя аланы активно продвигались на запад. Однако здесь необходимо учитывать, что аланская культура в окончательном виде сложилась на Северном Кавказе в результате сложного этнического синтеза пришлых кочевников и местного населения. Вот почему полный комплекс наиболее ярких элементов аланской культуры (Т-образные катакомбы с курганами с ровиками) на других территориях, в том числе и в Средней Азии, отсутствует (Габуев,

Малашев 2009: 155—156). Следовательно, миграционный импульс с востока являлся решающим фактором для формирования аланской культуры.

Выявление его особенностей, включая количество миграционных волн с востока, позволяет многое объяснить в этногенезе аланского народа. Так, сейчас повышенный интерес вызывают обстоятельства заключения договора аланов с царем гирканов в ходе подготовки похода 72 г. против Парфии (Ios. Flav. De Bell. Jud., VII, 244—251). Не исключено, что союзные отношения между ними могли быть установлены еще во времена Нерона, когда аланы только вышли к границам Гиркании. Возможно, что уже тогда каким-то группам восточных кочевников удалось проникнуть далеко на запад через территорию Гиркании и других сопредельных областей. Это не должно вызывать удивления, учитывая заинтересованность римлян в новых союзниках для борьбы с парфянами. Если это так, то именно на них должны были ориентироваться те группы аланов, которые позже прокладывали себе путь на запад. Все это дает нам возможность прояснить некоторые загадочные обстоятельства похода 72 г., когда аланы, явно демонстрируя хорошее знание незнакомой по сути местности, довольно уверенно обошли с юга Каспийское море через территорию Гиркании и, успешно преодолев Кавказские горы, вторглись в степи Приазовья и Северного Кавказа (Ярцев, Зубарев 2020: 39—64).

Предположение о том, что аланы могли появиться на Кавказе еще до событий 72 г., косвенно подтверждают и некоторые другие источники. Так, упомянутое нами выше перемещение народов из районов черноморского побережья между современными городами Новороссийском и Сочи по направлению к Абхазии и далее на юго-восток (Plin. NH., VI, 12—16) вполне могло состояться, в том числе и по причине появления в этих регионах новых выходцев с востока. Однако допуская возможность нашествия аланов, мы должны учитывать отсутствие приемлемого сухопутного пути вдоль северо-восточного черноморского побережья. Казалось бы, данное обстоятельство вместе с наличием непроходимых зарослей в прибрежной зоне не позволяет согласиться с предположением о появлении здесь каких-то враждебно настроенных варваров (Скаков и др. 2004: 68—69). Тем не менее, следует заметить, что Митридат VI Евпатор прошел на Боспор по кавказскому побережью Понта, где он предсказуемо столкнулся с теми же гениохами и ахейцами. Если первые приняли его, то вторые оказали сопротивление. Митридат VI Евпатор победил ахейцев — «обратил в бегство и преследовал». Подчеркнем, что царь Понта совершил «огромный путь в столь короткое время и прошел через столько диких племен и через так называемые «скифские запоры», до тех пор для всех непроходимые» (App., XII, 102). Так что сомнения у исследователей в проходимости кавказского побережья Понта не должны более возникать.

Следующий источник, в котором сохранились сведения о пребывании пришлых варваров на прибрежной черноморской территории, и, особенно, в местах проживания пиратствующих гениохов, это написанная Валерием Флакком в 70—80-х гг. I в. н.э. поэма «Аргонавтика». Конечно, в данном художественном произведении автор демонстрирует достаточно вольное обхождение с имеющимся у него материалом. Стремясь произвести максимальное впечатление на читателей, поэт произвольно совмещает в своем произведении экзотические наименования народов и местностей. Тем не менее, было замечено, что Валерий Флакк, несмотря на творческое осмысление известного мифа об аргонавтах, все же включал в свое сочинение, реальные элементы этногеографической картины в регионе (Балахванцев 2009: 9—10). Конечно, сейчас трудно сказать, насколько информация о неком Анавсии — царе аланов и гениохов (Габуев 1999: 9—10) соответствует исторической действительности. Судя по тексту, этот царь, который «выслал пылких аланов, за которыми вскоре последовал и сам, и свирепых гениохов» (Val. Flacc., Arg., VI, 42—43), на каком-то этапе возглавил не только аланов, но и

покоренных местных гениохов. Можно лишь с уверенностью сказать, что речь явно идет о неординарном событии. На это указывает тот факт, что здесь, в районе черноморского побережья севернее Колхиды, больше никто из античных авторов аланов не размещает. Более того, ближайший к нам поход аланов на Кавказ в 72 г. шел через перевалы, а не по территории прибрежной зоны (Ярцев, Зубарев 2020: 39—64). Если речь идет исключительно о кратковременном пребывании представителей этого народа в данном регионе, то, возможно, в поэме отразились события, связанные с проходом через прибрежную территорию аланского войска еще до похода 72 г. Так что уже не так однозначно воспринимается, казалось бы, устоявшееся мнение о якобы несостоявшемся восточном походе Нерона. Может быть, данная военная операция все же состоялась, но только с опорой на союзные варварские силы. Возможно, именно аланы должны были выйти в северокавказский регион, покорив народы северо-восточного побережья и обеспечив в дальнейшем защиту северных территорий новой провинции Понт, в состав которой решено было включить и Боспорское царство.

С образованием столь огромной провинции, во-первых, создавался мощный плацдарм для дальнейшего продвижения Римской империи на восток. Во-вторых, возникал серьезный военно-политический «противовес» власти Фарзоя и Инисмея в Северном Причерноморье с перспективой полной ликвидации данного царства[2]. В-третьих, указанная группировка аланов прошедшая Кавказские горы, вполне могла взять под контроль ряд перевалов для обеспечения беспрепятственного подхода к ним сородичей с востока. Возможно, что варвары первой миграционной волны и обеспечили беспрепятственный проход новой аланской орды на север в 72 г. (Ярцев, Зубарев 2020: 39—64).

По нашему мнению, такой подход к проблеме восточного похода Нерона поможет прояснить ситуацию с одним из самых сложных в изучении археологических погребальных памятников на юге России — «Золотым кладбищем». Сложность интерпретации расположенных на правом берегу Кубани богатых погребений I—III вв. н.э. под курганными насыпями заключается в своеобразном наборе их погребального инвентаря. С одной стороны, захороненные здесь тяжеловооруженные конные воины — катафрактарии по погребальному инвентарю отчетливо демонстрируют связь с востоком (Парфией, Алтаем, Северной Монголией, Хорезмом и т.д.), что вполне логично и лишний раз указывает на регион, откуда прибыли эти всадники (Гущина, Засецкая 1994: 10—12, 15, 17, 19, 20, 35). Однако, с другой стороны, наличие здесь римских вещей и вооружения (Гущина, Засецкая 1994: 29—31, 34, 36; Трейстер 2000: 157, рис. 1) позволяет сделать вывод, что перед нами не просто представители варварской военной аристократии с востока, а римские союзники, самым непосредственным образом связанные с имперским командованием (Гущина, Засецкая 1994: 38—39). Более того, судя по находке здесь фрагмента римского штандарта — головы кабана (Гущина, Засецкая 1994: 40), похоже, что всю эту варварскую армию возглавляли римские командиры. Во всяком случае, они могли координировать действия варварских союзников с римским командованием. При этом, судя по сохранившейся детали ножен римского меча—гладиуса типа «Майнц», относящегося ко времени Нерона (Масякин 2008: 188—191), эта армия вполне могла иметь прямое отношение к планам императора на восточных границах римского мира. Тем более что вещи из южной Италии I в. н.э. в погребениях «Золотого кладбища» (Гущина, Засецкая 1994: 30—36) сразу вызывают ассоциации с I Италийским легионом (Italica) сформированным Нероном для восточного похода (Паркер 2017: 109).

Обращает на себя внимание неординарность этого памятника, т.к. ни в одном другом могильнике Северного Причерноморья римского времени подобного сочетания вещей не

[2] О чем говорит и сам факт надчеканки легковесных статеров Фарзоя (Чореф 2018: 322—326, рис. 1: *2—9*).

обнаружено (Гущина, Засецкая 1994: 39). Их специфика свидетельствует о том, что люди, оставившие ранние богатые захоронения «Золотого кладбища», выполняли какое-то важное задание римлян. Исходя из места расположения погребений, очевидно, что они захватили и продолжали удерживать за собой огромные территории Северо-Восточного Причерноморья. Если это так, то, возможно, воины, оставившие после себя погребения «Золотого кладбища», решили поставленную командованием задачу восточного похода. Следовательно, несмотря на то, что, собранные для военной операции войска в 68 г. император «вернул с дороги для подавления восстания Виндекса» (Tac. Hist., I, 6), восточный поход все же состоялся. Силами отдельных военнослужащих I италийского легиона, основной состав которого отправился для формирования гарнизона в Лугдунум (Паркер 2017: 110) и союзных аланов, подошедших с востока, римлянам удалось создать мощный силовой центр в Северо-Восточном Причерноморье, противостоящий царству Фарзоя. При этом основная часть римских военнослужащих — участников похода могла отойти непосредственно на Боспор, где, судя по свидетельству Иосифа Флавия (Flav. Jos. Bell. Jud., II, 16, 4), какое-то время находились римские военнослужащие (Сапрыкин 2005: 54). В регионе установился Pax Romana, в рамках которого боспорские территории Северо-Восточного Причерноморья перешли под прямой контроль Рима (Чореф 2015: 114, 124, 125) или были присоединены к провинции Понт. Серьезные изменения стилистики боспорских монет при Нероне вполне подтверждают этот вывод (Чореф 2017: 103—104). Судя по сохранившейся печати из Херсонеса, Нерон изменил систему управления и в нем, возможно, подчинив его своему представителю (Чореф 2017: 103—105). Такое усиление римской власти при Нероне в Северном Причерноморье вряд ли было бы возможным без реальных успехов во внешней политике, что вновь косвенно указывает на восточный поход.

Таким образом, тщательный анализ сведений античных сочинений и данных археологии показывает, что восточный поход Нерона вполне мог состояться. И все это несмотря на то, что из-за мятежа Г. Юлия Виндекса собранные для этой военной операции легионы были развернуты обратно. Армия союзных аланов вместе с небольшой частью римских военнослужащих сумела покорить народы северо-восточного побережья Чёрного моря и выйти в северокавказский регион. Здесь она по римскому плану должна была обеспечить защиту северных территорий новой провинции Понт, в состав которой решено было включить Боспорское царство. По-видимому, в этом и заключалась главная цель восточного похода Нерона.

Литература

Амиранашвили А.И. 1938. Иберия и римская экспансия в Азии. *ВДИ* 4 (5), 160—173.

Анохин В.А. 1999. *История Боспора Киммерийского.* Киев: Одигитрия.

Балахванцев А.С. 2009. Сарматы I—IV вв. н.э. по данным античных авторов. В: Гарскова И.М. (ред.). *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии.* Вып. IV. *Позднесарматская культура.* Москва: Восточная литература, 9—14.

Бгажноков Б.Х. 2016. Зихи и абазги в древней истории абхазо-адыгских племен. *Археология и этнология Северного Кавказа* 6, 40—48.

Берулава Н., Папаскири З. 2013—2015. О нежданных откровениях и некоторых заблуждениях российского археолога. По поводу статьи Александра Скакова: «Абхазия в античности»: попытка анализа письменных источников». *Исторические разыскания* VIII—IX, 233—274.

Бокщанин А.Г. 1966. *Парфия и Рим.* Ч. 2. *Система политического дуализма в Передней Азии.* Москва: МГУ.

Болтунова (Амиранашвили) А.И. 1939. Восстание Аникета. *ВДИ* 2, 57—67.

Габуев Т.А. 1999. *Ранняя история алан (по данным письменных источников).* Владикавказ: Иристон.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2009. *Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа.* Москва: Институт археологии РАН; Таус.

Гайдукевич В.Ф. 1952. Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий. В: Гайдукевич В.Ф. (ред.). *Археология и история Боспора*. Т. I. Симферополь: Крымиздат, 19—42.

Горемыкина В.И. 1956. Политические взаимоотношения Боспора с Римом в первые века н.э. *Ученые записки Могилевского государственного педагогического института* III, 3—24.

Гриневич К.Э. 1947. Херсонес и Рим. *ВДИ* 2, 228—237.

Гущина И.И., Засецкая И.П. 1994. «*Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье*. Санкт-Петербург: Фарн.

Дибвойз Н.К. 2008. *Политическая история Парфии.* Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.

Кудрявцев О.В. 1949. Рим, Армения и Парфия во второй половине правления Нерона. *ВДИ* 3, 46—62.

Латышев В.В. 1909. Краткий очерк истории Боспорского царства. В: Латышев В.В. (ред.). *Pontika: изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии с эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Чёрного моря*. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 60—128.

Левина Л.М. 1996. *Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. — I тысячелетие н.э.* Москва: Восточная литература.

Лысенко Н.Н. 2007. *Военно-политическая история аланов. Ранний период: II в. до н.э. — II в. н.э.* Санкт-Петербург: Ариана.

Манандян Я.А. 1946. Цель и направление подготовляемого Нероном Кавказского похода. *ВИ* 7, 66—74.

Масякин В.В. 2008. Детали римского меча из «Золотого кладбища» (курган 20 у станицы Тифлисской). В: Зинько В.Н. (ред.). *БЧ*. Вып. IX. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria.* Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины, 188—191.

Меликишвили Г.А. 1959. *К истории древней Грузии.* Тбилиси: Академия наук Грузинской ССР.

Наглер А.О., Чипирова Л.А. 1985. К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах. В: Исаенко А.В. (ред.). *Античность и варварский мир.* Орджоникидзе: СОГУ, 87—91.

Панов А.Р. 2008. Армянский царь Тиридат I: взаимоотношения с Римом и проблемы оформления его власти. *ПИФК* 21, 276—288.

Панов А.Р. 2011. *Северо-Восточные рубежи Римской империи. Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья во II в. до н.э. — начале II в. н.э.* Saarbrücken: LAP LAMBERT.

Панов А.Р. 2012. Нерон и статус Боспора в римско-боспорских отношениях. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 5(1), 179—184.

Паркер Г.М. 2017. *История легионов Рима. От военной реформы Гая Мария до восхождения на престол Септимия Севера.* Москва: ЗАО Центрполиграф.

Сапрыкин С.Ю. 2005. Энкомий из Пантикапей и положение Боспорского царства в конце I — начале II в. н.э. *ВДИ* 2, 45—81.

Скаков А.Ю. 2013. Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников. *Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН* I. *Абхазия*, 23—75.

Скаков и др. 2004: Скаков А.Ю., Джопуа А.И, Шамба Г.К. 2004. Новый могильник колхидской культуры в Бзыбской Абхазии. *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа* IV, 66—84.

Скрипкин А.С. 1990. *Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект.* Саратов: Саратовский университет.

Снесарев Г.П. 1983. *Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии.* Москва: Наука.

Тревер К.В. 1953. *Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н.э. — IV в. н.э.).* Москва; Ленинград: АН СССР.

Трейстер М.Ю. 2000. К находкам металлических деталей римского военного костюма и конской сбруи в Северном Причерноморье. *РА* 2, 156—164.

Туаллагов А.А. 2014. *Аланы Придарьялья и закавказские походы I—II вв.* Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А.

Фролова Н.А. 1968. Монетное дело Рискупорида II. *НиЭ* VII, 43—67.

Халатьянц Г.А. 1910. *Очерк истории Армении в связи с общим ходом событий в Передней Азии. Период I: Древняя история.* Москва: Типо-литография Ю. Венер.

Цветаева Г.А. 1979. *Боспор и Рим.* Москва: Наука.

Чореф М.М. 2015. К вопросу о времени и обстоятельствах появления изображений пятиколонного храма на монетах боспорского чекана. *Stratum plus* 6, 111—130.

Чореф М.М. 2017. Новая античная свинцовая печать из Херсонеса Таврического. *Stratum plus* 4, 99—114.

Чореф М.М. 2018. Надчеканки на статерах царя Фарзоя как источники исторической информации. В: Синика В.С., Рабинович Р.А. (ред.). *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова*. Кишинев; Тирасполь: Stratum plus.

Шмалько А.В. 1990. Восточный поход Нерона. *Античный мир и археология* 8, 84—92.

Ярцев С.В. 2014: *Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии.* Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого.

Ярцев С.В. 2016. Сармато-иранская династия на Боспоре. В: Болгов Н.Н. (ред.). *Кондаковские чтения* V. *Античность — Византия — Древняя Русь*. Белгород: БелГУ, 25—38.

Ярцев С.В., Бутовский А.Ю. 2018a. Военно-политическая стратегия на северо-восточных рубежах Римской империи во время правления императора Нерона. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки* 3/2, 56—64.

Ярцев С.В., Бутовский А.Ю. 2018b. К вопросу о восточном походе императора Нерона. *ПИФК* 1, 146—151.

Ярцев С.В., Зубарев В.Г. 2020. Римская военно-политическая стратегия в Северном Причерноморье во время правления императора Веспасиана. *Tractus Aevorum* 7 (1), 39—64.

Barrett et al. 2016: Barrett A.A., Fantham E., Yardley J.C. 2016. *The Emperor Nero: A Guide to the Ancient Sources.* Princeton; New York: Princeton University Press.

Champlin E. 1990. Nero Reconsidered. *New England Review* 19 (2), 97—108.

Champlin E. 2003. *Nero.* Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press.

Griffin M.T. 1987. *Nero. The end of a Dynasty.* New York: Routledge.

Guzman J.O. 2014. Rex armeniis datus? Nero, Parthia and the «Armenian Question». In: Antela-Bernárdez Jordi Vidal B. (ed.). *Central Asia in Antiquity: Interdisciplinary Approaches.* London: Publishers of British Archaeological, Reports International Series 2665, 85—98.

Hammond M., 1934. Corbulo and Nero's Eastern Policy. *Harward Studies in Classical. Philogy* 45, 81—104.

Henderson B.W. 1903. *Nero — The Life and Principate of the Emperor Nero.* London: Methuen & Co.

Lerouge Ch. 2007. *L'image des Parthes dans le monde gréco-romain. Du début du Ier siècle av. J.-C. jusqu'à la fin du Haut-Empire romain.* Stuttgart: Franz Steiner Verlag.

Poirot J.J. 2020. A Review Of Perceptions Of Classical Armenia: Romano-Parthian Relations, 70 Bc-Ad 220. *Journal of critical literature and humanities* 20 (2), 291—311.

Rocca E. 2017. Staging Nero: Public Imagery and the Domus Aurea. In: Bartsch Sh., Freudenburg K., Littlewood C. (eds.). *The Cambridge Companion to the Age of Nero*. Cambridge: Cambridge University Press, 195—212.

Schur W. Die 1923. *Orientpolitik des Kaisers Nero.* Beiheft. Leipzig: Dietrich.

Ščukin M., Kazanski M, Sharov O. 2006. *Des les Goths aux huns: Le nord de la mer noire au Bas-Empire et a l'epoque des grandes migrations*. Oxford: John and Erica Hedges Ltd.

Stark F. 1966. *Rome on the Euphrates.* London: John Murray.

References

Aminarashvili, A.I. 1938. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 4(5), 160—173 (in Russian).

Anokhin, V.A. 1999. *Istoriya Bospora Kimmeriyskogo (History of Cimmerian Bosporus)*. Kyiv: Odigitriia (in Russian).

Balakhvantsev, A.S. 2009. In: Garskova, I.M. (ed.). *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii (Statistical processing of funerary monuments of Asiatic Sarmatia)*. Iss. IV. *Pozdnesarmatskaya kul'tura (Late Sarmatian culture)*. Moscow: Vostochnaya literatura, 9—14 (in Russian).

Bgazhnokov, B.Kh. 2016. In *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza (Archaeology and Ethnology of the North Caucasus)* 6, 40—48 (in Russian).

Berulava, N., Papaskiri, Z. 2013—2015. In *Istoricheskiye razyskaniya (Historical research)* VIII—IX, 233—274 (in Russian).

Bokshchanin, A.G. 1966. *Parfiya i Rim (Parthia and Rome)*. Pt. 2. *Sistema politicheskogo dualizma v Peredney Azii (The system of political dualism in Western Asia)*. Moscow: MGU (in Russian).

Boltunova (Amiranashvili), A.I. 1939. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 57—67 (in Russian).

Gabuev, T.A. 1999. *Rannyaya istoriya alan (po dannym pis'mennykh istochnikov) (Early history of the Alans (according to written sources))*. Vladikavkaz: Iriston (in Russian).

Gabuev, T.A., Malashev, V.Yu. 2009. *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza (Monuments of the early Alans in the central regions of the North Caucasus)*. Moscow: Institut arkheologii RAN; Taus (in Russian).

Gaydukevich, V.F. 1952. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). *Arkheologiya i istoriya Bospora (Archaeology and history of the Bosporus)*. Vol. I. Simferopol: Krymizdat, 19—42 (in Russian).

Goremykina, V.I. 1956. In *Uchenye zapiski Mogilevskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta (Scientific notes of the Mogilev State Pedagogical Institute)* III, 3—24 (in Russian).

Grinevich, K.E. 1947. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 228—237 (in Russian).

Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1994. *«Zolotoe kladbishche» Rimskoy epokhi v Prikuban'e ("Golden Cemetery" of the Roman era in the Kuban region)*. Saint Petersburg: Farn (in Russian).

Debevoise, N.K. 2008. *Politicheskaya istoriya Parfii (A political history of Parthia)*. Saint Petersburg: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU (in Russian).

Kudryavtsev, O.V. 1949. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 46—62 (in Russian).

Latyshev, V.V. 1909. In: Latyshev, V.V. (ed.). *Pontika: izbornik nauchnykh i kriticheskikh statey po istorii, arkheologii, geografii s epigrafike Skifii, Kavkaza i grecheskikh koloniy na poberezh'yakh Chornogo morya (Pontika: collection of scientific and critical articles on history, archaeology, geography with epigraphy of Scythia, the Caucasus and Greek colonies on the Black Sea coasts)*. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk, 60—128 (in Russian).

Levina, L.M. 1996. *Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tysyacheletiye do n.e. — I tysyacheletiye n.e. (Ethnocultural history of the Eastern Aral region. 1st millennium BCE — 1st millennium CE)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Lysenko, N.N. 2007. *Voyenno-politicheskaya istoriya alanov. Ranniy period: II v. do n.e. — II v. n.e. (Military and political history of the Alans. Early period: 2nd century BCE — 2nd century CE)*. Saint Petersburg: Ariana (in Russian).

Manandyan, Ya.A. 1946. In *Voprosy istorii (Questions of History)* 7, 66—74 (in Russian).

Masyakin, V.V. 2008. In: Zin'ko, V.N. (ed.). *Bosporskiye chteniya (Bosporan Readings)*. Iss. IX. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Militaria (Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Militaria)*. Kerch: Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya NAN Ukrainy, 188—191 (in Russian).

Melikishvili, G.A. 1959. *K istorii drevney Gruzii (On the history of ancient Georgia)*. Tbilisi: Akademiya nauk Gruzinskoy SSR (in Russian).

Nagler, A.O., Chipirova, L.A. 1985. In: Isayenko, A.V. (ed.). *Antichnost' i varvarskiy mir (Antiquity and the barbarian world)*. Ordzhonikidze: SOGU, 87—91 (in Russian).

Panov, A.R. 2008. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture)* 21, 276—288 (in Russian).

Panov, A.R. 2011. *Severo-Vostochnyye rubezhi Rimskoy imperii. Vzaimootnosheniya Rima s gosudarstvami Severnogo Prichernomor'ya i Zakavkaz'ya vo II v. do n.e. — nachale II v. n.e. (North-Eastern frontiers of the Roman Empire. The relationship of Rome with the states of the Northern Black Sea region and Transcaucasia in the 2nd century BCE — the beginning of the 2nd century CE).* Saarbrücken: LAP LAMBERT (in Russian).

Panov, A.R. 2012. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Bulletin of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University)* 5(1), 179—184 (in Russian).

Parker, G.M. 2017. *Istoriya legionov Rima. Ot voyennoy reformy Gaya Mariya do voskhozhdeniya na prestol Septimiya Severa (History of the legions of Rome. From the military reform of Gaius Marius to the ascension to the throne of Septimius Severus)*. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf (in Russian).

Saprykin, S.Yu. 2005. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 45—81 (in Russian).

Skakov, A.Yu. 2013. In *Uchenye zapiski Tsentra izucheniya Tsentral'noy Azii, Kavkaza i Uralo-Povolzh'ya IV RAN (Scientific notes of the Center for the Study of Central Asia, the Caucasus and the Ural-Volga Region of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences)* I. *Abkhaziya (Abkhazia)*, 23—75 (in Russian).

Skakov i dr. 2004: Skakov, A.Yu., Dzhopua, A.I, Shamba, G.K. 2004. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and research on the archaeology of the North Caucasus)* IV, 66—84 (in Russian).

Skripkin, A.S. 1990. *Aziatskaya Sarmatiya: Problemy khronologii i yeye istoricheskiy aspect (Asian Sarmatia: Problems of chronology and its historical aspect)*. Saratov: Saratovskiy universitet (in Russian).

Snesarev, G.P. 1983. *Khorezmskiye legendy kak istochnik po istorii religioznykh kul'tov Sredney Azii (Khwarazm legends as a source on the history of religious cults in Central Asia)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Trever, K.V. 1953. *Ocherki po istorii kul'tury drevney Armenii (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (Essays on the history of the culture of ancient Armenia (2nd century BCE – 4th century CE))*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Treister, M.Yu. 2000. In *Rossiyskaya arokheologiya (Russian Archaeology)* 2, 156—164 (in Russian).

Tuallagov, A.A. 2014. *Alany Pridar'yal'ya i zakavkazskiye pokhody I—II vv. (Alans of the Daryalie and Transcaucasian campaigns of the 1st — 2nd cc.)*. Vladikavkaz: IPTS SOIGSI VNTS RAN i RSO-A (in Russian).

Frolova, N.A. 1968. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* VII, 43—67 (in Russian).

Khalat'yants, G.A. 1910. *Ocherk istorii Armenii v svyazi s obshchim khodom sobytiy v Peredney Azii. Period I: Drevnyaya istoriya (Essay on the history of Armenia in connection with the general course of events in Asia Minor. Period I: Ancient history)*. Moscow: Tipo-litografiya Yu. Vener (in Russian).

Tsvetayeva, G.A. 1979. *Bospor i Rim (Bosporus and Rome)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Choref, M.M. 2015. In *Stratum plus* 6, 111—130 (in Russian).

Choref, M.M. 2017. In *Stratum plus* 4, 99—114 (in Russian).

Choref, M.M. 2018. In: Sinika, V.S., Rabinovich, R.A. (eds.). *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy. Sbornik statey v chest' 70-letiya N.P. Tel'nova (Antiquities. Research. Problems. Collection of articles in honor of the 70th Anniversary of N.P. Telnov)*. Kishinev; Tiraspol: Stratum plus (in Russian).

Shmal'ko, A.V. 1990. In *Antichnyi mir i arkheologiya (Ancient World and Archaeology)* 8, 84—92 (in Russian).

Yartsev, S.V. 2014: *Severnoye Prichernomor'e v rimskiy period i problema gotskoy ekspansii (Northern Black Sea region in the Roman period and the problem of Gothic expansion)*. Tula: TGPU im. L.N. Tolstogo (in Russian).

Yartsev, S.V. 2016. In: Bolgov, N.N. (ed.). *Kondakovskiye chteniya (Kondakov's Readings)* V. *Antichnost' — Vizantiya — Drevnyaya Rus' (Antiquity — Byzantium — Ancient Russia)*. Belgorod: BelGU, 25—38 (in Russian).

Yartsev, S.V., Butovskiy, A.Yu. 2018a. In *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya Gumanitarnye nauki (Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series Humanities)* 3/2, 56—64 (in Russian).

Yartsev, S.V., Butovskiy, A.Yu. 2018b. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture)* 1, 146—151 (in Russian).

Yartsev, S.V., Zubarev, V.G. 2020. In *Tractus Aevorum* 7 (1), 39—64 (in Russian).

Barrett et al. 2016: Barrett, A.A., Fantham, E., Yardley, J.C. 2016. *The Emperor Nero: A Guide to the Ancient Sources.* Princeton; New York: Princeton University Press.

Champlin, E. 1990. Nero Reconsidered. *New England Review* 19 (2), 97—108.

Champlin, E. 2003. *Nero.* Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press.

Griffin, M.T. 1987. *Nero. The end of a Dynasty.* New York: Routledge.

Guzman, J.O. 2014. Rex armeniis datus? Nero, Parthia and the «Armenian Question». In: Antela-Bernárdez Jordi Vidal, B. (ed.). *Central Asia in Antiquity: Interdisciplinary Approaches.* London: Publishers of British Archaeological, Reports International Series 2665, 85—98.

Hammond, M., 1934. Corbulo and Nero's Eastern Policy. *Harward Studies in Classical. Philogy* 45, 81—104.

Henderson, B.W. 1903. *Nero — The Life and Principate of the Emperor Nero.* London: Methuen & Co.

Lerouge, Ch. 2007. *L'image des Parthes dans le monde gréco-romain. Du début du Ier siècle av. J.-C. jusqu'à la fin du Haut-Empire romain.* Stuttgart: Franz Steiner Verlag.

Poirot, J.J. 2020. A Review Of Perceptions Of Classical Armenia: Romano-Parthian Relations, 70 Bc-Ad 220. *Journal of critical literature and humanities* 20 (2), 291—311.

Rocca, E. 2017. Staging Nero: Public Imagery and the Domus Aurea. In: Bartsch, Sh., Freudenburg, K., Littlewood, C. (eds.). *The Cambridge Companion to the Age of Nero*. Cambridge: Cambridge University Press, 195—212.

Schur, W. Die 1923. *Orientpolitik des Kaisers Nero.* Beiheft. Leipzig: Dietrich.

Ščukin, M., Kazanski, M, Sharov, O. 2006. *Des les Goths aux huns: Le nord de la mer noire au Bas-Empire et a I'epoque des grandes migrations*. Oxford: John and Erica Hedges Ltd.

Stark, F. 1966. *Rome on the Euphrates.* London: John Murray.

УДК 94(37).08
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.71.56.013

М.А. Ведешкин

СЕМЬЯ И ВЛАСТЬ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДИНАСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ КОНСТАНТИНА I*

Статья представляет собой полемический отзыв на монографию И.А. Миролюбова «Династическая политика императора Константина Великого». Книга выносит на научную дискуссию ряд тезисов, среди которых положение о резком разрыве династической политики Константина с практиками эпохи тетрархии Диоклетиана и гипотеза о том, что в царствование первого христианского августа власть находилась не в руках одного человека, но всей императорской фамилии. Рассматривается общая структура работы, анализируются основные аргументы автора, обозначаются перспективные направления дальнейших исследований процесса трансформации римской государственности на заре позднеантичной эпохи.

Ключевые слова: поздняя античность, ранняя Византия, Константин I, тетрархия, династическая политика.

Сведения об авторе: Ведешкин Михаил Александрович, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН; Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Контактная информация: 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т., 32а, Институт всеобщей истории РАН; e-mail: balatar@mail.ru.

M.A. Vedeshkin

FAMILY AND AUTHORITY: REFLECTIONS ON THE DYNASTIC POLICY OF CONSTANTINE I

The article is a polemical review of I.A. Mirolyubov's monograph "Dynastic Policy of Emperor Constantine the Great". The book brings to the academic discussion several topics, including the thesis that the dynastic policy of Constantine sharply breaks with the practices of Diocletian's tetrarchy and the hypothesis that during the reign of the first Christian Augustus, the state authority laid not in the hands of one person, but in the entire imperial family. The review examines the general structure of the work, analyzes the main arguments of the author, and outlines some promising directions for further research into the process of the transformation of the Roman Empire at the dawn of Late Antiquity.

Key words: Late Antiquity, Early Byzantium, Constantine I, the tetrarchy, dynastic politics.

About the author: Vedeshkin Mikhail Alexandrovich, PhD (History), Institute of World History of Russian Academy of Sciences; Institute of Social Sciences of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Contact information: 119334, Russia, Moscow, Leninskiy av. 32a, Institute of World History, room 1423; e-mail: balatar@mail.ru.

---

* Статья поступила в номер 16 августа 2022 г.
Принята к печати 30 августа 2022 г.

© М.А. Ведешкин, 2022.

Сложная и противоречивая эпоха рубежа III—IV вв. н. э. охарактеризовалась коренной ломкой традиционных социально-политических институтов античного мира. Одним из элементов этого процесса явилась трансформация римской державы, к этому времени окончательно утратившей республиканские черты и оформившейся в качестве абсолютной монархии. В этой связи, предпринятое И.А. Миролюбовым изучение династической политики Константина I, с именем которого традиционно связывается окончательное закрепление новых форм государственного устройства, представляет несомненный интерес. Актуальность монографии очевидна. Широкий круг поднимаемых в работе вопросов, связанных с династической политики первого христианского августа, до сих пор не был разрешен ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

Монография основана на критике широкого круга источников (юридических документов, панегириков, нарративной традиции, нумизматики, эпиграфики и памятников изобразительного искусства), обзор которых оставляет сугубо положительное впечатление (Миролюбов 2021: 8—32). Автору удалось осветить и скрупулезно проанализировать значительный массив материалов, релевантных для темы исследования. В целом, высокой оценки заслуживает и проведенный И.А. Миролюбовым анализ исследовательской литературы (Миролюбов 2021: 33—50). Исследователь проработал множество трудов, в которых рассматривались различные вопросы династической политики Константина, начиная с XVII столетия и до наших дней. Вместе с тем вызывает некоторое недоумение отсутствие анализа (и даже упоминания) ряда значимых работ последних десятилетий. В их числе труды, посвященные отдельным членам августейшей фамилии[1], исследования, освещающие этапы формирования династической политики Константина[2], ключевые события истории династии[3]. Впрочем, количество работ, так или иначе затрагивающих царствование Константина I, поистине необъятно и учесть их все представляется едва ли возможным. В целом, И.А. Миролюбов достаточно хорошо ориентируется в научной традиции, как отечественной, так и зарубежной, прежде всего англоязычной, французской и немецкой. Историография не остается простым фоном — автор активно использует результаты научных споров. Вместе с тем подчас создается впечатление, что исследователь уделяет некоторым современным гипотезам меньшее внимание, чем они того заслуживают, и в ряде случаев избыточно подробно разбирает откровенно устаревшие концепции Ш. Дюканжа, С.-Л. Тиллемона, Э. Гиббона и Я. Буркхарта.

Первая глава посвящена истокам династической политики Константина, которую автор справедливо усматривает в эпохе Диоклетиана. Ее открывает параграф, освещающий формы организации и передачи власти внутри тетрархии (Миролюбов 2021: 52—61). Анализируя процесс привлечения Диоклетианом к власти своих соправителей (августа Максимиана Геркулия и цезарей Констанция Хлора и Галерия), автор приходит к выводу, что тетрархия была основана на меритократическом принципе — в императорскую коллегию включались наиболее подходящие и способные люди, которые должны были править на основании дружеского согласия. И.А. Миролюбов полагает, что браки Констанция Хлора и Галерия на дочерях августов «обнаруживали нелогичность» в построениях Диоклетиана, так как противоречили основному принципу оформления тетрархии (Миролюбов 2021: 60). При

[1] В частности, исследования биографии августы Елены (Pohlsander 1995; Heinen 1998), ряд работ, посвященных сыновьям Константина (Pohlsander 1984; Maraval 2013; Burgersdijk 2018; Baker-Brian, Tougher 2020), трудов о его братьях и племянниках (Mosig-Walburg 2005; Marcos 2019).

[2] Chantraine 1992; Cara 1993; Callu 2002; Wienand 2012.

[3] Например, о событиях 326 г. (Marasco 1993; Ramscold 2012; Rocco 2013; Moreno Resano 2015; о событиях 337 г. (Lucien-Brun 1973; Klein 1979; Di Maio, Arnold, Arnold 1992; Amerise 2006; Marcos 2014).

этом исследователь, по сути, отмахивается (Миролюбов 2021: 59, прим. 191) от получившей широкое распространение гипотезы, согласно которой браки Констанция Хлора с дочерью Максимиана Геркулия Феодорой и Галерия с дочерью Диоклетиана Валерией были заключены до 289 г.[4]. Иными словами, будущие цезари Первой тетрархии, скорее всего, стали зятьями августов, по меньшей мере, за четыре года до кооптации в императорскую коллегию. Можно предположить, что впоследствии соправители еще более укрепили свои родственные связи — об этом, в частности, свидетельствует женитьба сына Максимина Геркулия Максенция на дочери Галерия Валерии Максимилле[5]. Более того, согласно смелому предположению Т. Барнса, первая жена Константина — Минервина могла быть родственницей (возможно, племянницей) августа Диоклетиана[6]. Иными словами, Первая тетрархия изначально основывалась в том числе и на принципах кровного родства, а следовательно, принятая Константином модель династической политики не представляла собой столь уж резкого разрыва с установлениями Диоклетиана.

Второй параграф первой главы (Миролюбов 2021: 61—77) посвящен отцу Константина — Констанцию Хлору. Интересно предположение автора о существовании некой конфронтации между Констанцием Хлором и прочими тетрархами. Особое внимание И.А, Миролюбов уделяет данным о несогласии цезаря Запада с фискальной и религиозной (гонения на христиан) политикой его соправителей, а также сообщениям о том, что сын Константина жил при дворе Диоклетиана и Галерия фактически на положении заложника. С одной стороны, сохранившиеся у Евсевия (Euseb., V. Const, I, 14), Евтропия (Eutrop., X, 1, 2) и, добавим от себя, Либания (Lib., Or., XVIII, 8; LIX, 15) рассказы о том, что Констанций I являлся противником тезаврирования, кажется, подтверждают выводы автора о неприятии западным цезарем фискальной политики Диоклетиана. С другой, в них можно видеть литературный топос, типичный при описании «хорошего» императора[7]. Спорной представляется и повторяемая автором идея о фактическом неучастии Констанция Хлора в Великом Гонении. Действительно, ограждая отца «боголюбивого августа» от обвинений в преследовании последователей новой веры, христианские авторы эпохи Константина говорили о том, что Констанций Хлор либо вовсе отказался от проведения репрессий против христиан (Opt., I, 22; Euseb., HE, VIII; V. Const, I, 13), либо же ограничивался разрушением их храмов (Lact., De Mort., XV, 7). Вместе с тем, в своем раннем труде «De martyribus Palaestinae» Евсевий все же включал Галлию в число территорий, на которых разворачивались гонения (Mart. Pal., XIII). Более того, последующая традиция сохранила имена ряда британских и галльских мучеников эпохи тетрархов[8]. Наконец, в сферу влияния Констанция скорее всего входила Испания[9], а значит, руки подчиненных западному цезарю

[4] См. Barnes 1982: 125—126.; ср. Nixon, Rodgers 1995: 70—71, n. 35; Williams 1997: 64; Leadbetter 1998: 74—77; Leadbetter 2010: 60—62; Barnes 2011: 35—42.

[5] См. Миролюбов 2021: 62, прим. 200. Брак был заключен, не позднее 305 г., то есть во времена Первой тетрархии. Об этом свидетельствует тот факт, что сын Максенция и Валерии Ромул был рожден еще когда его отец был частным человеком, то есть до 306 г. См.: ILS, 666; 667.

[6] Barnes 2011: 48—49. Аргументы против этой гипотезы, см. в Миролюбов 2021: 123—124.

[7] Ср. Amm., XXV, 4, 15.

[8] См. Gild., De Exc., 9—12; Jullian 1923: 367—378. Впрочем, дата мученичества Албана Веруламского, равно как и аутентичность известий о жертвах гонения галльского «префекта Рикциовара» вызывает серьезные споры (de Ste. Croix 2006: 55, n. 74; Garcia 2010: 55, n. 66; Barnes 2010: 125).

[9] Основываясь на сообщении Лактанция (De mort., VIII, 3), большинство исследователей считает, что в рамках Первой тетрархии территория Испанского диоцеза входила в домен Максимиана Геркулия и перешла под власть Констанция Хлора лишь в 305 г. (Barnes 1982: 13; 196—197; Corcoran 2000: 185; Циркин 2010: 16). Однако Праксагор Афинский сообщал, что в рамках Первой тетрархии Испания была подчинена Констанцию (Phot., Bibl., Cod., 62), а судя по данным хорошо осведомленного Юлиана, в то время, когда август Максимиан

чиновников были обагрены кровью исповедника Осии Кордубского (Athan., Hist. Ar., 44) и мучеников, упомянутых в поэтическом цикле Пруденция «Peristephanon» (I; III; IV; VIII).

Несколько надуманным выглядит и приводимый автором довод, согласно которому скульптурные изображения Констанция I «отличаются ярко выраженными индивидуальными чертами» (Миролюбов 2021: 71, прим. 227), что якобы противоречит официальной иконографии тетрархии. Эти догадки автор, очевидно строит под впечатлением от хрестоматийных скульптурных композиций из Венеции и Рима, на которых образы тетрархов предстают совершенно деперсонифицированными (LSA 4; 840—841). Вместе с тем исследователь упускает из виду существование ряда портретов соправителей на которых их индивидуальные черты проступают довольно отчетливо[10].

При этом выводы автора о том, что Констанций Хлор выделялся на фоне соправителей остальных своим уровнем образованности и особенностями карьеры (Миролюбов 2021: 68—71), представляются вполне обоснованными. Не менее убедительным выглядят и приведенные исследователем аргументы в пользу того, что сын Констанция Константин фактически жил при дворе Диоклетиана на положении заложника (Миролюбов 2021: 65—68). В целом, несмотря на спорность отдельных положений, гипотеза И.А. Миролюбова о существовании противоречий между Констанцием I и его соправителями, может стать основой для дальнейшего изучения личности и деятельности Констанция Хлора, а равно и для дискуссии о степени независимости цезарей в проведении внутренней политики.

В третьем параграфе (Миролюбов 2021: 77—85) речь идет о вступлении Константина на престол и эволюции методов легитимации его власти в первые годы правления. Автор считает, что, по меньшей мере, до 307 г. Константин пытался встроиться в систему тетрархии. Лишь после того, как ее принципы были грубо попраны императором Галерием, Константин стал склоняться в сторону чуждого тетрархии (а так ли это?)[11] кровнородственного принципа наследования. Эта тенденция нашла отражение в его браке с дочерью Максимиана Геркулия Фаустой, а также в деификации Констанция Хлора. В четвертом параграфе (Миролюбов 2021: 86—102) рассматривается процесс конструирования Константином своей родословной, включавшей его отца — «божественного» Констанция Хлора, и «знаменитого предка» — императора Клавдия II Готского. При этом автор соглашается с господствующей в современной науке точкой зрения о второй генеалогической связи, как о мистификации.

Вторая глава посвящена участию в династических построениях Константина членов его семьи. В первом параграфе (Миролюбов 2021: 103—121) обсуждается статус матери императора. Особо пристальное внимание автор уделяет вопросу о формально-правовом статусе отношений Констанция I и Елены. Он приходит к выводу, что сам факт наличия (или отсутствия) между ними официального брака не влиял на положение Константина до его вступления на престол, так как тетрархи не делали различий между детьми жены и наложницы. Согласно любопытному предположению исследователя, невольным инициатором полемики вокруг матримониального статуса Елены стал сам Константин, пропаганда которого всячески педалировала «знатность» императора. Этим не преминул воспользовался его конкурент Максенций, объявивший своего противника незаконнорожденным. Судя по всему, критика попала в цель — вплоть до достижения

управлял Италией и Африкой его дед правил Испанией (Jul., Or., II, 51d). См. также Soz., I, 6; историографию проблемы, см. в Christol, Sillières 1980: 75, n. 22.

[10] В частности бюст Диоклетиана из Археологического музея Стамбула, Максимиана Геркулия из музея Святого Раймунда в Тулузе, Галерия из копенгагенской глиптотеки Новый Карсберг.

[11] См. выше.

единовластия Константин старался держать фигуру матери в тени. Лишь став безраздельным владыкой римской державы (а, следовательно, и обезопасив себя от критики) август объявил брак своих родителей неоспоримым фактом и принялся возвеличивать свою мать, что выразилось в переименовании в ее честь ряда топонимов[12] и присвоении ей титула августы.

Во втором параграфе рассматривается статус женщин императора Константина (Миролюбов 2021: 121—134). Автор приходит к мысли, что его первой «спутнице» Минервине, а затем и законной супруге Фаусте, в династических построениях августа отводилась исключительно роль матерей наследников императора. Сами по себе они не принимали сколь-либо заметного участия в политической жизни; что особенно примечательно в ситуации с Фаустой — официальной женой Константина с 307 г. Являясь дочерью августа Максимиана Геркулия, она служила залогом политического альянса между своим мужем и отцом. Более того, в перспективе, этот брак укреплял династическое положение младших сыновей Константина. Автор завершает рассказ о Фаусте обсуждением различных версий ее гибели в 326 г. и в целом соглашается с тем, что загадка ее смерти скорее всего никогда не будет разгадана[13].

Параграф завершается анализом полемики о существовании у Константина Великого «другой женщины» (или женщин). По мнению И.А. Миролюбова, косвенные свидетельства источников, на основании которых некоторые исследователи предполагали, что у императора был ряд фавориток (одной из которых, возможно, была супруга патриция Оптата), являются порождением враждебной Константину языческой традиции (сообщения Юлиана Отступника, Либания, Зосима), а следовательно, заведомо недостоверными. В подтверждении своей точки зрения автор ссылается на изданные августом эдикты, предусматривавшие самые суровые кары за блуд и прелюбодеяние. С нашей точки зрения — не самый сильный аргумент. Август, которого при всем желании сложно заподозрить в излишней принципиальности, вполне мог бы и пренебречь положениями собственного законодательства. Quod licet Iovi, non licet bovi.

Третий параграф посвящен детям Констанция Хлора от второго брака, то есть единокровным братьям и сестрам Константина (Миролюбов 2021: 134—153). Автор показывает, что император использовал своих родственников как разменную монету в политической игре. Так семейная жизнь его сестер (Констанции и Анастасии) была принесена в жертву амбициям Константина: они были выданы замуж ради заключения временных политических союзов с августом Лицинием и сенатором Бассианом, соответственно, а затем овдовели по воле своего августейшего брата. Впрочем, как справедливо отмечает исследователь, их страдания были в некотором роде компенсированы — после достижения единовластия Константин окружил своих сестер почетом и даже называл в их честь города и общественные здания.

Имевшие благородное происхождение как по отцу, так и по матери братья Константина являлись его потенциальными соперниками в борьбе за власть. Более того, их, мягко говоря, недолюбливала мачеха — Елена. Все это делало их положение весьма шатким — в начале царствования своего брата Ганнибалиан Старший, Далмаций Старший и Юлий Констанций были отправлены в ссылку. Впрочем, впоследствии Константин смягчился, вернул братьев

[12] Следует отметить, что, перечисляя топонимы, названные в честь августы Елены (Миролюбов 2021: 119—120), автор не упомянул соименный августе галльский городок, где нашел свою смерть ее внук — Констант I (Jer., Chron., 350(353); Eutrop., X, 9, 4; Epit. de Caes., XLI, 23; Zos., II, 42, 5).

[13] Анализируя различные источники, сообщавшие о гибели Криспа и Фаусты, И.А. Миролюбов упускает из виду, пожалуй, самое раннее упоминание о любовной связи мачехи с пасынком, довольно прозрачный намек на которую содержится в одной из гомилий Иоанна Златоуста (John. Chrys., Hom. in Phil., XV, 5 [PG LXII: col. 295]; Raschle 2013: 362).

ко двору и формально признал их частью императорской фамилии. В этом отношении весьма убедительной выглядит гипотеза автора о том, что братья Константина были возвращены из изгнания не после смерти Елены (т.е. в конце 320-х гг.), как это традиционно считалось, а в начале 320-х или даже конце 310-х гг. (Миролюбов 2021: 148). Думается, что это предположение можно подкрепить несколькими аргументами. Во-первых, младшие братья Константина, несомненно, участвовали в виценалиях своего августа в 326 г.[14]. Далее, сын Юлия Констанция Галл появился на свет в Италии в 325/6 г. (Amm., XIV, 11, 27) и был как минимум третьим ребенком[15], рожденным в этом браке. Следовательно, не позднее 322 г. младший сын Констанция I женился на Галле — девице из знатнейшей сенаторской фамилии, возможно связанной родством с династией Северов[16]. Очевидно, этот брак был призван скрепить союз Константина со столичной аристократией. Иными словами, Юлий Констанций играл некоторую роль в политических конструкциях своего августейшего брата еще в период совместного царствования Константина и Лициния. Наконец, принятие ранней датировки для брака Констанция Хлора и Феодоры[17] позволяет предположить, что к началу 310-х гг. единокровные братья Константина уже достигли возраста, позволявшего им участвовать в политической жизни[18]. Мы полагаем, что это обстоятельство дает основания считать упомянутого в «Origo Constantini» главу посольства к Лицинию (Anon. Val., I, 5, 14)[19], префекта претория 324—327 гг. и консула 327 г.[20] Флавием Юлием Констанцием[21], а адресата эдикта от 19 января 321/4 г. (CTh., XII, 17, 1) — Далмацием Цензором[22].

Третья глава посвящена организации Константином I принципов престолонаследия. В первом параграфе рассматривается карьера старшего сына императора — Криспа (Миролюбов 2021: 155—162). Автор приходит к выводу, что в период 324—326 гг. Константин склонялся к принципу единонаследия. В рамках этой схемы его наследником выступал Крисп, который зарекомендовал себя деятельным помощником отца и стал до некоторой степени самостоятельной политической фигурой. Эта мысль представляется достаточно спорной — как известно в 317 г. вместе с Криспом цезарем был провозглашен его единокровный брат Константин II (Cons. Const., s.a. 317), что, думается, противоречит выводу автора о том, что август видел в первенце единственного наследника. Так или иначе, карьера Криспа оборвалась в 326 г. — он был казнен при самых загадочных обстоятельствах.

Во втором параграфе автор обсуждает обстоятельства кооптации в императорскую коллегию сыновей Константина от брака с Фаустой (Миролюбов 2021: 162—172). Прежде всего он подробно останавливается на проблеме происхождения Константина Младшего и довольно убедительно доказывает, что гипотеза о том, что его матерью была некая наложница Константина, имя которой остается неизвестным, несостоятельна. Причины провозглашения цезарем Констанция II в 324 г. исследователь справедливо усматривает в

[14] Вслед за Т. Барнсом, автор допускает лишь гипотетическую возможность их присутствия на торжествах в Риме (Миролюбов 2021: 148). Оба исследователя упускают из вида свидетельство Либания (Lib. Or., XIX, 19; Wiemer 1994: 516—518; Wiemer 1994: 475—479).

[15] О старшем брате Галла, убитом в 337 г., см. Jul., Ep. ad Ath., 270c—d; сестра Галла была первой женой Констанция II (Jul., Ep. ad Ath., 272d). Их брак был заключен в 336 г. (Euseb., V. Const., IV, 49). На момент свадьбы невесте едва ли могло быть меньше тринадцати лет, а значит она была старше Галла.

[16] Гипотеза о родстве династии Нератиев с Северами высказывалась Ф. Шоссоном (Chausson 2007: 124, stemma 8).

[17] См. выше.

[18] Ср. с Миролюбов 2021: 137, прим. 3.

[19] См. PLRE I: 224 (Constantius 1).

[20] См. PLRE I: 225 (Constantius 5).

[21] См. Barnes 2011: 212, n. 14.

[22] Ср. PLRE I: 241.

попытке Константина дать «своего» императора восточным провинциям, еще недавно находившимся под управлением Лициния. Представляется любопытной и идея, согласно которой приобщение Константа к императорской коллегии явилось ответом на мятеж Калокера. В третьем параграфе анализируется оформление схемы наследования в последние годы царствования Константина I и приобщение к императорской коллегии племянников августа. Автор оспаривает устоявшуюся в историографии точку зрения, о том, что, провозглашая Далмация Младшего цезарем, август готовил почву к частичному возвращению института тетрархии. И.А. Миролюбов резонно считает схему разделения империи 335 г. не окончательной. По его мнению, завершенную форму политическое завещание Константина должно было обрести лишь после намечавшейся на 337 г. персидской кампании, о чем, в частности, свидетельствует провозглашение его племянника Ганнибалиана «царем царей». Поход так и не состоялся по причине болезни Константина. Ситуация вынуждала умирающего императора либо признать права на власть всех участников императорской коллегии, либо только одного из них. Оба варианта были чреваты усобицей. В итоге Константин сознательно отказался от решения вопроса о власти и отошел в мир иной, не сделав никаких внятных распоряжений о судьбе престола, что, в свою очередь привело к политическому кризису лета 337 г., результатом которого стало истребление почти всего мужского потомства от второго брака Констанция Хлора.

Высоко оценивая труд И.А. Миролюбова, следует все же отметить, что он не лишен отдельных недостатков. К сожалению, автор отказался от рассмотрения ряда любопытных (и, думается, важных) вопросов истории Второй династии Флавиев, анализ которых мог бы украсить его работу. В частности, И.А. Миролюбов обошел вниманием проблему потомства цезаря Криспа и гипотезу о родстве будущей императрицы Юстины с династией Вторых Флавиев[23]. Думается, что обращение к этой проблеме могло бы пролить свет на причины исключительного матримониального ажиотажа вокруг самой Юстины, а также ее дочери (Галлы) и внучки (Галлы Плацидии). В монографии не рассматривается и любопытное предположение Ф. Шоссона, считавшему, что на одной из девиц дома Констанция Хлора был женат префект Аблабий[24]. Учитывая обыкновение Константина женить своих сыновей и дочерей на их кузенах и кузинах, эта гипотеза могла бы объяснить причины помолвки Константа II с дочерью Аблабия Олимпиадой (Amm., XX, 11, 3; Athan., Hist. Ar., 69), а равно и сообщения армянских источников о том, что эта девушка принадлежала к царскому роду (Faust. Byz., IV, 15; Mos. Chor., III, 21). Кроме того, представляется, что исследование могло бы выиграть и от обсуждения проблемы рецепции династической модели Константина его сыновьями, в частности, анализа подкрепляемой данными нумизматики, эпиграфики и юридических памятников гипотезы о претензиях Константина II на старшинство в императорской коллегии в 337—340 гг.[25].

Далее, несмотря на то что автор широко привлекает иконографический материалу, в исследовании не представлены репродукции обсуждаемых гемм, камей и монетных типов императора Константина, которые, думается, могли бы послужить прекрасной иллюстрацией для ряда выводов И.А. Миролюбова. К числу «технических» недоработок можно также отнести оформление ссылок и библиографического списка. Исследователь постоянно использует «глухие» сноски (Указ. соч.; Op. cit.), что, учитывая в целом немаленький объем

[23] По мнению ряда исследователей, она была внучкой Юлия Констанция от его брака с Галлой (Rougé 1958; Sabbah 1992: 99—100; Frakes 2005: 97; Chausson 2007: 160—188). Впрочем, Т. Барнс и Д. Вудс считали ее внучкой Криспа от его брака с Еленой Младшей (Barnes 1982: 44; Woods 2004: 325—327).

[24] Chausson 2002: 211—217; Chausson 2007: 150—152.

[25] Kent 1981: 125; Bleckmann 2003: 241—243; Hunt 2008: 5; Lewis 2020: 60—73.

монографии, подчас затрудняет определение цитируемой работы. Но это полбеды. Иногда полное библиографическое описание нельзя найти даже в списке использованной литературы. К примеру, исследователь трижды ссылается на работу Х. Польсандера (Миролюбов 2021: 110, 163, 194), однако при этом ни разу не дает ее полного названия. При обращении к приведенному в конце книги списку литературы, обнаруживается, что ни одного труда этого автора там не значится[26]. Впрочем, в целом текст, монографии достаточно аккуратно вычитан и откорректирован. Орфографические и пунктуационные ошибки (бич многих новейших исследований) крайне редки[27].

Давая общую оценку книге И.А. Миролюбова, необходимо отметить ее безусловный новаторский характер. Работу отличают концептуальная целостность, богатый фактический материал, благодаря которому большинство выводов выглядят весьма убедительно. Монография написана хорошим литературным языком. Автор смог удачно сочетать, с одной стороны, научность и строгость изложения, а с другой — определенную художественность повествования. Благодаря этому, монография, несмотря на многочисленные пассажи аналитического и теоретического характера, читается достаточно легко. Труд И.А. Миролюбова не лишен отдельных недочетов и спорных положений, которые, впрочем, блекнут на фоне очевидных достоинств его работы.

Литература

Миролюбов И.А. 2021. *Династическая политика императора Константина Великого.* Санкт-Петербург: Алетейя.

Циркин Ю.Б. 2010. *Испания от античности к Средневековью*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История.

Amerise M. 2006. Filostorgio e la morte di Costantino il Grande. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 55, 328—343.

Baker-Brian N., Tougher S. (eds.). 2020. *The Sons of Constantine, AD 337—361: In the Shadows of Constantine and Julian*. Cham: Palgrave Macmillan.

Barnes T.D. 1982. *The New Empire of Diocletian and Constantine*. Cambridge: Harvard University Press.

Barnes T.D. 2010. *Early Christian Hagiography and Roman History*. Tübingen: Mohr Siebeck.

Barnes T.D. 2011. *Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire.* Chichester, West Sussex, U.K.; Malden, MA: Wiley-Blackwell.

Bleckmann B. 2003. Der Bürgerkrieg zwischen Constantin II. und Constans (340 n. Chr.). *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 52, 225—250.

Burgersdijk D. 2018. Constantine's Son Crispus and His Image in Contemporary Panegyrical Accounts. In: Burgersdijk D.P.W., Ross A.J. (eds.). *Imagining Emperors in the Later Roman Empire*. Leiden; Boston: Brill, 137—157.

Callu J.-P. 2002. Naissance de la dynastie constantinienne. Le tournant de 314—316. In: Carrie J.-M., Testa R. L., Brown P. (eds.). *Humana Sapit. Etudes d'Antiquite Tardive offertes a Lellia Cracco-Ruggini*. Turnhout: Brepols, 111—120.

Cara P. 1993. La successione di Costantino. *Aevum* 67, 173—180.

Chantraine H. 1992. *Die Nachfolgeordnung Constantins des Großen*. Mainz; Stuttgart: Franz Steiner Verlag.

Chausson F. 2002. La famille du préfet Ablabius. *Pallas* 60, 205—230.

Chausson F. 2007. *Stemmata Aurea: Constantin, Justine, Theodose. Revendications Genealogiques Et Ideologie Imperiale Au IV S. Ap. J.c.* Roma: L'Erma Di Bretschneider.

Christol M., Sillières P. 1980. Constantin et la péninsule ibérique: à propos d'un nouveau milliaire. *Revue des Études Anciennes* 82, 70—80.

[26] Пытливый читатель, возможно догадается, что И. А. Миролюбов ссылается на монографию «The Emperor Constantine» (London; New York: Routledge, 2004).

[27] Редкий пример — Branes вместо Barnes на с. 137, прим. 403. Некоторые нарекания вызывает и книжное оформление книги. Так, на с. 49 вместо «Степени изученности темы» в тексте колонтитула читаем: «2. Смысл фейков и фейк смысла». Впрочем, эта несуразица, конечно же, лежит на совести издательства, а не автора.

Corcoran S. 2000. *The Empire of the Tetrarchs: Imperial Pronouncements and Government AD 284—324.* New York: Clarendon Press.

de Ste. Croix G. 2006. *Christian Persecution, Martyrdom, and Orthodoxy*. New York: Oxford University Press.

Di Maio M., Arnold D.W.-H., Arnold Fr. 1992. Per vim, per caedem, per bellum: A Study of Murder and Ecclesiastical Politics in the Year 337 AD. *Byzantion* 62, 158—211.

Frakes R.M. 2005. The Dynasty of Constantine Down to 363. In: Lenski N. (ed.). *The Cambridge Companion to the Age of Constantine*. Cambridge Companions to the Ancient World. Cambridge: Cambridge University Press, 91—108.

Garcia M.M. 2010. *Saint Alban and the Cult of Saints in Late Antique Britain.* Leeds, GB: University of Leeds (Institute for Medieval Studies).

Heinen H. 1998. Konstantins Mutter Helena: de stercore ad regnum. *Trierer Zeitschrift: für Geschichte und Kunst des Trierer Landes und seiner Nachbargebiete* 61, 227—240.

Hunt D. 2008. The Successors of Constantine. In: Cameron Av., Garnsey P. (eds.). *The Cambridge Ancient History.* Vol. 13. *The Late Empire, AD 337—425*. Cambridge: Cambridge University Press, 1—43.

Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. 1971. *The Prosopography of the Later Roman Empire.* Vol. I. *A.D. 260—395*. Cambridge: Cambridge University Press.

Jullian C. 1923. Questions hagiographiques: le cycle de Rictiovar. *Revue des Études Anciennes* 25, 367—378.

Kent J.P.C. 1981. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. VIII. *The Family of Constantine I*. London: Spink & Son Ltd.

Klein R. 1979. Die Kämpfe um die Nachfolge nach dem Tode Constantins des Grossen. *Byzantinische Forschungen* 6, 101—150.

Leadbetter B. 1998. The Illegitimacy of Constantine and the Birth of the Tetrarchy. In: Lieu S.N.C., Montserrat D. (eds.). *Constantine. History, Historiography and Legend*. London; New York: Routledge, 74—85.

Leadbetter W.L. 2010. *Galerius and the Will of Diocletian*. London; New York, NY: Routledge.

Lewis W. 2020. Constantine II and His Brothers: The Civil War of AD 340. In: Baker-Brian N., Tougher S. (eds.). *The Sons of Constantine, AD 337—361: In the Shadows of Constantine and Julian*. Cham: Springer International Publishing, 57—94.

Lucien-Brun X. 1973. Constance II et le massacre des princes. *Bulletin de l'Association Guillaume Budé* 32, 585—602.

Marasco G. 1993. Costantino e le uccisioni di Crispo e Fausta (326 d.C.). *Rivista di filologia e di istruzione classica* 121, 297—317.

Maraval P. 2013. *Les Fils de Constantin. Constantin II (337—340), Constance II (337—361), Constant (337—350).* Paris: CNRS Editions.

Marcos M. 2014. Constantine, Dalmatius Caesar, and the Summer of A.D. 337. *Latomus* 73, 748—774.

Marcos M. 2019. Some Reflections on Constantine, Dalmatius Caesar, and CI 5.17.7. *Phoenix* 73, 184—189.

Moreno Resano E. 2015. Las ejecuciones de Crispo, Licinio el Joven y Fausta (año 326 d.C.): nuevas observaciones. *Dialogues d'histoire ancienne* 41, 177—200.

Mosig-Walburg K. 2005. Hannibalianus rex. *Millennium — Jahrbuch* 2/2005, 229—254.

Nixon C.E.V., Rodgers B.S. 1995. *In Praise of Later Roman Emperors*: The Panegyric Latini. Berkeley: University of California Press.

Pohlsander H.A. 2004. *The Emperor Constantine*. London; New York: Routledge.

Pohlsander H.A. 1984. Crispus: Brilliant Career and Tragic End. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 33, 79—106.

Pohlsander H.A. 1995. *Helena: Empress and Saint*. Chicago, Ill: Ares Publishers.

Ramscold L. 2012. Constantine's Vicennalia and the Death of Crispus. *Niš and Byzantium* XI, 409—456.

Raschle C.R. 2013. Jean Chrysostome et les exempla tirés de l'histoire impériale récente. *Dialogues d'histoire ancienne* 8, 355—377.

Rocco M. 2013. Fausta, Costantino e lo stuprum per vim. *Rivista Storica dell'Antichità* XLIII, 243—260.

Rougé J. 1958. La pseudo-bigamie de Valentinien Ier. *Cahiers d'histoire* 3, 5—15.

Sabbah G. 1992. Présences féminines dans l'histoire d'Ammien Marcellin: Les rôles politiques. In: Teitler H. C., den Boeft J., den Hengst D. (eds.). *Cognitio Gestorum: The Historiographic Art of Ammianus Marcellinus*. Amsterdam; New York: Royal Academy of Netherlands, 91—105.

Wiemer H.-U. 1994. Libanios und Zosimos über den Rom-Besuch Konstantins I. im Jahre 326. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 43, 469—494.

Wiemer H.U. 1994. Libanius on Constantine. *The Classical Quarterly*. New Series 44, 511—524.

Wienand J. 2012. The Making of an Imperial Dynasty. Optatian's carmina figurata and the Development of the Constantinian domus divina (317—326 AD). *Giornale Italiano di Filologia* 3, 225—265.
Williams S. 1997. *Diocletian and the Roman Recovery*. New York: Routledge.
Woods D. 2004. The Constantinian Origin of Justina (Themistius, Or. 3.43b). *The Classical Quarterly* 54, 325—327.

References

Mirolyubov, I.A. 2021. *Dinasticheskaya politika imperatora Konstantina Velikogo (Dynastic Policy of Emperor Constantine the Great)*. Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).
Tsirkin, Yu.B. 2010. *Ispaniya ot antichnosti k Srednevekov'yu (Spain from Antiquity to the Middle Ages)*. Saint Petersburg: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU; Nestor-Istoriya (in Russian).
Amerise, M. 2006. Filostorgio e la morte di Costantino il Grande. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 55, 328—343.
Baker-Brian, N., Tougher, S. (eds.). 2020. *The Sons of Constantine, AD 337—361: In the Shadows of Constantine and Julian*. Cham: Palgrave Macmillan.
Barnes, T.D. 1982. *The New Empire of Diocletian and Constantine*. Cambridge: Harvard University Press.
Barnes, T.D. 2010. *Early Christian Hagiography and Roman History*. Tübingen: Mohr Siebeck.
Barnes, T.D. 2011. *Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire.* Chichester, West Sussex, U.K.; Malden, MA: Wiley-Blackwell.
Bleckmann, B. 2003. Der Bürgerkrieg zwischen Constantin II. und Constans (340 n. Chr.). *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 52, 225—250.
Burgersdijk, D. 2018. Constantine's Son Crispus and His Image in Contemporary Panegyrical Accounts. In: Burgersdijk, D.P.W., Ross, A.J. (eds.). *Imagining Emperors in the Later Roman Empire*. Leiden; Boston: Brill, 137—157.
Callu, J.-P. 2002. Naissance de la dynastie constantinienne. Le tournant de 314—316. In: Carrie, J.-M., Testa, R. L., Brown, P. (eds.). *Humana Sapit. Etudes d'Antiquite Tardive offertes a Lellia Cracco-Ruggini*. Turnhout: Brepols, 111—120.
Cara, P. 1993. La successione di Costantino. *Aevum* 67, 173—180.
Chantraine, H. 1992. *Die Nachfolgeordnung Constantins des Großen*. Mainz; Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
Chausson, F. 2002. La famille du préfet Ablabius. *Pallas* 60, 205—230.
Chausson, F. 2007. *Stemmata Aurea: Constantin, Justine, Theodose. Revendications Genealogiques Et Ideologie Imperiale Au IV S. Ap. J.c.* Roma: L'Erma Di Bretschneider.
Christol, M., Sillières, P. 1980. Constantin et la péninsule ibérique: à propos d'un nouveau milliaire. *Revue des Études Anciennes* 82, 70—80.
Corcoran, S. 2000. *The Empire of the Tetrarchs: Imperial Pronouncements and Government AD 284—324.* New York: Clarendon Press.
de Ste. Croix, G. 2006. *Christian Persecution, Martyrdom, and Orthodoxy*. New York: Oxford University Press.
Di Maio, M., Arnold, D.W.-H., Arnold Fr. 1992. Per vim, per caedem, per bellum: A Study of Murder and Ecclesiastical Politics in the Year 337 AD. *Byzantion* 62, 158—211.
Frakes, R.M. 2005. The Dynasty of Constantine Down to 363. In: Lenski, N. (ed.). *The Cambridge Companion to the Age of Constantine*. Cambridge Companions to the Ancient World. Cambridge: Cambridge University Press, 91—108.
Garcia, M.M. 2010. *Saint Alban and the Cult of Saints in Late Antique Britain.* Leeds, GB: University of Leeds (Institute for Medieval Studies).
Heinen, H. 1998. Konstantins Mutter Helena: de stercore ad regnum. *Trierer Zeitschrift: für Geschichte und Kunst des Trierer Landes und seiner Nachbargebiete* 61, 227—240.
Hunt, D. 2008. The Successors of Constantine. In: Cameron, Av., Garnsey, P. (eds.). *The Cambridge Ancient History.* Vol. 13. *The Late Empire, AD 337—425*. Cambridge: Cambridge University Press, 1—43.
Jones, A.H.M., Martindale, J.R., Morris, J. 1971. *The Prosopography of the Later Roman Empire.* Vol. I. *A.D. 260—395*. Cambridge: Cambridge University Press.
Jullian, C. 1923. Questions hagiographiques: le cycle de Rictiovar. *Revue des Études Anciennes* 25, 367—378.
Kent, J.P.C. 1981. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. VIII. *The Family of Constantine I*. London: Spink & Son Ltd.

Klein, R. 1979. Die Kämpfe um die Nachfolge nach dem Tode Constantins des Grossen. *Byzantinische Forschungen* 6, 101—150.
Leadbetter, B. 1998. The Illegitimacy of Constantine and the Birth of the Tetrarchy. In: Lieu S.N.C., Montserrat D. (eds.). *Constantine. History, Historiography and Legend*. London; New York: Routledge, 74—85.
Leadbetter, W.L. 2010. *Galerius and the Will of Diocletian*. London; New York, NY: Routledge.
Lewis, W. 2020. Constantine II and His Brothers: The Civil War of AD 340. In: Baker-Brian, N., Tougher, S. (eds.). *The Sons of Constantine, AD 337—361: In the Shadows of Constantine and Julian*. Cham: Springer International Publishing, 57—94.
Lucien-Brun, X. 1973. Constance II et le massacre des princes. *Bulletin de l'Association Guillaume Budé* 32, 585—602.
Marasco, G. 1993. Costantino e le uccisioni di Crispo e Fausta (326 d.C.). *Rivista di filologia e di istruzione classica* 121, 297—317.
Maraval, P. 2013. *Les Fils de Constantin. Constantin II (337—340), Constance II (337—361), Constant (337—350).* Paris: CNRS Editions.
Marcos, M. 2014. Constantine, Dalmatius Caesar, and the Summer of A.D. 337. *Latomus* 73, 748—774.
Marcos, M. 2019. Some Reflections on Constantine, Dalmatius Caesar, and CI 5.17.7. *Phoenix* 73, 184—189.
Moreno Resano, E. 2015. Las ejecuciones de Crispo, Licinio el Joven y Fausta (año 326 d.C.): nuevas observaciones. *Dialogues d'histoire ancienne* 41, 177—200.
Mosig-Walburg, K. 2005. Hanniballianus rex. *Millennium — Jahrbuch* 2/2005, 229—254.
Nixon, C.E.V., Rodgers, B.S. 1995. *In Praise of Later Roman Emperors*: The Panegyric Latini. Berkeley: University of California Press.
Pohlsander, H.A. 2004. *The Emperor Constantine*. London; New York: Routledge.
Pohlsander, H.A. 1984. Crispus: Brilliant Career and Tragic End. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 33, 79—106.
Pohlsander, H.A. 1995. *Helena: Empress and Saint*. Chicago, Ill: Ares Publishers.
Ramscold, L. 2012. Constantine's Vicennalia and the Death of Crispus. *Niš and Byzantium* XI, 409—456.
Raschle, C.R. 2013. Jean Chrysostome et les exempla tirés de l'histoire impériale récente. *Dialogues d'histoire ancienne* 8, 355—377.
Rocco, M. 2013. Fausta, Costantino e lo stuprum per vim. *Rivista Storica dell'Antichità* XLIII, 243—260.
Rougé, J. 1958. La pseudo-bigamie de Valentinien Ier. *Cahiers d'histoire* 3, 5—15.
Sabbah, G. 1992. Présences féminines dans l'histoire d'Ammien Marcellin: Les rôles politiques. In: Teitler, H. C., den Boeft, J., den Hengst, D. (eds.). *Cognitio Gestorum: The Historiographic Art of Ammianus Marcellinus*. Amsterdam; New York: Royal Academy of Netherlands, 91—105.
Wiemer, H.-U. 1994. Libanios und Zosimos über den Rom-Besuch Konstantins I. im Jahre 326. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 43, 469—494.
Wiemer, H.U. 1994. Libanius on Constantine. *The Classical Quarterly*. New Series 44, 511—524.
Wienand, J. 2012. The Making of an Imperial Dynasty. Optatian's carmina figurata and the Development of the Constantinian domus divina (317—326 AD). *Giornale Italiano di Filologia* 3, 225—265.
Williams, S. 1997. *Diocletian and the Roman Recovery*. New York: Routledge.
Woods, D. 2004. The Constantinian Origin of Justina (Themistius, Or. 3.43b). *The Classical Quarterly* 54, 325—327.

УДК 340.153; 94(5)
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.89.86.014

Л.Ф. Абзалов, М.С. Гатин, И.А. Мустакимов, Р.Ю. Почекаев

К ИСТОРИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ В ЧИНГИЗИДСКИХ ГОСУДАРСТВАХ XIII—XIV вв.*

В числе источников исследования ключевым является образец ярлыка ильхана Ирана о назначении предводителя каравана, входящий в трактат для писцов «Дастур ал-катиб», составленный Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани, персидским чиновником, в 1360-х гг. Документ впервые переведён на русский язык и снабжён междисциплинарным научным комментарием. Сведения ярлыка, в сочетании с данными других источников, позволяют лучше понять проблемы обеспечения безопасности караванов и торговых маршрутов Причерноморья, входившего в XIII—XIV вв. в состав государств-наследников Монгольской империи — Золотой Орды (Улуса Джучи) и государства Хулагуидов в Иране, — и оценить эффективность мер, предпринимавшихся для их решения правителями-Чингизидами.

Ключевые слова: Монгольская империя, Золотая Орда, государство Хулагуидов, торговая политика, караваны, безопасность торговых путей в Средние века, ярлык, традиционное право.

Сведения об авторах: Абзалов Ленар Фиргатович[1], кандидат исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет; Гатин Марат Салаватович[2], кандидат исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет; Мустакимов Ильяс Альфредович[3], кандидат исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Национальная библиотека Республики Татарстан; Почекаев Роман Юлианович[4], доктор исторических наук, кандидат юридических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге.

Контактная информация: [1,2,3]420111, Россия, г. Казань, Лево-Булачная ул., 44, Казанский (Приволжский) федеральный университет; e-mail: [1]len_afzal@mail.ru; [2]marat_gata@mail.ru; [3]imus2007@mail.ru; 194100, Россия, г. Санкт-Петербург, Кантемировская ул., 3, корп. 1, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге; e-mail: rpochekaev@hse.ru.

L.F. Abzalov, M.S. Gatin, I.A. Mustakimov, R.Yu. Pochekaev

NEW HISTORICAL INSIGHTS ON PROTECTION OF THE TRADE ROUTES IN GENGHISIDS STATES, 13th TO 14th CENTURY

Among historical records used in this research, an example of the yarligh by Iranian Ilkhan on the appointment of a head of a caravan is of key importance. This edict is incorporated into the treatise for penmen “Dastur al-katib”, which was written in the 1360s by Mukhammad ibn Khindushakh Nakhchivani, a Persian official. The document is translated into Russian for the first time and provided with interdisciplinary scholarly commentary. The data of the yarligh, combined with further relevant accounts, provide a rather seminal record on issues of security for caravans and trade routes in the Black Sea area, which in the 13th to 14th centuries was divided into parts between successor states of the Mongol Empire — the Golden Horde (the Ulus of Jochi) and the state of the Khulaguids in Iran, — and evaluate the effectiveness of the protective measures the Genghisids rulers have taken to respond to those challenges.

* Статья поступила в номер 15 августа 2022 г.
Принята к печати 29 августа 2022 г.

© Л.Ф. Абзалов, М.С. Гатин, И.А. Мустакимов, Р.Ю. Почекаев, 2022.

Key words: Mongol Empire, Golden Horde, Khulaguid state, trade policy, caravans, protection of trade routes in the Medieval Ages, yarligh, traditional law.

About the authors: Abzalov Lenar Firgatovich[1], PhD (History), Kazan (Volga Region) Federal University; Gatin Marat Salavatovich[2], PhD (History), Kazan (Volga Region) Federal University; Mustakimov Ilias Al'fredovich[3], PhD (History), Kazan (Volga Region) Federal University, National Library of the Republic of Tatarstan; Pochekaev Roman Yulianovich[4], Dr. habil. (History), PhD (Law), Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg.

Contact information: [1,2,3]420111, Russia, Kazan, Levo-Bulachnaya Str., 44, Kazan (Volga Region) Federal University; e-mail: [1]len_afzal@mail.ru; [2]marat_gata@mail.ru; [3]imus2007@mail.ru; [4]194100, St. Petersburg, Kantemirovskaya Str., 3, bd. 1, e-mail: rpochekaev@hse.ru; [4]420111, Russia, Kazan, Levo-Bulachnaya Str., 44, National Research University Higher School of Economics in Saunt Petersburg; e-mail: marat_gata@mail.ru.

> В то время земли, лежащие между Ираном и Тураном, так были безопасны, что если бы кто прошел от запада до востока, положив себе на голову золотой какой-либо сосуд, то ему никем не было бы сделано обиды, с кем бы он ни встретился.
>
> *Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков*

Нападения разбойников на торговые караваны на средневековом мусульманском Востоке были настолько обыденными событиями, что сюжеты о таких нападениях и мерах, предпринимавшихся правителями по борьбе с ними, включались в сборники назидательных рассказов (Абуль-Фарадж 1961: 226; ал-'Ауфи 2005: 106) и дидактические произведения (Кабус-намэ 1953: 183) как типичные сюжеты. Не стала исключением и эпоха правления потомков Чингис-хана, которые, подобно своим предшественникам на троне, старались обеспечить безопасность торговых путей и перемещавшихся по ним караванов. Целью настоящей статьи является анализ этой деятельности Чингизидов XIII—XIV вв., которая была сосредоточена преимущественно на Ближнем и Среднем Востоке, в т.ч. в Причерноморье.

Территории Черноморского бассейна в рассматриваемый период входила в состав двух чингизидских государств — Улуса Джучи (Золотой Орды) и Государства ильханов (Хулагуидов) в Иране. Тем не менее, анализируя выбранную проблематику, нельзя также забывать и о других влиятельных игроках на черноморской международной арене — таких, как Трапезундская империя, итальянские торговые республики, имевшие в этом регионе свои колонии, и др. Поскольку торговля имела межгосударственный характер, и нападения на караваны нередко влекли последствия международно-правового уровня, политику охраны торговых путей, реализуемую Чингизидами, нельзя анализировать в отрыве от складывавшейся в тот период международной ситуации.

Вопрос о проблемах безопасности торговых путей в средневековом Причерноморье, безусловно, неоднократно затрагивался исследователями экономических отношений государств в этом регионе, однако, насколько известно авторам статьи, до сих пор не

становился предметом специального исследования, равно как и меры по обеспечению такой безопасности. Причиной, по которой авторы решили обратиться к данному аспекту истории Причерноморья и средневековых чингизидских государств стало введение в научный оборот весьма ценного документа — образца ярлыка о назначении на должность предводителя каравана, который был издан одним из персидских ильханов, вероятно в конце XIII — начале XIV в.

Этот документ сохранился в составе средневекового персоязычного трактата «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»), автором которого является Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани, чиновник финансового ведомства при последних ильханах из династии Хулагуидов и первых правителях из сменившей их династии Джалаиров. Образцы ярлыков, которые приведены в указанном трактате, неоднократно использовались различными исследователями как источник сведений по различным аспектам истории средневекового Ирана, а также и других государств Чингизидов[1]. Неслучайно еще в первой половине XIX в. австрийский востоковед Й. фон Хаммер-Пургшталь поместил 36 образцов ярлыков о назначении на различные чиновные должности (из около 200, имеющихся в «Дастур ал-катиб») в своем переводе на немецкий язык в приложении к своей работе по истории не хулагуидского Ирана, а именно Золотой Орды.

По всей видимости, австрийский ученый выбрал для перевода и публикации те документы, которые показались ему наиболее «универсальными», т.е. в равной степени могли быть выданы как в монгольском Иране, так и в Улусе Джучи. Такая позиция выглядит вполне обоснованной с учетом того, что правотворческие и делопроизводственные традиции в этих двух государствах были весьма близки и, к тому же, неоднократно испытывали взаимовлияния в силу постоянных контактов этих улусов на различных уровнях.

В число этих документов входит и ярлык о назначении предводителя каравана. Можно было бы предположить, что речь идет о старшем караванщике, т.е. начальнике купцов, и в таком случае можно было бы анализировать этот документ в контексте развития торговли и торгового дела в чингизидских государствах. Однако из содержания видно, что предводитель каравана являлся ни кем иным, как начальником его охраны. Таким образом, вполне логичным представляется анализ этого документа в контексте чингизидской политики по обеспечению безопасности торговых путей и передвигавшихся по ним караванов.

Признавая приоритет Й. Хаммера-Пургшталя в изучении этих документов, мы сочли целесообразным поместить ниже не только современный перевод ярлыка с персидского оригинала, но и вариант перевода, сделанного самим австрийским востоковедом (тоже в русском переводе).

[1] Анализ содержания ярлыков осуществляли А.Ю. Якубовский, А.А. Али-заде и др., а некоторые исследователи также переводили отдельные документы на русский (В.Г. Тизенгаузен, П.М. Мелиоранский, И.П. Петрушевский, С. Хатиби, Т.И. Султанов) и английский (И. Вашари) языки.

Перевод документа

Перевод Й. фон Хаммера-Пургшталя (Hammer-Purgstall 1840: 514—515)[2] **XXXV. Грамота [ярлык] предводителю каравана (Kjarwansalari), первый [образец]**	**Перевод с оригинала (Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани 1976: 169—172 араб. паг.)**[3]
[Мне] донесли несколько вельмож и знатных людей, приехавших из Багдада, что на них напали разбойники и отобрали деньги и вьючных животных, и что из-за отсутствия предводителя каравана, способного противостоять грабителям, они понесли большие потери и убытки: поэтому возникла необходимость взять на службу такого человека, чтобы снова открыть закрытые врата путешествий приходящим и уходящим. Исходя из всего этого и так как Таджеддин Али — почтенный и храбрый человек, который всегда заботился об устранении и уничтожении дурного сброда и считал своим долгом истребить его, то представилось необходимым назначить [его] предводителем караванов, которые направляются на Багдад, Хузистан[4] и в те земли, набрать [ему] сотню вооруженных всадников, для охраны караванов от воров, разбойников с большой дороги и скверных негодяев, сопроводить к месту их назначения и, если что было украдено и испорчено ворами и разбойниками, вернуть. Отныне предводительство караванами Ирака Арабского[5], Хузистана и Луристана[6] передаётся вышеупомянутому, заслуживающему доверия мужу, понимающего как вести дело, рука которого сильна и независима, он должен занять должность предводителя каравана так, как это ожидается от его способностей, проницательност и и храбрости, он должен употребить всё возможное усердие для защиты караванов, приводить их к месту назначения без ущерба со стороны воров и разбойников. Этот указ вступил в силу, дабы все члены караванов — вельможи,	Группа знатных и сановитых людей, прибывших со стороны Багдада, доложили, что на них напала шайка разбойников и отобрала у них наличные деньги, товары и множество [вьючных] животных. По причине того, что их караван не сопровождался авторитетным лицом, которое было бы начальником охраны и предводителем каравана и могло бы дать отпор разбойникам, их постигли большие затруднения и убытки, а движение по этому пути прекратилось[7]. Принятие мер для исправления этой ситуации является одним из необходимых дел. Посему, ввиду того, что рахдар[8] Тадж ад-Дин Али является авторитетным человеком, имеет в своем услужении отважных, бесстрашных и проворных людей, непрерывно занимается искоренением и укрощением злоумышленников, смутьянов и разбойников и почитает своим долгом их истребление, при существующем положении следует, что если предводительство караваном, направляющимся в Багдад, Ирак Арабский, Баят[9], Хузистан, Луристан и те земли будет поручено ему, он со ста проворными, вооруженными, конными лучниками сможет уберечь купцов каравана от разбойников, воров и грабителей и в целости и сохранности довести их до места назначения. И если у них (купцов каравана. — *И.М.*) что-то пропадет по причине нападения разбойников, [Тадж ад-Дин Али] примет меры по исправлению [ситуации]. Поскольку на его слово всегда можно было положиться и он справлялся со всеми взятыми на себя обязательствами, пусть на него будут возложены обязанности

[2] Перевод на русский язык выполнен М.С. Гатиным.

[3] Перевод на русский язык выполнен И.А. Мустакимовым.

[4] Хузистан (Хузестан) — историческая область на юго-западе современного Ирана, названная так по древнему народу хузов, жившему здесь в древности. Являлась древнейшим центром ближневосточной цивилизации, поскольку именно здесь возникло государство Элам (III тыс. до н.э.). Затем этот регион вошел в состав державы Ахеменидов и с этого времени рассматривался как историческая часть Персии.

[5] Ирак Арабский — историческая область, включающая большую часть современного Ирака.

[6] Луристан (Луристан) — историческая область на западе Ирана, граничащая с Хузистаном и получившая название по древнему народу луров, которые проживают и в современном Иране. Как и Хузистан, в древности входил в состав Элама и Ахеменидской державы, а затем считался неотъемлемой частью владений правителей Персии.

[7] Букв. «врата для убывающих и прибывающих по этому пути затворились».

[8] Рахдар — в период правления ильхана Газана — сборщик подорожной пошлины. В обязанности рахдаров также входила поимка грабителей (Рашид ад-Дин 1946: 269). В двух списках «Дастур ал-катиб» из шести, использованных А.А. Али-заде, слово «рахдар» отсутствует.

[9] Баят — местность около Васита.

знать и купцы признавали вышеупомянутого Таджеддина Али предводителем каравана, не смея ослушаться его слов и мнения, повиновались его приказам и запретам в посадке верхом и спешивании, погрузке и разгрузке. Всадники и вооруженные люди каравана во время появления грабителей и разбойников должны действовать с ним единодушно, не отделяться от него, прилагать все свои усилия. Поскольку он [Таджеддин Али] несёт большие расходы на охрану караванов и слуг, члены каравана должны платить соответствующие сборы; эмиры, везиры и другие могущественные люди не должны ни под каким предлогом добиваться льготных грамот, но поддерживать его [Таджеддина Али] и его людей в их делах, чтобы он мог целиком посвятить себя этому важному делу.	караванного предводителя направлений «Багдад, Ирак Арабский, Баят, Хузистан и Луристан» с приданием ему чрезвычайных полномочий [в рамках его компетенции], дабы он в соответствии со свойственной ему проницательностью, предусмотрительностью, опытностью, компетентностью и распорядительностью занимался предводительством караванами, прилагая большое старание и усердие в деле охраны и защиты караванов так, как обязался в поданном в Диван письме[10]. Пусть полагает своим долгом отражение [посягательств] грабителей и разбойников и доведение караванов в целости и сохранности до мест назначения. По этой причине сей указ вступает в силу с тем, чтобы лица, занимающиеся караванной торговлей на упомянутых путях из сановников, вельмож, купцов и прочих, пусть признают Тадж ад-Дина Али караванным предводителем и главой караванов, курсирующих по названным направлениям, не выходят из повиновения его слову и благоусмотрению, подчиняются его приказам и распоряжениям, касающимся выступления и остановки [каравана], направления движения и отправления в путь. Всадники и вооруженные люди, находящиеся в караване, во время отражения разбойников и грабителей пусть действуют совместно с ним (Тадж ад-Дином Али. — *И.М.*) и его нукерами, никоим образом не отделяются, не самовольничают и прилагают все усилия [для отражения нападения]. Поскольку им (караванным предводителем. — *И.М.*) для содержания себя, своих нукеров и их верховых животных, используемых для охраны караванов, производится много расходов, надлежит, чтобы все участники караванов выплачивали ему установленную пошлину. Да не прикрываются покровительством эмиров, везирей и иных влиятельных лиц и не приискивают никаких извинений и отговорок. Пусть он (Тадж ад-Дин Али. — *И.М.*) расходует их (собранные средства. — *И.М.*) на исполнение своих обязанностей и на [своих] слуг и полагает своим долгом неотлучно находиться на службе и прилагать старания к исполнению порученного ему важного дела. Пусть действуют таким образом и верят [этому указу]. Написано…[11].

[10] По-видимому, речь идет, о своеобразной «расписке», которую давало лицо, назначаемое на определенную должность, перечисляя в ней свои полномочия, обещая их усердно исполнять и не превышать. Практика выдачи таких «расписок» берет начало еще во времена Арабского халифата.

[11] Далее пропуск.

Формулярный анализ документа

Как известно, в дипломатике документ принято делить на начальный протокол, основную часть и эсхатокол (Каштанов 1970: 27). Образец ярлыка, приводимый Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани, характерен для персидского делопроизводства (Busse 1991: 309). Индивидуальный формуляр рассматриваемого источника представлен лишь основными компонентами корпуса документа (наррацией, диспозицией, санкцией). Отсутствие начального протокола, некоторых компонентов основной части и эсхатокола объясняется тем, что автор «Дастур ал-катиб» приводит образцы документов, характеризуя лишь суть властного решения и способы его выражения.

Структура документа чингизидских канцелярий в некоторой степени определяется языком и графикой, на котором он подготовлен (Григорьев 1978: 47; Фаверо 2018). Данное обстоятельство следует учитывать в связи с тем, что в ордынских канцеляриях применялись разные языки и графические системы. Монгольская власть исходила из доступности языка издаваемого акта. Сам Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани в связи с этим отмечает: «Одним из этих мероприятий[12] мы полагаем издание указов к каждому народу на его языке с тем, чтобы они легко понимали его содержание. В частности, указы, [направляемые] в Город мира Багдад и иные местности[13] Ирака Арабского издаются на арабском языке[14], [указы,] направляемые иранским племенам в области Джибаля[15] и провинции Персии должны прибывать на персидском языке. Монгольским и тюркским племенам указы также должны направляться на их языках и письменах с тем, чтобы они с легкостью могли их понять. К ним следует обращаться на их языке»[16] (Мухаммед ибн Хиндушах Нахчивани 1976: 39—43 араб. паг.; Абзалов и др. 2022: 136; см. также: Джувейни 2004: 440; Рашид ад-дин 1960: 140; Тизенгаузен 1884: 226; Пириев 1988: 200). На основе этих данных можно предположить, что рассматриваемый указ издавался на персидском и дублировался на арабском языке. Арабоязычные документы также имели трехчастную структуру (вводный протокол, текст и заключительный протокол) (см. подробнее: Björkman 1991: 302). В тоже время нам известно, что служащий ханской канцелярии — бахши, на обороте документа должен был привести краткое содержание издаваемого акта (Cleaves 1953: 478—486): «Содержание указов, написанных эмирам областей (اولكا), тем, тысяч, сотен и другим [адресатам] по разным делам, пусть записывает на обороте ярлыков в сокращенных выражениях так, чтобы ни одна деталь из содержания указа не была упущена, дабы при ознакомлении с ним становилась понятной его суть» (Абзалов и др. 2022: 137; см. также: Рашид ад-Дин 1946: 276).

Таким образом, Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани подготовил образец документа в соответствии с персидскими традициями делопроизводства. Автор делает акцент на основной части документа, концентрируя внимание на формулировку нарративной и диспозитиной части ярлыка, при этом остаются не представленными значимые компоненты условного формуляра. В начальном протоколе отсутствуют инвокация, интитуляция и

[12] Букв. «искусств, ремесел» (صنايع)

[13] بلاد . Возможный перевод: «города».

[14] Рашид ад-Дин пишет о выдаче ханом Газаном ярлыков с тамгой на арабском языке для правителя сирийского города Рахбы Алям ад-Дина Гитми: «Относительно дел и занятий Гитми, [его] сыновей, тамошних наибов, казиев и служилого люда и безопасности жителей города, крепости и области были написаны по-арабски нерушимые указы и, снабженные тамгою, вручены им» (Рашид ад-Дин 1946: 195).

[15] Джибаль (ар. «горы, гористая местность») — наименование области, лежащей к востоку от Тигра и известной в настоящее время под именем Персидского Ирака; этим же именем называлась древняя Мидия, т.е. все страны, лежащие к востоку от Тигра.

[16] Перевод на русский язык выполнен И.А. Мустакимовым.

инскрипция. Из компонентов условного формуляра в образце данного ярлыка можно выделить наррацию, в которой приводятся мотивы создания документа. Наиболее пространной частью разбираемого ярлыка является диспозиция, выражающая сущность издаваемого акта. В завершении диспозиции даются указания должностным лицам, что в целом свойственно для персидской делопроизводственной традиции (Busse 1991: 309). В условном формуляре вслед за диспозицией следует санкция (Рашид ад-Дин 1946: 95, 275, 285; Усманов 1979: 247). В представленном источнике также отсутствует корроборация, завершающая основную часть документа. Корроборация была обязательна прежде всего для жалованных и официальных актов, имевших силу закона в общегосударственном масштабе (Усманов 1979: 255—256). Например, в монголоязычном ярлыке на уйгурской графике ильхана Абу-Саида от 1320 г., корроборация представлена в следующей форме: «С золотой пайцзой, с красной печатью ярлык милостиво выдан» (“Altan gerege al tamγatai ĵrlγ soyurqĵu ögbei”) (Григорьев 1978: 67). Конечный протокол в анализируемом документе представлен лишь формулой эсхатокола — «написано», далее следует пропуск. Эсхатокол документов хулагуилдских и джучидских канцелярий содержал указание даты и места выдачи (Рашид ад-Дин 1946: 285; Усманов 1979: 257). Конечный протокол чингизидских актов мог также включать указание имен ходатаев и исполнителей его оформления (Усманов 1979: 267; Busse 1991: 310). Отсутствие некоторых компонентов условного формуляра может прежде всего объясняться шаблонностью выражений начального и конечного протокола издаваемого ярлыка. Автор «Дастур ал-катиб» не приводит априори очевидную для опытного или даже начинающего писца информацию, концентрируя внимание на значимых риторических оборотах для оформления указа о назначении должностного лица.

Историко-правовой анализ

Итак, перед нами, несмотря на выявленные особенности, достаточно типичный ярлык — акт единоличного волеизъявления правителя, имеющий высшую юридическую силу.

Начинается он, как и большинство подобного рода документов, с обоснования причины выдачи. В качестве таковой выступает уведомление, полученное ильханом от «нескольких вельмож и знатных людей» о нападении на них разбойников, которые их ограбили по причине отсутствия охраны их каравана. Соответственно, решение возникшей проблемы видится правителю в предоставлении такой охраны караванам в дальнейшем и назначении ее начальника.

Прямое признание факта нападения на караван правителем, да еще и в столь официальном документе, несомненно, отражает всю драматичность ситуации с безопасностью на торговых путях, сложившейся в ильханате к моменту выдачи анализируемого документа. В исторических источниках неоднократно сообщается о проблемах такого рода на разных этапах истории этого государства, правда, как правило — в периоды политической нестабильности.

Так, например, венецианский путешественник Марко Поло упоминает о том, что в Персии «злых людей и разбойников много; убийства случаются ежедневно; боятся они восточных татар, своих правителей, и если бы не это, так много зла наделали бы они купцам; и при этой власти купцы все-таки часто терпят от них убытки. Купцов без оружия, без луков они убивают или грабят без жалости». Причину столь значительных масштабов грабежей на торговых путях венецианец объясняет достаточно прямолинейно: «Ахату (ильхан Гейхату Ахмед. — *авт.*) не был законным владетелем, и народ не боялся, как при законном царе, злодействовать» (Книга Марко Поло 1997: 201, 212).

Не менее печальную картину о состоянии безопасности торговых путей рисует в своем «Сборнике летописей» знаменитый персидский государственный деятель и ученый Рашид ад-Дин, описывая ситуацию, сложившуюся к первым годам правления его патрона ильхана Газана (1295—1304), при котором он занимал должность везира. В результате смуты, предшествовавшей вступлению этого правителя на престол, число грабителей на дорогах существенно возросло, причем среди них были не только жители городов и селений, но даже и представители власти, которые под предлогом осуществления своих обязанностей (досмотр грузов и сбор дорожных и торговых пошлин) не только взимали с проезжавших лишнее, но и нередко открыто их грабили. Неудивительно, что Газан (несомненно, в значительной степени с подачи самого Рашид ад-Дина) предпринял целый комплекс мер по улучшению безопасности дорог, борьбе с грабителями и их сообщниками в городах и селениях, регламентации действий сборщиков дорожных пошлин и т.д. (Рашид ад-Дин 1946: 264, 268—269).

Собственно, полагаем, что и данный указ мог быть издан именно ильханом Газаном в рамках проводимой им политики в сфере обеспечения безопасности торговых путей и караванов. На этом, по нашему мнению, указывает имя лица, которое, согласно ярлыку, назначается предводителем каравана — Тадж ад-Дин Али. В тексте документа он характеризуется как «авторитетный человек», который «непрерывно занимается искоренением и укрощением злоумышленников, смутьянов и разбойников и почитает своим долгом их истребление», что и позволило передать под его ответственность охрану караванов, направляющихся «в Багдад, Ирак Арабский, Баят, Хузистан, Луристан и те земли».

В хронике Хафиз-и Абру «Дополнение к собранию историй Рашида», представляющей собой продолжение «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, содержится упоминание о том, что в 1336 г. везиром стал некий Джамал Хаджи, сын «Тадж ад-Дина Али Ширвани, который [когда-то] был правителем арабских владений» (Хафиз Абру 2011: 152). Позволим себе высказать осторожное предположение, что отец этого везира и мог быть тем самым Тадж ад-Дином Али: тот факт, что он упоминается как правитель «арабских владений» вполне соотносится с тем, что ранее он мог возглавлять охрану караванов именно в этом регионе, центром которого являлся Багдад. Дата назначения его сына везиром тоже не противоречит этому: в начале XIV в. он мог проявить себя именно в качестве предводителя караванов, ответственного за обеспечение безопасности торговых путей в «арабских владениях», а позднее, уже в 1310—1320-х гг., как человек, хорошо знающий этот региона, стать его наместником.

Вышеприведенная характеристика Тадж ад-Дина Али позволяет сделать вывод, что он являлся отнюдь не частным лицом, все достоинства которого заключались лишь в том, что его «рука… сильна и независима». Как видим, он уже успел обратить на себя внимание властей «искоренением и укрощением злоумышленников, смутьянов и разбойников» — вероятно, как раз в рамках тех мероприятий, которые предпринял ильхан Газан, согласно сообщению «Сборника летописей», проявив «проницательность, предусмотрительность, опытность, компетентность и распорядительность».

Несмотря на то, что причиной назначения Тадж ад-Дина Али на должность стало конкретное обращение (жалоба) караванщиков к правителю, в ярлыке ему предписывается защищать не только караван, принадлежащий жалобщикам, но и все караваны, следующие по торговым путям «Багдада, Ирака Арабского, Баята, Хузистана и Луристана». Для этого ему выделялась сотня всадников, вооруженных луками, с которыми он и должен был выполнять возложенные на него обязанности. Как видно из вышеприведенного перевода

документа, это — первый из образцов, включенных Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани в его трактат. Двумя другими (которые мы вслед за Й. фон Хаммером-Пургшталем не переводим) на аналогичную должность назначаются Байду-курчи — для охраны караванов по направлению «Хорасан и Мазандеран» и Сайф ад-Дин Могултай — по направлению «Султания и Ирак» (Мухаммед ибн Хиндушах Нахчивани 1976: 172—175 араб. паг.)[17]. Это позволяет сделать вывод, что речь идет не просто о рядовом предводителе вооруженной охраны, а о высокопоставленном чиновнике, отвечающим за безопасность торговых путей над целым рядом регионов.

Таким образом, «предводитель каравана» как должностное лицо фактически являлся представителем исполнительной власти, обладающем определенными правами и полномочиями как в отношении самих караванщиков, так и в отношении представителей администрации тех земель, через которые пролегал путь караванов, безопасность которых поручалось ему обеспечивать. Членам караванов предписывается признавать новоназначенного предводителя, «не смея ослушаться его слов и мнения»», повиноваться его приказам и запретам в посадке верхом и спешивании, погрузке и разгрузке». Любопытно, что в его подчинении находились не только переданные под его начало всадники, но и другие «вооруженные люди, находящиеся в караване», т.е. телохранители и охранники, нанятые самими купцами[18].

Что касается взаимодействия с представителями властей государства Хулагуидов, то и тут ярлык содержит соответствующие положения: «Пусть не прикрываются покровительством эмиров, везирей и иных влиятельных лиц и не приискивают никаких извинений и отговорок». Этот пассаж указывает на то, что никакие решения и действия властей не могут освободить караванщиков от вознаграждения услуг предводителя каравана и уплаты соответствующих пошлин[19]. Как известно, многие представители властей не только монгольского Ирана, но и других чингизидских государств XIII—XIV вв. — причем не только чиновники и сановники, но и члены самих правящих семейств — зачастую участвовали в торговых операциях на паях с самими купцами и караванщиками, со своей стороны всячески им покровительствуя, что могло выражаться, в частности, и в выдаче им разного рода льготных грамот, освобождающих торговцев от несения дополнительных расходов. Положение ярлыка однозначно запрещает такую практику.

На начальном периоде существования Монгольской империи такие торговые партнеры представителей власти обладали широкими правами и привилегиями, среди которых было также и право на бесплатную охрану караванов во время их следования по чингизидским владениям (Allsen 1989: 88). Это право, столь обременительное для жителей тех населенных пунктов, через которые следовали торговцы, было отменено в начале правления хана Мунке (1251—1259), который предписал купцам нанимать охрану за собственный счет (Золотая Орда 2009: 186—187; Рашид ад-Дин 1960: 141; Allsen 1989: 105—107). Позднее, при хане Хубилае (1260—1294) это право было частично восстановлено — в отношении торговцев-

[17] Всего таких «достойных эмиров» в Ильханате было четверо, и они подчинялись представителю центральной власти, обладавшему «эмиратом предводителей караванов» (Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари 1984: 105, прим.; Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани 1976: 33—34).

[18] Эта оговорка, по-видимому, могла стать результатом конфликтов начальника охраны и руководителей самого каравана по поводу их старшинства. Подобного рода проблемы возникали в разных регионах и в разные времена — например, можно вспомнить русский караван, направленный из Оренбурга в Бухару 1824—1825 гг., который бесславно и с убытками возвратился с полпути обратно: одной из причин такого развития событий стало отсутствие согласия между начальником каравана купцом Е. Кайдаловым и командиром вооруженной охраны полковником С. Циолковским (Халфин 1974: 190—192).

[19] Упоминание пошлин лишний раз подтверждает официальный статус предводителя каравана и выполнение им своих функций в рамках государственной политики по обеспечению безопасности торговых путей.

ортаков, т.е. лиц, официально торговавших казенными товарами, однако после многочисленных жалоб населения его вновь упразднили (Храпачевский 2019: 462; Endicott-West 1989: 135). Аналогичные тенденции имели место и в Иране эпохи первых Хулагуидов (Wing 2014: 315). И точно так же, как в Монгольской империи со временем эта практика была прекращена — на это указывает наличие в анализируемом ярлыке следующего предписания: «надлежит, чтобы все участники караванов выплачивали ему установленную пошлину», т.е. также оплачивать услуги вооруженной охраны. Вполне возможно, что именно прежняя практика покровительства властей своим торговым партнерам и заставила ильхана включить в ярлык запрет получения «льготных грамот», т.е. использования охраны без оплаты ее услуг.

Стоимость этих услуг ни в ярлыке, ни в других источниках не уточняется. Однако есть основания полагать, что она составляла отнюдь не самую значительную часть дорожных расходов караванщиков — по крайней мере, в ведомостях итальянских торговцев, путешествовавших по Южному Причерноморью, оплата вооруженной охраны не включалась в число крупных путевых затрат (Карпов 1990: 253—258).

Тем не менее, нет сомнения, что многие караванщики могли считать оплату услуг охраны достаточно высокой и отказываться от них, отправляясь в путь на свой страх и риск и надеясь на общие гарантии безопасности торговых путей, которые провозглашали правители Ирана. Надо сказать, определенные основания для принятия такого рискованного решения у купцов были: ведь не только вооруженная охрана караванов должна была обеспечивать их безопасность, но и местные власти, и даже сами жители местностей, через которые следовали караваны.

В своей переписке везир Рашид ад-Дин прямо указывает, что борьба с грабителями караванов, равно как и другими разбойниками, относится к обязанностям наместников (эмиров и хакимов) соответствующих административно-территориальных единиц (Рашид ад-Дин 1971: 188—189, 217). Непосредственно этой деятельностью должны были заниматься туткаулы — специальные чиновники, отвечавшие за состояние дорог в определенных местностях и взимавшие при проезде через них сборы с торговцев (Григорьев 2004: 97). Однако, как уже упоминалось, в кризисные периоды эти туткаулы сами нередко грабили караваны — либо взимая чрезмерные поборы, либо останавливая их под предлогом досмотра и сбора пошлины, после чего их вооруженные сообщники нападали на ничего не подозревавших торговцев. Ильхан Газан сумел решить эту проблему, казнив многих таких сообщников грабителей, а проблему взимания повышенных пошлин решил путем возведения в местах их сбора специальных столбов с табличками, на которых были указаны ставки дорожных пошлин, превышать которые чиновники не имели право под страхом сурового наказания. На местных же жителей возлагалась повинность под названием «карауллык», состоявшая в том, что они должны были обеспечивать безопасность торговых путей в своей округе. Если в такой местности караван подвергался ограблению, то именно местным жителям предписывалось либо найти грабителей и вернуть украденное, либо компенсировать караванщикам утрату за свой счет (Рашид ад-Дин 1946: 269—270).

Таким образом, у торговцев была вполне равнозначная альтернатива найму предводителя каравана, который, как следует из содержания ярлыка, выполнял примерно те же функции, которые наместники областей должны были реализовывать в рамках своих должностных обязанностей, а местное население — в качестве повинности!

Однако не следует думать, что правовая регламентация обеспечения безопасности торговых путей всегда эффективно реализовывалась на практике. Как уже отмечалось, не всегда правителям удавалось поддерживать законность и правопорядок на дорогах —

особенно в периоды кризиса власти и междоусобиц. Кроме того, ограбленные торговцы, особенно иностранные, не желали вступать в отношения с какими-то наместниками и, тем более, местным населением: они требовали возврата похищенного или компенсации ущерба непосредственно от центральных властей монгольского Ирана[20]. Так, например, в 1372 г., в период правления первых Джалаиров, в Южном Причерноморье были ограблены венецианские купцы, которые обратились с жалобой к шаху Увейсу (1356—1374). Поскольку иранский правитель тянул с решением, венецианский байло в Трапезунде наложил секвестр на имущество персидских торговцев, ведших дела в этом городе, а сенат Венеции вынес вердикт о распределении конфискованных товаров между своим ограбленными соотечественниками. Узнав об этом, шах тут же пообещал принять меры по поиску и возврату похищенного, а вскоре сообщил, что разбойники пойманы. Товары персидских купцов тут же были возвращены им венецианцами, хотя сведений о том, что ограбленные получили свое имущество или компенсацию за него, в источниках не содержатся (Карпов 1990: 252).

Такие ситуации возникали довольно часто, поэтому те же итальянские торговцы или руководство венецианских и генуэзских торговых факторий в Причерноморье порой вместо исков о возврате утраченного имущество требовали в виде своеобразной компенсации предоставления им дополнительных льгот — уменьшения торговых и дорожных сборов, предоставления им в персидских городах мест под фактории, склады и пр. (Карпов 1990: 253).

Поэтому, несмотря на то, что торговые пути в Южном Причерноморье считались небезопасными, европейские и азиатские торговцы все же постоянно путешествовали по ним, уповая на вооруженную охрану караванов или на покровительство монгольских правителей Ирана, заинтересованных в торговле с Западом и Востоком.

Итак, анализ содержания ярлыка и дополнительных исторических источников позволяет нам пролить свет на ситуацию, связанную с проблемой безопасности торговых путей и мерами, принимавшимися для ее решения в XIII—XIV вв. в Ильханате. А что происходило в то же время в Улусе Джучи? Ведь, как мы отметили выше, еще Й. фон Хаммер-Пургшталь счел возможным использовать анализируемый документ и для реконструкции золотоордынских реалий.

Можно сразу сказать, что, по сравнению с Ираном, ситуация с безопасностью торговых путей в джучидских владениях складывалась гораздо благоприятнее для торговых караванов. В отличие от маршрута через Южное Причерноморья, торговые пути в джучидских владениях, по отзывам самих же средневековых торговцев, были более безопасны и отличались более развитой инфраструктурой для удобства торговцев (Еманов 2018: 133, 135—136, 139—140; Тизенгаузен 1884: 460; Хаутала 2019: 876)[21]. На пути следования по Золотой Орде, а затем — по Чагатайскому улусу и вплоть до Китая было расположено большое число караван-сараев, постов охраны, постоянно курсировали вооруженные разъезды (Калан 2012: 40, 56—57; Хаутала 2019: 834; Шостак 1859: 119). Поэтому итальянские торговцы, составлявшие руководства для своих коллег, настоятельно рекомендовали избирать именно северный торговый маршрут, как наиболее безопасный и наименее затратный.

[20] Впрочем, аналогичную практику итальянцы использовали и в отношениях с Византией, в случае нападений разбойников на торговцев обращаясь напрямую к императорам (Карпов 1990: 251).

[21] Нельзя не обратить внимания, что в результате смуты в Ильханате в 1330—1340-х гг. и, соответственно, полного отсутствия гарантий безопасности торговых путей европейские торговцы на довольно длительный срок вообще отказались от торгового маршрута по Южному Причерноморью в пользу северного — через Золотую Орду (Di Cosmo 2005: 403).

Только один участок этого маршрута признавался торговцами менее безопасным по отношению с другими — речь шла о пути из Кафы в Сарай, т.е. как раз по Причерноморью и Приазовью. На морском пути торговцев ожидали многочисленные корсарские корабли, а на сухопутном — нападения кочевников и горцев Северного Кавказа (Хаутала 2019: 778). Впрочем, эта проблема сравнительно просто решалась: было достаточно собрать караван из 50—60 купцов (не считая их слуг и охранников), и тогда никакие разбойники не решались на него напасть (Тизенгаузен 1884: 307; Хаутала 2019: 876; Шостак 1850: 119).

Исследователи, опираясь на источники, отмечают наличие в Золотой Орде институтов обеспечения безопасности торговых путей — предводителей караванов («карвансалар»), туткаулов, повинности «карауллык» (Григорьев 2006: 99, 107; Калан 2012: 116—117; Усманов 1979: 237). Все это позволяет уверенно поддержать позицию Й. фон Хаммера-Пургшталя о том, что золотоордынские правители могли выдавать ярлыки, аналогичные указам персидских ильханов — в полной мере это касается и анализируемого документа.

Впрочем, столь благожелательные отзывы современников о безопасности торговых путей Золотой Орды относились к периоду ее расцвета и стабильности. Любые проявления кризиса власти существенно влияли на состояние безопасности торговых путей[22]. А в период «Замятни великой», т.е. междоусобицы 1360—1370-х гг. случаи грабежей торговцев перестали быть редкостью, а в период окончательного распада Улуса Джучи на отдельные ханства о безопасности на дорогах уже и речи не шло. Так, испанский путешественник Перо Тафур, побывавший в Золотой Орде в 1430-х гг., сообщает: «Я приложил много усилий, чтобы съездить в Татарию, но мне посоветовали не делать этого, ибо это было небезопасно из-за людей, которые разъезжают по равнинам, ничем не сдерживаемые, не подчиняющиеся никакому государю» (Перо Тафур 2006: 131). А известный русский путешественник, тверской купец Афанасий Никитин, следуя в Ширван, подвергся нападению не просто разбойников, а воинов, которые действовали по непосредственному распоряжению астраханского хана Касима (Хожение за три моря 1986: 44—45). Кризис власти в Улусе Джучи привел к тому, что черкесы в XV в. позволяли себе нападать уже не только на караваны, но и непосредственно на торговые учреждения в Азаке (Тане) (Еманов, Попов 1988: 82). Аналогичная ситуация складывалась и в Крыму: неслучайно караван-сараи полуострова представляли собой настоящие крепости, способные выдержать натиск таких разбойников (Сейтумеров 2020: 336).

Впрочем, многие правовые принципы и нормы, связанные с обеспечение безопасности торговых путей и гарантий защиты интересов караванщиков продолжали действовать даже века спустя после падения Золотой Орды. Например, в Крымском ханстве ханы в своих ярлыках XVI—XVII вв. гарантировали польско-литовским торговцам возмещение утраченных в результате ограбления товаров либо за собственный счет — либо непосредственно караванщикам, либо королю, который, в свою очередь, уже распределял полученное между своими пострадавшими подданными. То же касалось и случаев, когда чиновники злоупотребляли своими полномочиями, взимая повышенные сборы и пошлины (Kolodziejczyk 2011: 582, 597, 614—615, 659, 742—743, 803, 881, 922). Впрочем, как показывает практика, далеко не всегда пострадавшим торговцам удавалось доказать, что они

[22] Неслучайно уже флорентиец Франческо Пеголотти, составлявший свое руководство для торговцев в 1320-е гг., т.е. в период расцвета и наибольшей стабильности Улуса Джучи, тем не менее, отмечал: «И еще там бывает другая опасность, то есть когда умирает господин [земли], до тех пор, пока не будет провозглашен другой господин, который должен будет править. В этом промежутке времени несколько раз там против франков и других иностранцев… совершались беззакония. И путь следования остается небезопасным до тех пор, пока не будет провозглашен другой господин, который должен будет править после того, который умер» (Хаутала 2019: 876).

были ограблены, поэтому в реальности подобные компенсации, да еще и в полном объеме, были, скорее, редкими исключениями (Курат 2015: 252—253).

Что же касается принципа ответственности местного населения за безопасность торговых путей в своей округе, он сохранялся еще дольше, поскольку позволял джучидским правителям решать проблемы с торговцами и караванами, не неся убытков из казны. Поэтому неудивительно, что еще и в XIX в., например, когда русские караваны подвергались нападению в Казахской степи, хан или султан, во владениях которого имело место нападение, принимал решение о возмещении ущерба за счет взысканий «с ближних киргизцев» (Абдрахманов 2021: 150; Лысенко 2019: 140), т.е. местных жителей, проживавших поблизости от места ограбления.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод, что проблема безопасности торговых путей имела большое значение в государствах Чингизидов, и они старались ее решать, используя самые разнообразные инструменты, поскольку от этого зависели их доходы и авторитет на международной арене. И если в отдельные периоды можно было говорить о том, что торговые маршруты были достаточно безопасны, что подтверждалось и самими торговцами в их записках. В другие же эпохи ситуация становилась настолько критической, что сами власти были вынуждены официально признавать наличие многочисленных грабителей, злоупотребление дорожных и налоговых чиновников и пр.

В связи с этим нельзя не отметить высокую значимость проанализированного ярлыка из «Дастур ал-катиб», в котором как раз фиксируется проблема, связанная с обеспечением безопасности торговых путей и купеческих караванов в монгольском Иране на рубеже XIII—XIV вв., а также меры, предпринимаемые властями для ее обеспечения — в виде формирования специальных отрядов сопровождения торговцев во главе с карвансаларом — «предводителем каравана». Важность этого документа повышается за счет того, что и проблемы с нападениями на караваны, и используемый инструмент ее решения были актуальны не только для монгольского Ирана, но и для других современных ему чингизидских государств — в частности, Улуса Джучи (Золотой Орды).

Как удалось установить авторам, одним из наиболее проблемных с точки зрения безопасности торговых путей регионом обоих государств являлось Причерноморье. К сожалению, в имеющихся в нашем распоряжении источниках не содержаться сведения о том, что именно в этом регионе хулагуидские и джучидские правители предпринимали наиболее активные действия для ее решения. Тем не менее, мы имеем основания полагать, что в эпоху стабильности государства и высокой степени централизации власти им удавалось достаточно эффективно обеспечивать безопасность на данных торговых маршрутах, тогда как в периоды кризиса власти, междоусобиц и конфликтов они уже не контролировали отдаленные регионы своих владений и, соответственно, не могли ни предупредить нападений на караваны, ни даже покарать грабителей, что приводило к увеличению числа последних и порой даже к прекращению функционирования торговых маршрутов, прежде являвшихся одними из наиболее важных путей из Европы в Азию.

Литература

Абдрахманов К.А. 2021. Нападения среднеазиатских кочевников на российские торговые караваны в начале XIX в. *Уральский исторический вестник* 2, 146—153.

Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. 2022. К вопросу о статусе монгольского языка в Иране XIII—XIV вв. (по материалам «Дастур ал-катиб»). *Монголоведение*. Т. 14. № 1, 130—155.

Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари 1984: Кяимов М.Д., Пириев В.З. (пер.). 1984. Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари. *Тарих-и шейх Увейс (История шейха Увейса)*. Баку: Элм.

Абуль-Фарадж 1961: Белов А., Вильскер Л. (пер.). 1961. Абуль-Фарадж. *Книга занимательных историй*. Москва; Ленинград: Государственное издательство художественной литературы.

ал-'Ауфи 2005: Бейсембиев Т.К. (подгот. изд., пер., коммент., прил. указ.). 2005. ал-'Ауфи Садид ад-Дин Мухаммад. *Джавами ал-хикайат ва лавами ар-ривайат («Собрание рассказов и блестящие истории»). Сокровища восточной мудрости*. Алма-Ата: Print-S.

Григорьев А.П. 1978. *Монгольская дипломатика XIII—XV вв. (Чингизидские жалованные грамоты).* Ленинград: Ленинградский университет.

Григорьев А.П. 2004. *Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет.

Григорьев А.П. 2006. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация. *Тюркологический сборник* 2005, 74—142.

Джувейни Ата-Мелик 2004: Харитонова Е.Е. (пер.). 2004. *Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни*. Москва: Магистер-Пресс.

Еманов А.Г. 2018. *Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII—XV вв.* Санкт-Петербург: Алетейя.

Еманов А.Г., Попов А.И. 1988. Итальянская торговля на Черном море в XIII—XV вв. В: Королев В.Н. (отв. ред.). *Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Ростов-на-Дону: РГПИ, 75—83.

Золотая Орда в источниках 2009: Храпачевский Р.П. (пер. с кит., сост., ввод. ст., коммент.). 2009. *Золотая Орда в источниках*. Т. III: *Китайские и монгольские источники*. Москва: Наука.

Кабус-намэ 1953. Бертельс Е.Э. (пер.). 1953. *Кабус-намэ*. Москва: АН СССР.

Калан Э. 2012. *Улус Джучи (Золотая Орда) и страны Востока: торгово-экономические взаимоотношения во второй половине XIII—XIV вв.* Казань: Яз.

Карпов С.П. 1990. *Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.: проблемы торговли.* Москва: МГУ.

Каштанов С.М. 1970. *Очерки русской дипломатики.* Москва: Наука.

Книга Марко Поло 1997: Минаев И.П. (пер)., Горнунг М.Б. (вступ. ст., коммент). 1979. *Книга Марко Поло*. Москва: Мысль, 190—380.

Курат А.Н. 2015. Тюркские племена и государства в Поволжье и Северном Причерноморье в IV—XVIII вв. В: Каримов Ю.Н., Балтаев Л.Б., Исмагилов М.Р. (пер.), Миргалеев И.М. (отв. ред.). *Собрание сочинений.* Кн. 2. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Лысенко Ю.А. 2019. Проблема безопасности торговых караванов в российско-казахских отношениях первой половины XIX в. *Былые годы* 1, 138—148.

Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани 1976: Али-заде А.А. (крит. текст, пред. и указ.). *Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней)*. Т. II. Москва: Наука.

Перо Тафур 2006: Масиель Санчес Д.К. (пер., пред. и коммент.). Тафур Перо. *Странствия и путешествия*. Москва: Индрик.

Пириев В.З. 1988. О некоторых вопросах государственного устройства при хулагуидах и джалаиридах (по материалам «Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб» Мухаммада ибн Хиндушаха Нахчивани). В: *Советское востоковедение: проблемы и перспективы*. Москва: Наука, 197—203.

Рашид ад-Дин 1946: Арендс А.К. (пер.), Струве В.В. (отв. ред.). 1946. Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. III. Москва; Ленинград: АН СССР.

Рашид ад-Дин 1960: Верховский Ю.П. (пер., прим.), Панкратов Б.И. (прим.), Петрушевский И.П. (ред.). 1960. Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. II. Москва; Ленинград: АН СССР.

Рашид ад-Дин 1971: Фалина А.И. (пер., введ., коммент.). 1971. Рашид ад-Дин. *Переписка*. Москва: Наука.

Сейтумеров Ш.С. 2020. «Некоторые из вас странствуют по земле в поисках милостей Аллаха». О караван-сараях Крыма. В: Миргалеев И.М. (сост. и ред.). *Оазисы шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии: материалы VI Международного Золотоордынского Форума «Pax Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды», круглого стола «“Via Tatarica”: Золотая Орда на Великом Шелковом пути» (Казань, 26—28 июня 2019 г.)*. Москва: Исламская книга; Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 334—347.

Тизенгаузен В.Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. I. *Извлечения из сочинений арабских.* Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.

Усманов М.А. 1979. *Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв.* Казань: Казанский университет.

Фаверо М. 2018. Как султан мамлюков обращался к хану Золотой Орды. Формуляр писем и правила их составления. *Золотоордынское обозрение*. Т. 6. № 1, 41—84.

Халфин Н.А. 1974. *Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.)*. Москва: Наука.

Хаутала Р. 2019. *В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313—1341)*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Хафиз Абру 2011: В: Талышханов Э.Р. (пер., пред., коммент., прим. и указ.), Миргалеев И.М. (отв. пред.). 2011. Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи). *Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида»)*. Казань: ЯЗ.

Хожение за три моря 1986: Лурье Я.Я., Семенгов Л.С. (подгот. к изд.). 1986. Хожение за три моря Афанасия Никитина. Ленинград: Наука.

Храпачевский Р.П. 2019. *«Анналы Хубилая», главный источник по истории правления первого императора династии Юань (цзюани 4-17 «Юань ши»)*. Москва: ЦИВОИ.

Шостак В. 1850. *История черноморской торговли в средних веках*. Ч. I. Одесса: Типография Л. Китчи.

Allsen T.T. 1989. Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200—1260. *Asia Major*. Ser. 3. 2 (2), 83—126.

Björkman W. 1991. Diplomatique. Classical Arabic. In: *Encyclopedie de l’Islam*. Vol. II. Leiden: Brill, 301—307.

Busse H. 1991. Diplomatique. Perse. In: *Encyclopedie de l’Islam*. Vol. II. Leiden: Brill, 301—313.

Cleaves F.W. 1953. The Anonymous Scribal Note Pertaining to The Bicig of Otemis. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 16. Iss. 3/4, 478—486.

Di Cosmo N. 2005. Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts. In: Amitai R., Biran M. (eds.). *Mongols, Turks and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World.* Leiden; Boston: Brill (Brill’s Inner Asian Library II), 391—424.

Fekete L. 1977. *Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente. Aus dem Nachlaß des Verfassers herausgegeben von G. Hazai*. Budapest: Akademiai Kiadó.

Endicott-West E. 1989. Merchant Associations in Yuan China: The Ortoy. *Asia Major.* Ser. 3. 2 (2), 127—156.

Hammer-Purgstall J. Von 1840. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A. Hartleben’s Verlag.

Kolodziejczyk D. 2011. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th—18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents.* Leiden; Boston: Brill.

Wing P. 2014. “Rich in goods and abounding in wealth”: the Ilkhanid and post-Ilkhanid ruling elite and the politics of commercial life at Tabriz, 1250—1400. In: Pfeieffer J. (ed.). *Politics, Patronage and the Transmission of Knowlrdge in 13th—15th Century Tabriz*. Leiden; Boston: Brill, 301—320.

References

Abdrakhmanov, K.A. 2021. In *Ural’skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 1, 146—153 (in Russian).

Abzalov, L.F., Gatin, M.S., Mustakimov, I.A., Pochekaev, R.Yu. 2022. In *Mongolovedenie (Mongolian Studies)*. Vol. 14. No. 1, 130—155 (in Russian).

Abu Bakr al-Kutbi al-Akhari 1984: Kyazimov, M.D., Piriev, V.Z. (transls.). 1984. Abu Bakr al-Kutbi al-Akhari. *Tarikh-i sheykh Uveys (Istoriya sheykha Uveysa) (History of Sheikh Uways)*. Baku: Elm (in Russian).

Abul'-Faradzh 1961: Belov, A., Vilsker, L. (transls.). 1961. Abul'-Faradzh. *Kniga zanimatel'nykh istoriy (Book of entertaining stories)*. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury (in Russian).

al-'Aufi 2005: Beysembiev, T.K. (intr., transl. comments, app., index). 2005. al-'Aufi Sadid ad-Din Mukhammad. *Dzhavami al-khikayat va lavami ar-rivayat («Sobranie rasskazov i blestyashchie istorii»). Sokrovishcha vostochnoy mudrosti (Treasures of the wisdom of the Orient*. Alma-Ata: Print-S (in Russian).

Grigor'ev, A.P. 1978. *Mongol'skaya diplomatika 13—14 vv. (Chingizidskie zhalovannye gramoty). (Mongolian diplomacy of the 13th—14th cc. (Genghisid charters)).* Leningrad: Leningradskiy universitet (in Russian).

Grigor'ev, A.P. 2004. *Sbornik khanskikh yarlykov russkim mitropolitam: Istochnikovedcheskiy analiz zolotoordynskikh dokumentov (Collection of khans' yarighs to Russian metropolitans: Source study analysis of the Golden Horde documents.* Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy universitet (in Russian).

Grigor'ev, A.P. 2006. In *Tyurkologicheskiy sbornik (Turkological collection)* 2005, 74—142 (in Russian).

Juvaini Ata-Melik 2004: Kharitonova, E.E. (transl.). 2004. Juvaini Ata-Melik. *Chingiskhan. Istoriya zavoevatelya mira, zapisannaya Ala-ad-Dinom Ata-Melikom Dzhuvejni* (*Genghis Khan. The history of the conqueror of the world, recorded by Ala-ad-Din Ata-Melik Juveini)*. Moscow: Magister-Press (in Russian).

Emanov, A.G. 2018. *Mezhdu Polyarnoy zvezdoy i Poludennym Solntsem: Kafa v mirovoy torgovle XIII—XV vv. (Between the Pole Star and Meridional Sun: Caffa in the world trade of 13th—15th cc.).* Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).

Emanov, A.G., Popov, A.I. 1988. In: Korolev, V.N. (ed.). *Torgovlya i moreplavanie v basseyne Chernogo morya v drevnosti i srednie veka (Trade and navigation in the Black Sea basin in the Ancient Times and Medieval Age).* Rostov-on-Don: RGPI, 75—83 (in Russian).

Zolotaya Orda v istochnikakh 2009: Khrapachevskiy, R.P. (transl. from Chin., intr., comments). 2009. *Zolotaya Orda v istochnikakh (The Golden Horde in sources).* Vol. III. *Kitayskie i mongol'skie istochniki (Chinese and Mongolian sources)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Kabus-name 1953: Bertels, E.E. (transl., article and comments). 1953. *Kabus-name (Qabus-nama)*. Moscow: AN SSSR (in Russian).

Kalan, E. 2012. *Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda) i strany Vostoka: torgovo-ekonomicheskie vzaimootnosheniya vo vtoroy polovine XIII—XIV vv. (Jochi Ulus (Golden Horde) and states of the Orient: trade economic relations in the second half of 13th—14th cc.).* Kazan: Yaz (in Russian).

Karpov, S.P. 1990. *Ital'yanskie morskie respubliki i Yuzhnoe Prichernomor'e v XIII—XV vv.: problemy torgovli (Italian maritime republics and Southern Black Sea Region in 13th—14th cc.: problems of the trade).* Moscow: MGU (in Russian).

Kashtanov, S.M. 1970.*Ocherki russkoy diplomatiki (Essays of Russian diplomacy).* Moscow: Nauka (in Russian).

Kniga Marko Polo 1997: Minaev, I.P. (transl.), Gornung, M.B. (intr., comm.). 1997. *Kniga Marko Polo (Book of Marco Polo).* Moscow: Mysl', 190—380 (in Russian).

Kurat, A.N. 2015. Tyurkskie plemena i gosudarstva v Povolzh'e i Severnom Prichernomor'e v IV—XVIII vv. (Turkic tribes and state in Volga Region and Northern Black Sea region of 4th—18th cc.). In: Karimov, Yu.N., Baltaev, L.B., Ismagilov, M.R. (transls.), Mirgaleyev, I.M. (ed.). *Sobranie sochineniy (Collected works).* Bk. 2. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT (in Russian).

Lysenko, Yu.A. 2019. In *Bylye gody* 1, 138—148 (in Russian).

Mukhammad ibn Khindushakh Nakhchivani 1976: Ali-zadeh, A.A. (text, intr., index). 1976. Mukhammad ibn Khindushakh Nakhchivani. *Dastur al-katib fi ta'yin al-maratib (Rukovodstvo dlya pistsa pri opredelenii stepeney) (A Scribe's Guide to Determining Degrees).* Vol. II. Moscow: Nauka (in Russian and Persian).

Pero Tafur 2006: Masihel Sanchez, D.K. (transl.). Tafur, Pero. *Stranstviya i puteshestviya (Wanderings and travels)*. Moscow: Indrik (in Spanish and Russian).

Piriev, V.Z. 1988. In *Sovetskoe vostokovedenie: problemy i perspektivy (Soviet Oriental Studies: problems and prospects)*. Moscow: Nauka, 197—203 (in Russian)

Rashid ad-Din 1946: Arends, A.K. (transl.), Struve, V.V. (ed.). 1946. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey (Compendium of chronicles)*. Vol. III. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Rashid ad-Din 1960: Verkhovskiy, Yu.P. (transl.), Verkhovskiy, Yu.P. , Pankratov, B.I. (comm.), Petrushevskiy, I.P. (ed.). 1960. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey (Compendium of chronicles)*. Vol. II. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Rashid ad-Din 1971: Falina, A.I. (transl., intr. and comm.). 1971. Rashid ad-Din. *Perepiska (Correspondence)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Seytumerov, Sh.S. 2020. In: Mirgaleev, I.M. (ed.). *Oazisy shelkovogo puti: istoricheskie istoki integratsionnykh protsessov v Evrazii: materialy VI Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo Foruma "Pax Tatarica: genezis i nasledie gosudarstvennosti Zolotoy Ordy", kruglogo stola ""Via Tatarica": Zolotaya Orda na Velikom Shelkovom puti» (Kazan', 26—28 iyunya 2019 g.) (Oases of the Silk Road: the historical origins of integration processes in Eurasia: materials of the 6th International Golden Horde Forum "Pax Tatarica: the genesis and legacy of the statehood of the Golden Horde", round table ""Via Tatarica": the Golden Horde on the Great Silk Road» (Kazan, June 26—28 2019)).* Moscow: Islamskaya kniga; Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 334—347 (in Russian).

Tiesenhausen, V.G. 1884. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy (Collection of materials related to the history of the Golden Horde).* Vol. I. *Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh (Extracts from the Arabian sources).* Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk (in Russian and Arabian).

Usmanov, M.A. 1979. *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV—XVI vv. (Granted acts of the Jochi Ulus of 14th—16th cc.).* Kazan: Kazanskiy universitet (in Russian).

Favereau, M. 2018. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review*). Vol. 6. No. 1, 41—84 (in Russian).

Khalfin, N.A. 1974. *Rossiya i khanstva Sredney Azii (pervaya polovina XIX v.) (Russia and khanates of the Central Asia (first half of the 19th c.)).* Moscow: Nauka (in Russian).

Hautala, R. 2019. *V zemlyakh "Severnoy Tartarii": Svedeniya latinskikh istochnikov o Zolotoy Orde v pravlenie khana Uzbeka (1313—1341) (In lands of the "Northern Tartary": Information of the Latin sources on the Golden Horde during the reign of khan Uzbek (1313—1341))*. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT (in Latin and Russian).

Khafiz Abru 2011: Alyshkhanov, E.R. (transl., intr., comments, index), Mirgaleyev, I.M. ed.). 2011. Khafiz Abru (Shikhab ad-Din Abdallakh ibn Lutfallakh al-Khavafi). *Zayl-i Dzhami at-tavarikh-i Rashidi («Dopolnenie k sobraniyu istoriy Rashida») ("Appendix to the Compendium of chronicles by Rashid")*. Kazan: YaZ (in Russian).

Khozhenie za tri morya 1986: Lur'ye, Ya.Ya, Semenov, L.S. (comp.). 1986. *Khozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina (Journey Beyond Three Seas by Athanasius Nikitin)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Khrapachevskiy, R.P. 2019. *"Annaly Khubilaya", glavniy istochnik po istorii pravleniya pervogo imperatora dinastii Yuan' (tszyuani 4-17 «Yuan' shi») ("Annals of Khubilai", basic source on the history of reign of the first emperor of the Yuan dynasty (chapters 4-17 of "Yuan Shih")).* Moscow: CIVOI (in Russian).

Shostak, V. 1850. *Istoriya chernomorskoy torgovli v srednikh vekakh (History of the Black Sea trade during the Medieval Age).* Pt. I. Odessa: Tipografiya L. Kitchi (in Russian).

Allsen, T.T. 1989. Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200—1260. *Asia Major*. Ser. 3. 2 (2), 83—126.

Björkman, W. 1991. Diplomatique. Classical Arabic. In: *Encyclopedie de l'Islam*. Vol. II. Leiden: Brill, 301—307.

Busse, H. 1991. Diplomatique. Perse. In: *Encyclopedie de l'Islam*. Vol. II. Leiden: Brill, 301—313.

Cleaves, F.W. 1953. The Anonymous Scribal Note Pertaining to The Bicig of Otemis. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 16. Iss. 3/4, 478—486.

Di Cosmo, N. 2005. Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts. In: Amitai, R., Biran, M. (eds.). *Mongols, Turks and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World.* Leiden; Boston: Brill (Brill's Inner Asian Library II), 391—424.

Fekete, L. 1977. *Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente. Aus dem Nachlaß des Verfassers herausgegeben von G. Hazai*. Budapest: Akademiai Kiadó.

Endicott-West, E. 1989. Merchant Associations in Yuan China: The Ortoy. *Asia Major.* Ser. 3. 2 (2), 127—156.

Hammer-Purgstall, J. Von 1840. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag.

Kolodziejczyk, D. 2011. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th—18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents.* Leiden; Boston: Brill.

Wing, P. 2014. "Rich in goods and abounding in wealth": the Ilkhanid and post-Ilkhanid ruling elite and the politics of commercial life at Tabriz, 1250—1400. In: Pfeieffer, J. (ed.). *Politics, Patronage and the Transmission of Knowlrdge in 13th—15th Century Tabriz*. Leiden; Boston: Brill, 301—320.

УДК 94(315), 94(392)
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.61.68.016

Д.П. Шульга, Д.А. Ющенко, Н.М. Тернов

СРАВНЕНИЕ КИТАЙСКОГО И МОНГОЛЬСКОГО ОПЫТА ОТНОШЕНИЙ С ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИЕЙ*

Цель исследования — сопоставить историю взаимоотношений раннесредневековых государств Китая и Восточной Римской империи с политикой монголов в отношении ромейских государств, выявить общее. Источниками стали археологические материалы (монеты и их имитации, предметы искусства с территории Китая и Монголии), эпиграфика из погребений несториан империи Юань, данные китайских нарративных источников о «Великой Цинь и Фулинь», а также упоминания о монгольских взаимоотношениях с ромейскими государствами в работах средневековых авторов из Передней Азии. Несмотря на довольно активные взаимоотношения китайских царств и империй (а также их северных соседей-скотоводов) с Восточной Римской империей в раннем средневековье, в отечественной литературе эта тема не слишком широко представлена. На основании археологических и нарративных источников можно сделать вывод о многочисленных параллелях в восприятии Византии с одной стороны китайцами, а с другой — монголами. Вероятно, одной из причин весьма терпимого отношения Чингизидов к ромеям было распространение несторианства (традиционно ассоциировавшегося в Китае с «Великой Цинь», т.е. Римской империей и её преемниками) к северу от Хуанхэ (в т.ч. в империи Юань в XIV в.). Как китайцы в эпохи Наньбэйчао, Суй и Тан, так и монголы в XIII—XIV вв. были за редким исключением положительны настроены к Восточной Римской империи (и её осколкам вроде Трапезунда и Никеи). При этом, из-за общей границы и высокого военного потенциала Чингизидов последние выступали в этом «союзе» как «старшая» сторона.

Ключевые слова: Византия, Восточная Римская империя, Наньбэйчао, Суй, Тан, Хулагуиды, Великий Шёлковый путь, солиды, брактеаты, империя Юань, Азак.

Сведения об авторах: Шульга Даниил Петрович[1], кандидат исторических наук, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Ющенко Дарья Александровна[2], Фонд развития социального и гуманитарного знания «Логос»; Тернов Николай Максимович[3], Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва.

Контактная информация: [1]630102, Россия, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; e-mail: alkaddafa@gmail.com; [2]630009, Россия, г. Новосибирск, ул. Добролюбова 18, Фонд развития социального и гуманитарного знания «Логос»; e-mail: yuschenko.d@gmail.com; [3]010000, Казахстан, г. Астана, ул. Янушкевича 6, Евразийский национальный университет им Л.Н. Гумилёва; e-mail: ternovnm@yandex.ru.

D.P. Shulga, D.A. Iushchenko, N.M. Ternov

THE COMPARISON OF CHINESE AND MONGOLIAN EXPERIENCE IN RELATIONS WITH THE EASTERN ROMAN EMPIRE

The purpose of the study is to compare the history of relations between the early China's medieval states and the Eastern Roman Empire with Mongols' policy in relation to the Roman states, and to identify the similarities. The most important sources include the archaeological materials (coins and their imitations, art

* Статья поступила в номер 21 мая 2022 г.
Принята к печати 11 июня 2022г.

© Д.П. Шульга, Д.А. Ющенко, Н.М. Тернов, 2022.

objects from the territory of China and Mongolia), epigraphy from the Yuan Empire Nestorians burials, Chinese narrative sources data about the “Great Qin and Fulin” as well as references to Mongolian relations with the Roman states work of medieval authors from Asia Minor. Despite the active relationship of the Chinese kingdoms and empires (as well as their northern neighbors, herders) with the Eastern Roman Empire in the early Middle Ages this topic is not widely studied in Russian literature. Meanwhile, on the basis of archaeological and narrative sources (and their mutual criticism) it can be concluded that there are numerous parallels in perception of Byzantium, on the one hand, by the Chinese, and on the other, by the Mongols. Probably one of the reasons for Chingizids very tolerant attitude towards the Romans was the Nestorianism spread (traditionally associated in China with the “Great Qin”, that is the Roman Empire and its successors) north of the Yellow River (including in the Yuan Empire in the 14th c.). Both Chinese in the era of Nanbeichao, Sui and Tang, and the Mongols in the 13th — 14th cc. were (with a few exceptions) positively disposed towards the Eastern Roman Empire (and its fragments like Trebizond and Nicaea). At the same time, of course, due to the common border and Chingizids’ high military potential the latter acted as the “senior” side in this “alliance”.

Key words: Byzantium, Eastern Roman Empire, Nanbeichao, Sui, Tang, House of Hulagu, Great Silk Road, solidi, bracteates, Yuan empire, Azak.

About the authors: Shulga Daniil Petrovich[1], PhD (History), Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Iushchenko Daria Aleksandrovna[2], Foundation for the Development of Social and Humanitarian Knowledge “Logos”; Ternov Nikolai Maksimovich[3], L.N. Gumilyov Eurasian National University.

Contact information: [1]630102, Russia, Novosibirsk, 6 Nizhegorodskaya St., Siberian Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; e-mail: alkaddafa@gmail.com; [2]630009, Russia, Novosibirsk, 18 Dobrolyubova St., Logos Foundation; e-mail: yuschenko.d@gmail.com; [3]010000, Kazakhstan, Astana, 6 Yanushkevich St., L.N. Gumilyov Eurasian National University; e-mail: ternovnm@yandex.ru.

Взаимоотношения Поднебесной с Византийской империей являются логическим продолжением римско-ханьских контактов (Bueno 2016) по Великому Шёлковому пути[1] (Campbell 2016).

В современной историографии ВШП чаще всего понимается как китаецентричное явление, что не вполне правомерно. Хотя шёлк действительно поставляли из Срединного государства, но роль античного Средиземноморья в общем культурном и экономическом объёме была практически равновеликой. Примечателен тот факт, что взлёт Рима (за точку отсчёта можно взять 201 г. до н.э. — победу во Второй Пунической войне) хронологически близок к долговременному объединению Китая династией Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.). Вполне естественно, что после обретения гегемонии в Средиземноморье Рим стал всё более включаться в международную торговлю, появлялась прослойка чрезвычайно богатых людей, способных платить за импортные товары огромной стоимости. Иными словами, времена, когда консул Регул жаловался на запустение в своём имении в восемь югеров (пусть даже этот факт может быть преувеличен), ушли в прошлое. Шёлковые знамёна были у М. Лициния Красса, шёлковые ткани охотно демонстрировал Г. Юлий Цезарь (Гунн Инъянь 2001). В 30 г. до н.э. Египет превратился в провинцию, Рим стал империей. Первые двести лет имперского периода (многочисленные и колоссальные состояния, приобретённые во время войн; мир и стабильность в Средиземноморском регионе; строительство дорог и портов; укрепление связей между различными регионами, а также развитие мореходства, в т.ч. новые знания о муссонах) — позволили вести масштабную торговлю со странами Востока (Temin 2013: 11). Немалая часть жителей восточных провинций были носителями весьма своеобразной культурной

[1] Далее — «Шёлковый путь», «ВШП».

традиции, которую уместно назвать *эллинистической* (на стыке классической греческой, египетской, иранской и семитской)[2].

Высокий спрос на роскошь (в том числе — в провинциях) стал движущей силой для процветания римской торговли и развития её по Шёлковому пути в этот период. Древний Шёлковый путь соединял большинство районов Евразии и Северной Африки и являлся культурно-экономическим звеном между Востоком и Западом (Ду Сяоцинь 2017; Гэ Чэнъюн 2018). При этом различные отрезки Пути отличались, как минимум, в культурном отношении, принадлежали к различным политическим образованиям, часть их была зависима от Рима и Хань, часть — нет. О наличии прямых контактов между двумя державами до сих пор ведутся споры. Зачастую роль посредника выполняли иранские государства — Парфия и государство Сасанидов (Ван Саньсань 2018). Коммерческие связи между Хань и Римской империей (в крайней западной точке Великого шёлкового пути) обеспечивали выходцы из Египта, Аравии, Индии, Парфии и Центральной Азии (Чэнь Сывэй 2018). Интересным событием в римско-китайских отношениях отмечено путешествие около 100 г. н.э. Маэса Титиана (Maes Titianus[3]), выходца с территории Македонии, который, весьма вероятно, достиг Западного Китая. Скорее всего, путь его каравана пролегал через Геллеспонт, Иераполь, Экбатану, Гирканию, Маргиану и Бактрию. Точных данных о том, что купцы из Средиземноморья достигли Лояна, нет. Территория Синьцзяна на тот момент была в вассальной зависимости от Хань. О том, что Титиан всё же достиг Китая, косвенно упоминается в «Хоу Ханьшу» (后汉书, «История Поздней Хань»; составил хронику в V в. н.э. историк Фань Е) и иных источниках (Сюй Годун 2014: 122).

Торговля с Востоком со стороны Римской империи осуществлялась разными маршрутам и по суше (Freewalt 2014), и по морю: зачастую — через Красное море, Переднюю и Среднюю Азию, либо через Персидский залив в Аравийское море и Индийский океан (Ван Айху 2015; Чэнь Сывэй 2018). Экономический обмен Римской империи с Востоком оказал на её народы и большое социокультурное воздействие, повлиял на образ жизни римлян, расширил их представления о Китае (Hoppal 2011; 2016).

Не секрет, что причины упадка Римской империи до сих пор вызывают множество учёных дискуссий. В отечественной и европейской исследовательской среде часто в качестве основных причин кризиса III в. н.э. называются внутренние военные, политические и экономические проблемы. При этом часто вне зоны рассмотрения оказывается роль международной трансазиатской торговли. Конечно, на настоящее время в Китае ряд исследователей, пожалуй, преувеличивает влияние Шёлкового пути на внутреннее положение в Римской империи (Сюй Годун 2014), но их наработки могут информационно обогатить русскоязычных историков, изучающих позднюю античность (Ян Гунлэ 2011: 70).

---

[2] При употреблении терминов «римский» и «римляне» в контексте темы имеется в виду скорее политическая, а не этнокультурная принадлежность (Ян Цзюнпин 2007; Ван Саньсань 2018).

[3] Если путешествие Титиана является довольно спорным, то другие, пусть и косвенные контакты дипломатического характера доказуемы. В 97 г. н.э. полководец и наместник Западного края Бань Чао направил Гань Ина с дипломатической миссией в «Великую Цинь», т.е. в Рим. Гань Ину удалось добраться до Передней Азии. Однако, его, вероятно, осознанно ввели в заблуждение, напугав тяготами дальнейшего маршрута, и он вынужден был вернуться назад.

В 174 г. до н.э. отлично известные в Хань юэчжи, отступившие на территорию Бактрии после поражения от сюнну, на руинах восточных эллинистических царств основали государство, известное как Кушанское царство (Шульга и др. 2020b). Постепенно под контролем кушанских царей оказались важные морские торговые пути, связывавшие Индию с римским Египтом. Прямые политические контакты между Кушанским царством и Римской империей были установлены в начале II в. н.э. Послы царя Вимы Кадфиса (102—127 гг. н.э.) посетили Рим, по-видимому, в 106 г. н.э. во время 123-дневного празднования императором Траяном (98—117 гг.) победы над Дакией. Целью визита, как полагает автор, скорее всего, являлось заключение союза против Парфии, с которой обе державы находились во враждебных отношениях (McLaughlin 2016: 85).

Кризисы Римского государства (и это справедливо уже для периода республики) не в последнюю очередь связаны с культом роскоши среди «верхушки» общества (в том числе — императорской семьи), уходом от традиционной «простоты нравов» вследствие изменения экономической системы в процессе завоеваний. Сложно оспорить тот факт, что под руководством таких экстравагантных правителей, как, например, Калигула (37—41 гг. н.э.) или Нерон (54—68 гг. н.э.), имущие слои общества погружались в атмосферу удовольствий и расточительства[4]. Считается, что шёлковая одежда входит в моду и становится признаком высокой состоятельности со времён Г. Юлия Цезаря (100—44 гг. до н.э.). Однако на рубеже республиканского и имперского периодов Римского государства, в I в. до н.э., по мере развития торговли количество людей, способных позволить себе одежду из этой ткани, росло. Уже второй принцепс, Тиберий (14—37 гг. н.э.), вводит ограничение на ношение шёлковых одежд для женщин, и полный запрет — для мужчин. Объяснялось это тем, что излишняя роскошь вредит нравам. Впрочем, никаких кардинальных изменений не последовало. Потребление «*seres*» росло, шёлковые ткани всё чаще украшали храмы, обработка (в том числе — окрашивание) восточных тканей с большим размахом велась в восточноримских городах Тир и Сидон в Леванте. Постепенно шёлк становился всё более распространённым, и уже не только аристократы могли его иметь. Основная причина тому — расширение торговых связей между *Сересом* (так называли римляне Китай и шёлк) и *Дацинь*[5] (大秦，так именовали китайцы Рим) (Хуан Хуанминь 2012: 102).

Борьба с шёлковыми тканями велась и со стороны властей, начиная с постановлений сената 16 г. н.э., заканчивая эдиктами Аврелиана (270—275 гг. н.э.), и со стороны мыслителей, особенно — стоиков. Последние клеймили моду на иноземные ткани как признак вырождения, излишеств и изнеженности. Наиболее яркую критику мы видим у Сенеки, осуждающего тех, кто тратит огромные суммы на товары из стран, неведомых римлянам; а в этом нет никакой необходимости (Сюй Годун 2014: 126). Между тем по ценности ткани из Китая уравнивались с золотом, ибо служили примерно тем же целям — накоплению богатств и демонстрации своего достатка. Хотя, по мнению сторонников классической простоты, шёлк «наносил» колоссальный моральный вред Риму, его «победное шествие» по империи продолжалось. Во-первых, продолжалось накопление богатств рабовладельческой верхушкой, которая в условиях товарного хозяйства могла легко получить за свою аграрную продукцию «монету» (Scheidel 2008: 28—35), тратя её на собственные прихоти. Во-вторых, синхронно с эпохой поздней республики и принципата в Китае правила весьма стабильная династия Хань, обеспечивающая спрос на шёлк на западе в «Дацинь».

Однако экономический обмен «запад-восток» породил проблему: торговый баланс Рима стал отрицательным, то есть драгоценные металлы уходили из империи, что в перспективе отчасти спровоцировало кризис III в. н.э. Таким образом, активный импорт китайского шёлка, с одной стороны, имел негативные последствия для Рима: монета уходила за рубеж; средства вкладывались не в развитие производства, а тратились на покупку «диковин»; в ряде случаев усиливалась эксплуатация рабов; культ воинственности в римском обществе стал отходить на второй план, тем самым понижался мобилизационный потенциал. В то же время, Шёлковый путь «сблизил» две величайшие державы мира: они, хоть и косвенно-опосредованно, но составили друг о друге представление, и подчас оно было довольно

[4] Уместно вспомнить ещё политику Августа (27 г. до н.э. — 14 г. н.э.) по поддержанию рождаемости; более раннюю программу Катилины, который среди прочего хотел списать долги.

[5] Справедливости ради необходимо заметить, что ряд исследователей, например, выдающийся ученый Ф. Хирт считал, что данный топоним означал в Китае не всю Римскую империю, а только её восточные провинции, например, Сирию (Hirth 1913).

точным в деталях. Например, в упоминавшейся «Хоу Ханьшу» сообщается, что территория *Дацинь* простирается на тысячи ли (里 «ли» — мера длины, равная примерно 0,5 км); на всей этой территории есть почтовые станции, а также более четырёхсот городов с оборонительными стенами из камня. Китайцам было известно, что у Рима есть целый ряд зависимых государств. Описана своеобразная система власти эпохи принципата, когда правитель становился таковым не по праву наследования, а избирался как наиболее достойный (Żuchowska 2015). Это не вполне соотносится с римскими реалиями, но та чёткая грань, которую римляне ставили между терминами *rex и princeps* показывает, что рациональное зерно в понимании китайцев есть. Вообще Рим в «Хоу Ханьшу» предстаёт некоторым эквивалентом Поднебесной на западе, где люди напоминают китайцев, живя в порядке и довольствии. На это же указывает и наименование «Великая Цинь». Этот топоним можно назвать попыткой «китаизировать» Римскую империю, сопоставив её с одной из великих династий Поднебесной. Династия Цинь, которая объединила царства Центральной равнины во второй половине III в. до н.э., сыграла решающую роль в трансформации Китая в единую империю. «Дацинь» дословно переводится как «Великая Цинь». Очевидно, семантика данного топонима была примерно следующей: «Великое государство на западе, подобное Китаю» (ассоциации с западом проистекали из того факта, что исторически династия Цинь происходила с западных рубежей Поднебесной). Аналогичная ситуация с топонимом «Дася», обозначающим Бактрию, центр Кушанского царства. Ся (夏) — полулегендарная первая династия, правившая по традиционной хронологии в III — первой половине II тыс. до н.э.

Несмотря на падение Западной Римской империи в V в. н.э., Восточная империя продолжила торговать с Китаем (Freewalt 2015), который в III в. н.э. вступил в полосу кризиса и распада (Ян Гуаньхуа 2016: 8). О торговых связях этого времени свидетельствуют находки монет Юстина, Анастасия и других государей Константинополя в погребениях на территории КНР и Монголии.

На территории КНР встречаются монеты (и их имитации) Восточной Римской империи[6] с изображениями императоров от Феодосия II Каллиграфа[7] (408—450 гг. н.э.) до Константина V Копронима[8] (741—775 гг. н.э.) (Li Qiang 2015). Вероятно, именно солиды Исаврийской династии завершили длившуюся несколько веков традицию использования ромейского золота на Шёлковом пути.

Очевидную роль сыграли арабские завоевания, из-за которых политическая карта Евразии сильно изменилась. Восточная Римская империя получила серьёзный удар, так что монет басилевсов второй половины VII — начала VIII вв. в КНР не известно. Серебряные монеты халифата постепенно занимают свое место в международной торговле (общеизвестно, что значительное их количество находят вплоть до Скандинавии).

Впрочем, сводить всё к арабскому завоеванию вряд ли правомерно. В V—VI вв. между Поднебесной и Византией также пролегало сильное государство со стабильной серебряной валютой — Сасаниды. Персы также, как и арабы, штурмовали Константинополь (626 г.),

[6] Исследование собственно монет Восточной Римской империи в Китае не является темой нынешнего исследования, подробнее по данной теме см. (Шульга 2020a: 104—112; 2020b: 774—788).

[7] Интересен факт, что именно при этом государе руководителем церкви в Константинополе на некоторое время стал Несторий, учение которого вызвало большую дискуссию, и в итоге послужило толчком для распространения христианства в степи Евразии и на Дальний Восток (Ян Гунлэ 2011).

[8] При этом, если обратиться к истории изучения византийской нумизматики в Китае, то одной из первых находок стала именно монета Константина V, обнаруженная в 1897 г. в Синьцзяне. Касательно нее есть некоторые вопросы. Ли Цян считает, что это копия солида (Li Qiang 2015: 280), в то время как Ло Фэн указывает данную находку как оригинал (Ло Фэн 2004: табл. 1).

занимая на время азиатские владения ромеев (в 542 г. Хосров Ануширван взял Антиохию, Хосров II в 614—619 гг. захватил Иерусалим, Египет, и даже Халкидон), однако солиды этого периода (а также их имитации) есть как в Китае, так и в Монголии (Шульга и др. 2020а). Отметим, что «серебряники» шахиншахов в Поднебесной и на сопредельных территориях также присутствуют (Го Юньянь 2006: 5).

Сражение при Пуатье 732 г. стало окончанием победного шествия мусульман в Европе, ускорив, очевидно, наступление кризиса и «Аббасидскую революцию» (747—750 гг.), а также дав основания в перспективе Каролингам официально занять сперва королевский (751 г.), а затем и императорский трон (800 г.). Битва при Таласе 751 г. с одной стороны, остановила продвижение китайского влияния в Среднюю Азию, с другой — положила предел арабским завоеваниям на востоке. Все эти события от Испании до Северного Тянь-Шаня напрямую влияли на Византию и Тан. Восстание Ань Лушаня (755—763 гг.) стало началом для целого столетия смут, войн и мятежей. Экономический потенциал Поднебесной упал, нанеся определённый урон и международной торговле. В Восточной Римской империи на время восторжествовало иконоборчество. Естественно, для Средней Азии и Дальнего Востока это не имело особого значения, но из-за религиозной политики Исаврийской династии наметился раскол между Западной Европой и Константинополем, что несколько уменьшило влияние Византии и в раннесредневековой мировой экономике (а также позволило появиться зачастую враждебному центру силы в лице «Императора Запада» и папства). Указанные выше события, помимо прочего, указывают на прямую связь между событиями, происходившими от побережья Тихого океана до африканских берегов Атлантики.

Так или иначе, и Китай, и Восточная Римская империя вышли из полосы кризисов. В Византии утвердилась Македонская династия (867—1056 гг.) и Комнины (с перерывами, 1057—1185 гг.), а в Поднебесной — Северная Сун (960—1127).

Принципиальная возможность найти солиды в китайских памятниках XI—XII вв. существует[9]. По-видимому, в 1081 г. послы Восточной Римской империи оказались при дворе Шэнь-цзуна, а в 1091 г. было отправлены ответные посольства (судя по тексту «Истории Сун», 宋史, завершённой к 1345 г.). На данный момент среди исследователей идёт дискуссия, были ли послы из Константинополя, или же происходили из сельджукских владений, захваченных у Византии (Liveri 2019).

На наш взгляд, ряд указаний в хронике заставляет склоняться к «восточно-римской» версии. *Во-первых*, фраза «они делают вино из винограда» скорее соотносится с христианской традицией, чем с исламской, тем более что сельджуки XI в. были весьма ревностными мусульманами (в т.ч. их политика по притеснению христианских паломников стала одной из причин Крестовых походов). *Во-вторых*, косвенным доказательством может служить указание, что жители Фулинь «в своих уголовных решениях различают серьезные и мелкие преступления. Легкие проступки наказываются несколькими десятками ударов бамбуком; тяжкие преступления до двухсот ударов». Возможно, перед нами своеобразное признание разработанности юридической системы, ведущей свое происхождение от римского права и систематизированной Юстинианом Великим. *В-третьих*, уж вовсе расходится с завоевательной политикой сельджуков фраза «они не настроены воевать с соседними странами и в случае небольших трудностей пытаются уладить дела по переписке; но, когда на карту поставлены важные интересы, они посылают армию». Восточная Римская империя XI в. как раз занимала скорее оборонительную позицию. *В-четвертых*, замечание «они отливали

[9] Впрочем, вряд ли подвергнется пересмотру тот факт, что «золотым веком» солида на Великом Шёлковом пути была эпоха правления императоров от Льва Макеллы (457—474 гг.) до Юстиниана I Великого (527—565 гг.) (Feltham 2009).

золотые и серебряные монеты без отверстий» явно указывает на византийскую традицию, так как серийных золотых монет мусульманские страны средневековья почти не знали, в отличие от ромеев (*Lin Ying 2005)*, чьи солиды, как мы уже указывали имели хождение в раннем средневековье по всему Шёлковому пути (Li Qiang 2016).

Династия Сун и сельджуки в XIII в. потерпят поражение от монголов, их территория попадёт под власть Чингизидов. Таким образом, возвысившиеся выходцы с северного китайского порубежья[10] наконец создали единое политическое пространство от Средиземного моря до Тихого океана.

История монголо-ромейских[11] взаимоотношений уникальна. Дело в том, что с большей частью народов Евразии Чингисхан и его потомки воевали (за редким исключением, одерживая одну победу за другой). Удивительно, но отношения монголов с государствами-наследниками Византии были связаны скорее с черноморской торговлей, чем с военной историей региона (Минжин 2014: 35). Ко второй четверти XIII в. территория Монгольской империи была разделена между чингизидами, причем деление «великого наследия» было традиционным для монголов задолго до прихода к власти Чингисхана. По этой же системе вся Золотая Орда была разделена на две части, или два крыла, они по сути являлись государственными объединениями. Территория от Дуная до Иртыша, которая находились под властью Бату — правое крыло, а от Сырдарьи на восток, под властью Орды, то есть старшего Чингизида Джучи — левое. Культурная традиция наделяла стороны альтернативными названиями — передней или основной стороной был юг, именно поэтому жилища у монголо-татар всегда стояли к нему лицом. Север задняя сторона, по этой же логике — восток — левая сторона, а запад — правая. Территория Бату находилась западнее ставки хана Орды и получила название правого крыла, а земли Орды — левого. По этой же традиции стороны «наградили» цветами. Юг — красный, север — черный, запад — белый, а восток — синий (Федоров-Давыдов 1973: 129). Государство фактически распалось и в его «крыльях» проводилась различная экономическая политика. Тем не менее, долгое время. Каракорум оставался основной или «каганской» столицей. Заселив территорию Северного Причерноморья-Приазовья, монголы частично ассимилировались с жившими здесь половцами, и название половецкой степи Дешт-и-Кипчак часто упоминается в источниках как непосредственное название территории орды (Лунин 1949: 83).

Появление новой объединяющей силы в Причерноморье привлекает внимание купеческий государств Италии[12]. Еще с начала XII в. между Венецией и Генуей началось ожесточенное политическое противостояние за торгово-экономическое господство in confinia mundi. По указания современников, территория рассматривалась как in faucibus inimicorum nostrorum, то есть под властью врагов. В 1169 г. Генуя опередила Венецию, ей удалось добиться для себя хрисовула от императора Византии Мануила I Комнина (1143—1180 гг.). Согласно договоренности, генуэзцы получили исключительное право на торговлю in Маге Maius, как называли Черное море «латиняне». В 1243 г. армия наследников Чингисхана

[10] Необходимо упомянуть, что на территории нынешней Монголии было найдено погребение с большим количеством имитаций ромейских солидов (Шульга и др. 2020а), так что косвенные связи между регионами существовали с раннего средневековья.

[11] Автор сознательно упоминает данный термин, т.к. единой Восточной Римской империи (синонимом которой и является наименование «Византия») к моменту появления монголов на рубежах Малой Азии не было. Никея, Трапезунд и Эпир, а также более мелкие владения вроде складывавшегося в Крыму княжества Феодоро, представляли собой отдельные части распавшегося ромейского мира.

[12] Естественным в контексте изучения истории отношений «Pax Romana» и «Pax Sinica» выглядит и анализ отношений постепенно сложившихся из руин Западной Империи итальянских республик с пришедшими с северных рубежей Китая монголами и их государствами.

вторглась в Малую Азию и нанесла сокрушительное поражение сельджукам, в результате чего турки окончательно утратили политическое единство. В то же время, с 1250 г., Иоанн III Дука Ватац (1221—1254 гг.) усилил давление на мусульманские бейлики, добившись некоторых успехов. Продолжатель дела своего тестя, Иоанн расширил пределы Никейской державы более чем вдвое, хотя ему не удалось осуществить главную задачу — вернуть Константинополь. Это стало делом Михаила VIII Палеолога (1259—1282 гг.), свергнувшего династию Ласкарисов. Однако, в контексте изменившихся международных отношений и расстановки сил в XIII в. императору было необходимо учитывать новые переменные — идти на компромиссы с окружающими Византию государственными объединениями.

Территория Причерноморья—Приазовья стала неотъемлемой частью мировой экономики в средневековье, включая экономику многих стран «Циркум-средиземноморской» зоны. Важнейшей составной частью черноморско-средиземноморской торговли была торговля в Азовском бассейне, которая обеспечивала выход на необъятные азиатские рынки. Торговая война между итальянскими морскими республиками в XIII в. закончилась победой Генуи. В 1261 г. Генуэзская республика заключила с никейским (а затем и константинопольским) императором Михаилом VIII Палеологом стратегически важный Нимфейский договор, согласно которому Генуя получала монопольное право торговли в Чёрном и Азовском морях. Безусловной заслугой императора можно назвать относительно стабильные отношения с улусами Орды. В 1265 г. широкие торговые полномочия у ордынского хана получили также купцы Венеции, Пизы, а в последующем и Генуи.

К этому времени — к XIII в. — Золотая Орда была разделена на 11 крупных улусов, которые, в свою очередь, делились на более мелкие административные единицы[13]. Территория ханов Дешт-и-Кипчака и мамлюков «сливалась» только при необходимости борьбы с общим врагом — Ильханами. Последние же пытались выстроить отношения с населением подвластных и вассальных христианских земель (Западная Грузия, Трапезунд (Карпов 2017: 417), несторианские общины (Түмэнбаяр 2018)[14].

Очевидно, что Михаил Палеолог мог использовать выгодное географическое положение: самым быстрым путём для любых сношений (в т.ч. работорговли (Di Cosmo 2010: 17)) мамлюкского Египта с Золотой Ордой был Босфор (сухопутная дорога контролировалась Хулагуидами) (Баярсайхан 2013: 40). О работорговле в данном регионе следует сказать более широко, так как данный феномен включает в себя многие важные показатели комплекса международных отношений. В силу многонациональности и многоконфессиональности спектр рабов, как и способ их «получения» был широк. Стереотип обычно подталкивает к мысли о том, что рабство закономерный итог военных захватов, но большинство источников сообщают, что подавляющее количество рабов появлялось вследствие обнищания семей под

[13] Стоит отметить, что границы улусов были условными и довольно расплывчатыми, однако эта ситуация тождественна и для Трапезунда.

[14] Вот как справедливо описывает ситуацию С.П. Карпов: «Одновременно именно растущая заинтересованность монгольских правителей в выгодах от западноевропейской торговли на их территориях способствовала усилению итальянской колонизации как Крыма, так и Анатолии. И ханы Золотой Орды, и Ильханы в 60—80-е гг. XIII в. как бы соревновались в предоставлении привилегий генуэзцам и венецианцам на устройство факторий. В эти же годы складывается новая система противостоящих политических союзов. С одной стороны — Золотая Орда, Палеологовская Византия и мамлюкский Египет (интересы их, помимо всего прочего, объединяла работорговля через Крым и Константинополь), с другой — держава Ильханов, Западная Грузия, Трапезундская империя. При этом позиции двух греческих государств не были столь определенны: как Михаил VIII, так и Великие Комнины лавировали между могущественными соперниками, временами, как при Георгии Великом Комнине, ища опору в их противоречиях» (Карпов 2017: 417). Если конкретнее, то Георгий, очевидно, состоял в переписке с султаном Бей-Барсом, победителем монголов при Айн-Джалуте, в ходе которой последний убеждал императора совместно действовать против Хулагуидов.

влиянием различных факторов, например, продолжительной засухи. Ал-Омари писал: «Во время голода и засухи они продают сыновей своих. При избытке ж они охотно продают своих дочерей, но не сыновей, детей же мужского пола они продают не иначе, как в крайности» (Тизенгаузен 1884: 241). Стоит обратить внимание на то, что рынок искусственно регулировали — в годы засухи на корабль допускали не более трех рабов на одного члена экипажа, сдерживая возможную «рабскую инфляцию» (Лейн 2017: 251). Работорговля в Азово-Черноморском регионе велась как для внутреннего рынка, так и для транзитных целей, ориентированных на удаленные рынки принудительного труда невольников. Из Таны-Азака основная масса рабов направлялась в Каффу. Но Каффа — также всего лишь промежуточный пункт, коллектор, в который стекались рабы из всего Приазовья-Причерноморья. Там велся учет их количества, возрастной категории, особенностей внешности, здоровья, национальности, цены. Там же уплачивались налоги за торговлю рабами, затем рабов грузили на корабли вместе с другими товарами и отправляли дальше. Благодаря массариям оффиции св. Антония, становится ясно, что подавляющее большинство рабов направлялось в Египет, однако пути доставки разнились (Карпов 1986: 149). Часто Синоп, Брус, Самос становились промежуточными пунктами, их еще можно назвать центрами реэкспорта. Связано это было как раз с попыткой обойти итальянские центры работорговли Крыма, а также с тем, что формально присутствовало порицание продажи в рабство соплеменников, то есть христиане старались не торговать христианами, а мусульмане мусульманами. Безусловно, работорговля лишь одно из направлений торгово-экономических отношений, но одно из самых прибыльных.

Естественно, будучи в военном отношении слабее всех трёх соседей, да еще и имея необходимость решать проблемы на западе, император Михаил Палеолог был вынужден вести очень осмотрительную политику, дабы не спровоцировать нападение с востока, севера или юга. Дополнительной проблемой были Великие Комнины Трапезунда, которые, относясь к старой династии (правила Восточной Римской империей в 1081—1185 гг.) и будучи вассалами Ильханов (особенно явственно эта зависимость, очевидно, ощущалась с 1260-х по 1330-е гг) (Карпов 2017: 210—213), теоретически могли быть возведены на трон в Константинополе при содействии своих покровителей.

«Регулярные» отношения монгольских улусов с возрождающейся Восточной Римской империей Палеологов начались при Хулагу (1256—1265 гг.). Этот чингизид первым отправил к византийскому императору Михаилу гонца с предложением начать прямые переговоры. Михаил, фактически, согласился стать союзником монголов на Востоке, дабы противостоять сельджукам. Здесь показательна судьба Кей-Кавуса II, которого промонгольски настроенный брат вытеснил в Константинополь, по договорённости с Ильханами бывший конийский султан пребывал на положении почётного пленника, однако в итоге был освобождён силами Золотой Орды в 1265 г. (Баярсайхан 2013: 41).

К слову, отстоять свои интересы, используя распри улусов распадающейся Монгольской империи, пробовали и Великие Комнины. В 1254 г. Мануил I отвоёвывает у турок Синоп, притом, что за год до этого сельджукский правитель получил от Батыя ярлык на управление городом. Видимо, подобный демарш против Золотой Орды встретил со стороны Хулагу одобрение (Карпов 2017: 452—453).

В свою очередь, ханы Золотой Орды так же пытались приспособиться к новым для них условиям. Не стоит пренебрегать тем, что, находясь на стыке цивилизаций и трансконтинентальных торговых путей, политика «огня и меча» была коммерчески невыгодной. Набеги имели стихийный характер и не могли в полной мере удовлетворить потребности развивающегося государства чингизидов, поэтому татаро-монголам пришлось влиться в существующую систему по праву сильного. Для регулирования отношений между

иноверцами внутри своего государства ханы наделяли последних полномочиями и правами — выдавали ярлыки. Вопреки расхожему мнению оные выдавались не только на управления или княжение, но и давали право вести различную деятельность. В Причерноморье-Приазовье основной деятельностью была торговая. Данный регион стал камнем преткновения итальянских городов-государств, которые стремясь получить монопольное торговое право, вынуждены были вступать в сношения с ханами.

На осколках Шелкового пути выделяются новые маршруты. Центрами торговли, помимо крупных древних городов и временных перевалочных пунктов, становятся прибрежные итальянские города-фактории Приазовья, которые были своего рода «узлами» между двумя мирами — европейским и азиатским (Рахманалиев 2009: 43—46). В годы правления хана Узбека окончательно складывается политико-административная и экономическая структура Золотой Орды, её основные городские экономические центры. Одним из таких центров стала Тана или Азак (современный город Азов). Город был стратегически важным для лоббирования торговых интересов, не только в Приазовье, но и в трансконтинентальной торговле в целом. Именно поэтому морские республики Генуя и Венеция боролись между собой за торговую гегемонию в Восточном Приазовье (Крамаровский 2001: 209).

Геополитическая картина мира, как было сказано выше, стремительно менялась. В 1204 г. путь в Черное море для Генуи был закрыт, в тоже время в Крыму удалось закрепиться венецианцам. Михаил Палеолог опасался такого стремительного усиления все-таки допустил в свои владения Геную, даровав ей практически монопольное право но торговлю. Исключением были пизанцы, однако их торговые обороты были несоизмеримыми с оборотами Генуи. За 4 года монополии — в 1264 г. — была основана Кафа («o KajaV») (Барбаро 1971: 146). Кафа стала оплотом Генуи и навсегда определила ее основным итальянским торговцем в Тавриде. Венецианцы не оставляли своих стремлений. Дож Джованни Соранцо говорил о том, что Венеции необходимо вести активную торгово-коммерческую деятельность, так как от этого напрямую зависит благополучие всех венецианцев, так как город «стоит в море и совершенно не имеет ни виноградников, ни полей». Именно поэтому Венеция ищет новые пути, и уже в начале XIV в. город Тана начинает фигурировать в постановлениях сената (Барбаро 1971: 167). В 1333 г. венецианцы направляют своего посла Андрея Дзено к хану Узбеку, его миссия увенчалась успехом — им было даровано право поселиться на берегу Дона в городе Азак, построив свои кварталы, обнесенные каменными стенами и уплачивать comercium imperiale — налоговый сбор в 3% от торгового оборота в пользу хана[15].

Определяющим фактором, который возвысил город Тану-Азак, безусловно являлось ее практически безупречное местонахождение. С точки зрения торгово-политических отношений Тана стала центром пересечения противоположных миров. С одной стороны, католические экономически развитые страны, с другой — огромные пространства, раздираемой внутренними противоречиями — Via Tartaria. Находясь на стыке сухопутных и морских путей и имея огромное транзитное значение, Тана была постоянным предметом споров и раздора между представителями наиболее влиятельных в то время торговых империй — Венеции и Генуи. Именитые кланы всеми силами пытались ограничить влияние друг друга и монополизировать торговлю. В конце XIII в. был издана булла Папы Николай IV, в ней он призвал ополчиться на неверных, в том числе пресечь всякие торгово-экономические сношения[16]. Позднее, этот документ был подтвержден Папой Бонифацием

[15] С.П. Карпов хронологически отдаляет время первого консульства и определяет его между 1317 и 1325 гг., не оспаривая при этом основных договорённостей (Карпов 2001).

[16] Речь идет о мести за изгнание христиан из Сирии.

VIII и Бенедиктом IX, а вот Папа Климент V пошел дальше и запретил торговать не только с Сирией, но и с Египтом. Такой запрет должен был лечь тяжким грузом на стремления Генуи и Венеции к построению разветвлённой евразийской торгово-экономической сети. Отныне, единственной удобоваримой возможностью для совершения их сделок оставалось Приазовье-Причерноморье, потерять данный регион означало потерять всю торговую сеть и надежный экономический коллектор восточнее р. Днепр.

Торговые преференции республик определялись ханскими ярлыками, фактически государственными указами. Всего известны три таких ярлыка: хана Узбека 1333 г. и хана Джанибека 1342 и 1347 гг. О них мы можем судить по переводным копиям, сохранившимся в архивах Генуи и Венеции. С конца 70-х гг. XIV в. система документоведения в этих республиках была хорошо отлажена — акты и другие важные документы копировались и обязательно передавались в архивы.

Учитывая это, геополитическое значение Таны возросло еще сильнее, метрополии пристально следили за своими подданными в Золотой Орде, боясь возможных конфликтов[17]. Стоит обратить внимание, на то, что «хозяин Таны» — наместник Орды в Азаке совершенно не обременял себя дифференциацией венецианцев, генуэзцев и прочих, следовательно, если возникали конфликты, то для татарского правосудия были виновными все латиняне. Во избежание эскалации напряженности между ними Джанибек определил границу между района их проживания в Тане, однако это не возымело успеха. Таким образом, мы видим, что выходцы из двух частей распавшейся Римской империи, латиноязычного Запада и грекоязычного Востока одновременно продолжали взаимодействовать с номадами (потомками северокитайских дунху) в развитое средневековье.

Как уже говорилось выше, занявший Константинополь Михаил был вынужден выстраивать конструктивный диалог с двумя государствами Чингизидов, а также с мамлюками. В отличие от окружённого горами компактного Трапезундского государства, империя Палеологов была куда более уязвима к внешним вторжениям, да и посредничество в торговле союзников, ордынцев и мамлюков, сулило Константинополю немалые выгоды[18] (Laiou-Thomadakis 1980) В итоге была избрана вполне плодотворная политика династийных браков. Две внебрачные дочери императора, Мария и Ефросинья, должны были укрепить позиции Византии на внешнеполитической арене, обезопасив восточные рубежи государства. Мария стала женой ильхана Абаги (1265—1282 гг.), её сестра же вышла замуж за могущественного беклербека Ногая, с 1270-х гг. фактически независимо правившего западными регионами Золотой Орды (Баярсайхан 2016: 78)[19].

Очевидно, что ромейские государства использовали разгром монголами сельджуков (и последующую борьбу улусов между собой[20]) для собственного усиления. Впрочем, по мере того, как Золотая Орда и государства Хулагуидов всё более теряли централизованное

[17] Имеется ввиду конфликт между итальянцем и татарином в 1358 г., в результате которого первые были изгнаны из Таны ханом Джанибеком.

[18] Естественно, государства Чингизидов также получали определённые выгоды от взаимодействия с ромеями, генуэзцам и венецианцами, т.к. при монголах Великий Шёлковый путь переживал свой последний расцвет (de Graaf 2018), и азиатские товары нужно было транспортировать морем из портов на Чёрном, Азовском и Средиземном морях.

[19] Здесь сама собой напрашивается параллель с китайским обычаем выдавать побочных дочерей императора за правителей кочевых государств (нередко в роли таковых выступали даже удочерённые наложницы). Данная «дипломатическая традиция» прослеживается как минимум с эпохи Западной Хань (206 г. до н.э. — 9 г. н.э.), когда Поднебесная выстраивала свои взаимоотношения с сюнну. Интересно, что отдалённые потомки подобных браков в Китае эпохи раздробленности («Шестнадцать варварских государств»), претендуя на преемственность от легендарной династии Хань, основывали свои царства (напр., «Северная Хань», 304 —329 гг.).

[20] Т.н. «великая замятня».

управление, «регулярные» взаимоотношения между ними, Константинополем и Трапезундом ослабевали.

На основании рассмотренных выше фактов, можно, на наш взгляд, сделать вывод о том, что отношения ромеев и с Китаем, и с монголами были по большей части благожелательными (и оставались таковыми даже тогда, когда Чингизиды пришли в Малую Азию). Известный своими представлениями о собственной исключительности Китай на протяжении тысячелетия (от Хань до Сун) воспринимал империю со столицей в Риме или Константинополе как равную в культурном, экономическом и политическом смысле силу. Если сопоставить описания *Фулинь* XI в. с информацией о *Дацинь* из «Истории Поздней Хань», описывающей реалии I—II вв. н.э., то можно выделить стремление китайцев указать на достойные (с точки зрения конфуцианства) качества, например, миролюбие[21] и опору на дипломатию.

Пришедшие на запад Азии монголы, казалось бы, имели совершенно иную систему культурно-политических приоритетов. Но на деле их отношения с Трапезундом и Константинополем не так уж сильно по духу отличались от описанных выше. Удивительно, но от соседства с Чингизидами ромеи пострадали меньше, чем от прочих сопредельных государств и народов: персов, славян, католических правителей Европы (Tinnefeld 2015), тюркских народов, арабов и т.д., опровергая тем самым, сложившийся стереотип в исторической науке. Сложно сказать, было ли подобное дружелюбие унаследовано Чингизидами от Китая (с которым протомонгольские племена находились в тесном контакте еще с кон. I тыс. до н.э.), необходимостью построения спокойствия и мира в своем оплоте или же стало следствием сложившейся на Ближнем Востоке политический ситуации. Определённую роль могло сыграть и несторианство.

В самой Монголии «культурные семена», выпущенные когда-то в Азию из Константинополя, продолжали давать плоды. Ярким примером может служить находка на могильнике Аолуньсуму (敖伦苏木古城东北墓群) (хошун Дархан-Муминань городского округа Баотоу, Внутренняя Монголия, КНР). Здесь найден сломанный надгробный памятник высотой 1,2 м и шириной 0,4 м. На нём сохранилась трёхъязычная надпись (на китайском, монгольском и сирийском языках) и изображение креста. Иероглифы расположены в два ряда, текст гласит: «亡化年三十六岁，泰定四年六月二 十四日», что можно перевести как «почил в тридцать шесть лет, в двадцать четвёртый день шестого месяца четвёртого года правления Тайдин-ди». Напомним, что последний правил в 1323—1328 гг. Усопший принадлежал к племени онгутов, его имя по-китайски передано как «阿兀剌编帖木郑思» (Аулабянь Темуцзясы). Он сделал хорошую карьеру и долгое время имел звание даругачи, очевидно, контролировал чиновников не-монголов в пригородах столицы (Вэй Цзянь, Чжан Сяовэй 2013: 204—205). Перед нами яркий (и не единичный) пример жизненного успеха монголоязычного несторианина в эпоху объединившей Китай монгольской династии Юань.

[21] Воинственность в Поднебесной даже в военных трактатах зачастую не воспринималась как добродетель. Яркий пример — «Вертоград полководца», приписываемый деятелю III в. н.э. Чжугэ Ляну. Последний при описании кочевников запада и севера (среди которых, очевидно, были прототюркские и протомонгольские общности) с осуждением указывает на дикость и необузданность номадов (Шульга, Мерзликин 2016: 211).

Литература

Барбаро И. 1971. Путешествие в Тану. В: Скржинская Е.Ч. (пер.). *Барбаро и Контарини о России*. Ленинград: АН СССР.

Карпов С.П. 2017. *История Трапезундской империи.* Санкт-Петербург: Алетейя.

Карпов С.П. 1986. Работорговля в южном Причерноморье в первой половине XV в. *ВВ* 46, 139—146.

Карпов С.П. 2001. Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359—60 гг.). В: *Причерноморье в средние века* 5, 9—26.

Крамаровский М.Г. 2001. *Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды.* Санкт-Петербург: Славия.

Лунин Б.В. 1949. *Очерки истории Подонья-Приазовья.* Кн. I. Ростов-на-Дону: Ростиздат.

Лейн Ф. 2017. *Золотой век Венецианской республики. Завоеватели, торговцы и первые банкиры Европы*. Москва: Цетрполиграф.

Рахманалиев Р. 2009. *Империя тюрков. Великая цивилизация.* Москва: Рипол классик.

Тизенгаузен В.Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.* Т. I. *Извлечение из сочинений арабских*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.

Шульга Д.П. 2020a. Имитации византийских монет в Нинся-Хуэйском Автономном районе. *ВВ* 104, 104—112.

Шульга Д.П. 2020b. Монеты Восточной Римской империи в Китае как отражение ситуации на Шёлковом пути. *МАИАСП* 12, 774—788.

Шульга Д.П., Мерзликин А.А. 2016. *«Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин.* Новосибирск: Омега-принт.

Шульга и др. 2020a: Шульга Д.П., Гирченко Е.А., Филатова М.О. 2020. Восточно-римские монеты из Северной Монголии и их имитации. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий* 26, 695—701.

Шульга и др. 2020b: Шульга Д.П., Чень Ц., Головко Н.В. 2020. Кочевой мир, Греко-Бактрийское царство и Китай: этнокультурная ситуация на юге Центральной Азии. *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция* 14 (2), 587—608.

Фёдоров-Давыдов Г.А. 1973. *Общественный строй Золотой Орды*. Москва: МГУ.

Bueno A. 2016. Roman Views of the Chinese in Antiquity. *Sino-Platonic papers* 261, 1—21.

Campbell D. B. 2016. Did the Romans have links with the Far East? *Ancient Warfare* X(2), 45—49.

de Graaf W. J. 2018. *The Silk Road in the Mongol Era.* Tilburg: Tilburg University research.

Di Cosmo N. 2010. Black Sea Emporia and the Mongol Empire: A Reassessment of the Pax Mongolica. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 53 (1-2), 83—108.

Feltham H. B. 2009. Justinian and the International Silk Trade. *Sino-Platonic papers* 194, 1—34.

Freewalt J. 2015. *Justinian and China connections between the Byzantine Empire and China during the reign of Justinian I. Late Antiquity and Byzantium.* Charles Town: American Military University Press.

Freewalt J. 2014. *Rome and China: connections between two great ancient empires. The Roman Republic and Empire.* Charles Town: American Military University Press.

Hirth F. 1913. The Mystery of Fu-lin. *Journal of the American Oriental Society* 33, 193—208.

Hoppal K. 2016. Contextualising Roman-related Glass Artefacts in China. An Integrated Approach to Sino-Roman Relations. *Acta Archaeologica* 67 (1), 99—114.

Hoppal K. 2011. The Roman Empire According to the Ancient Chinese Sources. *Acta Antiqua* 51 (3), 263—306.

Laiou-Thomadakis A. 1980. The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System: Thirteenth-Fifteenth Centuries. *Dumbarton Oaks Papers* 34/35, 177—222.

Li Qiang. 2016. Discussion on Byzantine Numismatic Research Excavated on the Eurasian Steppe Silk Road and Desert Oasis Silk Road. *Steppe Cultural Relics* 1*,* 109—112.

Li Qiang. 2015. Roman coins discovered in China and their research. *Eirene. Studia Graeca et Latina* 51, 279—299.

Lin Ying. 2005. Solidi in China and Monetary Culture along the Silk Road. *The Silk Road Journal* 3 (2), 16—19.

Liveri A. 2019. Fu-lin dances in medieval Chinese art — Byzantine or imaginary? *Zbornik radova Vizantološkog instituta* 56, 69—94.

McLaughlin R. 2016. *The Roman Empire and the Silk Routes: The Ancient World Economy and the Empires of Parthia, Central Asia and Han China.* Barnsley: Pen & Sword Books Ltd.

Scheidel W. 2008. The monetary systems of the Han and Roman empires. *Princeton/Stanford Working Papers in Classics* 110505.

Temin P. 2013. *The Roman Market Economy.* Princeton: Princeton University Press.

Tinnefeld F. 2003. Byzanz und Osteuropa — Politische, wirtschaftliche und kulturelle Beziehungen. Ringvorlesung WS 2003/04. Das Bild und die Geschichte Osteuropas im Mittelalter.

Żuchowska M. 2015. “Roman Textiles” in the Hou Han Shu. A 5th Century Chinese Vision versus Roman Reality. *Anabasis. Studia Classica et Orientalia* 6, 216—238.

Баярсайхан Д. 2013. Монгол-Византийн олон талт харилцаа (XIII—XIV зуун). *Historia Mongolarum* 7 (3), 33-48.

Баярсайхан Д. 2016. *Хүлэгү хаанаас Абу Са‘ид хүртэл: Ил-Хаадын тухай өгүүллүүд.* Улан-Батор: МУИС Пресс Хэвлэлийн Газар.

Минжин Л. 2014. Их Монгол улсаас эрхшээлдээ байсан орнуудад явуулсан бодлого, геополитикийн асуудлууд. В: *Монголын эзэнт гүрний логистик ба зам тээвэр.* Улаанбаатар: Адмон.

Түмэнбаяр Г. 2013. Христитгэлийн дэлгэрэлт: Үечлэл ба нэршлийн асуудлууд. *Historia Mongolarum* 7 (8), 169—181.

Ван Айху. 2015. 从海上丝绸之路的发展史和文献研究看新海上丝绸之路建设的价值和意义 (Взгляд на значение создания Нового морского шелкового пути с позиции исторического и литературного наследия). 华南理工大学学报 (Журнал Южно-Китайского технологического университета) 17 (1), 2—14.

Ван Саньсань. 2018. 帕提亚与希腊化文化的东渐 (Парфия и постепенное проникновение эллинистической культуры на восток). 世界历史 (Всемирная история) 5, 95—110.

Вэй Цзянь, Чжан Сяовэй. 2013. 阴山汪古与景教遗存的考古学观察 (Археологические исследования наследия онгутов и следов несторианства в горах Иньшань). 边疆考古 研究 (Археологические исследования приграничья) 4, 193—212.

Го Юньянь. 2006. 中国发现的拜占廷金币及其仿制品研究 (Исследование обнаруженных в Китае византийских монет и их имитаций). Тяньцзинь: Отдел аспирантуры университета Нанькай.

Гун Инъянь. 2001. 西方早期丝绸的发现与中西文化交流 (Появление шёлка на западе и развитие связей Китая с западными странами). 浙江大学学报 (Журнал Чжэцзянского университета) 31 (5), 76—84.

Гэ Чэнъюн. 2018. 醉拂菻：希腊酒神在中国 (Хмельной средиземноморец: греческий бог вина в Китае). 文物 (Культурные реликвии) 1, 58—68.

Ду Сяоцинь. 2017. 草原丝绸之路兴盛的历史过程考述 (Степной шёлковый путь и сведения о его историческом развитии). 西南民族大学学报 (Журнал Юго-западного университета национальностей) 12, 2—7.

Ло Фэн. 2004. 中國境內發現的東羅馬金幣 (Золотые монеты Восточной Римской империи, обнаруженные в Китае). 新疆硬币 (Синьцзянские монеты) 3, 78—103.

Сюй Годун. 2014. 汉代西域都护府总督郑吉对罗马商队的保护 (Охрана караванов с римскими товарами со стороны генерал-губернаторов империи Хань в Западном крае). 法治研究 (Исследования правового управления) 3, 126—131.

Хуан Хуанминь. 2012. 丝绸西销与古罗马帝国的衰落 (Угасание Шёлкового пути на западе и упадок Римской империи). 文史(Литература и история) 9, 97—102.

Чэнь Сывэй. 2018. 埃及与印度次大陆的海上贸易及其在罗马帝国经济中的地位 (Морская торговля между Египтом и Индийским субконтинентом и ее статус в экономике Римской империи). 历史研究 (Исторические исследования) 1, 113—133.

Ян Гуаньхуа. 2016. 洛阳涧西衡山路北魏墓发掘简报 (Отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй в лоянском районе Цзяньси на улице Хэншаньлу). 文物(Культурные реликвии) 7, 4—14.

Ян Гунлэ. 2011. 丝绸西销导致罗马帝国经济衰落说源流辨析 (Критический анализ гипотезы о взаимосвязи торговли по Шёлковому пути и упадком Римской империи). *Collected Papers of History Studies* 1, С. 69—74.

Ян Цзюнпин. 2007. 亚历山大东征与丝绸之路开通 (Восточный поход Александра и открытие Шёлкового пути). 历史研究 (Исторические исследования) 4, 150—161.

References

Barbaro, I. 1971. In: Skrzhinskaya, E.Ch. (transl.). *Barbaro i Kontarini o Rossii (Barbaro and Contarini about Russia)*. Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Karpov, S.P. 2017. *Istoriya Trapezundskoy imperii (History of the Empire of Trebizond)*. Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).

Karpov, S.P. 1986. In *Vizantiyskiy vremennik (Byzantina Xronika)* 46, 139—146 (in Russian).

Karpov, S.P. 2001. In: *Prichernomor'ye v sredniye veka (Black Sea region in the Middle Ages)* 5, 9—26 (in Russian).

Kramarovskiy, M.G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoye naslediye Zolotoy Ordy (Genghisids Gold: The Cultural Heritage of the Golden Horde)*. Saint Petersburg: Slaviya (in Russian).

Lunin, B.V. 1949. *Ocherki istorii Podon'ya-Priazov'ya (Essays on the history of the Don-Azov region)*. Bk. I. Rostov-on-Don: Rostizdat (in Russian).

Leyn, F. 2017. *Zolotoy vek Venetsianskoy respubliki. Zavoyevateli, torgovtsy i pervye bankiry Evropy (The Golden Age of the Venetian Republic. Conquerors, merchants and the first bankers of Europe)*. Moscow: Tsetrpoligraf (in Russian).

Rakhmanaliev, R. 2009. *Imperiya tyurkov. Velikaya tsivilizatsiya (Empire of the Turks. Great civilization)*. Moscow: Ripol klassik (in Russian).

Tiesenhausen, V.G. 1884. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy (Collection of materials relating to the history of the Golden Horde)*. Vol. I. *Izvlechenie iz sochineniy arabskikh (Extract from Arabic writings)*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk (in Russian).

Shulga, D.P. 2020a. In *Vizantiyskiy vremennik (Byzantina Xronika)* 104, 104—112 (in Russian).

Shulga, D.P. 2020b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 774—788 (in Russian).

Shulga, D.P., Merzlikin, A.A. 2016. *"Vertograd polkovodtsa" Chzhuge Lyana na styke distsiplin ("Commander's Vertograd" by Zhuge Liang at the intersection of disciplines)*. Novosibirsk: Omega-print (in Russian).

Shulga i dr. 2020a: Shulga, D.P., Girchenko, E.A., Filatova, M.O. 2020. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy (Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories)* 26, 695—701 (in Russian).

Shulga i dr. 2020b: Shulga, D.P., Chen, TS., Golovko, N.V. 2020. In *Schole. Filosofskoye antikovedeniye i klassicheskaya traditsiya (Schole. Philosophical Antiquity and the Classical Tradition)* 14 (2), 587—608 (in Russian).

Fodorov-Davydov, G.A. 1973. *Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordy (Social structure of the Golden Horde)*. Moscow: MGU (in Russian).

Bueno, A. 2016. Roman Views of the Chinese in Antiquity. *Sino-Platonic papers* 261, 1—21.

Campbell, D.B. 2016. Did the Romans Have Links With the Far East? *Ancient Warfare* X (2), 45—49.

de Graaf, W.J. 2018. *The Silk Road in the Mongol Era.* Tilburg: Tilburg University research.

Di Cosmo, N. 2010. Black Sea Emporia and the Mongol Empire: A Reassessment of the Pax Mongolica. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 53 (1-2), 83—108.

Feltham, H.B. 2009. Justinian and the International Silk Trade. *Sino-Platonic papers* 194, 1—34.

Freewalt, J. 2015. *Justinian and China Connections Between the Byzantine Empire and China During the Reign of Justinian I. Late Antiquity and Byzantium.* Charles Town: American Military University Press.

Freewalt, J. 2014. *Rome and China: Connections Between Two Great Ancient Empires. The Roman Republic and Empire.* Charles Town: American Military University Press.

Hirth, F. 1913. The Mystery of Fu-lin. *Journal of the American Oriental Society* 33, 193—208.

Hoppal, K. 2016. Contextualising Roman-related Glass Artefacts in China. An Integrated Approach to Sino-Roman Relations. *Acta Archaeologica* 67(1), 99—114.

Hoppal, K. 2011. The Roman Empire According to the Ancient Chinese Sources. *Acta Antiqua* 51 (3), 263—306.

Laiou-Thomadakis, A. 1980. The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System: Thirteenth-Fifteenth Centuries. *Dumbarton Oaks Papers* 34/35, 177—222.

Li Qiang. 2016. Discussion on Byzantine Numismatic Research Excavated on the Eurasian Steppe Silk Road and Desert Oasis Silk Road. *Steppe Cultural Relics* 1, 109—112 (in Chinese).

Li Qiang. 2015. Roman Coins Discovered in China and Their Research. *Eirene. Studia Graeca et Latina* 51, 279—299.

Lin Ying. 2005. Solidi in China and Monetary Culture along the Silk Road. *The Silk Road Journal* 3 (2), 16—19.

Liveri, A. 2019. Fu-lin Dances in Medieval Chinese Art — Byzantine or Imaginary? *Zbornik radova Vizantološkog instituta* 56, 69—94.

McLaughlin, R. 2016. *The Roman Empire and the Silk Routes: The Ancient World Economy and the Empires of Parthia, Central Asia and Han China.* Barnsley: Pen & Sword Books Ltd.

Scheidel, W. 2008. The Monetary Systems of the Han and Roman Empires. *Princeton/Stanford Working Papers in Classics*110505.

Temin, P. 2013. *The Roman Market Economy.* Princeton: Princeton University Press.

Tinnefeld, F. 2003. Byzanz und Osteuropa — Politische, wirtschaftliche und kulturelle Beziehungen. Ringvorlesung WS 2003/04. Das Bild und die Geschichte Osteuropas im Mittelalter.

Żuchowska, M. 2015. “Roman Textiles” in the Hou Han Shu. A 5th Century Chinese Vision versus Roman Reality. *Anabasis. Studia Classica et Orientalia* 6, 216—238.

Bayarsaikhan, D. 2013. Mongolian-Byzantine Multilateral Relations (XIII—XIV centuries). *Historia Mongolarum* XII (3), 33—48 (in Mongolian).

Bayarsaikhan, D. 2016. *From Hulagu to Abu Sa’id: Articles about the Il-Kings.* Ulaanbaatar: NUM Press (in Mongolian).

Minzhin, L. 2014. Policies and Geopolitical Issues Pursued by the Great Mongol Empire in the Countries under It’s Control. In: *Logistics and road transport of the Mongol Empire*. Ulaanbaatar: Admon (in Mongolian).

Tumenbayar, G. 2013. The Spread of Christianity: Problems of Periodization and Naming. *Historia Mongolarum* XII (8), 169—181 (in Mongolian).

Wang Aihu. 2015. Looking at the Value and Significance of the Construction of the new Maritime Silk Road from the Development History and Literature Research of the Maritime Silk Road. *Journal of South China University of Technology* 17 (1), 2—14 (in Chinese).

Wang Sansan. 2018. Parthian and the Gradual Development of Hellenistic Culture. *World History* 5, 95—110 (in Chinese).

Wei Jian, Zhang Xiaowei. 2013. Archaeological Observation of Ancient Wang and Jing Religions in Yinshan. *Frontier Archaeological Research* 4, 193—212 (in Chinese).

Guo Yunyan. 2006. *Research on the Byzantine Gold Coins and Their Imitations Discovered in China.* Tianjin: Graduate School of Nankai University (in Chinese).

Gong Yingyan. 2001. The Discovery of Silk in the Early West and Cultural Exchanges between China and the West. *Journal of Zhejiang University* 31 (5), 76—84 (in Chinese).

Ge Chengyong. 2018. Drunk Whisk: Greek Bacchus in China. *Cultural Relics* 1, 58—68 (in Chinese).

Du Xiaoqin. 2017. An Examination of the Historical Process of the Prosperity of the Grassland Silk Road. *Journal of Southwest University for Nationalities* 12, 2—7 (in Chinese).

Luo Feng. 2004. Eastern Roman Gold Coins found in China. *Xinjiang coins* 3, 78—103 (in Chinese).

Xu Guodong. 2014. The Protection of the Roman Caravans by Zheng Ji, Governor of the Western Prefecture of the Han Dynasty. *Rule of Law Research* 3, 126—131 (in Chinese).

Huang Huanmin. 2012. Western Silk sales and the Decline of the Ancient Roman Empire. *Literature and History* 9, 97—102 (in Chinese).

Chen Siwei. 2018. The maritime trade between Egypt and the Indian sub-continent and its position in the economy of the Roman Empire. *Historical Research* 1, 113—133 (in Chinese).

Yang Guanhua. 2016. Report on the Excavation of the Tomb of the Northern Wei Dynasty on Hengshan Road, Jianxi, Luoyang. *Cultural Relics* 7, 4—14 (in Chinese).

Yang Gongle. 2011. Analysis of the Origin and Flow of the Economic Decline of the Roman Empire Caused by the Western Sale of the Silk Road. *Collected Papers of History* Studies 1, 69—74 (in Chinese).

Yang Junping. 2007. Alexander’s Crusade and Discovery of the Silk Road. *Historical Research* 4, 150—161 (in Chinese).

Нумизматика

Numismatics

УДК 94(495)
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.59.75.017

Д.В. Андриевский

К КАТАЛОГУ ВАРВАРСКИХ МОНЕТНЫХ ПОДРАЖАНИЙ В АНТИЧНОЙ ТАВРИКЕ*

Объектом исследования стала античная серебряная монета, найденная в 2011 г. на дневной поверхности южнее пос. Зуя Белогорского района (Крым), по дороге к с. Красногорское (Нейзац). Она отчеканена на прямоугольной, плохо отожженной пластинке. На аверсе оттиснуто весьма гротескное, но все же узнаваемое изображение львиной головы с пышной гривой, развернутой влево. На реверсе виден лук с вложенной стрелой, и размещена небрежно выполненная легенда «ПАТН». Судя по стилистике исполнения, эта монета — реплика, выпущенная в варварском эмиссионном центре как подражание тетроболу Нимфея, отчеканенному от имени общины выходцев из Самоса. Реплику могли изготовить в период обращения оригинала, эмиссия которого была, между тем, непродолжительной. Легенда же реверса может содержать имя санкционировавшего эмиссию реплик скифского правителя Патия, который, предположительно, кочевал в Восточной Таврике, ибо за ее пределами монеты Нимфея, выпущенные выходцами из Самоса, до сих пор не выявлены. Сам же факт обнаружения изучаемой монеты свидетельствует о существовании денежного обращения у таврических скифов уже в V в. до н.э.

Ключевые слова: археология, история, нумизматика, Таврика, варварские подражания.

Сведения об авторе: Андриевский Денис Вадимович, Русское географическое общество.

Контактная информация: 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, пер. Гривцова, д. 10 А, Русское географическое общество; e-mail: rgo@rgo.ru.

D.V. Andriyevskiy

UPDATING THE CATALOG OF BARBARIAN COIN IMITATIONS FROM ANTIQUE TAURICA

In the early 2011, an antique silver coin was found on the day surface south of the town of Zuya (Belogorsky district, Crimea), on the way to the village of Krasnogorskoe (Neizats). It is minted on a badly annealed rectangular plate. On its obverse, a very grotesque but still recognizable image is imprinted of a lion's head with a lush mane turned to the left. The reverse displays a bow with an arrow put on it and a carelessly made legend "ПАТН". Judging by the manufacture style, the coin is a replica issued in a barbarian emission center, an imitation of the tetrobol of Nymphaion, minted on behalf of the community of Samos. Moreover, the replica could be minted during the period of circulation of the original, with taking into account the fact of the short duration of its issue. The legend of the reverse may contain the name of the Scythian ruler Patiy, who authorized the release of replicas. There is every reason to believe that Patiy could have had his nomad camps here, in Eastern Taurica, since the coins of Nymphaion, issued by immigrants from Samos, have not yet been identified in other regions of the antique world. The very fact of the discovery of the studied coin testifies to the existence of monetary circulation among the Tauride Scythians already in the 5th c. BCE.

Key words: archaeology, history, numismatics, Taurica, barbaric imitations.

About the author: Andriyevskiy Denis Vadimovich, Russian Geographical Society.

* Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность М.М. Чорефу за помощь в изучении публикуемой монеты.

Статья поступила в номер 19 августа 2022 г.
Принята к печати 30 августа 2022 г.

© Д.В. Андриевский.

Contact information: 190000, Russia, Saint Petersburg, 10A Grivtsova Pereulok, Russian Geographical Society; e-mail: rgo@rgo.ru.

Начну с того, что одной из интереснейших задач, стоящей перед современной нумизматикой, является выявление обстоятельств поступления в обращение и длительность использования античных платежных знаков[1]. Особо важна эта проблема для историков, изучающих древности варварской периферии античного мира. Дело в том, что действовавшие на этих территории властные структуры, как правило, не ставили перед собой цель выпустить оригинально оформленные монеты[2]. Они предпочитали санкционировать или молчаливо соглашаться на использования привозных платежных знаков, привычных населению. Или же выпускать им реплики.

Полагаю, что разрешение этой проблемы возможно только в том случае, если мы, исследователи, получим наиболее полное представление о составе денежного обращения в таких регионах. Так что одной из первостепенных задач, стоящих перед нумизматами, является своевременная публикация нумизматических материалов.

Мне уже представлялась возможность принять участие в разрешении этой проблемы (Андриевский 2022: 5—8; Андриевский, Чореф 2021: 875—881; 2022: 360, № 1, 2, рис. 2: *1, 2*). А сравнительно недавно в поле моего зрения оказалась монета (рис. 1), найденная жителем пос. Зуя в 2011 г. Судя по оформлению, она, безусловно, античная. Или же древнее подражание ей. Уже при беглом осмотре монета заинтересовала меня нестандартностью технологии изготовления. Ее оттиснули не на ординарной заготовке округлой формы, а на прямоугольной пластинке, небрежно отделенной зубилом от листа металла, с острыми углами и заусеницами (рис. 1). Причем ее должным образом не подготовили к чеканке. Сужу по наличию многочисленных трещин на гурте (рис. 1). Как видим, монетные мастера не были знакомы с технологией отжига. Иначе, полагаю, многочисленных трещин не было бы.

Определенно, монету выпустили ремесленники, не знакомые с технологией монетной чеканки. Есть также все основания полагать, что проблемы метрологии их также не интересовали. В ином случае они бы отлили заготовку стандартного веса, как это делали в античном мире, а не вырубали ее из листа. Делаю вывод, что объектом моего изучения стала неординарная монета, вполне возможно, что выпущенная какой-то мастерской, находящейся на дальней периферии значимых ремесленных центров античного мира. Собственно, это обстоятельство дает нам все основания видеть в ней аутентичный артефакт, а не современную реплику. В настоящее время вряд ли стали бы изготавливать подражания по такой технологии. Заключаю, что объект моего исследования — античная монета варварского чекана. Причем речь идет о ранее не выявленном подражании (Сергеев 2012).

Перехожу к атрибуции этого артефакта. Начну с описания.

Л.с.: Голова льва, с открытой пастью, развернутая влево. Следы двойного удара.
О.с: ПАТН. Лук с вложенной стрелой.
Серебро. Размеры — 1,7 × 1,2 см, вес — 2,26 г.

[1] В связи с этим следует отметить работы В.В. Кропоткина (Кропоткин 1961), С.Ю. Сапрыкина (Сапрыкин 2005), А.А. Труфанова (Труфанов 2010) и М.М. Чорефа (Чореф 2013).

[2] Как писал П. Корнелий Тацит, германцы «Pecuniam probant veterem et diu notam, serratos bigatosque» (Tacit, Germ., 5) — «Принимают в уплату лишь известные с давних пор деньги старинной чеканки, те, что с зазубренными краями, и такие, на которых изображена колесница с парной упряжкой».

Сразу же замечу, что изображение на аверсе крайне гротескное. Кроме того, из-за двойного удара оно получилось смазанным. Так что определить, что это за фигура — довольно трудно. Так что предложенная мною атрибуция изображения на лицевой стороне была выработана в результате продолжительного осмотра и многократного вращения. Действительно, развернув аверс на 90° против часовой стрелки, мы можем наблюдать на нем нечто схожее на бюст в высокой зубчатой короне, развернутый влево. Но вряд ли такая атрибуция правдоподобна. Ведь в таком случае головной убор окажется больше головы. Да и последняя получается крайне невыразительная: с непропорционально огромными глазами и носом, без подбородка, с непонятной жирной линией на уровне короткой шеи[3] и с неясными линиями на груди. Так что предложенная нами атрибуция куда правдоподобнее — на лицевой стороне монеты выбита голова рычащего льва с пышной гривой, развернутая влево.

Перехожу к изучению реверса. Большую его часть занимает композиция, составленная из лука и вложенного в него стрелы с пышным оперением. К сожалению, она оттиснулась довольно плохо. Так, рукоять и нижняя часть лука, а также наконечник стрелы не прочеканились. По-видимому, сказался уже неоднократно отмеченный непрофессионализм монетных мастеров. К счастью, легенда вполне читаема. Что довольно удивительно, ведь буквы получились довольно корявые, разной ширины. Так, вторая буква «А» ограничена поперечной перекладиной сверху. А третья литера «Т» вышла тонкая и кривая. Однако ее продольная и поперечная черты вполне различимы. Дело в том, что символы были вырезаны на штемпеле глубокими чертами. Чем, собственно, и объясняется факт их хорошей сохранности. Эти буквы греческие, так что у нас есть все основания читать их слева на право. Читаю на оборотной стороне изучаемой монеты буквосочетание «ΠΑΤΗ».

Нахожу выявленные факты весьма важными. Дело в том, что в Боспорском государстве, а также в Херсонесе и в Ольвии схожих монет не чеканили. Да и легенда «ΠΑΤΗ» на них не известна. Да, на бронзах известны изображения лука и стрелы. Однако их сочетали иным образом. Стрелу размещали под луком. Так что может сложиться впечатление, что объект моего исследования — уникум, созданный варварскими мастерами на основе принятых в их среде художественных идей. Но это не так.

На рис. 2 приводим изображение крайне редкой, но, в тоже время уже давно известной и основательно изученной монеты[4] — тетробола Нимфея, выпущенной жившей в нем общиной беженцев с Самоса, саммеотов[5] (Анохин 1999: 23—24, рис. 3: *1*; 2010a: 82—87; 2010b: 71, рис. 1: *1*; 2010c: 88—91; 2011: № 947). Бюст льва на ее аверсе также развернут влево. Но легенда реверса — иная. Уверено читается последний символ — «М» (рис. 2). Просматривается и предпоследняя буква — «А»[6]. Перед ней был оттиснут символ, от которого сохранились только две поперечные черты, ограничивающие его сверху и снизу, а также наклонная линия, примыкающая к верхней из них. Соглашаюсь с точной зрения В.А. Анохина — на оборотной стороне монеты на рис. 2 могло быть оттиснуто «ΣΑΜ».

Нахожу этот факт весьма примечательным. Дело в том, что на монетах полисов Северного Причерноморья в тот период, как правило[7], размещали только указания на эмиссионные центры (Анохин 1977: 17—54; 1986: 5—30; 1989; 1999: 4—36; 2011; Frolova 1996). Но в регионе не было полиса, название которого начиналось с «ΠΑΤΗ». Так что объект моего изучения не мог быть выпущен в каком-либо значимом эллинском поселении. Допускаю, что буквосочетание

[3] Это могли быть пышные усы, но расположены они уж очень низко.
[4] Ее изображение опубликовано на сайте «Bibliotheque nationale de France» (Inv. № FRBNF41829949).
[5] Принимаем точку зрения В.А. Анохина, т.к. находим ее безусловно логичной и перспективной.
[6] К этому же выводу пришел и В.А. Анохин (Анохин 2010b: 71).
[7] Исключения будут рассмотрены ниже.

«ПАТН» содержит буквы имени некого политического деятеля, вполне возможно — династа, по распоряжению которого прошла эмиссия изучаемых монет.

Для проверки этой гипотезы обращусь к трудам по ономастике. И, действительно, начинающееся с этих букв имя Πάτης было хорошо известно в эллинском мире. Оно сохранилось на лапидарных памятниках, найденных на о. Делос, во Фригии, в Ливии и в Македонии. Самая древняя из них — первая была высечена в 372/67—364/3 гг. до н.э. (epigraphy.packhum.org: 1; clas-lgpn2.classics.ox.ac.uk: 1). Созвучные имена использовалось и в Северо-Восточном Причерноморье. Так, в боспорских надписях упомянуты Πάτειρος (КБН 1965: № 947), Πάτεις (КБН 1965: № 81, 700, 772, 811, 1027, 1242, 1278, 1280), Πατέρας (КБН 1965: № 1084, 1144, 1198) и Πατέριος (КБН 1965: № 36, 1266, 1198). Особо стоит отметить тот факт, что имя Πατίας присутствует на двух стелах из Пантикапея. В них упомянуты Димитрий, сына Патия и Юлий Патий, сына Димитрия. Первая из этих надписей датируется I в. н.э. (КБН 1965: 936—937, № 2), а вторая — второй половиной I — в первой половиной II в. н.э. (КБН 1965: № 612).

Столь широкий ареал использования этого и созвучных имен вполне объясним. Дело в том, что входящее в его состав буквосочетание pat входило в состав популярных индоевропейских имен Supat и Supatta. Что не случайно, ведь его следует переводить на русский как «путь, дорога» (Трубачев 1999: 278, 279).

Так что не стоит удивляться тому факту, что имя Патий было известно и у скифов. Правда, оно приводится в написании Πατίας, Pati (Абаев 1979: 313). Ученый переводит его как «господин»[8] (Абаев 1979: 298). Полагаю, что форма Πατήας также вполне допустима. Тем более что она близка по смыслу к греческому πατήρ — «отец, создатель, творец, почтенный».

Нахожу это обстоятельство крайне важным. Написание Πατήας вместо Πατίας могло появиться на монете в том случае, если текст на ней размещал грек. Учитывая это обстоятельство, заключаю, что эмитента изучаемой монеты звали Патий, и он был одним из вождей таврических скифов.

И сразу же подчеркну, что появление реплик монет Нимфея с именем скифского династа вполне ожидаемо. Учтем тот факт, что в Никонии в 470—460 гг. до н.э. чеканил свои бронзы Скил (Анохин 2011: № 568—572), в Гераклее Понтийской и Каллатии в 353—340 гг. до н.э. выпустил дидрахмы, драхмы и гемидрахмы Атей (Анохин 2011: 572—576), а в Ольвии в 440—437 гг. до н.э., в 140—120 гг. до н.э., в 50/51—76/77 гг. н.э. и в 77/78—78/79 гг. н.э. соответственно чеканили золото, серебро и бронзу Эминак (Анохин 2011: № 167), Скилур (Анохин 2011: № 577—584), Фарзой (Анохин 2011: № 585—594) и Инсимей (Анохин 2011: № 595, 596). Свои монеты выпустили и цари Малой Скифии (Тарасюк 1956: 22—30).

Нахожу это обстоятельство крайне важным. Ведь в Нимфее в период эмиссии монет саммеотов проживали также и скифы[9] (Силантьева 1959: 5—107; Грач 1999: 30—31;

[8] Он приводит также формы из других языков: авестийское paiti- и древнеиндийское páti- (Абаев 1979: 298).

[9] Не могу обойти вниманием вывод Н.Л. Грач: «Уже с VI в. до н.э. в городской среде Нимфея присутствовал контингент местных жителей, пользующихся определёнными правами. В частности, они имели общее кладбище с греками. … Это подтверждают богатые воинские захоронения в курганах с местными чертами обряда» (Грач 1999: 30—31). Столь же ценны и умозаключения М.Ю. Вахтиной, сделанные в результате изучения погребального инвентаря гробниц 1 и 6 некрополя Нимфея (Вахтина 2015: 34—42). Она пришла к выводу, что сам факт обнаружения золотых ладьевидных серег («калачиков») и нашивных бляшек в виде фигурок зайцев из первого (Вахтина 2015: 35—37), а также золотой шейной гривны, нагрудного украшения в виде массивной бронзовой бляхи в виде стилизованной головы лося и бронзового черпака, длинная ручка которого заканчивается изображением лебединой головки из второго закрытого комплекса (Вахтина 2015: 37—39), свидетельствует о том, что погребения с ними «можно отнести к погребениям знати, т.е. представителей аристократической прослойки местного общества». Так что не случайно их «сопровождали конские погребения с парадными уздечными наборами (или же украшения конской упряжи, в которых можно видеть

Вахтина 2015: 34—42). По мнению В.А. Анохина, речь должна идти о приднепровских царских скифах, откочевавших в Восточную Таврику, живших и в этом полисе и покинувших его после ухода афинян (Анохин 2010: 77—78). Полагаем, что впоследствии они могли провести небольшую эмиссию реплик привычной им монеты, над выпуском которой работали как местные, так и греческие мастера. В любом случае, у нас есть все основания считать Патия одним из предводителей приднепровских царских скифов, кочевавших в Восточной Таврике.

Нахожу этот тезис крайне важным, т.к. он позволяет датировать эмиссию изучаемого подражания. Вернее всего, она прошла вскоре после завершения чеканки монет в Нимфее, т.е. в тот период времени, когда его выпуски все еще находились в обращении, хотя и перестали поступать в него в необходимом объеме[10].

Подчеркну, что изучаемая реплика вряд ли была выпущена в каком-либо скифском поселении долины р. Зуя. Ведь их городища и селища, обнаруженные к настоящему времени в этом районе Таврики, были основаны и заселены значительно позже — не раньше III—II вв. до н.э. Причем пик заселения долины в эпоху античности пришелся на II—III вв. н.э.[11] В тот же период функционировал и некрополь Нейзац (Храпунов 2011: 13—133; 2016; Храпунов, Стоянова 2016: 200—234; Намойлик 2020: 113—135). Первыми веками н.э. датируются и найденные в некрополе монеты (Храпунов 2009: 55—82; 2020: 227—233). Пока нет оснований допускать обнаружение в долине р. Зуи древнейших скифских поселений (Храпунов, Смекалова, Власов 2010). Заключаю, что изучаемая монета была или утеряна проезжавшим скифом, или, что вероятнее, принесена им в жертву в каком-либо пока не обнаруженном культовом центре[12].

Полагаю, что следует обратить внимание читателя и на следующий, с моей точки зрения весьма немаловажный аспект. Если наша атрибуция монеты верна, то есть все основания полагать, что скифы начали выпускать свои реплики монетам государств Северного Причерноморья не в IV в. до н.э., как заключил М.М. Чореф (Чореф 2018: 390—391, 395—396, рис. 3), а в V в. до н.э. Причем они в начальный период эмиссии копировали не бронзовые, а серебряные монеты. Что, как мне кажется, вполне объяснимо. Ведь куда целесообразнее было перерабатывать в монеты не малоценные сплавы, получая, тем самым, кредитные деньги, а драгоценный металл. Высокий спрос на него мог побудить скифов завозить в Таврику такие экзотические для Северного Причерноморья платежные средства, как сикли Ахеменидов (Чореф 2017: 213—221). По той же причине региональное обращение усваивало антиохийские и александрийские тетрадрахмы (Андриевский 2022: 5—8; Андриевский, Чореф 2021: 875—881; 2022: 360, № 1, 2, рис. 2: *1, 2*). В любом случае, переход к эмиссии собственных денег произошел у скифов вследствие ослабления их притока или уменьшения масштабов торговли.

семантическую «замену» конского жертвоприношения, символическое обозначение присутствия боевого коня, сопровождавшего хозяина)». М.Ю. Вахтина уточнила, что «предположение о том, что представители местной варварской аристократии в эпоху Археанактидов начали активно проникать в греческие города, представляется вполне правдоподобным» (Вахтина 2015: 40), причем «в сфере греко-варварских взаимодействий, Нимфей, очевидно, играл достаточно активную роль» (Вахтина 2015: 41).

[10] По той же причине были выпущены в обращение и прочие разновидности подражаний (Сергеев 2012; Синика, Чореф 2018: 336—348). О высоком спросе на платежные средства в варварской среде даже на монеты из недрагоценных металлов см. (Чореф 2019: 34—43; Скворцов, Чореф 2020: 734—773).

[11] Речь идет о городищах Борут-Хане, Коныч, Карлы-Кая, Зуйское-Верхнее, а также о расположенных близ них селищах (Шульц 1949: 21—22; Колтухов 1999: 109—110; Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015: 161—174). Но только на первом из них и на расположенном близ него сельском поселении выявлен слой III—II вв. до н.э. (Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015: 166).

[12] Тот же вывод был сделан в результате изучения небольшого монетного комплекса, найденного близ с. Партизанского (Андриевский, Чореф 2021: 875—881).

Подчеркну, что выпуски монет скифских правителей были эпизодическими. Ведь они были возможны только в сильном государстве. Да и варварское население Таврики предпочитало привозные деньги (Сапрыкин 2005).

Но это не умаляет историческое значение публикуемого артефакта. Полагаю, что нам представилась возможность, во-первых, внести вклад в просопографию Скифии — стало известно о предводителе скифов Патии. Во-вторых, удалось сформулировать довод в пользу точки зрения об особо активных контактах скифов и Нимфея в V в. до н.э. И, наконец, в-третьих, посчастливилось описать новое, и, как мне кажется, самое раннее скифское подражание монете полисного чекана. Выношу результаты моего изучения на научное обсуждение.

Литература

Абаев В.И. 1979. Скифо-сарматские наречия. В: Расторгуева В.С. (отв. ред.). *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки*. Москва: Наука, 272—366.

Андриевский Д.В. 2022. Тетрадрахмы Антиохии из Горного Крыма. В: Чореф М.М. (отв. ред.). *Материалы и исследования по истории России*. Вып. 19. Нижневартовск: ИП Мельник Н.В., 5—8.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2021. Привозные эллинистические монеты, найденные близ с. Партизанское (Юго-Западный Крым), как исторический источник. *МАИАСП* 13, 875—881.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. Античные монеты, найденные близ пос. Почтовое (Крым), как исторический источник. *МАИАСП* 14, 358—368.

Анохин В.А. 1977. *Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в. н.э.)*. Киев: Наукова думка.

Анохин В.А. 1986. *Монетное дело Боспора*. Киев: Наукова думка.

Анохин В.А. 1989. *Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Анохин В.А. 1999. *История Боспора Киммерийского*. Киев: Одигитрия.

Анохин В.А. 2010a. К дискуссии о монетах с надписью ΣΑΜΜΑ. В: Анохин В.А. *Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике*. Киев: Стилос, 82—87.

Анохин В.А. 2010b. Понтийская экспедиция Перикла и Боспор Киммерийский (437 г. до н.э.). В: Анохин В.А. *Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике*. Киев: Стилос, 70—81.

Анохин В.А. 2010c. Самосцы в Херсонесе Таврическом. В: Анохин В.А. *Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике*. Киев: Стилос, 88—101.

Анохин В.А. 2011. *Античные монеты Северного Причерноморья*. Киев: Стилос.

Вахтина М.Ю. 2015. О гробницах 1 и 6 некрополя Нимфея. *Таврические студии* 7, 34—42.

Грач Н.Л. 1999. *Некрополь Нимфея*. Санкт-Петербург: Наука.

КБН 1965: Струве В.В. (ред.). 1965. *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.

Колтухов С.Г. 1999. *Укрепления Крымской Скифии*. Симферополь: Сонат.

Кропоткин В.В. 1961. *Клады римских монет на территории СССР*. Москва: АН СССР (САИ Г4-4).

Намойлик А.С. 2020. Граффити и дипинти из могильника Нейзац, поселения на могильнике Нейзац и поселения в Барабановской балке. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* 6, 113—135.

Сапрыкин С.Ю. 2005. *Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического*. *Историко-нумизматическое исследование*. Москва: Наука.

Сергеев А.Я. 2012. *Монеты варварского чекана на территории от Балкан до Средней Азии*. Москва: ГИМ.

Силантьева Л.Ф. 1959. Некрополь Нимфея. В: Гайдукевич В.Ф. (ред.). *Некрополи боспорских городов*. Москва; Ленинград: АН СССР (МИА 69).

Синика В.С., Чореф М.М. 2018. Варварские подражания монетам Филиппа II Македонского с левобережья Нижнего Днестра. *КСИА* 250, 336—348.

Скворцов К.Н., Чореф М.М. 2020. Клад римских монет Мельниково-1. *МАИАСП* 12, 734—773.

Смекалова Т.Н., Колтухов С.Г., Зайцев Ю.П. 2015. *Атлас позднескифских городищ предгорного Крыма*. Санкт-Петербург: Алетейя (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XV. Археологические атласы Северного Причерноморья).

Тарасюк Л.И. 1956. Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи. *КСИИМК* 63, 22—30.

Трубачев О.Н. 1999. *Indoarica в Северном Причерноморье*. Санкт-Петербург: Наука.

Труфанов А.А. 2010. Монеты из погребений варварского населения Крыма первых веков н.э. *АА* 22, 235—250.

Храпунов И.Н. 2011. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац. В: Храпунов И.Н. (ред.). *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь: Доля, 13—133.

Храпунов И.Н. 2016. *Поселение в Барабановской балке (II—IV вв. н.э.)*. Симферополь: Наследие тысячелетий.

Храпунов И.Н., Смекалова Т.Н., Власов В.П. 2010. *Археологические разведки в предгорном Крыму между долинами рек Биюк-Карасу и Бельбек*. Симферополь: Доля (МАКК IV).

Храпунов И.Н., Стоянова А.А. 2016. Первые погребения в могильнике Нейзац. *История и археология Крыма* III, 200—234.

Храпунов Н.И. 2009. Монеты из могильника Нейзац (находки 1996—2008 гг.). *ПИФК* 3, 55—82.

Храпунов Н.И. 2020. Новые находки монет в могильнике Нейзац. *Stratum plus* 4, 227—233.

Чореф М.М. 2013. К вопросу о периодизации денежного обращения Таврики в эпоху римского господства. *Stratum plus* 4, 191—216.

Чореф М.М. 2017. Сикли Ахеменидов из округи Неаполя Скифского. *Stratum plus* 3, 213—221.

Чореф М.М. 2018. Первые серии бронз Спартокидов как источник исторической информации. *Stratum plus* 3, 387—404.

Чореф М.М. 2019. Звездовидная надчеканка I в. до н.э. на боспорском оболе III в. до н.э. как свидетельство межэтнических контактов населения Боспора и аспургиан. *Русин* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3.

Шульц 1949: НА ОАСА. Инв. А. № 3/7-4. А 1949. Шульц П.Н. Краткий предварительный отчет о работах Тавро-скифской экспедиции в 1949 г.

clas-lgpn2.classics.ox.ac.uk: 1: Lexicon of the Greek Personal Nimes. URL: http://clas-lgpn2.classics.ox.ac.uk/cgi-bin/lgpn_search.cgi?name=Πάτης (дата обращения 12.08.2022).

epigraphy.packhum.org: 1: PHI Greek Inscriptions. URL: https://epigraphy.packhum.org/search?patt=Πάτης (дата обращения 12.08.2022).

Frolova N.A. 2004. *Griechisches Münzwerk. Die Frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporus (Mitte 6. Bis Anfang 4. Jh. v. Chr.) Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder*. Berlin: Akademie Verlag GmbH.

References

Abaev, V.I. 1979. In: Rastorgueva, V.S. (ed.). *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Drevneiranskiye yazyki (Fundamentals of Iranian Linguistics. Ancient Iranian languages)*. Moscow: Nauka, 272—366 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V. 2022. In: Choref, M.M. (ed.). *Materialy i issledovaniya po istorii Rossii (Materials and research on the history of Russia)*. Iss. 19. Nizhnevartovsk: IP Mel'nik N.V., 5—8 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 875—881 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 358—368 (in Russian).

Anokhin, V.A. 1977. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. — XII v. n.e.) (Coinage of Chersonesos (4th c. BCE — 12th c. CE))*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Anokhin, V.A. 1986. *Monetnoe delo Bospora (Coinage of the Bosporus)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Anokhin, V.A. 1989. *Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomo'ya (Coins of ancient cities of the North-Western Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka.

Anokhin, V.A. 1999. *Istoriya Bospora Kimmeriyskogo (History of Cimmerian Bosporus)*. Kyiv: Odigitriia (in Russian).

Anokhin, V.A. 2010a. In: Anokhin, V.A. *Materialy, issledovaniya i zametki po arkheologii i numizmatike (Materials, studies and notes on archaeology and numismatics)*. Kyiv: Stilos, 82—87 (in Russian).

Anokhin, V.A. 2010b. In: Anokhin, V.A. *Materialy, issledovaniya i zametki po arkheologii i numizmatike (Materials, studies and notes on archaeology and numismatics)*. Kyiv: Stilos, 70—81 (in Russian).

Anokhin, V.A. 2010c. In: Anokhin, V.A. *Materialy, issledovaniya i zametki po arkheologii i numizmatike (Materials, studies and notes on archaeology and numismatics)*. Kyiv: Stilos, 88—101 (in Russian).

Anokhin, V.A. 2011. *Antichne monety Severnogo Prichernomor'ya. Katalog (Ancient Coins of the Northern Pontic Region: Catalogue)*. Kyiv: Stilos (in Russian).

Vakhtina, M.Yu. 2015. In *Tavricheskie studii (Tauride Studios)* 7, 34—42 (in Russian).

Grach, N.L. 1999. *Nekropol' Nimfeya (Necropolis of Nymphaion)*. Saint Petersburg: Nauka (in Russian).
KBN 1965: Struve, V.V. (ed.). 1965. *Korpus bosporskikh nadpisei (Corpus of Bosporan Inscriptions)*. Moscow; Leningrad: Nauka (in Russian).
Koltukhov, S.G. 1999. *Ukrepleniya Krymskoy Skifii (Fortifications of the Crimean Scythia)*. Simferopol: Sonat (in Russian).
Kropotkin, V.V. 1961. *Klady rimskikh monet na territorii SSSR (Hoards of Roman coins on the territory of the USSR)*. Moscow: AN SSSR (Corpus of Archaeological Sources G4-4) (in Russian).
Namoylik, A.S. 2020. In *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.)* (*The Crimea in the Sarmatian Period (2nd Century BCE — 4th Century CE))* 6, 113—135 (in Russian).
Saprykin, S.Yu. 2005. *Denezhnoe obrashhenie na hore Chersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epohu (istoriko-numizmaticheskoe issledovanie) (Money circulation on the chorus of Tauric Chersonese in antiquity (historical and numismatic research))*. Moscow: Nauka (in Russian).
Sergeyev, A.Ya. 2012. *Monety varvarskogo chekana na territorii ot Balkan do Sredney Azii (Coins of the barbarian coinage in the territory from the Balkans to Central Asia)*. Moscow: GIM (in Russian).
Silantyeva, L.F. 1959. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). *Nekropoli bosporskikh gorodov (Necropolises of the Bosporan cities).* Moscow; Leningrad: AN SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 69).
Sinika, V.S., Choref, M.M. 2018. In *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 250, 336—348 (in Russian).
Skvortsov, K.N., Choref, M.M. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 734—773 (in Russian).
Smekalova, T.N., Koltukhov, S.G., Zaytsev, Yu.P. 2015. *Atlas pozdneskifskikh gorodishch predgornogo Kryma (Atlas of Late Scythian fortress in the Crimean foothills)*. Saint Petersburg: Aleteyya (Materials for the archaeological map of Crimea. Iss. XV. Archaeological atlases of the Northern Black Sea region) (in Russian).
Tarasyuk, L.I. 1956. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury (Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture)* 63, 22—30 (in Russian).
Trubachev, O.N. 1999. *Indoarica v Severnom Prichernomor'ye (Indoarica in the Northern Black Sea region)*. Saint Petersburg: Nauka (in Russian).
Trufanov, A.A. 2010. In *Arkheologicheskiy al'manakh (Archaeological Almanac)* 22, 235—250 (in Russian).
Khrapunov, I.N. 2011. In: Khrapunov, I.N. (ed.). *Issledovaniya mogil'nika Neizats (Exploration of the Neizats burial ground)*. Simferopol: Dolya, 13—133 (in Russian).
Khrapunov, I.N. 2016. *Poseleniye v Barabanovskoy balke (II—IV vv. n.e.) (Settlement in Barabanovskaya Balka (2nd — 4th cc. CE)).* Simferopol: Nasledie tysyacheletiy (in Russian).
Khrapunov, I.N., Smekalova, T.N., Vlasov, V.P. 2010. *Arkheologicheskiye razvedki v predgornom Krymu mezhdu dolinami rek Biyuk-Karasu i Bel'bek (Archaeological exploration in the Crimean foothills between the valleys of the Biyuk-Karasu and Belbek rivers)*. Simferopol: Dolya (Materials for the archaeological map of Crimea IV) (in Russian).
Khrapunov, I.N., Stoyanova, A.A. 2016. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and archaeology of Crimea)* III, 200—234 (in Russian).
Khrapunov, N.I. 2009. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 3, 55—82 (in Russian).
Khrapunov, N.I. 2020. In *Stratum plus* 4, 227—233 (in Russian).
Choref, M.M. 2013. In *Stratum plus* 4, 191—216 (in Russian).
Choref, M.M. 2017. In *Stratum plus* 3, 213—221 (in Russian).
Choref, M.M. 2018. In *Stratum plus* 3, 387—404 (in Russian).
Choref, M.M. 2019. In *Rusin* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3 (in Russian).
Shultz 1949: NA OASA. Inv. A. No. 3/7-4. A 1949. Shultz P.N. Kratkiy predvaritel'nyi otchet o rabotakh Tavro-skifskoy ekspeditsii v 1949 g.
clas-lgpn2.classics.ox.ac.uk: 1: Lexicon of the Greek Personal Nimes. URL: http://clas-lgpn2.classics.ox.ac.uk/cgi-bin/lgpn_search.cgi?name=Πάτης (дата обращения 12.08.2022).
epigraphy.packhum.org: 1: PHI Greek Inscriptions. URL: https://epigraphy.packhum.org/search?patt=Πάτης (дата обращения 12.08.2022).
Frolova, N.A. 2004. *Griechisches Münzwerk. Die Frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporus (Mitte 6. Bis Anfang 4. Jh. v. Chr.) Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder*. Berlin: Akademie Verlag GmbH.

Рис. 1. Реплика тетроболу Нимфея, найденная близ пос. Зуя (фото Д.В. Андриевского).

Fig. 1. Replica of the tetrobolus of Nymphaion found near the Zuya village (photo by D.V. Andriyevskiy).

Рис. 2. Тетробол Нимфея (Bibliotheque nationale de France. Inv. № FRBNF41829949).

Fig. 2. Tetrobol of Nymphaion (Bibliotheque nationale de France. Inv. № FRBNF41829949).

УДК 94(495)
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.24.16.018

Д.В. Андриевский, М.М. Чореф

АНТИЧНЫЕ МОНЕТЫ, НАЙДЕННЫЕ БЛИЗ ПОС. ПОЧТОВОЕ (КРЫМ), КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК*

Наше внимание привлекла небольшая подборка античных монет (10 экз.), найденных в начале XXI в. жителями пос. Почтовое на территории близлежащего сада. Есть основания полагать, что эти артефакты в свое время находились в собственности у жителей позднескифских селищ Альминское, Терек-Эли или пока еще неразведанного объекта, находившегося в районе обнаружения монет. Самые ранние находки — билонные тетрадрахмы, чеканенные в Александрии при Нероне и в честь Тита при Веспасиане. Остальные монеты — разменные, изготовленные из малоценных бронзовых сплавов. Большая их часть (7 экз.) эмитирована в восточных римских провинциях во II — начале III вв. Позднейшую из монет отчеканили в Александрии от имени Галерия в период правления Диоклетиана. Примечательно, что в подборке нет монет Херсонеса и Боспора, при том, что их жители не использовали деньги, чеканенные в римском Египте. Следовательно, изучаемые артефакты поступили к поздним скифам не от херсонеситов и боспорян или иноземных купцов, торговавших в Таврике, а от римских легионеров, переведённых на полуостров и размещённых, по-видимому, в Алма-Кермене. Тот факт, что большая часть найденных монет была эмитирована во II — начале III вв., свидетельствует о пике внешнеполитической активности империи в Таврике в тот период. Что же касается бронзы Галерия, то она могла поступить в регион в ходе мелкой приграничной торговли. Сам факт обнаружения этих артефактов в достаточно удалённом от побережья районе Юго-Западной Таврики позволяет уточнить наши представления об экономике региона в римский период его истории. Есть все основания полагать, что его жители торговали с подконтрольными римлянам территориями, причём ценили деньги не только из благородных металлов, но и из бронзы.

Ключевые слова: археология, история, нумизматика, Альминская долина, привозная монета.

Сведения об авторах: Андриевский Денис Вадимович[1], Русское географическое общество; Чореф Михаил Михайлович[2], кандидат исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Контактная информация: [1]190000, Россия, г. Санкт-Петербург, пер. Гривцова, д. 10 А, Русское географическое общество; e-mail: rgo@rgo.ru; [2]603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: choref@yandex.ru.

D.V. Andriyevskiy, M.M. Choref

ANTIQUE COINS FOUND NEAR OF THE POSHTOVE VILLAGE (CRIMEA) AS A HISTORICAL SOURCE

Our attention was drawn to a small sample of antique coins (10 items) found at the beginning of this century by residents of the town of Poshtove, on the territory of the nearby garden. There are some reasons to believe that these artifacts were once owned by the inhabitants of late Scythian settlements: Alma, Terek-Eli, or an as yet unexplored site located in the area where coins were discovered. The earliest finds are the billon tetradrachms minted in Alexandria under Nero and in honor of Titus under Vespasian. All

* Статья поступила в номер 09 августа 2022 г.
Принята к печати 28 августа 2022 г.

© Д.В. Андриевский, М.М. Чореф, 2022.

other coins are change coins made of low-value bronze alloys. Most of them (seven items) were issued in the Eastern Roman provinces in the 2nd — early 3rd cc. The latest of these was minted in Alexandria on behalf of Galerius during the reign of Diocletian. It is noteworthy that there are no coins of Chersonesos and Bosporus in the sample. Moreover, their inhabitants did not use money minted in Roman Egypt. Consequently, the studied artifacts came to the late Scythians not from Chersonesites and Bosporans or foreign merchants who traded in Taurica, but from Roman legionnaires transferred to the peninsula and apparently located in Alma-Kermen. The fact that most of the coins found were issued in the 2nd — early 3rd cc. testifies to the peak of the foreign policy of the Empire in Taurica at that time. In turn, the bronze of Galerius could have come to the region in the process of frontier petty trade. The very fact that these artifacts were discovered in a region of Southwestern Taurica quite far from the coast allows us to clarify our understanding of the economy of the region in the Roman period of its history. There is every reason to believe that its inhabitants traded with the territories controlled by the Romans. Moreover, they valued money not only made of precious metals, but also from bronze.

Key words: archaeology, history, numismatics, Alma Valley, imported coin.

About the authors: Andriyevskiy Denis Vadimovich[1], Russian Geographical Society; Choref Mikhail Mikhailovich[2], PhD (History), Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Contact information: [1]190000, Russia, Saint Petersburg, 10A Grivtsova Pereulok, Russian Geographical Society; e-mail: rgo@rgo.ru; [2]603950, Russia, Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Av., Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; e-mail: choref@yandex.ru.

Продолжаем изучение памятников античной нумизматики из Альминской долины (Андриевский, Чореф 2021: 875—881). Сравнительно недавно нами была осмотрена и изучена небольшая подборка античных монет, найденная жителем пос. Почтовое на территории сада между этим населенным пунктом и с. Новопавловка. Сразу же подчеркнем, что речь идет о подъемном материале, обнаруженном на современной земной поверхности. Все изученные монеты были выпущены в Римской империи. Их чеканили как в столичном, так и в провинциальных монетных дворах.

Наш интерес к этим монетам отнюдь не случаен. Дело в том, что близ пос. Почтовое О.И. Домбровским в 1946 г. были обнаружены два античных поселения[1]: Альминское и Терек-Эли. Есть все основания считать их селищами[2]. Основываемся на том, что они не были укреплены, а культурный слой на их территориях незначителен. Так, на первом он составляет 0,2—0,3 м, а на втором — 1,0 м, но, по данным О.И. Домбровского он «весьма перемешан и перерыт… смешаны античная, средневековая, татарская и европейская керамика» (Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015: 68, 72). О.И. Дашевская заключила, что Альминское поселение следует датировать первыми веками н.э. (Дашевская 1991: 48, № 40). Вполне возможно, что Терек-Эли было ему одновременным. В любом случае, до настоящего времени были все основания полагать, что эти поселения бедны находками. Тем ценнее артефакты, которые мы вводим в научный оборот. Полагаем, что они были найдены на месте еще одного, ранее не разведанного античного объекта: поселения или святилища. Приводим их описания.

[1] Площадь первого — 1,6, а второго — 1,2 га (Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015: 68, 72). 1946 г. П.Н. Шульц провел разведки на их территории. Исследователь обнаружил скифскую керамику, а на первом также обломки амфор (Шульц 1947: 65, 66).

[2] Принимаем классификацию скифских поселений, предложенную и обоснованную С.Г. Колтуховым (Колтухов 1999).

1. Нерон (54—68). Чекан Александрии, выпуск 65/66 г.
Л.с.: NEPΩ KΛ. Бюст императора в лучевой короне вправо.
О.с.: AYTOKPA. Бюст Александрии вправо в короне в виде головы слона. Правее ее лица буквосочетание LIB — указание на дату выпуска.
Тетрадрахма, чекан Александрии. Судя по наличию обозначения LB, монета была выпущена в двенадцатом году правления Нерона, т.е. в 65/66 г. (RPC I: No. 5289).
Биллон. Диаметр монеты — 2,4 см, ее вес — 11,89 г.
Монета сильно стерта (рис. 2: *1*).

2. Веспасиан (69—79). Чекан Александрии, выпуск 69/70 г.
Л.с.: AYTOK KAIΣ ΣEBA OYEΣΠAΣIANOY. Бюст Веспасиана в лавровом венке вправо. Правее груди и ниже подбородка размещена монограмма LB — указание на дату выпуска.
О.с.: T ΦΛAYI OYEΣΠAΣIANOΣ KAIΣ. Бюст Тита в лавровом венке вправо.
Тетрадрахма, чекан Александрии. Судя по обозначению LB, монета была отчеканена на второй год после провозглашения Веспасиана императором, т.е. в 69/70 г. (RPC II: No. 2416).
Биллон. Диаметр монеты — 2,5 см, ее вес — 15,26 г.
Монета хорошей сохранности (рис. 2: *2*).

3. Антонин Пий (138—161). Чекан восточных провинций.
Л.с.: Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Кибела на троне, развернутом влево. Ее правая рука протянута вперед, а левая опирается на тимпан. В легенде различима только буква «А» левее правой ноги Кибелы.
Бронза. Диаметр монеты — 2,2 см, ее вес — 8,73 г.
Монета сильно стерта (рис. 2: *3*).

4. Луцилла. Чекан Рима, выпуск 161—180 гг.
Л.с.: Бюст Луциллы вправо.
О.с.: Хиларитас в рост. В ее руках пальмовая ветвь и рог изобилия. По сторонам — «S C».
Сестерций, чекан Рима (RIC III: No. 1742).
Бронза. Диаметр монеты — 3,0 см, ее вес — 22,75 г.
Монета сильно потерта, на поверхности — многочисленные следы коррозии (рис. 2: *4*).

5. Криспина. Чекан Рима, выпуск 180—183 гг.
Л.с.: CRISPINA AVGVSTA. Бюст Криспины вправо.
О.с.: [L]AETITIA. Летиция в рост. Ее голова развернута влево. В ее правой руке венок, а в левой — якорь на глобусе.
Асс, чекан Рима (RIC III: No. 683).
Латунь. Диаметр монеты — 2,5 см, ее вес — 13,47 г.
Монета потерта (рис. 2: *5*).

6. Элагабал (118—222) или Север Александр (222—235). Чекан восточных провинций.
Л.с.: Бюст императора влево. Вокруг следы нечитаемой круговой надписи. Просматриваются символы только одного сегмента, расположенного выше и правее головы императора: «HIA…N…OΛ».
О.с.: Тюхе на троне, развернутом влево. В ее правой руке — пальмовая ветвь. Композиция была обрамлена надписью. Различимы только буквосочетание «EINΓ(?)…AHΩ…», размещенное выше фигуры.

Бронза. Диаметр монеты —3,35 см, ее вес — 14,47 г.
Монета сильно потерта (рис. 2: *6*).

7. Чекан восточных провинций, II—III вв.
Л.с.: Бюст бородатого императора.
О.с.: Кадуцей, вокруг следы нечитаемой надписи.
Бронза. Диаметр монеты —1,6 см, ее вес — 2,14 г.
Монета сильно потерта (рис. 2: *7*).

8. Отацилия Севера. Чекан Рима, выпуск 246—249 гг.
Л.с.: MARCIA OTACIL SEVERA AVG. Бюст Отацилии Северы вправо.
О.с.: CONCORDIA AVGG. Конкордия на троне, развернутом влево. В ее правой руке — патера, в левой — двойной рог изобилия. Под троном — черта. Ниже ее — «S C».
Acc, чекан Рима (RIC IV: No. 203b). Судя по тому, что в легенде реверсе присутствует буквосочетание AVGG, монета была выпущена тогда, когда Филипп II уже стал августом, т.е. в 246—249 гг.
Медь. Диаметр монеты —2,4 см, ее вес — 8,98 г.
Монета хорошей сохранности (рис. 2: *8*).

9. Траян Деций (249—251). Чекан для провинции Дакии, выпуск 250/251 г.
Л.с.: IMP TRAIANVS DECIVS AVG. Бюст императора в лавровом венке и в кирасе вправо.
О.с.: PROVINCIA DACIA. Дакия в рост. Ее голова, увенчанная фригийским колпаком, развернута влево. В руках — вексиллы. У ее левой ноги — орел, держащий венок в ключве. У правой ноги — лев. Под композицией — черта. Ниже ее — обозначение даты выпуска — AN V.
Æ28 (RPC IX: No. 98).
Бронза. Диаметр монеты —2,8 см, ее вес — 14,80 г.
Монета сильно потерта (рис. 2: *9*).

10. Галерий (293—305/305—311). Чекан Александрии, выпуск 297/298 г.
Л.с.: GAL VAL MAXIMIANVS NOB CAES. Бюст Галерия в кирасе и в лавровом венке вправо.
О.с.: GENIO POPVLI ROMANI. Гений Римского народа в рост. На его голове модиус. Он облачен в хламиду. В его правой руке патера, из которой течет жидкость, а в левой — рог изобилия. В поле слева — «XXI», а справа — «A». Под композицией — черта. Ниже ее — ALE.
Фоллис, чекан Александрии, выпуск 297/298 г. (RIC VI: No. 27b).
Бронза. Диаметр монеты —2,7 см, ее вес — 10,76 г.
Монета сильно потерта (рис. 2: *10*).

Определенно, это не клад. Изученные монеты разных эмиссионных центров, отчеканены по нескольким стопам, степень их износа варьируется. Речь идет о подъемном материале. Но именно он нам сейчас и важен. Мы имеем дело с двумя разновременными срезами[3] состава денежного обращения.

[3] Очевидно, что фоллис Галерия не мог участвовать в денежном обращении вместе с тетрадрахмами Александрии и с разменными деньгами II — первой половины III вв. Монеты из подборки следует отнести к периодам «денария—статера» (I — первая половина III вв.) и позднеримских бронзовых монет — статера — варварских подражаний (конец III — V вв.) (Чореф 2013: 194—202, 206—211).

Подчеркнем, что и так вполне очевиден тот факт, что в Юго-Западной Таврике в эпоху античности обращались не только монеты чекана таврических государств[4], но и привозные деньги[5]. Местные жители ценили их не только как платежные средства[6] (Кропоткин 1961: 63—66, № 573, 579, 580, 609—611, 615, 616, 618, 619, 622—624, 625, 636—638; Зайцев 2003; Сапрыкин 2005: 137—187; Труфанов 2010: 235—250), но и использовали в качестве «оболов Харона» (Дашевская 1991: 21, табл. 1; Тункина 2002: 543—544; Зайцев 2003: 15, 19, 33, рис. 16: *68*, 17: *21*; Зайцев и др. 2007: 251; Лысенко 2007: 187—188, 191; Пуздровский 2007: 23; Труфанов 2010: 235—250; Храпунов 2019). Не случайно в Северо-Западной Таврике находят монеты Ольвии (Сапрыкин 2005: 99, 139). Есть все основания полагать, что их привезли купцы, закупавшие у скифов дешевое зерно (Сапрыкин 2005: 99—100).

В этом аспекте крайне интересны сведения, собранные В.В. Кропоткиным (Кропоткин 1961: 63—66), С.Ю. Сапрыкиным (Сапрыкин 2005) и А.А. Труфановым (Труфанов 2010: 235—250). Ученые также обратили внимание на то обстоятельство, что в регионе активно использовалась привозная монета. Причем В.В. Кропоткин отметил, что в Таврику поступала монета из римского Египта[7]. Но она крайне редка. Речь идет о «большой бронзовой монете Адриана» и о «бронзовой греко-римской монете Клавдия II»[8] (Кропоткин 1961: 65, № 614), найденных в Новоотрадном (Ленинский район). Однако на хоре Херсонеса и на территории Боспорского царства в II—III вв. денежная масса состояла в основном из выпусков местного чекана. Причем выпуски Египта до недавнего времени в Юго-Западной Таврике не были выявлены, а провинциальные бронзы в этих регионах — крайне редки.

Мы находим эти факты крайне примечательными. Ведь в странах, в которых были выпущены изученные нами монеты — в восточных провинциях Рима и в подконтрольном ему Египте (рис. 2: *1—3, 6, 7, 9*) не нуждались в товарах из Северного Причерноморья. Не могли их завести на полуостров и в качестве общепринятых на тот момент в империи средств платежа. Ведь таковыми являлись монеты италийского чекана (Сапрыкин 2005: 163—168; Труфанов 2010: табл. 2). К слову, они присутствуют в подборке (рис. 2: *4, 5, 8*). Нам остается только вслед за С.Ю. Сапрыкиным допускать, что выпуски римского провинциального чекана могли поступить в регион благодаря легионерам, причем минуя Херсонес (Сапрыкин 2005: 137).

Подчеркнем, что тезис уважаемого исследователя как нельзя лучше объясняет прослеживаемую ситуацию. Ведь западнее селищ Альминское и Терек-Эли и предполагаемого античного объекта находится городище Алма-Кермен. Это было весьма значительное укрепленное поселение с площадью 1,3 га (Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015: 56—61). В нем со

[4] Так, одному из авторов этой статьи в последнее время представилась возможность ввести в научный оборот небольшую подборку римских провинциальных тетрадрахм антиохийского чекана III в., найденных в Горном Крыму (Андриевский 2022: 5—8).

[5] Заметим, что в Юго-Западной Таврике обнаружены также сикли Ахеменидов. Они были найдены близ Неаполя Скифского (Чореф 2017b). Так же есть все основания полагать, что причерноморские варвары чеканили реплики боспорских тетрахалков серии «безбородый сатир — голова льва» (Чореф 2018: 395—396, рис. 3). Можно заключить, что у них существовало денежное обращение, усваивавшее не только выпуски Херсонеса и Боспора и привозные монеты, но также и реплики им.

[6] Весьма перспективную мысль по этому поводу высказал А.В. Лысенко. Ученый заключил, что монеты в Таврике того периода исполняли функции «экономические», «культовые» и «этнографические». Причем к первой группе исследователь отнес клады, а также находки в культурных слоях и «случайные находки» (Лысенко 2007: 187). А, как помним, объектами нашего исследования были найдены на современной земной поверхности. Так что есть все основания полагать, что изученные нами артефакты использовались в качестве платежных средств. Мы находим это обстоятельство крайне важным и вернемся к его трактовке в свое время.

[7] Мы ниже попытаемся объяснить ее появление.

[8] При нем в Александрии чеканили только билонные тетрадрахмы.

второй половины II до середины III в. находился римский военный пост[9], на котором несли службу легионеры XI Клавдиева легиона (Высотська 1970: 179—193; Высоцкая 1975: 50—66; Колтухов 1999: 117—118, № 34; Зубарь 2001—2002: 128, рис. 119; Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015: 59—60; Masyakin 2009: 261—286). Вполне возможно, что Алма-Кермен был административным центром (Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015: 59—60).

Однако заметим, что I Италийский, V Македонский и XI Клавдиев легионы, воины которых несли тогда службу в Таврике, базировались в западных провинциях. Причем они комплектовались жителями этих регионов (Зубарь 2001—2002: 57—73). Вполне возможно, что благодаря этому обстоятельству в подборке оказались сестерций Луциллы (рис. 2: *4*), ассы Криспины (рис. 2: *5*) и Отацилии Северы (рис. 2: *8*), а также и Æ28 Траяна Деция (рис. 2: *9*).

Однако стоит отметить тот факт, что легионеры из этих подразделений приняли участие в восточных походах. Так, I Италийский легион под командованием Траяна (98—117) сражался с парфянами (Bennett 1997: 195—196). В свою очередь, V Македонский и XI Клавдиев легионы участвовали в подавлении восстания Бар-Кохбы (Грушевой 2008: 138—141). Вполне возможно, что их воины участвовали в штурме крепости Бейтар (Taanit 4:5 (24a); Clermont-Ganneau 1899: 463—470). Так что легионеры наверняка пользовались монетами, выпущенными денежными дворами восточных римских провинций и Египта, который был в тот период важнейшим поставщиком продовольствия. Этими обстоятельствами мы объясняем поступление на полуостров описанных нами тетрадрахм Нерона (рис. 2: *1*) и Веспасиана (рис. 2: *2*), а также драхмы Адриана из Новоотрадного (Кропоткин 1961: 65, № 614).

Кроме того, на полуострове дислоцировалась части I Киликийской когорты (Зубарь 2001—2002: 65—66). Ее солдаты вербовались в восточных областях империи. Так что воины этого подразделения также могли завести в Таврику восточные монеты. Что же касается позднейших римских провинциальных серий, то они могли поступать к поздним скифам как от легионеров, участвовавших в войнах эпохи «солдатских» императоров, так и моряков Равеннской эскадры.

В любом случае, такие артефакты использовались как платежные средства. Судим по значительному износу большей их части (рис. 2: *1—7, 9*). Причем спрос на них наблюдался в регионе до конца III в. Учитываем факт наличия в подборке фоллиса Галерия (рис. 2: *10*). Заключаем, что население региона во II—III вв. активно участвовало в приграничной торговле.

Полагаем, что следует обратить внимание и на следующее обстоятельство. Ни одна из монет подборки не была пробита (рис. 2). Так что они не предназначались для составления знаковых украшений (Чореф 2019a; Скворцов, Чореф 2020). Что в очередной раз убеждает нас в развитости денежного хозяйства в Альминской долине в тот период.

Что же касается самих найденных монет, то они как нельзя лучше позволяют проследить послужной путь римских подразделений, несших службу в Таврике. Разнообразие изученных артефактов убедительно свидетельствует о важности этого региона для империи во II—III вв. Гарнизоны на ее территории комплектовали из воинских частей, служивших как в западных, так и в восточных регионах.

Допускаем, что активизация притока в Таврику бронз чекана восточных провинций Рима и подвластного ему Египта может быть обусловлена обострением ситуации в регионе. Не случайно большая часть найденных монет была выпущена в периоды правления Антонинов

[9] История римских воинских контингентов в Таврике изложена в фундаментальных монографиях В.М. Зубаря (Зубарь 2001—2002) и Д.А. Костромичёва (Костромичёв 2011). Добавим также, что ценными источниками информации по этому вопросу являются памятники нумизматики (Чореф 2010; 2013; 2019b) и сфрагистики (Сапрыкин, Дорошко 2015; Чореф 2017a). Собственно, периодизация истории монетного обращения на полуострове в эпоху античности может быть построена только с учетом эволюции денежной системы Римской империи (Труфанов 2010; Чореф 2013).

и Северов. Ведь на рубеже II—III вв. шла Вторая Боспорская война (Иванчик 2013; Чореф 2019b; 2021), а в первой четверти III в. начались не менее разрушительные «Скифские войны». Императоры при возможности[10] перебрасывали новые воинские контингенты, солдаты которых привозили свои сбережения, составленные в деньгах, обращавшихся в странах их предыдущей дислокации.

Как видим, монеты из изученной подборки являются ценными источниками исторической информации. Выносим результаты нашего исследования на научное обсуждение.

Литература

Андриевский Д.В. 2022. Тетрадрахмы Антиохии из Горного Крыма. В: Чореф М.М. (отв. ред.). *Материалы и исследования по истории России*. Вып. 19. Нижневартовск: ИП Мельник Н.В., 5—8.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2021. Привозные эллинистические монеты, найденные близ с. Партизанское (Юго-Западный Крым), как исторический источник. *МАИАСП* 13, 875—881.

Высотська Т.М. 1970. Городище Алма-Кермен в Крыму. *Археологія* XXIV, 179—193.

Высоцкая Т. 1975. *Скифские городища*. Симферополь: Таврия (Археологические памятники).

Грушевой А.Г. 2008. *Иудеи и иудаизм в истории Римской республики и Римской империи*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ (Историческая библиотека).

Дашевская О.Д. 1991. *Поздние скифы в Крыму*. Москва: Наука (САИ Д1-7).

Зайцев Ю.П. 2003. *Неаполь скифский (II в. до н.э. — III в. н.э.)*. Симферополь: Универсум.

Зайцев и др. 2007: Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Кюнельт Э., Масякин В.В., Мордвинцева В.И, Фирсов К.Б., Флесс Ф. 2007. Позднескийский некрополь Заветное (Алма-Кермен) 1—3 вв. н.э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. В: Мордвинцева В.И. (отв. ред.). *Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высоцкой*. Симферополь: Универсум, 249—290.

Зубарь В.М. 2001—2002. Римское военное присутствие в Таврике. *Stratum plus* 4, 8—179.

Иванчик А.И. 2013. Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре. *ВДИ* 1 (284), 59—77.

Колтухов С.Г. 1999. *Укрепления Крымской Скифии*. Симферополь: Сонат.

Костромичёв Д.А. 2011. Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I — первой половине V вв. (по данным археологии). *Stratum plus* 4, 15—164.

Кропоткин В.В. 1961. *Клады римских монет на территории СССР*. Москва: АН СССР (САИ Г4-4).

Лысенко А.В. 2007. Римские монеты 3 — начала 4 в. в Южной части Таврики. В: Мордвинцева В.И. (отв. ред.). *Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высоцкой*. Симферополь: Универсум, 187—189, рис. 1, 2.

Сапрыкин С.Ю. 2005. *Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического. Историко-нумизматическое исследование*. Москва: Наука.

Сапрыкин С.Ю., Дорошко В.В. 2015. Печать римского бенефециария из окрестностей Херсонеса Таврического. В: Журавлев Д.В. (отв. ред.). *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова*. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 239—246.

Скворцов К.Н., Чореф М.М. 2020. Клад римских монет Мельниково-1. *МАИАСП* 12, 734—773.

Смекалова Т.Н., Колтухов С.Г., Зайцев Ю.П. 2015. *Атлас позднескифских городищ предгорного Крыма*. Санкт-Петербург: Алетейя (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XV. Археологические атласы Северного Причерноморья).

ТК 1988: Генеральный штаб. Симферополь. L-36-116. 1: 100 000. URL: http://ru-krym-otdyh.ru/karty/g1000/L-36-116.html (дата обращения 25.07.2022).

Труфанов А.А. 2010. Монеты из погребений варварского населения Крыма первых веков н.э. *АА* 22, 235—250.

Тункина И.В. 2002. *Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.)*. Санкт-Петербург: Наука.

Храпунов Н.И. 2019. Некоторые наблюдения над монетными находками в крымских могильниках позднеримского времени. *История*. Т. 10. Вып. 9 (83). URL: https://arxiv.gaugn.ru/s207987840007209-8-1 (дата обращения 25.07.22). DOI: 10.18254/S207987840007209-8.

[10] Полагаем, что возведение на престол Хедосбия может быть объяснено только критической ситуацией, в которой оказался Боспор, лишенный военной помощи Рима (Чореф 2020).

Чореф М.М. 2010. Изображения императоров династии Юлиев–Клавдиев на золоте, серебре и меди херсонесского чекана. *МАИАСП* 2, 76—120.
Чореф М.М. 2013. К вопросу о периодизации денежного обращения Таврики в эпоху римского господства. *Stratum plus* 4, 191—216.
Чореф М.М. 2017a. Новая античная свинцовая печать из Херсонеса Таврического. *Stratum plus* 4, 99—114.
Чореф М.М. 2017b. Сикли Ахеменидов из округи Неаполя Скифского. *Stratum plus* 3, 213—221.
Чореф М.М. 2018. Первые серии бронз Спартокидов как источник исторической информации. *Stratum plus* 3, 387—404.
Чореф М.М. 2019a. Звездовидная надчеканка I в. до н.э. на боспорском оболе III в. до н.э. как свидетельство межэтнических контактов населения Боспора и аспургиан. *Русин* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3.
Чореф М.М. 2019b. К истории Второй Боспорской войны. *Stratum plus* 4, 75—98.
Чореф М.М. 2020. К истории правления Хедосбия. *Stratum plus* 4, 231—240.
Чореф М.М. 2021. Бронзы Савромата II с сидящей на троне Афродитой на реверсе как источник исторической информации. *МАИАСП* 13, 882—902.
Шульц П.Н. 1947. Тавро-Скифская экспедиция 1946 г. *Советский Крым* 5, 42.
Bennett J. 1997. *Trajan. Optimus Princeps*. London; New York: Routledge.
Clermont-Ganneau Ch. 1899. *Archaeological Researches in Palestine during the Years 1873—1874*. Vol. I. London: Palestine Exploration Fund.
Masyakin V.V. 2009. Roman Fibulae and Parts of a Belt-set from the Zavetnoe Necropolis. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 15, 261—286.
RIC III: Mattingly H., Sydenham E.A. 1930. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. III. *Antoninus Pius to Commodus*. London: Spink & Son Ltd.
RIC IV: Mattingly H., Sydenham E.A., Sutherland C.H.V. 1949. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IV. Pt. III. *Gordian III — Uranius Antoninus*. London: Spink and Son Ltd.
RIC VI: Sutherland C.H.V., Litt D., Carson R.A.G. 1967. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. VI. *From Diocletian's reform (A.D. 294) to the death of Maximinus (A.D. 313)*. London: Spink and Son Ltd.
RPC I: Burnett A., Amandry M., Ripollès P.P. *Roman Provincial Coinage*. Vol. I. *From the Death of Caesar to the Death of Vitellius (44 BC — AD 69)*. London: British Museum Press; Paris: Bibliothèque nationale de France.
RPC II: Burnett A., Amandry M., Carradice I. 1999. *Roman Provincial Coinage*. Vol. II. *From Vespasian to Domitian (AD 69—96)*. London: British museum Press; Paris: Bibliothèque nationale de France.
RPC IX: Hostein A., Mairat J. 2016. *Roman Provincial Coinage*. Vol. IX. *From Trajan Decius to Uranius Antoninus (AD 249—254)*. London: British museum Press; Paris: Bibliothèque nationale de France.

References

Andriyevskiy, D.V. 2022. In: Choref, M.M. (ed.). *Materialy i issledovaniya po istorii Rossii (Materials and research on the history of Russia)*. Iss. 19. Nizhnevartovsk: IP Mel'nik N.V., 5—8 (in Russian).
Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 875—881 (in Russian).
Vysots'ka, T.M. 1970. In *Arkheologiya (Archaeology)* XXIV, 179—193 (in Ukrainuan).
Vysotskaya, T. 1975. *Skifskiye gorodishcha (Scythian fortress)*. Simferopol: Tavriya (Archaeological monuments) (in Russian).
Grushevoy, A.G. 2008. *Iudei i iudaizm v istorii Rimskoy respubliki i Rimskoy imperii (Jews and Judaism in the History of the Roman Republic and the Roman Empire)*. Saint Petersburg: Fakul′tet filologii i iskusstv SPbGU (Historical Library) (in Russian).
Dashevskaya, O.D. 1991. *Pozdniye skify v Krymu (Late Scythians in the Crimea)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-7) (in Russian).
Zaytsev, Yu.P. 2003. *Neapol' skifskiy (II v. do n.e. — III v. n.e.) (Scythian Naples (2nd century BCE — 3rd century CE))*. Simferopol: Universum (in Russian).
Zaytsev i dr. 2007: Zaytsev, Yu.P., Voloshinov, A.A., Kyunel't, E., Masyakin, V.V., Mordvintseva, V.I, Firsov, K.B., Fless, F. 2007. In: Mordvintseva, V.I. (ed.). *Drevnyaya Tavrika. Posvyashchayet·sya 80-letiyu Tat'yany Nikolayevny Vysotskoy (Ancient Taurica. Dedicated to the 80th Birthday of Tatyana Nikolaevna Vysotskaya)*. Simferopol: Universum, 249—290 (in Russian).
Zubar, V.M. 2001—2002. In *Stratum plus* 4, 8—179 (in Russian).
Ivantchik, A.I. 2013. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1 (284), 59—77 (in Russian).

Koltukhov, S.G. 1999. *Ukrepleniya Krymskoy Skifii (Fortifications of the Crimean Scythia)*. Simferopol: Sonat (in Russian).

Kostromichev, D.A. 2011. In *Stratum plus* 4, 15—164 (in Russian).

Kropotkin, V.V. 1961. *Klady rimskikh monet na territorii SSSR (Hoards of Roman coins on the territory of the USSR)*. Moscow: AN SSSR (Corpus of Archaeological Sources G4-4) (in Russian).

Lysenko, A.V. 2007. In: Mordvintseva, V.I. (ed.). *Drevnyaya Tavrika. Posvyashchayet·sya 80-letiyu Tat'yany Nikolayevny Vysotskoy (Ancient Taurica. Dedicated to the 80th Birthday of Tatyana Nikolaevna Vysotskaya)*. Simferopol: Universum, 187—189, fig. 1, 2 (in Russian).

Saprykin, S.Yu. 2005. *Denezhnoe obrashhenie na hore Chersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epohu (istoriko-numizmaticheskoe issledovanie) (Money circulation on the chorus of Tauric Chersonese in antiquity (historical and numismatic research))*. Moscow: Nauka (in Russian).

Saprykin, S.Yu., Doroshko, V.V. 2015. In: Zhuravlev, D.V. (ed.). *S Mitridata duyet veter. Bospor i Prichernomor'ye v antichnosti. K 70-letiyu V.P. Tolstikova*. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 239—246 (in Russian).

Skvortsov, K.N., Choref, M.M. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 734—773 (in Russian).

Smekalova, T.N., Koltukhov, S.G., Zaytsev, Yu.P. 2015. *Atlas pozdneskifskikh gorodishch predgornogo Kryma (Atlas of Late Scythian fortress in the Crimean foothills)*. Saint Petersburg: Aleteyya (Materials for the archaeological map of Crimea. Iss. XV. Archaeological atlases of the Northern Black Sea region) (in Russian).

TK 1988: General Staff. Simferopol. L-36-116. 1: 100 000. Available at: http://ru-krym-otdyh.ru/karty/g1000/L-36-116.html (accessed 25.07.2022).

Trufanov, A.A. 2010. In *Arkheologicheskiy al'manakh (Archaeological Almanac)* 22, 235—250 (in Russian).

Tunkina, I.V. 2002. *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh Yuga Rossii (XVIII — seredina XIX v.) (Russian science about classical antiquities of the South of Russia (18th — mid 19th c.))*. Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Khrapunov, N.I. 2019. In *Istoriya (History)*. Vol. 10. Iss. 9 (83). Available at: https://arxiv.gaugn.ru/s207987840007209-8-1 (accessed 25.07.2022). DOI: 10.18254/S207987840007209-8 (in Russian).

Choref, M.M. 2010. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 2, 76—120 (in Russian).

Choref, M.M. 2013. In *Stratum plus* 4, 191—216 (in Russian).

Choref, M.M. 2017a. In *Stratum plus* 4, 99—114 (in Russian).

Choref, M.M. 2017b. In *Stratum plus* 3, 213—221 (in Russian).

Choref, M.M. 2018. In *Stratum plus* 3, 387—404 (in Russian).

Choref, M.M. 2019a. In *Rusin* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3 (in Russian).

Choref, M.M. 2019b. In *Stratum plus* 4, 75—98 (in Russian).

Choref, M.M. 2020. In *Stratum plus* 4, 231—240 (in Russian).

Choref, M.M. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 882—902 (in Russian).

Shults, P.N. 1947. In *Sovetskiy Krym (Soviet Crimea)* 5, 42 (in Russian).

Bennett, J. 1997. *Trajan. Optimus Princeps*. London; New York: Routledge.

Clermont-Ganneau, Ch. 1899. *Archaeological Researches in Palestine during the Years 1873—1874*. Vol. I. London: Palestine Exploration Fund.

Masyakin, V.V. 2009. Roman Fibulae and Parts of a Belt-set from the Zavetnoe Necropolis. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 15, 261—286.

RIC III: Mattingly, H., Sydenham, E.A. 1930. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. III. *Antoninus Pius to Commodus*. London: Spink & Son Ltd.

RIC IV: Mattingly, H., Sydenham, E.A., Sutherland, C.H.V. 1949. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IV. Pt. III. *Gordian III — Uranius Antoninus*. London: Spink and Son Ltd.

RIC VI: Sutherland, C.H.V., Litt, D., Carson, R.A.G. 1967. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. VI. *From Diocletian's reform (A.D. 294) to the death of Maximinus (A.D. 313)*. London: Spink and Son Ltd.

RPC I: Burnett, A., Amandry, M., Ripollès, P.P. *Roman Provincial Coinage*. Vol. I. *From the Death of Caesar to the Death of Vitellius (44 BC — AD 69)*. London: British Museum Press; Paris: Bibliothèque nationale de France.

RPC II: Burnett, A., Amandry, M., Carradice, I. 1999. *Roman Provincial Coinage*. Vol. II. *From Vespasian to Domitian (AD 69—96)*. London: British museum Press; Paris: Bibliothèque nationale de France.

RPC IX: Hostein, A., Mairat, J. 2016. *Roman Provincial Coinage*. Vol. IX. *From Trajan Decius to Uranius Antoninus (AD 249—254)*. London: British museum Press; Paris: Bibliothèque nationale de France.

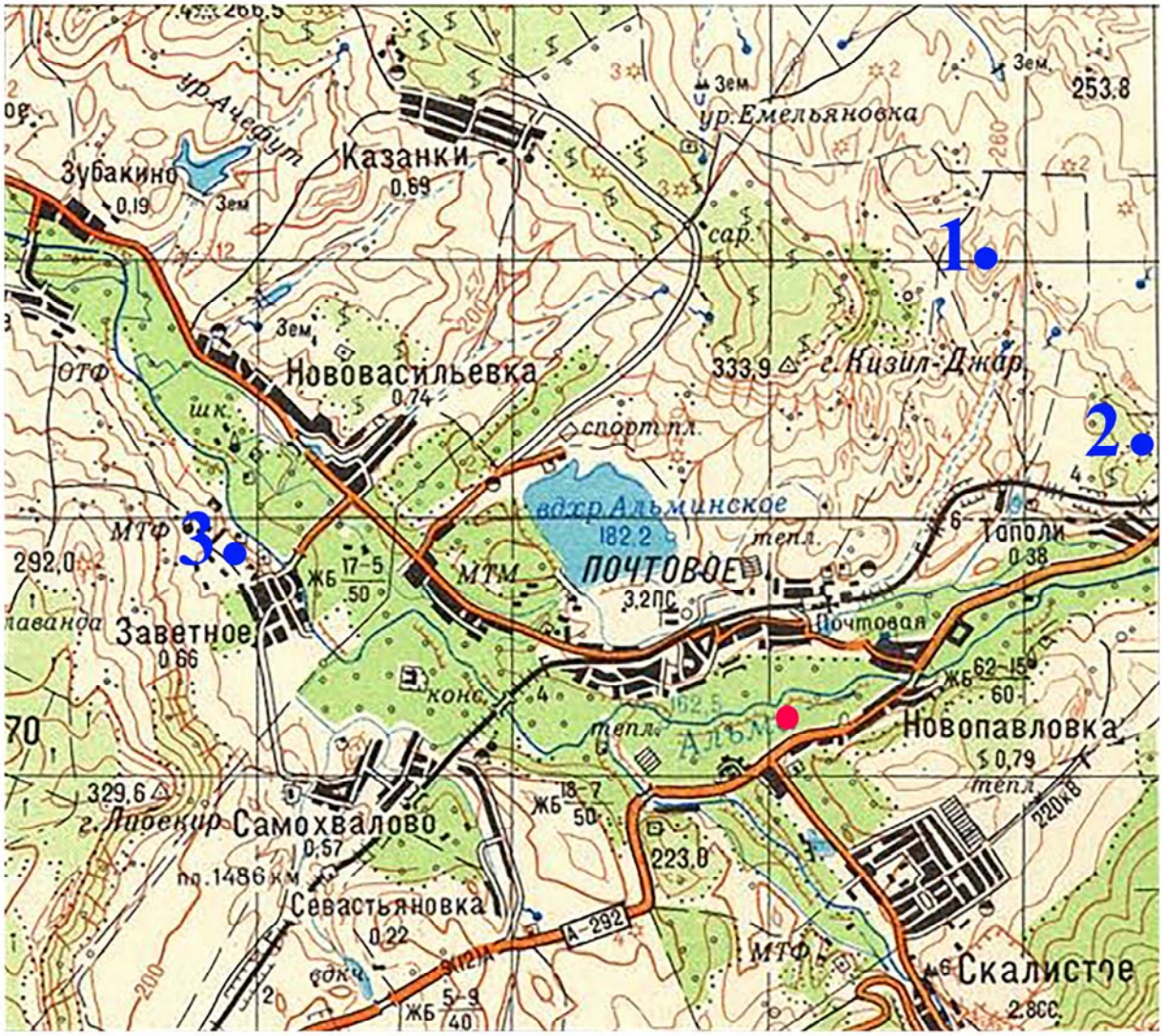


Рис. 1. Карта местности (по ТК 1988)**.** Значком ● обозначены позднескифские городища: *1* — Альминское; *2* — Терек-Эли; *3* — Алма-Кермен. Значком ● обозначен сад, на территории которого были найдены изучаемые монеты.

Fig. 1. Map of the area (after TK 1988)**.** The icon ● indicates late Scythian settlements: *1* — Al'minskoe; *2* — Terek-Eli; *3* — Alma-Kermen. The icon ● indicates the garden in which the studied coins were found.

Рис. 2. Античные монеты, обнаруженные близ пос. Почтовое (фото Д.В. Андриевского).

Fig. 2. Antique coins found near the Poshtove village (photo by D.V. Andriyevskiy).

УДК 737 «12»
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.35.46.019

П.Н. Петров, Н.А. Атыгаев, Ж.М. Белтенов

КАЙАЛЫК В ПАМЯТНИКАХ НУМИЗМАТИКИ ЧИНГИЗИДОВ*

Целью исследования состояла, во-первых, в выяснении существования монетного дела и, во-вторых, в установлении характера денежного обращения в Кайалыке в XIII—XIV вв., при Чингизидах. Впервые выявлены мелкие анонимные — без указания года и названия монетного двора — серебряные монеты (акче) с тамгой Угедея. Установлено, что с 1252 г. по распоряжению Мёнгке-каана Кайалык являлся уделом Кайду. С этого года Кайду мог начать чеканку монеты с такой тамгой в этом городе. Подтверждена принадлежность денежному производству Кайалыка двух других типов монет, не имеющих выпускных данных и имени эмитента — медных пулов и серебряных полновесных дирхамов. Они отнесены к выпускам Чагатаида Алгу. Впервые получил частичную атрибуцию именной серебряный дирхам Мубарак-Шаха, также битый в средневековом Кайалыке. Прослежено распространение некоторых монет по территории Казахстана, и это позволило обнаружить конкретные трассы «Шёлкового пути» от Кайалыка до Отрара и до Йанги Тараза. Выяснилось, что эти караванные трассы эксплуатировались до последней трети XIII в. После 1270 г., по имеющимся монетным данным, товарно-денежные отношения в Кайалыке не наблюдаются.

Ключевые слова: Государство Чингизидов, «Шелковый путь», Кайалык, Казахстан, XIII в., Кайду, Мубарак, нумизматика, монета, дирхам, пул, монетное обращение.

Сведения об авторах: Петров Павел Николаевич[1], кандидат исторических наук, профессор РАЕ, Центральный Государственный музей Республики Казахстан; Атыгаев Нурлан Адилбекович[2], кандидат исторических наук, Центральный Государственный музей Республики Казахстан; Белтенов Жасулан Мазулаевич[3], Центральный Государственный музей Республики Казахстан.

Контактная информация: [1,2,3]050059, Республика Казахстан, г. Алматы, микрорайон «Самал-1», д. 44, Центральный Государственный музей Республики Казахстан; e-mail: [1]ppnsainkhan@rambler.ru; [2]nuratygaev@mail.ru; [3]zhassbell@mail.ru.

P.N. Petrov, N.A. Atygayev, Zh.M. Beltenov

QAYALIGH IN THE MONUMENTS OF NUMISMATICS OF THE CHINGIZIDS

The research was aimed to reveal some evidence of coinage and to establish the nature of monetary circulation in Qayaligh during the 13th and the 14th centuries, under the Genghisids. For the first time, small silver akçe coins were identified, which are anonymous, since they lack both the year and the name of the mint, yet only bear a tamgha of Ögedei. Qayaligh became the possession of Qaidu by order of Möngke

* Статья подготовлена в рамках проекта № AP09261233, Грантового финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан на 2021—2023 гг.

Авторы выражают искреннюю признательность Ф.П. Григорьеву за информационную помощь при работе над статьей, П.О. Рыкину за предложенное прочтение уйгурской надписи на лицевой стороне имеющихся в нашем распоряжении не лучшего состояния монет и по сути за открытие в нумизматике Чингизидов неизвестных ранее именных выпусков Чагатаида Мубарака и нумизмату из Пакистана Харуну Мухаммад Хану Тарину (секретарю Пакистанского отделения Восточного нумизматического общества в Лондоне) за попытку расшифровать легенды о.с. монеты.

Статья поступила в номер 21 июня 2022 г.
Принята к печати 11 июля 2022г.

© П.Н. Петров, Н.А. Атыгаев, Ж.М. Белтенов, 2022.

Kagan since 1252. It is this very year that Qaidu could have started issuing coins with such tamgha signs in Qayaligh. Two more coin types, lacking both data of issue and names of issuers, are confirmed to belong to the coinage of Qayaligh; these are copper pūls and silver full-weight dirhams. These coin releases are attributed to Algu of the Chaghatayids. For the first time, an attribution for a nominal coin of Mubarak Shah is proposed; this is a silver dirham, and it was minted in medieval Qayaligh as well. The ways of distribution of some coins were traced on the territory of Kazakhstan. Specific routes of the Silk Road were revealed to lead from Qayaligh to Otrar and to Yangi Taraz. This caravan routes was operated until the last third of the 13th century. Commodity-money relations have not been observed in Qayaligh since 1270.

Key words: Chingizid State, Silk Road, Kayaliq, Kazakhstan, 13th century, Kaidu, Mubarak, numismatics, coin, dirham, pool, coin circulation.

About the authors: Petrov Pavel Nikolaevich[1], PhD (History), Professor of Russian Academy of Natural Sciences, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan; Atygayev Nurlan Adilbekovich[2], PhD (History), Central State Museum of the Republic of Kazakhstan; Beltenov Zhassulan Mazulaevich[3], Central State Museum of the Republic of Kazakhstan.

Contact informations: [1,2,3]050059, Republic of Kazakhstan, Almaty, Samal-1, 44, The Central State Museum of the Republic of Kazakhstan; e-mail: [1]ppnsainkhan@rambler.ru; [2]nuratygaev@mail.ru; [3]zhassbell@mail.ru.

Заявленная тема предполагает рассмотрение не только тех монет, которые выпускались в средневековом городе Кайалыке (Каялыке), но и тех, которые обеспечивали денежное обращение в ближайшей округе и в самом городе, хорошо известном по средневековом письменным источникам. Так сложилось, что большинство монет, которые встречались и встречаются в находках в этом районе связаны с продукцией монетных дворов Чингизидов XIII в. Известны случаи обнаружения китайских и караханидских эмиссий, но основная масса находок принадлежит именно монетам периода монгольского владычества.

Целью настоящей работы является подтверждение существования монетного дела и установление характера денежного обращения в Кайалыке в XIII—XIV вв. при Чингизидах по нумизматическим данным.

История изучения чингизидского нумизматического материала Кайалыка началась, с одной стороны, давно — чуть менее 100 лет назад, а с другой стороны, совсем недавно — уже в XXI в.

Этот кажущийся парадокс объясняется просто — принадлежность монет кайалыкскому монетному производству стала понятна только в первом десятилетии XXI в., не смотря на то, что данные монеты начали изучать еще в первой половине XX в. и связано это было с трагическими событиями конца 1930-х гг. Клад серебряных необычных монет в количестве 329 экз., на которых не были обозначены ни монетный двор, ни имя эмитента, ни год выпуска, начал изучать сотрудник Государственного Эрмитажа Ричард Ричардович (Роман Романович) Фасмер (1888—1938 гг.). Что это за монеты он не знал, но успел разложить их по штемпелям в 55 пакетиков, когда был арестован в 1934 г. Следующий этап их изучения начался весной 2004 г., когда по приглашению сотрудника Государственного Эрмитажа М.Б. Северовой были осмотрены и частично сфотографированы П.Н. Петровым кладовые дирхамы, хранящиеся в фондах музея (инв. номера № 4256—4584). К этому моменту дирхамы такого типа[1] были обнаружены и опубликованы В.Н. Настичем в Отрарском кладе XIII в., однако, никакой атрибуции автор статьи также не мог предложить ввиду отсутствия на монетах каких-либо выпускных сведений. Но эта работа прояснила датировку этих монет

[1] За критерий типа в данном случае приняты: металл, оформление и содержание надписей на обеих сторонах монет, битых на одном монетном дворе.

XIII в. и их династическую принадлежность Чингизидам (Байпаков, Настич 1981: 42, № 12; 37, рис. 12, № 1—3). Изучаемый клад был передан Эрмитажу в дар от Общества по изучению Семиречья в начале 1930-х гг. с запиской следующего содержания: «Кокандские серебряные монеты найдены вблизь с. Н. Антониевскаго, Лепсинского у. в 1912 г. при проведении оросительного канала (340 шт.)[2]». Было совершенно очевидно, что искать истоки происхождения этих дирхамов следует в Казахстане и, возможно, именно в районе поселков Лепсы — «Антониевское» (ныне Койлык, название городища — Антоновка).

Взаимодействие с археологами Казахстана — К.М. Байпаковым и Д.А. Воякиным позволило обнаружить два артефакта из раскопа на городище Антоновка интересующих нас типов:

1. серебряный дирхам такого же типа, как осмотренный П.Н. Петровым в Эрмитаже;
2. медный пул, оформленный в том же стиле, что и дирхам.

Нахождение пула сделало вполне возможным высказать предположение и даже утверждение о нахождении эмиссионного центра в средневековом Кайалыке, т.к. в XIII в. медные монеты чеканились исключительно для удовлетворения потребностей местного рынка и ареал их обращения не распространялся далеко за пределы района. В результате исследования была опубликована статья с атрибуцией и фотографиями впервые выявленных кайалыкских серебряных дирхамов и медного пула (Байпаков, Петров 2007). Позднее небольшой раздел «Монетный двор Каялыка» частично повторяющий предыдущую статью вошел в коллективную монографию (Петров 2009: 199—202, фототабл. 142). Еще раз вопросы нумизматики средневекового Кайалыка рассматривались в коллективной монографии по монетному делу и денежному обращению (Петров и др. 2014а: 154—155). Постепенно, по мере изучения все нового материала с археологического памятника Антоновка открываются все новые страницы истории средневекового города.

В 2021 г. в ходе работ по гранту исследовательская группа из Центрального государственного музея РК во главе с Н.А. Атыгаевым посетила современный Койлык с целью сбора у местного населения информации о находках средневековых монет и поиска нумизматического материала. В результате была собрана полезная информация и некоторый нумизматический материал, позволившие не только утвердиться в представлении о существовании монетного двора Кайалык (*Кайалиг*), но и рассмотреть денежное обращение и монетное дело одноименного урбанистического центра в хронологическом порядке. Очевидно, это не исчерпывающий перечень чеканившихся монет и обращавшихся в средневековом Кайалыке. Наверняка со временем будут сделаны новые нумизматические находки, но уже сейчас есть необходимость проанализировать имеющийся материал.

Приведем каталог зафиксированных монет, относимых к продукции монетного двора Кайалык.

1. Акче[3]. Монетный двор, год не указан. AR (фототабл. 1: *1—10*).
Анонимный. Тамга Угедея — S.
Л.с.: В центре поля, обрамленного ободком الامام. Выше — тамга Угедея. Под словом — виньетка (скобка).
О.с.: В центре поля, обрамленного ободком الاعظم. Над и под словом по виньетке (разные). В публикациях не встречены.

[2] Содержание записки передано дословно без изменений.
[3] Акче — мелкая серебряная монета, как правило, весом 1 г и менее.

2. Дирхам. Монетный двор, год не указаны. Анонимный. AR (фототабл. 1: *11—18*).
Л.с.: В центре поля, обрамленного ободком الاعظم / الامام. Над и под словом по «виньетке».
О.с.: В центре поля, обрамленного ободком خليفة / الله. Над и под словом по «виньетке».

2а. Дирхам. Монетный двор, год не указаны. Анонимный. AR (фототабл. 1: *19, 20*).
Л.с.: В центре поля, обрамленного ободком خليفة / الله. Над и под словом по «виньетке».
О.с.: В центре поля, обрамленного ободком خليفة / الله. Над и под словом по «виньетке».

3. Фалс. Монетный двор, год не указаны. Анонимный. AR (фототабл. 2: *21—25*).
Л.с.: В центре поля, обрамленного ободком الامام. Над и под словом по «виньетке».
О.с.: В центре поля, обрамленного ободком الاعظم. Над и под словом по «виньетке».

4. Дирхам. Монетный двор, год [664 г.х./ 1266 г.]. Мубарак. AR (фототабл. 2: *26—30*).
Л.с.: Картуш — два линейных ободка, разделенных круговой легендой. В поле в три строки по-уйгурски: *mub*[*a*]*r*[*a*]*g / ün*[*e*]*n me / ngü — Мубарак / подлинная мо- / нета.*

Чтение предложено П.О. Рыкиным. По его утверждению, если имя Мубарак <mwp rk> *mub rg = mub*[*a*]*r*[*a*]*g* читается однозначно, то остальные два слова читаются менее надежно, но в таком варианте подходят по смыслу.

Круговая легенда видна крайне фрагментарно и написана арабскими буквами. Пока реконструкции и однозначному чтению не поддается.

О.с.: Картуш — два линейных ободка, разделенных круговой легендой. В центре поля в три строки инвокация. Она полностью не прочтена, мешает вычурная палеография:

حسبى اللة (!)	—	*По воле Аллаха*
الى خليفہ		*наместник*
نجنا لى		*избавь нас*

Последнее слово при таком чтении не имеет смысла. Чтение, предложенное Харуном Тарином, не окончательное.

Круговая легенда фрагментарна и пока однозначному прочтению не поддается.

Подавляющее большинство этих монет найдено именно в поселке Койлык или его окрестностях. Обращает на себя внимание единство палеографических особенностей надписей в поле монет № 1—4, единство оформления монет № 1—3, а также исламская направленность легенд на всех монетах, что характерно для чеканной продукции одного типологического ряда, т.е. в данном случае — одного денежного производства. Рассмотрим каждый номер монет отдельно.

№ 1 — акче

Эти монеты впервые были обнаружены в Койлыке и впервые публикуются. У местного жителя (свое имя он просил не указывать) мы узнали о маленьком кладе очень мелких монет, который был найден прямо на территории населенного пункта и состоял из 8 слипшихся экземпляров. При попытке очистить и разъединить комок одна монета самого большого диаметра рассыпалась. Остальные экземпляры (фототабл. 1: *4—10*) были нами аккуратно отмыты и взвешены (их данные приведены в табл. 1). Кроме этих монет на берегу реки Ащыбулак местным жителем были найдены еще 2 таких же акче. Этот житель показал место находки. Там же на берегу реки членами научной экспедиции был обнаружен еще один

экземпляр. Это акче и еще два, подаренных местным жителем из состава клада, поступили в фонды Центрального государственного музея РК в г. Алматы и хранятся под номерами КП, указанными в таблице 1 № 3, 7, 10 (фототабл. 1: *1—3*).

Таблица 1. **Метрологические параметры акче из Койлыка**

№	Вес, г	Диаметр, мм	Примечание
1	0,59	12,5	Единичная находка
2	0,27	12	Единичная находка
3	0,42	15	Единичная находка, КП 28241/3
4	0,41	13,5	Кладик
5	0,44	13	Кладик
6	0,43	13,6—15	Кладик
7	0,27	12	Кладик, КП 28241/6
8	0,26	11,5—15	Кладик
9	0,41	14,3	Кладик
10	0,42	13—15	Кладик, КП 28241/4

Средний вес акче 0,39 г. Для статистического анализа метрологических параметров акче в настоящее время не хватает количества учтенных экземпляров. Как правило, такие мелкие монеты чаще терялись, но и встречаются в находках они на много реже. За многие века нахождения в агрессивной почве за счет их малой толщины такие экземпляры просто «прогнивают» полностью и рассыпаются. Поэтому, то, что экспедиции удалось обнаружить акче в значительном количестве и зафиксировать их — большая удача.

Особенность этих акче-дангов заключается не только в их мелком номинале, но и в присутствии тамги хана Угедея в верхней части лицевой стороне монет. Поэтому налицо двуединая задача изучения монет — установление причины появления тамги Угедея на продукции монетного двора Кайалыка и времени чеканки этих акче.

Несмотря на то, что город Кайалык относился к области Бешбалык и принадлежал Чагатаю при его жизни (Рашид ад-Дин 1960: 19), мы наблюдаем тамгу Угедея на его монетах. Известно, что четвертый хан Великой Монгольской империи Мёнгке-каан, сын Тулуя, в начале своего правления провел репрессивную компанию в отношении Чагатаидов и Угедеидов, а также изменил их улусы и границы юртов. Н.А. Аристов пишет, что согласно «Юань-ши» под 1252 г. местом пребывания Угедеида Кайду было определено в стране Хайя-ли, «т.е., полагает Бретшнейдер, «в Каялыке, где несомненно был его первоначальный удел» (Аристов 2001: 332, прим. 3).

Однако в Юань-Ши содержится упомянутая информация несколько в ином виде: «Летом (*начало мая — начало августа 1252 г.*) ставка государя некоторое время была в Каракоруме. Были выделены уделы ***чжуванам***, каждому в [следующих] местах: Кадану — в землях Бешбалыка; Мелику — [в землях] у реки Иртыш; Хайду — в землях Каялыга (*Кайалыка — авт.*); Берке — в землях Грузии; Тохто — в землях Эмиля; Мэнгэту вместе с государыней Киргис-Хутени — на западе тех земель, в которых размещался Кодон. Еще было разделено имущество всех жен и наложниц Тай-цзуна и раздарено князьям крови (***циньван***)» (Золотая Орда в источниках 2009: 187—188, Юань-Ши — цзюань 3). Все перечисленные в этом отрывке персоны являются потомками каана Угедея. Как известно, земли Бешбалыка и Кайалыка относились к владениям Чагатаидов, земли Грузии управлялись администрацией каана, земли Имила (область Кабак) входили в состав юрта Угедеидов. В этом распоряжении

Мёнгке мы видим выделение уделов каждому из перечисленных персон в юртах, часто не принадлежавших ранее Угедеидам. По форме это тоже самое, что сделал Чингизхан перед смертью, когда выделил уделы братьям внутри юрта каждого из своих детей. Так, например, в джучидском Хорезме был выделен удел (Кят, Хива, и, видимо, цитадель в Ургенче) Чагатаидам (Тизенгаузен 1941: 155, прим. 2; Петров 2003: 106) и мы наблюдаем даже чеканку монеты на монетном дворе *Хваризм* ханами Чагатаидского ханства. В джучидском Булгаре чеканится монета сначала потомком Тулуя Мёнгке, а после него Арыг-Буги. И этот список можно продолжать. Однозначно главной целью такого распоряжения со стороны Мёнгке-каана в отношении потомков Угедея было их разобщение. Т.е. для Угедеида Кайду удел в Кайалыке не являлся его родовым гнездом и не входил в состав юрта Угедея. Его родовой юрт был в Имиле. Тем самым очевидно, что, во-первых, наследная тамга Угедея могла попасть на акче Кайалыка не ранее 1252 г., во-вторых, она оказалась там в результате передачи Кайду в удел Кайалык по распоряжению Мёнгке-каана. Следовательно, время чеканки акче следует датировать, скорее всего, периодом не ранее 650 г.х./1252 г. и не позднее 658 г.х./1260 г. Личная тамга Кайду ʃ на монетах зафиксирована лишь в 662 г.х./1263—1264 г. Поэтому изначально он вполне мог воспользоваться наследной тамгой Угедея по праву даже без особого разрешения Мёнгке-каана. Каан Угедей разрешил помещать на монетах личную тамгу некоторым представителям своего рода, и мы видим присутствие таковых на дирхамах и дангах Имила и Кабака (Nastich et al. 2006: 20; Zeno № 285809, 4992, 7865, 29461). В нашем случае важно, что тамга обнаружена на мелких серебряных монетах, а не на полновесных дирхамах Кайалыка, поскольку эти акче являлись разменной монетой и выпускались для удовлетворения потребности исключительно местного рынка. То есть, они не могли выполнять прокламативную функцию за пределами ареала их обращения.

Рассматриваемые здесь акче пока не встречались нам нигде, кроме городища Антоновка.

№ 2 — дирхамы

Это тот самый тип монет, с которого и началось изучение нумизматики Кайалыка в Эрмитаже еще Р.Р. Фасмером. Метрологические параметры этого анонимного и без выходных сведений выпуска уже приводились ранее в публикациях. Для монет Лепсинского клада 1912 г. из фондов Государственного Эрмитажа установлено: диаметр монет имеет значения в интервале 15,2—20,7 мм при среднеарифметическом значении в 17,4 мм. Модальный вес 1,78 г при значительном ремедиуме не менее ±0,4 г. (Байпаков, Петров 2007: 14—21; Петров 2009: 201). По сути, разброс веса дирхамов столь значителен, что мы вправе говорить о чеканке по системе *эль-марко*, т.е. об отсутствии требования соблюдать одинаковый вес монет при их изготовлении. Обращение таких «не стандартизованных» монет является характерной особенностью денежной политики властей по обеспечению местных рынков продукцией Кайалыкского монетного двора в отличие, например, от обращения в столице Чагатаидского ханства — в Алмалыке, где чеканка серебра осуществлялась по весовым нормам в 2 г, а колебания веса составляли всего ±0,1 г (Петров и др. 2014а: 137).

Ранее в отношении датировки этих дирхамов высказывалось следующее мнение — они биты примерно в 630—640-х гг.х. (Байпаков, Петров 2007: 14—21). Позднее, после тщательного изучения нами Отрарского клада, датировка кайалыкской чеканки была изменена в связи с новой датировкой самого клада на tempus post quem non 663 г.х./1264—1265 г. (Петров и др. 2014а: 142). И в настоящее время наша датировка практически не

меняется: эмиссия этих дирхамов не была очень краткосрочной, и, возможно, она осуществлялась в 658—664 гг.х./1260—1265 гг.

Еще один важнейший вопрос — кто был эмитентом этих монет? Наследная тамга Угедея на мелких акче Кайалыка присутствует, в то время, как на этих дирхамах какая-либо тамга отсутствует. То есть, эмитентом этих дирхамов является не Кайду, а, скорее всего владелец улуса Чагатаидов — Алгуй б. Байдар б. Чагатай (658—664 гг.х. / 1260—1264 гг.) (Bosworth 2004: 248).

Удалось зафиксировать две кладовые находки этих дирхамов в Койлыке. Один клад — около 100 шт. был найден в 2018 г.; второй клад — около 350 шт. был найден в 2013 г. (256 экз. из него были осмотрены археологом Ф.П. Григорьевым, о чем и было сообщено П.Н. Петрову). Фотографии части третьего клада 2014 г. в 300 экз. из Койлыка были присланы К.М. Байпаковым. Но все же существует сомнение, не является ли этот третий клад тем же самым, что осматривал Ф.П. Григорьев, поэтому в этой работе нами учитывается находка только двух кладов. Оба клада однородного состава — не содержат монет каких-либо иных типов или монетных дворов. Собственно, как и клад, хранящийся в фондах Эрмитажа.

В ходе исследовательской работы нами была собрана информация о единичных находках — 1 экз. (археологический подъемный материал 2005 г.) + 9 экземпляров (сообщения о находках) + в 2021 г. ходе научной нумизматической экспедиции у населения Койлыка было осмотрено 12 единичных находок (10 экз. приведены в фототабл. 1: *11—20*). Два из них были подарены членам исследовательской группы и поступили в фонды ЦГМ РК (№ 18 — КП № 282241/1 в = 1,91 г; д = 18—19 мм; № 17 — № 282241/2 в = 2,42 г; д = 17—18 мм). Итого, единичных находок учтено 21 шт.

Места находок единичных монет № 2 кроме Койлыка, зафиксированные П.Н. Петровым за последние 17 лет (с 2005 г.):

Учарал (средневековый Илибалык) в районе Жаркента — 3 экз.;

Хантау — 1 экз.;

под Таразом, Байзакский район, ниже по течению Таласа — 1 экз.;

под Таразом, городище Оххум (севернее Кенеса и Чапаево) — 1 экз.;

Кыргызстан, городище Покровское II (Таласская долина) — 1 экз.

Монеты этого типа присутствуют также в Отрарском кладе 11 экз. (Петров и др. 2014а: 138).

Итак, нигде больше, кроме Койлыка (городища Антоновского) нет такой концентрации находок монет № 2, что однозначно свидетельствует об их чеканке именно на этой территории в середине XIII в.

Кроме того, редкие находки единичных монет указывают на направления движения караванов из средневекового Кайалыка. Первое направление на Илибалык. Далее путь мог пролегать либо через перевал Каркара на территорию современного Кыргызстана, либо в Алмалык (в Синьцзян, КНР). О находках этих дирхамов Алмалыке нам не известно, однако, если они и есть, то крайне редки. Отсутствуют даже намеки на возможное присутствие этих монет по пути Алмату-Кулан-Орнек вдоль горного хребта, так как в находках на этом направлении практически полностью отсутствуют монеты первой и второй трети XIII в. Второе прослеживаемое направление — с современного Койлыка на населенный пункт Хантау, несколько севернее современного Тараза, а далее, как на запад на Отрар, так и на юг на Йанги Тараз (район Чон-Капки в Кыргызстане). Эти пути однозначно эксплуатировались в середине XIII в.

№ 3 — фалс (пул)

Медных монет этого типа нами учтено 8 экземпляров, однако, снять метрологические параметры большинства из них не удалось. Часть монет оказалась сильно корродированной. Здесь приводятся характеристики трех экземпляров. 1 экз. (фототабл. 2: *23*) — найден в ходе археологических исследований памятника в 2005 г. (в = 1,50 г, д = 16 мм) — серьезная коррозия поверхности металла. 2 экз. (фототабл. 2: *21—22*) осмотрены в ходе экспедиции 2021 г. (в = 1,53 г, д = 17 мм; в = 1,72 г, д = 16,5 мм). Информация о находке на Антоновском городище еще 3 экз. приходили в 2010-е гг. (один из них см. фототабл. 2: *24*). Пулы XIII в. являлись сугубо местной мелкой монетой, поэтому они не уходили в значительных количествах на другие рынки даже соседних областей. Но иногда они «путешествовали» в кошельках своих владельцев. Так один такой пул (фототабл. 2: *25*) был найден на городище Кара-Джигач (средневековый Тарсакент) под Бишкеком (Кыргызстан). Эта находка подтверждает направление движения караванов из Кайалыка через Илибалык, перевал Каркара или любой иной, в сторону Тарсакента и, видимо, далее.

Обращает на себя внимание, что общее оформление этих монет выполнено в том же стиле, что и дирхамы № 2, и даже акче № 1 (только на них отсутствует тамга). Причем надписи на сторонах монет № 3 и 1 одинаковые.

№ 4 — дирхамы Мубарак-Шаха б. Кара-Хулагу (664 г.х./1266 г.) (Bosworth 2004: 248)

Раскрытие тайн дирхамов Мубарака находится в начальной стадии, поскольку не все легенды его именных монет реконструированы и изучены, однако, прочтение имени уже позволяет атрибутировать монету очень точно даже по времени. По письменным источникам Мубарак-Шах владел улусом менее года, поэтому его монеты встречаются крайне редко. Продолжаются поиски новых экземпляров, которые либо помогут реконструировать, либо просто прочесть круговые легенды и инвокацию в поле. Согласно подхода к изучению таких монет необходимо найти прототип с грамотно написанными легендами. Нам известно всего 5 экземпляров таких дирхамов (фототабл. 2: *26—30*), поэтому метрологических характеристики этого типа монет не могут быть изучены статистическим методами. Один экземпляр (фототабл. 2: *27*) известен по сайту Zeno.ru — № 69873 (в = 1,2 г; д = 16,8 мм) и был найден в Алмалыке (Синьцзян, КНР). Остальные 4 экз. выявлены на территории Койлыка. Один дирхам (в = 1,83 г, д = 21—23 мм) обнаружен в ходе археологических раскопок 2005 г. (фототабл. 2: *26*) и в публикациях 2011 и 2014 гг. был представлен нами как неатрибутированный (Петров и др. 2012; Петров и др. 2014а: 154, фототабл. 42: *384*). В ходе научной нумизматической экспедиции 2021 г. нами было обнаружено у местного населения 2 аналогичных дирхама (фототабл. 2: *28*, в = 1,35 г, д = 22,5 мм; фототабл. 2: *29* метрологию которого зафиксировать не удалось). Кроме того, один обломок такой монеты (фототабл. 2: *30*) был найден исследовательской группой на берегу реки и поступил в фонды ЦГМ РК (КП 28241/5 — в = 1,4 г, д = 14 × 19 мм).

Все эти даже немногочисленные, но системные факты находок именных дирхамов Мубарака на городище Антоновка, а также схожесть палеографии арабских надписей с описанными выше монетами говорят об их выпуске на том же монетном дворе, что и монеты № 1—3, то есть на денежном производстве в Кайалыке.

Кроме собственной монеты в средневековом Кайалыке товарно-денежные отношения поддерживались и приходящей серебряной и золотой продукцией монетных производств Великой Монгольской империи. В ходе археологических раскопок 2005 г. было найдено два экземпляра монет других регионов государства:

5. Дирхам. Каракорум, 652 г.х. Анонимный. AR (фототабл. 2: *32*).

Тамга Мунгка-каана 𐰃𐰆

в = 3,20; д = 21 × 22.

Л.с.: Картуш: три круговых ободка (внешний — не виден, средний — двойной из слитных точек, внутренний — одинарный из слитных точек), разделённых между собой круговыми легендами. Легенда в центре поля искажена, однозначному прочтению не поддается. Внутренняя круговая легенда прочтению не поддается. От внешней круговой надписи видны лишь фрагменты выпускной надписи: [ضرب هذه الدر هم سنة اثنى و خمسين ستمائة].

О.с.: Картуш: три круговых ободка (внешний — не виден, средний — двойной из точек, внутренний — одинарный из точек), разделённых между собой круговыми легендами. В центре поля — тамга Мунгка-каана 𐰃𐰆. Справа и слева от неё — по виньетке. Внутреннюю круговую легенду прочесть не удается, несмотря на то, что буквы надписи видны или восстанавливаются без изъянов. Во внешней круговой надписи видны остатки отдельных букв легенды: [ضرب هذه الدر هم في].

6. Динар. Самарканд. Год(?). Анонимный. AV (фототабл. 2: *31*).

в = 5,27 г, д = 20 × 20 мм.

Л.с. Картуш — однолинейный круговой ободок. В поле калима *тавхид* и наименование монетного двора: [قند] سمر / لا اله الا / الله وحده / لا شر یک له. Вверху — виньетка. Круговая легенда утрачена.

О.с.: Картуш — однолинейный круговой ободок. В поле калима *таййиба*: الله الا / محمد / رسول الله. Круговая легенда утрачена.

Обе монеты были ранее описаны в статье (Петров и др. 2012). Находка золотого динара является знаковой, сообщающей о возможном существовании на этом памятнике не только единичных экземпляров, но кладов чеканного золота XIII в.

Число зафиксированных монетных находок на городище Антоновка приближается к 1 000 шт., но ни одного дирхама столичного чагатаидского Алмалыка или Илибалыка (Петров и др. 2014b; Петров 2021) первых двух третей XIII в., ни одной монеты с тамгой Кайду конца XIII в. (то есть, Чагатаидского ханства) здесь еще не зафиксировано. Отсутствуют и какие-либо находки монет и XIV в. Это очень надежное доказательство прекращения функционирования с последней трети XIII в. трассы «Шелкового» пути, проходившей через Кайалык, а также угасания товарно-денежных отношений.

Таким образом, можно утверждать, что все перечисленные здесь монеты обеспечивали товарно-денежные отношения в Кайалыкском вилайате во второй трети XIII в. Ранее отмечалось, что, по предварительным нумизматическим данным сам город «... был разграблен и сожжён (а, возможно, переселён и затем сожжён) в хронологическом интервале, ограниченном датой смерти Мунгка-каана (658 г.х.) и 670 г.х., то есть, в 660-х/1260-х гг.» и это было последнее десятилетие в жизни города (Петров и др. 2012: 91—92). Датировки приведенных выше монет свидетельствуют о существовании монетного дела в первом пятилетии 660-х гг.х. в Кайалыке, а археологические исследования прошлых лет подтверждают продолжение существования города и в последующие времена. Но пока мы не видим следов монетного обращения, т.е. товарно-денежных отношений после 664 г.х./1266 г. Это может объясняться либо тем, что после пожаров население города существенно сократилось, либо тем, что прекратилось активное использование торговой трассы через Кайалык после 663 г.х./1265 г. и рынок постепенно перешел на уровень меновой торговли.

Выводы

1. На археологическом памятнике городище Антоновка обнаружен новый тип серебряных монет — акче со средним весом 0,39 г;

2. На акче стоит наследная тамга Угедея, что вполне соответствует сведениям из Юань-Ши о передаче Кайду в 1252 г. удела Кайалык;

3. Установлен вероятный период чеканки акче: не ранее 650 г.х./1252 г. и не позднее 658 г.х./ 1260 г.;

4. Впервые выявлены и изучаются именные дирхамы Чагатаида Мубарака, правившего один год — в 664 г.х./1266 г.;

5. Установлено, что описанные монеты № 1—4 чеканились на монетном дворе Кайалык. Особенность этих монет заключается в анонимности и отсутствии выпускных сведений кроме одного именного дирхама № 4 Мубарак-Шаха;

6. Ни один из этих трех типов дирхамов и пул не имел широкого распространения на рынках государства и денежное обращение собственной продукции монетного двора в вилайате Кайалык можно охарактеризовать как замкнутое;

7. Крайне редкие единичные находки дирхамов № 2 на территории Алматинской и Жамбыльской областей маркировали некоторые караванные дороги и указали направления движения караванов. Первый — через Хантау, несколько севернее современного Тараза на Отрар. Второй — на Учарал (близ Жаркента), и далее, видимо, на территорию современного Кыргызстана через перевалы;

8. Среди почти 1 000 монетных находок с территории Кайалыка и округи не обнаружено ни одной монеты, битой с тамгой Кайду, то есть после 668 г.х./1270 г.;

9. Установлено, что караванный путь через Кайалык на Хантау и на Отрар функционировал только до конца второй трети XIII в., что может быть связано с военным противостоянием нового возникшего Чагатаидского ханства (во главе с Кайду) с Юаньским Китаем (с ханом Хубилаем во главе).

Литература

Аристов Н.А. 2001. *Усуни и кыргызы, или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения Западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии.* Бишкек: Илим.

Байпаков К.М., Настич В.Н. 1981. Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара. В: Маргулан А.Х. (отв. ред.).*Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории)*. Алма-Ата: Наука, 20—62.

Байпаков К.М., Петров П.Н. 2007. Кайалык — город Великой Монгольской империи. Нумизматический и археологический аспекты. В: *Денежное обращение и торговля средневекового Казахстана. Материалы международной научно-практической конференции 8—10 июня 2006 г.* Туркестан: [б.и], 14—21.

Золотая Орда в источниках 2009: Храпачевский Р.П. (ред.). 2009. *Золотая Орда в источниках.* Т. 3. *Китайские и монгольские источники*. Москва: ЦИВОИ.

Петров П.Н. 2003. *Очерки по нумизматике монгольских государств XIII—XIV вв.* Нижний Новгород: Информэлектро.

Петров П.Н. 2009. Монетный двор Каялыка. В: Байпаков К.М., Сейдуманов С.Т., Савельева Т.В., Воякин Д.А., Эуэзов Е.К. *Средневековые столицы Жетысу. Алматы, Талхир, Каялык.* Алматы: CREDOS, 199—202.

Петров П.Н. 2021. Монетные дворы области Алмалык XIII в. *Смагуловский сборник* 32. *Специальный выпуск вестника Международного института центральноазиатских исследований*, 113—124.

Петров и др. 2012: Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А. 2012. Нумизматические находки на городище Антоновка (к вопросу о времени прекращения функционирования средневекового города Кайалык). *Нумизматика Золотой Орды* 2, 87—93.

Петров и др. 2014a: Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А. 2014. *Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов. Казахстан.* Алматы: Хикари.

Петров и др. 2014b: Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А., Ересенов Д.С. 2014. Средневековый город, обнаруженный в долине реки Или (нумизматический аспект). *Нумизматика Золотой Орды 4*, 61—76.

Рашид ад-Дин. 1960. В: Верховский Ю.П. (пер.), Петрушевский И.П. (ред.). *Сборник летописей.* Т. II. Москва; Ленинград: АН СССР.

Тизенгаузен В.Г. 1941. *Сборник материалов, относящийся к истории Золотой Орды.* Т. II. Москва; Ленинград: АН СССР.

Bosworth C.E. 2004. *The new Islamic dynasties. A chronological and genealogical manual*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Nastich V., Petrov P., Belyaev V. 2006. Ordu al-A`zam (in Khotan) and Qabaq — Newly Descovered Mongolian Mints of the 13th century. *ONS. Journal of the Oriental Numismatic Society* 186, 20—23.

Zeno: Zeno — Oriental coins database. URL: www.zeno.ru (дата обращения 01.06.2022).

References

Aristov, N.A. 2001. *Usuni i kyrgyzy, ili kara-kyrgyzy. Ocherki istorii i byta naseleniya Zapadnogo Tyan'-Shanya i issledovaniya po yego istoricheskoy geografii (Usuns and the Kyrgyz, or Kara-Kyrgyz. Essays on the history and life of the population of the Western Tien Shan and research on its historical geography)*. Bishkek: Ilim (in Russian).

Baypakov, K.M., Nastich, V.N. 1981. In: Margulan, A.Kh. (ed.). *Kazakhstan v epokhu feodalizma (Problemy etnopoliticheskoy istorii) (Kazakhstan in the era of feudalism (Problems of ethnopolitical history))*. Alma-Ata: Nauka, 20—62 (in Russian).

Baypakov, K.M., Petrov, P.N. 2007. In: *Denezhnoye obrashcheniye i torgovlya srednevekovogo Kazakhstana. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 8—10 iyunya 2006 g. (Money circulation and trade in medieval Kazakhstan. Proceedings of the international scientific-practical conference June 8—10, 2006).* Turkestan: [s.n], 14—21 (in Russian).

Zolotaya Orda v istochnikakh 2009: Khrapachevskiy, R.P. (ed.). 2009. *Zolotaya Orda v istochnikakh (Golden Horde in sources)*. Vol. 3. *Kitayskiye i mongol'skiye istochniki (Chinese and Mongolian sources)*. Moscow: TSIVOI (in Russian).

Petrov, P.N. 2003. *Ocherki po numizmatike mongol'skikh gosudarstv XIII—XIV vv. (Essays on the numismatics of the Mongolian states of the 13th — 14th centuries).* Nizhniy Novgorod: Informelektro (in Russian).

Petrov, P.N. 2009. In: Baypakov, K.M., Seydumanov, S.T., Savel'yeva, T.V., Voyakin, D.A., Euezov, Ye.K. *Srednevekovyye stolitsy Zhetysu. Almaty, Talkhir, Kayalyk (Medieval capitals of Zhetysu. Almaty, Talhir, Kayalyk)*. Almaty: CREDOS, 199—202 (in Russian).

Petrov, P.N. 2021. In *Smagulovskiy sbornik (Smagulov collection)* 32. *Spetsial'nyi vypusk vestnika Mezhdunarodnogo instituta tsentral'noaziatskikh issledovaniy (Special issue of the Bulletin of the International Institute for Central Asian Studies)*, 113—124 (in Russian).

Petrov i dr. 2012: Petrov, P.N., Baypakov, K.M., Voyakin, D.A. 2012. In *Numizmatika Zolotoy Ordy (Numismatics of the Golden Horde)* 2, 87—93 (in Russian).

Petrov i dr. 2014a: Petrov, P.N., Baypakov, K.M., Voyakin, D.A. 2014. *Monetnoye delo i denezhnoye obrashcheniye v Velikoy Mongol'skoy imperii, gosudarstvakh Chagataidov i Dzhuchidov. Kazakhstan (Coinage and monetary circulation in the Great Mongol Empire, the states of the Chagataids and Jochids. Kazakhstan)*. Almaty: Khikari (in Russian).

Petrov i dr. 2014b: Petrov, P.N., Baypakov, K.M., Voyakin, D.A., Eresenov, D.S. 2014. In *Numizmatika Zolotoy Ordy (Numismatics of the Golden Horde)* 4, 61—76 (in Russian).

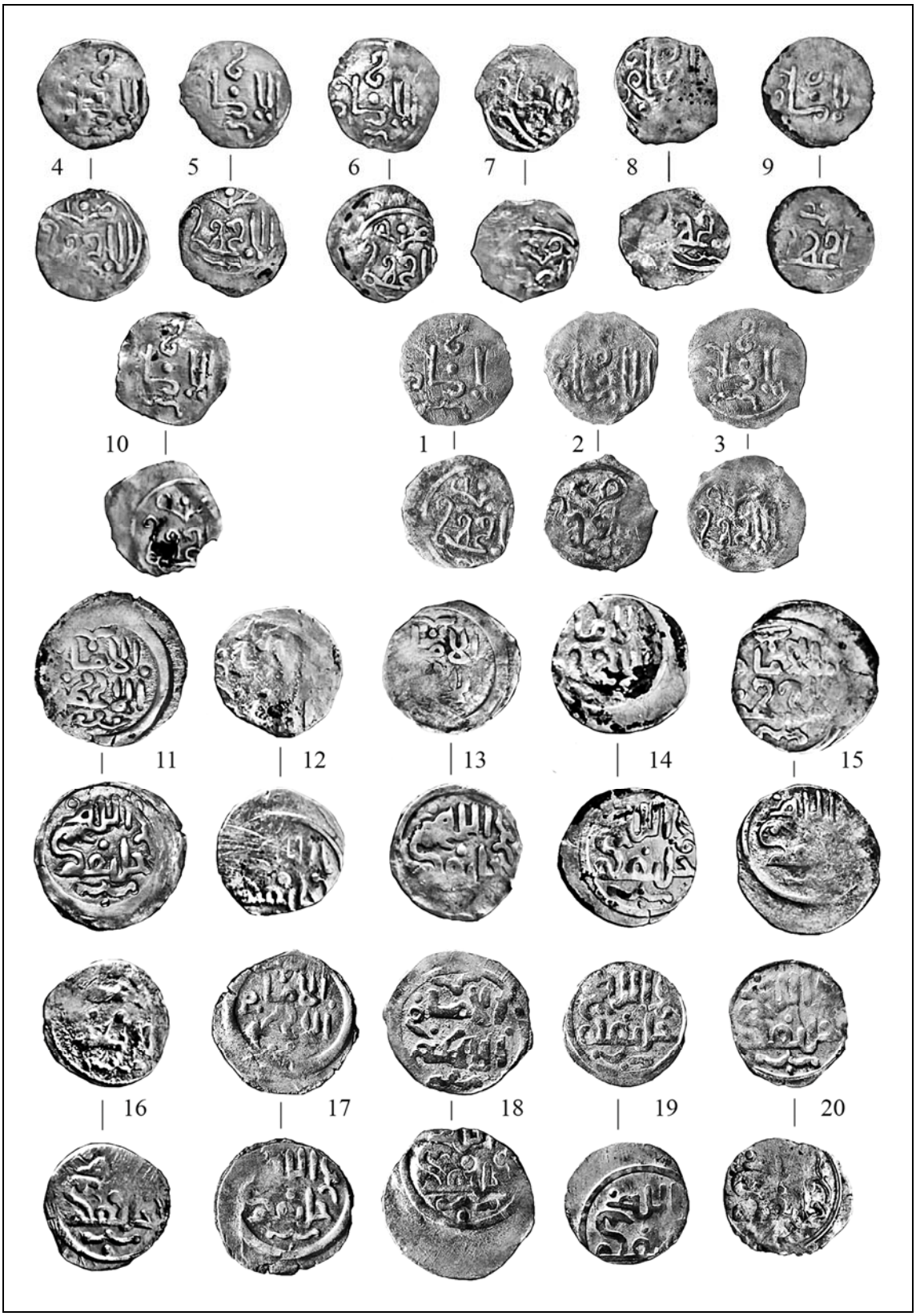
Rashid ad-Din. 1960. In: Verkhovskiy, Yu.P. (transl.), Petrushevskiy, I.P. (ed.). *Sbornik letopisey (Collection of annals)*. Vol. II. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Tiesenhausen, V.G. 1941. *Sbornik materialov, otnosyashchiysya k istorii Zolotoy Ordy (Collection of materials relating to the history of the Golden Horde)*. Vol. II. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Bosworth, C.E. 2004. *The new Islamic dynasties. A chronological and genealogical manual*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Nastich, V., Petrov, P., Belyaev, V. 2006. Ordu al-A`zam (in Khotan) and Qabaq — Newly Descovered Mongolian Mints of the 13th century. *ONS. Journal of the Oriental Numismatic Society* 186, 20—23.

Zeno: Zeno — Oriental coins database. Available at: www.zeno.ru (accessed 01.06.2022).



Фототабл. 1. Серебряные монеты Кайду, битые в Кайалыке: *1—3* — единичные находки; *4—10* — кладик—кошелек; *11—20* — анонимные серебряные дирхамы [658—663 гг. х.] времени Алгу.

Phototabl. 1. Silver coins of Kaidu, beaten in Qayaligh: *1—3* — single finds; *4—10* — treasure-purse; *11—20* — anonymous silver dirhams [658—663 AH] of the time of Algu.

Фототабл. 2. *21—25* — медные фалсы Кайалыка; *26—30* — серебряные дирхамы Мубарак-Шаха; *31* — золотой динар Самарканда; *32* — дирхам Каракорума.

Phototabl. 2. *21—25* — copper fals of Qayaligh; *26—30* — silver dirhams of Mubarak-Shah; *31* — gold dinar of Samarkand; *32* — dirham of Karakorum.

УДК 737(574) «13—14»
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.45.93.020

П.Н. Петров, А.К. Муктар, Н.Х. Биккиняев, А.Ж. Жумабаев

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ САРАЙЧУК ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. Ч. I*

Характеризуются состав и происхождение монетного комплекса из 140 экземпляров, полученного в 2019 г. в четырёх раскопах на территории городища Сарайчик. Кроме медных пулов XIV и рубежа XIV—XV вв., имеются две серебряные монеты XV в. Средневековые жилые постройки были засыпаны грунтом в конце XIV в.; имеются и остатки построек XV в. Затем на их месте разместили кладбище. В результате археологи имеют дело с переотложенными культурными слоями, что в целом ряде случаев исключает привязку нумизматических находок к закрытым комплексам памятника. Состав же монетного комплекса фиксирует примерно 15—18-летний (1360-х — 1370-х гг.) перерыв в случайных денежных потерях на изучаемой территории, и это указывает, возможно, на её запустение. В XIV в., до 1360-х гг., местные рынки обеспечивались пулами с названиями монетных дворов Нижнего Поволжья. Хронологическая статистика подъёмного материала не соответствует таковой по монетам из раскопов. Зафиксированное время начала монетных утрат на исследуемой части побережья Жайыка в средневековом городе Сарайчук — 1320-е гг. В 2019 г. монетный комплекс слоёв городища впервые пополнился пулами рубежа XIV—XV вв. с необычными тамгами. Их могли изготавливать в Сарайчуке, поскольку такие монеты в других местах пока не известны.

Ключевые слова: Государство Джучидов, городище Сарайчик, средневековый город Сарайчук, Казахстан, XIV—XV вв., раскопки, нумизматические находки, монета, пул, монетное обращение.

Сведения об авторах: Петров Павел Николаевич[1], кандидат исторических наук, профессор РАЕ, Центральный Государственный музей Республики Казахстан; Муктар Абилсейт Капизулы[2], доктор исторических наук, профессор, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Сарайшык», Республика Казахстан; Биккиняев Нязым Хасянович[3], независимый исследователь; Джумабаев Амангелды Женисович[4], Государственный историко-культурный музей-заповедник «Сарайшык», Республика Казахстан.

Контактная информация: [1]050059, Республика Казахстан, г. Алматы, микрорайон «Самал-1», д. 44, Центральный Государственный музей Республики Казахстан; e-mail: ppnsainkhan@rambler.ru; [2,4]060707, Республика Казахстан, Атырауская обл., Махамбетский р-н, с. Сарайчик, ул. Мырзагали хазрета, д. 11; e-mail: [2]muktar64@mail.ru; [4]tarix212@mail.ru;[3]Россия, Волгоградская область, г. Волжский; e-mail: bikkiniaeff@yandex.ru.

P.N. Petrov, A.K. Muktar, N.H. Bikkinyev, A.Zh. Zhumabayev

NUMISMATIC FINDS IN THE MEDIEVAL TOWN OF SARAYCHUQ ACCORDING TO THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH. Pt. I

The paper clarifies the nature and composition of the coin complex discovered during archaeological research of 2019 on the territory of the hillfort called Saraishyq. The total number of coins is 140 items. Two of these are silver coins of the 15th century, the rest are copper pūls of the 14th century and of the turn of the 14th

* Статья подготовлена в рамках проекта № AP09261233, Грантового финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан на 2021—2023 гг.

Статья поступила в номер 15 августа 2022 г.
Принята к печати 30 августа 2022 г.

© П.Н. Петров, А.К. Муктар, Н.Х. Биккиняев, А.Ж. Жумабаев, 2022.

and 15th centuries. In four excavation units, medieval house buildings were revealed to be filled with soil at the end of the 14th century. In the 15th century, more building remains as well as subsequent burials have been deposited there. As a result, archaeologists most often may deal with redeposited occupation layers, and numismatic finds could hardly have been associated with undisturbed contexts at the site. It is perhaps due to the desolation of the occupation area under study, that the overall composition of the coin complex displays a break in coin losses in the 1360s — 1370s. In the 14th century until the 1360s, local markets were provided with pūls bearing names of mints located in the Lower Volga region. The chronological composition of surface finds does not statistically correspond to that of the coins found deep in the ground. The loss of coins on the right bank of the Ural River, in the medieval town of Saraychuq, is established to begin in the 1320s. In 2019, pūls dated back to the turn of the 14th — 15th centuries with unusual tamgha signs were discovered for the first time in the hillfort layers. They could have been minted in the town of Saraychuq since such coins have never been reported to be found elsewhere.

Key words: The state of Juchids, Saraishyq settlement, the medieval town of Saraychuq, Kazakhstan, 14th — 15th centuries, excavations, numismatic finds, coin, pool, coin circulation.

About the authors: Petrov Pavel Nikolaevich[1], PhD (History), Professor of Russian Academy of Natural Sciences, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan; Muktar Abilseit Kapizuly[2], Dr. habil. (History), Professor, The State Historical and Cultural Museum-reserve Saraishyq; Bikkinyaev Nyazim Khasyanovich[3], independent researcher; Zhumabayev Amangeldy Zhenisuly[4], The State Historical and Cultural Museum-reserve Saraishyq.

Contact information: [1]050059, Republic of Kazakhstan, Almaty, The Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Samal-1, 44; e-mail: ppnsainkhan@rambler.ru; [2,4]060707, Republic of Kazakhstan, Atyrau region, Makhambet district, Saraishyq village, 11 M. Khazret Str., The State Historical and Cultural Museum-reserve Saraishyq; [2]e-mail: muktar64@mail.ru; [4]tarix212@mail.ru; [3]Russian Federation, Volgograd region, Volzhsky; e-mail: bikkiniaeff@yandex.ru.

В ходе раскопок 2019 г. на четырех участках археологического памятника Сарайчик[1], проводившимися КГКП «Историко-краеведческий музей Атырауской области» под руководством директора музея Рашиды Хариповой и под научным руководством директора Государственного историко-культурного музея-заповедника «Сарайчик», д-ра ист. наук Абилсейта Капизулы Муктара, были обнаружены многочисленные нумизматические артефакты, а также был собран подъемный монетный материал. Общее количество монет из раскопов + подъемный материал — 140 экз. В это количество входит маленький клад— кошелек из 5 медных пулов, остальные же монеты — единичные находки. Подъемные находки — 32 монеты. Все монеты кроме двух серебряных акче XV в. представляют собой медные джучидские пулы XIV — начала XV вв.

Целью настоящей работы является выяснение характера и состава монетного комплекса, собранного с территории городища Сарайчик (4 раскопа) в ходе археологических исследований 2019 г. Для этого необходимо рассмотреть несколько аспектов, связанных с монетным материалом. Во-первых, необходимо установить плотность монетных находок на территории каждого раскопа. Параметр интенсивности монетных утрат может указать на особенности археологически изучаемой территории. Во-вторых, требуется провести атрибуцию монет с каждого раскопа в отдельности, а также подъемного материала для установления состава монетной массы и выявления их особенностей (если такие

[1] Практически на территории современного с. Сарайчик находится археологический памятник под названием Сарайчик. Это остатки некогда относительно крупного джучидского города с названием *Сарайчук*, которое арабскими буквами выбито на монетах.

обнаружатся). В-третьих, провести анализ нумизматических артефактов в контексте с результатами археологических раскопок.

Но прежде всего, необходимо оценить археологические объекты, позволяющие установить характер раскапываемых площадок и динамику их использования в средние века. Наиболее подробно сведения приведены в археологическом отчете Историко-краеведческого музея Атырауской области (Отчет 2019), здесь же приводятся лишь краткие сведения, необходимые для анализа нумизматического материала.

Раскопы расположены вдоль побережья р. Жайык (Яик). Их нумерация наглядно приведена на рис 1. (схема раскопов 2019 г.): раскоп № 2 (25 × 40 = 1000 кв. м.), № 3 + 3А (15 × 40 = 600 кв. м.) и раскоп 4 (15 × 25 = 375 кв. м.). Раскопы 3 и 3а являются двумя частями одного раскопа, поэтому нам удобнее рассматривать их как единый раскоп 3 + 3а.

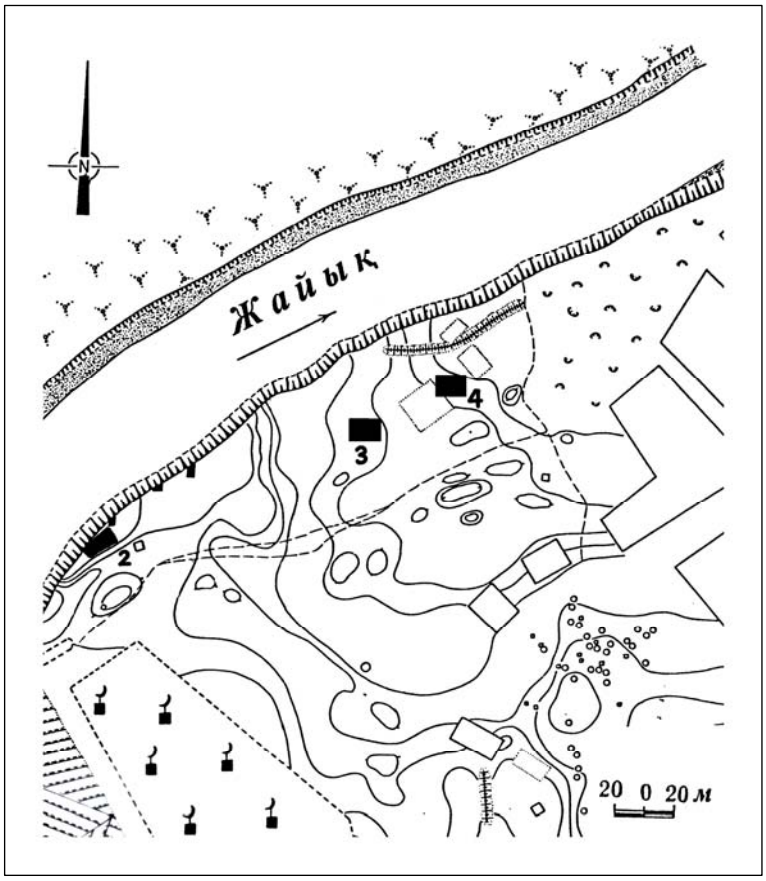


Рис. 1. Схема расположения раскопов 2019 г. на городище Сарайчик.

Fig. 1. Scheme of the location of excavations in 2019 at the site of Saraishyq.

Раскоп 2 (фото 1) явился продолжением исследований, начатых здесь в 2017 г. «В то время были открыты на раскопе следующие объекты: северо-западный угол и западный борт основания крепостной башни, крепостной ров, помещения второй половины XIV и XV веков, расположенные вдоль рва с обеих сторон от него на 2—6 метров» (Отчет 2019: 6). В сезоне 2019 г. была вскрыта часть основания башни, «остатки крепостных стен, идущих от башни на север и юг, часть рва и остатки сооружений конца XIV и XV вв., расположенные к северо-западу от рва в северной части раскопа». Вскрыто несколько помещений. В помещении 1 обнаружены три монеты (типы: «двуглавая птица» [743—751 гг.х.], «секира» [787 г.х.] и пул Хизр-хана 762 г.х.). За крепостным рвом были раскопано 16 погребений XV—XVI вв. и одно погребение в районе башни. Отдельно погребение лошади и отдельно — верблюда (Отчет 2019: 6).

Раскоп 3 (фото 2) был заложен к югу от раскопа 2017 г., в 20 м от уреза воды. Его размер 15 × 15 м. Вскрыто 2 помещения, одно из которых имеет отопительную систему с двумя канами и суфой. Также были зафиксированы участки стен разрушающейся значительной по размерам

гурханы[2]. Гурхана № 1 впущена в более раннюю гурхану с заранее удаленными скелетами. Первоначальная гурхана изготовлена из обломков и целых красноглиняного кирпича размером 210 × 210 мм. Поздняя гурхана (с размерами 210 × 220 см и сложенная только из обломков кирпичей) сохранила 4 скелета (фото 3). Другие погребальные гурханы содержали: № 2 — 3 скелета; № 3 — никаких костей не зафиксировано; № 4 — 2 скелета; № 5 — 2 скелета. Вскрыты также 7 погребений в ямах.

Раскоп 3а (фото 4). Верхние участки раскопа 3а содержали многочисленные семейные скелепы—гурханы. «Они перерезали и разрушили значительную часть жилых и иного назначения конструкций которые относятся к более раннему времени» (Отчет 2019: 93).

Раскоп 4. К прежнему раскопу 4 была сделана прирезка размером 26 × 17 × 15 × 20 м (~390 кв. м) с южной стороны. Были расчищены 3 жилые комнаты, 5 сооружений гурханы и 45 погребений. В раскопе обнаружены фрагменты предметов XIV—XV вв. К ним относится части поливных чаш на кашине с узорами, характерные для гончарных мастерских Сарайчика XIV в. и фрагменты чаш XV в. с орнаментами, характерными для мастерских Хорезма. В южной части раскопа 4 обнаружен бронзовый замок в виде лощадочки и кладик монет из 5 пулов. В нижних слоях обнаружена *половина сарматского зеркала крупного размера.* Характерной особенностью нижних слоев является наличие красноглиняной керамики специфических форм и красноглиняной керамики исключительно с зеленой поливой.

Так как раскоп содержал слой сплошного перекопа позднего времени, то в ходе расчистки выявлялись обрывки стен жилых помещении не составляющих единую картину строительных сооружений, но относящихся к XV в. Фрагменты стен помещении имели толщину 80 см (Отчет 2019: 130). Кроме того обнаружено 45 погребений и 5 конструкций гурханы со скелетами. Обнаружено несколько помещений.

Помещение 1. Жилое помещение XV в., представляло собой комнату в здании из сырцовых кирпичей размером 21 × 37 × 6 см. Суфа была забутована глиной. В углу суфы находился тандыр с внутренным диаметром 60 см. На суфе лежала медная анонимная монета монетного двора Сарай времен Узбек-хана 720-х гг.х. (тип *«барс» влево/кутлуг болсун*).

Помещение 2. В переотложенном культурном слое была встречена и исследована непотревоженная перекопами часть жилого помещения XV в. Западные стены помещения имели толщину 80 см и сохранились на длину 6 м. Сохранилась суфа вдоль стены (высотой в 30 см) с примыкающей топкой с тандыром (диаметр тандыра 42 см). В тандыре обнаружен почти целый красноглиняный горшок. Северная стена помещения имела такую же ширину и была перерезана погребением с выкладкой ямы обожженным кирпичом. Юго-восточная часть комнаты разрушена в результате постройки гурханы.

Помещение 3. Встречена верхняя часть помещения с тандыром, и пока неясным интерерьером. Отсутствуют признаки наличия канов. Видимо оно относится к более раннему периоду.

В этом же раскопе найден клад медных пулов конца XIV в. (5 экз.).

[2] В российской научной литературе *гурхана* — погребальное сооружение характерное для совершения погребения у ногайского населения с конца XIV по XVI вв. В казахстанской научной традиции его называют *курхана*.

Фото 1. Городище Сарайчик 2019 г. Раскоп 2, вид с юга.

Photo 1. Settlement Saraishyq 2019 Excavation 2, view from the south.

Фото 2. Городище Сарайчик 2019 г. Раскоп № 3, вид с севера.

Photo 2. Settlement Saraishyq 2019 Excavation 3, view from the north.

Фото 3. Городище Сарайчик 2019 г. Раскоп 3. Гурхана 1.

Photo 3. Settlement Saraishyq 2019 Excavation 3. Gurkhana 1.

Фото 4. Городище Сарайчик 2019 г. Раскоп 3а, вид сверху.

Photo 4. Settlement Saraishyq 2019 Excavation 3a, top view.

Таким образом, общая характеристика раскопов указывает на существование оборонительных сооружений рядом с которыми находились в XIV в. дома с помещениями, затем заброшенными и засыпанными, постройки XV в., погребения и захоронения в семейных сооружениях, называемых гурхана XV—XVI вв. *Отмечается наличие переотложенного культурного слоя/слоев на территории раскопа 4. Засыпка помещений XIV века осуществлялась также грунтом, содержащим культурный слой XIV в. Это привело к невозможности хронологической оценки раскапываемых слоев по нумизматическим артефактам из-за деструктурирования их стратиграфии.* Тем не менее, анализ собранного нумизматического комплекса может позволить установить некоторые этапы использования раскапываемых в 2019 г. площадок средневекового Сарайчука в хронологической последовательности.

По плотности монетных находок можно оценить возможность принадлежности раскапываемых площадок к торговым территориям XIV — первой трети XV вв. При этом необходимо сделать допущение, что все найденные монеты в раскопах связаны с переотложенным нижним культурным слоем, а не с привнесенным с других территорий средневекового города грунта. Плотность монетных находок на 100 м^2 соответствует для раскопа 2 — (43 шт. / 10 =) 4,3 шт.; 3 — (54 шт. / 6 =) 9 шт.; 4 — [(11 шт. / 375) × 100 =] 2,9 шт. То есть изучаемые площадки примерно равноценны по насыщенности монетными находками и их плотность не велика — менее 10 шт./ м^2, что не соответствует плотности монетных утрат на торговых площадях и оживленных улицах средневековых джучидских городов (Зеленеев, Пигарев 2021; Кубанкин, Петров 2013; 2015; 2018; Пигарев 2008; 2011). В собранном комплексе практически полностью отсутствуют серебряные данги, что также не характерно для территорий, использовавшихся в качестве торговых площадей. Присутствие в раскопах 2019 г. монет рубежа XIV—XV вв. и первой трети XV в. в количественном отношении крайне мало и также не может свидетельствовать о существовании торговли на изучаемой территории.

Следует учитывать, что в ходе раскопок 2019 г. археологи не дошли до материка в каждом раскопе. Раскоп 4 обнаружил следы более раннего (домонгольского) культурного слоя.

Полный состав монетных находок приведен в Приложении 1, а их хронологический состав (в том числе и суммарный для этих раскопов и подъемного материала) в Приложении 2.

Анализ состава нумизматического комплекса по монетным дворам, эмитентам и типологии монет

Практически все монеты комплекса из 140 экз. являются медными пулами (серебряных монет всего 2 экз.). Причем, из 138 экз. 91 (67,4%) составляют пулы Сарая, Сарая ал-Джадида и Гулистана, а также Йангикента (2 экз.), битые с 721/1321 г. по 762/1361 г. Монет 763—764/1362—1363 гг. разных монетных дворов — 7 экз. (5,1%). Различить какие из недатированных и анонимных пулов биты при каком из ханов почти невозможно, поэтому для оценки состава монетного комплекса по эмитентам принято деление пулов на типы. Лишь в одном случае удалось однозначно установить, что пул типа «розетка» бит в 762/1361 г. и этот пул учтен в соответствующей категории при анализе.

Монет Узбека — 25 шт.; Джанибека — 57 шт.; Хизра — 11 шт.; Тимур-Ходжи — 1 шт.; Мурида — 4 шт.; Килдибека — 1 шт.; Хайр-Пулада — 1 шт.; Тулунбек ханум — 2 шт.; Токтамыша — 13 шт. Практически последняя датируемая монета шестого десятилетия XIV в. относится к 764/1362—1363 г., а собранный комплекс не содержит ни одного пула, чеканенного между 764/1362—1363 и 773/1371—1372 гг. Да и к 770-м/1370-м гг. относится всего лишь 2 экземпляра. Таким образом, *монетный состав комплекса однозначно фиксирует как минимум 15—18 летний перерыв денежных случайных потерь на изучаемой*

территории, что указывает на резкое снижение её посещаемости населением в это время, и, возможно, ее запустение.

Состав комплекса по монетным дворам для XIV в. (124 экз. — 100%) показывает присутствие максимального количества пулов монетных дворов Сарая (58 шт. — 46,8%) и Сарая ал-Джадида (45 шт. — 36,3%). Суммарно эмиссионные центры с этими двумя названиями поставили на рынок Сарайчука более 80% медной монетной продукции. Остальные: Сарай ал-Махруса — 1 экз.; Гулистан — 3 экз.; Хваризм — 2 экз.; Сарайчук — 6 экз.; Йангикент — 2 экз.; монетный двор не указан — 7 экз. Т.е. доля обозначенных в выпускных надписях названий монетных дворов Сарайчук и Йангикент составила всего 6,5%.

Монет Сарайчука встречено всего 4,8% и лишь одного типа — 763/1362 г. с именем Мурида (Гончаров 2005: 10). Выпуски Присырдарьинского региона представлены только 2 пулами одного монетного двора, как и историческая область Хорезм. *Никакого преобладания хорезмийских пулов после 760-х/1360-х гг. данный монетный комплекс не обнаруживает. То есть, поступлений монет Присырдарьинских регионов и с исторической области Хорезм на данные территории Сарайчука, подвергнутые раскопам, не прослеживается. Следовательно, в XIV в. зафиксированный нами хронологический этап монетного обращения на раскапываемой территории в период, предшествующий запустению, характеризуется доминированием притока пулов с монетных производств Нижнего Поволжья.*

В фототабл. 1 и 2 представлены фотографии наиболее интересных экземпляров нумизматических находок, причем, номера монет соответствуют сквозной нумерации в Приложении 1. В рассматриваемом комплексе наибольший интерес с точки зрения нумизматики представляют несколько медных пулов последней четверти XIV в. и рубежа веков, а также кладик медных пулов из 5 штук. Рассмотрим этот кладик—кошелек подробнее (Приложение 1, № 104—108; фототабл. 1: *104—108*). Самым главным вопросом является датировка младшей монеты кладика—кошелька.

Любопытным представляется факт присутствия в кошельке с джучидскими пулами хорезмийской анонимной медной монеты с тамгой амира Тимура (фототабл. 1: *108*). До настоящего времени этот тип анонимных фалсов является проблемным с точки зрения прочтения года по причине изготовления его штемпелем большего диаметра по сравнению с размерами монетного кружка. В результате цифры года, размещенные в сегментах картуша, очень редко попадают на монеты. В настоящее время известны экземпляры (например, Zeno № 170603), сохранившие две цифры «78» или «87» — в зависимости от того, правильно ли написан год на монете или зеркально. Т.е. год можно прочесть либо 78х г.х., либо [7]87 г.х./[13]85 г.

Также любопытным представляется присутствие в кошельке двух анонимных недатированных пулов Сарайчука, что отражает активность товарно-денежных отношений в городе при хане Токтамыше.

В фототабл. 1 и 2 приведены совершенно новые, ранее не встречавшиеся нам пулы с двумя разными тамгами. Вариант 1 — № 41, 42: «трехногая» тамга раздвоением внизу средней вертикали (типа «ласточкин хвост») и без навершия (головки). Вариант 2 — № 138: тамга «трехногая», с навершием, горизонтальной черточкой под средней вертикалью и загнутыми внутрь линиями обеих боковых вертикалей. Аналогичная монета несколько лучшего состояния также была ранее найдена на городище Сарайчук и приводится в фототаблице 2 / №А (в = 2,22 г, д = 18—16,6 мм). Если монеты с тамгой варианта 1 коррелируют с сарайчикскими выпусками другого типа (фототабл. 1: *106—107*) по оборотной стороне с изображением шестилучевой розетки, то монеты с тамгой варианта 2 никаких параллелей не обнаруживают. Кроме этих монет зафиксирован еще один пул также с трехногой тамгой, но иного, третьего варианта (фототабл. 1: *91*). Ввиду присутствия этих пулов исключительно на городище Сарайчук (подобных находок на других памятниках нам пока не известно), можно полагать, что это

местные выпуски конца XIV—XV вв. К сожалению, плохое состояние поверхности монет не дает нам возможности осуществить подробное описание этих пулов. Но обращается на себя внимание разнообразие тамг одного типологического ряда на монетах. Их более точная хронологическая атрибуция будет возможна только в трех случаях: если будут встречены перечеканы или надчеканы на этих монетах, датировка которых известна; если эти пулы будут встречены в составе кладов—кошельков, позволяющих установить датировку; если встретится датированный вариант интересующего нас пула. Поэтому интересная работа по поиску новых экземпляров и кладов чеканной меди, выяснению топографии находок находится в начале пути. Одно становится ясно — средневековый Сарайчук, видимо, чеканил не только монету, помеченную названием монетного двора, соответствующего топониму, но и без такового. А можно ли отрицать возможность чеканки в Сарайчуке монет под названиями других монетных дворов, например, Сарай ал-Джадида? Это также вопрос для скрупулезного изучения монетной массы XIV—XV вв., находимой на городище и ближайшей округи.

Анализ хронологического состава монетного комплекса

Оценка хронологического состава по десятилетиям для каждого из раскопов позволяет обнаружить некоторые общие тенденции в динамике денежного обращения в XIV в. на изучаемой территории.

Для всех монетных находок каждого раскопа и подъемного материала построена отдельная гистограмма зависимости количества монет от времени по десятилетиям (Приложение 2, гистограммы 1—4). При этом приняты некоторые условности. Так медные пулы типа «двуглавая птица» все отнесены к 740-м/1340-м гг., а типа «розетка» к 750-м/1350-м гг., несмотря на то, что большинство монет этих типов не имеет года выпуска и могли быть выпущены в начале следующего десятилетия (известен, например, тип «розетка» 762 г.х.). Кроме того, некоторые типы монет конца XIV в. не имеют года выпуска, но по имеющейся у авторов дополнительной информации, связанной с надчеканами на этих типах монет, они датированы нами достаточно узким периодом чеканки в несколько лет. Подробно датировка этих монет будет рассмотрена в отдельных публикациях, посвященных именно датировке недатированных пулов.

По количеству монет в каждом из раскопов можно сказать, что они не равноценные. Наиболее представительными по количеству являются раскопы 2 (43 экз.) и 3 + 3а (54 экз.). Раскоп 4 содержал всего 6 единичных находок и кладик из 5 пулов. По таким данным сложно проводить сравнение хронологического состава с монетами 2 и 3 + 3а раскопов. Эта характеристика для раскопа 4 носит ориентировочный, скорее информационный, характер. Особо следует отметить группу монет подъемного материала. Она достаточно представительна и вполне подходит для сравнительного анализа.

Итак, следует отметить, что хронологический состав каждой из выбранных групп коррелирует между собой. Исключение составляет лишь материал раскопа 4 из-за статистически малого количества находок. Вторая замеченная особенность, объединяющая хронологический состав находок с каждого раскопа и даже подъемного материала — фиксируемый на гистограммах существенный спад количества монетных утрат (почти до ничтожного количества) со второй половины 760-х/1360-х гг. и в следующем десятилетии. При этом наблюдается некоторый подъем количества потерянных пулов в 780-х и 790-х гг.х. Однозначно четко по нумизматическим данным фиксируется период XV в. На этом корреляция качественных и количественных параметров хронологического состава заканчивается.

Различия монетных находок раскопов 2 и 3 + 3а связаны в первую очередь с монетами 760-х/1360-х гг.х. Видимо, это в большей степени обусловлено различной интенсивностью

посещаемости двух этих территорий в это десятилетие, в большей степени в его первую половину. В раскопе 4 доминирующую роль играет кладик монет (кошелек), датируемый весь монетами 780-х/1380-х гг.х. Тем не менее, соотношение количества монет 740-х к 750-х гг.х. (=1) аналогично таковому для монет раскопа 2 (= 1,12 раза) и 3 + 3а (=0,86 раза). То есть, ~ (1±0,14) раза. Но совсем иную картину дает подъемный материал. Здесь наблюдается максимум количества пулов для 730-х/1330-х гг. (31,3%) с постепенным понижением количества к 760-м/1360-м гг. (до 9,4%). Соотношение количества монет 740-х и 750-х гг.х. составляет 1,75 раза. Монет 770-х гг.х. нет совсем. Наблюдаемая хронологическая характеристика подъемного монетного материала указывает на характер распределения монет отличный от такового в раскопах. Причем, наибольшее количество подъемных монет составляют именно мелкие легкие пулы Узбека (тип «лев и солнце») и Джанибека (тип «двуглавая птица»). Более тяжелые монеты времен Джанибека и хана Хизра (и др. эмитентов) 750-х — 760-х / 1350-х — 1360-х гг., не смотря на их обильную чеканку оказываются в верхних слоях почвы в меньшем количестве. Возможно это различие подъемных монет и пулов из раскопа связано с жизнедеятельностью степных грызунов и присутствию переотложенных слоев в связи с многочисленными погребениями, требовавшими выемки грунта. *В любом случае сведения о подъемном материале указывают на некоторое искажение информации о количестве монетных находок в хронологической последовательности по сравнению с таковыми характеристиками монет из раскопов*. Тем не менее, для составления полного представления о хронологическом составе монет с территорий, занятых раскопами необходимо построить суммарную гистограмму, учитывающую не только монеты раскопов 2, 3 + 3а и 4, но и подъемный материал (Приложение 2, гистограмма 5).

Единственный пул, относимый к 710-м гг.х. в подъемном материале, мог вполне оказаться в почве и в начале следующего десятилетия. Поэтому следует установить *время начала монетных утрат на исследуемой части побережья Яика*[3] *в средневековом г. Сарайчук именно 720-ми/1320-ми гг.* На сколько верно такое утверждение в такой формулировке? Надо признать, что такое утверждением вполне может оказаться ошибочным лишь потому, что археологические раскопы не дошли до материка. И первый от материка культурный слой может содержать более ранние монеты. Поэтому *речь может идти только о хронологическом составе монетной массы вскрытых слоев*. То есть, речь идет о составе монетной массы определенного периода времени, которым датируются переотложенные археологические слои. При этом, максимум количества монет наблюдается для 740-е-750-е гг.х., снижение начинается в 760-е гг.х. и абсолютный минимум в 770-х гг.х.

Все эти графики свидетельствуют о том, что во второй половине 760-х и 770-х гг.х. эта территория очень редко посещалась людьми, возможно, была заброшена в связи с эпидемией чумы, а затем в конце 770-х гг.х. и позднее жизнь здесь возобновилась и продолжалась еще в первой трети XV в. На это однозначно указывает некоторое количество монет 780-х—790-х гг.х., кладик (Приложение 1, № 104—108) из раскопа 4, а также находки монет рубежа веков и XV в. В первой трети XV в. или несколько позднее территория кладбища увеличилась, некоторые старые гурханы (возможно, конца XIV в.) были убраны и на их месте возведены новые.

В заключение следует отметить, что с точки зрения нумизматических находок хронологическая интерпретация событий представляет серьезные затруднения ввиду присутствия в раскопах переотложенных слоев. Тем не менее, способ хронологической дифференциации нумизматического материала позволяет зафиксировать особенности поступления монет на данную территорию, и, соответственно, установить время начала активного строительства погребальных сооружений (780-е — 790-е гг.х.). Но следует учесть, что продолжение раскопок на этих участках может принести новую дополнительную информацию, позволяющую скорректировать сделанные в этой статье заключения.

[3] Яик — старое название (до 1775 г.) р. Урал, по-казахски — Жайык.

Приложение 1. **Состав комплекса монетных находок из раскопов (2, 3, 4 + подъемный материал) на городище Сарайчук в 2019 г.**

№ п/п	Эмитент	Монетный двор	Год, г.х.	Кол-во, шт.	Примечание: фототабл.; тип; литература
Раскоп 2					
1	Анонимная	Сарай	721	1	«звезда»; Лебедев, Павленко 2008: 460, рис. 17: *11, 12*.
2	Анонимная [Узбек хан]	Сарай	720-е	1	«барс» влево/кутлуг болсун; Лебедев, Павленко 2008: 460, рис. 17: *20/11а-1*.
3	Анонимная	Сарай	731	1	«ун алты...»; Лебедев, Павленко 2008: 460, рис. 17: *14/3*.
4—5	Анонимная	Сарай	[737—742]	2	«лев и солнце»; Лебедев, Павленко 2008: 460, рис. 17: *17, 18*.
6	Анонимная	Йангикент	738	1	Клоков, Лебедев 2010: рис. 23: 82/1; Петров и др. 2014: фототабл. 29: *250*.
7—15	Анонимная	Сарай	[743—751]	9	«двуглавая птица»; Лебедев, Павленко 2008: 461, рис. 18: *26, 27*.
16—23	Анонимная	Сарай ал-Дж.	[751—762]	8	«розетка»; Лебедев, Павленко 2008: 462—464, рис. 19—22: *28—33*.
24—28	Хизр	Сарай ал-Дж.	[762]	5	Лебедев, Павленко 2008: 466, рис. 23: *35—14*.
29	Хизр	Хваризм	[762]	1	Zeno № 64432, 64299; Клоков, Лебедев 2010: рис. 24: *79/12*.
30	Хизр	Гулистан	76[2]	1	Лебедев, Павленко 2008: 468, рис. 25: *66/1*.
31	Тимур-Ходжа	Сарай ал-Дж.	76[2—3]	1	Клоков, Лебедев 2010: рис. 19, тип 15.
32—33	Мурид	Сарайчук	[763]	2	*Фототабл. 2*. Гончаров 2005; Zeno № 257194.
34	Килдибек	Сарай ал-Дж.	[763]	1	Лебедев, Павленко 2008: 466, рис. 23: 36/17а.
35	Хайр-Пулад	Сарай ал-Дж.	764	1	Лебедев, Павленко 2008: 466, рис. 23: *37/18*.
36	Утрачено	Сарай ал-Дж.	[760-е]	1	Одна сторона монеты утрачена.
37	Тулунбек ханум	Сарай ал-Дж.	773	1	
38	Анонимная	не указан	[782—783]	1	«павлин»; Клоков, Лебедев 2002: рис. 29: *6а,б*; 2010: рис. 24: *II-40*.
39	Анонимная	Сарай	[787]	1	«секира» вправо. Лебедев, Павленко 2008: 461, рис. 18: *21/16а*.
40	Анонимная	ас-Сарай	790	1	*Фототабл. 1*. Лебедев, Павленко 2008: 461, рис. 18: *22/18*.

Приложение 1. **Состав комплекса монетных находок из раскопов (2, 3, 4 + подъемный материал) на городище Сарайчук в 2019 г. (продолжение)**

№ п/п	**Эмитент**	**Монетный двор**	**Год, г.х.**	**Кол-во, шт.**	***Примечание: фототабл.; тип; литература***
41—42	Анонимная	Не указан	рубеж XIV — XV вв.	2	*Фототабл. 1*. Трехногая тамга «ласточкин хвост». В публикациях не встречен.
43	Атрибуции не поддается		XIV в.	1	-
Итого:				**43**	
Раскоп 3+3а					
44	Анонимная [Узбек хан]	Сарай	720-е	1	«барс» влево/кутлуг болсун; Лебедев, Павленко 2008: 460, рис. 17: *20/11 а-1*.
45—47	Анонимная	Сарай	726	3	«сокол»; Лебедев, Павленко 2008: 460, рис. 17—13/2.
48—50	Анонимная	Сарай	731	3	«ун алты...»; Лебедев, Павленко 2008: 460, рис. 17: *14/3*.
51—52	Анонимная	Сарай	[737—742]	2	«лев и солнце»; Лебедев, Павленко 2008: 460, рис. 17: *17, 18*.
53	Анонимная	Йангикент	738	1	*Фототабл. 1*. Клоков, Лебедев 2010: рис. 23: *82/1*; Петров и др. 2014: фототабл. 29: *250*.
54—65	Анонимная	Сарай	[743—751]	12	«двуглавая птица»; Лебедев, Павленко 2008: 461, рис. 18: *26, 27*.
66—79	Анонимная	Сарай ал-Дж.	[751—762]	14	«розетка»; Лебедев, Павленко 2008: 462—464, рис. 19—22: *28—33*.
80—82	Хизр	Сарай ал-Дж.	[762]	3	Лебедев, Павленко 2008: 466, рис. 23: *35—14*.
83—84	Хизр	Гулистан	76[2]	2	Лебедев, Павленко 2008: 468, рис. 25: *66/1*.
85	Тулунбек ханум	Сарай ал-Дж.	773	1	
86	Анонимная	не указан	[782—783]	1	«павлин»; Клоков, Лебедев 2002: рис. 29: *6а,б*; 2010: рис. 24: *II-40*.
87	Анонимная	Сарай	[787]	1	«секира» вправо. Лебедев, Павленко 2008: 461, рис. 18: *21/16а*.
88	Анонимная	ас-Сарай	[788]	1	Лебедев, Павленко 2008: 461, рис. 18: *25/21б*.
89	Токтамыш	не указан	[780-е]	1	*Фототабл. 1*. Лебедев, Павленко 2008: 458, рис. 15: *8а-б*.
90	Анонимная	Сарай ал-Дж.	[790]	1	Лебедев, Павленко 2008: 466, рис. 23: *45/31*.

Приложение 1. **Состав комплекса монетных находок из раскопов (2, 3, 4 + подъемный материал) на городище Сарайчук в 2019 г. (продолжение)**

№ п/п	Эмитент	Монетный двор	Год, г.х.	Кол-во, шт.	*Примечание: фототабл.; тип; литература*
91	Анонимная	не указан	рубеж XIV — XV вв.	1	*Фототабл. 1*. Трехногая тамга «ласточкин хвост». В публикациях не встречен.
92	Утрачен	Хваризм	XV в.	1	*Фототабл. 1*. AR. Акча. Разломана на несколько кусочков.
93	не указан, [Дервиш]	не указан	XV в.	1	AE. Пул анэпиграфный. «орнамент»; Клоков, Лебедев 2002: рис. 25, тип 19.
94	ПОДДЕЛКА		XIV в.	1	*Фототабл. 1*. AE. Под дирхам Токты 710 г.х.
95—97	Атрибуции не поддается		—	3	*Фототабл. 1*.
Итого:				**54**	
Раскоп 4					
98	Анонимная [Узбек хан]	Сарай	720-е	1	*«барс» влево/кутлуг болсун;* Лебедев, Павленко 2008: 460, рис. 17: *20/11а-1*.
99—100	Анонимная	Сарай	[743—751]	2	«двуглавая птица»; Лебедев, Павленко 2008: 461, рис. 18: *26, 27*.
101	Анонимная	Сарай ал-Дж.	[751—762]	1	«розетка»; Лебедев, Павленко 2008: 462—464, рис. 19—22: *28—33*.
102	Анонимная	утрачен	[753]	1	Перечекан из пула Барджина 753 г.х. в пул типа «розетка».
103	Токтамыш(?)	не указан	780-е — 790-е	1	*Фототабл. 2.*
104	Анонимная	Сарай	[780-е]	1	**Кладик.** «кувшинчик»; *Фототабл. 1*. Лебедев, Павленко 2008: 461, рис. 18: *23/19а*.
105	Не указан	Анонимная	[780-е]	1	**Кладик.** «две рыбы»; *Фототабл. 1*. Клоков, Лебедев 2002: рис. 29, тип 9.
106—107	Анонимная	Сарайчук	[780-е]	2	**Кладик.** «шестилучевая розетка»; *Фототабл. 1*. Клоков, Лебедев 2002: рис. 23: *II 36*.
108	**Тимуриды** Тимур	Хваризм	[785—78х]	1	**Кладик.** Zeno № 170603. *Фототабл. 1*.
Итого:				**11**	
Подъемный материал					
109	Анонимная Время Токты.	не указан	б/г [700-е — 710-е]	1	*Фототабл. 2*. Обломок. Лебедев, Павленко 2008: 470, рис. 27: *108/1б*.

Приложение 1. **Состав комплекса монетных находок из раскопов (2, 3, 4 + подъемный материал) на городище Сарайчук в 2019 г. (продолжение)**

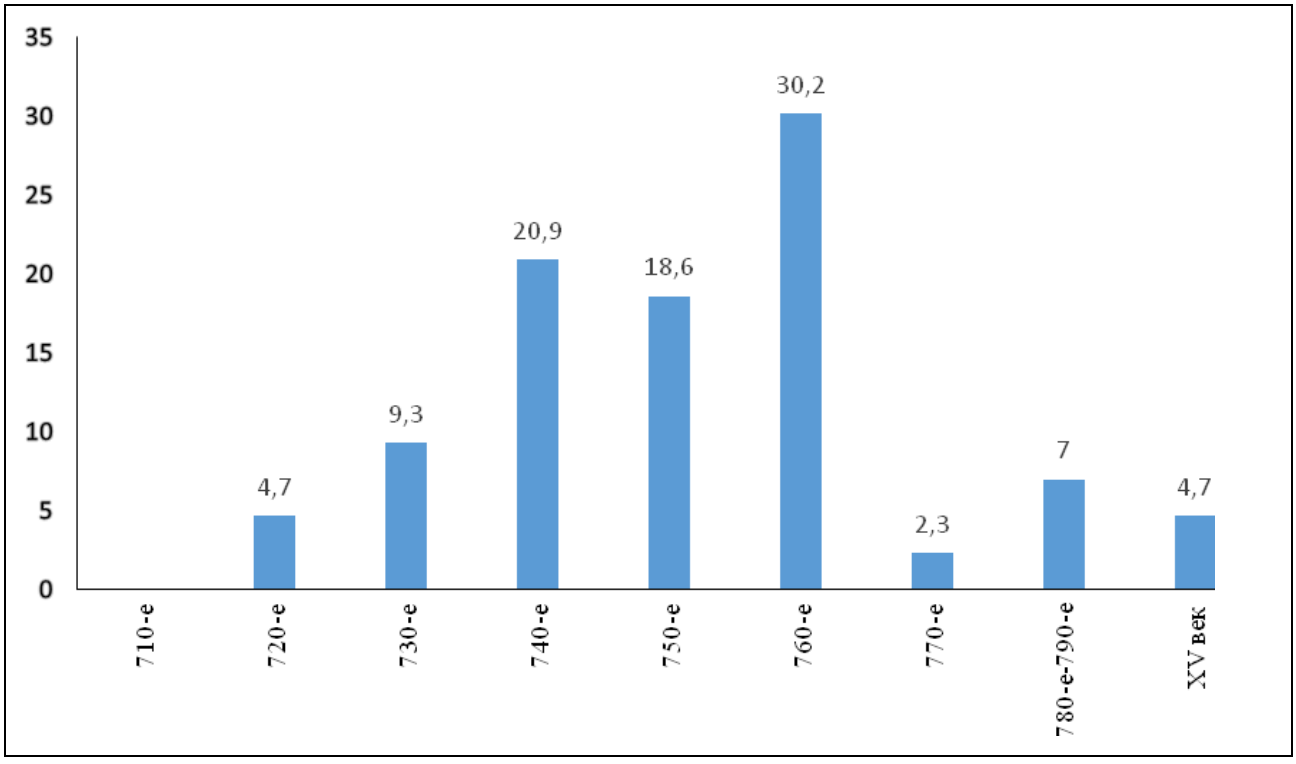
№ п/п	**Эмитент**	**Монетный двор**	**Год, г.х.**	**Кол-во, шт.**	***Примечание: фототабл.; тип; литература***
110—111	Анонимная	Сарай	731	2	«ун алты...»; Лебедев, Павленко 2008: 460, рис. 17: *14/3*.
112	Анонимная	Сарай ал-Махруса	731	1	«ун алты...»; Лебедев, Павленко 2008: 460, рис. 17: *15/4*.
113—119	Анонимная	Сарай	[737—742]	7	«лев и солнце»; Лебедев, Павленко 2008: 460, рис. 17: *17, 18*.
120—125	Анонимная	Сарай	[743—751]	6	«двуглавая птица»; Лебедев, Павленко 2008: 461, рис. 18: *26, 27*.
126—130	Анонимная	Сарай ал-Дж.	[751—762]	5	«розетка»; Лебедев, Павленко 2008: 462—464, рис. 19—22: 28—33.
131	Джанибек	Хваризм	[749]	1	Ф.-Д., 1965, с. 189, пул №6; Лебедев, Павленко 2008: 469, рис. 26: *101/4*.
132—133	Мурид	Сарайчук	[763]	2	*Фототабл. 2.* Гончаров 2005; Zeno № 257194.
134—135	Анонимная	не указан	[782—783]	2	«павлин»; Клоков, Лебедев 2002: рис. 29: *6а,б*; 2010: рис. 24: *II-40*.
136—137	Анонимная	Сарай ал-Дж.	[790]	2	*Фототабл. 2.* Лебедев, Павленко 2008: 466, рис. 23: *45/31*.
138	Анонимная?	не указан?	Рубеж XIV — XV вв.	1	*Фототабл. 2.* Тип неясен. Необычная трехногая с «отростками» тамга.
139	Атрибуции не поддается.		XIV в.	1	«двуглавая птица»?
140	**Гиреи Крыма**		XV в.	1	*Фототабл. 2.* Обломок.
Итого:				**32**	

Приложение 2

Таблица 1. **Хронологический состав монетных находок с раскопа 2 (Сарайчик 2019 г.)**

Годы выпуска, г.х.	**Количество**	
	Шт.	**%**
700-е-710-е	-	-
720-е гг.х.	2	4,7
730-е гг.х.	4	9,3
740-е гг.х.	9	20,9
750-е гг.х.	8	18,6
760-е гг.х.	13	30,2
770-е гг.х.	1	2,3
780-е гг.х.	2	4,7
790-е гг.х.	1	2,3
Σ 780-е – 790-е	3	7,0
XV век	2	4,7
Неатрибутированные	1	2,3
Итого:	43	**100%**

При расчете доли процентов монет для каждого десятилетия не учитывались монеты неатрибутированные и XV в.



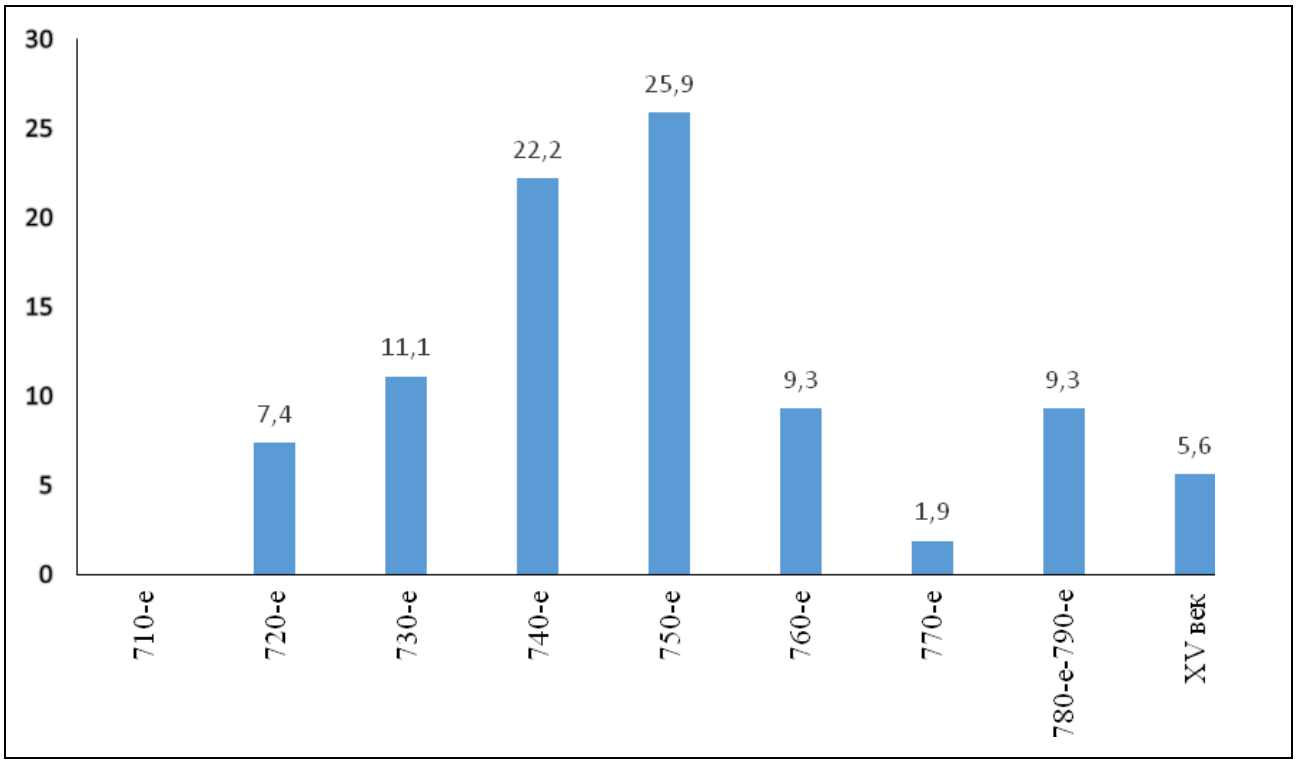
Гист. 1. Хронологический состав монетных находок с раскопа 2 (Сарайчик 2019 г.). Вертикальная ось — количество, %; горизонтальная ось — десятилетия, г.х.

Hist. 1. Chronological composition of coin finds from excavation 2 (Saraishyq 2019). The vertical axis is the amount,%; horizontal axis is decades, AH.

Таблица 2. **Хронологический состав монетных находок с раскопа 3+3а (Сарайчик 2019 г.)**

Годы выпуска, г.х.	**Количество**	
	Шт.	**%**
700-е-710-е	-	-
720-е гг.х.	4	7,4
730-е гг.х.	6	11,1
740-е гг.х.	12	22,2
750-е гг.х.	14	25,9
760-е гг.х.	5	9,3
770-е гг.х.	1	1,9
780-е гг.х.	4	7,4
790-е гг.х.	1	1,9
Σ 780-е – 790-е	5	8,8
XV век	3	5,6
Неатрибутированные	4	7,4
Итого:	54	**100%**

В разделе «неатрибутированные» учтена поддельная монета.



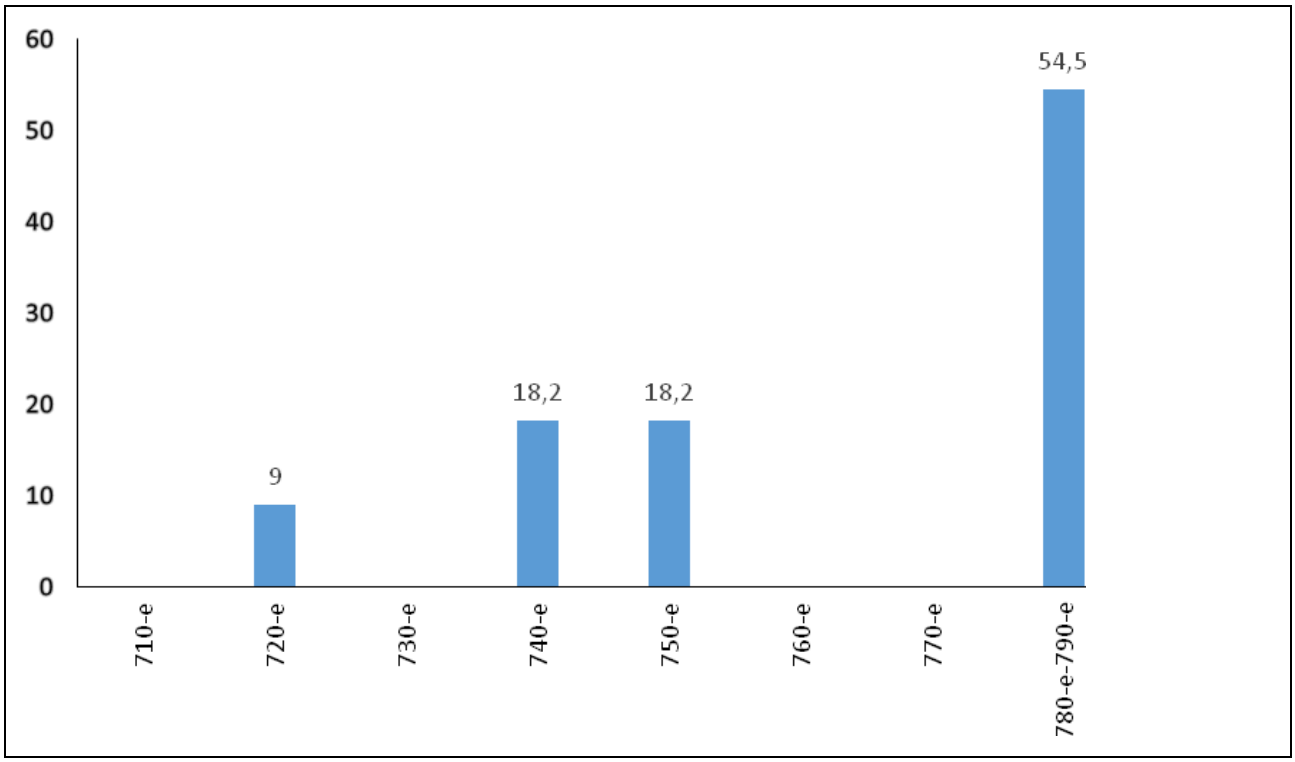
Гист. 2. Хронологический состав монетных находок с раскопа 3 + 3а (Сарайчик 2019 г.). Вертикальная ось — количество, %; горизонтальная ось — десятилетия, г.х.

Hist. 2. Chronological composition of coin finds from excavation 3 + 3a (Saraishyq 2019). The vertical axis is the amount,%; horizontal axis is decades, AH.

Таблица 3. **Хронологический состав монетных находок с раскопа 4 (Сарайчик 2019 г.)**

Годы выпуска, г.х.	**Количество**	
	Шт.	**%**
700-е-710-е	-	-
720-е гг.х.	1	8,0
730-е гг.х.	-	-
740-е гг.х.	2	18,2
750-е гг.х.	2	18,2
760-е гг.х.	0	-
770-е гг.х.	0	-
780-е гг.х.	6	54,6
790-е гг.х.	0	-
Σ 780-е – 790-е	6	54,6
XV век	0	-
Неатрибутированные	0	-
Итого:	11	**100%**

С учетом клада пулов из 5 экз.

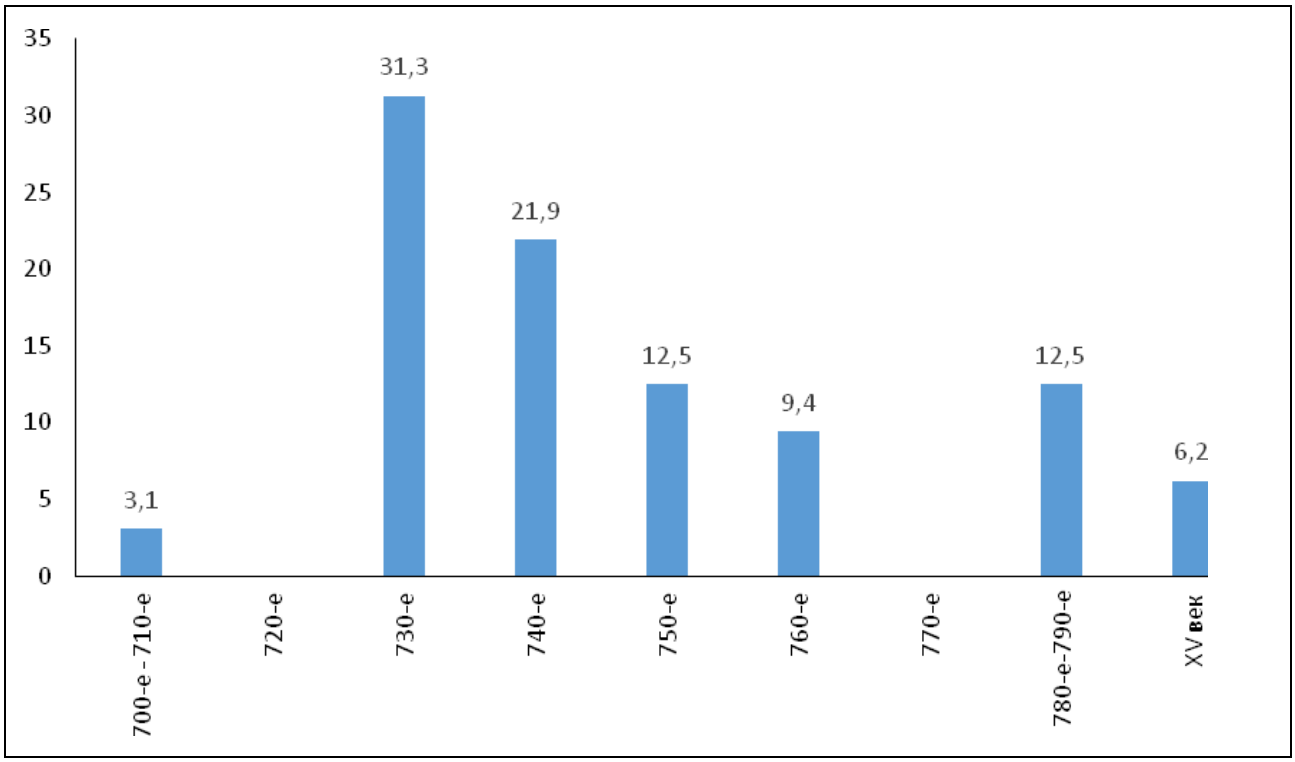


Гист. 3. Хронологический состав монетных находок с раскопа 4 (Сарайчик 2019 г.) Вертикальная ось — количество, %; горизонтальная ось — десятилетия, г.х.

Hist. 3. Chronological composition of coin finds from excavation 4 (Saraishyq 2019). The vertical axis is the amount,%; horizontal axis is decades, AH.

Таблица 4. **Хронологический состав монетных находок — подъемный материал (Сарайчик 2019 г.)**

Годы выпуска, г.х.	**Количество**	
	Шт.	**%**
700-е-710-е	1	3,1
720-е гг.х.	-	-
730-е гг.х.	10	31,3
740-е гг.х.	7	21,9
750-е гг.х.	4	12,5
760-е гг.х.	3	9,4
770-е гг.х.	-	-
780-е гг.х.	2	6,2
790-е гг.х.	2	6,2
Σ 780-е – 790-е	4	12,5
XV век	2	6,2
Неатрибутированные	1	3,1
Итого:	32	**100%**

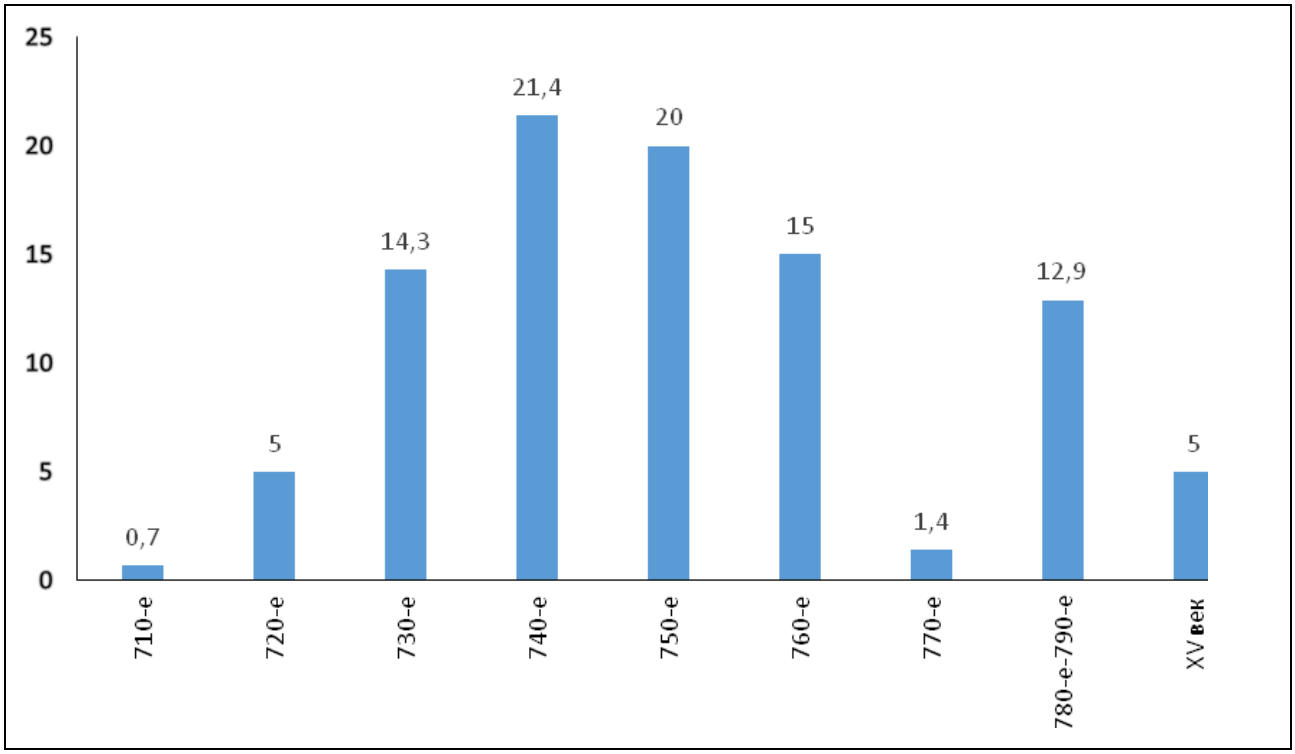


Гист. 4. Хронологический состав монетных находок — подъемный материал (Сарайчик 2019 г.). Вертикальная ось — количество, %; горизонтальная ось — десятилетия, г.х.

Hist. 4. The chronological composition of the coin finds — lifting material (Saraishyq 2019). The vertical axis is the amount,%; horizontal axis is decades, AH.

Таблица 5. **Хронологический состав монетных находок с раскопов 2 + 3 + 3а + 4 + подъемный материал (Сарайчик 2019 г.)**

Годы выпуска, г.х.	**Количество**	
	Шт.	**%**
700-е-710-е	1	0,7
720-е гг.х.	7	5,0
730-е гг.х.	20	14,3
740-е гг.х.	30	21,4
750-е гг.х.	28	20,0
760-е гг.х.	21	15
770-е гг.х.	2	1,4
780-е гг.х.	14	10
790-е гг.х.	4	2,9
Σ 780-е – 790-е	18	12,9
XV век	7	5,0
Неатрибутированные	6	4,3
Итого:	140	**100%**



Гист. 5. Хронологический состав монетных находок с раскопов 2 + 3 + 3а + 4 + подъемный материал (Сарайчик 2019 г.). Вертикальная ось — количество, %; горизонтальная ось — десятилетия, г.х.

Hist. 5. Chronological composition of coin finds from excavations 2 + 3 + 3a + 4 + recovered material (Saraishyq 2019). The vertical axis is the amount,%; horizontal axis is decades, AH.

При построении графика 6 экз. неатрибутированных монет (4,3%) не включены.

Литература

Гончаров Е.Ю. 2005. Денежное обращение города Сарайчук. В: *Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII—XV вв. I МНК — Саратов 2001, II МНК — Муром 2003*. Москва: Нумизматическая Литература, 9—12.

Зеленеев Ю.А., Пигарев Е.М. 2021. *Селитренное городище: археологические исследования на бугре Больничном в 2014—2016 годах.* Йошкар-Ола: Марийский государственный университет (Материалы и исследования по археологии Поволжья 13).

Клоков В.Б., Лебедев В.П. 2002. Монетный комплекс с Селитренного городища. (Золотая орда, город Сарай). В: Петров П.Н. (науч. ред.). *Древности Поволжья и других регионов.* Вып. IV. Т. 3. Нижний Новгород: Нумизматическая Литература, 73—165.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. 2010. Монетный комплекс с Царевского городища. В: Евглевский А.В. (глав. ред.). *Труды по археологии. Степи Европы в эпоху Средневековья.* Т. 8. *Золотоордынское время*. Донецк: Донецкий национальный университет, 415—486.

Кубанкин Д.А., Петров П.Н. 2013. Джучидские монеты из материалов раскопок на Укекском городище в 2010—2012 гг. в контексте археологических находок. *Нумизматика Золотой Орды* 3, 55—60.

Лебедев В.П., Павленко В.М. 2008. Монетное обращение золотоордынского города Маджар. В: Евглевский А.В. (глав. ред.). *Труды по археологии. Степи Европы в эпоху Средневековья.* Т. 6. *Золотоордынское время*. Донецк: Донецкий национальный университет, 415—486.

Отчет 2019: Отчет об археологических работах по теме: «Исследование средневекового городища Сарайчик (Ортағасырлық Сарайшық қаласының зерттелуі)». Акимат Атырауской области Республики Казахстан и Историко-краеведческий музей Атырауской области. Атырау. Архив Историко-краеведческого музея Атырауской области.

Петров и др. 2014: Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А. 2014. *Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов. Казахстан.* Алматы: Хикари.

Петров П.Н., Кубанкин Д.А. 2015. Раскопки на Увекском городище в 2013 году. Нумизматический аспект. *Нумизматика Золотой Орды* 5, 61—66.

Петров П.Н., Кубанкин Д.А. 2018. Нумизматический материал из раскопов VII и VIII на Увекском городище за сезоны 2015—2017 гг. *Археология Евразийских степей* 5. *Болгар: сохранение и изучение (к 80-летию Болгарской археологической экспедиции). Археология средневековых городских центров Евразии*, 54—59.

Пигарёв Е.М. 2008. Золотоордынские монеты из раскопок и сборов археологической экспедиции музея-заповедника на Селитренном городище в 2003—2005 гг. (к общей статистике находок). В: *Труды VI международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII—XV веков». Волгоград 2006.* Москва: Нумизматическая Литература, 128—136.

Пигарёв Е.М. 2011. Золотоордынские монеты из раскопок и сборов археологической экспедиции музея-заповедника на Селитренном городище в 2005—2007 гг. (к общей статистике находок). В: Васильев Д.В., Зеленеев Ю.А., Ситдиков А.Г. (ред.). *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. 2—6 октября 2011 г*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани; Астрахань: Астраханский университет, 321—325.

Федоров-Давыдов Г.А. 1965. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода. *НЭ* V, 179—219.

Zeno: Zeno — Oriental coins database. URL: www.zeno.ru (дата обращения 10.08.2022).

References

Goncharov, E.Yu. 2005. In: *Trudy Mezhdunarodnykh numizmaticheskikh konferentsiy. Monety i denezhnoe obrashcheniye v mongol'skikh gosudarstvakh XIII—XV vv. I MNK — Saratov 2001, II MNK — Murom 2003 (Proceedings of International Numismatic Conferences. Coins and monetary circulation in the Mongolian states of the 13th — 15th cc. 1st MNC — Saratov 2001, 2nd MNC — Murom 2003)*. Moscow: Numizmaticheskaya Literatura, 9—12 (in Russian).

Zeleneev, Yu.A., Pigaryev, E.M. 2021. *Selitrennoye gorodishche: arkheologicheskiye issledovaniya na bugre Bol'nichnom v 2014—2016 godakh (Selitrennoye settlement: archaeological research on the Bolnichny hillock in 2014—2016)*. Yoshkar-Ola: Mariyskiy gosudarstvennyi universitet (Materials and research on the archaeology of the Volga region 13) (in Russian).

Klokov, V.B., Lebedev, V.P. 2002. In: Petrov, P.N. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ya i drugikh regionov (Antiquities of the Volga Region and Other Region)*. Iss. IV. Vol. 3. Nizhniy Novgorod: Numizmaticheskaya Literatura, 73—165 (in Russian).

Klokov, V.B., Lebedev, V.P. 2010. In: Evglevskiy, A.V. (ed.). *Trudy po arkheologii. Stepi Evropy v epokhu Srednevekov'ya (Works on archaeology. Steppes of Europe in the Middle Ages)*. Vol. 8. *Zolotoordynskoe vremya (Golden Horde time)*. Donetsk: Donetskiy natsional'nyi universitet, 415—486 (in Russian).

Kubankin, D.A., Petrov, P.N. 2013. In *Numizmatika Zolotoy Ordy (Numismatics of the Golden Horde)* 3, 55—60 (in Russian).

Lebedev, V.P., Pavlenko, V.M. 2008. In: Evglevskiy, A.V. (ed). *Trudy po arkheologii. Stepi Evropy v epokhu Srednevekov'ya (Works on archaeology. Steppes of Europe in the Middle Ages)*. Vol. 6. *Zolotoordynskoe vremya (Golden Horde time)*. Donetsk: Donetskiy natsional'nyi universitet, 415—486 (in Russian).

Otchet 2019: Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh po teme: "Issledovaniye srednevekovogo gorodishcha Saraychik (Ortaġasyrlyk¸ Sarayshyk¸ k¸alasynyn zerttelui)". Akimat Atyrauskoy oblasti Respubliki Kazakhstan i Istoriko-krayevedcheskiy muzey Atyrauskoy oblasti. Atyrau. Arkhiv Istoriko-krayevedcheskogo muzeya Atyrauskoy oblasti.

Petrov i dr. 2014: Petrov, P.N., Baypakov, K.M., Voyakin, D.A. 2014. *Monetnoe delo i denezhnoe obrashcheniye v Velikoy Mongol'skoy imperii, gosudarstvakh Chagataidov i Dzhuchidov. Kazakhstan (Coinage and money circulation in the Great Mongolian Empire, states of Chagataids and Zhuchidov. Kazakhstan)*. Almaty: Khikari (in Russian).

Petrov, P.N., Kubankin, D.A. 2015. In *Numizmatika Zolotoy Ordy (Numismatics of the Golden Horde)* 5, 61—66 (in Russan).

Petrov, P.N., Kubankin, D.A. 2018. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian steppes)* 5. *Bolgar: sokhranenie i izuchenie (k 80-letiyu Bolgarskoy arkheologicheskoy ekspeditsii). Arkheologiya srednevekovykh gorodskikh tsentrov Evrazii (Bulgaria: conservation and study (for the 80th Anniversary of the Bulgarian archaeological expedition). Archaeology of medieval urban centers of Eurasia)*, 54—59 (in Russian).

Pigaryev, E.M. 2008. In: *Trudy VI mezhdunarodnoy numizmaticheskoy konferentsii «Monety i denezhnoye obrashcheniye v mongol'skikh gosudarstvakh XIII—XV vekov». Volgograd 2006 (Proceedings of the 6th International Numismatic Conference "Coins and Money Circulation in Mongolian States of the 13th — 15th centuries". Volgograd 2006)*. Moscow: Numizmaticheskaya Literatura, 128—136 (in Russian).

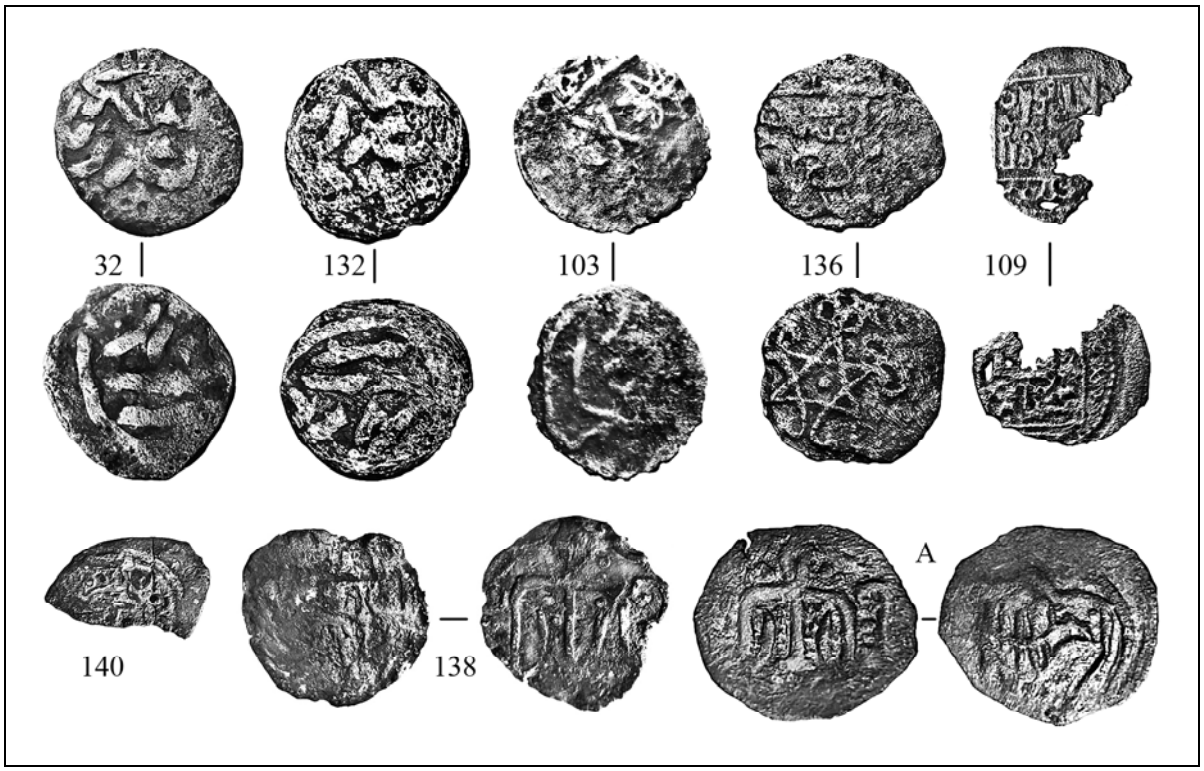
Pigaryev, E.M. 2011. In: Vasil'yev, D.V., Zeleneev, Yu.A., Sitdikov, A.G. (eds.). *Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na Evraziyskom prostranstve. Materialy V Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati G.A. Fodorova-Davydova. 2—6 oktyabrya 2011 g. (Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space. Materials of the 5th International Conference dedicated to the memory of G.A. Fyodorov-Davydov. October 2—6, 2011).* Kazan: Institut istorii im. SH. Mardzhani; Astrakhan: Astrakhanskiy universitet, 321—325 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G.A. 1965. In *Numizmatika i epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* V, 179—219 (in Russian).

Zeno: Zeno — Oriental coins database. Available at: www.zeno.ru (accessed 10.08.2022).

Фототабл. 1. Пулы: *104—108* — кладик пулов конца XIV в.; *40* — ас-Сарай, 790 г.х.; *41—42* — монетный двор не указан, рубеж XIV и XV вв., с необычной «трехногой» тамгой; *53* — Йангикент, 738 г.х.; *89* — монетный двор не указан, Токтамыш, [780-е] гг.х.; *91* — МД не указан, рубеж XIV и XV вв., с необычной «трехногой» тамгой. **Серебро, акче:** *92* — Хваризм, XV в. **Подделка:** *94* — медь, под дирхам Токты 710 г.х. **Пулы без атрибуции:** 95 и 96.

Phototabl. 1. Puls: *104—108* — hoard of puls of the end of the 14th c.; *40* — as-Saray, 790 AH; *41—42* — mint is not indicated, the turn of the 14th and 15th cc., with an unusual “three-legged” tamga; *53* — Yangikent, 738 AH; *89* — mint not specified, Toktamysh, [780s] AH; *91* — mint not specified, turn of the 14th and 15th cc., with an unusual “three-legged” tamga. **Silver, akche:** *92* — Khwarizm, 15th c. **Forgery:** *94* — copper, under the Tokta dirham 710 AH. **Puls without attribution:** 95 and 96.



Фототабл. 2. Пулы: *32 и 132* — Сарайчук, Мурид хан, [763] г.х.; *103* — монетный двор не указан, Токтамыш(?), 780-е — 790-е гг.х.; *109* — обломок, [Маджар], время Токты, год не указан; *136* — Сарай ал-Джадида, [790] г.х.; *138* — монетный двор не указан(?), рубеж XIV и XV вв., с необычной «трехногой» тамгой; *А* — монета аналогичная № 138, но не из раскопов 2019 г. **Серебро, акче:** *140* — Гиреи Крыма. Обломок монеты.

Phototabl. 2. Puls: *32 и 132* — Saraishyq, Murid Khan, [763] AH; *103* — mint not specified, Toktamysh(?), 780s — 790s; *109* — fragment, [Madjar], time of Tokta, year not specified; *136* — Saray al-Jadid, [790] AH; *138* — mint is not specified(?), the turn of 14th and 15th cc., with an unusual “three-legged” tamga; *A* — coin similar to No. 138, but not from excavations in 2019. **Silver, acce:** *140* — Girays of the Crimea. Fragment of a coin.

Эпиграфика

Epigraphy

УДК 94(3)
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.78.29.021

М.М. Чореф

К ВОПРОСУ О ЦЕЛИ ПОСОЛЬСТВА НАЙМАНА И МАХЕСА В РИМ, ИЛИ К ПРОСОПОГРАФИИ ПОНТИЙСКОГО ЦАРСТВА*

Объектом изучения стал травертиновый блок с билингвой на латинском и греческом языках, высеченной от имени понтийского царя Митридата IV Филопатора Филадельфа. Артефакт мог быть фрагментом монумента II—I вв. до н. э., располагавшегося близ храма Юпитера Капитолийского в Риме. Примечательно то, что в надписи упомянуты царские послы: Найман, сын Наймана и Махес, сын Махеса. На основании изучения священных текстов и мифологии, можно полагать, что первый происходил из Иудеи, а второй был выходцем из Египта. Понтийский царь отправил их в посольство для информирования о своих контактах с Хасмонеями и с автохтонной элитой государства Птолемеев, и это должно было поднять его авторитет в глазах Сената и римского народа.

Ключевые слова: Рим, Понтийское царство, эпиграфика, Митридат IV Филопатор и Филодельф, посольство Наймана и Махеса.

Сведения об авторе: Чореф Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Контактная информация: 603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: choref@yandex.ru.

M.M. Choref

REVISITING THE PURPOSE OF THE EMBASSY OF NAAMAN AND MAHES TO ROME, OR TO THE PROSOPOGRAPHY OF THE PONTIC KINGDOM

The interest of the research was focused on a travertine block with a bilingual inscription in Latin and Greek carved on behalf of Mithridates IV Philopator Philadelphus, a ruler of the Kingdom of Pontus. The artifact could be a fragment of a monument of the 2nd — 1st cc. BCE located near the Temple of Capitoline Jupiter in Rome. It is noteworthy that the royal ambassadors are mentioned in the inscription: Naiman, son of Naaman and Mahes, son of Mahes. Judging by the results of the study of sacred texts and mythology, the first of them came from Judea, and the second was a native of Egypt. The reason why the Pontic king has sent the embassy was that he intended to inform the Senate and the people of Rome about his contacts with the Hasmoneans as well as with the autochthonous elite in the Ptolemaic state and thereby increase his authority.

Key words: Rome, Kingdom of Pontus, epigraphy, Mithridates IV Philopator and Philodelphus, the embassy of Naaman and Mahes.

About the author: Choref Mikhail Mikhailovich, PhD (History), Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Contact information: 603950, Russia, Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Av., Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; e-mail: choref@yandex.ru.

---

* Статья поступила в номер 30 мая 2022 г.
Принята к печати 17 июня 2022 г.

© М.М. Чореф, 2022.

В 1886 г. в Риме на площади Консолационе в процессе перестройки здания, которое находилось перед церковью и на углу улицы св. Джованни Деколлато, на глубине 3 м от уровня дневной поверхности археологом Г. Гатти был найден большой параллелепипед из травертина 0,94 × 0,58 × 0,40 м, разбитого на несколько кусков. На одной из его сторон была высечена надпись — билингва на латинском и на греческом языках (рис. 1: *1*).

Артефакт был своевременно введен в научный оборот (NotSc 1886: 452; NotSc 1887: 110). Позже его переиздали в фундаментальных «Inscriptiones Graecae» (IG XIV: No. 986, 987), «Corpus inscriptionum Latinarum» (CIL VI: No. 30922; CIL I^2: No. 730) и в «Orientis Graeci inscriptiones selectae» (OGIS I: No. 375).

Интерес к памятнику вполне объясним. Ведь он представлял собой фрагмент монумента, воздвигнутого близ храма Юпитера Капитолийского, на лицевой стене которого были размещены посвятительные надписи, высеченные по распоряжению союзных Республике восточных правителей и полисов в последние два века ее существования (Del Monaco 2013).

Эпиграфисты уделили они внимание и билингве, высеченной на блоке, обнаруженном Г. Грасси в 1886 г. Ученые предположили, что этот артефакт сохранил фрагмент пространного текста. Остальные его части выявляли на травертиновом блоке, найденном в том же месте (рис. 1: *2*). Так, если изначально считалось, что надпись состоит из двух колонок (NotSc 1886: 452), то в 1887 г. пришли к выводу, что она включала как минимум четыре столбца, причем первый из них не сохранился (NotSc 1887: 110). По мнению составителей IG XIV, в ней было пять колонок (IG XIV: No. 986, 987). А редакторы CIL VI и CIL I^2 заключили, что надпись состояла из трех столбцов (CIL VI: No. 30922; CIL I^2: No. 730). Последняя точка зрения надолго стала общепринятой. Так, ее поддержали составители каталога «Epigraphic Database Roma»[1] (рис. 1). Они прочли надпись следующим образом:

Колонка 1

[Rex Metradates Pilopator et Pil]adelpus regus Metradati f(ilius)
[populum Romanum amicitiai e]t societatis ergo, quae iam
[inter ipsum et Romanos? optin]et. Legati coiraverunt
[Nemanes Nemanei f(ilius) Ma]hes Mahei f(ilius).
[Βασιλεὺς Μιθραδάτης Φιλ]οπάτωρ καὶ Φιλάδελφος
[βασιλέως Μιθραδάτ]ου τὸν δῆμον τὸν
[Ῥωμαίων φίλον καὶ] σύμμαχον αὐτοῦ
[γενόμενον εὐνοίας] ἕνεκεν τῆς εἰς αὐτὸν
[πρεσβευσάντων Ναιμά]νους τοῦ Ναιμάνους
[Μάου τοῦ Μάου].

Колонка 2

Ὁ δ[ῆμο]ς ὁ Ταβηνῶν
φίλ[ος] καὶ σύμμαχος
Ῥω[μαίων].

[1] Приводим изображения плит, которые, по мнению составителей «Epigraphic Database Roma», являются фрагментами изучаемой нами надписи (edr-edr.it: 1).

Колонка 3

[Ὁ δῆμος ὁ --- φίλος καὶ σύμμαχος τοῦ δῆμου]
τοῦ Ῥ[ωμαίων ---].
Popul[us ---][2]
popul[um Romanum ---].

В свою очередь заметим, что их выводы не являются перспективными. Ведь только колонка 1, как уже было сказано выше, представляет собой билингву, по-видимому, в 10 строк (рис. 1: *1*). Причем в первых четырех высечены латинские слова, а ниже их — греческие[3]. Но столбец 2 содержит 5 строк. И в них различимы только греческие слова. Что же касается колонки 3, то ее составляли, по-видимому, всего четыре строки. Причем в нижних были размещены латинские слова (рис. 1: *2*).

Стоит так же отметить, что буквы во втором и в третьем столбце куда крупнее, чем в первом (рис. 1). Так что есть все основания полагать, что интересующий нас текст размещен только в первой колонке. А во втором и в третьем столбцах сохранились остатки иных двух надписей[4]. В первой из них идет речь о заключении договора о дружбе и союзе с гражданами Табэ (Кария) (рис. 1: *2*). По мнению редакторов «Supplementum epigraphicum graecum», эта надпись появилась в 81 г. до н.э. как знак благоговения Л. Корнелия Суллы (SEG XXVIII: No. 803). Что же касается последнего столбца, то от его текста сохранились лишь незначительные фрагменты. В настоящее время видны только первые две буквы последних строк — «РО» (рис. 1: *2*). Вполне возможно, что мы наблюдаем сохранившиеся фрагменты слова «populus». Вполне возможно, что эта надпись появилась в память о заключении римлянами договора о дружбе и союзе еще с одним государственным образованием. Но, судя по изображениям в «Inscriptiones Graecae» (IG XIV: No. 986, 987) и в «Corpus inscriptionum Latinarum» (CIL VI: No. 30922; CIL I^2: No. 730), раньше выше них читалось «TOYF», или, что куда вероятнее, «TOYP». В этом буквосочетании разбирают «τοῦ Ρ…»[5]. Так что текст в этом столбце также является билингвой[6]. Но оформленной, как видим, особым образом — сначала в ней приведен греческий текст, а ниже его — латинский[7].

Значительный вклад в разрешение проблемы внес Р. Меллор. Ученый допустил, что большинство документов, размещенных на монументе близ храма Юпитера Капитолийского, были высечены при Л. Корнелии Сулле, восстановившим культовый комплекс после разрушительного пожара 83 г. до н.э. (Mellor 1978: 319—330).

Редакторы «Supplementum epigraphicum graecum» развили этот тезис. Они допустили, что надписи, найденные на плитах травертина в этом месте, представляли собой копии документов 160—62 гг. до н.э., хранящихся на Капитолии. Высекли же их на камне, соответственно, в 100—60 гг. до н.э. (SEG XXVIII: No. 803).

Но вернемся к билингве в колонке 1 (рис. 1: *1*). Наш интерес к ней отнюдь не случаен. Ведь до сих пор нет единой точки зрения по вопросу ее датирования. Так, Т. Рейнах обратил

[2] В этой и в последней строках колонки 3 в настоящее время читается «РО» (рис. 1: *2*).
[3] Наше прочтение и перевод текстов билингвы в колонке 1 приведем несколько ниже.
[4] Подробно этот вопрос разобран в (Del Monaco 2013: 592—595, fig. 11—14).
[5] Эта точка зрения на данный момент является общепринятой.
[6] Полагаем, что уровень этого соглашения был выше, чем в предыдущем случае. Вполне возможно, что договор был заключен не с гражданами небольшого полиса, такого как Табэ, а с достаточно влиятельным «народом». По этой причине в Колонке 3 был размещен текст на греческом и на латинском языках. Мы находим этот факт крайне важным и попытаемся вернуться к его обсуждению в обозримом будущем.
[7] Заметим, что в IGUR IV на этих двух плитах также выделены три надписи (IGUR IV: No. 9—11).

внимание на то обстоятельство, что интересующий нас текст найден рядом с посвящением ликийцев в благодарность за дарование им независимости от Родоса в 168 г. до н.э. Ученый заключил, что он был составлен от имени Митридата IV Филопатора и Филадельфа[8] (159—150 гг. до н.э.) (Reinach 1902: 54—55).

Иной точки зрения придерживался Т. Моммзен. Ученый полагал, что раз эта надпись размещена рядом с посвящениями Ликийского Союза, Лаодикеи на Лике, Эфеса, Табэ и каппадокийского царя Ариобарзана I Филоромана (95—63/62 гг. до н.э.), то ее составили от имени некого царя Митридата[9], сына Митридата VI Евпатора Диониса (121—63 гг. до н.э.). Исследователь также основывался на прослеживаемых палеографических особенностях этих текстов[10] (Mommsen 1906: 71—72).

В свою очередь, редакторы «Supplementum epigraphicum graecum» обратили внимание на тот факт, что Митридат VI Евпатор Дионис в начале своего правления, в 121—112 гг. до н.э., принял титулы Филопатор и Филадельф (SEG XLIX: No. 1374). Причем он был сыном царя Митридата V Евергета (150—121 гг. до н.э.). Евпатором же он стал только после убийства сестры—жены[11] Лаодики. Кроме того, одним из его полководцев был «Νεμάνης ὁ Ἀρμένιος» — «Неман Армянин» (App. Mithr., 19), а созвучное имя высечено в четвертой и в девятой строках изучаемого текста (рис. 1: *1*). Так что, по мнению редакторов «Supplementum epigraphicum graecum», надпись появилась в память о посольстве, отправленном Митридатом VI, на тот момент Филопатором и Филадельфом в Рим в начале его правления.

Заметим, что этот вывод не стал общепринятым. Так, Я.М. Хойте принял точку зрения Р. Меллора. Развивая его вывод, исследователь заключил, что изучаемая нами билингва была составлена при Митридате IV Филопаторе и Филадельфе и скопирована при Л. Корнелии Сулле (Højte 2005: 143—144).

Значительный вклад в разрешение проблемы внес Р.М. Иринтон. Он обратил внимание на то обстоятельство, что в тексте лишь сообщается о дружбе между царем и Римским народом. Вполне возможно, что речь шла о пролонгации договора, заключенного ранее. Ученый допустил, что такое соглашение было заключено при Фарнаке I (190—159 гг. до н.э.), которому Рим помог в 179 г. до н.э. завершить неудачную войну с Эвменом II (197—159 гг. до н.э.). Что, как верно заметил исследователь, является веским доводом в пользу допущения, что изучаемый текст был составлен при Митридате IV Филопаторе и Филадельфе (Errington 2020: 280—281), который, что немаловажно, чеканил монеты с соответствующей легендой[12] «Βασιλέως Μιθραδάτου Φιλοπάτορος καὶ Φιλάδελφου» на реверсе (Waddington, Reinach, Babelon 1904: 12, No. 6, 7, pl. I: 11, 12; de Callataÿ 2009: 75—76, fig. 32—38).

Нельзя обойти вниманием и выводы Л. Дель Монко. Ученый отказался от прочтения третьей строки латинского текста «[inter ipsum et Romanos? optin]et. Legati coiraverunt», т.к. оно не соответствует греческому варианту. Он пришел к выводу, что этот фрагмент надписи

[8] Также считали его соавторы У.Г. Ваддингтон и Э. Бабелон (Waddington, Reinach, Babelon 1904: 7, No. 6).

[9] Заметим, что Митридат Младший — сын и наместник Митридата VI Евпатора Диониса во время Первой войны с Римом был царем Колхиды, но не титуловал себя Филопатором и Филадельфом. И вряд ли он мог установить контакты с Римом. Насколько нам известно, сферой его деятельности был только Понтийский регион (Чореф 2016: 523—562).

[10] Его точку зрения принял Н.Ю. Ломоури (Ломоури 1979: 44).

[11] Есть все основания полагать, что титул Φιλάδελφος использовался для декларирования согласия между представителями царствующего дома (SEG XLIV: No. 1732ter.).

[12] О значимости монет чекана государств понтийского региона как источника исторической информации см. (de Callataÿ 1997; Чореф 2018a: 182—190; 2019: 97—116; 2020b: 710—733; 2021: 882—902). Причем их легенды предельно точно отражали расстановку сил на властном Олимпе (Чореф 2018b: 109—124).

следует читать как «[… optin]et. Legati coiraverunt». Исследователь предложил (Del Monaco 2013: 595, fig. 13) следующую реконструкцию текста:

[Rex Metradates Pilopator et Pil]adelpus regus Metradati f(ilius)
[populum Romanum amicitiai e]t societatis ergo, quae iam
[… optin]et. Legati coiraverunt
[Nemanes Nemanei f(ilius) Ma]hes Mahei f(ilius).
5 [Βασιλεὺς Μιθραδάτης Φιλ]οπάτωρ καὶ Φιλάδελφος
[βασιλέως Μιθραδάτ]ου τὸν δῆμον τὸν
[Ῥωμαίων φίλον καὶ] σύμμαχον αὐτοῦ
[γενόμενον εὐνοίας] ἕνεκεν τῆς εἰς αὐτὸν
[πρεσβευσάντων Ναιμά]νους τοῦ Ναιμάνους
10 [Μάου τοῦ Μάου].

Однако заметим, что «Nemanes Nemanei» и «Μάου τοῦ Μάου» не соответствуют «Ναιμάνους τοῦ Ναιμάνους» и «Mahes Mahei». Полагаем, в латинском варианте текста имя Ναιμάνους было воспроизведено как Naimanes. Что же касается общепринятой на данный момент реконструкции последней строки надписи «Μάου τοῦ Μάου», то мы ее также принять не можем. Дело в том, что в имени Μάος после второго символа нет места[13] густому придыханию (IG II^2: No. 8067, 10338; IGLSyr V: No. 2053; LGPN V.C: 265; SEG VI: No. 417), которое можно было бы передать как латинский «h». С учетом этих обстоятельств заключаем, что утраченные фрагменты текста следует реконструировать как «Naimanes Naimanei» и «Μαχέσους τοῦ Μαχέσους». Получаем:

[Rex Metradates Pilopator et Pil]adelpus regus Metradati f(ilius)
[populum Romanum amicitiai e]t societatis ergo, quae iam
[… optin]et. Legati coiraverunt
[Naimanes Naimanei f(ilius) Ma]hes Mahei f(ilius).
5 [Βασιλεὺς Μιθραδάτης Φιλ]οπάτωρ καὶ Φιλάδελφος
[βασιλέως Μιθραδάτ]ου τὸν δῆμον τὸν
[Ῥωμαίων φίλον καὶ] σύμμαχον αὐτοῦ
[γενόμενον εὐνοίας] ἕνεκεν τῆς εἰς αὐτὸν
[πρεσβευσάντων Ναιμά]νους τοῦ Ναιμάνους
10 [Μαχέσους τοῦ Μαχέσους].

Мы не случайно обратили внимание читателя на эти неточности. Как видим, надпись испещрена многочисленными лакунами. Ни один из вариантов текста билингвы полностью не сохранился. Однако они дополняют друг друга. Так, латинскую версию следует переводить следующим образом: «[Царь Митридат Филопатор и Фил]адельф, с[ын] царя М[итри]дата, [Римскому народу ради дружбы] и союза, как тогда, так и сейчас [… по]лучает... Позаботились послы [Найман, сына Наймана и Ма]хес, сына Махеса». Греческий вариант надписи сохранился лучше. В нем можно разобрать: «[Царь Митридат Фил]опатор и

[13] Заметим, что придыхание проставляют над начальным гласным или дифтонгом, а также в словах с приставками и в сложных словах. В последнем случае густое придыхание произносится, но на письме не отображается. Но в Μάος и в Μάου это явление не наблюдается. Так же отметим, что собственный дифтонг ου произносится как звук «у». Так что традиционно реконструируемое в надписи Μάου не созвучно присутствующему в ней Mahes.

Филадельф [сын царя Митрида]та, [Римскому] народу, [другу и] союзнику, [рожденный из благосклонности,] он в долгу перед ним. [Послы Най]ман, сына Наймана [и Махес, сына Махеса]». В результате получаем с опорой на текст в последних, лучше сохранившихся строках надписи: «Царь Митридат Филопатор и Филадельф, сын царя Митридата Римскому народу, другу и союзнику, рожденный из благосклонности, он в долгу перед ним. Послы Найман, сын Наймана и Махес, сын Махеса». Вполне возможно, что билингва была высечена на постаменте статуи персонификации Римского народа[14] (Сапрыкин 1996: 89).

Как видим, надпись достаточно интересна и информативна. Митридат IV Филопатор и Филадельф декларировал в ней свою признательность римскому народу, по воле которого он получил престол. Но нам мало констатации этого вполне ожидаемого и очевидного факта. Полагаем, что не менее важны и сведения о послах. Как помним, их звали Найман, сын Наймана и Махес, сын Махеса[15] (рис. 1: *1*).

Начнем с первого из этих имен. И сразу же заметим, что жители античной Малой Азии, в т.ч. Понта, его не использовали (LGPN V.A: 328—329; LGPN V.C: 307). Что же качается Немана Армянина, то его имя Аппиан Александрийский привел в форме Νεμάνης[16] (App. Mithr., 19). Следовательно, Найман, сын Наймана, не мог быть ни понтийцем, ни армянином. Однако заметим, что нам известен античный письменный источник, в котором оно передано в куда более близкой форме. Речь идет о Септуагинте. Цитируем: «Καὶ Ναιμὰν[17] ὁ ἄρχων τῆς δυνάμεως Συρίας» (4Regn 5: 1) — «И Найман, военачальник[18] Сирийской державы». Найман тут — сирийский полководец, которого пророк Елисей (ивр. אֱלִישָׁע) излечил от проказы. Заметим, что зафиксированы факты использования этого имени также в форме Νεεμάν (Dornseiff, Hansen 1978: 92), принятой сейчас во многих современных языках, в т.ч. и в русском.

Находим это обстоятельство крайне важным. Получается, что первый посол Митридата IV Филопатора и Филадельфа не был понтийским уроженцем (LGPN V.A: 328—329; LGPN V.C: 307). Так что его имя не было привычным для подданных Митридатидов. Иначе не было нужды уточнять, что позднейший полководец Неман был выходцем из Армении. Но, судя по тому, что Найман, сын Наймана был отправлен послом в Рим, он принадлежал к понтийской элите[19].

Итак, нам не остается ничего иного, кроме как констатировать наличие контактов Митридата IV Филопатора и Филадельфа с регионом, заселенным людьми, использовавших имя נַעֲמָן в форме Ναιμάνους. Очевидно, что речь должна идти о Леванте (4Regn 5: 1). Причем Сирию следует исключить — во II в. до н.э. она продолжала быть центром Селевкидской державы. И вряд ли представители ее элиты использовали из поколения в поколение неэллинские имена.

---

[14] Как верно заметил С.Ю. Сапрыкин, «Митридат IV Филопатор Филадельф пытался засвидетельствовать свою дружбу к Риму в связи с тем, что был во многом обязан Республике своим утверждением на троне» (Сапрыкин 1996: 88).

[15] Нам интересует этот вопрос, т.к. мы продолжаем изучение просопографии античных государств Причерноморья и Таврики (Чореф 2018с: 297—310).

[16] Полагаем, что попытка восстановления имени первого из послов в форме «Nemanes Nemanei» может быть объяснена желанием видеть в нем упомянутого Аппианом Александрийским Немана Армянина. Но, как было сказано выше, надпись была высечена от имени Митридата IV Филопатора Филадельфа, а не Митридата VI. Настаиваем на том, что в тексте идет речь о Наймане, сыне Наймана.

[17] Ивр. נַעֲמָן.

[18] Ивр. וְנַעֲמָן שַׂר־צְבָא מֶלֶךְ־אֲרָם. Проблема в том, что слово ἄρχων весьма многозначно. Как правило, его переводят как «владыка», «вождь», «командир», «начальник», «предводитель» или «правитель». Однако в ивритском варианте использован термин שַׂר־צְבָא. А его следует толковать как «военачальник», «командир» или «мастер оружия». Так в данном случае слово ἄρχων лучше перевести как «военачальник».

[19] Подчеркнем, что нет оснований видеть в понтийских государей своего рода революционеров. Даже эксцентричный Митридат VI Евпатор Дионис освобождал рабов только в захваченных им римских провинциях (Молев 2020: 545—552).

Приходим к выводу, что Митридату IV Филопатору и Филадельфу служил выходец из Иудеи, освобожденной Хасмонеями. В таком случае становится понятным, почему и его отец также не носил эллинское имя. Очевидно, что они были поборниками религии, традиций и культуры своего народа.

Не менее интересно и восстанавливаемое нами имя Μαχές, приведенное в тексте в латинской форме Mahes. Начнем с того, что и оно не было популярно в Малой Азии (LGPN Va: 276—286; LGPN V.C: 254—265). Собственно, ни в одной из прочих греческих надписей его не выявили. Что, в свою очередь, вполне может быть истолковано как основание поставить под сомнение нашу реконструкцию последней строки изучаемого текста. Однако заметим, что восстанавливаемое нашими предшественниками в этом фрагменте текста имя Μάος выявлено только в четырех античных текстах (IG II^2: No. 8067, 10338; IGLSyr V: No. 2053; LGPN V.C: 265; SEG VI: No. 417). Причем первые два — эпитафии из Афин, весьма лаконичные, содержащие только имена (IG II^2: No. 8067, 10338), третье — бронзовая крестообразная печать с хризмой из Эмессы (IGLSyr V: No. 2053), а четвертая, из Ликаонии, имперского периода (LGPN V.C: 265; SEG VI: No. 417). Так что появление в надписи Митридата IV Филопатора Филадельфа имени Μάος крайне маловероятно. Зато, как уже было сказано выше, оно не соответствует латинскому Mahes. Приходим к выводу, что имена Μαχές и Ναιμάνους не были свойственны эллинскому миру[20].

Однако допускаем, что все же есть возможность установить родину Махеса, сына Махеса. Дело в том, что жители Древнего Египта почитали Маахеса[21] (m3ḥs3) — львиноголового солнечного бога войны, грозы, бури, а также испепеляющей жары (Lurker 2004: 116). И использовали теофорные имена[22] (Scheele-Schweitzer 2014: 24, 33—42). Допускаем, что Махес, сын Махеса, упомянутый в надписи Митридата IV Филопатора и Филадельфа, мог быть египтянином, названным в честь грозного Маахеса.

В любом случае, Махес, сын Махеса на своей родине был влиятельным, по-видимому, знатным человеком. Свой статус, судя по обстоятельствам появления его имени в изучаемой надписи, он сохранил и в Понтийском царстве.

Полагаем, что Махес, сын Махеса как и Найман, сын Наймана принадлежали к автохтонной, неэллинизированной знати. Только первый из них был не иудеем, а египтянином. Их появление на дипломатическом поприще не могло быть случайным. Понтийский царь афишировал свои контакты с традиционными элитами Передней Азии и Египта[23]. Причем оба посла могли иметь отношения к военным элитам[24] — судим по их

[20] Заметим, что в греческом языке есть слова μάχες, переводимое на русский как «сражения». Но оно не могло быть мужским именем.

[21] Греческое написание Μαχές, Μιχός, Μίυσις, Μίος или Μάιχες.

[22] К примеру, m3j-ḥs3-t3ś·nḫt (Ranke 1935: 144, No. 14).

[23] Т.е. мы имеем дело с очевидным свидетельством государственной пропаганды. О значимости такого рода лапидарных памятников см. (Чореф 2020a: 231—240). Не стоит этому удивляться. Понтийские государи вели активную внешнюю политику, нуждались в союзниках. Ими могли стать государи, владения которых были расположены достаточно далеко от Понта и граничащих с ним стран. Не случайно Митридат VI Евпатор Дионис, по свидетельству Аппиана Александрийского, отправлял посольства к царям Сирии и Египта (App. Mithr., 13). Вполне возможно, что уже Матридат IV Филопатор и Филадельф наладил контакты с Птолемеями и с Хасмонеями. Учтем то обстоятельство, что правители и элита Боспора в III в. до н.э. установили тесные связи с первыми из вышеперечисленных государей (Трейстер 1985: 126—129). О высокой значимости контактов с царствами Передней Азии для населения Причерноморья и Таврики, причем даже степного региона, свидетельствуют монеты, поступившие из Персидского царства (Чореф 2017: 213—221) и государства Птолемеев (Андриевский, Чореф 2021: 877, № 3—5). В результате на Боспоре также распространилась практика выпуска кредитных бронзовых монет (Чореф 2018d: 387—404).

[24] Заметим, что древнегреческие слова μάχη (ион.) и μάχα (дор.) следует переводить на русский как «бой, война». Однако это не дает нам право заключить, что Махес, сын Махеса был эллином. Дело в том, что для греческих мужских имен не свойственно окончание -ες (Dornseiff, Hansen 1978).

именам. Допускаем, что они были не столько дипломатами, сколько полководцами. Как видим, Митридат IV Филопатор и Филадельф намекал Риму на усиление своей военной мощи.

На первый взгляд его акция кажется весьма эпатажной. Но, напротив, есть все основания считать ее хорошо продуманной, уместной и достаточно эффективной. Митридат IV Филопатор и Филадельф весьма тонко и дипломатично намекнул римлянам, что он не является второразрядным эллинистическим государем, царствующим по их воле на окраине Ойкумены. Сам факт отправления им в посольство представителей автохтонных элит двух достаточно удаленных от Понта стран Передней Азии уведомлял римлян о создании важных внешнеполитических союзов вокруг державы Митридатидов. При этом царь благодарил римлян за неоценимую помощь и декларировал свою верность их интересам.

Полагаем, что крайне важно обратить внимание читателя на следующее обстоятельство. Как видим, Митридат IV Филопатор и Филадельф не отправил в Рим эллинизированных придворных. Что, собственно, и позволило проследить направления его внешнеполитической деятельности. Но вряд ли царь думал о том, как помочь современным историкам проследить его внешнеполитические связи. Зато он наверняка учитывал то обстоятельство, что в период его правления ведущие державы эллинистического мира — царства Птолемеев и Селевкидов сотрясали междоусобицы, а также освободительные восстания.

Так, в результате успешного похода Антиоха IV Эпифана (175—164 гг. до н.э.) в 170 г. до н.э. Египет был разделен между Птолемем VI Филометором (181/180—146/145 гг. до н.э.) и Птолемеем VIII Эвергетом II (170—116 гг. до н.э.). Что активизировало борьбу местной элиты за независимость (Diod., XXXI, 15a, 17b).

В свою очередь, государство Селевкидов также оказалось на грани развала. Внешнеполитические успехи Антиоха IV Эпифана и обусловленное ими усиление эллинизации привело к восстанию Хасмонеев (166—160 гг. до н.э.). Царь не смог его подавить. Он умер во время похода в восставшие восточные сатрапии. В свою очередь, смерть Антиоха IV Эпифана привела к династическому кризису. За два десятилетия на престоле сменилось четыре царя: Антиох V Евпатор (164—162 гг. до н.э.), Деметрий I Сотер (162—150 гг. д.э.), самозванец Александр I Балас (150—145 гг. до н.э.) и Деметрий II Никатор (146—139, 129—126 гг. до н.э.). Что также активизировало борьбу автохтонных элит за независимость своих стран. В результате чего парфянский царь Митридат I (171—138/137 гг. до н.э.) смог захватить все владения Селевкидов за Евфратом.

Мы находим эти обстоятельства крайне важными. Так, по данным Аппиана Александрийского, Митридат V Эвергет (150—121 гг. до н.э.) был первым понтийским государем, с которым Рим заключил договор о дружбе и союзе (App. Mithr., 10). Но Республика ранее заключала соглашения с Фарнаком I и Митридатом IV Филопатором и Филадельфом. Полагаем, что свидетельство Аппиана Александрийского заслуживает доверия. Как видим, даже Митридат IV Филопатор и Филадельф, взошедший на престол по воле римлян, стремился по мере возможности проводить независимую внешнюю политику. Полагаем, что это самая важная информация, которую сохранила для нас его надпись, обнаруженная на фрагменте монумента из Рима.

Литература

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2021. Привозные эллинистические монеты, найденные близ с. Партизанское (Юго-Западный Крым), как исторический источник. *МАИАСП* 13, 875—881.

Ломоури Н. 1979. *К истории Понтийского царства*. Тбилиси: Мецниереба.

Молев Е.А. 2020. Рабы в войнах Митридата VI Евпатора. *МАИАСП* 12, 545—552.

Сапрыкин С.Ю. 1996. *Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье*. Москва: Наука.

Трейстер М.Ю. 1985. Боспор и Египет в III в. до н.э. *ВДИ* 1, 126—129.

Чореф М.М. 2016. К вопросу о дешифровке монограмм на боспорских монетах Митридата VI Евпатора Диониса. *МАИАСП* 8, 523—562.

Чореф М.М. 2017. Сикли Ахеменидов из округи Неаполя Скифского. *Stratum plus* 3, 213—221.

Чореф М.М. 2018a. Анонимные медные и бронзовые монеты Митридата VI Евпатора Диониса как источник исторической информации. *Magistra Vitae* 2, 182—190.

Чореф М.М. 2018b. Афины под властью Митридата VI Евпатора Диониса: по данным нумизматики. *Stratum plus* 4, 109—124.

Чореф М.М. 2018c. К просопографии Боспорского царства: по данным нумизматики. *Stratum plus* 4, 297—310.

Чореф М.М. 2018d. Первые серии бронз Спартокидов как источник исторической информации. *Stratum plus* 3, 387—404.

Чореф М.М. 2019. К вопросу о статусе Аспурга как монарха Боспорского царства. *Stratum plus* 6, 97—116.

Чореф М.М. 2020a. К истории правления Хедосбия. *Stratum plus* 6, 231—240.

Чореф М.М. 2020b. Монеты Пантикапея и Фанагории третьей четверти I в. до н.э. как источник исторической информации. *МАИАСП* 12, 710—733.

Чореф М.М. 2021. Бронзы Савромата II с сидящей на троне Афродитой на реверсе как источники исторической информации. *МАИАСП* 13, 882—902.

CIL I²: Hülsen Chr., Mommsen Th., Henzen W. (eds.). 1918. *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Vol. I^2. *Ad C. Caesaris mortem*. Pt. II. Fs. I. *Adiectae sunt tabulae tres*. Berolini: G. Reimer.

CIL VI: Hülsen Chr. (ed.). 1902. *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Vol. VI. *Inscriptiones urbis Romae Latinae*. Pt. IV. Fs. II. *Additamenta*. Berolini: G. Reimer.

de Callataÿ F. 1997. L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies. Publications d'Histoire de l'Art et d'Archéologie de l'Université Catholique de Louvan XCVIII. Numismatica Lovaniensia 18. Louvain-la-Neuve: Département d'Archéologie et d'Histoire de l'Art; Séminaire de numismatique Marcel Hoc.

de Callataÿ F. 2009. The First Royal Coinage of Pontus (from Mithridates III to Mithridates V). *BSS* 9. *Mithridates VI and the Pontic Kingdom*, 63—94

Del Monaco L. 2013. Le dediche di Basileis alla Dea Roma e Giove Capitolino. Bilancio degli studi e prospettive di ricerca. *Mediterraneo Antico* XVI/II, 583—596.

Dornseiff F., Hansen B. 1978. *Reverse-lexicon of Greek Proper-names / Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Chicago: Ares Publishers.

edr-edr.it: 1: Record Number: EDR112045. URL: http://www.edr-edr.it/edr_programmi/res_complex_comune.php?do=book&id_nr=EDR112045 (дата обращения 17.07.2022).

Errington R.M. 2020. *Die Staatsverträge des Altertums*. Bd. 4. *Die Verträge der griechisch-römischen Welt von ca. 200 v. Chr. bis zum Beginn der Kaiserzeit*. München: C.H. Beck.

Højte J.M. 2005. The Date of the Alliance between Chersonesos and Pharnakes (IOSPE I^2, 402) and its Inscriptions. B: Stolba V. F., Hannestad L. (eds.). *BSS*. Vol. 3. *Chronologies of the Black Sea area in the period c. 400—100 BC*. Aarhus: Aarhus University Pres, 137—152.

IG XIV: Kaibel G. (ed.). 1890. *Inscriptiones Graecae*. Vol. XIV. *Inscriptiones Italiae et Siciliae*. Berolini: G. Reimer.

IG II^2: Kirchner J. (ed.). 1940. *Inscriptiones Graecae*. Vol. II et III. *Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores. Editio altera*. Pt. III. *Dedicationes, titulos, honorarios, titulos sacros, titulos sepulcrales continens*. Fs. II. *Tituli sepulcrales (Nos. 5220—13247)*. Berolini: G. Reimer.

IGLSyr V: Louis J., Mouterde R., Mondésert C. 1959. *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*. T. 5. *Emesene, Nos. 1998—2710*. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner.

IGUR IV: Moretti L. (ed.). 1990. *Inscriptiones Graecae urbis Romae*. Fs. IV. *1491—1705*. Romae: Istituto Italiano per la Storia Antica (Studi pubblicati dall'Istituto Italiano per la Storia Antica 47).

LGPN V.A: Corstein T. (ed.). 2010. *A Lexicon of the Greek Personal Nimes*. Vol. V.A. *Coastal Asia Minor: Pontos to Ionia*. Oxford: Clarendon Press.

LGPN V.C: Fraser P.M., Matthews E. (eds.). 2018. *A Lexicon of the Greek Personal Nimes*. Vol. V.C. *Inland Asia Minor*. Oxford: Clarendon Press.

Lurker M. 2004. *Dictionary of Gods Goddesses Devils and Demons*. London: Routledge.

Mellor R. 1978. The Dedications on the Capitoline Hill, *Chiron* 8, 319—330.

Mommsen T. 1906. *Gesammelte Schriften*. Bd. IV. Berlin: Weidmann.
NotSc 1886: *Notizie degli Scavi di Antichità*. 1886. Roma: Accademia nazionale dei Lincei.
NotSc 1887: *Notizie degli Scavi di Antichità*. 1887. Roma: Accademia nazionale dei Lincei.
OGIS I: Dittenberger W. (ed.). 1903. *Orientis Graeci inscriptiones selectae*. Vol. I. Leipzig: S. Hirzel.
Ranke H. 1935. *Die Ägyptischen Personennamen*. Bd. 1. *Verzeichnis der Namen*. Glückstadt: J.J. Augustin
Reinach T. 1902. Monnaie inedite des rois Philadelphes du Pont. *RN* 6, 52—65.
Scheele-Schweitzer K. 2014. *Die Personennamen des Alten Reiches Altägyptische Onomastik unter lexikographischen und sozio-kulturellen Aspekten*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag (Philippika. Marburger altertumskundliche Abhandlungen 28).
SEG VI: Robert L., Ziebarth E. 1932. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. VI. Lugduni Batavorum: A.W. Sijthoff.
SEG XLIV: Pleket H.W., Stroud R.S., Chaniotis A., Strubbe J.H.M. (eds.). 1994. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XLIV. Amsterdam: J.C. Gieben.
SEG XLIX: Pleket H.W., Stroud R.S., Chaniotis A., Strubbe J.H.M. (eds.). 1999. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XLIX. Amsterdam: J.C. Gieben.
SEG XXVIII: Pleket H.W., Stroud R.S. (eds.). 1978. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XXVIII. Amsterdam: J.C. Gieben.
Waddington W.H., Reinach T., Babelon E. 1904. *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure*. Vol. I. Fs. I. Paris: Leroux.

References

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 875—881 (in Russian).
Lomouri, N. 1979. *K istorii Pontiyskogo tsarstva (On the history of the Pontic kingdom)*. Tbilisi: Metsniyereba (in Russian).
Molev, E.A. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 545—552 (in Russian).
Saprykin, S.Yu. 1996. Pontiyskoye tsarstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor′ye. Moscow: Nauka (in Russian).
Treister, M.Yu. 1985. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 126—129 (in Russian).
Choref, M.M. 2016. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 8, 523—562 (in Russian).
Choref, M.M. 2017. In *Stratum plus* 3, 213—221 (in Russian).
Choref, M.M. 2018a. In *Magistra Vitae* 2, 182—190 (in Russian).
Choref, M.M. 2018b. In *Stratum plus* 4, 109—124 (in Russian).
Choref, M.M. 2018c. In *Stratum plus* 4, 297—310 (in Russian).
Choref, M. M. 2018d. In *Stratum plus* 3, 387—404 (in Russian).
Choref, M.M. 2019. In *Stratum plus* 6, 97—116 (in Russian).
Choref, M.M. 2020a. In *Stratum plus* 6, 231—240 (in Russian).
Choref, M.M. 2020b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 710—733 (in Russian).
Choref, M.M. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 882—902 (in Russian).
CIL I²: Hülsen, Chr., Mommsen, Th., Henzen, W. (eds.). 1918. *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Vol. I^2. *Ad C. Caesaris mortem*. Pt. II. Fs. I. *Adiectae sunt tabulae tres*. Berolini: G. Reimer.
CIL VI: Hülsen, Chr. (ed.). 1902. *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Vol. VI. *Inscriptiones urbis Romae Latinae*. Pt. IV. Fs. II. *Additamenta*. Berolini: G. Reimer.

de Callataÿ, F. 1997. L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies. Publications d'Histoire de l'Art et d'Archéologie de l'Université Catholique de Louvan XCVIII. Numismatica Lovaniensia 18. Louvain-la-Neuve: Département d'Archéologie et d'Histoire de l'Art; Séminaire de numismatique Marcel Hoc.

de Callataÿ, F. 2009. The First Royal Coinage of Pontus (from Mithridates III to Mithridates V). *BSS* 9. *Mithridates VI and the Pontic Kingdom*, 63—94

Del Monaco, L. 2013. Le dediche di Basileis alla Dea Roma e Giove Capitolino. Bilancio degli studi e prospettive di ricerca. *Mediterraneo Antico* XVI/II, 583—596.

Dornseiff, F., Hansen, B. 1978. *Reverse-lexicon of Greek Proper-names / Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Chicago: Ares Publishers.

edr-edr.it: 1: Record Number: EDR112045. Available at: http://www.edr-edr.it/edr_programmi/res_complex_comune.php?do=book&id_nr=EDR112045 (accessed 17.07.2022).

Errington, R. M. 2020. *Die Staatsverträge des Altertums*. Bd. 4. *Die Verträge der griechisch-römischen Welt von ca. 200 v. Chr. bis zum Beginn der Kaiserzeit*. München: C.H. Beck.

Højte, J. M. 2005. The Date of the Alliance between Chersonesos and Pharnakes (IOSPE I^2, 402) and its Inscriptions. B: Stolba, V. F., Hannestad, L. (eds.). *BSS*. Vol. 3. *Chronologies of the Black Sea area in the period c. 400—100 BC*. Aarhus: Aarhus University Pres, 137—152.

IG XIV: Kaibel, G. (ed.). 1890. *Inscriptiones Graecae*. Vol. XIV. *Inscriptiones Italiae et Siciliae*. Berolini: G. Reimer.

IG II^2: Kirchner, J. (ed.). 1940. *Inscriptiones Graecae*. Vol. II et III. *Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores. Editio altera*. Pt. III. *Dedicationes, titulos, honorarios, titulos sacros, titulos sepulcrales continens*. Fs. II. *Tituli sepulcrales (Nos. 5220—13247)*. Berolini: G. Reimer.

IGLSyr V: Louis, J., Mouterde, R., Mondésert, C. 1959. *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*. T. 5. *Emesene, Nos. 1998—2710*. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner.

IGUR IV: Moretti, L. (ed.). 1990. *Inscriptiones Graecae urbis Romae*. Fs. IV. *1491—1705*. Romae: Istituto Italiano per la Storia Antica (Studi pubblicati dall'Istituto Italiano per la Storia Antica 47).

LGPN V.A: Corstein, T. (ed.). 2010. *A Lexicon of the Greek Personal Nimes*. Vol. V.A. *Coastal Asia Minor: Pontos to Ionia*. Oxford: Clarendon Press.

LGPN V.C: Fraser, P.M., Matthews, E. (eds.). 2018. *A Lexicon of the Greek Personal Nimes*. Vol. V.C. *Inland Asia Minor*. Oxford: Clarendon Press.

Lurker, M. 2004. *Dictionary of Gods Goddesses Devils and Demons*. London: Routledge.

Mellor, R. 1978. The Dedications on the Capitoline Hill, *Chiron* 8, 319—330.

Mommsen, T. 1906. *Gesammelte Schriften*. Bd. IV. Berlin: Weidmann.

NotSc 1886: *Notizie degli Scavi di Antichità*. 1886. Roma: Accademia nazionale dei Lincei.

NotSc 1887: *Notizie degli Scavi di Antichità*. 1887. Roma: Accademia nazionale dei Lincei.

OGIS I: Dittenberger, W. (ed.). 1903. *Orientis Graeci inscriptiones selectae*. Vol. I. Leipzig: S. Hirzel.

Ranke, H. 1935. *Die Ägyptischen Personennamen*. Bd. 1. *Verzeichnis der Namen*. Glückstadt: J.J. Augustin.

Reinach, T. 1902. Monnaie inedite des rois Philadelphes du Pont. *RN* 6, 52—65.

Scheele-Schweitzer, K. 2014. *Die Personennamen des Alten Reiches Altägyptische Onomastik unter lexikographischen und sozio-kulturellen Aspekten*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag (Philippika. Marburger altertumskundliche Abhandlungen 28).

SEG VI: Robert, L., Ziebarth, E. 1932. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. VI. Lugduni Batavorum: A.W. Sijthoff.

SEG XXVIII: Pleket, H.W., Stroud, R.S. (eds.). 1978. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XXVIII. Amsterdam: J.C. Gieben.

SEG XLIV: Pleket, H.W., Stroud, R.S., Chaniotis, A., Strubbe, J.H.M. (eds.). 1994. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XLIV. Amsterdam: J.C. Gieben.

SEG XLIX: Pleket, H.W., Stroud, R.S., Chaniotis, A., Strubbe, J.H.M. (eds.). 1999. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XLIX. Amsterdam: J.C. Gieben.

Waddington, W.H., Reinach, T., Babelon, E. 1904. *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure*. Vol. I. Fs. I. Paris: Leroux.

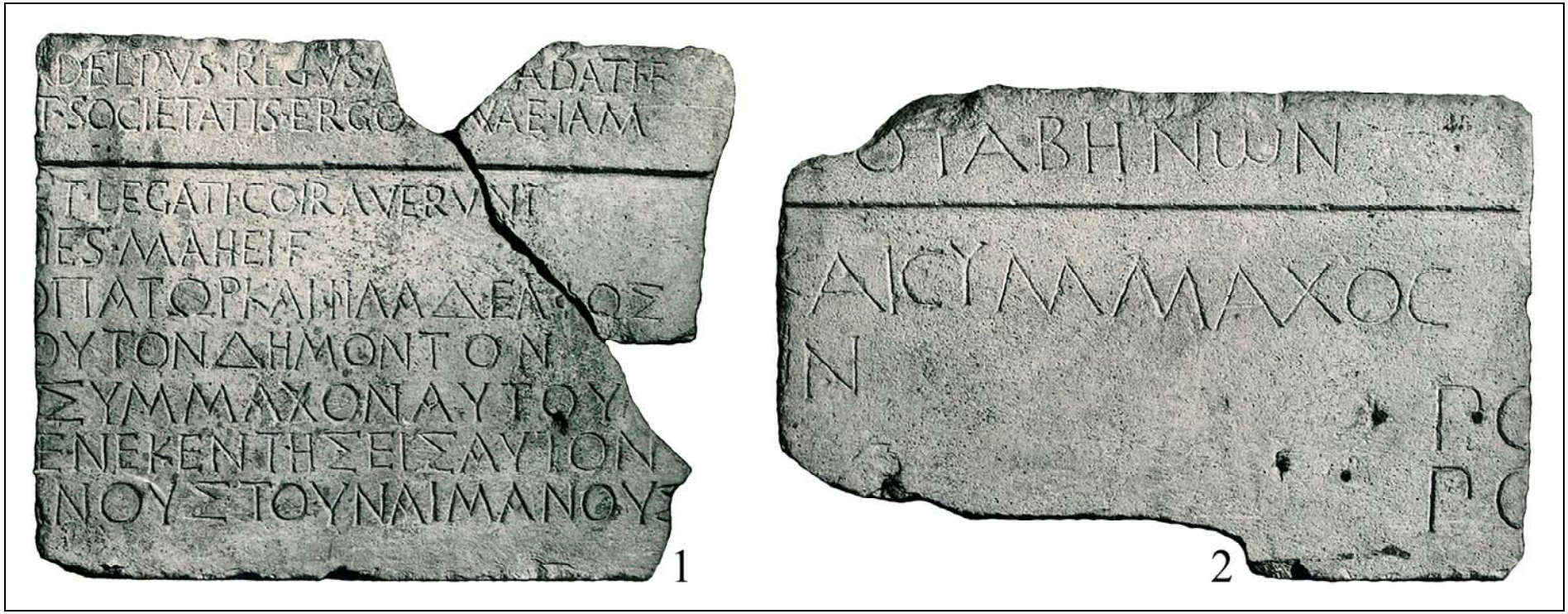


Рис. 1. Изображения плит, на которых размещена надпись Митридата IV Филопатора и Филадельфа (*1*) **и уведомления о заключении договоров о дружбе и союзе с гражданами Табэ и неустановленного на данный момент «народа»** (*2*) (по edr-edr.it: 1).

Fig. 1. Images of plates on which the inscription of Mithridates IV Philopator and Philadelphus (*1*) **and notifications of the conclusion of treaties of friendship and alliance with the citizens of Tabae and the currently unidentified “people”** (*2*) **are placed** (after edr-edr.it: 1).

Искусствоведение

Art history

УДК 736; 930.85
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.45.76.022

М.М. Маммаев

НАДМОГИЛЬНАЯ СТЕЛА XV В. ИЗ СЕЛЕНИЯ АШТЫ — ВЫСОКОХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСЛАМСКОГО ИСКУССТВА ГОРНОГО ДАГЕСТАНА*

Надмогильная стела XV в. из селения Ашты (Дахадаевский район, Республика Дагестан) представляет собой массивную каменную плиту слегка трапециевидной формы, которая богато и с большим художественным мастерством украшена растительным орнаментом. По контуру круглого рельефного медальона в центре верхней части памятника помещена врезная эпитафия на арабском языке с именем погребённого (Али сын Ахмада) и с датой его смерти (и изготовления памятника) — джумада ал-ахира 877 г.х. (11 ноября — 10 декабря 1472 г.). Внутреннее пространство медальона занимает рельефная каллиграфическая надпись «Аллах». Еще одна рельефная надпись с именем пророка и посланника Аллаха Мухаммада помещена в небольшой круглый медальон в средней части центрального поля. Исходя из особенностей декоративной отделки, совершенной, яркой и выразительной орнаментальной резьбы, а также наличия арабских надписей, памятник из Ашты характеризуется как ценный образец камнерезного искусства, арабской эпиграфики и каллиграфии. Стела исследуется в сравнительном плане с синхронными памятниками селений Кубачи, Дацамаже и Кумух. Отмечается наибольшая близость декора стелы к декору мусульманских стел селения Кубачи и поселения Дацамаже. Несмотря на зависимое положение Ашты в XV в. от Казикумухского шамхальства, жители этого селения продолжали сохранять прежние экономические и культурные связи с этнически близкими им кубачинцами.

Ключевые слова: Дагестан, Кубачи, Ашты, исламское искусство, резьба по камню, надмогильная стела, арабская эпиграфика.

Сведения об авторе: Маммаев Мисрихан Маммаевич, доктор искусствоведения, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.

Контактная информация: 367030, Россия, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: misrixan37@mail.ru.

M.M. Mammaev

THE 15th CENTURY GRAVE STELE FROM THE VILLAGE OF ASHTY — A HIGHLY MASTERFUL WORK OF ISLAMIC ART IN MOUNTAIN DAGESTAN

The grave stele of the 15th century from the village of Ashty (Dakhadaev district, Republic of Dagestan) is a massive subtrapezoidal stone slab. It is decorated with rich floral ornament in artistically skilful manner. The relief round medallion in the center of the upper part of the monument is encircled with engraved epitaph in Arabic, which contains the buried person’s name (Ali son of Ahmad) and dates of his death and, consequently, of the manufacture of the monument: Jumada al-Akhira 877 AH (November 11 — December 10, 1472). In the centre of the medallion a calligraphic relief inscription “Allah” is made. In a small round medallion situated in the middle part of the central field, another relief inscription is placed, with the name of Muhammad, the Prophet and Allah’s Messenger. It is peculiarities of decorative design, perfectly bright and

* Статья поступила в номер 29 апреля 2022 г.
Принята к печати 15 мая 2022 г.

© М.М. Маммаев, 2022.

expressive ornamental carving, and the presence of Arabic inscriptions, which attest the Ashty stele as a highly valuable masterpiece of stone-carving art, Arabic epigraphy, and calligraphy. The stele is explored in terms of comparison with the monuments of the same time range from Kubachi, Datsamazhe and Kumukh. The ornamentation of the Ashty stele is found to have closest parallels in carved Muslim stelae from the village of Kubachi as well as in those from the settlement of Datsamazhe. In the 15th century, Ghazi-Kumukh Shamkhalate dominated Ashty, yet the villagers have managed to retain traditional economic and cultural connections with ethnically related Kubachi people.

Key words: Dagestan, Kubachi, Ashty, Islamic art, stone carving, grave stele, Arabic epigraphy.

About the author: Mammaev Misrikhan Mammaevich, Dr. habil. (Cultural Studies), Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: 367030, Russia, Makhachkala, M. Yaragsky st., 75, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; e-mail: misrixan37@mail.ru.

Селение Ашты Дахадаевского района, расположенное в 52 км от райцентра Уркарах, в верховьях реки Уллу-чай (тюрк. — «Большая река»), является одним из древних дагестанских горных аулов. В средние века оно входило в государственное образование Зирихгеран (перс. — «кольчужники»), которое, по данным раннесредневековых арабских авторов ал-Белазури (ок. 820—892 гг.), ал-Йакуби (ум. в 897 г.) и ал-Масуди (ум. в 956 г.), являлось «владением» или «царством» (Маммаев 2005: 35—36). По материальной и духовной культуре и языку аштынцы являются наиболее близкими к жителям с. Кубачи (после жителей сел. Сулевкент) этнической группой даргинцев.

Представляет интерес предание, записанное в сел. Кубачи известным этнографом-кавказоведом Е.М. Шиллингом. Судя по нему, аштынцы являются переселенцами из Анчибачи (где в средние века — небольшое поселение, расположенное в 3 км юго-западнее Кубачи), мигрировавшими в результате столкновений с кубачинцами. Жители Ашты в то время приняли ислам, а кубачинцы оставались христианами (Шиллинг 1949: 7). «Воспоминания об этом, — пишет Е. М. Шиллинг, — нашли след в известной кубачинской поговорке: «Аштынцы из Анчибачи убежали, лошадей подковы задом наперед повернув, ночью» (Шиллинг 1949: 7).

Впервые сел. Ашты упоминается в арабоязычном памятнике эпиграфики Дагестана XI—XII вв. (Лавров 1980: 18, 28). После распада государственного образования Зирихгеран (Маммаев 2012: 41—43) селение Ашты стало на некоторое время самостоятельным независимым населенным пунктом. Однако вскоре, в XIV—XV вв., оно было подчинено Казикумухскому шамхальству. По данным Л.И. Лаврова, в XIV в. селение Ашты платило ему харадж (Лавров 1976: 217). «В окончательной исламизации аштынцев активную роль играл Бадр-Шамхал Казикумухский, — пишет А.Р. Шихсаидов, — с этой целью построивший мечеть в сел. Ашты и пообещавший освободить зирихгеранцев[1] от уплаты хараджа после окончательного перехода в ислам» (Шихсаидов 1984: 375). В середине XIV —XV вв., судя по арабоязычным памятникам эпиграфики, ислам в Ашты укрепился прочно (Шихсаидов 1984: 373—377, рис. 141). Это находит подтверждение и в декоративной отделке надмогильных памятников, среди которых выделяется трапециевидной формы массивная каменная плита, изготовленная из одного из твердых сортов местного мелкозернистого серого песчаника (рис. 1—3).

[1] После распада «царства» Зирихгеран, в которое в раннем средневековье входило сел. Ашты, ставшее зависимым от Казикумухского шамхальства населенным пунктом, аштынцев по традиции продолжали называть «зирихгеранами».

Рассматриваемый памятник привлекал внимание ряда ученых. Краткое описание его опубликовал в монографии «Резьба по камню в Дагестане» искусствовед П.М. Дебиров. Он неверно датировал памятник XVII в. (Дебиров 1966: 148, 166, рис. 134). Фотографию этой надмогильной стелы без описания опубликовала искусствовед Э.В. Кильчевская в книге «От изобразительности к орнаменту». Она также ошибочно датировала его XVII в. (Кильчевская 1968: 170, рис. 110). Впоследствии востоковед Л.И. Лавров дал перевод арабской надписи на рельефном круглом медальоне в верхней части центрального поля стелы (рис. 3): «Умер обладатель этой могилы несчастный и юный Али б. Ахмад в понедельник, в новолуние джумада-л-ахира восемьсот семьдесят седьмого года от хиджры». Джумада-л-ахира 877 г.х. согласно автору, соответствует 3.XI—1.XII.1472 г. (Лавров 1980: 46). Немного позже А.Р. Шихсаидов привел свой, более точный, перевод надписей на этой стеле: «[Еще] юношей скончался хозяин этой могилы прощеный Али сын Ахмада [в] понедельник [месяца] джумада ал-ахира восемьсот семьдесят седьмого года хиджры». В датировку памятника исследователем вкралась заметная техническая ошибка: в публикации джумада ал-ахир 877 г.х. соответствует 3.IX.1472 — 1.XII.1473 г. (Шихсаидов 1984: 91—92). Позволим себе уточнить приведенную на стеле дату: джумада ал-ахира 877 г.х. приходится на период с 11 ноября по 10 декабря 1472 г.

Фотография рассматриваемой надмогильной плиты из Ашты была опубликована и в первом томе двухтомной «История Дагестана с древнейших времен до наших дней» (История Дагестана 2004: 300). При публикации памятника орнамент его центрального поля ретуширован, вследствие чего были несколько искажены детали декора, слабо различимы бордюрные орнаментальные композиции, а врезная круговая арабская надпись на ленте крупного медальона и рельефная надпись «Мухаммад» на небольшом медальоне в средней части памятника оказались неразличимыми. Памятник был неверно датирован XIV веком (История Дагестана 2004: 300).

Несколько подробнее, чем в работах отмеченных выше исследователей, надмогильная стела из Ашты описана мной в монографиях «Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление» (Маммаев 1989: 107, 304, рис. 184) и «Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII—XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада» (Маммаев 2014: 194—195, 502, рис. 159). В датировке памятника в монографии 1989 г. была допущена неточность: он должен быть датирован не 879 г.х. (Маммаев 1989: 107), а приведенной выше датой 877 г.х.

Памятник из Ашты в искусствоведческом плане специально не изучался. Во всех перечисленных выше публикациях декоративная отделка памятника подробно не рассмотрена, стела не исследована как высокохудожественное произведение исламского искусства. В большинстве случаев в указанных публикациях стела датирована не точно, а качество ее воспроизведения низкое.

В данной статье дается более полное описание памятника, приводятся новые наблюдения об особенностях его декоративного оформления отделки, проводится сопоставление его декора с орнаментацией синхронных памятников селений Кубачи, Дацамаже и Кумух. В 2007 г. с памятника мной был снят эстампажный отпечаток, точно оконтурены орнаментальные композиции и арабские надписи.

Памятник находится на сельском кладбище сел. Ашты, примерно в 20 м южнее мавзолея шейха «Шайхла хъал» (в пер. — «Дом шейха»). Сохранность стелы хорошая. Орнаментация центрального поля вместе с пятичастной пальметтой в середине его верхнего конца, полупальметты на верхних боковых углах, а также внешние края лицевой стороны плиты покрашены местными жителями белой краской. Высота декорированной части памятника

148 см, ширина в верхней части 98 см, внизу 82 см, толщина 7 см. Около 6 см декорированной части нижнего конца плиты находятся ниже уровня современной дневной поверхности.

По верхнему и боковым краям лицевой грани плиты располагается широкая орнаментальная полоса с закругленным верхом, образующая как бы высокую полуциркульную арку (рис. 1, 2). Орнамент полосы представляет собой волнистый побег стебля со спирально скрученными ответвлениями сложного переплетения, которые завершаются изящными трилистниками и полутрилистниками. Упругость линий стебля и его ответвлений, равномерное распределение листков, трилистников и полутрилистников, кружочков на стеблях, последовательное и ритмичное чередование основных элементов узора и спирально скрученных ответвлений делает всю орнаментальную композицию четкой, ясной и весьма выразительной и завершенной, равномерно заполняющей все пространство полосы. Достаточно высокий рельеф резьбы при равномерности толщины тонких линий стебля и ответвлений придает этой орнаментальной полосе особую ажурность и легкость.

Центральное поле плиты занято рельефными медальонами и полумедальонами различных форм и размеров, размещенными по вертикали. В верхнем круглом медальоне с заостренным верхом находится рельефная арабская надпись «Аллах» (рис. 1—3), выполненная несколько ассиметрично, чуть наклонно крупными, орнаментально проработанными буквами. Высокие линии букв венчают декоративные трилистники, а по бокам надписи расположено по паре соединенных между собой полутрилистиков, заполняющих свободное внутреннее пространство медальона и обращенных вершинами вверх и вниз. В центре медальона поверх надписи «наложена» горизонтально лежащая «восьмерка». На круговую ленту медальона нанесена исполненная тонким врезным почерком насх графическая арабская надпись—эпитафия, перевод которой был приведен выше. Описанный крупный медальон опирается на ствол, который имеет в средней части по бокам два килевидных листка и основанием опирается на четырехчастный «узел вечности» («узел счастья»).

Выше медальона с надписью «Аллах» располагается пятичастная пальметка, которая делит широкую бордюрную полосу на две равные части, что придает орнаментальной композиции зеркальную симметрию. Однако симметрия эта относительная, так как правая и левая части ее полностью не совпадают. Это обусловлено, очевидно, тем, что орнаментальная композиция выполнялась мастером—камнерезом без применения трафарета. Об этом свидетельствует разница, хотя и незначительная, в периодически, ритмично повторяющихся элементах орнамента (листочки, завитки, трилистники, полутрилистники и т.д.) и частей стеблей. При выполнении орнамента от руки мастер мог допускать отдельные мелкие отклонения в выполнении одних и тех же узорных элементов. По всему видно, что выполнивший резьбу памятника камнерез был опытным и высокопрофессиональным мастером, в совершенстве владеющим умением составлять орнаментальные композиции сложной структуры.

В средней части центрального поля в маленьком круглом с заостренным верхом медальоне заключена рельефная арабская надпись «Мухаммад», выполненная стилизованными и декоративно трактованными буквами (рис. 1—2). Этот медальон также опирается на прямой ствол, имеющий в средней части утолщение, а в нижней — симметрично расположенные по его бокам ажурные трилистники и широкое килевидное основание с пятичастной (?) пальметтой, обращенной вершиной вниз.

Описанные медальоны со стволами, образующие декоративную центральную ось стелы, по бокам имеют крупные, широкие, гладкие попарно соединяющиеся рельефные полупальметты, примыкающие к тонко декорированной, ажурной полосе с полукруглым верхом, оконтуривающей стелу. Это придает особую контрастность и выразительность всей орнаментальной композиции памятника. Декор плиты основан на контрасте крупных орнаментальных элементов и медальонов центрального поля и мелкой узорной резьбы широкой бордюрной полосы.

Фон центрального поля фактурно обработан точками. В верхних боковых углах стелы помещены крупные элементы растительного орнамента — соединенные между собой полупальметты.

Описанный артефакт, а также другие памятники из сел. Ашты, при определенной их близости как в формах, так и в художественной отделке к надгробиям селений Кубачи, Дацамаже, Кумух, обладают чертами локального своеобразия, которые проявляются в общем характере их декоративной отделки, принципе орнаментальной проработки декоративных надписей, в несколько измельченной резьбе сложных орнаментальных композиций и т.д. Очевидно, что в сел. Ашты в эпоху средневековья существовал самостоятельный и развитый очаг художественной резьбы по камню.

Художественная отделка аштынского памятника обнаруживает определенную близость к памятникам XV в. селения Кубачи и поселения Дацамаже (Маммаев 2017: 65, 71, рис. 3, 10; Маммаев 2018: 68, 70, рис. 10, 12). Она проявляется в формах самих стел — вертикально уставленных у изголовья погребенных плит трапециевидной формы, в орнаментальных композициях бордюрных полос, в размещении круглых медальонов с заключенной в них арабской надписью «Аллах» в верхней части центрального поля, а также полупальметт в верхних боковых углах памятников. Орнамент в центре верхнего конца бордюрной полосы аштынского и кубачинских памятников разделен на две симметричные половины пятичастной пальметтой.

Прослеживаются и различия в декоре памятников, особенно в декоре центральных полей. Аштынская стела украшена более крупным орнаментом, чем кубачинские памятники (Маммаев 2017: 71—72, рис. 10, 11). Кроме того, кубачинские надгробия XV в. в большинстве своем по верхнему и боковым краям отделаны рельефными позднекуфическими декоративно исполненными надписями, выполненными на фоне растительного орнамента в виде волнистого побега стебля со спирально скрученными ответвлениями, несущими листики, трилистники, полутрилистники и т.д.

В меньшей степени, чем к кубачинским памятникам, близок декор изучаемого артефакта к декору надгробий XV—XVI вв. из сел. Кумух (Лавров 1980: рис. 1). Некоторая общность проявляется в формах таких монументов, а также в отделке бордюрных полос растительным орнаментом. Но структурно орнамент аштынской стелы значительно отличается от орнамента кумухских памятников.

На кладбище сел. Ашты, примерно в 12—13 м к северо-востоку от рассмотренного памятника, поставленного на могилу юноши Али сына Ахмада, имеется еще массивная трапециевидной формы надмогильная стела высокохудожественной отделки растительным орнаментом. Она сильно заросла грибком, вследствие чего ее декор стал плохо различим. Почистить памятник от грибка и снять с него эстамп, к сожалению, не было возможности.

Основная масса средневековых надмогильных памятников сел. Ашты отделаны посредственно. В художественном отношении они существенно уступают памятнику 877 г.х. Орнамент на них более крупный, выполнен без соблюдения общепринятых правил, стебли не гибкие, косые, извиваются не плавно, орнаментальные элементы — листики,

полутрилистники, трилистники, полупальметты — не соразмерны между собой (рис. 4), а форма их не совсем правильная.

Врезная арабская надпись на стеле из Ашты, по содержанию несколько близкая к надписям на надмогильных памятниках XVI в. из Кумуха (Маммаев 2021: 976—977), наводит на мысль — не являлся ли юноша Али сын Ахмада, погибшим в походе газиев против «неверных», организованном гази-кумухским шамхалом? Но в эпитафии не сообщается, участвовал ли он в джихаде. Зато ясно, что умерший не был шахидом. Тем не менее, с учетом того, что на могиле юного Али был поставлен такой крупный памятник с великолепной художественной отделкой, и, имея ввиду территориальную близость Ашты к Кумуху, а также политическую и экономическую зависимость аштынцев от его правителей, можно предполагать, что ими мобилизовались молодые мужчины из зависимых населенных пунктов. Но несомненно, что рассмотренный памятник, выделяющийся своим исключительно изысканным декоративным исполнением, подчеркивает неординарный, высокий прижизненный социальный статус погребенного под ним в 1472 г. юноши Али сына Ахмада.

Описанная надмогильная стела из Ашты, как и памятники из Кубачи и Кумуха (Маммаев 2017: рис. 10, 11; 2021: 973—982, рис. 1—3), является оригинальным памятником искусства резьбы по камню и высокохудожественным произведением исламского искусства средневекового Дагестана.

Литература

Дебиров П.М. 1966. *Резьба по камню в Дагестане*. Москва: Наука.

История Дагестана 2004: Османов А.И. (ред.). 2004. *История Дагестана с древнейших времен до наших дней.* Т. 1. *История Дагестана с древнейших времен до XX века*. Москва: Наука.

Кильчевская Э.В. 1968. *От изобразительности к орнаменту*. Москва: Наука.

Лавров Л.И. 1976. Новое о Зирихгеране и казикумухских шамхалах. *Из истории дореволюционного Дагестана. Сборник статей*. Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР.

Лавров Л.И. 1980. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках.* Ч. 3. *Надписи X—XX вв.* Москва: Наука.

Маммаев М.М. 1989. *Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление*. Махачкала: Дагкнигоиздат.

Маммаев М.М. 2005. *Зирихгеран-Кубачи. Очерки по истории и культуре*. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН.

Маммаев М.М. 2014. *Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII—XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада*. Махачкала: Эпоха.

Маммаев М.М. 2017. Симметрия и асимметрия в формах и декоративной отделке мусульманских надмогильных памятников XIV—XV вв. из с. Кубачи. *Вестник Института истории, археологии и этнографии* 4, 54—73.

Маммаев М.М. 2018. Памятники камнерезного искусства и арабской эпиграфики XIV—XV вв. поселения Дацамаже. *История, археология и этнография Кавказа*. Т. 14. № 2, 50—71.

Маммаев М.М. 2021. Стела XVI в. из с. Кумух — высокохудожественное произведение исламского искусства. *МАИАСП* 13, 973—982.

Шиллинг Е.М. 1949. *Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Шихсаидов А.Р. 1984. *Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. как исторический источник*. Москва: Наука.

References

Debirov, P.M. 1966. *Rez'ba po kamnyu v Dagestane (Stone carving in Dagestan)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Istoriya Dagestana 2004: Osmanov, A.I. (ed.). 2004. *Istoriya Dagestana s drevneyshikh vremen do nashikh dney (History of Dagestan from ancient times to the present day)*. Vol. 1. *Istoriya Dagestana s drevneyshikh vremen do XX veka (History of Dagestan from ancient times to the 20th c.)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Kil'chevskaya, E.V. 1968. *Ot izobrazitel'nosti k ornamentu (From pictorialism to ornament)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Lavrov, L.I. 1976. In: *From the history of pre-Revolution Dagestan.* Makhachkala: IIYAL DagFAN SSSR, 216—218 (in Russian).

Lavrov, L.I. 1980. *Epigraficheskiye pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh (Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish)*. Pt. 3. *Nadpisi X—XX vv. (Inscriptions of the 10th — 20th cc.).* Moscow: Nauka (in Russian).

Mammaev, M.M. 1989. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Dagestana. Istoki i stanovlenie (Decorative and applied arts of Dagestan. Origins and formation).* Makhachkala: Dagknigoizdat (in Russian).

Mammaev, M.M. 2005. *Zirikhgeran-Kubachi. Ocherki po istorii i kul'ture (Zirihgeran-Kubachi. Essays on history and culture).* Malhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography (in Russian).

Mammaev, M.M. 2014. *Iskusstvo Zirikhgerana-Kubachi XIII—XV vv. i ego mesto v sisteme hudozhestvennyh kul'tur Vostoka i Zapada (Art of Zirikhgeran-Kubachi of the 13th— 15th cc. and its place in the system of artistic cultures of East and West).* Makhachkala: Epoha (in Russian).

Mammaev, M.M. 2017. In *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii (Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography)* 4, 54—73. (in Russian).

Mammaev, M.M. 2018. In *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza (History, Archeology and Ethnography of the Caucasus)*. Vol. 14. No 2, 50—71 (in Russian).

Mammaev, M.M. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 973—982 (in Russian).

Shilling, E.M. 1949. *Kubachintsy i ih kul'tura. Istoriko-etnograficheskie etyudy (Kubachins and their culture. Historical and ethnographic studies).* Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Shikhsaidov A.R. 1984. *Epigraficheskiye pamyatniki Dagestana X—XVII vv. kak istoricheskiy istochnik (Epigraphic monuments of Dagestan 10th — 17th cc. as a historical source)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Рис. 1. Надмогильная стела 877 г.х. (1472 г. н). Кладбище сел. Ашты Дахадаевского района Республики Дагестан. Фото автора, 2009 г.

Fig. 1. Gravestone stele 877 AH (1472). Cemetery of Ashty villages of Dakhadaevsky district of the Republic of Dagestan. Photo by the author, 2009.

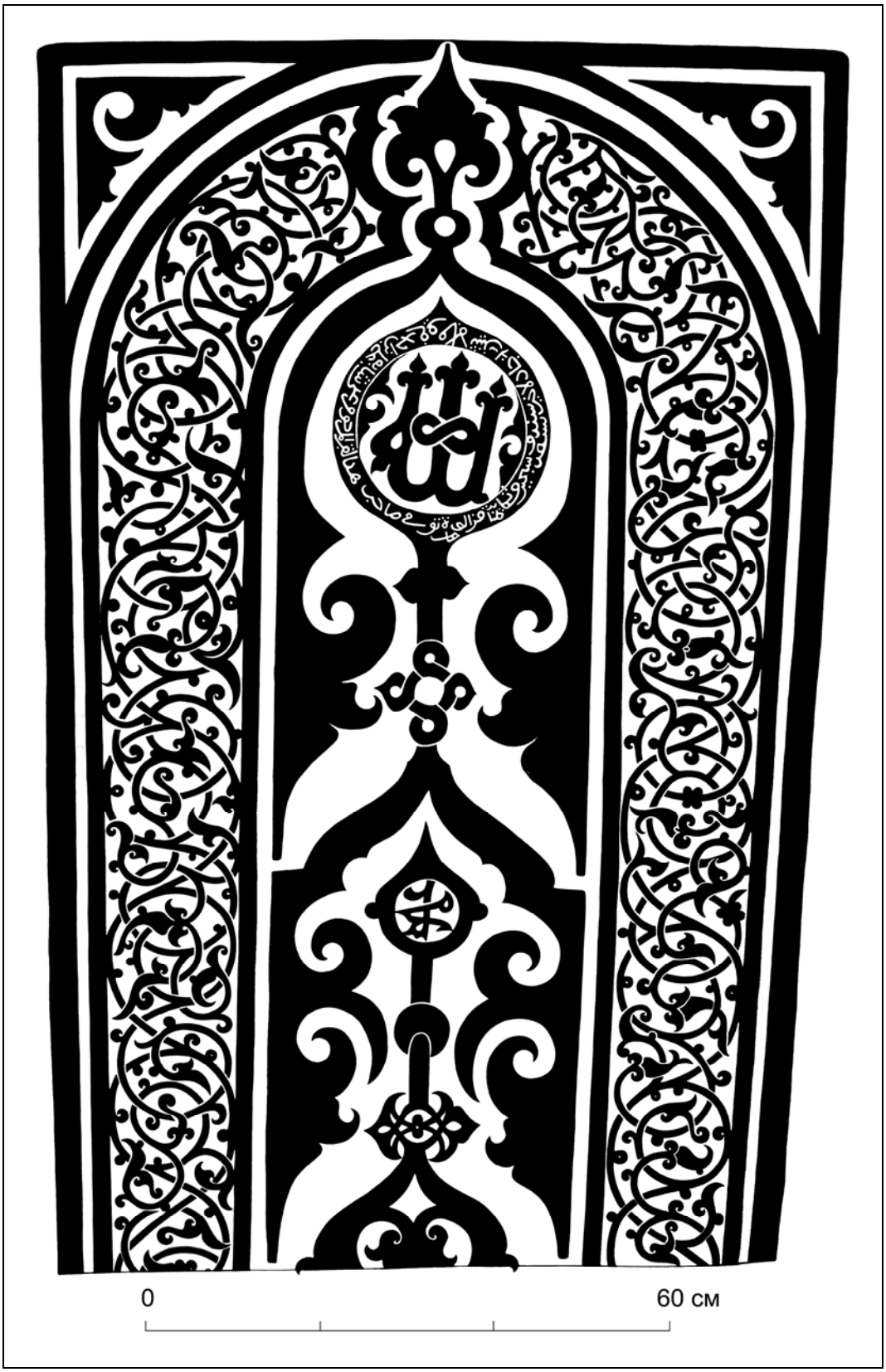


Рис. 2. Надмогильная стела 877 г.х. (1472 г.). Кладбище сел. Ашты Дахадаевского района Республики Дагестан. Рисунок выполнен по эстампажному отпечатку декора стелы.

Fig. 2. Gravestone stele 877 AH (1472). Cemetery of Ashty villages of Dakhadaevsky district of the Republic of Dagestan. The drawing is made according to the stamping print of the stele decor.

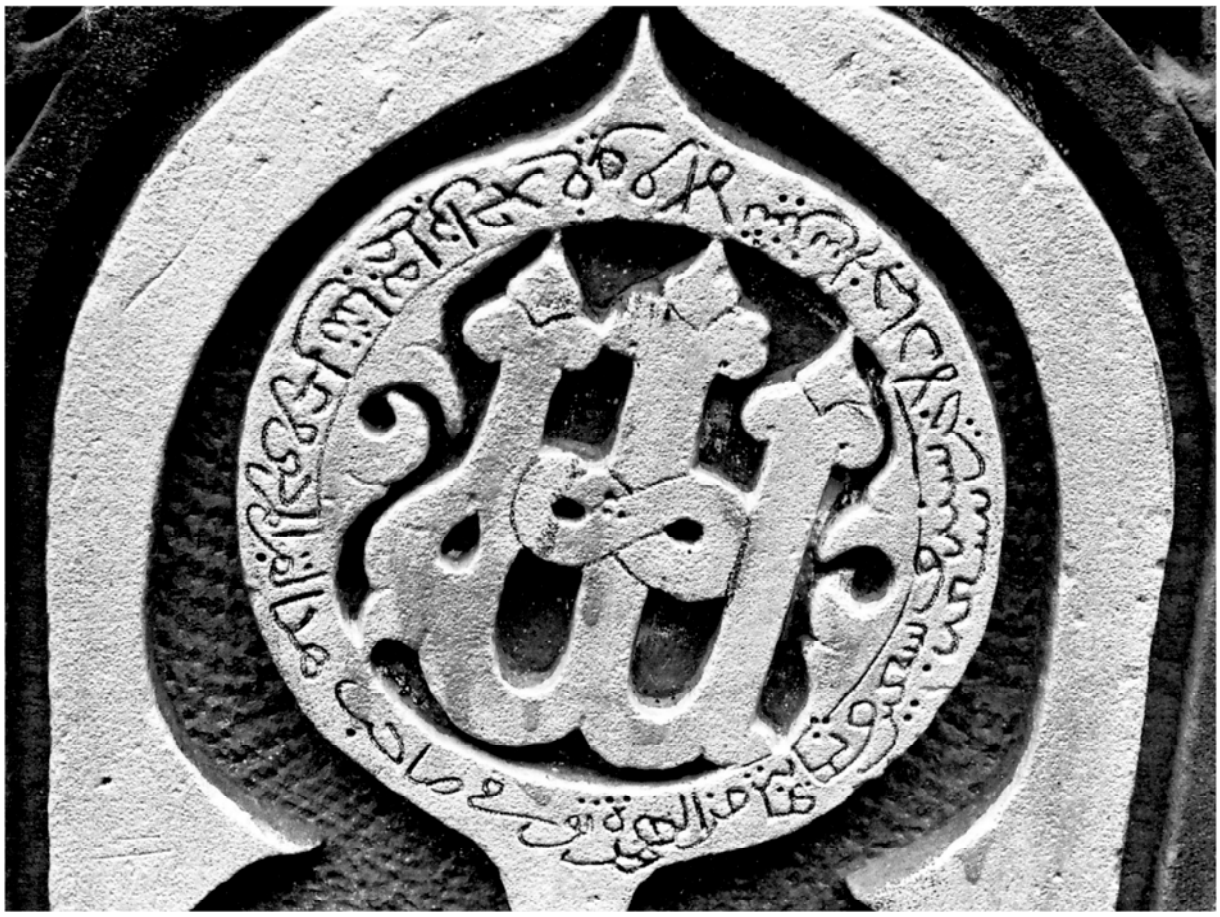


Рис. 3. Рельефный медальон в середине верхней части стелы с арабскими надписями: в центре — слово «Аллах», на кругу — эпитафия с именем погребенного Али сына Ахмада и датой — 877 г.х. (1472 г.). Фото автора, 2009 г.

Fig. 3. A relief medallion in the middle of the upper part of the stele with Arabic inscriptions: in the center — the word “Allah”, on the circle — an epitaph with the name of the buried Ali's son Ahmad and the date — 877 AH (1472). Photo by the author, 2009.

Рис. 4. Надмогильная стела XV в. на кладбище селения Ашты. Фото автора, 2009 г.

Fig. 4. Tombstone stele of the 15th century in the cemetery of the Ashty village. Photo by the author, 2009.

Рецензии и отзывы

Reviews

УДК 63.3
DOI: 10.53737/2713-2021.2022.88.33.023

А.Г. Еманов

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЩАВЕЛЕВ А.С. 2020. ХРОНОТОП ДЕРЖАВЫ РЮРИКОВИЧЕЙ (911—987). МОСКВА: АКВИЛОН*

В рецензии анализируется концепция политии Рюриковичей X в., предложенная старшим научным сотрудником Центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Отдела истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории РАН Алексеем Щавелёвым, разбирается ее хронология и пространственная структура, генеалогия ранних Рюриковичей и динамика их территориальной власти. Понятие «политии» вытесняет прежние нерелевантные для дохристианского времени понятия «Древняя Русь», «Киевская Русь», «Древнерусское государство». Основой для реконструкции политии Рюриковичей X в. послужили не столько «Повесть временных лет», хронология которой вызывает все большую критику, сколько «Тактика» византийского императора Льва VI Мудрого, трактат «Об управлении империей» правителя Византии Константина VII Багрянородного, письма советника Кордовского халифа Хасдая ибн Шапрута и др. Эта полития появилась в результате стохастических флуктуаций этно-социальной, событийной и персональной истории.

Ключевые слова: Рюриковичи, полития, хронотоп, росы, Ро́сия, Лев VI Мудрый, «Тактика», Константин VII Багрянородный, «Об управлении империей», Хасдай ибн Шапрут.

Сведения об авторе: Еманов Александр Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет.

Контактная информация: 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6, Тюменский государственный университет; e-mail: a.g.emanov@utmn.ru.

A.G. Emanov

BOOK REVIEW: SHCHAVELEV, A.S. 2020. CHRONOTOPE OF THE RURIKID POLITY (911—987). MOSCOW: AKVILON

The Review deals with Concept of Rurikid's Polity of the 10th c., proposed by Aleksei Shchavelev, Senior Researcher at the Center for Eastern Europe in the Ancient and Medieval World, Department of the History of Byzantium and Eastern Europe, Institute of General History, Russian Academy of Sciences, parses its Chronology and spatial Structure, the Genealogy of the early Rurikids and the Dynamics of their territorial Power. The Concept of "Polity" replaces the previous irrelevant for pre-Christian Times Notions "Ancient Russia", "Kievan Rus", and "Ancient Russian State". As a Basis for Reconstruction of Rurikid Polity in 10th c. served not so much "Primary Chronicle", which Chronology Causes all increasing Criticism, as "Tactics" by the Byzantium Emperor Leo VI the Wise, a Treatise "De administrando Imperio" by the Emperor Constantine VII Porphyrogenitus, letters of Adviser of Cordoba Caliphate's Grandee Hasdai ibn Shaprut and others. This Polity emerged as a Result of stochastic Fluctuations in ethno-social, event and personal History.

Key words: Rurikid, Polity, Chronotope, Rus', Rusia, Leo VI the Wise, "Tactics", Constantine VII Porphyrogenitus, "De administrando Imperio", Hasdai ibn Shaprut.

* Статья поступила в номер 25 августа 2022 г.
Принята к печати 19 сентября 2022 г.

© А.Г. Еманов, 2022.

About the author: Emanov Aleksandr Georgievich, Dr. habil. (History), Professor, Tyumen State University.

Contact Information: 625003, Russia, Tyumen, Volodarsky Str. 6, Tyumen State University; e-mail: a.g.emanov@utmn.ru.

Новая монография Алексея Щавелёва, молодого, но уже хорошо известного в исторической науке специалиста по проблемам проторусского политогенеза, подвергает радикальному пересмотру сложившиеся стереотипы ранней русской истории. Автор решительно порывает с нарративами «больших историй», транслировавшими имперские и квазиимперские марксистско-советского формата идеологемы знания-власти, объявляет масштабную аннигиляцию рекурсивных историографических клише, выявляет полиморфное территориально-родовое устройство социального мира Приднепровской низменности и Среднерусской возвышенности X в., обнаруживает плюральные сценарии исторического развития средневекового социума этого региона. Он категорически отказывается от привычных понятий «Древняя Русь», «Киевская Русь», «Древнерусское государство» применительно к изучению дохристианского прошлого разных этнических групп Днепровского речного бассейна. Вместо них исследователь вводит аутентичный для X в. термин «полития», каковым византийские авторы обозначали любые устойчивые политические образования ойкумены. В действительности, как справедливо отмечает ученый, эти политии Восточно-Европейской равнины были лишены хоть сколько-нибудь заметных признаков государственности, являлись неустойчивыми системами самых различных по природе, характеру и содержанию коммуникаций между племенными, родовыми и клановыми группами, между генеалогическими линиджами и тотемными объединениями, между линиями языковой преемственности и иными непрерывно менявшимися формами идентичности. Ἡ πολιτεία Рюриковичей была одной из множества соперничавших между собой политий в обозначенном регионе, она оказалась наиболее жизнеспособной, сумевшей возвыситься и вытеснить конкурентов.

Притязания автора основаны на ревизии привычных, давно известных повествовательных источников русского средневековья, активного расширения источникового фонда за счет привлечения византийских, латинских, скандинавских и восточных источников, представленных во Введении. Автор осознанно дистанцируется от использования археологических источников, настаивая на демаркации исторической и археологической картин прошлого, потому что историки чересчур доверяют радиокарбонным / углеродным датировкам археологов, считая их сверхнадежными, а археологи склонны «подгонять» свои относительные интервальные датировки под реперные точки исторических дат, в результате условности, искажения, ошибки множатся, как снежный ком. Впрочем, нумизматические, сфрагистические и эпиграфические источники, несмотря на их обусловленность археологическими раскопками, в рассматриваемой монографии активно анализируются.

Сомасштабна источниковой фундированности и историографическая проработанность проблемы. В монографии Алексея Щавелёва задействованы более 900 научных работ предшественников на английском, греческом, итальянском, немецком, норвежском, польском, русском, сербском, украинском, французском, хорватском, чешском и шведском языках. Наблюдения исследователя заметно отличаются от выводов классиков российской исторической науки Александра Преснякова (1870—1929), профессора кафедры русской истории Петроградского / Ленинградского университета, Михаила Приселкова (1881—1941), декана исторического факультета того же университета, Сергея Бахрушина (1882—1950), заведующего сектором истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР, члена-корреспондента АН

СССР, хотя он и позиционирует себя продолжателем заложенной ими традиции критического отношения к средневековому русскому летописанию. Ученый дискутирует с концепциями «родового сюзеренитета Рюриковичей» (corpus fratrum), выдвинутой Александром Назаренко (1948—2022), руководителем центра истории религии и церкви Института российской истории РАН, и «союза независимых правителей» (альянса архонтов), предложенной Александром Мусиным, ведущим научным сотрудником отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН. Оспаривает он и концепт «Русского каганата» Константина Цукермана, профессора византинистики Практической школы высших исследований в Париже, заявляя, что до X в. никакой Ро́сии / Руси не было даже в проекте.

От критического взора автора монографии не ускользнуло почти ни одно сколько-нибудь заметное исследование по проблемам Руси X в. Достаточно сказать, что им учтена даже курсовая работа «Норманны и Киевская Русь» Андрея Амальрика (1938—1980) (Амальрик 2018), студента 2 курса исторического факультета Московского университета, отчисленного в 1961 г. за обоснование норманнской теории, за ядовитые слова о трехсотлетнем «летаргическом сне» русов, за отвержение раннесредневековой русской истории VI—IX вв., за передатирование призвания Рюрика X в. Эта работа ставшего диссидентом Амальрика оказалась в библиотеке Университета Виргинии и была опубликована только более полувека спустя.

Известным ориентиром для Алексея Щавелёва служит исследование Клэр Даунхем (Downham 2007), профессора Института ирландских исследований Ливерпульского университета, по истории королевств викингов, которые справедливо рассматриваются им как образования — изоморфные политии Рюриковичей. Вслед за британским медиевистом, но на русском материале, он предпринимает реконструкцию аналитической хронологии событий, географических маркеров доминирования преемников Рюрика, просопографии окружавшей его элиты, генеалогии правящего рода, без чего история Ро́сии / Руси X в. остается пересказом научным метаязыком повествований средневековых летописцев.

В Главе I подвергаются пересмотру даты византийско-русских договоров, очень важные для реконструкции хронотопа политии Рюриковичей, то есть определения хронологических маркеров и триангуляции пространственных ориентиров. Русские летописи, в частности, «Повесть временных лет», созданная в начале XII в. и сохранившаяся в списках XIV—XVI вв., а также «Новгородская первая летопись», старший извод которой датируется XIII—XIV вв., оцениваются как искусственный и ненадежный источник, отягощенный к тому же «модернизаторской» в средневековом богословском духе дидактикой и публицистикой. Датировки «Повести временных лет» вплоть до 1061 г. — мифологичны, производны от суммирования эпической продолжительности жизни героев в 33 года. Ряд фрагментов летописного нарратива является результатом вторичного историографического конструирования составителей «Повести временных лет». В результате зафиксированные в летописи договоры Олега (879/882—912) 6415 г. и Игоря (912—945) 6453 г. признаны исследователем «псевдодоговорами», каковых в реальности не было. Сочтены достоверными только два договора и уточнены их даты — 2 сентября 911 г. между князем Киева Олегом и императором Византии Львом VI Мудрым (866—912), а также 21—24 июля 971 г. между киевским князем Святославом и византийским императором Иоанном I Цимисхием (969—976). Описания победоносных походов русских князей на Константинополь, после чего, якобы, непременно заключались договоры, являются пересказами известий византийских хроник и, следовательно, должны считаться источниками сугубо вторичными. В то же время летописи отразили вполне аутентичную историческую память элиты Ро́сии со всеми механизмами ее коррекции в пользу победителей.

Глава II посвящена анализу известий о русах в разделе «Ναυμαχικά» трактата «Τακτικά» ромейского ваисилевса Льва VI Мудрого, составленного в начале X в. и дошедшего до нас в манускриптах того же столетия. В самом раннем Медичейском кодексе середины X в. (Cod. Mediceo-Laurentianus Graec., 55, 4) этноним «рос» не приводился, содержалось только указание на «северных скифов», однако в Амброзианском кодексе второй половины X в. (Cod. Ambrosianus B119 sup) народ «рос» обозначался как разновидность «северных скифов». Здесь возможно допущение как вставки в более поздней копии, так и механический пропуск в ранней версии. Однако, как справедливо подчеркивает исследователь, грамматически и логически запись позднего копииста выглядит ясней и определенней, поскольку этниконы отчетливо различались по родовым и видовым определителям: сарацины — варвары и северные скифы — росы. Как раз росы характеризовались использованием быстрых и легких акатиев для плаваний по рекам и Евксинскому понту (Черному морю).

Глава III содержит тщательный разбор данных о пространстве деятельности русов в трактате Константина VII Багрянородного «Об управлении империей», составленном в 952—959 гг. лично императором при участии «анонимного сотрудника» и, возможно, «анонимного архивиста». Трактат существовал в одном-единственном экземпляре, предназначался для наследника, хранился в императорской библиотеке во дворце. Текст отразил несколько помет 979 г. неизвестного читателя, сохранился в копии 1053—1073 гг., выполненной писцом Михаилом Роизаитом для кесаря Иоанна Дуки (Cod. Paris. Gr. 2009). Ученый отвергает фантазии относительно существования «архива дрома», тематических «досье», считает лакуны следствием ограниченности познаний составителя, или внутренних моральных запретов на освещение военных столкновений с единоверцами. В этом тексте выявляются наиболее полные сведения о соседях росов, их центрах, доминировании над различными славянскими племенами.

В Главе IV анализируется эпистолярное наследие Хасдая ибн Шапрута, еврейского врача и советника Кордовского халифа Абд ал-Рахмана III (912/929—961). Одно письмо было адресовано мэлэху Хазарии Иосифу (930-е — 960-е), было составлено в 956—961 гг., отразило конфликты между евреями и христианами в Византии, проведение кампании по крещению евреев в Византийской империи и организацию силового давления на Хазарию, ближайшего соседа и конкурента русов. Другое письмо было адресовано самому Хасдаю ибн Шапруту, оно было отправлено безымянным хазарским корреспондентом из Константинополя в 955—956 гг. («Текст Соломона Шехтера», или «Кембриджский документ»). В нем говорилось о миграциях евреев из Персии и Армении в Хазарию, смешении с кочевниками—хазарами, принятии последними иудаизма, о союзе хазар с аланами, иудаизме последних, походе «мэлэха Ро́сии» Олега против хазар и аланов, поддержанного византийским императором Романом I Лакапином (920—944), и о последующем разгроме росов, а затем и смерти мэлэха Олега. Третье письмо сохранилось частично, адресовано Хасдаем некоей безымянной госпоже в Константинополе, которую ученый обоснованно идентифицирует с Анастасией-Феофано, вдовой Романа II Багрянородного (959—963), оно было написано в 963—964 гг. Фрагмент четвертого письма также не сохранил имя адресата, называл только его титул по-еврейски «великий мэлэх», каковым мог быть, по заключению исследователя, император Византии Константин VII Багрянородный (913—920, 945—959), либо его сын Роман II; дается надежная датировка этого послания — 959—961 гг. И в том, и в другом текстах также отражается тема столкновения интересов хазар и росов.

В Главах V—VI дается обоснование авторской концепции хронотопа политии Рюриковичей X в. Оно совершенно оправданно начинается с понимания этнонима «рос» / «русь». Прежде всего, это — аллоэтникон, то есть это — не самоназвание этнополитической группы, а ее обозначение в чужих, разноязычных традициях: «οἱ Ρῶς» в византийских текстах, «Rhos» в

латинских источниках, «רוסיא» в еврейском эпистолярии, «al-Rūs» в арабских географических нарративах. Так называли по преимуществу группы наемных воинов скандинавского происхождения, которые либо приглашались на службу разноэтничными и разноязычными территориально-племенными общностями Восточно-Европейской равнины, либо самостоятельно обосновывались в новых землях. Насколько остра проблема происхождения этникона «рос», говорят материалы только что состоявшейся дискуссии на страницах журнала «Этнографическое обозрение». Герман Дзибель, американский антрополог (Дзибель 2021), утверждает, что славянское слово «родичи» было заимствовано финнами как «*rōtsi», «*roðsmen», то есть «гребцы», и потом стало названием руси и шведов, приплывавших по Балтийскому морю. Он отмечает, что термин «русь» 270 раз упоминался в «Повести временных лет», и в 260 случаях соотносился со славянами, указывал на них как на ближайших родичей. Кирилл Максимович, научный сотрудник Университета имени Иоганна Гуттенберга в Майнце (Максимович 2021), продолжает отстаивать славянскую этимологию слова «русь» из праславянского «*roudsь», то есть «русый», «рыжий», указывая на рыжеволосость как отличительный признак групповой идентичности. Вячеслав Кулешов, доцент кафедры истории и мировой политики Тюменского университета (Кулешов 2021), отыскивает новые аргументы в пользу скандинавской этимологии. Этносоционим «рос» / «русь» производен от древнескандинавского этимона «rōþR», обозначая население прибрежной и островной части Упланда. Именно он, по убеждению Алексея Щавелёва, и был передан в древнерусских источниках в кириллической форме «роусь», или «рос» / «русь».

Сегодня отрицать скандинавский фактор в истории культурного пространства от Балтийского до Черного морей X—XI вв. невозможно. Выявлены более 70 археологических памятников скандинавского происхождения, более 1200 предметов «скандинавского» же вооружения, более 100 рунических надписей. В источниках «росы» могли соотноситься и со «свеонами», и с «германцами», и с «норманнами» («норд-маннами»), и с «варягами», и со «скифами», и со славянами. Их определяющими признаками были совершенное владение военным делом и техникой мореплавания. Трансформация руси в славянский народ в «Повести временных лет» оценивается исследователем как проекция ретроспективной реконструкции летописцем XII в., осуществленная на основе его представлений. Ученый справедливо говорит о «росах» X в. как о гибридных группах двойной идентичности: это — и пришельцы-скандинавы, воспринявшие язык и культуру славян, и местные жители, инкорпорированные в вооруженные формирования скандинавов, и потомки смешанных скандинаво-славянских браков.

Полития Рюриковичей, согласно фундаментально обоснованным в монографии выводам, сложилась в Среднем Поднепровье около 900 г. Ее центром выступал Киев / Самватас. Последний ойконим древнескандинавского происхождения указывал на «место встречи лодок». В политию изначально входили субординированные территории «лендзян» (полян), угличей и древлян. Названные славянские племена находились на положении «пактиотов», обязанных платить дань росам, при этом сохраняя самоуправление. Центром полян был Киев. Главным центром угличей выступал город Пересечень, а у древлян — Коростень. Сама полития Рюриковичей в первой половине X в. находилась в подчиненном положении у Патзинакии, «кочевой империи» печенегов. Впервые как субъект международных отношений и международного права полития Рюриковичей выступила в византийско-русском договоре 2 сентября 911 г., заключенном византийским императором Львом VI Мудрым, его братом-соправителем Александром (912—913), сыном-соправителем Константином VII Багрянородным и князем Киева Олегом. К середине X в. Рюриковичи аннексировали лимитрофные земли угличей и древлян, лишили их автономии, расширили свое господство на земли дреговичей, вервян, северян и даже кривичей. Маркерами их упрочившегося доминирования стали города

дреговичей Клеческ (Клецк) и Случеск (Слуцк), город северян Новгород-Северский и, наконец, Оковский лес кривичей. Новгород на Волхове, по выводам ученого, долго находился за пределами влияния киевских князей.

Во второй половине X в. господство политии Рюриковичей расширялось на Восток. Автор убедительно показал, что Святослав не воевал с хазарами на их основной территории и уж тем более не уничтожал Хазарию. Он аннексировал лишь одну пограничную крепость Белую вежу / Саркел, дабы подчинить своей власти вятичей, данников Хазарии. Победы Святослава над ясами-аланами, и касогами, племенами Восточного Причерноморья, интерпретируются в контексте борьбы за Саркел, когда аланы, исповедавшие то христианство, то иудаизм, и касоги, союзники хазар, подошли на его защиту на стороне Хазарии. Отмечаются контакты росов на Востоке с Черной Булгарией с центром в Суваре и Серебряной Булгарией со столицей в Булгаре.

В Главе VII уточняется хронология правления Рюриковичей языческой эпохи. Опорными хронологическими ориентирами истории политии Рюриковичей выступают, помимо византийско-русского договора 911 г., поход князя Игоря 941 г., поездка княгини Ольги в Константинополь в 946 г., либо 957 г., война князя Святослава с болгарами и византийцами на Балканах 968—969 гг., договор князя Святослава с византийским императором Иоанном Цимисхием 971 г. и, наконец, принятие христианства киевским князем Владимиром (978—1015) в 987 г. Собственно говоря, начальная и конечная даты и определяют хронологические рамки всего монографического исследования.

Весьма ценными видятся наблюдения Алексея Щавелёва о речной и морской навигации росов, использовавших широкий арсенал средств плавания того времени. Среди них были и скафидионы, лодочки, челноки, усовершенствованные росами с помощью уключин, весел, рулей, румпелей, мачт и парусов, и византийские памфилы, разновидность дромонов для перевозки воинов и коней, и средиземноморские каравии, и акатии, и моноксилы, однодеревки, и др.

Аргументацию исследования усиливают тщательно продуманные приложения — верифицированные даты истории политии Рюриковичей X в., генеалогия Рюриковичей X в., карты политии Рюриковичей начала X в. и середины X в. По-новому организованы библиография без привычного разделения на источники и литературу, а также указатель без традиционного дробления на личные имена, топонимы и index rerum.

Признавая значительный потенциал рассматриваемой монографии в обновлении существующего знания по проблемам проторусского политогенеза, хотелось бы высказать некоторые замечания. Прежде всего, по поводу классификации этносов Львом VI Мудрым в его «Тактике», где характеризовались сарацины и скифы (Щавелев 2020: 91—95). Автор верно замечает, что этниконы включали родовые и видовые индикаторы, однако их фиксация противоречит логике. В реальности, и сарацины, и скифы считались варварами, но не в античном контексте, как противостоявшие эллинам, или римлянам, а уже в обновленном средневековом осмыслении, как противостоявшие христианам. Подлинное различие между ними было географическое: скифы — северные варвары, а сарацины — южные варвары.

Затем, относительно множественности Патзинакии (Печенегии) в трактате «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного, которая делилась на 8 фем и на 40 частей (Щавелев 2020: 262). Число «40» в данном случае выступало не указанием на 40 родо-территориальных единиц, а просто — на их множество. Это — универсальный троп, встречавшийся повсеместно в домодерновых культурах: 40 номов Древнего Египта, 40 сатрапий Месопотамии, 40 крепостей средневекового Крыма, даже 40 городов дорусской Сибири.

Зачастую автор по инерции, принятой у историков-русистов, использует для обозначения византийского источника «Повести временных лет» название «Хроника» Георгия Амартола (Щавелев 2020: 68, 85), однако, этот византийский хронист жил веком раньше, завершил свой

жизненный путь в 872 / 873 гг. (Afinogénov 2004). В действительности, именем Георгия Амартола подписаны более 30 сохранившихся византийских хроник, основанных на его тексте и содержавших дополнения анонимных хронистов последующего времени. В данном случае речь могла идти только об одном из Продолжателей Георгия Амартола. По X в. основным источником для древнерусских летописцев начала XII в. был, конечно же, один из вариантов «Хроники» Симеона Магистра и Логофета.

Встречаются и мелкие погрешности. Скажем, фамилию основоположника византийской дипломатики, многолетнего директора Института византиноведческих исследований Мюнхенского университета Franz Dölger (1891—1968) лучше бы было транскрибировать по-русски «Дёльгер» (Щавелев 2020: 15). Или другой пример, в «Указателе» отсутствует Булгар, хотя в тексте этот топоним встречается (Щавелев 2020: 167). Или еще один казус, у византийского императора Константина X Дуки (1059—1067) после его смерти остались сыновья Михаил VII Дука (1071—1078) и Констанций Дука, а не Константин, да еще с тем же порядковым номером (Щавелев 2020: 118).

Впрочем, высказанные замечания носят частный характер, касаются, по сути, технических, инструментальных моментов. В целом, монография Алексея Щавелёва, без сомнения, представляет собой принципиально новую, всесторонне обоснованную концепцию генезиса одной из самобытных и обладавших высокой жизнеустойчивостью политий Восточной Европы.

Литература

Амальрик А.А. 2018. *Норманны и Киевская Русь*. Москва: Новое литературное обозрение.

Дзибель Г.В. 2021. О происхождении этнонима «русь» и рода Рюриковичей: взгляд на славяно-финско-скандинавское культурное пограничье IX—XI вв. с позиции антропологии родства. *Этнографическое обозрение* 4, 79—98.

Кулешов В.С. 2021. Еще раз о происхождении этносоционима «русь». *Этнографическое обозрение* 4, 106—110.

Максимович К.А. 2021. *Rodiči — ruotsi — русь: критические заметки к новой этимологии старого этноним. *Этнографическое обозрение* 4, 99—105.

Щавелев А.С. 2020. Хронотоп державы Рюриковичей (911—987). Москва: Аквилон.

Afinogénov D. 2004. Le manuscript Coislin gr. 305: la version primitive de la Chronique de Georges le Moine. *Revue des études byzantines* 62, 239—246.

Downham C. 2007. *Viking Kings of British and Ireland. The Dynasty of Ívarr to A.D. 1044*. Edinburgh: Dunedin Academic Press.

References

Amal’rik, A.A. 2018. *Normanny i Kiyevskaya Rus’ (Normans and Kievan Rus)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozreniye (in Russian).

Dzibel’, G.V. 2021. In *Etnograficheskoe obozrenie* 4, 79—98 (in Russian).

Kuleshov, V.S. 2021. In *Etnograficheskoe obozrenie* 4, 106—110 (in Russian).

Maksimovich, K.A. 2021. In *Etnograficheskoe obozrenie* 4, 99—105 (in Russian).

Shchavelev, A.S. 2020. *Khronotop derzhavy Ryurikovichey (911—987) (Chronotope of the Rurikid Polity (911—987))*. Moscow: Akvilon (in Russian).

Afinogénov, D. 2004. Le manuscript Coislin gr. 305: la version primitive de la Chronique de Georges le Moine. *Revue des études byzantines* 62, 239—246.

Downham, C. 2007. *Viking Kings of British and Ireland. The Dynasty of Ívarr to A.D. 1044*. Edinburgh: Dunedin Academic Press.

Список сокращений

АА	—	Археологический альманах. Донецк.
АВ	—	Археологические вести. Санкт-Петербург.
АН	—	Академия наук.
АН СССР	—	Академия наук СССР. Москва.
АН УССР	—	Академия наук УССР. Киев.
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград; Санкт-Петербург.
БИ	—	Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БС	—	Боспорский сборник. Москва.
БЧ	—	Боспорские чтения. Керчь.
ВВ	—	Византийский временник. Москва.
ВДИ	—	Вестник древней истории. Москва.
ВИ	—	Вопросы истории. Москва.
ВолГУ	—	Волгоградский государственный университет.
ВолГУ	—	Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ВШП	—	Великий Шёлковый путь.
ГИМ	—	Государственный исторический музей. Москва.
ГМИИ им. А.С. Пушкина	—	Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва.
ДБ	—	Древности Боспора. Москва.
ИА НАНУ	—	Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	—	Институт археологии Российской академии наук. Москва.
ИАЭТ СО РАН	—	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск.
ИВ РАН	—	Институт востоковедения Российской академии наук. Москва.
ИГАИМК	—	Известия Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград.
ИИАК	—	Известия императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИИМК	—	Институт истории материальной культуры. Санкт-Петербург.
ИИМК РАН	—	Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
ИРОМК	—	Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону.
КБН 1965	—	Струве В.В. (ред.). 1965. *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.
КИО	—	Культурно-историческая общность.
КИСЭПИ	—	Калмыцкий институт социально-экономического и правового исследования. Элиста.
КН МОН РК	—	Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Астана.
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии. Москва.

КХГ — Культурно-хронологический горизонт.
МАИАСП — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Нижневартовск.
МАИЭТ — Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Симферополь.
МАКК — Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь.
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург.
МБОУ — Муниципальное бюджетное образовательное учреждение.
МГУ — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
МИАД — Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону.
МИАР — Материалы и исследования по истории России. Москва.
МИИР — Материалы и исследования по истории России. Нижневартовск.
МНК — Международная нумизматическая конференция.
МОН РК — Министерство образования и науки Республики Казахстан. Астана.
НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Киев.
НАВ — Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НИР ИАЭТ СО РАН — Научно-исследовательская работа Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск.
НИЦ ИАК КФУ — Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Симферополь.
НМРК — Национальный музей Республики Казахстан. Астана.
ННЗ — Новгород и Новгородская земля.
НЭ — Нумизматика и Эпиграфика. Москва.
ПА — Поволжская археология. Казань.
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
ПЦФ — Программно-целевое финансирование.
РА — Российская археология. Москва.
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры. Ленинград.
РАН — Российская академия наук. Москва.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Москва.
РГИА — Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург.
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд. Москва.
РНФ — Российский научный фонд. Москва.
РО НА ИИМК РАН — Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук.

Санкт-Петербург.

РОМК — Ростовский областной музей краеведения. Ростов-на-Дону.

РСМ — Раннеславянский мир. Москва.

РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований. Москва.

СА — Советская археология. Москва.

САИ — Свод археологических источников. Москва.

СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград.

СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград; Санкт-Петербург.

СНСА — Система научно-справочного аппарата.

СОШ — Средняя образовательная школа.

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет.

СФУ — Сибирский федеральный университет. Красноярск.

УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН — Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН.

ФО НА ИИМК РАН — Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.

ХСб. — Херсонесский сборник. Симферополь; Севастополь.

AA — Archäologischer Anzeiger. Berlin.

ACSS — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden; Boston.

ASLSP — Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genova.

ASLSP. NS — Atti della Società Ligure di Storia Patria. Nuova serie. Genova.

BerRGK — Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Berlin.

BSS — Black Sea Studies. Aarhus.

CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum. Berolini.

CNRS — Centre national de la recherche scientifique. Paris.

CSIC — Consejo Superior de Investigaciones Científicas. Madrid.

IG — Inscriptiones Graecae. Berolini.

IGLSyr — Inscriptions grecques et latines de la Syrie. Paris.

IGUR — Inscriptiones Graecae urbis Romae. Romae.

IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et. Latinae. Saint Petersburg.

LIMC — Lexicon iconographicum mythologiae classicae. München.

LGPN — A Lexicon of the Greek Personal Nimes. Oxford.

RIC — Roman Provincial Coinage. London.

RN — Revue numismatique. Paris.

RPC — Roman Provincial Coinage. Oxford.

SAHMC — State Academy for the History of Material Culture. Saint Petersburg.

SEG — Supplementum epigraphicum graecum

ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Köln.

Авторам «Материалов по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья»

Авторы предоставляют рукописи статей в электронном виде. Высылаемый для публикации материал должен соответствовать следующим формальным требованиям:

1. Общие положения

1.1. Статья должна содержать следующие элементы:

- Имя, отчество, фамилию автора на русском и в английской транслитерации (например, как в заграничном паспорте);
- Сведения об авторе: ученые степени и звания, основные занимаемые в данный момент должности, адрес и e-mail для публикации в разделе «Сведения об авторах»;
- УДК;
- Название статьи;
- Резюме — 4—5 предложений, в которых изложены цели, методы и результаты работы, подчеркнуты новые и важные аспекты исследования.

Резюме является источником информации об основном содержании и изложенных в публикуемой работе результатах исследований; устраняет необходимость чтения полного текста работы в случае, если она представляет для читателя второстепенный интерес; используется в информационных системах для поиска документов и информации.

Резюме должно быть:

оригинальным, содержательным (отражать основное содержание работы и результаты исследований), структурированным;
компактным (укладываться в объем от 600 до 1500 символов с пробелами);
с адекватным и качественным переводом на английский язык (машинный перевод на английский язык не принимается и дает право редакции отклонить материал).

Резюме должно включать следующие аспекты содержания работы:

предмет, тема, цель работы (указываются в том случае, если они не полностью раскрыты в заголовке);
методы проведения работы (описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы);
результаты работы (приводятся основные результаты, авторские выводы, оригинальные открытия);
выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в работе.

В резюме следует избегать:

фраз, дублирующих заглавие работы;
общих слов, лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает…»), сложных грамматических конструкций;
общеизвестных положений;
сведений историографического характера, если они не составляют основное содержание работы, не приводить названия ранее опубликованных работ;

- Ключевые слова — 5—10 слов, характеризующих статью, по которым она будет индексироваться в электронных базах данных.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи и раскрывать следующие аспекты работы: регион, хронология, тематика, специальная терминология. По возможности не повторять термины заглавия и резюме. Использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и позволяющие расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы;

- Текст статьи. Ограничения по объему статей отсутсвуют;
- Иллюстрации (при необходимости) и подписи к ним с подробным отражением названия, датировки и проч.;
- Список сокращений;
- Необходимо приложить перевод на английский язык названия статьи, аннотации и ключевых слов.

1.2. Файлы текста статьи и иллюстраций отправляются по электронной почте (choref@yandex.ru). После получения материалов отсылается подтверждение.

2. Требования к оформлению

2.1. Текст статьи набирается через единичный интервал, отступ абзаца — 1 см, без автоматического переноса слов, абзацы форматируются по ширине. Для русского и английского текста следует использовать шрифт Times New Roman 11 кеглем.

2.2. При наличии текстов на древних языках рекомендуется использовать шрифты типа Unicode. При использовании автором других шрифтов для древних языков, их следует предоставить в редакцию МАИАСП вместе с текстом статьи.

2.3. Ссылки на общепринятый текст Священного Писания (Библии) даются в тексте в скобках. После сокращенного названия книги, которое дается без точки, затем следует указать главу и стихи. После указания главы ставится двоеточие. Например: (Мф. 3: 11—12).

2.4. При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т. е. при просмотре электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет–ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.5. Сноски должны иметь сквозную нумерацию по всей статье и располагаются внизу страницы.

2.6. Ссылки на иллюстрации помещаются в круглые скобки; в случае, если ссылка дается на отдельные позиции рисунка, их номера отделяются от номера рисунка двоеточием и пробелом и выделяются курсивом. Например: (рис. 1: *3*, 5: *7—9*).

2.7. Оформление списка литературы

Общий порядок	Фамилия и инициалы авторов, год выхода работы, название работы, название издания, где она была опубликована. Для монографий и сборников после названия указывается место выхода, а затем издательство, перед названием сборника обязательно указывается имя ответственного редактора. Для продолжающихся и периодических изданий указывается номер (отделяется от названия издания пробелом без точек и запятых). Для статей необходимо также указывать страницы (в конце после запятой).
Монографии	Яценко С.А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература. Sestini D. 1831. *Descrizione d'alcune medaglie greche del Museo del signore barone Stanislas di Chaudoir*. Firenze: Presso Guglielmo Piatti.
Статьи в сборниках	Жеребцов Е.Н. 2009. Раскопки базилики 1935 г. в Херсонесе. В: Беляев С.А. (отв. ред.). *Очерки по истории христианского Херсонеса*. Т. 1. Вып. 1. *Херсонес Христианский*. Санкт-Петербург: Алетейя, 139—149. von Kohler H.K.E. 1822a. Medailles Grecques. *Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Romische Alterthum*. Th. I. Saint Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1—29.
Статьи в продолжающихся периодических изданиях со сквозной нумерацией томов	Даниленко В.Н. 1966. Просопография Херсонеса IV—II вв. до н.э. (по эпиграфическим данным Северного Причерноморья). *АДСВ* 4, 136—178. Nadel B. 1977. Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan Kingdom in the Time of Emperor Diocletian Reconsidered. *Dialogues d'histoire ancienne* 25, 87—114.
Диссертации и авторефераты диссертаций	Шаров О.В. 2009. *Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV вв. н.э.)*: дисс. … д-ра ист. наук. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН. Кутимов Ю.Г. 2009. *Происхождение и пути распространения катакомбного погребального обряда (по материалам могильников бронзового века)*: автореф. дисс. … канд. ист. наук. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН.
Архивные материалы	РГИА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90
Ссылки на интернет-страницы	Нужно по возможности максимально следовать тем же требованиям, что и при оформлении библиографии печатных работ, обязательно указывая полный электронный адрес материала, включая название сайта и, если есть, дату публикации. Например: Коптев А.В. Античное гражданское общество URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261777086 (дата обращения 01.10.2015). При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т.е. при просмотре

электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет—ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.8. Ссылки на литературу помещаются в круглые скобки и оформляются следующим образом:

- если у работы один автор — (Фролова 1997: 215);
- если у работы два автора — (Smith, White 2004);
- если у работы более двух авторов — (Оверман и др. 1997: 59, рис. 1; Smith et al. 2007: fig. 33);
- на архивные материалы — (РГИА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16). Запятая между фамилией автора и годом выхода работы не ставится; в случае указания страниц они отделяются от года двоеточием и пробелом.

Авторы гарантируют отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций и т.п.

Все поступающие рукописи проходят рецензирование. После получения рецензий редакция сообщает автору о принятии или отклонении его материала (в последнем случае с объяснением причин, опираясь на заключения рецензентов), либо о необходимости доработок.

МАИАСП. № 14 (2022)
Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика.
2022. — 450 стр.

Подписано к печати 23.09.2022

Издательство «Киммерия»,
«МАИАСП» Р.Р.
Адрес: ул. Омская, д. 38, оф. 187,
г. Нижневартовск, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, 628602, Россия

Формат 60×84⅛. Гарнитура «Times».
Интернет-журнал. Заказ № 35.

Опубликовано в Издательстве «Киммерия»:
Адрес: ул. Омская, д. 38, оф. 187,
г. Нижневартовск, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, 628602, Россия

MAIASP. No. 14 (2022)
Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy.
2022. — 450 pp.

Endorsed for print September 23, 2022.

Cimmeria Publishing,
“MAIASP” Journal:
Address: 38 Omskaya St., ap. 187,
Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous Area — Yugra, 628602, Russia

Format 60×84⅛. Font “Times”.
Internet journal. Order No. 35.

Published in the Cimmeria Publishing:
Address: 38 Omskaya St., ap. 187,
Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous Area — Yugra, 628602, Russia

На обложке — фотография дна аттической чашки V в. до н.э., обнаруженной в ходе раскопок некрополя Глиное в 2016 г. (фото С.О. Симоненко).

The cover — the photo of bottom of Attic cup, 5th c. BCE discovered during the excavations of the Glinoe necropolis in the 2016 (photo by S.O. Simonenko).

ISSN 2713-2021
14
9 772713 202002